Додсли, Роберт

1-й экз.

УЧИТЕЛЬ,

ИЛИ

ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНІЯ,

ВЪ

которой предложены

ПЕРВЫЯ ОСНОВАНІЯ

НАУКЪ,

особенно нужныхъ молодымъ людямъ.

ВЪ

ДВѢНАТЦАТИ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

ЧАСТЬ II,

содержащая въ себѣ:

Отдѣленіе V, *Хронологія и Исторія.*
Отдѣленіе VI, *о Реторикѣ и Поэзіи.*
Отдѣленіе VII, *о Логикѣ.*
Отдѣленіе VIII, *о Физикѣ и Натуральной Исторіи.*

Переводъ
съ третіяго Нѣмецкаго изданія, исправленнаго
и умноженнаго Профессорами
Іоганномъ Маттіасомъ Шрекомъ
и
Іоганномъ Іакобомъ Эбертомъ.

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова.
1789.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Учитель или Всеобщая Система Воспитанія, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

Антонъ Барсовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ХРОНОЛОГІЯ и ИСТОРІЯ.

ХРОНОЛОГІЯ

И

ИСТОРІЯ.

Учитель. Наставленія, доселѣ мною тебѣ преподаваемыя, любезный мой ученикъ, могутъ почитаемы быть только *введеніемъ*, и должны были пріуготовить тебя къ вышшимъ наукамъ. Теперь предлежитъ мнѣ начать важнѣйшее дѣло: наполнять умъ твой основаніями истиннаго знанія, наставить тебя въ мудрости и добродѣтели, и провести по полямъ *учености* и *наукъ*. Я начну съ наставленія въ *той наукѣ, которая паче всѣхъ другихъ способна къ содѣланію человѣка знающимъ, благоразумнымъ и добродѣтельнымъ*. Ибо сіе есть самой главной предметъ воспитанія, и должно полагаемо быть основаніемъ всѣхъ прочихъ нашихъ знаній, естьли мы хотимъ, чтобъ они приносили пользу либо самимъ намъ, либо другимъ, съ кѣмъ дѣло имѣемъ. Естьли основанія добродѣтели и благоразумія глубоко впечатлѣны въ умѣ, то уже малаго труда стоитъ обогащать его другими полезными частями знанія. Ибо только отвращеніе отъ наукъ, или недостатокъ вкуса и склонности къ онымъ, причиняетъ по большей части тѣ затрудненія, какія обыкновенно находимъ мы въ обученіи юношества. Но умъ, пріуготовленный надлежащимъ образомъ благородными и похвальными мыслями, не удобенъ ко принятію толь постыднаго и для него оскорбительнаго впечатлѣнія.

Ученикъ. Я совершенно увѣренъ въ истинѣ сказаннаго вами, и часто самъ разсуждалъ, что родители мои пекутся объ успѣхѣ моемъ въ наукахъ, зная, что то служитъ къ моему благополучію. И по тому я весьма радъ, что вы упомянули о такой наукѣ, которая по-

служитъ къ сдѣланію меня знающѣе и мудрѣе, и которая истребитъ все отвращеніе отъ ученія, какое во мнѣ еще оставалось, и можетъ возбудить снова мою ревность, увѣривъ меня, что стараніемъ о пріобрѣтеніи учености и знанія споспѣшествую собственной своей пользѣ. Но какаяжъ эта наука?

Учитель. *Исторія.*

Ученикъ. Исторія? какъ можетъ она имѣть цѣлію то, чтобъ сдѣлать человѣка мудрѣе и добродѣтельнѣе?

Учитель. Потерпи. Я долженъ объяснять тебѣ это мало по малу, дабы ты отъ времени до времени болѣе усматривалъ выгоды, какія отъ сея части учености получать можно, и узналъ бы совершенно, коль многоразличную пользу она приноситъ.

Ученикъ. Исторія мнѣ не совсѣмъ незнакома; я часто съ удовольствіемъ читаю повѣсти о древнихъ народахъ, особливожъ о Греческомъ и Римскомъ, и великіе люди, которые въ нихъ были, по большей части мнѣ довольно извѣстны.

Учитель. Очень хорошо; тѣмъ охотнѣе будешь ты слушать то, что я о сей матеріи говорить буду. Ибо я напомню тебѣ только тѣ произшествія, которыя ты уже знаешь, и пріобщу къ нимъ разсужденія, которыя, вѣроятно, при чтеніи не приходили тебѣ на умъ. Безъ сомнѣнія тебѣ пріятно будетъ увидѣть сіи произшествія представленныя въ новомъ видѣ и съ новыми обстоятельствами. Я ни мало не порочу твоего разсудка, думая, что доселѣ войны, сраженія и блестящія дѣла древнихъ героевъ почиталъ ты заслуживающими вниманіе твое паче всего. Такія дѣла естественно производятъ сильное впечатлѣніе въ молодыхъ умахъ, чему не должно дивиться, ибо люди и совершенныхъ лѣтъ весьма легко оными плѣняются. Коль многіе удивляются характерамъ Александра и Юлія Цезаря, какъ самымъ славнѣйшимъ въ древней исторіи не по иному чему, какъ только по многимъ побѣдамъ, ими одержаннымъ, и по великому воинскому искусству, которымъ они у потомства прославились! Не судятъ о нихъ, какъ о причинителяхъ нещастія толь многихъ тысячь; какъ о

такихъ людяхъ, которые изъ честолюбія, или въ удовлетвореніе сладострастію, разоряли цѣлыя земли, куда ни приходили, повсюду опустошеніе распространяли, и у великаго множества народа похищали то, что каждому всего любезнѣе и драгоцѣннѣе было. Сіи разсужденія, говорю я, часто не приходятъ на умъ и самымъ разумнѣйшимъ и мудрѣйшимъ людямъ; а тѣмъ менѣе можно ожидать оныхъ отъ молодыхъ умовъ, ослѣпляемыхъ блескомъ великихъ дѣлъ. И такъ я охотно извиняю тебя въ томъ, что читая описанія жизни сихъ славныхъ полководцевъ и другихъ мужей, упоминаемыхъ въ Исторіи, судилъ ты о людяхъ и дѣлахъ ихъ не иначе, какъ тебѣ по твоему возрасту и несовершенному еще разуму судить надлежало. Но теперь уже время отложить сіи предразсужденія, и учиться различать въ самомъ дѣлѣ достойное почтенія въ человѣческомъ характерѣ отъ того, что въ немъ хулу заслуживаетъ; дабы ты, отдавая справедливость великимъ способностямъ, храбрости и благоразумію, какъ такимъ качествамъ, которыя сами по себѣ достойны почтенія, не забывалъ при томъ порочить несправедливаго употребленія оныхъ. Ибо коль великая разность между человѣкомъ употребляющимъ отмѣнныя дарованія свои на споспѣшествованіе добродѣтели и на увеличеніе благополучія рода человѣческаго, и между такимъ, которому сіи дарованія служатъ только къ удовлетворенію порокамъ и страстямъ его, и которому преимущественныя его способности доставляютъ только случай къ дѣланію большей неправды. Но кромѣ старанія исправить ложныя понятія, полученныя можетъ быть тобою отъ бѣглаго сужденія, и кромѣ указанія, какъ должно судить о прошедшихъ приключеніяхъ, я буду еще стараться научить тебя такому употребленію Исторіи, чтобъ она внушила тебѣ правила благоразумія и мудрости, по которымъ могъ бы ты располагать жизнь свою; чтобъ представила тебѣ побужденія къ добродѣтели, и возбудила бы въ тебѣ омерзеніе къ пороку.

Ученикъ. И такъ надобно учиться Исторіи сколько возможно ранѣе?

Учитель. Это правда; Исторіи должно учиться прежде многихъ другихъ частей учености, и она должна служить введеніемъ въ оныя. *Она соразмѣрна способностямъ юношества и сообразна свойству ума его.* Ибо можно читать Исторію не только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ *научиться*, но и *для забавы*; великажъ тайна воспитанія въ томъ состоитъ, чтобъ умѣть сдѣлать ученость пріятною, дабы умъ получилъ къ ней склонность и плѣнился бы ею, и дабы склонностію и удовольствіемъ понуждаемъ былъ прилагать къ ней старание. Сверьхъ того нѣтъ иной науки, которая бы удобнѣе была къ возбужденію *любопытства*, которое есть не иное что, какъ желаніе познанія, и по тому должно быть рачительно обозряемо. И такъ разсуди, любезный мой, что читая Исторію, обогатишь память свою множествомъ пріятныхъ и полезныхъ произшествій, чѣмъ не только можешь удовлетворить любопытству, но и сдѣлать сердце и разумъ свой лучшими. Помысли о душѣ своей и о склонностяхъ, какія въ ней чувствуешь. Когда показываютъ тебѣ новой и необыкновенный предметъ, съ какою нетерпѣливостію стараешься ты разсмотрѣть всѣ его части и узнать свойство его и пользу! Ты находишь удовольствіе въ томъ, чтобъ имѣть болѣе знакомыхъ и знать всѣ ихъ забавы. Сія склонность похвальна и заслуживаетъ отмѣнное одобреніе. Мнѣ должно только стараться дать ей надлежащее направленіе и обратить ее ко благороднымъ и достойнымъ изслѣдованіямъ. Когдажъ малое твое знакомство когда немногіе предметы, тебя окружающіе, и немногія нынѣшнія приключенія подаютъ уже тебѣ случай къ изслѣдованіямъ, и ты съ пріятностію ими занимаешься; когда они могутъ довольно возбуждать твое любопытство: то коль болѣе удовольствія надлежитъ надѣяться отъ распространенія предѣловъ сего познанія; отъ того, когда ты можешь видѣть старанія, упражненія и склонности людей всѣхъ временъ и всякихъ состояній; когда будешь преселяться къ отдаленнымъ націямъ, проходить обширныя страны земли, и преслѣдовать великой рядъ временъ, отъ сотворенія міра одно за другимъ послѣдова-

довавшихъ! Сію великую выгоду будешь имѣть учась Исторіи. Она представляетъ намъ всѣ земли, всѣ времена и произшествія, и нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ насъ *свидѣтелями удивительныхъ перемѣнъ и приключеній*, въ разныя времена въ мірѣ происходившихъ. Читая извѣстія о прошедшихъ вѣкахъ, мы переселяемся къ первому происхожденію вещей, и какъ бы новую жизнь начинаемъ. Мы видимъ, какъ міръ изъ ничего происходитъ, кѣмъ обитаемъ онъ въ дѣтствѣ своемъ, какъ онъ разоряется и опустошается потопомъ, и какъ вновь населяется. Усматриваемъ *происхожденіе и учрежденіе Государствъ и Республикъ*; примѣчаемъ, какъ они начинались, цвѣли и упадали, и нѣкоторымъ образомъ знакомимся съ великими людьми, споспѣшествовавшими симъ важнымъ перемѣнамъ. Въ семъ-то случаѣ особенно, разсматриваніе дѣлъ и поступковъ жившихъ прежде насъ людей, и изслѣдованіе великихъ ихъ предпріятій, добродѣтелей и пороковъ, *обогащаетъ умъ нашъ мудрыми основаніями и разсужденіями*, и дѣлаетъ его способнымъ извлекать изъ оныхъ самыя лучшія и необманчивыя правила для расположенія жизни своей, какъ въ публичныхъ, такъ и въ приватныхъ дѣлахъ.

Ученикъ. Но какъ выводятся изъ Исторіи сіи основанія и правила для расположенія жизни?

Учитель. Сія матерія была бы слишкомъ продолжительна, естьлибъ трактовать ее во всемъ ея пространствѣ; но я предложу только нѣкоторыя важныя примѣчанія. Вопервыхъ: Исторія есть изображеніе рода человѣческаго во всѣхъ различныхъ обстоятельствахъ и классахъ жизни; ибо она представляетъ намъ характеры, замыслы и намѣренія человѣческія, и слѣдствія оныхъ: а по тому очевидно служитъ она къ распространенію разума и къ сохраненію людей отъ предразсудковъ и худыхъ впечатлѣній, толь легко при воспитаніи получаемыхъ, и отъ владычествующихъ пороковъ того времени, въ которомъ они живутъ. Молодымъ людямъ почти невозможно не занимать многаго изъ нравовъ и мыслей тѣхъ, съ кѣмъ они обходятся. Когдажъ богатство, почести и пышность въ образѣ жиз-

ни суть главные предметы старанія человѣческаго и паче всего прославляемы бываютъ, то легко усмотрѣть, какія бы слѣдствія сіе имѣло, и коль бы скоро содѣлывались мы склонными ко принятію впечатлѣній честолюбія и корыстолюбія. Мы видимъ, что людямъ, имѣющимъ богатство и большую власть оказывается отмѣнное уваженіе; всѣ къ нимъ приближающіеся льстятъ имъ и превозносятъ ихъ похвалами; они толико всѣми почитаемы, что прочіе поставляютъ себѣ за честь участвовать въ ихъ благосклонности, и гордятся тѣмъ, что принадлежатъ къ числу друзей ихъ, Сіе даетъ намъ поводъ приписывать въ самомъ дѣлѣ высокую цѣну тому, къ чему видимъ отъ всякаго почтеніе, и соединять со внѣшними выгодами жизни нѣкоторыя понятія достоинства и доброты, хотя онѣ и не зависятъ отъ насъ и намъ собственно не принадлежатъ. Но разсматриваніе произшествій вѣковъ прошедшихъ паче всего дѣлаетъ насъ способными исправлять ложныя сіи понятія, и справедливо судить о томъ, что удивленіе и похвалу заслуживаетъ. Ибо Исторія показываетъ намъ многіе примѣры такихъ людей, которые надѣлали много шуму въ мірѣ, при жизни своей находились въ отмѣнномъ почтеніи и получали величайшія почести, а нынѣ съ поношеніемъ и хулою поминаются. Напротивъ того другіе, наслаждавшись въ тишинѣ приватною жизнію безъ суетной пышности, ослѣпляющей низкія души, были удовольствіемъ всѣхъ тѣхъ, которые ихъ знали, и потомству оставили по себѣ утѣшительную память. Причину сего найти удобно. Не состояніе заслуживаетъ похвалу мудрыхъ и корысти не ищущихъ людей, но добродѣтели, украшающія состояніе. И такъ естьли имѣешь желаніе пріобрѣсть себѣ разумное и постоянное почтеніе, то изъ опытовъ прежнихъ временъ научиться можешь, что тебѣ должно стараться о пріобрѣтеніи не знатныхъ почестей, но тѣхъ отличительныхъ качествъ, которыя содѣлаютъ тебя способнымъ вести жизнь достойную удивленія. Съ симъ украшеніемъ и въ приватномъ состояніи почтенъ будешь, и получишь много похвалы, когда позовутъ тебя къ публичнымъ должностямъ.

стомъ. Разсуди же, не самое ли важнѣйщее правило жизни человѣческой есть то, чтобъ охранять умъ свой отъ заблужденій черни и отъ льстиваго гласа страстей, и склонять его ко вниманію кроткому гласу разсудка и истины. Ибо чрезъ то человѣкъ познаетъ, какъ должно основательно судить о великихъ и добрыхъ дѣлахъ, и усмотрѣвъ, что добродѣтель и правдивость суть единые способы ко пріобрѣтенію истинной и постоянной славы, положитъ ихъ основаніемъ всѣхъ дѣлъ своихъ.

Но Исторія не только симъ образомъ побуждаетъ насъ стремиться къ тому, что истинно велико и похвалы достойно; она бываетъ *и самою вѣрною водительницею, проводящею насъ чрезъ всѣ лабиринты жизни.* Она показываетъ намъ, отъ какихъ средствъ и предпріятій можно надѣяться щастливаго окончанія приключеній, и какими поступками люди въ погибель ввергались. Наконецъ мы научаемся изъ нея недовѣрять самимъ себѣ и охранять себя отъ опаснѣйшихъ враговъ, то есть страстей нашихъ. Бываетъ нѣкоторое безсиліе души, дѣлающее человѣка рабомъ владычествующей его склонности, которое не только производитъ неустройство и нещастіе въ фамиліяхъ, но часто и цѣлыя земли и государства разоряетъ. Такіе примѣры, случающіеся въ Исторіи весьма часто, удобнѣе всего къ побужденію человѣка быть осторожнымъ и къ увѣренію его въ великой важности воздержанія и умѣренности. Избѣгать глупости есть начало мудрости, говоритъ одинъ славной стихотворецъ. Равнымъ образомъ приведеніе души своей въ безопасность отъ нападеній порока, и загражденіе всѣхъ проходовъ, которыми порокъ могъ бы къ ней приближиться, есть начало добродѣтели. Человѣкъ пріобрѣтшій совершенную власть надъ самимъ собою, знающій, когда онъ долженъ уступать своимъ желаніямъ, и когда ихъ воздерживать, положилъ твердое и непоколебимое основаніе блаженству своему; имѣя внутренній миръ, будетъ онъ безопасно наслаждаться душевнымъ спокойствіемъ, котораго бури и волненія страстей никогда нарушить не могутъ. Изъ сихъ и подобныхъ симъ правилъ благоразумія, представленныхъ въ Исторіи, которыя,

торыя, читая оную, часто самъ открывать можешь, научишься ты заблаговременно узнавать душу свою, склонности ея, похотѣнія и желанія, дабы покорять способности ея уму, и приводить страсти свои въ совершенное съ нимъ согласіе: ибо сіе есть источникъ добродѣтели и благоустроенной жизни. Чрезъ то не только будешь ты во всякомъ состояніи исполнять должность свою со всеобщею похвалою, но и можешь успокоиваться въ разсужденіи настоящихъ случаевъ и произшествій, которыя прежде можетъ быть причиняли тебѣ немалое неудовольствіе.

Я объясню мысли мои извѣстнымъ примѣромъ. Родители твои весьма къ тебѣ милостивы; всякой день получаешь ты доказательства ихъ любви; однакожъ не удовлетворяютъ они всѣмъ твоимъ желаніямъ. Юношеское тщеславіе часто заставляетъ тебя желать всякихъ нарядовъ, какіе бываютъ у дѣтей твоего возраста; но родители твои иногда воздерживаютъ сію возрастающую въ тебѣ склонность, и ты получаешь отказы. Въ такихъ случаяхъ иногда бываешь ты весьма недоволенъ, и почитаешь поступокъ родителей своихъ суровымъ, несправедливымъ и строгимъ. Но, когда изъ сея науки, о которой мы теперь говоримъ, узнаешь ты худыя слѣдствія, какія долженъ испытывать человѣкъ не привыкшій заблаговременно терпѣливо сносить противорѣчія; когда усмотришь, сколь удобно такой человѣкъ получаетъ худые навыки, и совсѣмъ неспособенъ бываетъ къ воздержанію и преодолѣнію своихъ желаній, къ чему въ общежитіи толь часто находитъ случай: тогда самъ ты усмотришь мудрость своихъ родителей, и оправдаешь ихъ въ томъ, что они заблаговременно пріучаютъ тебя къ сей добродѣтели, и почитаютъ то за щастіе, что находятъ въ тебѣ способность къ обладанію самимъ собою, о чемъ впредь въ жизни своей ты паче всего стараться долженъ.

Ученикъ. Въ самомъ дѣлѣ вы сказали мнѣ такой примѣръ, который дѣлаетъ во мнѣ сильное впечатлѣніе. Естьлибъ я прежде когда нибудь объ этомъ разсуждалъ,

что избавился бы отъ многихъ огорченій, которыя по крайней мѣрѣ тогда были для меня весьма тягостны.

Учитель. Хорошо, что ты уже начинаешь увѣряться въ сихъ истинахъ. Опытъ и вниманіе безъ сомнѣнія впечатлѣютъ ихъ глубоко въ душѣ твоей. Но обратимся къ нашей матеріи. Изъ сказаннаго мною видишь ты, что *Исторія лучше всего можетъ научить насъ тому, что во всякихъ состояніяхъ въ жизни для насъ пристойно и похвально*, и какъ должно намъ поступать соотвѣтственно своему достоинству, естьли щастіе будетъ къ намъ благосклонно и надѣлитъ насъ знатностію и властію. Но также самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ покажетъ она тебѣ и непостоянство всего земнаго, и чрезъ то пріуготовитъ тебя къ великимъ перемѣнамъ, которыя въ жизни твоей случиться могутъ. Ибо читая лѣтописи прошедшихъ временъ, найдешь, что не только частные люди и поколѣнія испытывали такія перемѣны, но и великія Королевства и сильныя Имперіи сей же участи были подвержены. Греція и Римъ, толико славившіяся прежде непобѣдимыми войсками, славными полководцами и пространствомъ владѣній своихъ, нынѣ равны съ другими народами, и даже пали отчасти въ самое подлѣйшее рабство. Искусства и науки, въ толь высокой степени у нихъ процвѣтавшія и распространявшія толь далеко славу ихъ, нынѣ почти совсѣмъ перешли въ другія страны, и послужили къ извлеченію ихъ изъ неизвѣстности, въ которой онѣ долго были сокрыты. Когдажъ великія и сильныя государства подвержены симъ перемѣнамъ, то не должно ли ожидать оныхъ въ судьбѣ частныхъ людей? И коль полезна наука не только подающая намъ наставленіе, какъ должны мы вести себя при нечаянномъ возвышеніи и въ щастливыхъ обстоятельствахъ, но и ограждающая насъ противъ непріятныхъ приключеній такъ, чтобы никакая перемѣна щастія не могла нарушить всегда одинакаго спокойствія души нашей? Ибо въ Исторіи находимъ множество примѣровъ такихъ людей, которые сперва отправляли со славою публичныя должности, а по томъ и приватною жизнію толикожъ прославились. Другіе

гіе изъ великаго богатства вдругъ пали въ нищету; но поведеніемъ своимъ и низкому и презрѣнному состоянію новое сіяніе сообщили. Такіе примѣры Исторія намъ представляетъ. Послѣдуя онымъ, во всякихъ обстоятельствахъ великъ, мудръ и почтенъ будешь. Когда позовутъ тебя къ публичнымъ должностямъ, ты въ состояніи будешь отправлять ихъ со славою, и зная непостоянство судьбы человѣческой, не попустишь никакой склонности овладѣть тобою такъ, чтобы при перемѣнѣ щастія она могла нарушить равновѣсіе души твоей. Благоустроенный духъ никогда не омрачается щастіемъ: онъ всегда смотритъ на будущее, и усматривая возможность перемѣны, готовится подвергнуться ей безъ роптанія и печали.

Прежде, нежели оставлю сію матерію, должно мнѣ сдѣлать еще слѣдующее примѣчаніе: Исторія доставляетъ намъ свѣдѣніе о *разныхъ характерахъ людей*, и открываетъ ихъ намѣренія, выгоды и предпріятія. Посредствомъ сего узнаемъ различные лабиринты и кривизны сердца человѣческаго, и какъ бы вступаемъ въ обращеніе съ міромъ, не принимая еще участія въ дѣлахъ его и приключеніяхъ. Не нужно мнѣ изъяснять, сколь выгодно будетъ сіе для тебя впредь въ разсужденіи расположенія жизни твоей. Естьли бы вступилъ ты въ свѣтъ не зная обычаевъ его, не имѣя ни малаго свѣдѣнія о свойствѣ и характерахъ людей, то при всякомъ случаѣ подвергался бы опасности быть обманутымъ, и только опытъ и прежнія ошибки привели бы тебя въ состояніе разсуждать справедливо въ сомнительныхъ обстоятельствахъ и приключеніяхъ. Самъ не зная обмана, не сталъ бы ты никогда подозрѣвать другихъ, и по тому открывая сердце свое всякому безъ различія, подавалъ бы корыстолюбивымъ и лукавымъ людямъ случай завлекать тебя въ ихъ сѣти. Но Исторія служитъ въ семъ случаѣ благодѣтельнымъ и надежнымъ учителемъ: изъ нея научаемся мы опытомъ другихъ, сами не подвергаясь опасности; видимъ страсти человѣческія, выгоды однихъ противныя выгодамъ другихъ, и всѣ хитрости, какими люди другъ друга обманы-

обманываютъ; научаемся остерегаться ласкательства, убѣгать распространяющагося порока, гнушаться обращенія съ распустными и порочными людьми, и стараться быть въ сообществѣ только съ мудрыми и добродѣтельными. Скажи мнѣ, не должно ли желать такихъ выгодъ, и не познаешь ли изъ сего, сколь важно изученіе Исторіи и достойно твоего вниманія?

Ученикъ. Я былъ бы весьма тупъ, естьлибъ не усмотрѣлъ еще этого, и послѣ сдѣланнаго вами описанія вы не можете удивляться тому, что каждая минута кажется мнѣ теперь весьма долга, пока я со всею прилѣжностію начну учиться сей наукѣ. И такъ поспѣшите исполнить свое обѣщаніе, и дать мнѣ наставленіе, какъ долженъ я учиться, чтобъ получить большую пользу отъ той науки, къ которой приступаю.

Учитель. Это моя должность, и я съ удовольствіемъ ее исполню. Но сперва надлежитъ мнѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Исторія есть повѣствованіе о прошедшихъ событіяхъ и о приключеніяхъ, происходившихъ въ разныхъ земляхъ и въ теченіи лѣтъ одно за другимъ послѣдовавшихъ: того ради хотящему наслаждаться совершенными и зрѣлыми отъ нея плодами необходимо нужно пріобрѣсть предварительное свѣдѣніе о порядкѣ временъ и о разныхъ народахъ и государствахъ, въ которыхъ оныя событія происходили. Ибо при семъ можно видѣть, что часто великія приключенія въ одномъ столѣтіи подавали случай къ происходившимъ въ другомъ столѣтіи, или были въ тѣсной связи съ оными. По сей причинѣ мы будемъ имѣть весьма только безпорядочное понятіе о происхожденіи и разрушеніи государствъ, и объ учрежденіи правительствъ, естьли не получимъ полнаго общаго понятія обо всемъ теченіи времени, дабы могли мы не только означать точно связь событій, но и приводить ихъ въ тѣ періоды и раздѣленія, которыя всю цѣпь событій правильно и порядочно зрѣнію нашему предлагаютъ. Сію часть наукъ ученые называютъ *Хронологіею*, или *лѣтосчисленіемъ*, и въ ней трактуется о времени. Положеніе государствъ въ отношеніи къ положенію другихъ, также различныя

ихъ

ихъ выгоды и намѣренія, часто подавали случай къ войнамъ, разореніямъ и другимъ примѣчанія достойнымъ произшествіямъ. И такъ желая усматривать ясно причины сихъ раздоровъ, бывавшихъ въ мірѣ, и знать побужденія, по какимъ каждой государь дѣйствовалъ, необходимо должны мы получить свѣдѣніе о раздѣленіи земли, о пространствѣ государствъ и другихъ областей, о меньшихъ раздѣленіяхъ оныхъ и связяхъ. Ибо изъ сего будемъ усматривать, какъ удобное положеніе одной земли или провинціи въ отношеніи къ другой возбуждало честолюбіе въ сильной и властолюбивой сосѣдней націи, и причиняло жестокія войны и раздоры, иногдажъ пролагало путь къ составленію великихъ государствъ, когда одна нація убыткомъ другой увеличивалась. Сія вѣтвь учености, извѣстная подъ именемъ Географіи, предложена уже въ третіемъ отдѣленіи. Но Хронологію съ намѣреніемъ оставилъ я доселѣ, чтобъ сообщить ее, какъ введеніе въ Исторію, и какъ путеводительницу, за которою должно тебѣ слѣдовать чрезъ разные періоды и раздѣленія оной.

И такъ *Хронологія есть наука изчисляющая время и приводящая оное въ порядокъ по бывшимъ произшествіямъ.* Кажется, что понятіе о времени происходитъ отъ такого размышленія души нашей, когда мы устремляемъ мысли свои на общее теченіе вещей, и нѣкоторыя изъ нихъ представляемъ себѣ настоящими, другія прошедшими, иныяжъ будущими. Ибо при томъ разсуждается о разныхъ періодахъ, не вкупѣ продолжающихся, но по порядку одинъ за другимъ послѣдующихъ; и сіе-то *разстояніе между двумя* такими *періодами* собственно называется *временемъ.* Послѣ сего объясненія общаго понятія удобно будетъ показать разныя формы и ограниченія онаго. Ибо при изслѣдованіи прошедшихъ событій, они представляются намъ либо вкупѣ происходящими, либо отдаленными одно отъ другаго нѣкоторыми разстояніями. Сравнивая сіи разстоянія одно съ другимъ, находимъ, что одни долѣе другихъ; изслѣдуяжъ сіи должайшія разстоянія, во сколько разъ они болѣе меньшихъ, какъ-то вдвое или втрое, усматри-

ваемъ изъ того, какъ можно одну часть времени измѣрять другою; и нѣтъ ничего удобнѣе къ содѣланію понятій нашихъ объ ономъ ясными. Но по причинѣ неизмѣримаго продолженія времени необходимо нужно опредѣлить въ немъ одинъ или нѣсколько пунктовъ, съ которыхъ бы можно было начинать счисленіе разныхъ мѣръ времени, какъ-то дней, мѣсяцовъ, годовъ, и пр. либо назадъ, либо впередъ. Въ семъ намѣреніи у разныхъ націй изобрѣтены разные такіе распредѣлительные пункты, смотря по тому, какое приключеніе которой изъ нихъ казалось достопамятнѣйшимъ и по тому способнѣйшимъ къ означенію времени (Datum) другихъ приключеній. Они называются *эпохами*, или *эрами*, ибо служатъ уму какъ-бы такими мѣстами, съ которыхъ онъ можетъ осматриваться и начинать свои исчисленія.

Изъ сказаннаго мною легко усмотрѣть, что вся Хронологія весьма удобно можетъ раздѣлена быть на *двѣ части*. Въ *одной* части содержится *свѣдѣніе о различныхъ* мѣрахъ *и періодахъ*, которыми время исчисляется; а въ *другой* описываются *различныя эры* и *эпохи*, съ которыхъ у разныхъ націй исчисленіе происшествій начинается.

Понятіе о каждомъ отдѣленіи времени, какъ-то о дни, мѣсяцѣ, годѣ, и пр., получаемъ мы, замѣчая нѣкоторыя явленія, бывающія равнообразно въ опредѣленныхъ, и какъ кажется, равнаго разстоянія періодахъ. Ибо чрезъ то получаемъ понятіе о равныхъ пространствахъ; а составляя и умножая различнымъ образомъ сіи пространства, можемъ представлять себѣ разныя мѣры времени разнаго продолженія, какого потребно. Постоянство и равнообразіе движенія солнца и другихъ небесныхъ тѣлъ подали причину принять оное за масштабъ для утвержденія разныхъ размѣреній времени. А какъ видимое дневное обращеніе солнца не только постоянно, но также часто и въ кратчайшемъ кругѣ повторяется, то естественно надлежало ему принято быть первою мѣрою времени подъ названіемъ дня.

И такъ опредѣленіе дня можетъ быть слѣдующее: *день есть отдѣленіе времени, занятое отъ появленія и со-*

сокрытія солнца. Онъ раздѣляется на *искусственный* и *естественный.*

Естественный день, который особенно подъ именемъ дня разумѣется, есть время свѣта, или когда солнце бываетъ на горизонтѣ. Онъ опредѣляется восхожденіемъ и захожденіемъ солнца. Оному противополагается время тмы, когда солнце отъ захожденія своего до восхожденія на горизонтѣ не бываетъ, и сіе время называется *ночью.*

Искусственный, или какъ онъ еще называется, *гражданской день* (dies civilis) есть то время, въ которое солнце повидимому совершаетъ обращеніе свое около земли; естественный день съ послѣдующею за нимъ ночью; или сказать точнѣе и астрономическимъ выраженіемъ, онъ есть время, въ которое экваторъ совершенно вокругъ обращается.

Начало естественнаго дня у разныхъ народовъ весьма различно опредѣляется. Нѣкоторые начинаютъ считать день съ восхожденія солнца, другіе съ захожденія, иныежъ съ того времени, когда оно проходитъ чрезъ верхній или нижній меридіанъ. Древніе Вавилоняне, Персы, Сирійцы, большая часть прочихъ Азіатскихъ народовъ, и нынѣшніе жители Балеарскихъ острововъ, Греки и нѣкоторые другіе начинаютъ считать день съ восхожденія солнца. Древніе Аѳиняне, Іудеи, Арабы, Германцы, Галлы и нынѣшніе Италіанцы и Китайцы считаютъ его съ захожденія солнца; а древніе Умбрійцы и нынѣшніе Астрономы съ полудня. Египтяне и Римляне, также нынѣшніе Англичане, Французы, Нидерландцы, Германцы, Испанцы и Португальцы начинаютъ считать день съ полуночи. Сколь несогласны разные народы въ разсужденіи того времени, съ котораго день начинается, столь же несогласны были и въ различныхъ раздѣленіяхъ дня. Нѣкоторые раздѣляли время искусственнаго дня на двѣнатцать равныхъ частей, которымъ слѣдовательно въ различныя времена года надлежало быть различной долготы. Однако нынѣ почти вездѣ принято раздѣленіе дня и ночи вообще на дватцать четыре

часа;

часа; и какъ оно тебѣ довольно уже извѣстно, то и не требуетъ дальнѣйшаго объясненія.

Всѣ періоды и различенія временъ, находимыя въ Хронологии, суть не иное что, какъ разныя составленія сея первой мѣры, распредѣленныя по особливымъ потребностямъ человѣческимъ, по разнымъ небеснымъ явленіямъ и по различному разстоянію прошедшихъ событій одного отъ другаго. Сначала люди безъ сомнѣнія довольствовались однимъ только простымъ дневнымъ численіемъ, и нѣсколько времени могло оное служить ко всѣмъ ихъ намѣреніямъ, какія они при томъ имѣли. Но какъ міръ отъ времени до времени становился старѣе, и разстоянія между разными произшествіями становились болѣе и пространнѣе, то надлежало числу дней столь скоро умножаться, что вскорѣ примѣтили необходимость принять иную большую мѣру времени для удобнѣйшаго и вѣрнѣйшаго исчисленія сихъ должайшихъ разстояній. Въ семъ намѣреніи дни составляемы были въ нѣкоторыя системы и классы различнаго продолженія, сообразно тому, какъ приключенія требовали; отъ чего произошло учрежденіе *мѣсяцовъ*, *годовъ*, *Олимпіадъ*, *Лустровъ*, и пр. И при семъ также найдена была великая польза въ движеніяхъ тѣлъ небесныхъ. Ибо какъ прежде солнце видимымъ обращеніемъ своимъ около земли показывало продолженіе дня, такъ и другія небесныя тѣла разными своими движеніями и правильнымъ послѣдствіемъ различныхъ фазъ и явленій, подали людямъ поводъ учредить такія составленія дней, которыя согласовались бы съ оными перемѣнами. Такимъ образомъ многія раздѣленія времени не только полезны были для исчисленія онаго, но также служили мѣрою небесныхъ явленій и произшествій. Отъ сего происходитъ тѣсная *связь между Астрономіею и Хронологіею*; ибо Хронологія нѣкоторымъ образомъ вся основывается на Астрономіи, и предварительно требуетъ нѣкоторыхъ общихъ свѣдѣній изъ оной. Но хотя сіи раздѣленія времени еще въ самой древности учреждены такъ, чтобъ точно согласовались съ небесными движеніями, и хотя установлены правила интеркалаціи (включаемыхъ дней), дабы движенія

 раз-

разныхъ созвѣздій сообразить одно съ другимъ; однако нынѣ за удобнѣйшее признано, распредѣлять время только по годовому теченію солнца, и по крайней мѣрѣ при общихъ исчисленіяхъ не имѣть въ виду обращенія луны.

Я упомянулъ уже, что всѣ измѣренія времени, въ Хронологіи употребляемыя, суть не иное что, какъ разныя составленія дней, учрежденныя по тому, какъ обстоятельства требовали. И такъ мнѣ остается только пройти разныя раздѣленія и классы, показать ихъ учрежденіе, и какимъ образомъ должно употреблять ихъ для приведенія прошедшихъ событій въ порядокъ и цѣпи Исторіи въ связь. Первое и самое простое изъ сихъ составленій, нынѣ употребительное, называется *недѣлею.* Оно есть связь седми дней, непрестанно обращающихся, и установлено въ память сотворенія міра; ибо оное въ шесть дней совершилось, а седьмому опредѣлено быть днемъ успокоенія, по чему и всякой седьмой день посвященъ воспоминанію сего великаго произшествія. Достойно примѣчанія, что не только Іудеи, которымъ самъ Богъ открылъ сіе учрежденіе, но также Сирійцы, Египтяне и большая часть другихъ Восточныхъ народовъ, употребляли раздѣленіе времени на недѣли. Имена дней недѣли нынѣ у большей части Европейскихъ народовъ суть тѣ же самыя, которыя были употребительны у древнихъ язычниковъ, наименовавшихъ оные по седми планетамъ. Первой день названъ днемъ солнца, dies Solis, второй днемъ луны, dies Lunae; такимъ же образомъ и прочіе. Причину сихъ наименованій удобнѣе всего можно вывести изъ древней Астрологіи. Ибо учители сея мнимой науки приписывали седми планетамъ владычество и управленіе всѣми часами въ недѣлѣ, такъ, что управленіе первымъ часомъ перваго дня принадлежало Сатурну; управленіе первымъ часомъ втораго дня доставалось Юпитеру, и т. д.; по чему и каждой день получилъ названіе той планеты, которая управляла первымъ часомъ онаго. Сіи названія, какъ-то я уже замѣтилъ, и понынѣ еще удержаны Христіанами Западной церкви, съ небольшою только перемѣною въ порядкѣ.

Второе достойное примѣчанія раздѣленіе времени есть раздѣленіе на *мѣсяцы*. По первому ихъ установленію они относились особенно къ движеніямъ луны, и распредѣляемы были сообразно онымъ. Но какъ фазы и явленія луны въ общихъ исчисленіяхъ мало наблюдаемы были, или и совсѣмъ наблюдаемы не были, то произошла отъ сего великая перемѣна въ Хронологіи, и нынѣ обыкновенно мѣсяцъ означаетъ не иное что, какъ такое продолженіе времени, посредствомъ котораго раздѣляется годъ на двѣнатцать частей. Но для объясненія сея матеріи должно замѣтить, что мѣсяцы весьма удобно можно раздѣлить на астрономическіе и гражданскіе. *Астрономическіе* мѣсяцы суть размѣряемые по обращенію и фазамъ луны. Они раздѣляются еще на періодическіе и синодическіе. *Періодической* мѣсяцъ есть такое продолженіе времени, въ которое луна движеніемъ своимъ возвращается на то же мѣсто, откуда начала свой путь. Онъ состоитъ изъ дватцати седми дней седми часовъ и почти сорока-трехъ минутъ. *Синодической* мѣсяцъ считается отъ одной конъюнкціи, или соединенія, солнца и луны до другой слѣдующей за оною конъюнкціи. Онъ отличается отъ періодическаго мѣсяца тѣмъ, что тотъ относится только къ теченію луны и полному ея обращенію въ зодіакѣ, а сей называется синодическимъ въ разсужденіи только конъюнкціи ея съ солнцемъ. Но послѣ сея конъюнкціи солнце не остается на одномъ мѣстѣ зодіака, и подвигается далѣе впередъ къ Востоку. И такъ луна, совершая свое теченіе не находитъ уже солнца на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставила, ибо оно между тѣмъ почти на цѣлой знакъ подвинулось впередъ отъ прежняго своего мѣста. Слѣдовательно ей для достиженія солнца потребно еще нѣсколько времени, кромѣ періодическаго мѣсяца, что и составляетъ синодической мѣсяцъ. Продолженіе синодическаго мѣсяца не всегда одинаково; ибо видимое движеніе солнца въ разныхъ мѣстахъ пути его различно, и по тому должно причинять нѣкоторую перемѣну. Среднее движеніе, какъ Астрономы его называютъ, полагается въ двантцать девять дней съ половиною. Сіе синодическое обращеніе

луны составляло подлинный лунный мѣсяцъ у Древнихъ. Также показываетъ оно причину, для чего въ лунно-солнечномъ годѣ мѣсяцы попеременно состояли изъ дватцати-девяти и тритцати дней. Ибо откладывая отъ мѣсяцовъ, изъ 29 дней состоявщихъ, двѣнатцать часовъ, причисляли ихъ къ послѣдующему синодическому обращенію, состоявшему также изъ дватцати девяти дней и 12 часовъ, изъ чего съ отложенными отъ прежняго мѣсяца 12 часами и составлялись полные тритцать дней. Сіи поперемѣнныя раздѣленія мѣсяцовъ продолжаются безпрерывно и порядочно. *Гражданской* мѣсяцъ есть не иное что, какъ то продолженіе времени, которымъ годъ раздѣляется на двѣнатцать частей, и которое у разныхъ народовъ различно. Обыкновенные гражданскіе календарные мѣсяцы въ Европѣ состоятъ всѣ изъ тритцати дней, либо изъ тритцати-одного дни, кромѣ Февраля, который чрезъ каждые три года въ четвертый содержитъ въ себѣ двадцать-девять дней, а въ прочіе годы только по дватцати-осьми, о чемъ въ послѣдствіи подробнѣе говорено будетъ.

Теперь приступаемъ мы къ послѣднему и большему раздѣленію времени, основывающемуся на движеніи тѣлъ небесныхъ, то есть къ учрежденному по видимому обращенію солнца въ эклиптикѣ и называемому *годомъ*. Кромѣ обыкновеннаго круговаго теченія солнца, которымъ оно, какъ кажется, обходитъ въ двадцать четыре часа около земли и опредѣляетъ продолженіе дня, есть еще другое движеніе, кажущееся ему свойственнымъ, происходящее медлительнѣе и совершаемое въ немалое время. Астрономы называютъ оное годовымъ обращеніемъ солнца: ибо примѣчается, что оно удалявшись отъ какого нибудь замѣчательнаго мѣста на небѣ, какъ-то отъ точки равноденствія (aequinoctium), или отъ поворота солнечнаго (solstitium), чрезъ нѣкоторое число дней возвращается къ оному; и сіе продолжается въ безпрерывномъ порядкѣ. Какъ дневное движеніе солнца, то есть правильное его появленіе и удаленіе, возбудило вниманіе человѣческое и указало удобное и полезное раздѣленіе времени на дни; такъ и при семъ годовомъ дви-

женіи,

женіи, сопровождаемомъ различностію временъ года, люди скоро почувствовали перемѣны оныхъ, и по свойственному имъ любопытству старались изслѣдовать причины сихъ перемѣнъ; ибо видѣли равнообразное и безпрерывное послѣдствіе годовыхъ временъ, которыя идутъ въ порядкѣ одно за другимъ и всякой разъ возвращаются, когда солнце достигаетъ той части пути его, съ которой они начинались. Тщаніе въ сихъ изслѣдованіяхъ еще болѣе возбуждаемо было тѣмъ, что отъ сего открытія зависѣло назначеніе времени для посѣва, жатвы и многихъ другихъ важныхъ житейскихъ дѣлъ. Итакъ нашедши, что перемѣна годовыхъ временъ причиняется видимымъ обращеніемъ солнца въ эклиптикѣ, начали исчислять, во сколько времени сіе обращеніе совершается; опредѣливъ же сіе, сколько было возможно, опредѣлили чрезъ то и надлежащее возвращеніе годовыхъ временъ. Сей второй періодъ солнца называемъ мы годомъ; и по точнѣйшимъ наблюденіямъ Астрономовъ найдено, что онъ содержитъ въ себѣ 365 дней 5 часовъ и 49 минутъ. Однакожъ не можно думать, чтобы въ первыя времена міра, когда Астрономія была еще въ младенчествѣ, наблюдатели могли достичь сея точности въ исчисленіи. Люди постепенно достигали до правильнаго измѣренія года, поправляя старыя ошибки новыми наблюденіями. Легко догадаться, что первымъ ихъ исчисленіямъ надлежало быть недостаточными. По самому древнѣйшему расположенію года, намъ извѣстному, онъ раздѣленъ былъ на 360 дней. *Моисейской* годъ безъ сомнѣнія былъ такого расположенія; и нѣкоторые не безъ основанія догадываются, что оно велось отъ самаго потопа. Ибо Моисей въ описаніи сего всеобщаго нещастія, раздѣляетъ 150 дней на пять мѣсяцовъ; слѣдовательно на каждой мѣсяцъ полагаетъ онъ по 30 дней; 12 же мѣсяцевъ по 30 дней, составляютъ точно 360 дней. Сіе расположеніе года было нѣсколько времени въ употребленіи у Египтянъ. Однако ошибка болѣе, нежели пятью днями, не могла долго не быть примѣчена. По чему и находимъ мы, что Гермесъ Трисмегистъ прибавилъ къ сему счету еще пять дней, и тѣмъ гораздо

уже болѣе приближилъ оный къ истинѣ. Повѣствуютъ, что Талесъ, принявъ за основанiе Гермесовъ счетъ, учредилъ по оному *Греческой годъ*. Но сiе учрежденiе не долго велось у Грековъ; ибо они для праздниковъ своихъ предпочли оному лунно-солнечный годъ, состоявшiй изъ 12 синодическихъ мѣсяцовъ, которые содержали въ себѣ по 29 и по 30 дней попеременно, и вообще составляли годъ изъ 354 дней. Но какъ сей годъ 11 днями былъ короче подлиннаго теченiя солнца, и въ послѣдствiи начало года во всѣ годовыя времена назадъ переходило, то для отвращенiя сего неудобства изобрѣтены были правила включенiя (intercalatio), дабы годъ сколько возможно соображался съ движенiемъ тѣлъ небесныхъ. *Римской* годъ, учрежденный Ромуломъ, а послѣ Нумою исправленный, размѣрянъ былъ также по луннымъ мѣсяцамъ, въ которые включены были еще нѣкоторые дни, дабы начало года всегда приходило непремѣнно въ одно годовое время. Наблюденiе сихъ включенiй поручено было главному жрецу (Pontifex Maximus). Но главные жрецы не пеклись о сей должности, отъ чего все пришло въ такую разстройку, что во время Юлiя Цезаря зимнiе мѣсяцы приходили уже осенью, а осеннiе лѣтомъ. Цезарь предпрiялъ исправить сiи неустройства и привести всѣ мѣсяцы къ надлежащимъ временамъ года. Того ради повелѣлъ онъ, тотъ годъ, въ который началъ онъ исправленiе календаря, составить изъ 445 дней. По томъ, съ помощiю славнаго Александрискаго Математика Созигена, учредилъ онъ солнечный годъ, состоявшiй изъ 365 дней и 6 часовъ. Понеже сiи 6 часовъ въ разсужденiи гражданскихъ дѣлъ не могли принимаемы быть въ счетъ, то онъ узаконилъ откладывать ихъ дотолѣ, пока они составятъ цѣлой день, что случалось чрезъ каждые четыре года; и по тому четвертый годъ долженъ былъ состоять изъ 366 дней, и лишнему дни надлежало включену быть послѣ праздника, называемаго *Терминалiи*, который оканчивался 23 Февраля. А какъ слѣдующiй по томъ день назывался у Римлянъ шестымъ предъ календами Марта (Sextus Calendas Martii), то учреждено было считать его въ четвертый, или високосный,

годъ

годъ дважды. Такимъ образомъ каждые четыре года бывалъ у Римлянъ Sextus Calendas Martii bis, или два раза сряду, что и подало случай назвать сей годъ двушестнымъ (bissextile).

Хотя сіе учрежденіе года было весьма хорошо и въ Европѣ долго сохранилось, ибо весьма близко подходило къ истинѣ; однакожъ не имѣло точной астрономической вѣрности. Мы уже видѣли, что годовое обращеніе солнца, или, какъ Астрономы оное называютъ, *тропической годъ*, по точнѣйшимъ и лучшимъ наблюденіямъ, состоитъ изъ 365 дней 5 часовъ и 49 минутъ. Но по Юліанскому положенію считается въ году 365 дней 6 часовъ, слѣдовательно 11 минутами болѣе, нежели сколько годъ подлинно въ себѣ содержитъ. Въ разсужденіи каждаго году особливо, хотя и кажется сіе неважнымъ; но во-сто лѣтъ составляетъ почти цѣлой день, и съ продолженіемъ времени ошибка становится важнѣе. Въ 325 году, во время Никейскаго собора, найдено, что весеннее равноденствіе приходило 21 Марта. Но отъ сея ошибки Юліанскаго счисленія въ одиннатцати минутахъ, составляющихъ во 133 года цѣлой день, произошло, что когда Папа Грегорій XIII, по предложенію Астрономовъ, предпріялъ исправить календарь, равноденствія и повороты солнечные отставали десятью днями, такъ, что весеннее равноденствіе вмѣсто 21 приходило 11 Марта. Для поправленія сего безпорядка Папа узаконилъ совсѣмъ выпустить десять дней, и первойнадесять день Марта назвать двадцать первымъ, дабы равноденствіе пришло въ тотъ же день, въ который было оно во время Никейскаго собора. Для избѣжаніяжъ и впредь такихъ перемѣнъ, сдѣлалъ онъ новое учрежденіе года, называемое *Грегоріанскимъ*, по которому во 133 года одинъ день изъ календаря выпускается. А чтобъ сдѣлать сіе сколько возможно безъ примѣтнаго замѣшательства, употребленъ слѣдующій способъ: изъ 1600 лѣтъ Христіанской эры, каждому сотому году, который по Юліанскому счисленію всегда бываетъ Bissextile, или високосный, положено быть простымъ; напротивъ того всякой четырехсотый годъ остается високоснымъ,

 такъ

такъже какъ и въ Юліанскомъ счисленіи. По сему счисленію 1700 годъ былъ простой, равно какъ 1800 и 1900 годы будутъ простые; по Юліанскомужъ счисленію всѣ сіи три года високосные. Но 2000 годъ какъ по Юліанскому, такъ и по Грегоріанскому счисленію, будетъ високосный. Слѣдовательно вся разность между сими двумя счисленіями состоитъ въ томъ, что въ 1600 годахъ послѣ Рождества Христова, по Грегоріанскому счисленію, изъ каждыхъ четырехъ годовъ, заключающихъ четыре столѣтія, первые три суть простые, а четвертый високосный; напротивъ того по Юліанскому счисленію всѣ четыре года високосные. Грегоріанское счисленіе мало по малу принято было большею частію Европейскихъ народовъ, кромѣ Англичанъ и Шведовъ; ибо первой изъ сихъ двухъ народовъ оставилъ такъ называемый старой штиль уже въ 1752, а другой въ 1753 году. Изъ всѣхъ Европейскихъ земель въ одной только Россіи удержанъ старой штиль еще и понынѣ.

Восточные народы имѣли еще разные классы годовъ, которыми исчисляли не только время вообще, но и особенное правленіе своихъ Государей. Берозусъ въ исторіи Халдейскихъ царей употребляетъ счисленіе *Сари*, *Нари* и *Созы*; однако нынѣ о сихъ измѣреніяхъ времени не извѣстно ничего болѣе, какъ то, что они были составленія годовъ, о числѣ которыхъ мы только догадываться можемъ. Іудейскіе годы Юбилея и Саббата гораздо важнѣе оныхъ, не только по тому, что многіе обряды отъ нихъ зависѣли, и что въ книгахъ Священнаго Писанія, какъ историческихъ, такъ и пророческихъ, часто о нихъ упоминается, но и по тому, что на нихъ основано важное счисленіе. Мы не могли бы разумѣть пророчества Даніилова о седмидесяти седмицахъ, естьлибъ не знали, что каждой седмой годъ у Іудеевъ былъ годъ покоя для земли, въ который не могли они ни сѣять, ни жать, такъ же какъ и каждой седмой день былъ святъ и день покоя. Чрезъ то время раздѣлялось у нихъ не только на дневныя седмицы, но и на годовыя; и помянутый пророкъ говоритъ о сихъ послѣднихъ седмицахъ. Седмьдесятъ седмицъ, по его выраже-

раженію, содержатъ въ себѣ 490 лѣтъ, и слѣдовательно довольно времени на событіе всѣхъ предсказанныхъ имъ великихъ произшествій. Годъ Юбилея наблюдаемъ былъ Іудеями съ великою торжественностію. Онъ особливо достоинъ былъ примѣчанія по важнымъ перемѣнамъ, производимымъ во владѣніяхъ и имуществахъ. Ибо въ сіе время, по предписанію ихъ закона, всѣ невольники были освобождаемы, и всѣ проданныя или заложенныя земли возвращаемы прежнимъ владѣльцамъ.

Еще заслуживаютъ уваженіе два другія раздѣленія лѣтъ, безъ которыхъ Греческой и Римской исторіи совершенно разумѣть не можно; а именно *Олимпіады* и *Лустры.* Первыя были въ употребленіи у Грековъ и составляли способъ счисленія, весьма славный въ Хронологіи. Варронъ, при раздѣленіи всего теченія времени на три періода, начинаетъ *съ первой Олимпіады* третій и послѣдній, періодъ, который называетъ онъ *эрою истинной Исторіи.* Олимпіада состояла изъ четырехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ бывали великолѣпныя *Олимпійскія игры* при городѣ Олимпіи въ Пелопоннесѣ. Сіи игры, бывши на нѣсколько времени прерваны, возобновлены въ 3938 году Юліанскаго періода, или въ 776 году до Рождества Христова. Съ того времени онѣ продолжались непрерывно, и принимаемы были за эпоху, съ которой Греки начинали считать свои годы. Первая Олимпіада славна Хоребомъ, урожденцомъ Елисскимъ, получившимъ награжденіе. Помянутыя игры состояли въ разныхъ подвигахъ, въ которыхъ хотящіе показаться предъ народомъ должны были сперва пріобрѣтать совершенное искусство съ величайшимъ прилѣжаніемъ. Побѣдители награждаемы были отмѣнными почестями и публично увѣнчиваны въ собраніи всея Греческой націи. Почтеніе къ нимъ было столь велико, что при возвращеніи ихъ въ отечество сламывали часть городской стѣны, дабы дать мѣсто для проѣзда ихъ колесницѣ. Кажется, что сей образъ счисленія кончился 364тою Олимпіадою, или 440мъ годомъ отъ Рождества Христова; ибо послѣ сего года нигдѣ уже въ Исторіи объ Олимпіадахъ не упоминается.

*Луст*ръ было Римское учрежденіе, и Римскіе писатели означаютъ симъ названіемъ время пяти лѣтъ. Оно произошло отъ учрежденія *Ценза*, сдѣланнаго Серіемъ Тулліемъ. Сей въ политикѣ искусный Государь раздѣлилъ гражданъ на Классы и Центуріи, и учредилъ между ими порядокъ сообразно ихъ имѣнію. По томъ повелѣлъ онъ въ назначенный день выйти имъ вооруженнымъ и по сдѣланному имъ раздѣленію на Марсово поле, которое было пространное открытое мѣсто предъ городомъ при рѣкѣ Тибрѣ. Тамъ по Царскому повелѣнію принесена была большая очистительная или примирительная жертва именемъ всего народа. Жертва сія состояла въ свиньѣ, овцѣ и быкѣ, по чему и названа Suovetaurilia; все же сіе торжество названо Lustrum, отъ слова luere, т. е. *платить*, *примирять*, или можетъ быть по имени Богини Луи, которой, какъ повѣствуютъ, Сервій построилъ храмъ. Но понеже имѣніе подданныхъ непрестанно перемѣнялось, то учреждено было возобновлять Цензъ чрезъ каждые пять лѣтъ; и какъ онъ обыкновенно оканчивался Лустромъ, то и вошло въ употребленіе означать симъ словомъ такую эпоху.

Сравнивая разныя событія съ какою нибудь эпохою, и опредѣляя разстоянія между ими, можемъ вѣрно опредѣлять годы, въ которые они происходили, и назначать имъ мѣсто и рядъ, который они въ теченіи времени занимать должны. Но все сіе очевидно касается только до одной той эпохи, которую мы себѣ представимъ. Когдажъ употребляются разныя эпохи, какъ-то часто въ Исторіи бываетъ, то необходимо нужно имѣть нѣкоторую общую мѣру, посредствомъ которой могли бы мы сравнивать ихъ отношенія одной къ другой. *Сотвореніе міра*, *потопъ*, *Олимпіады*, *построеніе города Рима и Рождество Христово* суть славныя эры въ Исторіи, часто въ счисленіи времени употребляемыя. Между тѣмъ легко усмотрѣть, что мы читали бы о произшествіяхъ у разныхъ націй, которыя къ той или другой эрѣ относить можно, не зная, какъ связать ихъ одни съ другими, или совокупить проходившія между ими времена, естьлибъ не приняли напередъ нѣко-

торагo

тораго періода, могущаго служить какъ-бы масштабомъ и общимъ сборищемъ всѣмъ прочимъ эпохамъ. Сдѣлавъ сіе, надлежитъ только снести съ нимъ разныя эпохи, чрезъ что все теченіе произшествій приведено будетъ въ связную цѣпь, и они предстaвятся въ томъ порядкѣ, въ какомъ одно за другимъ послѣдовали. Такой потребный намъ масштабъ есть Юліанской Періодъ, весьма важный въ Хронологіи. Я сперва объясню тебѣ, изъ какихъ цикловъ онъ состоитъ.

Циклы, которые также можно назвать *кругами времени*, вообще суть нѣкоторые періоды или ряды годовъ, послѣдующихъ въ порядкѣ одинъ за другимъ до какого нибудь предѣла, а по томъ снова начинающихся и непрерывно продолжающихъ обращеніе свое въ одинакомъ порядкѣ. Непрерывный рядъ годовъ Саббата у Іудеевъ называется цикломъ Саббата, который состоитъ изъ седми лѣтъ; а непрерывный рядъ пятидесяти годовъ, непрестанно снова начинавшійся, составлялъ у нихъ циклъ Юбилея. Равнымъ образомъ можно принять, что солнце и луна начинаютъ теченіе свое въ зодіакѣ и чрезъ нѣсколько лѣтъ паки сходятся въ томъ же мѣстѣ неба; и какъ сіе всегда по равномъ обращеніи лѣтъ происходить должно, то сіе число лѣтъ составляетъ циклъ, которымъ всегда можно опредѣлять сошествіе обоихъ сихъ небесныхъ тѣлъ въ одномъ мѣстѣ. И по сей-то причинѣ намѣреніе, съ какимъ учрежденъ лунный Циклъ, въ Хронологіи толико уважаемо. Но дабы съ большею точностію показать тебѣ происхожденіе и учрежденіе онаго, должны мы обратиться къ древнѣйшему расположенію года, какое Іудеями и Греками было принято. Хотя годъ ихъ собственно былъ лунный; но какъ они принуждены были наблюдать и движенія солнца, то произошла изъ сего необходимость включать дни и установить циклъ для содержанія въ порядкѣ и поправленія сихъ включеній. Учрежденіе года, принятое сперва Іудеями, сдѣлано было не по астрономическимъ правиламъ; но годъ ихъ состоялъ изъ лунныхъ мѣсяцовъ, начинавшихся по фазамъ и явленіямъ луны. Мѣсяцы ихъ, состоявшіе по вышесказанной причинѣ изъ 29 и 30 дней попеременно,

но, начинались всегда съ новолунія. Не было между оными менѣе 29 дней; по чему и никогда не смотрѣли они новой луны прежде ночи слѣдовавшей послѣ двадцать-девятаго дня; когдажъ усматривали новую луну, то слѣдующій день былъ первымъ днемъ другаго мѣсяца. Также никогда мѣсяцъ не продолжался у нихъ болѣе 30 дней; по чему и никогда не смотрѣли они новой луны послѣ ночи послѣдовавшей за 30 днемъ; но не видя оной, думали, что она облаками закрыта. Изъ 12 такихъ лунныхъ мѣсяцовъ состоялъ обыкновенный ихъ годъ. Но какъ онъ 11 днями былъ короче солнечнаго года, то каждой обыкновенный годъ, въ разсужденіи теченія солнца, начинался 11 днями ранѣе предѣидущаго года; отъ чего въ 33 года начало года переходило во всѣ четыре годовыя времена. Для праздниковъ необходимо надлежало отвратить сіе неудобство. Праздникъ *Пасхи* установленъ былъ въ срединѣ мѣсяца Низана, и при праздновании онаго учреждено было ѣсть пасхальнаго агнца, и приносить въ жертву снопъ, какъ первые плоды жатвы ячменя. Празникъ *Пятидесятницы* празднуемъ былъ въ 50 день послѣ 16 дня Низана, въ который приносили снопъ въ жертву; и въ сей празникъ приносили въ жертву два хлѣба, какъ первые плоды пшеничной жатвы. Наконецъ праздникъ *скиніи* всегда начинался съ 15 дня мѣсяца Тисри, въ то время, когда собираемы были плоды. И такъ явно, что праздникъ Пасхи не могъ празднованъ быть прежде, нежели ягнята выростали такъ, чтобъ ихъ можно было ѣсть, и пока не можно еще было жать ячменю. Пятидесятницы не можно было праздновать, пока не поспѣвала пшеница, а праздника Скиніи прежде собиранія винограда и масличныхъ плодовъ. И такъ понеже сіи праздники установлены были въ опредѣленныя времена года, то необходимо надлежало согласить лунное счисленіе съ теченіемъ солнца, дабы мѣсяцы не разнились отъ годовыхъ временъ. На сей конецъ Іудеи включали еще мѣсяцъ, иногда послѣ третьяго, иногдажъ послѣ втораго года, и составляли годъ изъ 13 мѣсяцовъ. Такимъ образомъ всегда соображали они лунные годы съ солнечнымъ годомъ, сколько то посредствомъ

включе-

включенія возможно было, и не допускали никогда лунному году разниться отъ солнечнаго болѣе нежели однимъ мѣсяцомъ. Сіи включенія учреждаемы были первосвященникомъ и Сангедриномъ, или верховнымъ судомъ, который и касавшіяся до сего установленія по всей Іудейской землѣ обнародывалъ. Когдажъ Іудеи разсѣяны были между всѣми народами, и не имѣли ни способнаго случая дѣлать потребныя наблюденія, ни способовъ сдѣланныя наблюденія объявлять, тогда необходимость требовала установить опредѣленныя и точныя правила включенія, которымъ бы всѣ и вездѣ въ счисленіи времени могли соображаться. При такомъ случаѣ въ первой разъ введены у нихъ были въ употребленіе Греческіе циклы и астрономическія исчисленія съ небольшою перемѣною.

У Грековъ годы собственно были лунные, ибо состояли изъ мѣсяцовъ размѣрянныхъ по движенію луны; но также старались они, ради праздниковъ своихъ, особливожъ ради Олимпіадъ, учреждать оные сообразно исчисленіямъ солнечнаго теченія. Ибо оракуломъ предписано имъ было наблюдать всѣ дни торжественныхъ жертвоприношеній и праздниковъ *по тремъ* (κατὰ τρία); и они разумѣя подъ симъ годы, мѣсяцы и дни, почитали себя обязанными отправлять всѣ празднества въ одинакое годовое время и въ одни мѣсяцы и дни. Того ради старались учредить порядокъ мѣсяцовъ и дней такъ, чтобъ они сколько возможно точнѣе приходили по времени солнечнаго теченія. Трудность состояла въ установленіи такихъ включеній, которыя посредствомъ прибавочныхъ мѣсяцовъ удерживали бы обыкновенные мѣсяцы въ надлежащемъ сходствѣ съ одинакими временами года, не приводя въ разстройку временъ обращенія луны. Лунный годъ былъ 11 днями короче солнечнаго; по чему не можно было прибавлять сихъ дней ежегодно, дабы не нарушить послѣдствія мѣсяцовъ, и всея связи годовъ не разстроить. Ибо и у Грековъ, такъ же какъ у Іудеевъ, мѣсяцы всегда начинались съ новолунія, а годы, состоявшіе изъ сихъ лунныхъ мѣсяцовъ, кончились точно послѣднимъ днемъ послѣдняго мѣсяца, и первымъ днемъ слѣдующаго мѣсяца начинались. По чему для точнаго

испол-

исполненія оракула надлежало включенія дѣлать помѣсячно, и на сей конецъ должно было изобрѣсти такое включеніе мѣсяцовъ, которое наконецъ могло бы привести солнечный годъ съ луннымъ въ совершенное сходство, такъ, чтобъ оба въ одно время начинались. Ибо симъ только образомъ можно было отправлять празднества всегда въ одинакое время года, въ одни мѣсяцы и дни, или до того довести, чтобы по крайней мѣрѣ праздничные дни приходили однимъ луннымъ мѣсяцомъ ранѣе либо позже, однакожъ всегда въ одинакое время солнечнаго года. Въ семъ намѣреніи надлежало изобрѣсть циклы, и главной предметъ изслѣдованій и стараній тогдашнихъ Астрономовъ состоялъ въ томъ, чтобъ найти такой кругъ годовъ, въ которомъ бы посредствомъ включенія или причисленія одного либо нѣсколькихъ мѣсяцовъ можно было достичь оной цѣли. Первой опытъ въ семъ былъ установленіе *Діэтериса*, или двухлѣтняго цикла, въ который включенъ былъ одинъ мѣсяцъ. Но какъ излишекъ двухъ солнечныхъ годовъ противъ лунныхъ состоялъ только въ 22 дняхъ, а лунный мѣсяцъ въ 29 дняхъ съ половиною, то вмѣсто приведенія луннаго года въ сходство съ солнечнымъ, сіе включеніе произвело только $7\frac{1}{2}$ дней излишка. Сія ошибка скоро была примѣчена, и для поправленія оной уставленъ былъ *Тетраэтерисъ*, или четырехлѣтній циклъ. Тогда думали, что включеніе одного мѣсяца все приведетъ въ порядокъ, и не будетъ уже того излишка, который отъ сего включенія въ Діэтерисѣ происходилъ. Паче жъ всего сіе изобрѣтеніе сдѣлано было ради Олимпійскихъ игръ. Ибо игры сіи были одно изъ самыхъ главныхъ Греческихъ празднествъ, которому каждые четыре года одинъ разъ надлежало быть отправляему. Того ради старались, чтобъ онѣ всякіе четыре года со всею возможною точностію приходили въ то же самое время солнечнаго года, въ какое были въ предъидущей Олимпіадѣ. По первоначальному же учрежденію празднества сего, начиналось оно всегда въ первомъ полнолуніи послѣ лѣтняго солнечнаго поворота; и думали, что по включеніи одного мѣсяца въ четыре года, оно непремѣнно въ сіе время приходить будетъ. Но какъ четыре

тыре солнечные года 44 днями болѣе времени четырехъ лунныхъ годовъ, то по включеніи одного луннаго мѣсяца, или $29\frac{1}{2}$ дней, недоставало еще слишкомъ 14 дней. Открывши вскорѣ и сію ошибку, включали попеременно въ первые четыре года одинъ мѣсяцъ, а въ слѣдующіе 4 года два мѣсяца; изъ чего произошелъ *октоэтерисъ*, или осмилѣтній циклъ. Включеніемъ трехъ мѣсяцовъ надѣялись все привести въ порядокъ; и въ самомъ дѣлѣ подходили уже къ оному ближе, нежели въ прежнихъ циклахъ. Ибо посредствомъ сего включенія 8 лунныхъ годовъ такъ сравнены были съ осмью солнечными годами, что разнились только однимъ днемъ и 14 часами. Того ради сей циклъ долѣе всѣхъ прочихъ въ употребленіи пребылъ. Однакожъ возраставшая годъ отъ году ошибка, столь наконецъ увеличилась, что и она должна была открыться. Того ради изобрѣтаемы были разные другіе циклы, пока напослѣдокъ принятъ былъ девятьнатцатилѣтній *Метоновъ циклъ*, названный такъ по имени изобрѣтателя его, Аѳинянина Метона. Сей великой Астрономъ вычислилъ, что солнце и луна, начавши теченіе свое вмѣстѣ отъ одной точки зодіака, по 19 обращеніяхъ солнца сойдутся въ той же самой точкѣ, и начнутъ новый періодъ, совершенно сходствующій съ прежнимъ. Онъ нашелъ, что сіи 19 обращеній солнца содержатъ въ себѣ 235 обращеній луны, составляющихъ 19 лунныхъ годовъ и еще 7 лунныхъ мѣсяцовъ, которые надлежало причислить 7 включеніями. И такъ весь циклъ состоялъ изъ 12 лунныхъ годовъ по 12 мѣсяцовъ, и 7 годовъ со включеніемъ по 13 мѣсяцовъ. Понеже сіи годы сходствуютъ съ 19 солнечными или Юліанскими годами, то по прошествіи сего времени, новолунія и полнолунія приходятъ не только въ одинакіе дни Юліанскаго года, но почти и въ одинакіе часы дня. И такъ тотъ же самой рядъ наблюденій, посредствомъ котораго въ обращеніи одного цикла опредѣляемы были дни новолунія и полнолунія, можетъ служить и для слѣдующаго обращенія, и далѣе въ послѣдствіи. Грекамъ сей циклъ паче всего потребенъ былъ для установленія времени, когда надлежало имъ праздновать свои праздники; изъ праздниковъ же Олим-

піады были главные, ибо всѣ прочіе располагаемы были сообразно учрежденію оныхъ; и по тому сначала и опредѣленъ онъ былъ къ сему. А какъ Олимпійскія игры всегда отправляемы были во время перваго полнолунія послѣ лѣтняго солнечнаго поворота, то необходимо должно было прежде установленія времени сего празднества опредѣлить время лѣтняго поворота солнца. Метонъ примѣтилъ, что сей поворотъ въ томъ году, въ который изобрѣлъ онъ свой циклъ, приходилъ въ 21 день Египетскаго мѣсяца Памекота, или въ 27 день Іюня Юліанскаго года. И такъ Греки, принявъ сей циклъ, праздновали съ того времени Олимпіады свои въ первое полнолуніе послѣ 27 дня нашего Іюня; также и годъ свой начинали съ перваго предъ тѣмъ новолунія. Тотъ годъ, въ началѣ котораго отправляемы были Олимпійскія игры, назывался по ихъ счисленію времени первымъ годомъ тоя Олимпіады; а въ началѣ пятаго года праздновали слѣдующую Олимпіаду; слѣдовательно, по тогдашнему счисленію, отъ одной Олимпіады до другой проходило равно 4 года.

Я сообщилъ тебѣ полное свѣдѣніе о Метоновомъ циклѣ, который въ древней Хронологіи столь славенъ, и у насъ еще извѣстенъ подъ названіемъ *лунаго круга*, или *золотаго числа*. Но купно съ Греческими праздниками прекратилось и употребленіе сего цикла, и уже по прошествіи нѣсколька столѣтій Христіане приняли оный въ свой календарь послѣ Никейскаго церковнаго собора, для расположенія по немъ праздника Пасхи и другихъ переходящихъ праздниковъ. Ибо симъ соборомъ учреждено праздновать день Пасхи въ первое Воскресеніе послѣ перваго полнолунія, послѣдующаго за весеннимъ равноденствіемъ. Чего ради и Христіанской церкви и Грекамъ необходимо нужно было считать новолунія и полнолунія, и соображать ихъ съ теченіемъ солнца. А какъ для сего не можно было найти лучше девятьнатцатилѣтняго цикла; ибо ни въ какомъ иномъ циклѣ теченіе луны и солнца не приведено въ толь точное сходство: то Христіанская церковь избрала оный, какъ лучшее правило для распредѣленія праздниковъ Пасхи. По причинѣ великой выгод-

выгодности его въ церковныхъ счисленіяхъ, онъ столько былъ уважаемъ, что числа его въ старыхъ календаряхъ писаны были золотыми буквами; по чему въ нынѣшнихъ календаряхъ число сего цикла, относящееся къ тому году, на который календарь сдѣланъ, называется *золотымъ числомъ*. По слѣдующему удобопонятному правилу легко можно найти оное на всякой годъ Христіанской эры. Первой годъ сея эры, по древнему счисленію времени, былъ второй годъ луннаго цикла. И такъ естьли къ числу даннаго года отъ Рождества Христова приложишь 1, и сію сумму раздѣлишь на 19, то частное число покажетъ число обращеній цикла съ начала помянутой эры, а остатокъ отъ дѣленія будетъ искомое золотое число; естьлижъ отъ дѣленія ничего не останется, то золотое число будетъ 19. Напр. когда надобно сыскать золотое число 1782 года: то приложи 1 къ 1782; выйдетъ 1783; сіе число раздѣли на 19: частное число будетъ 93, и 16 въ остаткѣ. Слѣдовательно 16 есть золотое число онаго году; а частное число 93 показываетъ число обращеній сего цикла съ начала перваго года по Рождествѣ Христовѣ.

Хотя Метоновъ циклъ весьма близко подходитъ къ истинѣ, ибо показываетъ обращенія луны во время 300 лѣтъ не ошибаясь ни въ одномъ дни; однакожъ разность отъ времени до времени возрастаетъ, и наконецъ весьма немалою становится. Ибо 19 лунныхъ годовъ и 7 включенныхъ мѣсяцовъ только полуторымъ часомъ короче 19 Юліанскихъ годовъ. Слѣдовательно во всякомъ году сего луннаго цикла новолунія и полнолунія каждаго мѣсяца приходили полуторымъ часомъ ранѣе, нежели въ тѣхъ же годахъ непосредственно предъидущаго цикла. Отъ сего произошло, что послѣ толь многихъ обращеній сего цикла со времени Никейскаго собора до 1782 году, подлинныя новолунія и полнолунія приходили четырью днями съ половиною ранѣе новолуній и полнолуній означенныхъ въ такомъ календарѣ, гдѣ оныя расположены не по нынѣшнему времени, но по времени упоминаемаго церковнаго собора. Такія новолунія называются церковными, для отличенія ихъ отъ подлинныхъ

 ново-

новолуній; и можно еще и понынѣ употреблять общую таблицу для прісканія дней Пасхи, только съ показаннымъ теперь ограниченіемъ. А именно, при исчисленіи новолуній надлежитъ считать $4\frac{1}{2}$ днями ранѣе означеннаго въ календарѣ времени; или, что все равно, называть означенный въ календарѣ день новолунія пятымъ днемъ луннаго времени. При Грегоріанскомъ исправленіи календаря золотое число отвергнуто, и вмѣсто его введены эпакты. Но у Протестантовъ въ Германіи, также и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, съ 1699 году вмѣсто циклическаго вычисленія дней Пасхи принято астрономическое, которое почтено было еще гораздо вѣрнѣйшимъ. Отъ чего между ихъ счисленіемъ и Римско-Католическимъ въ разсужденіи времени сего праздника произошло 8 дней разности въ 1724 и 1744 годахъ; также произойдетъ сіе и въ 1798 году, но наблюдаемо не будетъ.

Кромѣ луннаго цикла Юліанской періодъ содержитъ въ себѣ еще два другіе цикла, а именно: кругъ солнца, какъ онъ обыкновенно называется, и кругъ Индикта. Первой называется кругомъ солнца не по тому, чтобъ означалъ нѣкоторое число обращеній солнца; но по тому, что посредствомъ его можно находить *Воскресную букву*. Ибо какъ мы раздѣляемъ время на недѣли, и означаемъ дни недѣли седмью различными именами, то въ календарѣ сіи дни недѣли различаются седмью буквами, которыя ставятся при нихъ по азбучному порядку, и повторяются чрезъ весь годъ. Сіи буквы суть 7 первыя буквы азбуки, и буква А обыкновенно ставится при первомъ дни года. Естьли первой день года случится въ Воскресеніе (или въ день солнца, dies Solis), то А будетъ Воскресная буква, а слѣдующія приставляемы будутъ по порядку къ прочимъ днямъ недѣли. Понеже и дней въ недѣлѣ и буквъ, къ нимъ приставляемыхъ, числомъ 7, то легко усмотрѣть, что приставленная къ первому Воскресенію буква и во весь годъ будетъ приходить на Воскресеніе; ибо въ семъ случаѣ обращеніе дней и буквъ совершенно сходно бываетъ. Также явно, что Воскресная буква никогда бы не перемѣ-

нялась, естьлибъ годъ состоялъ изъ опредѣленнаго цѣлаго числа недѣль; ибо тогда бы первой день года всякой разъ приходилъ въ одинакой день недѣли; слѣдовательно порядокъ и послѣдствіе буквъ не могли бы разстроиться. Но какъ расположеніе года не таково, то остающіеся дни сверьхъ цѣлаго числа недѣль разстроиваютъ порядокъ буквъ; и солнечный кругъ служитъ къ указанію сихъ перемѣнъ. Простой Юліанской годъ состоитъ изъ 52 недѣль и 1 дня; по чему естьли первой день года приходитъ въ Воскресеніе, и къ нему приставляется буква А, то и послѣдній день будетъ Воскресеніе, а первой день слѣдующаго года Понедѣльникъ. Но буква А всегда приставляется къ первому дни года; слѣдовательно и Понедѣльникъ ею же означенъ будетъ, а буква приходящая по порядку на Воскресеніе, т. е. G, будетъ въ семъ году Воскресною буквою. По такой перемѣнѣ въ слѣдующій годъ Воскресная буква перейдетъ одною буквою назадъ, и будетъ F. Естьлижъ бы сіе обращеніе продолжалось непрерывно, то въ 7 лѣтъ весь рядъ буквъ обошелъ бы вокругъ. Но въ Юліанскомъ счисленіи времени каждой четвертый годъ есть високосный и состоитъ изъ 366 дней, составляющихъ 52 недѣли и 2 дни. Въ семъ случаѣ Воскресная буква переходитъ назадъ двумя буквами, и въ слѣдующій годъ бываетъ не первая, но вторая буква въ оборотномъ порядкѣ. И такъ естьли Воскресная буква въ началѣ високоснаго года была А, то въ слѣдующій годъ будетъ уже не G, но F, по причинѣ лишнихъ дней. Еще въ разсужденіи сихъ високосныхъ годовъ надлежитъ замѣтить, что въ нихъ Воскресная буква не до конца года одна бываетъ, какъ бы то можно было учредить, и тогда бы два остающіеся дни производили двойную перемѣну. Но удобнѣе казалось перемѣнить Воскресную букву въ Февралѣ, въ которомъ лишній день включается. И такъ буква бывшая Воскресною въ началѣ високоснаго года остается только до конца Февраля. Тогдажъ, по причинѣ включенія, 23 и 24 день означается одинакою буквою; изъ чего удобно усмотрѣть, что Воскресная буква въ прочее время переходитъ назадъ однимъ мѣстомъ.

НапримѣрЪ, естьли при началѣ года Воскресная буква была A, то послѣ 24 Февраля будетЪ G, а вЪ слѣдующемЪ году, какЪ уже сказано, F.

Теперь остается еще дать понятіе о циклѣ Индикта, который есть непрестанно обращающійся рядЪ 15 Юліанских годовЪ. По большей части думаютЪ, что онЪ учрежденЪ для нѣкоторыхЪ пошлинЪ и сборовЪ, дабы Римскіе подданные вѣдали время, когда платить оныя. НамЪ извѣстно только то, что онЪ былЪ вЪ употребленіи послѣ Императора Константина Великаго, и что ИмператорЪ ЮстиніанЪ узаконилЪ помѣщать сей циклЪ во всѣхЪ публичныхЪ письменныхЪ дѣлахЪ. Хотя сборы и пошлины, подавшія случай кЪ учрежденію ИндиктовЪ, давно уже прекратились; однакожЪ сіе счисленіе и понынѣ еще занимаетЪ знатное мѣсто вЪ календарѣ; ибо вскорѣ послѣ Императора Карла Великаго, Папы начали употреблять оное вЪ своихЪ БуллахЪ, или законахЪ. Также и вЪ Германіи предписано, во всякой записи, сочиняемой нотаріусомЪ, ставить годЪ Индикта. Во время исправленія календаря вычислено, что 1582 годЪ былЪ десятый годЪ Индикта. И такЪ начавЪ считать отЪ сего году назадЪ, легко найти можно, что первой годЪ сего цикла соотвѣтствуетЪ третьему году до Рождества Христова; а по тому прибавивЪ 3 кЪ данному году отЪ Рождества Христова, можно найти годЪ Индикта такимЪ же способомЪ, какимЪ выше сего показано находить лунные и солнечные циклы. ВЪ заключеніе о циклахЪ должно мнѣ сообщить еще одно слѣдующее примѣчаніе: Хронологи называютЪ вообще циклами не только цѣлый рядЪ годовЪ, изЪ которыхЪ циклЪ состоитЪ, но и каждой годЪ такого ряда. Напр. 14 годЪ солнечнаго періода называется безЪ различія и 14 годомЪ солнечнаго цикла, и 14 солнечнымЪ цикломЪ. Также и вЪ лунномЪ счисленіи 5 годЪ называется 5 годомЪ луннаго цикла, или луннымЪ цикломЪ. То же надлежитЪ замѣчать и вЪ разсужденіи ИндиктовЪ.

Для показанія, какЪ сіи циклы могутЪ служить общимЪ масштабомЪ эпохЪ, надлежитЪ мнѣ вЪ самомЪ

началѣ

началѣ замѣтить, что по Хронологическому названію обращеніе годовъ составляетъ циклъ, а обращеніе цикловъ составляетъ то, что называется *періодомъ*. И какъ въ сей наукѣ находятся многоразличныя соединенія цикловъ, слѣдовательно и періоды многоразличны. Но я буду говорить здѣсь отчасти только о *Юліанскомъ періодѣ*, который во всей Хронологіи толь важенъ, и въ новѣйшія столѣтія всегда былъ въ великомъ употребленіи; отчастижъ сообщу понятіе о новоизобрѣтенномъ *Юбилейномъ періодѣ*.

Положимъ, что всѣ три цикла, солнечный, лунный и циклъ Индикта начинаются вмѣстѣ, такъ, что первой годъ солнечнаго цикла есть купно и первой годъ луннаго цикла и Индикта. Въ семъ случаѣ явно, что что 16 годъ сего ряда будетъ 16 годомъ солнечнаго и луннаго цикловъ и первымъ годомъ втораго Индикта; ибо циклъ Индикта заключается 15 годами и долженъ начаться снова. Когдажъ дойдешь до двадцатаго года въ семъ рядѣ, оной будетъ 20 годъ солнечнаго цикла, 1 луннаго и 5 Индикта, понеже лунный циклъ совершаетъ свое обращеніе въ 19 лѣтъ. Въ послѣдствіи усмотришь, что каждой годъ производитъ разные циклы; продолжаяжъ сіе исчисленіе дотолѣ, пока всѣ циклы сойдутся въ тотъ же порядокъ, съ какова начались, то есть, пока первые годы сихъ трехъ цикловъ будутъ въ одинъ годъ, найдешь, что сіе случится не прежде, какъ по прошествіи 7980 лѣтъ. Ибо тогда только, а не прежде, возвратится тотъ же самый порядокъ цикловъ, и начнется второй періодъ, сходный съ первымъ. Понеже въ семъ порядкѣ годовъ содержатся всѣ возможныя перемѣны цикловъ, то скорѣе всего можно вычислить оный, умноживъ числа сихъ трехъ цикловъ, то есть 28, 19 и 15, одно на другое. Ибо происходящее изъ того произведеніе необходимо должно быть равно помянутому періоду, какъ то имѣющимъ свѣдѣніе о значеніи и связи чиселъ явно. Въ учрежденіи сего періода отмѣнною выгодою служитъ еще то, что всѣ годы онаго различаются особенными циклами, такъ, что во всемъ періодѣ ни одинъ годъ не принадлежитъ къ одинакому

такому циклу съ другимъ годомъ; ибо мы видѣли, что порядокъ цикловъ не прежде становится одинаковъ, какъ уже по прошествіи періода, и когда начнется новой такой же періодъ. Такимъ образомъ всѣ годы въ семъ періодѣ съ точностію различаются, и циклы означаются такъ, что одинъ за другой принять не можно. Іосифъ Скалигеръ примѣтилъ сіе, и усматривалъ, сколь бы полезно было употребленіе такого измѣренія времени въ Хронологіи. Стараясь учредить годы онаго сообразно Юліанскому счисленію, онъ началъ считать ихъ съ перваго дня Января, по чему и назвалъ сей періодъ *Юліанскимъ*. Циклы, изъ которыхъ оный составленъ, также приняты были по употребительному у Латинъ методу и счисленію; и какъ по общему ихъ согласію первой годъ Христіанской эры былъ десятый солнечнаго цикла, второй луннаго и 4 Индикта, а сіи три цикла сходствовали съ 4714 годомъ Юліанскаго періода: то Скалигеръ соединилъ сей годъ съ первымъ годомъ общей Христіанской эры (или съ первымъ годомъ по Рождествѣ Христовѣ), и чрезъ то положилъ основаніе учрежденію всего продолженія времени, какъ до сего великаго произшествія, такъ и послѣ онаго, по другимъ годамъ славнаго сего періода.

Сіе измѣреніе времени доставляетъ намъ общее и удобное правило для пріискиванія годовъ котораго нибудь изъ трехъ цикловъ. Ибо какъ первой годъ періода есть и первой годъ каждаго цикла въ ономъ, то надлежитъ только каждой годъ онаго дѣлить на числа, изъ которыхъ циклы состоятъ, т. е. на 28, 19 или 15: разныя частныя числа будутъ показывать, сколько цикловъ прошло съ самаго начала; а остатки будутъ означать годы разныхъ цикловъ, соотвѣтствующіе принятому году періода.

Но я приступаю теперь къ главному намѣренію моему при семъ изъясненіи Юліанскаго періода, а именно къ искусству связывать его съ разными эпохами Исторіи, дабы оныя между собою сравнивать, и все теченіе времени приводить въ правильный послѣдственный порядокъ. Мы уже видѣли, что первой годъ Христіанской

эры

эры приходитъ въ 4714 годъ сего періода, и слѣдовательно прошло 4713 годовъ онаго до начала эпохи Рождества Христова. По чему причисляя ко всякому году 4713, будемъ находить годъ Юліанскаго періода, соотвѣтствующій данному году Христіанской эры. А какъ годы отъ Рождества Спасителя нашего повсюду извѣстны и всѣми приняты, то ничто не можетъ быть легче сея связи. Столь же легко сообразить и другія эпохи съ общимъ періодомъ; ибо Христіане обыкновенно располагаютъ всѣ оныя по сей эпохѣ. Напр. я желаю знать, въ которомъ году Юліанскаго періода начинается эпоха *Гежиры* (или *Егиры*), которая есть славная эра, употребительная у Магометанскихъ народовъ и произшедшая по случаю побѣга Магометова изъ Мекки. Первой годъ Гежиры соотвѣтствуетъ 622 году отъ Рождества Христова. И такъ естьли къ 622 приложу 4713, то выйдетъ 5335, или тотъ годъ, въ которомъ эпоха Гежиры начинается.

Изъ сего можно видѣть, что годы и эпохи по Рождествѣ Христовѣ весьма удобно могутъ приводимы быть въ годы Юліанскаго періода. Но въ разсужденіи прошедшихъ до Рождества Христова годовъ требуетъ сіе болѣе времени и великой точности въ счетѣ; ибо сперва надлежитъ съ точностію опредѣлить тотъ годъ до Рождества Христова, съ котораго они начинаются, до чего часто не можно бываетъ доходить иначе, какъ посредствомъ продолжительнаго ряда вычисленій. Однакожъ сія связь, найдена будучи однажды, награждаетъ достаточно за трудность, ибо послѣ навсегда уже бываетъ вѣрнымъ и необманчивымъ указаніемъ въ сей матеріи. Сверьхъ того вычисленія находятся уже въ касающихся до сего книгахъ, съ которыми только справиться нужно. И такъ зная годъ до Рождества Христова, съ котораго какая нибудь эпоха начинается, надлежитъ только вычесть число онаго изъ 4714; остатокъ будетъ показывать годъ Юліанскаго періода, соотвѣтствующій первому году упоминаемой эпохи. Сообразивъ же начало эпохи съ симъ періодомъ, весьма удобно сообразить и послѣдующіе годы оной: ибо надлежитъ только прикла-

дывать сіи годы къ періоду. Примѣръ послужитъ къ объясненію сего. Олимпіады начинаются съ 776 году до Рождества Христова: слѣдовательно когда вычтешь сіе число изъ 4714, остатокъ 3938 будетъ означать годъ Юліанскаго періода. — Римъ, по обыкновенному счисленію, построенъ въ 753 году до Рождества Спасителя: по чему, когда вычтешь 753 изъ 4714, останется 3961, или годъ Юліанскаго періода, соотвѣтствующій году построенія Рима. Такимъ образомъ можно и всѣ другія эпохи соображать съ симъ общимъ масштабомъ счисленій. Отъ сегожъ соображенія происходитъ великая выгода; ибо онымъ можно разныя эпохи сравнивать, и опредѣлять времена прошедшія отъ одной изъ нихъ до другой, равно какъ и случившіяся въ сіи времена событія у разныхъ народовъ; посредствомъ чего весь рядъ прошедшихъ событій, какъ я уже прежде сказалъ, приводится въ связную цѣпь, которую умъ нашъ въ удобномъ порядкѣ послѣдствія обозрѣвать можетъ. Ибо узнавъ по вышепоказанному вычисленію, что Олимпіады начинаются съ 3938 году Юліанскаго періода, а Римъ построенъ въ 3961 году онаго, усматриваю, что въ послѣдственномъ теченіи времени разстояніе между сими двумя эпохами составляетъ около 23 лѣтъ.

Съ помощію Юліанскаго періода не только можно сравнивать эпохи и опредѣлять ихъ разстоянія въ Исторіи; но также посредствомъ его только разные Хронологи, употребляющіе различный образъ счисленія, другъ друга разумѣть могутъ. Скалигеръ полагаетъ, что міръ сотворенъ въ 3950 году до Рождества Христова; и всѣ его исчисленія на семъ положеніи основаны. Напротивъ того Архіепископъ Уссерій отлагаетъ годъ сотворенія далѣе, даже до 4004 года предъ Христіанскою эрою; а Іезуитъ Петавій, котораго счисленіе нынѣ по большей части принято, до 3984 года предъ сею эрою. И такъ естьлибъ они считали только годами отъ сотворенія міра, то мы никогда бы не могли разумѣть ихъ счетовъ, или усматривать причину несогласія ихъ одного съ другимъ, пока бы не узнали, сколько лѣтъ каждой авторъ полагаетъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова;

а

а сіе многократное изслѣдованіе было бы часто сопровождаемо немалою трудностію и неизвѣстностію. Напротивъ того сображая годы Юліанскаго періода съ годами отъ сотворенія міра, избѣгаемъ всѣхъ сихъ затрудненій, и весьма удобно можемъ находить разныя положенія, Хронологами принимаемыя. И такъ нашедши, что Уссерій полагаетъ сотвореніе міра въ 710 году Юліанскаго періода, Скалигеръ въ 764, а Петавій въ 730, вдругъ усматриваемъ принятыя ими за основаніе положенія, и читая ихъ сочиненія, по тому судить можемъ.

Періодъ сей до самаго начала его простирается на нѣсколько сотъ лѣтъ далѣе сотворенія міра. Скалигеръ, изобрѣтая оный, могъ бы учредить годы его сообразно годамъ міра. Ему надлежало бы только принять годъ сотворенія за первой годъ періода, начать съ онаго счетъ цикловъ, и показать, какіе годы цикловъ соотвѣтствовали тому году, въ которомъ онъ ввелъ періодъ свой въ употребленіе. Но сей способъ былъ бы сопряженъ съ тѣмъ неудобствомъ, что циклы его періода не сходствовали бы съ бывшими тогда въ употребленіи циклами. И такъ онъ за лучшее почелъ принять циклы означенные тогда въ календарѣ Латинской церкви, и доведши ихъ посредствомъ различныхъ ихъ связей даже до того года, въ которомъ всѣ они начинались, положилъ оный началомъ своего счисленія; отъ чего и произошло, что періодъ сей простирается на нѣсколько сотъ лѣтъ далѣе сотворенія міра. Сей способъ не только для общаго употребленія былъ лучше другова, понеже циклы его сходствуютъ съ означенными въ календарѣ циклами; но также и ту еще выгоду имѣетъ, что посредствомъ его разныя мнѣнія Хронологовъ соединяемы быть могутъ. Ибо почти всѣ Хронологи имѣютъ разныя системы и несогласны другъ съ другомъ въ счетѣ отъ сотворенія міра до Рождества Христова; но большая часть сихъ счисленій, особливожъ употребляемыхъ Христіанами Западной церкви, сходствуютъ съ годами Юліанскаго періода. И такъ сообразивъ только ихъ съ симъ періодомъ, найдешь удобный способъ къ сравненію ихъ, какъ то мы уже выше сего показали.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій употребляемъ былъ сей Юліанской періодъ; но лѣтъ за двацать предъ симъ Нѣмецкой ученой Іоганнъ Георгъ Франкъ, Суперъинтендентъ въ Ганноверскомъ округѣ, изобрѣлъ *Іудейской Юбилейный періодъ*, въ которомъ находятся великія преимущества предъ Юліанскимъ. Онъ основанъ на самомъ Священномъ Писаніи и на Божественномъ учрежденіи; содержитъ въ себѣ менѣе произвольнаго, нежели Юліанской періодъ; не столь много простирается далѣе сотворенія, и еще лучше можетъ служить *фундаментальною Хронологіею*, или общимъ *масштабомъ времени*.

Изъ III книги Моисеевой, гл. 25, ст. 8 -- 10, извѣстно, что Богъ учредилъ Іудеямъ Юбилейный годъ по прошествіи каждыхъ 49 лѣтъ, который не только былъ годомъ успокоенія для полей и другихъ земель ихъ, равно какъ и всякой седмой годъ, но также въ семъ году всякому имѣніе его было возвращаемо. *Юбилейный* годъ на Еврейскомъ языкѣ собственно значитъ високосный годъ, или годъ эпактъ; а *Юбилейный циклъ* есть кругъ времени, состоящій изъ 49 лѣтъ, и посредствомъ включаемыхъ дней или мѣсяцовъ приводимый въ опредѣленное равенство и въ ономъ соблюдаемый. Понеже годы сего круга времени составлены изъ солнечныхъ и лунныхъ годовъ, такъ, что 49 астрономическихъ солнечныхъ годовъ сравниваются съ 50½ астрономическихъ лунныхъ годовъ, посредствомъ ежегоднаго причисленія къ послѣднимъ: то у Моисея и 49 годъ сего цикла называется 50, ибо оный былъ 49 солнечный и 50 лунный годъ. По чему и тѣ и другіе годы соединены такъ, что по совершеніи цикла начинаются снова одинакимъ образомъ.

Такіе 152 Юбилейные цикла составляютъ большой *Юбилейный періодъ*, состоящій изъ 7448 лѣтъ. Онъ приводитъ теченіе солнца и луны въ совершенное сходство, и опредѣляетъ новолунія и полнолунія во всѣ годы отъ сотворенія міра, съ котораго онъ начинается, почти съ астрономическою точностію, на всѣ будущія времена: ибо онъ считается не Юліанскими, но астрономическими годами, и по совершеніи своемъ приводитъ всѣ признаки времени въ то самое состояніе, въ которомъ были они при началѣ міра. Сей періодъ начинает-

нается 533 годомъ Юліанскаго періода и десятымъ днемъ Сентября въ ономъ, слѣдовательно 4181 годомъ до Рождества Христова. Удобно сообразить съ нимъ всѣ другія счисленія. Особливожъ съ помощію онаго скоро можно вычислить, сколько лѣтъ, дней и недѣль прошло отъ перваго дня творенія до всякаго даннаго года, дня и недѣли.

Теперь приступаемъ мы ко второй части Хронологіи, или къ разнымъ эпохамъ, къ которымъ счисленія разныхъ націй относятся. Разсуждая о времени, какъ оно въ непрестанномъ послѣдствіи нѣсколька тысячь лѣтъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова продолжается, и предпринимая сообщать свѣдѣніе объ исторіи рода человѣческаго въ сіе великое продолженіе времени, ясно видимъ, что ограниченному духу нашему невозможно ясно понимать произшествія толь многихъ временъ, или обозрѣвать ихъ въ надлежащемъ порядкѣ послѣдствія, естьли не станемъ раздѣлять сего великаго періода на разныя меньшія пространства и разстоянія. Ибо посредствомъ сего гораздо удобнѣе можно будетъ удерживать въ памяти произшедшія въ каждомъ изъ сихъ отдѣленій событія, а по томъ разумомъ составлять оныя въ общій планъ. Такое раздѣленіе можно сдѣлать посредствомъ разсматриванія эпохъ. Ибо онѣ суть нѣкоторыя опредѣленныя точки времени, отличаемыя какими либо достопамятными приключеніями; и по тому представляются уму нашему удобными мѣстами, съ которыхъ можетъ онъ обозрѣвать все достопамятное, прежде и послѣ ихъ происходившее. А понеже эпохи древней Исторіи вообще отдалены одна отъ другой большимъ или меньшимъ пространствомъ годовъ, то находящіеся между ими періоды можно почитать отдѣлами общаго теченія времени. И такъ учащійся Исторіи вопервыхъ стараться долженъ получить ясное понятіе о сихъ періодахъ, или продолженіи времени отъ одной эпохи до другой, и при томъ узнать достопамятнѣйшія событія, въ каждомъ періодѣ по порядку происходившія. Ибо такимъ образомъ вдругъ представитъ онъ уму своему общій чертежъ всего содержанія древней Исторіи,

ріи, и приводя прошедшія приключенія въ правильную цѣпь, избѣжитъ всякаго замѣшательства.

Ученикъ. Я васъ разумѣю. Учась Географіи какого нибудь народа или государства, мы старались сперва получить свѣдѣніе о цѣлой землѣ вообще; по томъ выбирали въ ней какой нибудь примѣчанія достойный городъ, и начавъ съ него, узнавали и другія мѣста по ихъ разстоянію; для того, чтобы умъ нашъ, переходя такимъ образомъ отъ одной провинціи къ другой, обозрѣвалъ бы всю область, и видѣлъ бы ее во всѣхъ частяхъ. Такимъ же способомъ и Исторіи должно учиться. Намъ должно раздѣлить ее на части и періоды, изъ которыхъ бы каждой начинался какимъ нибудь славнымъ произшествіемъ; а по томъ узнавъ достопамятнѣйшія произшествія каждаго періода, пріобщать къ нимъ и другія приключенія прежде или послѣ, смотря по тому, какъ они въ послѣдствіи Исторіи происходили.

Учитель. Ты справедливо разсуждаешь. А для избѣжанія замѣшательства, надлежитъ намъ сначала сдѣлать небольшое число отдѣленій, которыя затвердивъ совершенно въ памяти, послѣ можемъ раздѣлить на такое количество періодовъ, какое намъ надобно будетъ. Намѣренъ будучи предложить тебѣ сперва сокращеніе древней Исторіи отъ сотворенія міра до Рождества Христова, по назначенному выше сего плану, раздѣлю все сіе время на *десять частей. Первая* часть заключаетъ въ себѣ продолженіе древняго міра, или время отъ сотворенія до потопа, содержащее *тысячу шестьсотъ пятьдесятъ два* года. *Вторая* простирается отъ потопа до призванія Авраама, и заключаетъ въ себѣ *четыреста дватцать шесть* лѣтъ. *Третія* начинается призваніемъ Авраама, и кончится при исходѣ сыновъ Израилевыхъ изъ Египта; она содержитъ въ себѣ *четыреста тритцать* лѣтъ. *Четвертая*, съ исхода изъ Египта до разоренія Трои, содержитъ *триста восемь* лѣтъ. *Пятая*, съ разоренія города Трои до начала храма при Соломонѣ, заключаетъ въ себѣ *сто седмьдесятъ два* года. *Шестая*, съ начала храма до построенія Рима, содержитъ *двѣсти пятьдесятъ восемь* лѣтъ. *Седьмая*, съ построенія

города

ѓорода Рима до Кира, содержитъ *двѣсти осмьнатцать* лѣтъ. *Осьмая*, съ Кира до паденія Персидской Имперіи при Александрѣ Великомъ, содержитъ *двѣсти шесть* лѣтъ. *Девятая* простирается съ разрушенія Персидской Имперіи до побѣды надъ Персеемъ, когда Римъ содѣлался повелителемъ міра, и содержитъ *сто шестьдесятъ два* года. *Десятая* и послѣдняя, съ разрушенія Македонскаго царства при Персѣ до начала Христіанской эры, заключаетъ въ себѣ около *ста шестидесяти осьми* лѣтъ. Ты видишь, что каждое изъ сихъ отдѣленій начинается славною эпохою. Я буду проходить ихъ одну послѣ другой, и не только предложу тебѣ сокращеніе исторіи каждой эпохи, но въ продолженіи сего буду замѣчать и другія эры, которыя въ древнія времена были въ отличной славѣ. Посредствомъ сего будешь ты съ точностію обозрѣвать послѣдствія всѣхъ временъ, пріучишься располагать произшествія по правильному теченію лѣтъ, и получишь, такъ сказать, всеобщую карту древней Исторіи. Послѣ того съ пользою можешь учиться каждой части оной особенно. Великія государства будутъ открыты предъ тобою; покажутся дѣянія со всѣми ихъ слѣдствіями; и ты пройдешь съ удовольствіемъ и удобствомъ всю карту человѣческихъ приключеній въ различной ихъ связи. (*)

(*) Сочинитель принялъ здѣсь за основаніе Уссеріево счисленіе времени, по которому Рождество Христово приходитъ въ 4004 году отъ сотворенія міра. По Петавіеву приходитъ оно въ 3983 году. Но сіи счисленія не трудно соединить или сравнить одно съ другимъ.

ИСТОРІЯ.

ИСТОРІЯ.

Ученикъ. И такъ начнитежъ. Видъ, который вы мнѣ открыли, столь прелестенъ, что вамъ не будетъ удивительна нетерпѣливость моя, съ какою желаю я пройти далѣе въ такую пріятную страну.

Учитель. Первая эпоха открывается зрѣлищемъ Божественнаго всемогущества. Богъ творитъ міръ изъ ничего, и украшаетъ его изобиліемъ красоты, дабы служилъ онъ пріятнымъ жилищемъ человѣку, составляющему первой классъ существъ на сей землѣ. Архіепископъ Уссерій, котораго лѣтосчисленію мы здѣсь преимущественно слѣдовать будемъ, полагаетъ сіе великое событіе въ 710 году Юліанскаго періода, или въ 4004 до Рождества Христова. Съ онаго Моисей, великой законодатель Іудейской, начинаетъ свою исторію. Онъ представляетъ намъ прародителей нашихъ въ состояніи невинности и совершенства, украшенныхъ образомъ Творца своего, и надъ всѣми тварями власть имѣющихъ. Но ахъ! сіе состояніе было не продолжительно. Ева прельщенная, и Адамъ, принявшій участіе въ преступленіи, подвергаются страшной перемѣнѣ жребія и принуждены оставить прелестное райское жилище.

Лѣта отъ сотворенія міра.

Земля начинаетъ быть населяема людьми, и поврежденіе натуры человѣческой открывается. Каинъ убиваетъ брата своего Авеля. Но наказаніе непосредственно за преступленіемъ
130 его послѣдуетъ. Мы видимъ сего преступника страждуща отъ угрызеній совѣсти и убѣгающа сообщества людей, которыхъ ненависть онъ заслужилъ. Онъ созидаетъ первой городъ, и у потомковъ его находимъ мы первыя изобрѣтенія искусствъ; но также видимъ между ими и тиранство страстей и удивительную злобу сердца человѣческаго. Потомки Сиѳовы противятся быстрому стремленію порока, и вѣрны Богу
987 пребываютъ. Енохъ дивнымъ образомъ возносится на небо, въ награду за праведное предъ Твор-

Творцемъ своимъ житіе. Но потомки Сиѳовы вступали въ супружескіе союзы съ дѣтьми Каина, или сказать словами Священнаго Писанія, сыны Божіи входили ко дщерямъ человѣческимъ, отъ чего всеобщее развращеніе послѣдовало. Богъ не можетъ долѣе сносить человѣческой злобы; пріемлетъ намѣреніе истребить родъ человѣческій, и возвѣщаетъ оное чрезъ раба своего Ноя. Но люди упорно пребываютъ въ неправдѣ своей; земля потопляется водою, и всѣ люди, кромѣ Ноя съ его семействомъ, погибаютъ. Сіе произошло въ 1656 году отъ сотворенія міра и 2366 году Юліанскаго періода. При семъ достойно замѣчанія то, что потопъ былъ всеобщій, и повѣствованіе объ ономъ у всѣхъ народовъ сохранено. Въ сочиненіяхъ стихотворцевъ ничто столько не прославляется; и никакое другое событіе равной съ нимъ древности не подтверждено толь многими согласными свидѣтельствами. Хотя справедливость Священной Исторіи и безъ сего посторонняго свидѣтельства сомнѣнію не подвержена, однакожъ уму нашему пріятно находить подтвержденіе истинъ, толико для него важныхъ, въ лѣтописяхъ другихъ народовъ, которые не имѣли причинъ, съ намѣреніемъ представлять оныя достовѣрными.

1536

1656

Ученикъ. Я помню, что здѣсь кончится первой періодъ древней Исторіи. И въ самомъ дѣлѣ потопъ явно составляетъ новую эпоху. Размноженіе новаго народа послѣ такого всеобщаго опустошенія кажется другимъ міромъ, изъ развалинъ перваго происходящимъ. И такъ прошу васъ продолжать и сообщить мнѣ нѣкоторое свѣдѣніе о приключеніяхъ сего новаго народа.

Учитель. Во временахъ послѣдовавшихъ послѣ потопа надлежитъ намъ замѣтить нѣкоторыя достопамятныя перемѣны въ обыкновенномъ теченіи натуры. Такое всеобщее потрясеніе безъ сомнѣнія причинило великія движенія въ атмосферѣ, получившей отъ того свойство не столь уже выгодное для образа и состава тѣла человѣческаго, какъ прежде

Лѣта отъ сотворенія міра.

2 Эпоха. Потопъ.

1656

имѣла. Жизнь человѣческая стала короче, и оказалось страшное скопище болѣзней, производящихъ съ того времени толь великое опустошеніе въ мірѣ. Мы находимъ, что память трехъ сыновъ Ноевыхъ сохранена у разныхъ народовъ, отъ нихъ произшедшихъ. Іафетъ, населившій большую часть міра на западѣ, долго былъ извѣстенъ подъ славнымъ именемъ Япета. Хамъ обожаемъ былъ Египтянами подъ именемъ Юпитера Гаммона. А память Сима всегда сохраняема была въ почтеніи у потомковъ его Евреевъ. Случай къ
1757 первому достопамятному разсѣянію рода человѣческаго подало смѣшеніе языковъ, насланное отъ Бога за то, что люди возгордясь покушались построить башню, которой бы вершина до самаго неба доставала. Какъ земля послѣ потопа была покрыта лѣсами, служившими жилищемъ дикимъ звѣрямъ, то величайшее геройство въ сіи времена состояло въ разчищеніи лѣсовъ и въ истребленіи звѣрей, наносившихъ непрестанно безпокойство людямъ и препятствовавшихъ имъ распространять свои жилища. Невродъ, или Нимродъ, пріобрѣлъ въ томъ великую славу, по чему Моисей называетъ его великимъ ловцемъ предъ Господомъ. Такія предпріятія вскорѣ привели его въ уваженіе, и какъ они сами по себѣ клонились къ возбужденію честолюбія въ сердцѣ человѣческомъ, то мы видимъ его домогающагося пріобрѣсть владычество надъ подобными ему человѣками, и утверждающаго уваженіе свое завоеваніями. Такимъ образомъ произошли царства. Нимродъ основалъ царство свое въ Вавилонѣ, гдѣ было дѣ-
1771 лано тщетное покушеніе построить славную башню. Около сегожъ времени положено было основаніе города Нинивіи; также учреждены и нѣкоторыя другія царства. Легко догадываться можно, что оныя при началѣ своемъ были весьма малы. Въ одномъ только Египтѣ находимъ четыре династіи, или области: Ѳивскую, Тинскую, Мемфисскую и Танисскую. Къ семужъ времени можно относить начало Египетскихъ законовъ и гражданскаго устройства. Египтяне начинали уже тогда прославляться астрономическими науками столь-

ко

ко же, какъ и Халдеи, упражнявшіеся въ оныхъ съ такою жъ ревностію; ибо до сего только времени простираются дѣланныя ими наблюденія тѣлъ небесныхъ, какъ мы о семъ судить можемъ по извѣстію, которое Философъ Каллисѳенъ изъ Вавилона Аристотелю сообщилъ. Понеже въ сіи времена начинали уже заниматься умозрительными науками, то изъ сего удобно заключить можешь, что и практическія искусства, служащія къ содѣланію жизни покойною и пріятною, не были въ пренебреженіи оставляемы. Ной безъ сомнѣнія сохранилъ всѣ изобрѣтенія древняго міра; но какъ земля отъ потопа весьма примѣтную перемѣну потерпѣла, то надлежало вымышлять новыя изобрѣтенія, сообразныя съ настоящими обстоятельствами. По чему находимъ мы, что земледѣліе, архитектура и искусство исправленія нравовъ весьма рано вошли въ употребленіе въ западныхъ странахъ міра, гдѣ Ной со своими потомками сперва поселился. Далѣе отъ нихъ не находимъ въ древности ничего, кромѣ варварства и дикой пустыни. Въ самой Греціи, показавшей Европейскимъ націямъ путь къ искусствамъ и наукамъ, самыя необходимыя потребности жизни человѣческой были не извѣстны, пока не пришли туда нѣкоторые иностранцы изъ восточныхъ земель и не перенесли съ собою знаній тамошняго искуснѣйшаго уже народа. Однако хотя искусства и науки на Востокѣ процвѣтали, но познаніе истиннаго Бога, какъ кажется, весьма рано было уже утрачено. Древними изустными преданіями вмѣшаны были въ религію многія нелѣпыя понятія, и произведены грубыя идеи о Божествѣ, скоро распространившіяся въ мірѣ. Число ложныхъ боговъ весьма умножилось; и сего ради Богъ призвалъ Авраама.

Сіе произошло чрезъ четыреста двадцать шесть лѣтъ послѣ потопа и въ 2793 году Юліанскаго періода. Всѣ народы жили тогда по своему хотѣнію и забыли Сотворившаго ихъ. Но Богъ хотѣлъ поставить нѣкоторое препятствіе теченію всеобщаго сего разврата, и положилъ избрать себѣ особенный народъ.

Лѣта отъ сотворенія міра.

3 Эпоха. призваніе Авраама.

 Авра-

Аврааму надлежало быть отцемъ сего избран-
2083 наго народа. Богъ явился ему въ землѣ Хананской, гдѣ хотѣлъ уставить служеніе Себѣ, и повелѣлъ обитать тамъ потомкамъ сего великаго Патріарха, которыхъ обѣщалъ умножить, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ морской. Достойно примѣчанія, что сей отецъ избраннаго народа, имѣвши безчисленное богатство и такую силу, которой сила нѣсколька союзныхъ царей уступить была должна, не оставилъ обычаевъ древнихъ временъ, и довольствовался простотою сельской жизни, въ которой ничѣмъ инымъ богатства своего не оказывалъ, какъ только безпредѣльнымъ гостепріимствомъ. Въ его время Инахъ, древнѣй-
2148 шій изъ всѣхъ царей, упоминаемыхъ въ Греческой исторіи, основалъ царство Аргосъ. Послѣ Авраама Исторія упоминаетъ о сынѣ его Исаакѣ и внукѣ Іаковѣ, толико же прославившихся простотою нравовъ и твердою вѣрою въ Бога. Но они получили и достойную награду за свое благочестіе. Возобновлены имъ были прежнія обѣтованія, и они, такъ же какъ Авраамъ, наслаждались благоволеніемъ и покровительствомъ Божіимъ. Исаакъ благословилъ Іакова вмѣсто стар-
2245 шаго брата его Исава, и тѣмъ исполнилъ только волю Божію, хотя и казалось, что онъ былъ обманутъ. Священное Писаніе упоминаетъ еще объ Исавѣ подъ именемъ Едома. Онъ былъ отецъ Идумеевъ, немало прославившихся въ Исторіи. Іаковомъ рождены двѣнатцать Патріарховъ, отцы двѣнатцати колѣнъ Израильскихъ. Между оными заслуживаетъ предпочтеніе Іосифъ. Въ приключеніяхъ его, по которымъ онъ былъ наконецъ первымъ чиновникомъ у царя Египетскаго, явно открывается непосредственное дѣйствіе Провидѣнія, предуготовлявшаго чрезъ то исполненіе обѣтованій, данныхъ Аврааму. Ибо сіе самое было причиною, что Іаковъ со своимъ семействомъ поселился въ той части Египта, въ которой Танисъ былъ главнымъ городомъ, и которой цари всѣ Фараонами назывались. Іаковъ незадолго предъ смертію своею созвалъ дѣтей
2315 своихъ, и возвѣстилъ имъ славное пророчество

о будущемъ состоянiи ихъ потомства, особливожъ Iудѣ открылъ время пришествiя Мессiи, которому отъ его колѣна произойти надлежало. Семейство сего Патрiарха въ короткое время стало великимъ народомъ. Толь удивительное размноженiе возбудило зависть въ Египтянахъ, и они начали дѣлать Евреямъ жестокiя притѣсненiя. Наконецъ Богъ посылаетъ въ мiръ Моисея, спасаетъ его отъ водъ рѣки Нила, и при- 2433
водитъ дочь Фараонову, которая нашедши его, воспитываетъ какъ своего сына, и повелѣваетъ научить всей мудрости Египетской. Около сего времени Египтяне разсылали колонiи въ разныя страны Грецiи.
Одна изъ сихъ колонiй, подъ предводитель- 2448
ствомъ Цекропса, основала въ Аттикѣ двѣнатцать городовъ, или паче деревень, изъ которыхъ составилось Аѳинское царство, гдѣ основатель его установилъ Египетскую религiю и законы. Вскорѣ по томъ Ѳессалiя потоплена была славнымъ наводненiемъ при Девкалiонѣ, которое Греческiе стихотворцы смѣшали со всеобщимъ потопомъ. Елленъ, сынъ сего Девкалiона, царствовалъ послѣ того въ Ѳессалiи, и отъ него Грецiя названiе свое (Еллада) получила. Около сегожъ времени Кадмъ, сынъ Агеноровъ, пришелъ съ колонiею изъ Феникiи въ Беотiю, и положилъ основанiе древняго города
Ѳивъ. Между тѣмъ Моисей взросъ, и долженъ 2473
былъ скрыться отъ Двора Фараонова, ибо онъ противился утѣсненiю своихъ соотчичей. Онъ удалился въ Аравiю, и пасъ тамъ сорокъ лѣтъ стада тестя своего Iоѳора. Тамъ видѣлъ онъ видѣнiе огненнаго куста, и слышалъ гласъ Божiй, повелѣвшiй ему итти въ Египетъ и братiй своихъ отъ рабства избавить. Онъ повиновался гласу Божiю, и дѣлалъ при Дворѣ Фараоновомъ тѣ чудеса, о которыхъ въ Священномъ Писанiи обстоятельное повѣствованiе находимъ. Сiе приводитъ насъ къ четвертому перiоду нашей Исторiи.

Ученикъ. Позвольте мнѣ перервать здѣсь на минуту повѣствованiе; ибо мы дошли до Египтянъ, которые въ сiе время, какъ кажется, были весьма сильный народъ. Я много наслышался объ ихъ мудрыхъ учре-

жденіяхъ, о великомъ ихъ знаніи въ наукахъ, объ ихъ пирамидахъ, обелискахъ, храмахъ, и другихъ великолѣпныхъ монументахъ богатства ихъ и величества. Въ это ли уже время, о которомъ мы говоримъ, дошли они до такого отличнаго преимущества предъ другими народами?

Учитель. Да, они имѣли уже тогда великіе успѣхи. Въ похвалу Моисею сказано, что онъ наставленъ былъ во всей учености Египетской. Ты слышалъ, что они разсылали отъ себя колоніи, для введенія между варварскими народами лучшихъ нравовъ и учрежденія гражданскаго благоустройства. Сіе служитъ достаточнымъ доказательствомъ и силы ихъ и мудрости. Хотя многія изъ удивительныхъ дѣлъ ихъ, какъ-то Лабиринтъ, озеро Мерисово, и пр., принадлежатъ къ позднѣйшимъ временамъ; но то извѣстно, что пирамиды построены были еще прежде сихъ временъ, о которыхъ мы говоримъ. Также не совсѣмъ неосновательно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, догадывающихся, что Израильтяне во время ихъ рабства употребляемы были къ работѣ при семъ строеніи; ибо жалобы ихъ подаютъ поводъ думать, что наложена была на нихъ тягостная работа при строеніи какого нибудь великаго зданія. Но возвратимся къ нашей Исторіи.

Лѣта отъ сотворенія міра.

4 Эпоха. Исходъ изъ Египта.

2513

Въ 856 году послѣ потопа, въ 430 по призваніи Авраама и въ 3223 Юліанскаго періода, Моисей вывелъ дѣтей Израилевыхъ изъ Египта, и получилъ отъ самого Бога законъ на горѣ Синаѣ. Во время путешествія своего по Арабійскимъ пустынямъ въ землю Хананскую учредилъ онъ по указанію Божію и подъ Его надзираніемъ все служеніе Скиніи Свидѣнія. Также видимъ его учреждающаго гражданское правленіе между колѣнами Израильскими, и пользующагося при семъ установленіи совѣтами тестя своего Іоѳора. Во время сихъ происшествій въ пустыняхъ, Египтяне продолжаютъ заведеніе поселеній своихъ между разными народами, особливожъ

въ

въ Греціи, гдѣ Данай нашелъ способъ овладѣть престоломъ Аргосскимъ, прогнавъ древнихъ царей, происходившихъ отъ Инаха. По 2530
смерти Моисея заступилъ мѣсто его Іисусъ 2553
Навинъ, который началъ и почти совершилъ завоеваніе Ханаана. Послѣ него представляется намъ рядъ Судей, или чрезвычайныхъ правителей. Но по смерти старѣйшинъ, знавшихъ Іисуса Навина, Израильтяне забывали Бога отцевъ своихъ, и сосѣдними народами прельщаемы были къ идолопоклонству. Они навлекали тѣмъ на себя тяжкія наказанія, и предаваемы были жестокимъ притѣснителямъ. Однакожъ когда въ печаляхъ своихъ прибѣгали къ Богу, то Онъ отъ времени до времени не оставлялъ посылать имъ избавителей. Гоѳоніилъ, одинъ изъ такихъ мужей, прекратилъ 2599
тиранство Хусарсаѳема, царя Месопотамскаго; а чрезъ 80 лѣтъ по томъ Аодъ освободилъ Израильтянъ отъ притѣсненій Еглома, царя Моавитскаго. 2679
Около сего времени Пелопсъ, Фригіянинъ, сынъ Танталовъ, царствовалъ въ Пелопоннесѣ, и сей славный полуостровъ названъ по его имени. Вилъ, или Белъ, царь Халдейской, обожаемъ былъ своимъ народомъ. Іудеи бывали побѣдителями, когда воздавали почитаніе Богу своему, или плѣнниками, когда Его оставляли, и испытывали весьма различныя перемѣны щастія, какъ то можно видѣть изъ исторіи Девворы и Варака, Гедеона, Авимелеха, Іефѳая, и пр. Въ семъ столѣтіи между язычниками происходило весьма много достопамятныхъ приключеній. Ибо по исчисленію Геродота, которое самымъ исправнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ кажется, къ сему времени должно относить
основаніе Ассирійской Имперіи при Нинѣ, сынѣ 2737
Беловомъ, за 520 лѣтъ до построенія города Рима, во время пророчицы Девворы. Нинъ учредилъ столицу сея Имперіи въ Ниниви, древнемъ и по всему Востоку уже славившемся городѣ, который отъ того сталъ еще славнѣе и болѣе увеличился. Полагающіе продолженіе первой Ассирійской Монархіи до 1300 лѣтъ, относятъ начало ея даже ко временамъ Нимрода, основывая мнѣ-

ніе свое на древности сего города. Но Геродотъ, полагающій продолженіе оной только до 520 лѣтъ, говоритъ о состояніи ея при Нинѣ, когда Ассиріяне распространили завоеванія свои по всей верхней части Азіи. Ко времени сего завоевателя надлежитъ относить основаніе, или паче возобновленіе древняго города Тира, толико прославившагося послѣ своимъ мореплаваніемъ и колоніями. Въ сихъ же, или вскорѣ послѣдовавшихъ, временахъ, вѣроятно при жизни Авимелеха, должно замѣтить славныя дѣла Геркулеса, сына Амфитріонова, и Тезея, царя Аѳинскаго. Сей послѣдній составилъ изъ двѣнатцати областей Аттическихъ одинъ городъ, и установилъ лучшій образъ правленія у Аѳинянъ. При правленіи Семирамиды, прославившейся завоеваніями своими столькожъ, какъ и великолѣпными строеніями, и въ то время, когда Іефѳай былъ Судіею въ Израилѣ, послѣдовало разореніе Трои. Сей городъ, который и прежде еще во время царя Лаомедонта былъ завоеванъ Греками, тогда при царѣ Пріамѣ, сынѣ Лаомедонтовомъ, взятъ былъ ими вторично по десятилѣтней осадѣ, и обращенъ въ кучу пеплу.

Лѣта отъ сотворенія міра.

5 Эпоха. Взятіе Трои.

2820

Сія эпоха, послѣдовавшая чрезъ 308 лѣтъ по исходѣ изъ Египта и въ 3530 году Юліанскаго періода, заслуживаетъ вниманіе наше не только по важности толь великаго произшествія, повѣствуемаго толь многими Греческими и Римскими стихотворцами, но и по тому, что все достойное примѣчанія изъ баснословныхъ и героическихъ временъ къ сему времени относить можно. Романическія и баснословныя времена, въ которыхъ стихотворцы представляютъ своихъ Героевъ, дѣтей боговъ, близки къ сей эрѣ, о которой мы говоримъ. Ибо во время Лаомедонта, отца Пріамова, прославились всѣ Герои участвовавшіе въ пріобрѣтеніи золотаго руна, какъ-то Язонъ, Геркулесъ, Орфей, Касторъ, Поллуксъ, и пр. Даже и во времена Пріамовы находимъ Ахиллеса, Агамемнона, Менелая, Гектора, Улисса, Діомеда, Сарпедона,

дона, сына Юпитерова, Енея, сына Венерина, котораго Римляне праотцемъ своимъ почитали, и многихъ другихъ, которыми толь многія націи и славнѣйшія поколѣнія хвалились. И такъ сія эпоха удобна для собранія къ ней всего великаго и славнаго въ баснословныхъ временахъ. Но произшествія, означенныя въ продолженіе сего періода въ Священномъ Писаніи, еще удивительнѣе. Дивная сила Самсонова и чудные его подвиги, правленіе Илія, Самуилъ, избранный пророкъ Божій, Саулъ, первой царь въ Израилѣ, побѣды его, дерзость и нещастное паденіе, — всѣ сіи произшествія приводятъ насъ въ удивленіе. Въ сіе время Кодръ, царь Аѳинской, пожертвовалъ жизнію своею для спасенія своего отечества. Дѣти его Медонъ и Нилей спорили между собою о наслѣдствѣ престола. При семъ случаѣ отмѣнена была у Аѳинянъ власть царская, и они избирали себѣ потомъ безсмѣнныхъ правителей по смерть, которые должны были давать отчетъ въ своихъ поступкахъ, и назывались Архонтами. Медонъ, сынъ Кодровъ, былъ первой отправлявшій сію должность; и сіе достоинство долго въ родѣ его оставалось. Въ то же время распространились разныя селенія въ части Малой Азіи, называемой Іоніею. Кромѣ сихъ поселились тамъ еще Эолійцы, и вся Малая Азія наполнена была Греческими городами. Въ царствѣ Израильскомъ
Давидъ вступилъ въ правленіе послѣ Саула, 2949
и сначала признанъ былъ царемъ только въ колѣнѣ Іудиномъ; но по смерти Іевосѳея и прочія колѣна ему покорились. Онъ былъ храбрый и щастливый государь; распространилъ свое владѣніе, и возвелъ Израильтянъ на такую степень богатства и силы, на какой они прежде никогда еще не бывали. Но то гораздо еще достойнѣе примѣчанія, что онъ былъ избранный любимецъ Божій, и какъ Священное Писаніе его называетъ, мужъ по сердцу Божію. За симъ благочестивымъ воиномъ послѣдовалъ Соломонъ, мудрый, правосудный и миролюбивый царь, котораго руки, кровію не оскверненныя, почтены были достойными создать храмъ Всевышнему.

 Соло-

Лѣта отъ сотворенія міра.

6 Эпоха. Храмъ.

Соломонъ положилъ основаніе храма въ 3702 году Юліанскаго періода, въ 480 по исходѣ изъ Египта, и (дабы соединить Священную Исторію съ мірскою) чрезъ 172 года по разореніи Трои и за 264 года до построенія города Рима. Прочія обстоятельства его правленія подробно повѣствуемы въ Свя-
2992 щенномъ Писаніи, и онъ представляется примѣромъ купно и высочайшаго величества и слабости человѣческой натуры. При сынѣ его Ровоамѣ Израиль раздѣлился на два царства, изъ которыхъ
3029 одно названо царствомъ Израильскимъ, и состояло изъ десяти колѣнъ, предавшихся Іеровоаму; а другое извѣстно подъ названіемъ царства Іудейскаго, которое составляли два колѣна, оставшіяся въ подданствѣ Дома Давидова. Вѣроятно, что въ сіе время цари Египетскіе были весьма сильны; и многіе думаютъ, что упоминаемый въ Священномъ Писаніи Сусакимъ, употребленный Богомъ къ наказанію Ровоама за его безбожіе, есть тотъ славный завоеватель, кото-
3033 рый въ мірской Исторіи толико извѣстенъ подъ именемъ Сезостриса. Въ правленіе Авіи, сына Ровоамова видимъ мы, какъ сей Государь въ награду за его благочестіе получаетъ знатную побѣду надъ отпадшими колѣнами. Во времена Асы, сына его и преемника, Амерій, царь Израильской, построилъ городъ Самарію, который съ того времени былъ столицею сего царства. За симъ послѣдовало благочестивое
3080 правленіе Іосафатово въ Іудеѣ; въ Израилѣжъ идолослуженіе и безбожіе Ахаава и Іезавели, и достопамятное отмщеніе Божіе за кровь Навуѳееву. Около сего времени надлежитъ полагать основаніе города Карѳагены Дидоною, которая переселилась съ людьми изъ Тира въ Африку, и выбрала для города своего мѣсто, самое удобнѣйшее для торговли. Тиряне смѣшались съ Африканцами, отъ чего произошла нація, и торговая, и къ войнѣ склонная, какъ-то въ послѣдствіи увидимъ. Іудеа и Израиль представляли между тѣмъ зрѣлища удивительнѣйшихъ приключеній и чудесъ. Іорамъ, взя-

вши

вши въ супружество дочь Ахаавову, прельщенъ былъ ею къ идолопоклонству, которому сей безбожный родъ былъ преданъ, и тѣмъ навлекъ на себя наказаніе отъ Бога. Іиуй овладѣлъ царствомъ Израильскимъ, и все потомство Ахаавово истребилъ. Въ сіе время Іорамъ,
царь Іудейской, и Охозіа, сынъ его, купно 3120
съ большею частію рода царскаго, убиты были, какъ свойственники и союзники дому Ахаавова. Гоѳолія, получивъ о семъ извѣстіе, предпріяла совершенно истребить весь Домъ Давидовъ, не щадя и собственныхъ дѣтей своихъ, дабы завладѣть царствомъ Іудейскимъ. Но Іоасъ, сынъ Охозіи, спасенный сестрою его Іосавееѳою, и первосвященникомъ Іодаемъ тайно во храмѣ воспитанный, по прошествіи шести лѣтъ, лишилъ Гоѳолію беззаконно пріобрѣтенной власти и жизни. Въ продолженіе сего времени Иліа и Елиссей, которыхъ имена въ Священномъ Писаніи толь славны, дѣлали чудеса и знаменія въ Израилѣ. Но обратимся къ мірской Исторіи, гдѣ найдемъ уже обильнѣйшую матерію, и можемъ заниматься Греческими Республиками, начинавшими мало по малу составляться, и въ древнія времена толико славившимися. Ибо въ продолженіе сего періода, о которомъ мы говоримъ, какъ-то по большей части думаютъ, прославился Ликургъ, извѣстный Спартанской законодатель. Предѣлы, предписанные мною себѣ при семъ отдѣленіи, не позволяютъ мнѣ предложить тебѣ ниже краткаго начертанія тѣхъ удивленія достойныхъ учрежденій, посредствомъ которыхъ Лакедемонъ содѣлался самымъ сильнѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ въ Греціи. Я сообщу одно только слѣдующее примѣчаніе: Сей законодатель, поставляя главнымъ предметомъ удержать народъ отъ роскоши и корыстолюбія, и вліять въ него воинской духъ, не могъ употребить лучшаго способа къ достиженію сего предмета, какъ сдѣлать равное раздѣленіе земель въ Республикѣ, запретить употребленіе золотой и серебряной монеты, и ввести трудолюбный и умѣренный образъ жизни, который для воинскихъ упражненій всего удобнѣе, и въ которомъ всякой гражданинъ съ самаго дѣтства былъ воспитываемъ. Однимъ

сло-

словомъ, довольно сказать въ похвалу его, что Спартане, доколѣ наблюдали съ точностію установленія Ликурговы, были непобѣдимы и во всемъ мірѣ почтенны. За нѣсколько времени до Ликурга стали извѣстны два славные Греческіе стихотворца, Гомеръ и Гесіодъ. Въ ихъ сочиненіяхъ видимъ мы любви достойную простоту тѣхъ древнихъ временъ; и хотя Исторія мало подаетъ намъ свѣдѣнія о первыхъ вѣкахъ міра, ими описываемыхъ; но изъ сихъ сочиненій весьма явно, что Греки въ сіи времена были сильный народъ и въ разныхъ частяхъ учености имѣли уже великіе успѣхи. Въ Іудеѣ Іоасъ управлялъ народомъ своимъ съ мудростію и правосудіемъ, пока живъ былъ Іодай; но по смерти сего великаго человѣка сталъ онъ такимъ тираномъ, что приказалъ побить каменьемъ первосвященника Захарію, сына благодѣтеля своего. Но за сей
3164 вѣроломный и неблагодарный поступокъ вскорѣ былъ наказанъ. Въ слѣдующій годъ онъ разбитъ былъ Сиріянами, впалъ въ презрѣніе, и убитъ собственными своими рабами. Амессіа, сынъ его, принялъ послѣ него правленіе. Между тѣмъ царство Израильское, совсѣмъ обезсилѣвшее отъ безпрерывной почти войны съ царемъ Дамасскимъ при преемникахъ царя Іиуя, начинало оправляться и наслаждаться благосостояніемъ подъ благоразумнымъ и мужественнымъ правленіемъ
3179 Іеровоама, превосходившаго благочестіемъ и мужествомъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Озіа, или Азаріа, сынъ Амессіинъ, царствовалъ въ
3194 Іудеѣ съ толикоюжъ славою. Въ 34 году его царствованія начинается славное лѣтосчисленіе по Олимпіадамъ, о которомъ выше сего было говорено.
3228 Оно весьма славно въ Исторіи не только по тому, что служило Грекамъ великою эпохою, но и по тому, что началомъ онаго, какъ Варронъ думаетъ, *баснословныя времена* оканчиваются. Сіи времена получили свое названіе отъ многихъ басенъ, съ которыми подлинныя произшествія повѣствовавшими объ оныхъ стихотворцами такъ были смѣшены, что почти не возможно различить истину отъ вымысла.

Уче-

Ученикъ. Какъ вы упомянули теперь о Варронѣ и его раздѣленіи времени, то желалъ бы я, чтобъ вы сообщили мнѣ понятіе объ этомъ раздѣленіи времени. Я часто слыхалъ, что о немъ упоминаютъ, но не зналъ, что подъ тѣмъ разумѣть должно.

Учитель. Варронъ раздѣлялъ все послѣдствіе времени на три періода. Первой изъ сихъ періодовъ простирается отъ сотворенія міра до всеобщаго потопа, и онъ назвалъ его *неизвѣстными временами*; ибо въ мірской Исторіи не находится о нихъ ничего, что хотя бы нѣкоторый видъ истины имѣло. Второй періодъ его продолжается отъ потопа до первой Олимпіады, и сей называетъ онъ *баснословнымъ* по вышеозначенной причинѣ. Наконецъ третій періодъ начинается съ первой Олимпіады, и продолжается по то время, въ которое Варронъ писалъ; намъ же можно продолжить его даже до нынѣшнихъ временъ. Онъ называетъ его *историческимъ временемъ*, ибо съ онаго приключенія рода человѣческаго повѣствуемы намъ были вѣрнѣе и исправнѣе. И по тому Олимпіады, будучи великою эпохою у Грековъ, купно могутъ почитаемы быть и эрою истинной Исторіи. Однакожъ сіе разумѣется только въ разсужденіи произшествій въ языческомъ мірѣ; но въ разсужденіи приключеній избраннаго народа, особливожъ со временъ Авраама, отца и основателя Іудейской націи, находимъ истинное и исправное повѣствованіе въ Священномъ Писаніи, которое также сообщаетъ намъ краткое свѣдѣніе и о предъидущихъ событіяхъ отъ самаго сотворенія міра. Посредствомъ того былъ я въ состояніи сообщить тебѣ правильное повѣствованіе о теченіи дѣлъ человѣческихъ, и вывести Исторію изъ ея источника, не перерывая цѣпи временъ, и располагая разсѣянные отрывки мірской Исторіи по надлежащимъ мѣстамъ, которыя они въ общемъ теченіи времени занимать должны. Хотя Священная Исторія скоро уже прекратится; но мы должны и то за щастіе почитать, что она съ вѣрностію довела насъ до такого періода, съ котораго можно уже начать вѣрить и повѣствованіямъ иныхъ писателей. Продолжая такимъ образомъ

нить

нить Исторіи, видимъ времена последующія одно за другимъ въ связной цѣпи, и можемъ преслѣдовать приключенія человѣческія по истинному и правильному порядку съ самаго ихъ начала даже до тѣхъ временъ, въ которыхъ мы живемъ. Но возвратимся къ нашей матеріи.

По Азаріи наслѣдовалъ царство Іудейское сынъ его Іоаѳамъ, мудрый и благочестивый государь. Но Израильское царство между тѣмъ тревожимо было внутренними раздорами. Селлумъ умертвилъ Захарію, сына Іеровоамова, и присвоилъ себѣ корону. Сіе подало Манаиму надежду удовлетворить честолюбію своему такимъ же способомъ. Онъ сдѣлалъ заговоръ противъ воцарившагося беззаконно Селлума, и лишилъ его жизни.
3233 Въ сіе время Фулъ былъ царемъ въ Ассиріи. Онъ воспользовался безпокойствами въ Израилѣ, и вошелъ съ войскомъ въ сіе царство. Но Манаимъ нашелъ способъ удовольствовать его, заплативъ ему тысячу талантовъ. Архіепископъ Уссерій догадывается, что сей Фулъ былъ отецъ Сарданапаловъ, думая, что самое имя сіе значитъ сынъ (Сарданъ) Пула, или Фула (Phul). Во время царствованія Сарданапалова, и по смерти Алкмена, послѣдняго безсмѣннаго Архонта у Аѳинянъ, сей народъ, получившій склонность къ республиканскому правленію, уменьшилъ власть Архонтовъ и ограничилъ продолженіе правленія ихъ до десяти лѣтъ. Харопсъ былъ первой получившій сіе достоинство съ такимъ ограниченіемъ. Но теперь должны мы обратить вниманіе наше къ Италіи, и замѣтить происхожденіе такого народа, который въ послѣдствіи превзошелъ могуществомъ всѣ другіе народы и распространилъ побѣды свои въ самыхъ отдаленнѣйшихъ частяхъ извѣстнаго міра. По разореніи Трои, Еней, собравъ немногихъ оставшихся нещастныхъ единоземцовъ своихъ, отправился съ ними въ Италію. Тамъ взялъ онъ въ супружество дочь царя Латина, и вступилъ послѣ него на престолъ, который потомкамъ своимъ оставилъ. Сей родъ царей Латинскихъ велся почти триста лѣтъ, и мы не находимъ въ немъ никакихъ достопамятныхъ приключеній даже до временъ Нумитора

и

и Амулія. Амулій присвоилъ себѣ престолъ, принадлежавшій старшему брату его Нумитору, и владѣлъ дотолѣ, пока Ромулъ и Ремъ, дѣти Иліи, дочери Нумиторовой, пришедши въ мужескія лѣта, возвратили дѣду своему законное его наслѣдство, убивъ похитителя онаго.

Лѣта отъ сотворенія міра.

7 Эпоха. Построеніе города Рима.

3250

Вскорѣ послѣ сея великой перемѣны былъ построенъ Римъ, во время царствованія Іоаѳама, царя Іудейскаго. Историки не согласны въ назначеніи года сего произшествія. Уссерій основываетъ свое счисленіе на свидѣтельствѣ Фабія Пиктора, и полагаетъ оное незадолго до начала осьмой Олимпіады, въ 3966 году Юліанскаго періода. По мнѣнію моему, точно въ семъ году положено основаніе города Рима. Но какъ нынѣ почти вездѣ принято Варроново лѣтосчисленіе, то я не хочу ввести въ сей трактатъ разности съ другими историческими книгами, которыя ты можешъ быть читать будешь, и въ послѣдствіи буду соображаться съ положеніемъ Варрона, который относитъ сіе произшествіе къ третіему году шестой Олимпіады, то есть къ 3960 году Юліанскаго періода, къ 430 по взятіи Трои, и 753 до начала Христіанской эры. По увѣдомленію Плутархову и другихъ, Римляне начали строеніе свое въ 21 день Апрѣля. Сей день тогда посвященъ былъ Палесѣ, богинѣ пастуховъ; по чему послѣ празднество Палесѣ и воспоминаніе построенія города отправляемы были въ одинъ день. Сія эра весьма достопамятна въ Исторіи, по тому, что посредствомъ ея весьма удобно можемъ приводить въ порядокъ свѣдѣнія наши о Западныхъ и Европейскихъ націяхъ. Она немногими только годами разнится съ другою толикожъ славною Эрою въ Восточной Хронологіи. Ибо около шести лѣтъ отъ построенія города Рима, по счисленію Варронову, разрушилась Ассирійская монархія, чему главною причиною была слабость Сарданапалова. Сей государь ни мало не рачилъ о дѣлахъ государственныхъ, и заключилъ себя во двор-

цѣ

цѣ своемъ съ женами своими и евнухами, чѣмъ навлекъ на себя презрѣніе отъ подданныхъ. Арбацесъ, намѣстникъ Мидской, и Белезисъ, намѣстникъ Вавилонской, составили противъ него заговоръ, осадили его въ столичномъ его городѣ, и наконецъ до того довели, что онъ сожегъ самъ себя во дворцѣ своемъ со всѣми его окружавшими. Отъ раздѣленія сильной сея Имперіи произошли два другія государства, основанныя начальниками заговора. Белезисъ получилъ во владѣніе Вавилонъ, Халдею и Арабію; Арбацесужъ досталось все прочее. Белезисъ называется еще Набонассаромъ, и съ правленія его въ Вавилонѣ начинается славная астрономическая эра, о которой мы говоримъ, и которая по немъ названа эрою Набонассаровою. Сія эра дошла до насъ посредствомъ Птоломеева устава, который съ Набонассара продолжается по порядку Вавилонскихъ, а по томъ Персидскихъ царей, и простирается чрезъ долгое время послѣ Рождества Христова. Уставъ сей служитъ вѣрнымъ указателемъ въ разсужденіи Восточной Хронологіи, и употребляется съ великою пользою для соединенія Священной Исторіи съ мірскою. Ибо какъ онъ начинается за нѣсколько лѣтъ до плѣненія Вавилонскаго которымъ Іудейская исторія прерывается, то мы можемъ употребить сію связь въ помощь себѣ, и продолжать исчисленія времени съ вѣрностію до начала Христіанской эры. Первой

3257 годъ Набонассаровой эры соотвѣтствуетъ седьмому году отъ построенія Рима, второму осьмой Олимпіады, 747 до Рождества Христова, и 5967 году Юліанскаго періода. Въ продолженіе сего времени царствовалъ въ Іудеѣ Охозіа, послѣ отца его Іонаѳама. Роассонъ, царь Сирской, и Факей, царь Израильской, напали на него, и принудили его прибѣгнуть къ царю Ассирійскому, называемому въ Писаніи Ѳелгаѳелласаромъ, который вскорѣ и пришелъ къ нему на помощь. Сей Ѳелгаѳелласаръ почитается вышеупоминаемымъ Арбацесомъ Мидяниномъ; ибо имя его Тиглат-Пул-Ассаръ имѣетъ совершенное сходство съ именами двухъ прежнихъ царей, Пулъ и Сардана-Пулъ. По чему вѣроятно, что онъ воспользовавшись неустройствомъ, послѣдовавшимъ по раз-

разрушеніи Ассирійской Имперіи и по раздѣленіи оной между Арбацесомъ и Белезисомъ, собралъ подданныхъ, пребывшихъ вѣрными дому Фулову, и овладѣвъ городомъ Нинивіею, основалъ тамъ для себя третіе государство, между тѣмъ, какъ Арбацесъ и Белезисъ старались утвердиться въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ они при прежнемъ Монархѣ были намѣстниками. И такъ видимъ мы второе Ассирійское государство, изъ развалинъ перваго происходящее, въ которомъ Нинивія оставалась столичнымъ городомъ. Ѳелгаѳфелласаръ пришелъ съ великимъ войскомъ на помощь къ Ахазу, взялъ Дамаскъ, и совсѣмъ разрушилъ Сирійское царство, соединивъ земли онаго со своими. Онъ притѣснялъ также царство Израильское, и даже дѣлалъ разоренія въ области друга своего и союзника царя Ахаза. Такимъ образомъ цари Ассирійскіе узнали путь въ Обѣтованную землю, и предпріяли присоединить ее къ своему царству, ибо ея положеніе было весьма удобно къ тому. Они начали съ царства Израильскаго, которое Саламанасаръ, сынъ и преемникъ Ѳелгаѳфелласаровъ, покорилъ себѣ, за- 3283
ключивъ царя Осію въ темницу, а народъ его отведши въ плѣнъ. Около сего времени умеръ Ромулъ, первой царь Римской, царствовавъ 37 лѣтъ. Онъ всегда занятъ былъ войною, съ которой всегда съ побѣдою возвращался. Но сіе не препятствовало ему стараться о гражданскомъ устроеніи, равно какъ и о религіи новаго своего города; и онъ положилъ основаніе тѣхъ законовъ и учрежденій, которыя увеличенію Римскаго народа толико споспѣшествовали. Продолжительный и безпрерывный миръ подалъ преемнику его Нумѣ случай совершить сіе дѣло. Онъ исправилъ грубые нравы своего на- 3290
рода, и устроилъ ихъ религію лучшимъ образомъ. Въ его время нѣкоторыя колоніи, вышедшія изъ Коринѳа и другихъ странъ Греціи, построили въ Сициліи Сиракузы, также Кротону и Тарентъ въ тѣхъ частяхъ Италіи, которыя еще древнѣйшими выходцами Греческими названы были Великою Греціею. Между тѣмъ Езекія вступилъ послѣ Охозіи на престолъ Іудейской. Сей государь, славный своимъ благочестіемъ, былъ толико

 любимъ

любимъ Богомъ, что избавленъ Имъ былъ чудесно отъ тяжкой болѣзни и отъ Сеннахирима, царя Ассирійскаго. Но Манассія, сынъ его, не слѣдовалъ его примѣру, за что и преданъ былъ во власть Асордану, преемнику Сеннахиримову. Сей Асорданъ былъ искусный въ политикѣ государь, соединившій паки Вавилонское царство съ Ассирійскимъ, и распространившій многими завоеваніями владѣніе свое почти далѣе, нежели древняя Ассирійская Монархія простиралась. Между тѣмъ Мидяне, посредствомъ мудраго правленія перваго царя ихъ Дейоцеса, начали приходить въ уваженіе. Дейоцесъ возведенъ былъ единоземцами своими на престолъ за его добродѣтели, для
3296 прекращенія неустройствъ, владычествовавшихъ въ Мидіи, когда тамъ не было еще порядочнаго правленія. Онъ построилъ городъ Экбатану, и положилъ основаніе сильному государству. Сила и пространство Рима также возрастали, но малу по малу. При третіемъ царѣ Римскомъ, въ 83 году отъ построенія сего города, произошло славное сраженіе между Гораціями и Куріаціями, на которомъ городъ Алба былъ побѣжденъ, и граждане его соединены съ побѣдивши-
3332 ми Римлянами. Съ сего времени начинается въ Египтѣ правленіе Псаммитиха. За нѣсколько времени предъ тѣмъ сія земля раздѣлена была
3334 на двѣнатцать частей управляемыхъ двѣнатцатью Князьями, которые въ память ихъ союза построили славный лабиринтъ. Но Псаммитихъ, принадлежавшій къ ихъ числу, возбудилъ зависть прочихъ и прогнанъ былъ ими. Онъ собралъ по томъ войско, покорилъ одиннатцать союзныхъ Князей, и овладѣлъ одинъ всѣмъ царствомъ. Іонійцы и Карійцы помогали ему въ семъ предпріятіи, и за то онъ позволилъ имъ поселиться въ Египтѣ, до чего прежде иностранные допускаемы не были. При семъ случаѣ Египтяне начали въ первой разъ имѣть сообщеніе съ Греками, и какъ по томъ непрестанно уже продолжали оное, то сіе время, по мнѣнію Геродота, служитъ намъ эрою истинной Египетской исторіи, которая прежде баснями и жреческими вымыслами такъ была затмѣваема, что вѣрить

ей

ей было не можно. Въ Мидіи Фраортесъ по-
слѣдовалъ за отцемъ его Дейоцесомъ, и по 3348
двадцатидвухлѣтнемъ правленіи оставилъ царство сы-
ну своему Ціаксару. Скиѳы напали на сего государя,
и побѣдивъ его въ сраженіи, отняли у него всю верх-
нюю часть Азіи, и владѣли оною двадцать восемь
лѣтъ. Въ Іудеѣ Аммонъ послѣдовалъ за Манассіею, и
по краткомъ правленіи оставилъ царство сыну своему
Іосіи, который былъ благочестивый государь и привелъ
Іудею въ лучшее состояніе. Между тѣмъ Римъ, при
четвертомъ царѣ его Анкѣ Марціи, распространялъ
свою область, и присоединеніемъ побѣждаемыхъ народовъ
увеличивалъ силу и число гражданъ своихъ. Мы уже
видѣли, что Вавилонъ соединенъ былъ съ Нинивіею. Въ
семъ состояніи оставался онъ до правленія Хиналадана,
называемаго иначе Саракомъ. Но сей слабый государь
убитъ полководцемъ своимъ Набополассаромъ, котораго
послалъ онъ съ войскомъ противъ Ціаксара,
царя Мидскаго, и который, согласившись съ 3378
Астіагомъ, сыномъ Ціаксаровымъ, осадилъ и взялъ
Нинивію. По томъ Набополассаръ, въ угодность Мидя-
нямъ, разорилъ сей великой и древній городъ до осно-
ванія. Съ того времени Вавилонъ былъ уже одинъ сто-
лицею Ассирійскаго государства. За Набопо-
лассаромъ послѣдовалъ сынъ его Небукаднезаръ 3397
(Навуходоносоръ), государь весьма славный въ Исто-
ріи, и содѣлавшій посредствомъ удивительныхъ завое-
ваній своихъ Вавилонъ столицею міра. Онъ бралъ Іеру-
салимъ три раза, и наконецъ разорилъ его до основа-
нія. Весь Іудейской народъ отведенъ былъ побѣдите-
лемъ въ плѣнъ. Сіе-то есть славное *Вавилонское плѣне-
ніе*, или паче разсѣяніе Іудеевъ, продолжавшееся 70
лѣтъ и толь часто въ книгахъ пророческихъ упоминае-
мое. Греція въ сіе время процвѣтала, и тогда начина-
лись успѣхи ея въ учености и въ изящныхъ
искусствахъ. Она прославилась седмью мудре- 3410
цами своими. Солонъ, данными Аѳинянамъ мудрыми
законами, соединилъ свободу съ правосудіемъ, и ввелъ
между согражданами своими такія учрежденія, которымъ

необходимо надлежало содѣлать ихъ храбрымъ и разумнымъ народомъ. Тарквиній Прискъ царство-
3425 валъ тогда въ Римѣ. Онъ покорилъ себѣ часть нынѣшней Тосканы, и украсилъ городъ многими великолѣпными зданіями. Послѣ него царство досталось Сервію Туллію. Сей Государь прославился учрежденіемъ Ценза, или расписанія гражданъ, и многими другими законами, въ пользу народа изданными. Въ Египтѣ за Псаммитихомъ, по 54лѣтнемъ его правленіи, послѣдовалъ сынъ его Нехъ, называемый въ Писаніи Фараономъ Нехао. Съ симъ царемъ Іосіа, царь Іудейской, имѣлъ нещастное сраженіе въ долинѣ Магеддонъ, гдѣ
3394 получилъ тяжелую рану, отъ которой умеръ. За Нехомъ послѣдовалъ Псаммисъ, оставившій царство сыну своему Апрису, называемому въ Писаніи Фараономъ Вафріемъ, до котораго толь многія пророчества касаются. Первой годъ правленія Априсова
3410 былъ послѣдній правленія Ціаксара, царя Мидскаго, за которымъ, по сороколѣтнемъ его царствованіи, слѣдовалъ Астіагъ. Небукаднезаръ, совершивъ великія свои завоеванія, и обогативъ Вавилонъ добычею отъ побѣжденныхъ народовъ, занимался укра-
3434 шеніемъ сего города, и приказалъ построить вокругъ его тѣ удивительныя зданія, о которыхъ столь чудныя повѣствованія въ древней Исторіи находимъ. Сынъ его Евилмеродахъ правительствовалъ только два года, и привелъ себя въ такую ненависть
3444 у собственныхъ своихъ родственниковъ, что они составили противъ него заговоръ и убили его. Нериглоссоръ, зять Евилмеродаховъ, былъ начальникомъ сего заговора, и по смерти его вступилъ на престолъ. Около сего времени Пизистратъ присвоилъ себѣ верховную власть въ Аѳинахъ, удерживалъ ее тритцать лѣтъ при различныхъ перемѣнахъ щастія, и дѣтямъ своимъ оставилъ. Между тѣмъ Мидяне подъ правленіемъ Астіаговымъ отъ времени до времени болѣе усиливались. Сіе возбудило зависть въ Нериглоссорѣ, царѣ Вавилонскомъ. Онъ объявилъ имъ войну. По смерти Астіага правленіе государства и произвожденіе сея вой-

ны

ны досталось сыну его Ціаксару II, котораго Пророкъ Даніилъ называетъ Даріемъ Мидскимъ. Онъ просилъ помощи въ толь страшной войнѣ у Камбизеса, царя Персидскаго, имѣвшаго въ супружествѣ сестру его Мандану. Камбизесъ послалъ къ нему немалое
войско подъ предводительствомъ сына своего 3445
Кира, племянника Ціаксарова; сей же государь поручилъ ему предводительствовать и Мидскимъ войскомъ противъ царя Вавилонскаго. Киръ былъ молодой Принцъ съ великими дарованіями, показавшій важные опыты геройскаго мужества и благоразумнаго поведенія на войнѣ еще при дѣдѣ своемъ Астіагѣ. Но тогда великія качества его въ полномъ своемъ сіяніи открылись, и мы видимъ въ немъ героя, который множествомъ достойнѣйшихъ похвалы дѣлъ по справедливости заслужилъ то, чтобъ характеръ его представляемъ былъ потомству примѣромъ истинно великаго и славы достойнаго государя и законодателя. Одно имя Кирово было въ толикомъ почтеніи, что заставляло почти всѣхъ Восточныхъ царей вступать въ союзъ съ Ціаксаромъ. Онъ и не замедлилъ подтвердить доказательствами всеобщее мнѣніе о его достоинствахъ. Побѣдивъ превосходнымъ искусствомъ своимъ въ войнѣ царя Вавилонскаго и союзника его Креза, онъ пользовался выгодами
полученными надъ послѣднимъ изъ нихъ, 3456
взялъ его въ плѣнъ въ столичномъ его городѣ, и овладѣлъ царствомъ его и безчисленными сокровищами. Въ томъ же походѣ побѣдилъ онъ и прочихъ союзниковъ царя Вавилонскаго, овладѣлъ всею Малою Азіею, и распространилъ завоеванія свои даже до Сиріи. По томъ пошелъ онъ къ Вавилону, взялъ сей великой городъ, и чрезъ то покорилъ все Ассирійское государство дядѣ своему Ціаксару. Ціаксаръ, тронутъ будучи и симъ великимъ доказательствомъ его вѣрности и прежними славными его дѣлами, отдалъ ему дочь свою въ супружество. Чрезъ два года по томъ Ціаксаръ и Камбизесъ умерли, и владѣнія обоихъ ихъ достались Киру. Такимъ образомъ обладаніе Востока отъ Ассиріанъ перешло къ Персамъ. Но какъ и самъ Киръ и преемники

его были Персы, то сіе государство, почитаемое второю великою Монархіею, называется въ древней Исторіи Персидскою Монархіею, ибо основаніе оной приписываютъ не Ціаксару, но Киру. И въ самомъ дѣлѣ кажется, что сія честь по справедливости ему принадлежитъ, по тому, что Киръ одинъ предводительствовалъ Мидянами въ сей продолжительной войнѣ, что его только храбрости и благоразумію обязаны они были всѣми своими завоеваніями, и что самъ онъ взялъ великой городъ Вавилонъ. По сей причинѣ я полагаю начало сея второй великой Монархіи не со взятія города Вавилона, но со вступленія Кирова на престолъ; ибо онъ одинъ по справедливости основателемъ ея признаваемъ быть можетъ.

Ученикъ. Здѣсь долженъ я просить васъ, чтобъ вы объяснили мнѣ сомнѣніе въ этой части Исторіи. Вы помните, что я при самомъ еще началѣ сказалъ, что древняя Исторія мнѣ не совсѣмъ неизвѣстна; я читалъ изъ нея нѣсколько, и получилъ нѣкоторое свѣдѣніе о бывшихъ въ древнія времена приключеніяхъ. Однакожъ, сколько я вспомнить могу, описаніе древнихъ Монархій въ тѣхъ книгахъ, которыя я читалъ, съ вашимъ несогласно. Въ нихъ не упоминается ничего о второй Ассирійской Монархіи; но смертію Сарданапала она совсѣмъ кончится; по томъ слѣдуетъ Мидская Монархія, которая кончится Астіагомъ, и на развалинахъ ея основывается третія Персидская Монархія.

Учитель. Ты сдѣлалъ сіе замѣчаніе кстати, и подалъ мнѣ случай объяснить сію темную часть Исторіи, и остеречь тебя отъ ошибокъ, которымъ бы ты весьма удобно могъ подвергнуться, читая писателей безъ различія и безъ надлежащей осторожности. И такъ должно тебѣ замѣтить, что приключенія Восточныхъ народовъ, до правленія Кирова происходившія, мірскими Историками повѣствуемы весьма безпорядочно. Хотя сообщенныя мною тебѣ свѣдѣнія согласны съ повѣствованіями большей части Греческихъ и послѣдовавшихъ онымъ Римскихъ писателей: Ктезіасъ, Діодоръ Сицилійской и Юстинъ одинакимъ образомъ повѣствуютъ

ютъ о древнихъ Монархіяхъ; однакожъ ихъ повѣствованій не можно согласить со Священнымъ Писаніемъ, которому, какъ вѣрнѣйшему водителю, я въ семъ темномъ періодѣ послѣдовалъ. Греческіяжъ повѣствованія не только со Священнымъ Писаніемъ разнятся, но что еще примѣчательнѣе, и между собою несогласны. Рожденіе и смерть Кира описываемы весьма различно, и Геродотъ замѣчаетъ, что кромѣ повѣствованія принятаго имъ въ своей Исторіи, сіи обстоятельства въ его время разсказываемы были еще троякимъ образомъ. Ксенофонтъ, служивши самъ въ Персіи при младшемъ Кирѣ, братѣ Артаксеркса Мнемона, имѣлъ случай получить совершенное свѣдѣніе о жизни и дѣлахъ старшаго Кира изъ лѣтописей и повѣствованій самихъ Персовъ; по чему повѣствованіе сего великаго Философа и искуснаго полководца, старавшагося узнать въ томъ истину, безъ сравненія предпочтительнѣе повѣствованію Ктезіаса, котораго разумнѣйшіе изъ собственныхъ его единоземцевъ называютъ баснословнымъ писателемъ, не заслуживающимъ, чтобъ ему вѣрить. Діодоръ и Юстинъ все ими повѣствуемое заняли отъ сего Ктезіаса; и самый Геродотъ, хотя впрочемъ весьма благоразумный Историкъ, въ семъ случаѣ уступить долженъ; ибо онъ имѣлъ чрезвычайную склонность къ чуднымъ приключеніямъ, и въ повѣствованіи своемъ о Кирѣ явно послѣдовалъ сей склонности. Но Ксенофонтова Исторія, кромѣ того, что связнѣе другихъ и сама по себѣ вѣроятнѣе, имѣетъ еще большее преимущество, а именно, согласна со Священнымъ Писаніемъ, которое по древности своей и по связи обстоятельствъ Іудеевъ съ другими произшествіями на Востокѣ, заслуживаетъ предпочтено быть всѣмъ Греческимъ Исторіямъ; хотя бы принимать его не болѣе, какъ только за исторію тѣхъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ Греки весьма мало имѣли свѣдѣнія о приключеніяхъ отдаленныхъ отъ нихъ Восточныхъ народовъ. Вѣроятно, что Мидяне при Дейоцесѣ и преемникахъ его, хотя не могли равняться силою съ Ассирійскими Монархами, однакожъ распространили завоеванія свои даже до Малой Азіи и до народовъ сосѣд-

 ствен-

ственныхъ съ городами Греческихъ поселенцевъ. Они прославились чрезъ то въ сихъ странахъ, и почитаемы были владѣтелями всея Азіи, ибо другіе Восточные государи мало были извѣстны. А что сіе происходило только отъ незнанія Грековъ, можно заключить не только по малому сходству повѣствованій ихъ со Священнымъ Писаніемъ, но и по тому, что они противорѣчатъ даже и тѣмъ писателямъ собственной ихъ націи, которые, кажется, имѣли лучшія свѣдѣнія и съ большимъ тщаніемъ оныя произшествія изслѣдовали. Геродотъ обѣщаетъ особенную исторію Ассиріанъ; но мы не нашли сего сочиненія, по тому, что либо оно пропало, либо онъ не имѣлъ времени написать его. Однакожъ за вѣрное полагать можемъ, что онъ не забылъ бы царей второй Ассирійской Монархіи; ибо въ оставшихся еще книгахъ его упоминается о Сеннахиримѣ, одномъ изъ сихъ царей, какъ о царѣ Ассиріанъ и Арабовъ. Страбонъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ древнихъ писателей, упоминаетъ, что Мегасѳенъ, жившій около временъ Александра Великаго, писалъ о славныхъ завоеваніяхъ Небукаднезара, царя Халдейскаго. Но наконецъ все сіе рѣшится Уставомъ Птоломеевымъ, въ которомъ находимъ мы полный порядокъ Вавилонскихъ царей отъ Набонассара даже до Кира, или, что все равно, отъ смерти Сарданапаловой до основанія Персидской Монархіи. Естьлижъ разсудимъ еще, что многіе изъ Священныхъ Писателей жили въ самыя тѣ времена, о которыхъ пишутъ, и что они описываютъ приключенія такого народа, который обиталъ въ сосѣдствѣ съ сими великими Монархіями, и наконецъ былъ у нихъ въ подданствѣ: то не можемъ долѣе сомнѣваться, которыя повѣствованія и свидѣтельства предпочтеніе заслуживаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ кажется, обстоятельства были слѣдующія: Мидяне, управляемые по смерти Сарданапала собственными своими царями, сдѣлались весьма сильнымъ народомъ. И какъ они по сосѣдству съ городами поселенцевъ Греческихъ въ Малой Азіи болѣе прочихъ извѣстны были Грекамъ, то сіи, по великому своему незнанію въ приключеніяхъ отдаленныхъ Восточ-

ныхъ

ныхъ странъ, почитали ихъ обладателями всея Азіи. Однакожъ за вѣрное извѣстно, что Ассирійскіе и Вавилонскіе цари несравненно превосходили Мидскихъ силою и богатствомъ. Но какъ Киръ соединенною силою Мидянъ и Персовъ покорилъ себѣ Вавилонянъ, что Пророкъ Даніилъ ясно сказываетъ, а Ксенофонтъ обстоятельно описываетъ: то явно, что новая Монархія имъ основанная, должна была получить названіе отъ обѣихъ сихъ націй. Слѣдовательно Мидская и Персидская Монархіи собственно суть одно, хотя превосходная слава Кирова была причиною, что вся честь сея великой перемѣны въ Исторіи относится только къ его націи. Мнѣ остается сказать еще нѣчто о сей матеріи, а именно: хотя я и утверждаю, что новое Ассирійское государство произошло по разрушеніи перваго при Сарданапалѣ; однакожъ противъ обыкновенія другихъ полагаю Персидскую Монархію, основанную Киромъ, второю по порядку. Тотъ удобно усмотритъ, что сіе раздѣленіе правильнѣе и естественнѣе всякаго другаго, кто разсудитъ, что при возстановленіи Ѳелгаѳелласаромъ Ассирійскаго владѣнія въ Нинивіи и при перенесеніи Навуходоносоромъ столицы въ Вавилонъ, въ самомъ дѣлѣ не была основана другая Монархія, но только въ прежней произошли великія перемѣны. Находится основательная причина думать, что Ѳелгаѳелласаръ происходилъ изъ роду древнихъ Ассирійскихъ царей; также вѣроятно, что и Набополассаръ былъ изъ сего царскаго поколѣнія. Но какъ бы то ни было, однакожъ перемѣна государей, или перенесеніе столицы изъ одного мѣста въ другое, не могутъ еще служить достаточною причиною къ умноженію числа государствъ, когда извѣстно, что одинъ народъ и подъ однимъ именемъ обладалъ Востокомъ толь долгое время.

Ученикъ. Теперь начинаю я усматривать великую выгоду яснаго метода въ ученіи. Я могу уже представить себѣ въ умѣ четыре великія Монархіи, одна за другою послѣдовавшія: Ассирійскую, Персидскую, Греческую и Римскую. О первой, какъ мнѣ кажется, имѣю я весьма уже ясное понятіе. Я видѣлъ ея происхожде-

 ніе,

ніе, продолженіе и разрушеніе; я могу приводить ея исторію въ связь съ исторіею другихъ націй, и разбирая по разнымъ періодамъ и эпохамъ въ ея продолженіи, могу впечатлѣвать въ памяти своей важнѣйшія приключенія и перемѣны въ Исторіи по порядку времени, въ какомъ они подлинно происходили. Но какъ вы объяснили сію часть Исторіи и предостерегли меня отъ ошибокъ, которымъ бы я въ разсужденіи сихъ темныхъ временъ могъ подвергнуться: то теперь могу я еще съ большимъ удовольствіемъ слушать, что вы начнете разсказывать мнѣ о Персидской Монархіи.

Лѣта отъ сотворенія міра.

8 Эпоха. Правленіе Кирово.

Учитель. Въ 4178 году Юліанскаго періода, чрезъ 218 лѣтъ отъ построенія города Рима и за 536 лѣтъ до Рождества Христова, Киръ вступилъ на престолъ послѣ Ціаксара, и содѣлался Монархомъ всего Востока. Къ сему времени надлежитъ намъ относить начало Персидской Монархіи. Въ первой годъ царствованія своего далъ онъ славное повелѣ-
3468 ніе возстановить храмъ Іерусалимской; ибо тогда исполнились уже седмьдесятъ лѣтъ плѣна, какъ то Пророками было предсказано. Въ Римѣ царствовалъ еще Сервій Туллій. Онъ весьма распространилъ сей городъ. Кроткимъ и народу угоднымъ правленіемъ пріобрѣлъ онъ отмѣнную любовь отъ своихъ подданныхъ. Но наконецъ сей достойный славы государь
3470 сталъ жертвою вѣроломства своей дочери и честолюбивыхъ намѣреній зятя своего Тарквинія Гордаго. По седмилѣтнемъ царствованіи Киръ оставилъ престолъ сыну своему Камбизесу. При немъ
3475 Персы распространили владѣніе свое завоеваніемъ Египта. Но онъ былъ весьма жестокой государь, недостойный обладать престоломъ Кировымъ. Онъ приказалъ даже тайно умертвить брата своего Смердеса, побужденъ будучи къ тому только сомнительнымъ сновидѣніемъ, которое его встревожило. Но недолго жилъ послѣ сего, и по смерти его Магъ Смердесъ присвоилъ себѣ престолъ, назвавшись Смердесомъ сыномъ Кировымъ.

Однако

Однако сей обманЪ вскорѣ былЪ открытЪ; седмь вельможЪ составили заговорЪ противЪ 3483
его, и возвели на Персидской престолЪ Дарія, сына Гистаспесова. Во время правленія сего государя Аѳины получили паки свободу. Армодій и АристогитонЪ освободили отечество свое отЪ тиранства Иппарха, сына Пизистратова, убивЪ сего тирана, и принудивЪ Гиппіаса, брата его, искать прибѣжища у 3494
царя Дарія. Сіе подало случай кЪ войнѣ между Персами и Греками. КЪ сему времени надлежитЪ относить начало величества города АѳинЪ. Скоро увидимЪ мы, какЪ сія малая Республика преодолѣла силу всего Востока; что служитЪ доказательствомЪ тому, что свобода сообщаетЪ великость духу человѣческому, и есть надежнѣйшее основаніе, на которомЪ слава и могущество народа воздвигнуты быть могутЪ. ВЪ одно время, какЪ сія великая перемѣна вЪ правленіи происходила вЪ АѳинахЪ, то же произошло и вЪ Римѣ. Тарквиній жестокими и насильственными поступками своими привелЪ власть царскую вЪ ненависть; а поступокЪ сына его Секста сЪ Лукреціею возбудилЪ всеобщее негодованіе. НародЪ, поощренЪ будучи рѣчами и геройствомЪ Брута, свергЪ сЪ себя царское иго и составилЪ Республику. Сія эра Римской свободы начинается 244 годомЪ по построеніи 3494
города Рима. ОднакожЪ Тарквиній нашелЪ способЪ склонить на свою сторону нѣкоторыхЪ сосѣдственныхЪ царей, изЪ которыхЪ Порсена, царь Клузійской, вЪ Исторіи болѣе прочихЪ извѣстенЪ. Римляне начали при семЪ случаѣ оказывать ту благородную ревность кЪ свободѣ и ту непоколебимую любовь кЪ отечеству, которыя составляли толь славную черту вЪ характерѣ сего народа. При семЪ случаѣ находимЪ мы примѣры удивительной храбрости вЪ Гораціи Коклесѣ, неустрашимаго духа вЪ Скеволѣ и мужественной отважности вЪ Клеліи. Порсена дивился храбрости РимлянЪ, и не хотѣлЪ долѣе препятствовать имЪ вЪ наслажденіи такой свободы, на которую они достоинствами своими толь неоспоримое право пріобрѣли. Но постороннею силою не преодолѣнные едва не ввергли себя вЪ погибель междуусобными раз-

раздорами. Несогласіе между Патриціями и Плебейянами дошло наконецъ до того, что послѣдніе вышли изъ города и расположились лагеремъ на горѣ, названной послѣ *Священною горою*. Однакожъ мирныя представленія Менения Агриппы и уступчивость Сената въ разсужденіи выбора новаго правительства изъ Плебейянъ, которому надлежало защищать народъ противъ Консуловъ, утишили неудовольствіе народа, и Сенату спокойствіе возвратили. Законъ, которымъ установлено было сіе новое правительство, названъ Священнымъ закономъ, а избираемые къ оному Плебейяне наименованы *Народными Трибунами*. Сіе достопамятное событіе
3510 произошло въ 260 году отъ построенія города. Гиппіасъ, ушедши въ Персію, какъ-то уже упомянуто выше сего, старался склонить Дарія
3514 къ войнѣ съ Аѳинянами, что наконецъ ему удалось, и Мардоній посланъ былъ противъ Аѳинянъ со многочисленнымъ войскомъ. Но Милтіадъ несравненно съ меньшимъ числомъ войска разбилъ Персовъ на поляхъ Маратонскихъ и прогналъ. Въ древней Исторіи не находится побѣды славнѣе сея; ибо Аѳинянъ было не болѣе десяти тысячь, Персыжъ превосходили ихъ числомъ въ двадцать разъ. Въ Римѣ несогласія между Благородными и простымъ народомъ еще продолжались. Ссылка Коріолана навела великую опасность Республикѣ; и Римляне обязаны были избавленіемъ отъ сея
3516 угрожавшей имъ опасности только слезамъ матери раздраженнаго героя. Между тѣмъ Ксерксъ вступилъ послѣ Дарія на престолъ Персидской, и
3519 вознамѣрился отмстить Грекамъ за уронъ, претерпѣнный Персами при Маратонѣ. Въ семъ намѣреніи выступилъ онъ съ войскомъ, состоявшимъ, какъ повѣствуютъ, изъ седми сотъ тысячь человѣкъ. Леонидасъ, царь Спартанской, предводительствуя
3524 только тремя стами Лакедемонянъ, сразился со всѣмъ симъ войскомъ при тѣсномъ проходѣ Термопилахъ. Три дни оборонялся онъ противъ многочисленной Персидской силы; но наконецъ былъ окруженъ и со всѣми своими воинами убитъ на мѣстѣ. Посредствомъ благо-

благоразумныхъ распоряженій Ѳемистокла, предводительствовавшаго Аѳинскимъ флотомъ, Персидской флотъ въ томъ же году разбитъ былъ при Саламинѣ; и Ксерксъ въ страхѣ переправился обратно чрезъ Геллеспонтъ, оставивъ Мардонія предводителемъ сухопутныхъ своихъ войскъ. Но и сей въ слѣдующемъ году разбитъ
былъ при Платеѣ Лакедемонскимъ полководцемъ 3525
Павзаніемъ и предводителемъ Аѳинянъ Аристидомъ, который названъ Правдивымъ. Сіе сраженіе происходило поутру; а въ вечеру въ тотъ же славный день морскія Греческія войска одержали достопамятную побѣду надъ остальнымъ Персидскимъ флотомъ у Азіатскаго мыса Микалы. Такимъ образомъ всѣ высокомѣрныя предпріятія Ксерксовы кончились совершенною гибелью ужаснаго войска, съ которымъ онъ за годъ предъ тѣмъ толь гордо чрезъ Геллеспонтъ переправился. Онъ склонилъ Карѳагенянъ, бывшихъ тогда въ великой силѣ, напасть на города поселенцевъ Греческихъ въ Сициліи въ то самое время, какъ онъ напалъ на Грековъ въ собственной ихъ землѣ. Но и Карѳагеняне столь же худой успѣхъ имѣли, какъ Персидской Монархъ, и постыднымъ для нихъ сраженіемъ принуждены были оставить сей островъ. Ксерксъ, правительствовавъ 21
годъ, умеръ. За нимъ послѣдовалъ въ правле- 3540
ніи Артаксерксъ Лонгиманъ. Вообще думаютъ, что сей государь далъ Неемiи повелѣніе возстановить Іерусалимъ. Но мы должны обратиться къ Римлянамъ, которые при царяхъ своихъ хотя и содѣлались великимъ народомъ, но не имѣли еще законовъ потребныхъ для благоустройства Республики. Слава Греціи, прославившейся мудрымъ учрежденіемъ правленія еще паче побѣдъ, побудила Римлянъ установить у себя законы по примѣру Греческихъ. Они отправили въ Грецію
пословъ, для разсмотрѣнія устройства раз- 3554
ныхъ Греческихъ городовъ, особливожъ Аѳинскихъ установленій, которыя по основанію своему казались приличнѣе прочихъ состоянію Римской Республики. Для произведеніяжъ сего предпріятія въ дѣйство выбраны были десять правителей, которымъ на то дана была не-

неограниченная власть. Сіи Децемвиры сдѣлали собраніе законовъ, которые начертаны были на 12 доскахъ, предложены народу, и его согласіемъ утверждены. Надлежало бы думать, что сіи правители, исполнивъ дѣло, для котораго они выбраны были, по прошествіи времени власти ихъ сложили съ себя сіе достоинство, и оставили правленіе таковымъ, каково оно прежде было. Однакожъ прельщены будучи, какъ кажется, верховною властію, они не могли оставить ея толь скоро; но старались утвердить важность свою въ Республикѣ, и по гордости своей льстились надеждою, подвергнуть игу неволи такой народъ, въ которомъ любовь къ свободѣ была владычествующею страстію. Власть неправедно присвоенная рѣдко удерживается насильственными и неумѣренными поступками; и самые тѣ способы, которые употребляются для утвержденія ея, часто бываютъ наконецъ случаемъ къ уничтоженію оной. То же произошло и въ Римѣ. Ибо Децемвиры, не наблюдавшіе уже той скромности, которою при началѣ власти своей они пріобрѣли любовь отъ народа, навлекли на себя общее неудовольствіе. Неправедный приговоръ Аппіевъ, принудившій одного отца умертвить дочь свою, возбудилъ въ Римлянахъ древнее ихъ мужество, такъ, что они не хотѣли уже долѣе терпѣть начальства сихъ тирановъ. Децемвиратъ былъ отмѣненъ, и возобновлено Консульское достоинство. И такъ убіеніе Виргиніи было причиною почти такой же перемѣны въ Римскомъ правленіи, какая прежде при смерти Лукреціи произошла. Около сего времени Аѳинской полководецъ Кимонъ прославился многими побѣдами надъ Персами, и Артаксерксъ, получивъ отвращеніе отъ войны, толь для нихъ пагубной, подписалъ мирный договоръ, принесшій Греціи великую честь и выгоду. Онъ предпріялъ слѣдовать совсѣмъ иному плану политики; и вмѣсто того, чтобъ обращать на себя совокупную силу Грековъ, хотѣлъ разслабить оную внутренними раздорами, которые между ими распространять старался. Война, вскорѣ по томъ между Аѳинянами и Лакедемонянами

3573 послѣдовавшая, еще яснѣе показала ему,

коль

коль великія выгоды могъ онъ получать отъ наблюденія сего плана. Въ продолженіе сея войны, извѣстной въ Исторіи подъ именемъ Пелопоннезской, прославились Периклъ, Алцибіадъ, Тразибулъ, Кононъ, Бразидъ и Лизандръ. Толь многими славными мужами, бывшими въ одно время, Греція возведена была на высочайшую степень чести, и слава ея распространилась даже до отдаленнѣйшихъ народовъ. Сія вредная война, продолжавшаяся 27 лѣтъ, окончана Лизандромъ, который нашелъ способъ, склонить Дарія Нота, сына и
преемника Артаксерксова, на свою сторону, 3600
и взялъ городъ Аѳины. Но Персы скоро примѣтили ошибку свою въ томъ, что допустили Лакедемонянъ слишкомъ усилиться. Ибо сія честолюбивая Республика, не имѣя уже причины опасаться соперниковъ, начала обращать намѣренія свои на самую Азію. Она помогала младшему Киру, бунтовавшему противъ
брата своего Артаксеркса Мнемона, преемни- 3603
ка Дарія Нота. Сей честолюбивый Принцъ погибъ на сраженіи отъ своей дерзости, и оставилъ десять тысячь Грековъ, служившихъ въ его войскѣ, подверженныхъ всѣмъ опасностямъ войны, въ неизвѣстной землѣ, за нѣсколько сотъ миль отъ ихъ отечества, и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ многочисленными войсками. Въ древней Исторіи нѣтъ ничего славнѣе возвращенія сихъ Грековъ, описаннаго Ксенофонтомъ, который самъ предводительствовалъ ими, и былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ полководцевъ и величайшихъ Философовъ своего времени. При семъ случаѣ Греки въ первой разъ примѣтили слабость Персіи, казавшейся дотолѣ имъ толь страшною; и походъ Агезилая въ Азію,
гдѣ бы онъ скоро побѣдами своими покорилъ 3608
сильное сіе государство, естьлибъ по причинѣ произшедшихъ въ отечествѣ его нещастныхъ раздоровъ не отозванъ былъ обратно, — сей походъ доказалъ совершенно, что Грекамъ потребны были только хорошій полководецъ и согласіе между собою, для завоеванія всего Востока. Римъ содѣлался страшенъ всѣмъ сосѣдственнымъ націямъ.

Ка-

3510 Камиллъ по десятилѣтней осадѣ овладѣлъ городомъ Вейентской націи, однимъ изъ самыхъ большихъ и богатѣйшихъ городовъ въ Италіи. Но за симъ знатнымъ увеличеніемъ Римскаго владѣнія вскорѣ послѣдовало страшное нещастіе, такъ, что Республика близка была къ совершенной погибели. Я говорю
3615 о нападеніи Галловъ, которые разбивъ и прогнавъ Римское войско, подошли къ Риму, и въ 363 году по основаніи сего города, превратили его въ пепелъ. Сенаторы и прочіе изъ Благородныхъ, оставшіеся еще въ живыхъ по разореніи ихъ отечества, ушли съ Манліемъ въ Капитолію, и тамъ храбро оборонялись, пока освобождены были Камилломъ, который хотя былъ обиженъ и сосланъ въ ссылку, но не переставалъ любить свое отечество. Трудами и храбростію сего великаго мужа Римъ возстановленъ и получилъ прежнюю свою славу. Въ Греціи сила Лакедемонянъ начала упадать, и Ѳивы, дотолѣ въ Греческой исторіи не весьма извѣстныя, храбростію и мудростію Эпаминонда возведены были на высочайшую степень славы. Сей полководецъ есть одинъ изъ славнѣйшихъ мужей въ древности. Онъ имѣлъ въ высокой степени всѣ достоинства потребныя воину и политику; но не менѣе прославился и разумомъ своимъ, какъ Философъ, и любви достойными качествами въ общежитіи. И по тому всѣ Историки согласно представляютъ его примѣромъ всего великаго и превосходнаго въ человѣческой натурѣ. По смерти его Ѳивы лишились того величества, до котораго онъ ихъ довелъ, и не могли долѣе соблюсти своей славы. Но и вся Греція должна была покориться силѣ Филиппа, а по томъ сына его и преемника Александра, содѣлавшагося обладателемъ всея Азіи. Сей Филиппъ былъ царь Македонской, и воспитанъ при Эпаминондѣ. Предпріимчивый духъ его и оказанные имъ опыты ненасытимаго честолюбія понудили всѣхъ сосѣдственныхъ государей вступить въ общій союзъ для сопротивленія возрастающей его силѣ. Но хотя Охъ и сынъ его Арсесъ, цари Персидскіе, употребляли все возможное стараніе къ уничтоженію его предпріятія; хотя Аѳиняне возбуждены были краснорѣчіемъ

Демосѳена, неустрашимаго защитника свободы отечества своего, и хотя почти вся Греція вступила въ союзъ противъ него; однакожъ онъ преодолѣлъ всѣ препятствія, и одержавъ славную побѣду на сраженіи при Херонеѣ, овладѣлъ всѣми Греческими 3665
областями. По томъ предпринялъ онъ походъ въ Азію, съ намѣреніемъ совсѣмъ разрушить Персидскую Монархію; но скорая смерть постигла его прежде исполненія сего предпріятія. Сынъ его Александръ, названный послѣ Великимъ, послѣдовалъ за нимъ въ правленіи. 3668
Сей государь еще въ самой ранней молодости показалъ опыты геройскаго духа, который, казалось, назначенъ былъ къ завоеванію всего міра. Въ то же почти время Дарій Кодоманнъ вступилъ на Персидской престолъ. Онъ въ приватномъ состояніи прославился бы своею храбростію и достоинствами; но какъ онъ долженъ былъ вести войну съ Александромъ, имѣвшимъ превосходное щастіе, то всѣ его старанія, защититься отъ сего страшнаго непріятеля, были тщетны. Ибо Александръ, утвердивъ сперва власть свою въ Греціи, прошелъ всю Малую Азію съ удивительною скоростію, разбилъ Дарія на трехъ сраженіяхъ, и по смерти сего Монарха, измѣннически убитаго Бессомъ, овладѣлъ всѣмъ Персидскимъ государствомъ.

Лѣта отъ сотворенія міра.

9 Эпоха. Александръ Великой.

И такъ здѣсь начинается наша девятая эпоха, не со вступленія на престолъ Александра въ Македонскомъ царствѣ, но отъ смерти Дарія, положившей конецъ Персидской Монархіи. Ибо Александръ, продолжая побѣды свои съ величайшею скоростію, и овладѣвъ почти всѣми Восточными провинціями, содѣлался чрезъ то основателемъ третіей или Македонской Монархіи. Сіе произошло въ 4384 году Юліанскаго періода, чрезъ 424 го- 3674
да отъ построенія Рима и за 330 лѣтъ до Рождества Христова. Во время сихъ Александровыхъ завоеваній Римляне вели продолжительную войну съ Самнитами, и по многихъ сраженіяхъ наконецъ покорили ихъ, чему особенно способствовали храбрость и благоразумныя рас-

поряженія Папирія Курсора, одного изъ славнѣйшихъ тогдашнихъ полководцевъ. Александръ про-
3681 должалъ свои завоеванія, прошелъ даже въ Индію, и возвратился въ Вавилонъ, гдѣ на 33 году отъ рожденія умеръ. По смерти его владѣніе раздѣлено было между полководцами, служившими ему въ войнахъ его. Пердикка, Птоломей, сынъ Лаговъ, Антигонъ, Селевкъ, Лисимахъ, Антипатръ и сынъ его Кассандръ, бывшие полководцами подъ предводительствомъ сего великаго завоевателя, и научившіеся отъ него воинскому искусству, предприняли овладѣть разными удѣлами, которыхъ управленіе имъ было поручено. Вся фамилія Александрова была жертвою ихъ честолюбія: братъ его, мать, супруги, дѣти, и даже сестры. Повсюду происходили только войны, кровопролитія и непрестанныя возмущенія. Въ продолженіе сихъ неустройствъ нѣкоторые города въ Малой Азіи освободились отъ Македонской власти, и составили независимыя царства. Такимъ образомъ произошли царства Понтійское, Виѳинское и Пергамское, которыя по выгодному ихъ положенію и неутомимымъ прилѣжаніемъ жителей въ торговлѣ, пріобрѣли въ послѣдствіи толикое богатство и силу. Въ то же время славилось Арменское царство. Митридатъ, съ сыномъ своимъ тогожъ имени, основалъ царство Каппадокское. Но самыя сильнѣйшія два государства, при семъ случаѣ произшедшія, были Египетское, основанное Птоломеемъ, сыномъ Лаговымъ, и Ассирійское или Сирское, составленное Селевкомъ. Оба сіи государства долго стояли безъ перемѣнъ, и въ послѣдствіи многихъ лѣтъ управляемы были потомками основателей своихъ, Птоломеями и Селевкидами. Такимъ образомъ весь Востокъ покоренъ былъ Греками, и языкъ ихъ и обычаи тамъ распространились. Хотя уже не вся Азія находилась подъ властію одного Монарха, какъ прежде; но разныя земли, на которыя она была раздѣлена, обладаемы были Греками: по чему Историки думали имѣть причину назвать сіи времена, о которыхъ мы говоримъ, періодомъ *Греческой* или *Македонской* Монархіи. Въ Греціи не находимъ ничего, кромѣ непрерывныхъ воз-

возмущеній. Кассандръ, Пирръ, царь Епирской, Деметрій Поліорцетъ, Лисимахъ и Селевкъ царствовали въ Македоніи одинъ послѣ другаго, и каждой изъ нихъ получалъ сіе царство, выгнавъ своего предшественника. Между тѣмъ Римляне распространяли завоеванія свои въ Италіи. Покоривъ Самнитовъ, Бруттійцовъ и Гетрурцевъ, они угрожали городу Таренту такоюжъ участію. Тарентинцы, не въ состояніи будучи противиться сильной сей Республикѣ, призвали на помощь Епирскаго царя Пирра, котораго великая воинская слава подавала имъ причину почитать себя непобѣдимыми подъ его предводительствомъ. Пирръ 3725.
одержалъ сряду двѣ побѣды надъ Римлянами; но наконецъ былъ разбитъ Консуломъ Куріемъ и принужденъ оставить Италію. 3732.
Антигонъ Гонатасъ овладѣлъ Македонскимъ престоломъ, и оставилъ его своимъ потомкамъ, хотя Пирръ сильно тому противился. Сей государь наконецъ убитъ былъ въ Аргосѣ камнемъ, брошеннымъ въ него съ одного дому. Союзъ Ахейской, составленный по предложенію Арата, начиналъ около сего времени обращать на себя вниманіе въ Греціи. Сей союзъ заключенъ былъ между нѣкоторыми городами въ Пелопоннесѣ и въ сосѣдственныхъ съ онымъ земляхъ для защищенія свободы; и въ самомъ дѣлѣ онъ служилъ Грекамъ послѣднимъ способомъ къ сохраненію свободы ихъ и независимости. Въ Италіи, по удаленіи Пирра, Римляне не находили уже ничего, что могло бы силѣ ихъ противиться. Они распространили область свою войнами, почти непрерывно одна за другою послѣдовавшими въ продолженіе слишкомъ 480 лѣтъ, и тогда владѣли всею Италіею, отъ самой дальней части Гетруріи до Іоническаго моря, и отъ Тосканскаго моря чрезъ Аппенинскія горы до Адріатическаго моря. Честолюбіе ихъ увѣнчиваемо было щастливымъ успѣхомъ, и еще къ большимъ предпріятіямъ ихъ побуждало. Они начали смотрѣть завистливыми глазами на сосѣдовъ своихъ Карѳагенянъ, сильный народъ, обладавшій частію острова Сициліи, котораго положеніе для Римлянъ было весьма выгодно. Мы видѣли уже, какъ сія Республика

 осно-

основана была Дидоною, и что она еще во время Ксеркса славилась богатствомъ и пространствомъ земель своихъ. Въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, ея владѣніе по обоимъ берегамъ Средиземнаго моря простиралось весьма далеко. Ибо кромѣ Африканскаго берега, который весь принадлежалъ Карѳагенянамъ, они завоевали многія мѣста въ Испаніи, поселились въ Корсикѣ и Сардиніи, и овладѣли нѣкоторыми городами въ Сициліи. Сіи владѣнія, чрезвычайное богатство Карѳагенянъ, торговлею пріобрѣтенное, и обладаніе моремъ, котораго никакой другой народъ оспоривать имъ не могъ, все сіе заставляло Римлянъ почитать ихъ страшными соперниками, могущими до того усилиться, что вся Италія не могла бы имъ противиться, естьлибъ заблаговременно не было имъ сдѣлано въ томъ препятствія. Отъ сего произошли Пуническія войны, имѣвшія толь нещастливый для Карѳагенянъ конецъ. Та изъ оныхъ, о которой мы теперь говоримъ, нача-
3739 лась въ 489 году отъ построенія Рима, и достойна примѣчанія не только по тому, что была для Римлянъ первая война внѣ Италіи, но и по тому, что они тогда въ первой разъ приняли намѣреніе овладѣть моремъ, и къ великому удивленію, въ самомъ дѣлѣ оное исполнили. Консулъ Дуиллій отважился дать Карѳагенянамъ морское сраженіе, и одержалъ совершенную побѣду. Преемникъ его Регулъ толико же прославился; онъ высадилъ войско на Африканской берегъ, и навелъ великой страхъ на Карѳагену. И въ самомъ дѣлѣ сей городъ былъ бы завоеванъ, естьлибъ Лакедемонской полководецъ Ксантиппъ не прибылъ къ нему на помощь. Но сей искусный полководецъ благоразумными своими распоряженіями перемѣнилъ обстоятельства Африки. Регулъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Однакожъ сія перемѣна щастія еще паче его прославила. Онъ посланъ былъ въ Италію, чтобъ стараться о заключеніи мира и размѣнѣ плѣнныхъ. Но онъ утверждалъ непоколебимо въ Сенатѣ законъ, по которому взятые въ плѣнъ на сраженіи не могли быть выкупаемы безъ оскорбленія чести Римскаго имени. По возвращеніи въ Афри-

Африку, онъ преданъ былъ мучительной смерти отъ Кареагенянъ, которые неспособны были цѣнить достоинство великаго духа, предпочитавшаго пользу отечества всѣмъ собственнымъ частнымъ выгодамъ. Война производима была долго послѣ того съ перемѣнчивымъ успѣхомъ. Амилкаръ, Кареагенской полководецъ прославился въ Сициліи великимъ воинскимъ искусствомъ.
Но наконецъ Консулъ Лутацій одержалъ со- 3764
вершенную побѣду надъ непріятельскимъ флотомъ у Егатскихъ острововъ. Кареагена должна была покориться и принять всѣ мирныя условія, Римлянами предложенныя. Вскорѣ по окончаніи сея войны, продолжавшейся дватцать-четыре года, Кареагеняне принуждены были начать другую, приближившую ихъ къ совершенному паденію. Они нанимали иностранныхъ солдатъ, которые составляли ихъ войско, и не получивъ платы, взбунтовались. Почти всѣ города въ Африкѣ, ненавидѣвшіе Кареагенскую власть, вступили съ ними въ союзъ. Всѣ старанія усмирить ихъ были тщетны. Они осадили Кареагену, и безъ храбраго и благоразумнаго Амилкара Баркаса, сей великой городъ не избѣгъ бы погибели. Но Амилкаръ нашелъ способъ побѣдить бунтовщиковъ и возвратить всѣ отпавшіе города. Однакожъ Кареагеняне лишились при семъ случаѣ Сардиніи вѣроломствомъ Римлянъ, которые пользуясь междуусобными ихъ неустройствами, завладѣли симъ важнымъ островомъ, и сверьхъ того умножили еще дань, наложенную на нещастливыхъ Кареагенянъ при окончаніи войны. Кареагеняне не могли препятствовать тому, не въ состояніи будучи противиться насилію Римлянъ. Они старались тогда возстановить власть свою въ Испаніи, послѣднимъ возмущеніемъ поколебанную. Амилкару поручено было правленіе сея провинціи, и онъ велъ тамъ девять лѣтъ войну съ великимъ щастіемъ. Сынъ его, славный Аннибалъ, былъ съ нимъ въ походѣ, и не только научился воинскому искусству отъ сего знатнаго полководца, но и получилъ непримиримую ненависть къ Римлянамъ, подававшую въ послѣдствіи поводъ ко многимъ войнамъ. Послѣ Амилкара Аздрубалъ принялъ предводительство надъ вой-

скомЪ. ОнЪ поступалЪ сЪ великимЪ благоразуміемЪ, и удерживалЪ провинцію вЪ подданствѣ кроткимЪ и мирнымЪ управленіемЪ. Между тѣмЪ Римляне заняты были войною сЪ Иллирійскою царицею Тевтою, которая позволяла подданнымЪ своимЪ разбойничать по морю у береговЪ. ОднакожЪ она вскорѣ принуждена была покориться и уступить побѣдителямЪ нѣкоторую часть своего владѣнія. Другую войну Римляне имѣли сЪ Галлами, которыхЪ почитали самыми опаснѣйшими своими непріятелями. Хотя и завидовали они возрастенію силы Карѳагенской вЪ Испаніи, однакожЪ вЪ сихЪ опасныхЪ обстоятельствахЪ не могли нарушить мира сЪ сею Республикою. Они отправили пословЪ кЪ Аздрубалу, чтобЪ склонить его кЪ договору, вЪ которомЪ бы положено было не переходить КарѳагенянамЪ за рѣку ИберЪ, на что онЪ и согласился. По томЪ Римляне обратили все стараніе свое кЪ войнѣ сЪ Галлами, и побѣдивЪ ихЪ вЪ нѣсколькихЪ сраженіяхЪ, перешли за рѣку По (называвшуюся тогда ПадомЪ), и распространили завоеванія свои до другаго берега сея рѣки, чрезЪ что совершенно овладѣли всею Италіею отЪ АлпійскихЪ горЪ до Іоническаго моря. Около сего времени АздрубалЪ вЪ Испаніи умерЪ, и Аннибалу, имѣвшему тогда 25 лѣтЪ отЪ роду, поручено было предводительство войска. Солдаты любили его, и надѣялись найти вЪ немЪ всѣ тѣ достоинства, которымЪ вЪ отцѣ его Амилкарѣ часто удивлялись. ОнЪ исполнилЪ ихЪ надежду, какЪ скоро получилЪ начальство. СЪ невѣроятною скоростію умножилЪ завоеванія Карѳагенскія вЪ Испаніи, и почитая себя довольно сильнымЪ для возобновленія давно уже прекращенной войны сЪ Римлянами, привелЪ войско свое кЪ берегу рѣки Эбро, и осадилЪ СагунтЪ. Жалобы РимскихЪ пословЪ не были выслушаны вЪ Карѳагенѣ. Потеряніе Сициліи, вѣроломный поступокЪ РимлянЪ, отнявшихЪ Сардинію, умноженіе дани, наложенной при окончаніи послѣдней войны, несправедливое стараніе РимлянЪ уменьшить силу КарѳагенянЪ и ограничить ихЪ завоеванія вЪ Испаніи, — все сіе такЪ раздражало КарѳагенянЪ, что всѣ старанія противной Аннибалу стороны не имѣли успѣ-

ха.

ха. И такъ въ 535 году отъ построенія Ри-
ма, по повелѣнію Римскаго Сената, объявлена 3785
была война городу Карѳагенѣ. Между тѣмъ Аннибалъ
сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобъ имѣть щас-
тливый успѣхъ въ предпріятіи своемъ. Онъ согласил-
ся чрезъ тайныя посольства съ Италіянскими Галлами;
склонилъ на свою сторону подарками большую часть
тѣхъ народовъ, чрезъ которыхъ земли надлежало ему
проходить, чтобъ они не противились его походу; спо-
койствіе въ Африкѣ и Испаніи привелъ въ безопасность,
оставивъ тамъ знатное число войска подъ предводи-
тельствомъ вѣрныхъ полководцевъ. Пріуготовивши все
къ сему походу, онъ переправился чрезъ рѣку Иберъ,
перешелъ чрезъ Пиренейскія горы, чрезъ всю Галлію,
лежащую по сю сторону Алпійскихъ горъ, и чрезъ са-
мыя Алпійскія горы, и напалъ со всѣмъ войскомъ сво-
имъ на Италію въ такое время, когда Римляне едва
еще могли вѣрить, что онъ изъ Испаніи выступилъ.
Сосѣдственные съ Италіею Галлы, немедленно съ нимъ
соединились, и въ самое нужное время умножили его вой-
ско, весьма много претерпѣвшее отъ перехода чрезъ
Алпійскія горы. Четыре сраженія, на которыхъ Римляне
разбиты, заставляли ожидать ихъ паденія. Сицилія
вскорѣ пристала къ сторонѣ побѣдителей; Іеронимъ,
царь Сиракузской, возсталъ противъ Римлянъ; почти
вся Италія ихъ оставила; и казалось, что смертію
двухъ Сципіоновъ въ Испаніи, Республика лишилась по-
слѣдней помощи. Въ семъ крайнемъ бѣдствіи Римъ из-
бавленіемъ своимъ обязанъ былъ храбрости и мудрымъ
распоряженіямъ трехъ великихъ мужей. Фабій, прене-брегая неразумную молву черни, и непоколебимо слѣдуя
медлительнымъ своимъ распоряженіямъ, которыми на-
дѣялся побѣдить Аннибала, посредствомъ сея твердо-
сти былъ защитою своего отечества. Марцеллъ, осво-
бодившій Нолу отъ осады, взялъ Сиракузы, и мало по
малу внушилъ Римскимъ солдатамъ прежнюю бодрость.
Но честь побѣдить Аннибала и страшной сей войнѣ по-
ложить конецъ, предоставлена была молодому Сципіону.
На двадцать-четвертомъ году отъ роду принялъ онъ

предводительство надъ войсками въ Испаніи, гдѣ отецъ и дядя его погибли. Какъ скоро прибылъ туда, напалъ на новую Карѳагену, и взялъ сей городъ. Ласковостію своею и правдивостію онъ склонилъ почти всѣ Испанскія націи вступить съ Римлянами въ союзъ. Карѳагеняне принуждены были оставить сію богатую и плодоносную землю. Сципіонъ, не довольствуясь еще толь славною побѣдою, преслѣдовалъ ихъ даже въ Африку. Все покорялось чрезвычайной его храбрости и великимъ свойствамъ. Союзники Карѳагенянъ оставили ихъ; войска ихъ были разбиты; и тогда сія уже гордая Республика трепетать была должна. Самъ Аннибалъ, бывшій въ Италіи шестнатцать лѣтъ, хотя Римляне всѣми возможными способами выгнать его старались, не могъ прекратить щастливыхъ успѣховъ молодаго побѣдителя. Сципіонъ одержалъ надъ нимъ побѣду въ большомъ сраженіи, и принудилъ Карѳагенянъ подвергнуться всѣмъ предложеннымъ отъ него мирнымъ условіямъ. Такимъ
3802 образомъ въ 552 году отъ построенія Рима, кончилась вторая Пуническая война, продолжавшаяся 17 лѣтъ. Сципіонъ въ честь названъ былъ *Африканскимъ*, и Римъ, побѣдивъ Галловъ и Африканцовъ, не видѣлъ уже соперниковъ, которыхъ силы надлежало бы ему опасаться.

Но обратимся къ Азіатскимъ дѣламъ, не имѣвшимъ въ сіи времена, о которыхъ мы говорили, никакой связи съ Европейскими. — Во время первой Пунической войны, когда Антіохъ, царь Сирской, называвшійся Богомъ, сынъ Антіоха Сотера, занятъ былъ войною съ Птоломеемъ, царемъ Египетскимъ, Теодотъ, намѣстникъ Бактріанской, взбунтовался и основалъ особливое царство въ сей землѣ. Бактріана была въ тѣ времена богатая и многолюдная земля, содержавшая около тысячи городовъ, которые всѣ передались Теодоту, и какъ Антіохъ занятъ былъ войною въ Египтѣ, то онъ пользуясь симъ случаемъ, такъ утвердился въ своемъ владѣніи, что послѣ уже не можно было обратить его къ повиновенію. Почти всѣ прочія Восточныя націи послѣдовали сему примѣру, особливожъ Парѳы, которые

подъ

подъ предводительствомъ Арсацеса выгнали Македонянъ, и положили основание царства, распространившагося въ послѣдствіи по всей верхней Азіи, 3754 и толико усилившагося, что сами Римляне, будучи уже на самой вышшей степени ихъ величества, не могли поколебать престола Арсацидовъ, царей Пареских, называвшихся такъ по имени основателя ихъ рода. Симъ отпаденіемъ власть Сирскихъ царей была весьма ослаблена, и съ того времени провинціи находившіяся по ту сторону рѣки Тигра почти совсѣмъ отдѣлены были отъ ихъ владѣнія. Они покушались нѣсколько разъ обратно покорить себѣ оныя, но тщетно, и принуждены были устремить вниманіе къ тѣмъ провинціямъ государства своего, которыя были смѣжны съ Египтомъ. И по тому Іудея, находившаяся между сими двумя царствами, подавала имъ поводъ къ непрестаннымъ спорамъ и войнамъ, и была причиною великаго кровопролитія. Заключивъ миръ съ Карѳагеною, Римляне начали обращать вниманіе свое на Грецію. Филиппъ, царь Македонской, вступилъ въ союзъ съ Аннибаломъ, когда онъ былъ еще въ Италіи; и сіе казалось Римлянамъ достаточною причиною къ начатію съ нимъ войны. Посланъ былъ противъ него Консулъ Фламиній, который одержалъ надъ сильнымъ симъ государемъ нѣсколько побѣдъ, и нѣкоторымъ Греческимъ городамъ возвратилъ свободу. 3808 Но хотя все силѣ Римлянъ уступало, однако не могли они быть спокойны, пока еще живъ былъ Аннибалъ, котораго всегда самымъ страшнѣйшимъ непріятелемъ своимъ почитали. Они боялись храбрости и предпріимчиваго духа сего великаго человѣка. Они старались погубить его, и тѣмъ навлекли на себя новую войну. Ибо онъ, принужденъ будучи удалиться изъ своего отечества, прибѣгъ къ Антіоху, царю Сирскому, называвшемуся Великимъ, старался возбудить въ немъ ревность къ Римской власти, и уговорилъ его противиться возрастающей ихъ силѣ. Антіохъ, хотя началъ войну, но въ произвожденіи оной не хотѣлъ слѣдовать благоразумнымъ совѣтамъ сего опытнаго полководца, по чему всѣ его

намѣренія не имѣли успѣха. Онъ разбитъ былъ на морѣ и на сухомъ пути, и принужденъ подвергнуться
3815 всѣмъ мирнымъ условіямъ, которыя Луцій Сципіонъ, братъ Сципіона Африканскаго, ему предложилъ. Аннибалъ послѣ того искалъ покровительства у царя Виѳинскаго Брузіаса; но и тамъ преслѣдованъ былъ Римскими послами, и чтобъ не попасться имъ въ руки, отравилъ себя ядомъ. По смерти Антіоха Великаго вступилъ на Сирской престолъ Антіохъ Эпифанъ, бывшій нѣсколько времени аманатомъ въ Римѣ. Онъ извѣстенъ по жестокому гоненію Іудеевъ, которые крайнимъ бѣдствіемъ принуждены были вооружиться для защищенія себя, подъ предводительствомъ Маттаѳіи, отца Іуды Маккавея, прославившагося послѣ многими побѣдами, одержанными надъ многочисленными войсками царя Сирскаго. Между тѣмъ въ Македонскомъ царствѣ Персей слѣдовалъ за Филиппомъ. Онъ, полагаясь на богатство свое и многочисленное войско, отважился начать войну съ Римлянами. Но вскорѣ испыталъ превосходство ихъ силы; побѣжденъ былъ въ сраженіи Павломъ Эмиліемъ, и принужденъ отдаться
3836 ему въ плѣнъ. Такимъ образомъ Македонское царство, бывшее около седми сотъ лѣтъ отечествомъ обладателей не только Греціи, но и всего Востока, стало Римскою провинціею; и сіе приводитъ насъ къ десятому и послѣднему періоду въ нашей Исторіи.

Ученикъ. Позвольте здѣсь спросить, для чего полагаете вы начало Римской Монархіи въ семъ періодѣ, хотя Римляне задолго еще прежде были самымъ сильнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, и Европѣ, Азіи и Африкѣ законы давали?

Учитель. Правда, величество Римлянъ начинается еще съ того времени, какъ они покорили себѣ всю Италію и въ первой Пунической войнѣ одержали верьхъ надъ Карѳагеною. Но при разсматриваніи послѣдствія великихъ Монархій тотъ порядокъ кажется самымъ естественнымъ, въ которомъ мы видимъ, какъ одна изъ нихъ послѣ другой происходила, и какъ сила и величество

ство одной на совершенномъ паденіи другой основывались. Доселѣ слѣдовалъ я сему методу, который, по мнѣнію моему, одинъ удобенъ къ соблюденію надлежащаго порядка и ясности въ древней Исторіи. Того ради смерть Сарданапалова, хотя и послѣдовало за нею разрушеніе Ассирійской Монархіи, не почитается такимъ происшествіемъ, которое могло бы служить эрою новаго государства; ибо сія Монархія была возобновлена царями Нинивійскимъ и Вавилонскимъ. Но Киръ совершенно уничтожилъ власть Ассиріанъ, и обладаніе Азіи досталось совсѣмъ иному народу; по чему и отношу я къ сему случаю начало Персидской Монархіи. То же надлежитъ сказать и о семъ періодѣ, о которомъ мы теперь говоримъ. Хотя Персы при Ксерксѣ и сынѣ его Артаксерксѣ Лонгиманѣ весьма много силы своей лишились, и принуждены были принять всѣ условія, на какихъ Греція миръ имъ предложила, такъ, что по справедливости можно сказать, что Греки при Кимонѣ давали законы Персидскому государству; однакожъ сія Монархія продолжалась еще подъ правленіемъ собственныхъ своихъ царей, и совершенно покорена была уже Александромъ, который, пришедши съ войскомъ въ Азію, побѣдилъ Дарія на Арбельской равнинѣ. Того ради всѣ Историки относятъ конецъ сея Монархіи къ сему періоду. А какъ послѣ помянутой побѣды обладаніе Азіи отъ Персовъ перешло къ Македонянамъ, то съ сего времени начинается третія великая Монархія, продолжавшаяся при Александрѣ и его наслѣдникахъ. По такой же причинѣ полагаемъ мы продолженіе Македонской Монархіи до побѣды, одержанной Павломъ Эмиліемъ. Ибо хотя Римляне задолго еще прежде предписывали законы Греціи и самымъ царямъ Македонскимъ; однако сіе царство совершенно разрушено было уже помянутою побѣдою, послѣ которой стало оно Римскою провинціею, и все его могущество и власть достались побѣдителямъ, содѣлавшимся чрезъ то обладателями всего міра. Такимъ образомъ представляется намъ порядочное послѣдствіе Монархій, и мы видимъ, какъ одна изъ нихъ на паденіи другой основывается. Дошедши уже до послѣд-

ней и величайшей изъ сихъ Монархій, покажу оную въ ея возрастаніи и постепенномъ увеличеніи, дабы сообщить тебѣ полное начертаніе древней Исторіи, и представить древнія времена такъ, чтобъ ты могъ проходить ихъ въ правильномъ и связномъ порядкѣ.

Лѣта отъ сотворенія міра.

10 Эпоха. Покореніе Греціи.

3836 Въ 4546 году Юліанскаго періода, соотвѣтствующемъ 586 году отъ построенія города Рима, и 168 до Рождества Христова, Персей побѣжденъ былъ Павломъ Эмиліемъ, и царство его превращено въ Римскую провинцію. Македонская Монархія прекратилась, и Римская заступила ея мѣсто. Консулъ Эмилій, въ почесть ему, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Римъ, и Римляне, овладѣвъ всею Греціею, думали, что тогда надлежало имъ брать гораздо большее участіе въ Азіатскихъ дѣлахъ. Антіохъ Эпифанъ умеръ, и сынъ его Антіохъ Эвпаторъ девяти лѣтъ отъ роду возведенъ былъ на престолъ подъ надзираніемъ Лизіаса. Законный наслѣдникъ, Деметрій Сотеръ, былъ тогда въ Римѣ аманатомъ; но Сенатъ не позволялъ ему принять принадлежащее ему правленіе; ибо для Римлянъ казалось то гораздо выгоднѣе, чтобъ въ Сиріи царствовало дитя, а не такой человѣкъ зрѣлаго разума, каковъ былъ Деметрій. При Антіохѣ Эвпаторѣ гоненіе Іудеевъ продолжалось. Іуда Маккавей предпріялъ защищаться, и доказалъ храбрость свою многими побѣдами, которыя одержалъ надъ Сиріанами. Между тѣмъ Деметрій ушелъ изъ Рима; Сиріане признали его царемъ своимъ; и молодой Антіохъ съ намѣстникомъ своимъ Лизіасомъ былъ разбитъ. Однакожъ участь Іудеевъ не перемѣнилась; они такъ же подвержены были гоненію, какъ и прежде. Хотя Іуда Маккавей разбивалъ и прогонялъ всѣ многочисленныя войска, которыя Деметрій противъ нихъ посылалъ; но наконецъ онъ преодолѣнъ былъ множествомъ непріятелей, и

3843 сражаясь съ удивительною храбростію, убитъ. Братъ его Іоаѳамъ заступилъ его мѣсто, и предводительствуя Іудеями, толикожъ прославился храбростію своею и

и постоянствомъ, котораго никакое нещастіе поколебать
не могло. Римляне, радуясь урону царя Сирскаго, охот-
но приняли Іудеевъ въ свое покровительство, и объ-
явили ихъ друзьями своими и союзниками. Александръ
Баласъ, называвшій себя сыномъ Антіоха Эпифана, и
подкрѣпляемый Египетскимъ царемъ Птоломеемъ Фило-
метором, предпріялъ присвоить себѣ Сир-
ской престолъ, побѣдилъ Деметрія, и овла- 3855
дѣлъ симъ царствомъ. Карѳагеняне, оправившіеся нѣ-
сколько послѣ великаго урона, претерпѣннаго при второй
Пунической войнѣ, со всею покорностію своею не могли
избѣжать зависти Римлянъ, которые не переставали
опасаться могущества сея къ войнѣ склонной Республики.
Римляне объявили имъ войну, въ намѣреніи истребить
ихъ совершенно, дабы освободиться отъ толь страш-
ныхъ соперниковъ. Въ Сиріи Деметрій Никаторъ, сынъ
Деметрія Сотера, предпріялъ возвратить себѣ отеческое
царство. Онъ побѣдилъ Александра Баласа
въ сраженіи, и овладѣлъ престоломъ. Сей 3858
годъ достопамятенъ еще разрушеніемъ двухъ славныхъ
городовъ, Карѳагены и Коринѳа. Первой, по трехлѣт-
ней войнѣ, взятъ былъ Сципіономъ-Эмиліаномъ, полу-
чившимъ чрезъ то названіе *Африканскаго*, и возобновив-
шимъ славу дѣда своего, Великаго Сципіона. Городъ
Коринѳъ превращенъ былъ въ кучу пеплу Консуломъ Л.
Мумміемъ, и съ нимъ разрушился славный Ахейской
союзъ. Сей союзъ, составленный для защищенія свободы,
за нѣсколько времени предъ тѣмъ приведенъ былъ въ
великое уваженіе храбростію и искусствомъ Филопемена,
одного изъ славнѣйшихъ Греческихъ полководцевъ. Послѣ
него не находимъ уже между Греками никого, кто бы
прославился превосходными достоинствами; по чему сей
герой, какъ Плутархъ повѣствуетъ, и названъ былъ
послѣднимъ Грекомъ. По смерти его союзъ Ахейской не
могъ уже сохранить прежняго уваженія своего; и понеже
онъ возбуждалъ зависть въ Римлянахъ, то въ семъ
году, какъ мы видѣли, и разрушенъ былъ совершенно
разореніемъ города Коринѳа. Всѣ славныя статуи, кар-
тины, и другія важныя произведенія искусства великой
цѣны,

цѣны, которыми сей городъ былъ украшенъ, при семъ случаѣ перевезены были въ Римъ. То же сдѣлали Римляне съ завоеваннымъ во второй Пунической войнѣ городомъ Сиракузами; и сіи обладатели міра, не хвалившіеся прежде никакими иными знаніями, кромѣ воинскаго искусства, политики и земледѣлія, начали съ того времени искать достоинства въ тонкомъ вкусѣ и въ чувствованіи превосходнаго въ изящныхъ искусствахъ. Такимъ образомъ ученость вошла у Римлянъ въ уваженіе; они старались о изящныхъ наукахъ; и мы увидимъ, что во время Августа они прославились столько же произведеніями отличныхъ дарованій ума, какъ и воинскими подвигами и храбростію толь многихъ героевъ, которые между ими бывали. Между тѣмъ Сирія была театромъ новыхъ перемѣнъ. Антіохъ, называвшійся Богомъ, сынъ Александра Баласа, съ опекуномъ своимъ Діодотомъ Трифономъ, отнялъ престолъ у Деметрія Никатора, который худымъ употребленіемъ власти навлекъ на себя ненависть отъ подданныхъ. Однакожъ онъ

3861 вскорѣ пріобрѣлъ обратно свое царство, и объявилъ Іудею свободною и независимою областію, въ награжденіе за услуги, оказанныя ему Симономъ, братомъ и преемникомъ Іоаѳамовымъ. Симонъ признанъ былъ первосвященникомъ и главнымъ правителемъ Іудеевъ; земля освобождена была отъ всѣхъ налоговъ и податей, и всѣ признаки прежняго ея рабства уничтожены. Іудея стала съ того времени особеннымъ царствомъ, и имѣла собственныхъ своихъ правителей. Около сего времени сила Парѳовъ начала становиться страшною; ибо Митридатъ, покоривъ побѣдами Индію и Бактрію, приближился съ войскомъ къ Евфрату, дабы продолжать завоеванія свои съ сея стороны. Народъ той земли призвалъ на помощь къ себѣ Деметрія Никатора; и онъ предпріялъ привести Парѳовъ обратно въ послушаніе, ибо Сиріане почитали ихъ еще бунтовщиками. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Митридатомъ, и хотѣлъ возвратиться въ Сирію, дабы выгнать Трифона, который, убивъ Антіоха Бога, завладѣлъ престоломъ. Но по несщастію попавшись въ засаду, взятъ былъ въ плѣнъ

Пар-

Пареами. Трифонъ надѣялся приведенъ быть въ безопасность симъ нещастіемъ своего противника; но вдругъ подданными своими былъ оставленъ, ибо они не могли сносить его гордости. Какъ Деметрій находился тогда еще въ плѣну у Пареовъ, а дѣти его отъ Клеопатры были еще весьма малолѣтны: то Сиріанамъ надлежало искать себѣ правителя; и сіе достоинство досталось брату Деметріеву, Антіоху Сидету. Клеопатра, услышавъ, что Никаторъ вступилъ въ супружество съ Родогуною, дочерью Фраата, преемника Митридатова, въ отмщеніе сочеталась бракомъ съ Сидетомъ. Сей утвердившись на царствѣ, и положивъ конецъ тиранству Трифонову, объявилъ войну Пареамъ, подъ предлогомъ, чтобъ освободить плѣннаго брата своего. Сначала имѣлъ онъ совершенное щастіе, побѣдилъ Фраата въ трехъ сраженіяхъ, и завоевалъ обратно Вавилонію, Мидію, и прочія восточныя провинціи, принадлежавшія прежде къ Сирійскому владѣнію, кромѣ древняго Парескаго царства, въ тѣсныхъ предѣлахъ котораго Фраатъ былъ запертъ. Но царь Пареской, не лишившись еще бодрости, дождался того случая, какъ Сирійское войско расположилось по зимнымъ квартирамъ, и по причинѣ многочисленности своей должно было раздѣлиться по всему государству. Тогда напалъ онъ на Сиріанъ нечаянно, встрѣтилъ Антіоха, спѣшившаго съ нѣкоторымъ числомъ войска на помощь къ ближнимъ квартирамъ; одержалъ надъ нимъ побѣду превосходною своею силою, самого его съ приближенными его убилъ, и истреблялъ Сиріанъ безъ пощады, такъ что послѣ сего ужаснаго пораженія изъ многочисленнаго ихъ войска едва ли спасся одинъ человѣкъ, который бы могъ принести въ отечество свое печальную вѣсть о семъ произшествіи. Между тѣмъ Деметрій возвратился въ Сирію, и по смерти брата своего вступилъ на престолъ. Ибо Фраатъ, разбитъ будучи три раза Антіохомъ, освободилъ его изъ плѣну и послалъ въ Сирію, въ той надеждѣ, что онъ для полученія обратно престола произведетъ тамъ безпокойства, и принудитъ тѣмъ Антіоха возвратиться въ свое царство. По одержаніи побѣды надъ Сиріанами, послалъ онъ за нимъ

въ

въ погоню; однакожъ Деметрій, будучи остороженъ, спѣшилъ такъ, что былъ уже за Евфратомъ и въ Сиріи, какъ посланные въ погоню достигли до предѣловъ сея земли. Такимъ образомъ получилъ онъ обратно царство свое. Но вскорѣ оно отнято у него было Але-
ксандромъ Зебиною, сыномъ Баласовымъ. Но
3880 и сей также былъ побѣжденъ и выгнанъ Антіохомъ Грифомъ. Мнѣ надлежало предложить исторію царей Сирскихъ нѣсколько обстоятельнѣе, для избѣжанія замѣшательства, которому послѣдствіе ихъ легко можетъ быть подвержено внутренними неустройствами въ семъ государствѣ и множествомъ домогавшихся престола. Но теперь обратимъ вниманіе наше къ Римлянамъ, которыхъ найдемъ занятыхъ войною съ Нумантійцами въ Испаніи. Они толь часто были побѣждаемы симъ воинственнымъ народомъ, что принуждены были прибѣгнуть къ послѣднему средству, и послать противъ нихъ Сципіона Эмиліана, который могъ ихъ побѣдить. Въ то же время нанесена была Римля-
намъ немалая опасность отъ собственныхъ
3871 невольниковъ ихъ въ Сициліи подъ предводительствомъ Евна, и они даже принуждены были употребить противъ нихъ всю силу Республики. Атталъ, царь Пергамской, при смерти своей сдѣлалъ Римлянъ наслѣдниками безчисленнаго его богатства. Они, не довольствуясь обладаніемъ Италіи, Греціи и Африки, начали распространять завоеванія свои за Алпійскія горы. Секстій, побѣдивъ Галловъ, называвшихся Салійцами, основалъ первое Римское селеніе въ той странѣ, гдѣ нынѣ городъ Э въ Провансѣ. Фабій разбилъ Аллоброговъ, и Нарбонская Галлія сдѣлана была Римскою провинціею. Но Республика, распространяя внѣшнее свое владѣніе, не имѣла внутренняго спокойствія, составляющаго безопасность и крѣпость гражданскихъ обществъ. Корыстолюбіе и гордость Патриціевъ причиняли толь насильственныя нарушенія правъ простаго народа, что онымъ нужны были новые защитники, дабы спасти ихъ отъ совершеннаго уничтоженія. Двое Гракхи, великодушно принявшіе на себя сію должность, пре-

преодолѣны были партiею благородныхъ, и въ семъ похвальномъ предпрiятiи жизни лишились. По смерти ихъ немногiе уже Трибуны оказывали величественную ревность къ свободѣ, составлявшую прежде толь отличную черту въ характерѣ сего храбраго народа. Привязанность къ частнымъ выгодамъ, мздоимство и несправедливость начинали владычествовать между ими; и вскорѣ увидимъ мы сихъ завоевателей мiра самихъ содѣлавшихся рабами гнуснѣйшихъ тирановъ. Югурта, царь Нумидской, осквернившiйся убiйствомъ братiй своихъ, находившихся подъ покровительствомъ 3885 Римскаго народа, долго защищался, но болѣе щедростiю, нежели оружiемъ. Наконецъ Марiй былъ посланъ противъ него. Онъ не только окончалъ сiю тягостную войну, но и прiобрѣлъ себѣ еще великую славу побѣдою надъ Тевтонами и Цимбрами, двумя Германскими народами, которые всѣмъ Римскимъ провинцiямъ и самой Италiи угрожали совершеннымъ разоренiемъ. Едва сiи непрiятели были покорены, какъ Римляне получили новаго и еще страшнѣйшаго непрiятеля въ Понтiйскомъ царѣ Митридатѣ, который овладѣлъ всею Малою Азi[illegible] и перешелъ въ Грецiю, откуда Силла съ великимъ [illegible]домъ могъ его выгнать. Между тѣмъ Италiянскiе [illegible]роды, толико привыкшiе и склонные къ войнѣ, привели власть Римскую въ великую опасность общимъ возмущенiемъ. Кромѣ сихъ многихъ нещастiй, благосостоянiе Рима нарушаемо было противными партiями Марiя и Силлы, изъ которыхъ первой распространилъ славу свою побѣдами въ самыхъ отдаленнѣйшихъ Сѣверныхъ и Южныхъ странахъ, а другой прославился какъ побѣдитель Грецiи и Азiи. Силла, названный *щастливымъ*, употреблялъ великое свое щастiе даже и противъ отечества своего. Онъ присвоивалъ себѣ тиранскую власть въ Республикѣ, и нещастнымъ своимъ примѣромъ положилъ основанiе всѣмъ послѣдовавшимъ по томъ безпокойствамъ. Всякой также хотѣлъ владычествовать. Серторiй, ревностный сообщникъ Ма- 3925 рiевъ, утвердилъ власть свою въ Испанiи и вступилъ въ союзъ съ Митридатомъ. Тщет- 3931

но надѣялись преодолѣть сего славнаго и искуснаго полководца силою. Самъ Помпей не могъ побѣдить его иначе, какъ разсѣявъ несогласіе между его сообщниками. Римъ получилъ новаго и еще страшнѣйшаго непріятеля
3936 въ Спартакѣ, который приближилъ Республику къ разрушенію, и дотолѣ былъ непобѣдимъ, пока великой Помпей противъ него не выступилъ. Между тѣмъ Римское войско въ Азіи подъ предводительствомъ Лукулла одерживало многія побѣды. Митридатъ въ каждомъ сраженіи былъ разбиваемъ; и хотя онъ удалился за Евфратъ, но побѣдители и тамъ преслѣдовали его еще съ большею жестокостію. Однакожъ Лукуллъ, казавшійся непобѣдимымъ въ сраженіяхъ, не могъ удерживать солдатъ своихъ въ повиновеніи и обуздать своевольство, объявшее все Римское войско подобно бѣшенству. Митридатъ, хотя толь часто былъ разбиваемъ, но не лишался бодрости, и снова готовился дать отпоръ своимъ непріятелямъ. Помпей, послѣдняя надежда и прибѣжище Римлянъ, одинъ почитаемъ былъ способнымъ къ окончанію сея продолжительной и пагубной войны. Тогда слава его достигла высочайшей степени. Онъ побѣдилъ наконецъ совершенно сего храбраго и хитраго царя; покорилъ Арменію,
3941 куда Митридатъ ушелъ; и продолжая завоеванія свои, привелъ Албанію, Иберію, Іудею и Сирію въ Римское подданство. Между тѣмъ, какъ Помпей собиралъ себѣ лавры на Востокѣ, Цицеронъ старался въ Римѣ разрушить опасный заговоръ. Сей славный ораторъ, достигшій краснорѣчіемъ своимъ Консульскаго достоинства, нашелъ тогда славный случай употребить дарованіе свое къ защищенію отечества, и онымъ паче, нежели оружіемъ другаго Консула, Антонія, уничтожены были тайныя и опасныя предпріятія Катилины. Естьлибъ Римъ могъ еще избавленъ быть отъ неволи, то краснорѣчіе Цицероново и добродѣтель Катона, неустрашимаго защитника свободы, одни только подавали того надежду. Но ихъ старанія мало послужили ко спасенію такой Республики, которая сама себя въ погибель ввергала, и въ которой роскошь, исканіе чести и корысто-

столюбіе овладѣли сердцами и дѣлали ихъ ко всѣмъ великимъ и благороднымъ предпріятіямъ нечувствительными, ибо любовь къ свободѣ совсѣмъ въ нихъ погасла. Помпей одинъ владычествовалъ въ Сенатѣ; великое къ нему уваженіе и могущество его дѣлали его неограниченнымъ повелителемъ во всѣхъ совѣтахъ. Цезарь старался побѣдами своими въ Галліи пріобрѣсти славу и преимущества, какими Помпей и Крассъ пользовались. Сіи три человѣка вступили между собою въ союзъ, для порабощенія отечества своего; они правили всѣмъ съ неограниченною властію; и какъ они почитали Цицерона опаснымъ для нихъ по его краснорѣчію и ревности, то онъ сосланъ былъ въ ссылку изъ того города, которыи незадолго предъ тѣмъ избавленъ былъ имъ отъ погибели. Вскорѣ по томъ Крассъ, выступившій въ походъ противъ Парѳовъ, по нещастію погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Сей уронъ былъ весьмаваженъ для Республики Римской; ибо одинъ только Крассъ былъ еще въ состояніи удерживать согласіе между ревнующими партіями Цезаря и Помпея. По смерти его послѣ-
довала кровопролитная гражданская война; и 3955
Римъ на поляхъ Фарсальскихъ лишился навсегда свободы своея. Побѣдитель Цезарь, ставшій тогда обладателемъ Римской Республики, прошелъ почти всѣ земли ея съ невѣроятною скоростію. Египетъ, Азія, Мавританія, Испанія, и многія другія страны, видѣли великаго завоевателя сего преодолѣвающа всѣхъ своихъ непріятелей. Брутъ и Кассій, оживляемые ревностію къ свободѣ, старались избавить отечество свое отъ
рабства, и убили сего тирана. Краснорѣчіе 1961
Цицерона, подкрѣплявшее славное ихъ предпріятіе, подавало сперва Риму нѣкоторую надежду лучшаго состоянія. Но судьба нещастной сея Республики вскорѣ по томъ предала ее Антонію, Лепиду и молодому Октавію, которые кровопролитными приговорами своими почти все Римское Благородство истребили. Самъ Цицеронъ, споспѣшествовавшій важностію своею паче всѣхъ усилиться Октавію, оставленъ былъ симъ неблагодарнымъ, и пожертвованъ мщенію непримиримаго врага его

Антонія. При раздѣлѣ областей, Италія и Римъ достались Октавію, который старался управлять съ кротостію и умѣренностію, чрезъ что сообщники его одни подвержены были ненависти за всѣ прежніе ихъ жестокіе поступки. Наконецъ Брутъ и Кассій, послѣдняя помощь Республики, погибли въ сраженіи при Филиппахъ; и тогда Римъ не могъ уже болѣе покушаться на возвращеніе себѣ свободы, но терпѣливо покорился завоевателямъ своимъ. Однакожъ сіи недолго въ согласіи были.
3973 Антоній и Октавій согласились между собою свергнуть Лепида; а по томъ обратили оружіе другъ противъ друга. Сраженіе при Акціумѣ рѣшило споръ о владѣніи міра въ пользу молодаго Цезаря; ибо Антоній послѣ сея неудачи оставленъ былъ всѣми своими друзьями, и даже во время самаго сраженія, любезною своею Клеопатрою; хотя онъ по любви къ ней сему нещастію подвергся. Иродъ Идумейской, обязанный всѣмъ сему полководцу, принужденъ былъ предаться побѣдителю, и чрезъ то утвердился въ обладаніи царства Іудейскаго. Такимъ образомъ Октавій побѣдилъ
3977 всѣхъ своихъ противниковъ; Александрія отворила ему свои ворота; Египетъ сталъ Римскою провинціею. Клеопатра по гордости не хотѣла служить украшеніемъ тріумфу побѣдителя, и прекратила ядомъ жизнь свою. Антоній еще прежде того, видя себя не въ состояніи противиться силѣ своего соперника, самъ себя лишилъ жизни, и оставилъ Октавію ненарушимое обладаніе Римской Монархіи. Сей щастливый государь принятъ былъ Юліемъ Цезаремъ вмѣсто сына, по чему и самъ *Цезаремъ* назывался; въ послѣдствіижъ получилъ названіе *Августа*, означавшее величественное его достоинство. Такимъ образомъ Республика Римская, чрезъ 723 года по основаніи сего города Ромуломъ, превращена была въ неограниченную Монархію. Августъ занимался по томъ отвращеніемъ многихъ злоупотребленій, вкравшихся во время войны; и какъ онъ зналъ, что республиканской духъ въ Римлянахъ хотя весьма былъ ослабленъ, но не совсѣмъ еще искорененъ, то старался кротостію и правосудіемъ въ правленіи своемъ сдѣ-

сдѣлать единоземцамъ своимъ ту власть пріятною, которой привыкнуть они долѣе уже не могли. Въ семъ намѣреніи ободрялъ онъ между ими ученость и изящныя искусства, въ которыхъ они и прежде имѣли уже хорошіе успѣхи. Споспѣшествованіемъ его и министра его Мецената науки и художества приведены были въ самое цвѣтущее состояніе. Горацій, Виргилій, Овидій и Ливій служили украшеніемъ сему времени, о которомъ мы говоримъ, и неподражаемыми сочиненіями своими приносятъ оному гораздо болѣе славы, нежели всѣ побѣды государя, при которомъ они жили. Изъ всѣхъ частей учености одно только краснорѣчіе оставалось безъ успѣховъ. По смерти Цицерона и по перемѣнѣ республиканскаго образа правленія, оно мало по малу терялось; что и не удивительно, ибо съ потеряніемъ свободы, оживлявшей прежде ораторовъ, самое искусство сіе стало безполезно, и служило бы только къ возбужденію зависти знатныхъ людей въ государствѣ. Возстановивъ такими хитрыми и благоразумными поступками спокойствіе въ Римѣ и Италіи, Августъ началъ обращать вниманіе свое къ провинціямъ, дабы усмирить враговъ Римскаго величества, которые, пользуясь междуусобными раздорами Римлянъ, много вреда имъ наносили. Онъ покорилъ Кантабровъ и Астурійцовъ, жи-
вшихъ въ смежности съ Пиренейскими горами; 3980
Ѳеіопія мира просила; Парѳы, страшась силы его, возвратили знамена, отнятыя у Красса, и всѣхъ плѣнныхъ Римлянъ; въ самой Германіи завоевалъ онъ тѣ страны, которыя нынѣ называются Австріею, Баваріею и Швабіею, также и находящіяся между рѣками Рейномъ и Везеромъ. Онъ побѣждалъ на морѣ и на сухомъ пути, и чрезъ то доставилъ миръ Римской Монархіи. Сіе произошло въ 754 году отъ построенія
города Рима и въ 4714 Юліанскаго періода, 4004
соотвѣтствующемъ первому году Христіанской эры по счисленію употребительному въ Западныхъ земляхъ.

Вотъ краткое начертаніе древней Исторіи отъ сотворенія міра до Рождества Христова. Я собралъ въ немъ всѣ знатнѣйшія событія у разныхъ народовъ, и

какъ старался расположить оныя сколько возможно по тѣмъ годамъ, въ которыхъ они происходили, то надѣюсь, что ты получилъ совершенно ясное понятіе о сходствѣ періодовъ. Сохраняя въ памяти сіе общее начертаніе, ты въ состояніи будешь читать и древнія и новѣйшія сочиненія, касающіяся до сея матеріи, со всею пользою, какой только желать можешь. Ибо хотя разные Историки въ расположеніи обстоятельнаго повѣствованія о произшествіяхъ употребляютъ различное раздѣленіе времени; или хотя бы ты во всякомъ писателѣ находилъ новой порядокъ; однако зная общее теченіе всѣхъ временъ, и въ состояніи будучи назначать каждому особенному періоду надлежащее мѣсто во всеобщей Исторіи, будешь имѣть ту выгоду, что избѣжишь замѣшательства въ пріобрѣтаемыхъ вновь познаніяхъ, и всѣ свѣдѣнія, получаемыя изъ чтенія, можешь относить къ тѣмъ отдѣленіямъ, къ которымъ каждая часть собственно принадлежитъ. Сія выгода не маловажна. Ибо по различнымъ намѣреніямъ и предметамъ въ жизни нѣкоторые люди должны бываютъ прилагать преимущественное стараніе къ одной части Исторіи, иныежъ къ другой. Въ семъ случаѣ ничто не можетъ для нихъ быть полезнѣе такого всеобщаго представленія произшествій; ибо посредствомъ его могутъ они приводить въ связь частныя свѣдѣнія, которыя въ разное время, либо для пользы, либо по нуждѣ, пріобрѣтаютъ.

СОКРА-

СОКРАЩЕНІЕ ИСТОРІИ

отъ Рождества Христова до нынѣшнихъ временъ.

Ученикъ. Вы доставили мнѣ въ древней Исторіи весьма полезное упражненіе. Хотя она весьма отдалена отъ нашихъ временъ, однакожъ я всегда буду любить ее и къ ней прилѣжать. Я нахожу въ ней весьма много великаго и удивленія достойнаго; нахожу безчисленные слѣды управленія Божія въ мірѣ; множество почтенія и славы достойныхъ мужей, одаренныхъ всякими превосходными качествами и добродѣтелями; дѣла, заслуживающія вниманіе и по прошествіи уже толь многихъ столѣтій; рядъ великихъ перемѣнъ, отъ которыхъ весь міръ неоднократно новый видъ получалъ. Судитежъ по тому о любопытствѣ, съ какимъ я желаю узнать въ краткомъ начертаніи также и новѣйшую или Христіанскую Исторію. Все, что вы разсказывали мнѣ о первыхъ четырехъ тысячелѣтіяхъ мира, долженъ я почитать только предуготовленіемъ къ исполненію великихъ намѣреній Божіихъ чрезъ Христа и его религію. Какого удовольствія могъ бы я надѣяться, естьлибъ вамъ угодно было сообщить мнѣ свѣдѣніе о теченіи и связи толь многихъ важныхъ произшествій, приведшихъ міръ, церковь и науки современемъ въ то состояніе, въ которомъ мы нынѣ ихъ видимъ, и которое съ состояніемъ ихъ въ древнія времена толь мало общаго имѣетъ.

Учитель. Ты въ самомъ дѣлѣ справедливо разсуждаешь о сихъ двухъ частяхъ Исторіи. Особливо пріятно мнѣ то, что ты приписываешь древней Исторіи надлежащую цѣну, и не унижаешь ее съ пренебреженіемъ предъ новѣйшею. Не нужно давать тебѣ наставленія, какъ можешь ты распространять и утвердить толь полезныя размышленія объ оной, которыя ты уже имѣлъ.

Ты самъ лучше сему научишься, читая прилѣжно лучшихъ Историковъ. Въ самыхъ сихъ писателяхъ усмотришь преимущество древней Исторіи, возвышающее цѣну ея. Она описана превосходно великими и остроумными мужами. Напротивъ того новѣйшіе Историки, при большемъ можетъ быть прилѣжаніи и при большей полности ихъ сочиненій, весьма уступаютъ древнимъ въ основательныхъ и высокихъ красотахъ. Коль превосходные примѣры писателя Исторіи имѣемъ мы въ Полибіи и Ксенофонтѣ, Тацитѣ и Ливіи! Изъ новѣйшихъ же коль немногіе могутъ сравнены быть съ Слейданомъ, Туаномъ и Гроціемъ! — Но Христіанская Исторія толь много имѣетъ привлекательнаго, толь обильна важными и достопамятными перемѣнами, и свѣдѣніе оной доставляетъ толь непосредственную пользу для нынѣшняго и для всякаго будущаго времени, что тѣмъ достаточно награждается трудъ, который на собираніе сего свѣдѣнія изъ писателей весьма различной доброты употреблять должно. Я готовъ исполнить твое желаніе, и сообщить тебѣ краткое начертаніе сея Исторіи, изъ котораго ты по крайней мѣрѣ усмотрѣть можешь, сколь много она содержитъ въ себѣ такого, что изслѣдованія достойно. Ты увидишь, какъ религія, имѣющая всѣ признаки божественнаго происхожденія, распространилась съ невѣроятною скоростію въ великой части міра, и вопреки жестокимъ гоненіямъ отъ враговъ ея, болѣе тысячи седми сотъ лѣтъ пребываетъ и отъ времени до времени паче прославляется. Ты увидишь множество царствъ и областей, изъ развалинъ славной Римской Монархіи возникающихъ, которыя мало по малу содѣлали Европу обиталищемъ самой лучшей религіи, мудрыхъ законовъ, благонравія, наукъ и искусствъ. Напротивъ того страны, въ древности болѣе всѣхъ прочихъ процвѣтавшія, увидишь подвергающіяся печальному обладанію варварства. Въ сей же Исторіи представятся тебѣ страшныя дѣйствія невѣжества, суевѣрія, слѣпой ревности, властолюбія и духа гоненія, изображенныя самыми живѣйшими красками. Открытіе новаго міра, многія новыя и славныя изобрѣтенія, самыя неожидаемыя перемѣны въ церкви

жеи и въ гражданскомъ правленіи будутъ удивлять тебя и приносить тебѣ удовольствіе. При окончаніи сея Исторіи можешь ты вывесть заключеніе, что люди во всѣ времена были одинаковы; что только глупость или злость ихъ дѣлаютъ краткую жизнь сію нещастливою; что славная память подлинно великихъ дѣлъ и почитанія достойныхъ заслугъ не умираетъ, такъ же какъ и поносное воспоминаніе извѣстнѣйшихъ худыхъ свойствъ и злодѣяній, хотя бы оныя могуществомъ и наружною честію сопровождаемы были. Особенножъ усмотрѣть можешь, что мы, чѣмъ болѣе получаемъ свѣдѣнія о прошедшихъ вѣкахъ міра, тѣмъ съ живѣйшимъ увѣреніемъ, единаго Бога премудрымъ и поклоненія достойнымъ признавать должны.

Ученикъ. Какъ вы намѣрены начать повѣствованіе, могущее наполнить умъ толь важными ученіями, то желалъ бы я, чтобъ вы и въ сей Исторіи, такъ же какъ въ древней, сказали мнѣ сперва славнѣйшія эпохи, по которымъ все время, прошедшее отъ Рождества Христова, можно раздѣлить на меньшіе періоды, для вспоможенія памяти.

Учитель. Ты предупредилъ меня симъ желаніемъ; ибо я съ сего самаго и хотѣлъ начать. Въ Христіанской Исторіи находится толь много великихъ и примѣчанія достойныхъ произшествій, что по онымъ можно бы раздѣлить ее на многія части. Но множество такихъ отдѣленій для памяти столь же затруднительно, какъ и то, естьлибъ ихъ совсѣмъ не было; по чему я назначу только нѣкоторыя главныя части сея Исторіи, въ которыхъ прочія удобно помѣщены быть могутъ. Первая часть продолжается съ Рождества Христова до неограниченнаго правленія Константина Великаго, и содержитъ въ себѣ первые 324 года Христіанскаго лѣтосчисленія. Вторая начинается съ того времени, когда Константину Великому одному вся Римская Монархія досталась, и кончится при раздѣленіи Римской Монархіи Ѳеодосіемъ Великимъ на Восточную и Западную въ 395 году. Третія простирается отъ сего раздѣленія до разрушенія Западной Имперіи въ 476 году. Четвертая

продолжается отъ разрушенія Западной Имперіи до Магомета и основанія новой его религіи въ 622 году. Пятую часть полагаю я отъ Магомета до Карла Великаго и возстановленія Западной Имперіи въ 800 году. Шестая заключаетъ въ себѣ время отъ Карла Великаго до Оттона Великаго, начавшаго царствовать въ 936 году, чрезъ котораго Императорское достоинство перешло къ Германцамъ. Седьмая продолжается отъ Оттона Великаго до начала Крестовыхъ походовъ въ 1069 году. Осьмая отъ Крестовыхъ походовъ до вступленія Рудолфа Габсбургскаго на Императорской престолъ въ 1272 году. Девятая отъ Рудолфа Габсбургскаго до разрушенія Восточной Имперіи въ 1452 году. Десятая отъ разрушенія Восточной Имперіи до Реформаціи, начавшейся въ 1517 году. Первая на десять отъ Реформаціи до Вестфальскаго мира, заключеннаго въ 1648 году. Двѣнатцатая отъ Вестфальскаго до Губертсбургскаго мира въ 1763 году. И такъ каждый изъ сихъ 12 періодовъ начинается достопамятною эпохою. Я приступаю теперь къ первой и самой славнѣйшей изъ оныхъ.

Сія Исторія открывается величайшимъ и торжественнѣйшимъ произшествіемъ въ мірѣ. Сынъ Божій для искупленія міра содѣлался человѣкомъ. Наступило тогда сіе толь давно желанное и ожидаемое, но и толь ясно назначенное время. Тогда было время почти всеобщей слѣпоты въ познаніи истиннаго Бога. Даже и самый Іудейской народъ вмѣшалъ въ религію свою самыя ложныя мнѣнія. Но въ то же время науки и искусства достигли высочайшей степени. И такъ съ одной стороны пришествіе Спасителя послѣдовало во время самой крайней нужды; съ другой же стороны и въ такое время, когда религія его не могла вкрасться въ міръ подъ прикрытіемъ невѣжества и легковѣрія, но выдержала испытаніе самыхъ остроумнѣйшихъ людей и вскорѣ все ихъ почтеніе пріобрѣла. Почти чрезъ четыре тысячи лѣтъ по сотвореніи міра, и чрезъ 753 года отъ построенія города Рима, Сынъ Божій родился человѣкомъ. Годъ рожденія его съ совершенною точностію опредѣленъ быть не можетъ; и думаютъ, что въ обыкновен-

номъ

номъ нашемъ лѣтосчисленіи, мы полагаемъ оный нѣсколькими годами позже. Можетъ быть тебѣ непонятно кажется, какъ могла произойти такая неизвѣстность въ разсужденіи года и дня Рождества Христова даже и между Христіанами. Но счисленіе лѣтъ отъ сотворенія міра и тогда уже было въ неустройствѣ; обычай считать лѣта отъ Рождества Христова введенъ въ употребленіе уже въ осьмомъ столѣтіи; въ первыяжъ 300 лѣтъ Христіане не смѣли праздновать день Рождества Спасителя: по чему и не удивительно, что и самый годъ рожденія его мало по малу пришелъ въ забвеніе, и что довольствовались утверждать только неопровергаемую истину сего событія. Довольно того, что Христосъ пришелъ въ міръ въ самое то время, въ которое по толь многимъ пророчествамъ ожидать его было должно. Иродъ Великой имѣлъ тогда титулъ царя Іудейскаго, ненавидимъ будучи Іудеями, и завися отъ Римлянъ. Онъ умеръ чрезъ годъ по Рождествѣ Спасителя. По томъ царство Іудейское раздѣлено было между тремя сынами его, Архелаемъ, Иродомъ Антипою и Филиппомъ; однакожъ Римляне сохраняли верховную власть надъ онымъ. Августъ управлялъ еще Римскою Монархіею, которая наслаждалась тогда почти всеобщимъ спокойствіемъ. Но въ послѣдніе годы былъ онъ нещастливъ. Полководецъ его Квинтилій Варъ разбитъ былъ предводителемъ Херусковъ, Арминіемъ, въ нынѣшней Вестфаліи, недалеко отъ рѣки Везера, и симъ пораженіемъ положенъ былъ конецъ Римской власти въ Германіи по ту сторону Рейна; хотя Римляне и вообще никогда не могли совершенно покорить древнихъ Германцевъ. По смерти сего Императора, о которомъ судятъ обыкновенно по кроткому и правосудному его правленію, не вспоминая о тѣхъ жестокостяхъ, которыми онъ достигалъ престола, преемникомъ его былъ Тиберій, усыновленный имъ, и Римская Монархія содѣлалась наслѣдственною Цезаревой фамиліи. Тиберій оказывалъ въ себѣ всѣ похвальныя качества, пока усыновленный имъ племянникъ его Германикъ былъ живъ.

Лѣта отъ Рождества Христова.

9

14

Сей

16 Сей молодой герой, котораго и Римляне и иностранцы равно любили и почитали, победилъ Германцевъ, и распространилъ завоеванія свои даже до рѣки Элбы. Онъ намѣренъ былъ также вести войну съ Парѳами. Но чѣмъ болѣе народъ любилъ его, тѣмъ болѣе возбуждалась зависть его дяди; и по тому смерть Германика съ великою вѣроятностію
19 приписывается Тиберіеву приказанію. По смерти его Тиберій предался сладострастію и лютости своей, которыя умѣлъ онъ соединять съ величайшимъ притворствомъ. Между тѣмъ явился Іоаннъ Кре-
28 ститель, предтеча Спасителя нашего; онъ крестилъ, и проповѣдовалъ вѣру въ Спасителя и исправленіе нравовъ. Чрезъ то предуготовлялъ онъ Іудеевъ къ приближавшемуся принятію Искупителя, котораго они на своемъ языкѣ Мессіею называли. Іисусъ Христосъ отъ 12 до 30 году жилъ у родителей своихъ; и Божественная Премудрость не открыла намъ сея части житія его; ибо намъ надлежало вѣдать только то, что онъ какъ Искупитель и учитель нашъ творилъ. Но наступило время учительства его. Онъ кре-
30 щенъ былъ Іоанномъ въ пустынѣ, и началъ исполнять великія намѣренія, съ которыми въ міръ былъ посланъ. Онъ открылъ народу Іудейскому, и въ немъ всему будущему потомству, волю Божію въ разсужденіи блаженства ихъ, которую ему исполнить надлежало. Онъ подтверждалъ божественность ученія своего высочайшими чудесами, которыя всѣ были благотворительны. Наконецъ, онъ представлялъ собою совершеннѣйшій примѣръ святости и добродѣтели для подражанія. Но Іудеи соблазнялись наружною его низостію, не сходствовавшею съ ложными ихъ понятіями о Мессіи; а священники опасались отъ него опроверженія ихъ религіи. Они гнали его; и наконецъ въ четвертый
33 годъ его учительства, добровольно предался онъ врагамъ своимъ, хотя дотолѣ легко могъ избѣгать отъ рукъ ихъ, и распятъ былъ на крестѣ. Жизнь его, страданіе и смерть были заслугою всему роду человѣческому, то есть пріобрѣли оному благодать отъ Бога, отпу-

отпущеніе казней за грѣхи, освобожденіе отъ самаго грѣха, и силы къ новой жизни. Смерть его сопровождаема была знаменіями божественнаго величества, между прочимъ же чудеснымъ повсюду затмѣніемъ солнца. Въ третій день возсталъ онъ изъ гроба, какъ-то самъ предсказалъ. По томъ являлся ученикамъ своимъ, и предъ ними вознесся на небо. Вскорѣ послѣ того низпослалъ Апостоламъ чрезвычайные дары Духа Святаго, дабы содѣлать ихъ способными къ распространенію вѣры его. Они проповѣдовали вѣру сію въ Іерусалимѣ съ удивительнымъ успѣхомъ; и тамошняя церковь, или общество почитателей Христовыхъ, была матерью всѣхъ прочихъ Христіанскихъ церквей. Но гоненіе не укоснило ихъ преслѣдовать. Святый Стефанъ былъ первой Мученикъ, или свидѣтель, пролившій кровь свою за религію Христову. Напротивъ того Павелъ изъ жестокаго врага содѣлался однимъ изъ главныхъ учителей оной. Около сего времени Тиберій кончилъ поносную и пагубную жизнь свою. Кайй Калигула, сынъ племянника
его Германика, сталъ по немъ Императо- 37
ромъ. Его правленіе было смѣсь безумія и лютости. Онъ принудилъ Макрона, которымъ на пре-
столъ возведенъ былъ, лишить самого себя 38
жизни. Предпринималъ тщетный походъ въ
Британнію, гдѣ солдаты, по его приказанію, 40
ничего инаго не дѣлали, какъ только раковины собирали. Въ то же время ученики Христовы въ первой разъ получили въ Антіохіи названіе Христіанъ. Павелъ началъ путешествія свои для проповѣданія Евангелія; и Апостолы, купно съ учениками своими, завели множество церквей между язычниками. Павелъ основалъ церковь Христіанскую въ Римѣ, а Марко въ Александріи, другомъ главномъ городѣ Имперіи. Въ Азіи, Греціи, и въ разныхъ другихъ земляхъ, также заведены были церкви, и все съ такою скоростію, которая служила явнымъ доказательствомъ пособія Божія. Хереа убилъ Калигулу. Но Клавдій, братъ Германиковъ, послѣдовав-
шій въ правленіи, не привелъ государства въ 41
лучшее состояніе. Онъ былъ слабъ и тѣломъ и умомъ.

По-

Порочная супруга его Мессалина заставляла его дѣлать
много жестокостей, пока наконецъ онъ приказалъ ее
умертвить. Въ то время Иродъ Агриппа гналъ Христі-
анъ въ Іерусалимѣ, дабы пріобрѣсти себѣ любовь отъ
Іудеевъ; приказалъ убить Іакова, а Петра ввергнуть
въ темницу, изъ которой Ангелъ его освободилъ. Пол-
ководцы Клавдіевы завоевали большую часть
43 Британніи, или нынѣшней Англіи. По желанію
второй супруги своей Агриппины, послалъ онъ
50 колонію старыхъ солдатъ въ городъ Убійцовъ,
который получилъ отъ того названіе Колонія Агриппи-
на, нынѣжъ называется Кельномъ. По смер-
54 ти Клавдія вступилъ на Императорской пре-
столъ Домицій Неронъ, сынъ Агриппины, котораго Клав-
дій и себѣ усыновилъ, лишивъ наслѣдства своего сына
Британника. Сей Императоръ въ первые годы правле-
нія своего заслуживалъ всякую похвалу, можетъ быть
изъ притворства, или боясь матери своей, либо изъ
почтенія къ учителю своему Сенекѣ. Но скоро тиран-
ской нравъ его обнаружился, и подвергъ его омерзенію и
въ тогдашнія и во всѣ послѣдовавшія времена. Онъ при-
казалъ отравить ядомъ брата своего Бри-
55 танника. Мать свою обругалъ, и наконецъ
приказалъ ее умертвить. Также предавался онъ всяко-
му сладострастію. Полководцы его вели войну съ благо-
получнымъ успѣхомъ въ Восточныхъ земляхъ.
58 Тиридатъ, царь Арменской, выгнанъ былъ
изъ своея земли, взятъ въ плѣнъ, и прину-
63 жденъ постыднымъ образомъ получить коро-
ну свою изъ рукъ Нероновыхъ. По томъ
64 Императоръ приказалъ зажечь Римъ, дабы
истребить многія старыя и худыя строенія, и выстро-
ить сей городъ вновь. Онъ смотрѣлъ на сей пожаръ съ
высокой башни, чтобы представить себѣ, какъ Троя го-
рѣла. Сей безумный поступокъ возбудилъ противъ него
ненависть: чего ради онъ сложилъ вину пожара на Хри-
стіанъ, и гналъ ихъ подъ симъ предлогомъ. Онъ приказалъ
умертвить множество Христіанъ въ Римѣ жестокими мука-
ми. Вѣроятно, что и въ другихъ мѣстахъ они имѣли

щающуюжъ участь. Сіе гоненіе было первое, которому Христіане подвержены были по Императорскому приказанію. Петръ и Павелъ лишились при ономъ жизни. Считаютъ десять главныхъ гоненій противъ Христіанъ, производимыхъ по повелѣнію разныхъ Императоровъ. Но въ самомъ дѣлѣ не было десяти общихъ, по Императорскимъ повелѣніямъ производимыхъ и продолжительныхъ гоненій. Напротивъ того меньшихъ гоненій было гораздо болѣе, и помянутыя десять отличились отъ прочихъ только нѣкоторыми обстоятельствами.

Ученикъ. Позвольте мнѣ сдѣлать при семъ вопросъ. Я много уже слыхалъ о гоненіяхъ противъ первыхъ Христіанъ, и надѣюсь изъ вашего повѣствованія получить еще лучшее свѣдѣніе объ оныхъ. Но съ того времени, какъ я привыкъ разсуждать, непонятно мнѣ, какъ можно было гнать съ ужасною жестокостію и подвергать самымъ мучительнымъ казнямъ исповѣдателей религіи, толико святой и роду человѣческому толико полезной, — такихъ людей, которые вели жизнь толь строгую и непорочную, и были толь добрые граждане и подданные?

Учитель. Недоумѣніе твое не безъ основанія, особливожъ, когда тебѣ извѣстно, что Римляне за религію никого инаго не только не казнили, но и не притѣсняли. Однакожъ въ разсужденіи Христіанъ соединялись разныя обстоятельства, по которымъ Римляне ихъ ненавидѣли и почитали опасными людьми. Римляне видѣли, что Христіане презирали и старались съ поруганіемъ опровергнуть владычествовавшую въ ихъ государствѣ религію, съ которою установленіе государственное въ тѣсной связи находилось. Они не находили въ Христіанской религіи ничего сходнаго и общаго со всѣми иными религіями: ни изображеній боговъ, ни жертвъ, и тому подобнаго; по чему думали они, что Христіане совсѣмъ религіи не имѣютъ. Весьма многіе люди, получавшіе отъ языческаго идолослуженія обильное пропитаніе, видѣли, что Христіанство дѣлало ихъ ненужными и лишало ихъ доходовъ. По сей-то причинѣ идольскіе жрецы и чернь многократно противъ Христіанъ возставали. Наконецъ пріобщались къ тому самыя гнуснѣйшія клеветы,

Іудеями разсѣваемыя; язычникижъ принимали оныя за правду и умножали новыми клеветами; находимы были обвиненія, которыя, по тайному богослуженію Христіанъ и по виду сея небесной религіи, толь мало чувствамъ подверженному, отчасти вѣроятными казались. Безъ надлежащаго отношенія всѣхъ сихъ причинъ вкупѣ, или одной которой либо изъ нихъ, къ примѣрамъ гоненій, исторія оныхъ въ самомъ дѣлѣ неудобопонятна. Но колико должны мы удивляться премудрости Божіей, наславшей на церковь Христіанскую, едва только начавшуюся, толь жестокія гоненія и толикое множество враговъ, безъ сомнѣнія только для показанія, что не власть и не превосходныя силы человѣческія способствовали тому, что религія Іисуса Христа и исповѣдатели ея не были истреблены въ самомъ началѣ. Самыя сіи гоненія еще умножали число Христіанъ. Сверъхъестественная радость и твердость, съ какою толь многія тысячи ихъ шли на смерть, которой самыми малѣйшими знаками идолопоклонства могли бы избавиться, — такая радость и твердость весьма часто убѣждала и враговъ ихъ и всѣхъ безпристрастныхъ свидѣтелей въ истинѣ ихъ исповѣданія. — Но я обращаюсь къ порядку Исторіи. Неронъ безчеловѣчными поступками своими навлекъ на себя отъ всѣхъ ненависть.
65 Пизонъ составилъ заговоръ противъ него; но оный былъ открытъ, и Пизонъ съ сообщниками своими казненъ. Сенека, учитель Нероновъ, писавшій толь хорошо о нравоученіи, также долженъ былъ при семъ случаѣ по Императорскому повелѣнію выбрать себѣ образъ смерти. Вскорѣ по томъ
66 Іудеи, долго претерпѣвавшіе притѣсненія отъ Римскихъ правителей, взбунтовались противъ Нерона. Они прогнали Римлянъ изъ своего отечества, и старались возвратить себѣ свободу.
67 Императоръ послалъ противъ нихъ Веспазіана, который съ войскомъ вошелъ въ Палестину.
68 Но Галлія и Испанія также взбунтовались противъ Императора, Римской Сенатъ осудилъ его на смерть, какъ врага отечества, и тиранъ, видя себя всѣми оставленна, самъ надъ собою сей при-

приговорЪ исполнилЪ. Галба, бывшій намѣстникомЪ вЪ
Испаніи, вступилЪ на Императорской престолЪ. Но вско-
рѣ по томЪ ОттонЪ вЪ Лузитаніи, Вителлій вЪ Герма-
ніи, и ВеспазіанЪ вЪ Азіи, отЪ солдатЪ объявлены были
Императорами. Тогда начались времена, вЪ
которыя легіоны присвоили себѣ право выби- 69
рать ИмператоровЪ. Сія насильственная вольность весь-
ма умножила неустройство вЪ Имперіи, которая при
слабыхЪ и порочныхЪ правителяхЪ и прежде уже толь
много могущества своего лишилась. ОттонЪ первой
овладѣлЪ государствомЪ, и приказалЪ убить Галбу. Но
онЪ побѣжденЪ былЪ ВителліемЪ, и правительствовавЪ
три мѣсяца, самЪ себя лишилЪ жизни, дабы не продол-
жить пагубной гражданской войны. Вителлій жилЪ не
долго послѣ него; онЪ умерщвленЪ былЪ вЪ Римѣ по-
носнымЪ образомЪ. За нимЪ послѣдовалЪ наконецЪ Ве-
спазіанЪ, похвалы достойный государь, возстановившій
честь и благоустройство государства. При немЪ также
окончана война сЪ Іудеями. СынЪ его ТитЪ осадилЪ
ІерусалимЪ, старался щадить сей городЪ противЪ воли
жителей, и наконецЪ взялЪ оный. ХрамЪ былЪ сожженЪ,
и городЪ разоренЪ. Іудеи разсѣяны были по
всѣмЪ землямЪ Римской Имперіи. СимЪ испол- 70
нилось совершенно пророчество Спасителя и
Пророка Даніила о разрушеніи сего города и 79
области Іудейской. ТитЪ, бывшій вЪ послѣдствіи Импе-
раторомЪ, превосходилЪ добротою всѣхЪ своихЪ пред-
шественниковЪ. ОнЪ почиталЪ тотЪ день потеряннымЪ,
вЪ который никому добра не сдѣлалЪ. Исторія никогда
не можетЪ довольно прославлять такого образа мыслей.
ОнЪ названЪ былЪ *любовію и утѣшеніемЪ рода человѣ-
ческаго.* ВЪ его время страшнымЪ изверженіемЪ огнеды-
шущей горы Везувія разрушены были города Помпеіи и
ГеркуланЪ, которыхЪ развалины и разныя вещи, отЪ
первагожЪ даже цѣлыя улицы и домы, найдены вЪ ны-
нѣшнія времена. Старшій Плиній, славный своею учено-
стію, лишился при томЪ жизни. ТитЪ отрав-
ленЪ былЪ ядомЪ, вЪ чемЪ подозрѣвали брата 81
его и преемника Домиціана. Сей ИмператорЪ возобно-

вилъ всѣ гнусныя дѣла Нероновы, особливожъ его
жестокость. Онъ началъ войну съ Дакійцами,
88 жившими въ нынѣшней Трансилваніи и сосѣд-
ственныхъ съ оною земляхъ, и самъ выступилъ про-
тивъ царя ихъ Децебала; но вскорѣ заключилъ съ нимъ
поносный міръ, купивъ оный за деньги, чего прежде ни-
кто еще изъ Римскихъ Императоровъ не дѣлалъ. Симъ
привелъ онъ Римскую Имперію въ презрѣніе.
94 Также воздвигалъ онъ жестокое гоненіе на Хри-
стіанъ, которыхъ размноженіе, отъ времени до времени
увеличивавшееся, было ему противно. Апостолъ Іоаннъ
претерпѣлъ тогда разныя мученія, и наконецъ сосланъ
былъ въ заточеніе на островъ Патмосъ, гдѣ писалъ
свой Апокалипсисъ. Хотя Домиціанъ не сдѣлалъ ничего
достойнаго славы, но часто торжествовалъ тріумфы въ
Римѣ, и до того довелъ безуміе свое, что повелѣлъ при-
писывать ему на монетахъ имя Бога. Бывая одинъ,
занимался тѣмъ, что ловилъ мухъ и прикалывалъ ихъ
къ стѣнѣ острымъ желѣзцемъ. Наконецъ онъ
96 убитъ былъ стараніемъ супруги своей, ко-
торую опредѣлилъ-было лишить жизни. По смерти его
Нерва возшелъ на престолъ, и подалъ Имперіи великую
надежду. Сей государь соединилъ то, чего прежде нико-
гда у Римлянъ вкупѣ не бывало: высочайшую монарше-
скую власть со свободою подданныхъ въ рѣчахъ и по-
ступкахъ. Будучи уже старъ, онъ усыновилъ лучшаго сво-
его полководца Траіана и назначилъ по себѣ преемникомъ.
Симъ пріобрѣлъ онъ себѣ помощника, а государству до-
ставилъ достойнаго правителя. Чрезъ шест-
98 натцать мѣсяцовъ Траіанъ вступилъ на пре-
столъ. Онъ исполнилъ все, чего Римляне отъ него ожи-
дали; возвратилъ Имперіи могущество и важность, ко-
торыхъ она лишилась, и добротою своею и любовію къ
правдѣ заслужилъ названіе *добраго государя*, данное ему
Сенатомъ. Онъ началъ войну съ Дакійскимъ царемъ Де-
цебаломъ, и довелъ его до того, что онъ самъ
102 лишилъ себя жизни; послѣ чего Дакія содѣла-
лась Римскою провинціею. Съ Христіанами Траіанъ по-
ступалъ не совсѣмъ несправедливо. Когда младшій Пли-
ній,

ній, бывшій намѣстникомъ въ Виѳиніи, доносилъ ему о Христіанахъ въ сей землѣ, и спрашивалъ, какъ съ ними поступать должно: Императоръ приказалъ ему не стараться искать ихъ, и наказывать только тѣхъ, которые уличены будутъ въ томъ, что они Христіане, за наносимый ими вредъ владычествующей религіи; но приносящихъ богамъ жертву прощать. Въ Азіи Траіанъ распространилъ свои завоеванія; онъ покорилъ Арменію, Иберію, Месопотамію, и другія земли; далъ царя Парѳамъ, и положилъ рѣку Тигръ предѣломъ Имперіи съ той стороны. Во время его пребыванія въ сихъ странахъ, было тамъ гоненіе на Христіанъ, которому онъ по крайней мѣрѣ не препятствовалъ, ибо оно было ему довольно извѣстно. Тогда достойный почтенія Епископъ Антіохійской Игнатій привезенъ былъ въ Римъ и брошенъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ въ амфитеатрѣ; а Симеонъ, Епископъ Іерусалимской, имѣвшій сто двадцать лѣтъ отъ роду, распятъ на крестѣ. Вскорѣ по томъ Іудеи, долго скрывавшіе жесточайшую ненависть къ притѣснителямъ своимъ Римлянамъ, сдѣлали нечаянное нападеніе на нихъ въ Киринеѣ, Африканской землѣ, и умертвили около 200,000 Грековъ и Римлянъ, при чемъ поступали они съ ужасною лютостію. Въ Египтѣ и Кипрѣ также произвели они страшное опустошеніе. Траіанъ повелѣлъ одному изъ своихъ полководцевъ усмирить ихъ, и вскорѣ послѣ того умеръ. Адріанъ былъ достойный его преемникъ, хотя и не во всемъ ему подражалъ. Думая, что Траіанъ слишкомъ распространилъ предѣлы Имперіи, такъ что самыхъ отдаленныхъ частей ея не возможно было сохранять въ безопасности и доставлять имъ нужное подкрѣпленіе, онъ возвратилъ Парѳамъ Арменію, Месопотамію и Ассирію, и оставилъ рѣку Евфратъ по прежнему предѣломъ Римской Имперіи въ Азіи. Хваля благоразуміе его въ семъ поступкѣ, надлежитъ купно замѣтить, что государство собственною своею великостію обременяемое необходимо должно пасть, естьли не имѣетъ всегда мудрыхъ и храбрыхъ

106

107 и сл.

116

117

 прави-

правителей. Адріанъ принадлежалъ къ числу такихъ государей. Онъ давалъ всякому правосудіе, осматривалъ самъ всѣ провинціи Римской Имперіи, и на-
120 казывалъ намѣстниковъ, худо исполнявшихъ свою должность. Онъ обыкновенно говаривалъ, что Императоръ, подобно солнцу, всѣ страны государства своего освѣщать долженъ. Достоинства его помрачались иногда только сладострастіемъ и жестокостію. Онъ не хотѣлъ гнать Христіанъ, и писалъ къ Мину-
123 цію Фундану, Проконсулу Азіатскому, чтобъ онъ никого изъ Христіанъ на смерть не осуждалъ, кромѣ обвиненныхъ въ какомъ либо преступленіи, и наказывалъ бы строго доносителей, которые ни въ какомъ преступленіи уличить ихъ не могли. Разоренный Іерусалимъ приказалъ онъ вновь построить, на-
130 звавъ его Эліа Капитолина, и послалъ туда поселенцевъ. Іудеямъ весьма прискорбно было видѣть прежній главной ихъ городъ обитаемый язычниками, и въ ономъ жертвы идоламъ приносимыя. Того ради сдѣлали они общее возмущеніе, и пріуготовились къ оборонѣ, даже и въ подземныхъ мѣстахъ, такъ что можно было видѣть крайнее ихъ отчаяніе. Предводительствовалъ ими нѣкто Баркохафъ, называвшій себя Мессіею. Ибо вообще познавали они, что время пришествія Мессіи давно уже наступило, и по тому удобно обольщаемы были обманщиками, обѣщавшими имъ свободу и возвращеніе отечественной ихъ земли. Императоръ послалъ противъ нихъ Юлія Севера, ко-
131 торый съ великимъ трудомъ наконецъ усмирилъ совершенно сей упорный народъ и побилъ
135 ихъ около 580000. По томъ весьма строго запрещено было Іудеямъ къ городу Эліи приближаться, и всѣ слѣды древняго города и храма истреблены. Адріанъ незадолго предъ смертію своею усыновилъ
138 Тита Антонина, который вскорѣ по томъ вступилъ на престолъ, и подъ именемъ Антонина Благочестиваго былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ славы государей. Будучи Императоромъ, велъ онъ жизнь скромную, какъ приватный человѣкъ, почиталъ подданныхъ дѣтьми свои-

своими, позволялъ снизходительно доступъ къ себѣ всякому, во всемъ наблюдалъ правду, и правительствовалъ болѣе двапцати лѣтъ мирно, но и въ великомъ уваженіи отъ иностранныхъ государей. Христіане во время его правленія хотя и были гонимы, однако не по его приказанію и волѣ. Но также до- 140
вольно безпокойства причиняли имъ тогда внутренніе враги ихъ церкви. Еще со временъ Апостоловъ находились люди придержавшіеся ложной вѣры, которые портили Христіанское ученіе, превращая оное по своему произволенію; но около сего времени становились они многочисленнѣе и опаснѣе.

Ученикъ. Не сихъ ли людей называютъ Еретиками? и отъ чего это происходитъ, что въ церковной Исторіи находится толь великое множество такихъ лжеучителей?

Учитель. Вопросъ твой здѣсь весьма кстати. — Ничему менѣе удивляться не должно, какъ тому, что церковь Христіанская съ самаго своего начала либо въ нѣдрахъ своихъ питала, либо внѣ себя должна была терпѣть такихъ людей, которые отчасти по слабоумію не понимали истиннаго Христіанскаго ученія, отчастижъ исполнены будучи суесвятскаго мечтанія, гордости и страсти къ новизнѣ, не довольствовались въ разсужденіи онаго однимъ только словомъ Божіимъ и проповѣдію Апостоловъ. Нѣкоторые съ добрымъ намѣреніемъ, но безъ потребнаго къ тому проницанія, хотѣли сдѣлать Христіанство понятнѣе или остроумнѣе, нежели оно по ихъ мнѣнію было. Однакожъ въ послѣдствіи названіе Еретикъ употребляемо было съ излишествомъ, и прилагаемо всякому, кто не принималъ всѣхъ ученій церкви, которая не могла уже хвалиться соблюденіемъ религіи въ первой ея чистотѣ. Нѣкоторые изъ обращенныхъ въ Христіанство Іудеевъ произвели первые споры въ церкви чрезмѣрною своею ревностію въ наблюденіи закона Моисеева. Другіе лжеучители, кромѣ сихъ, мало ещедѣйствовали. Симонъ волхвъ, котораго толь многіе первымъ еретикомъ называютъ, былъ не еретикъ, но иначе невѣрный и обманщикъ. Болѣе всѣхъ претерпѣла

церковь отъ Гностическихъ партій. Симъ общимъ именемъ называется множество сектъ, безобразившихъ Христіанскую религію смѣшеніемъ ея съ понятіями странной Восточной Философіи. Можетъ быть никогда еще люди не смѣшивали откровенной религіи съ нелѣпѣйшими мечтами, какъ то дѣлали сіи секты. Самая старшая изъ нихъ произошла еще въ концѣ перваго столѣтія. Но во второмъ столѣтіи и число ея послѣдователей и безумство ихъ гораздо болѣе возрасло. Къ нимъ присовокупились другіе, которые хотя не соглашались съ первыми въ своихъ положеніяхъ, но не менѣе оныхъ заблужденіями своими возмущали церковь. И естьли правда, что большая часть сихъ суевѣровъ вели жизнь порочную, то изъ сего можешь усмотрѣть, что тѣ заблужденія всѣхъ опаснѣе, которыя на сердце и нравы вліяніе имѣютъ. При толь многоразличныхъ покушеніяхъ, къ порчѣ ученія Христіанскаго клонившихся, величайшая польза для Христіанъ была та, что изъ Священнаго Писанія, особливожъ изъ писанныхъ первыми учениками и друзьями Христовыми вскорѣ послѣ 40 году книгъ Новаго Завѣта (или новаго Богомъ учрежденнаго установленія религіи) могли они научаться, что есть Христіанство, и что не есть оно. — Сіе отступленіе казалось мнѣ нужнымъ для того, чтобъ не потерять совсѣмъ изъ виду состоянія Христіанской церкви. Но теперь обращаюсь я къ порядку Исторіи.

161 По смерти Антонина Благочестиваго правительствовали обще Маркъ Аврелій Антонинъ и Луцій Элій Веръ; но первой только изъ нихъ примѣчанія достоинъ. Онъ былъ не только ученый Государь, но и правительствовалъ съ великимъ благоразуміемъ, и велъ жизнь философскую; по чему обыкновенно называютъ его Антониномъ Философомъ. Оставшіяся послѣ него размышленія о самомъ себѣ приносятъ ему великую честь. Но Христіане много претерпѣли въ его правленіе; и кажется, что онъ иногда излишне вѣрилъ Философамъ, возстававшимъ противъ нихъ. Поликарпъ, Епископъ Смирнской, и Іустинъ мученикъ, или Философъ, два достойнѣйшіе почтенія учители, тогда лишены

были жизни. Христіанскія церкви въ нынѣшнемъ Ліонѣ и Віеннѣ, во Франціи, были почти совершенно истреблены. Однакожъ Антонинъ не давалъ явнаго повелѣнія гнать Христіанъ. Большую часть правленія своего онъ занятъ былъ Маркоманскою войною; ибо Маркоманы, Квады, и многіе другіе Германскіе народы изъ 166 нынѣшней Германіи и Польши, перешедъ чрезъ Дунай, напали на Римскія области; и онъ въ нѣсколько лѣтъ едва могъ ихъ совсѣмъ выгнать. По смерти Антонина вступилъ на престолъ порочный сынъ его Коммодъ, но привелъ себя въ такую ненависть, что на- 180 конецъ отравленъ былъ ядомъ. Съ сего времени Римская Имперія вообще начала упадать паче и паче. Пертинаксъ хотя объявленъ былъ Императо- 193 ромъ отъ солдатъ и противъ воли своей, но какъ хотѣлъ завести между ими строгую дисциплину, то чрезъ два мѣсяца послѣ того они его умертвили. Потомъ Императорскіе тѣлохранители продали достоинство Императорское Дидію Юліану; но и сей также мѣсяца чрезъ два былъ убитъ. Септимій Северъ правительствовалъ нѣсколько лѣтъ, и щастливо велъ войны съ Пареами и другими Восточными народами. 200 Но также гналъ онъ Христіанъ въ Египтѣ и Африкѣ. Тертулліанъ писалъ тогда превосходныя свои сочиненія въ защищеніе Христіанъ. Северъ построеніемъ долгой стѣны привелъ Британнію, или нынѣш- 209 нюю Англію, въ безопасность отъ набѣговъ жителей сѣверной части сего острова. Сынъ его Каракалла, котораго онъ объявилъ уже Императоромъ, умышлялъ лишить его жизни. Отецъ, свѣдавъ о семъ, умеръ съ печали. Безчеловѣчный сынъ всту- 211 пилъ послѣ него въ правленіе, которое началъ убійствами и продолжалъ такимъ же образомъ. Онъ приказалъ умертвить на рукахъ матери своей брата своего Гету, съ которымъ вкупѣ правительствовать ему надлежало, и многихъ другихъ. Славный законоискусникъ Папиніанъ долженъ былъ лишиться головы за то, что не хотѣлъ письменно оправдать сего братоубійства. По умерщвленіи сего тирана, послѣдовали другіе Императоры, ко-

торые также за жестокость ихъ, или за поносное распуство, лишаемы были жизни. Имперія хотя и была освобождаема отъ нихъ, но могущество ея паче и паче ущербъ претерпѣвало. Наконецъ вступилъ на
222 престолъ Александръ Северъ, достойный похвалы государь. Мать его Маммеа, имѣвшая склонность къ Христіанству, внушила и ему оную. Онъ позволилъ Христіанамъ свободное отправленіе богослуженія, и издалъ весьма полезные законы. Въ его время кончилось Пареское царство. Персъ Артаксерксъ трое-
226 кратно разбивалъ Пареовъ, и царь ихъ Артабанъ лишился при томъ жизни. Послѣ сего возстановлено было Персидское государство, и называется съ того времени среднею или второю Персидскою Монархіею. Александръ, принужденъ будучи начать войну съ симъ новымъ царемъ, одержалъ надъ нимъ побѣду въ великомъ сраженіи. Но лютое высокомѣріе Римскихъ солдатъ возрасло тогда уже до того, что они и сего по всему похвалы достойнаго Императора убили. За
235 симъ паки послѣдовали времена неустройства; нѣсколько Императоровъ почти толь же скоро свергаемы съ престола или убиваемы, какъ и избираемы были. Въ такихъ обстоятельствахъ нѣкоторые Германскіе народы, особливожъ Франки и Алеманы, жившіе при рѣкѣ Рейнѣ, также Готы, жившіе у источника рѣки Дуная, дѣлали набѣги на колеблемое мятежами государство и опустошали оное. Однакожъ и сами Императоры притѣсняли нѣкоторую часть подданныхъ своихъ. Децій воздвигъ на Христіанъ самое жесточайшее гоне-
250 ніе, какого они послѣ никогда уже не претерпѣвали. Онъ приказалъ повсюду либо истреблять Христіанъ, либо всякими мученіями принуждать къ отступленію отъ ихъ религіи. Множество ихъ лишилось при томъ жизни. Другіежъ продолжительными мученіями принуждаемы были въ немаломъ числѣ спасать жизнь свою жертвоприношеніемъ языческимъ богамъ, или покупкою освободительныхъ писемъ. Отъ сего произошли такъ называемые отступники, чему дошолъ въ Христіанской церкви почти никогда примѣровъ не бывало. Вскорѣ по

томъ

томъ требовали они, обратно пріобщены быть къ церкви, не подвергаясь учрежденному тогда продолжительному покаянію. Нѣкоторые Епископы склонны были оказать имъ такое снизхожденіе; однакожъ за нужное почтено было, чтобъ они разными дѣлами покаянія доказывали неложность обращенія своего. Въ сіе время Оригенъ отличился между Христіанскими учителями ученостію своею и заслугами. Онъ имѣлъ удивительное трудолюбіе, ревность и остроуміе; и былъ бы достоинъ еще большаго почтенія, естьли бы слишкомъ тонкимъ и искусственнымъ слогомъ своимъ не подалъ случая къ продолжительнымъ спорамъ въ нѣкоторыхъ ученіяхъ вѣры. Для избѣжанія сего гоненія Павелъ ушелъ въ Ѳебаидскую пустыню, въ Египтѣ, и ставъ первымъ, или по крайней мѣрѣ однимъ изъ первыхъ пустынниковъ между Христіанами, положилъ основаніе монашескому житію, введенному въ обыкновеніе въ началѣ четвертаго столѣтія, и отличающемуся отъ пустынническаго житія тѣмъ, что не одинъ, но нѣсколько набожныхъ Христіанъ, жили вкупѣ въ пустыняхъ, горахъ и другихъ уединенныхъ мѣстахъ, молились, постились и доставали себѣ весьма скудное пропитаніе работою рукъ своихъ.
По смерти Деція паки слѣдовало нѣсколько Им-
ператоровъ, приносящихъ мало чести своему 252
достоинству. Императоръ Валеріанъ даже умеръ въ плѣну у Персовъ, и сынъ его, лѣнивый Галліенъ, не старался объ его освобожденіи. Во время прав-
ленія Галліенова Скиѳы и Готы напали на 258
Римское государство и опустошали оное. Войска всякой день избирали новыхъ Императоровъ, которые дѣлили между собою государство, и отъ времени до времени число ихъ простиралось до тритцати. Они извѣстны подъ именемъ *тритцати тирановъ*. Оденатъ, царь Палмирской, отлично прославился между ими. Онъ освободилъ Восточныя провинціи отъ власти варваровъ, и владѣлъ оными, по чему отъ Императора получилъ титулъ Августа. Клавдій II поправилъ нѣсколько обстоятельства Имперіи, и одержалъ великую
побѣду надъ Готами. По томъ Имперія имѣ- 268

ла въ Авреліанѣ храбраго правителя. Онъ
270 покорилъ не только Готовъ, Маркомановъ и
Алемановъ, но и Зиновію, царицу Палмирскую,
273 послѣдовавшую въ правленіи за супругомъ ея
Оденатомъ, которая умомъ своимъ и другими великими качествами, равно какъ и храброю обороною противъ Римлянъ, весьма прославилась. Она, побѣжденная, везена была въ тріумфѣ, и Палмира разорена. Великолѣпныя развалины сего города въ Сирійскихъ степяхъ въ наши уже времена привлекли на себя надлежащее вниманіе. Лонгинъ, писавшій толь остроумный трактатъ о высокости, находился въ службѣ у сея царицы, и
былъ за то казненъ. Пробъ, одинъ изъ по-
275 слѣдовавшихъ Императоровъ, имѣлъ щастіе побѣдить иностранные народы, наносившіе дотолѣ всегда безпокойство Имперіи. Однакожъ онъ желалъ мира, и говорилъ, что скоро наступитъ такое время, въ которое Римское государство не будетъ уже имѣть нужды въ солдатахъ. Но
войско, принудившее его принять Император-
282 ское достоинство, лишило его жизни за то, что онъ велъ строгую дисциплину. Вскорѣ по томъ правительствовалъ Діоклетіанъ съ великою славою. Онъ при-
нялъ Максиміана въ участники правленія, для
284 лучшаго сопротивленія непріятелямъ Имперіи; но предоставилъ себѣ верховную власть. Оба сіи правителя выбрали себѣ еще Цезарей, или помощниковъ въ правленіи; именножъ Константина Хлора и Галерія. Всѣ они заняты были войною съ такъ называемыми Варварскими народами, и производили оную почти всегда со щастливымъ успѣхомъ. Діоклетіанъ перенесъ для того столицу свою въ Никомедію, городъ въ Малой Азіи. Персы, разбитые Галеріемъ, должны были уступить Римлянамъ цѣлыя провинціи. Но по долгомъ спокойствіи,
которымъ Христіане наслаждались, послѣдова-
303 ло наконецъ новое гоненіе на нихъ, принадлежащее къ самымъ жесточайшимъ. Оба Императора дали повелѣніе разорить всѣ Христіанскія церкви, сожечь всѣ ихъ священныя книги, и всѣхъ Христіанъ лишить чиновъ и достоинствъ ихъ въ Имперіи, не имѣвщихъ же ника-

никакихъ чиновъ казнить смертію, естьли не захотятъ перейти въ идолослуженіе. Сіи повелѣнія исполняемы были вѣрно, и гоненіе продолжалось около десяти лѣтъ. Въ продолженіе онаго оба Императора сложи-
ли съ себя правленіе, чтобъ жить въ приват- 304
номъ состояніи. Діоклетіанъ признавался, что съ того времени онъ жилъ гораздо спокойнѣе въ саду своемъ, нежели прежде на престолѣ. Цезари заступили ихъ мѣсто; на мѣстожъ сихъ выбраны были Северъ и Максиминъ. Но Константинъ Хлоръ вскорѣ по
томъ умеръ, и солдаты выбрали преемникомъ 306
ему сына его Константина. Напротивъ того Максенцій, сынъ Максиміановъ, объявленъ былъ Императоромъ отъ Преторскихъ солдатъ. Северъ началъ войну съ Максенціемъ, но солдатами своими былъ оставленъ. Максиміанъ, вступившій вторично въ правленіе, приказалъ его удавить; но какъ составилъ заговоръ и противъ сына своего, то самъ выгнанъ былъ изъ Рима. По томъ Галерій объявилъ Императоромъ Ликинія,
чтобъ имѣть въ немъ себѣ помощника. И такъ 308
въ то время шесть государей правили Римскою Имперіею: Галерій, Ликиній, Максиміанъ, Максенцій, Константинъ и Максиминъ. Максиміанъ тщетно ставилъ сѣти зятю своему Константину. Онъ самъ былъ обманутъ и принужденъ лишить себя жизни. Между тѣмъ гоненіе на Христіанъ продолжалось. Максиминъ и Галерій гнали ихъ съ величайшею свирѣпостію. Наконецъ
Галерій умеръ отъ весьма мучительной болѣз- 311
ни, давъ предъ кончиною своею повелѣніе оставить Христіанъ въ покоѣ. Константинъ принялъ то-
гда самъ Христіанскую вѣру, что для внѣш- 312
няго спокойствія и благосостоянія Христіанства было весьма важно. Онъ видѣлъ крестъ на небѣ, и призналъ сіе явленіе повелѣніемъ вступить въ Христіанство и обѣтованіемъ побѣды. Въ самомъ дѣлѣ одержалъ онъ вскорѣ по томъ побѣду, и повелѣлъ повсюду крестъ воздвигнуть. Послѣ того, какъ онъ побѣдилъ Максенція, а Ликиній Максимина, который вскорѣ и умеръ, казалось, что спокойствіе Христіанской церкви и правленія обо-

обоихъ сихъ государей навсегда утвердилось. Однако
314 произошло несогласіе между Константиномъ и Лициніемъ. Они начали войну, и Лициній былъ разбитъ. Чрезъ нѣсколько времени вой-
324 на сія возобновилась. Лициній также былъ побѣжденъ, и хотя сперва по прозьбѣ супруги своей, сестры Константиновой, не лишенъ былъ жизни; но вскорѣ по томъ по приказанію сего Императора казненъ. Тогда Константинъ остался одинъ обладателемъ Римской Имперіи; и съ сего времени начнемъ мы новой періодъ. Я могъ бы заключить сей первой періодъ 312 годомъ, въ которомъ Константинъ Христіанскую религію принялъ. Однакожъ сіе произшествіе, хотя весьма было важно для Христіанъ, не доставило еще имъ совершенной безопасности, какъ ты то видѣлъ, и Римское государство не наслаждалось еще внутреннимъ спокойствіемъ, пока сей государь не получилъ единовластія. — Какоежъ понятіе получилъ ты о сихъ трехъ первыхъ столѣтіяхъ Христіанской Исторіи?

Ученикъ. Я примѣтилъ, что Римская Имперія въ семъ періодѣ отъ времени до времени къ совершенному упадку приближалась; причиноюжъ тому были худое правленіе многихъ Императоровъ, необузданное своевольство войскъ, и недостатокъ любви къ отечеству въ гражданахъ. Да и могли ли они любить такое отечество, которое часто во власти тирановъ и порочныхъ людей бывало! Напротивъ того истинная религія паче распространялась; и я радуюсь, видя ее достигшую при Константинѣ до самаго престола. Но не могу ли я получить еще обстоятельнѣйшаго свѣдѣнія о состояніи церкви и наукъ въ семъ періодѣ? Я надѣюсь сего, ибо часто слыхалъ, что первые Христіане весьма уважаемы, а вѣкъ Августовъ почитается однимъ изъ лучшихъ періодовъ учености.

Учитель. Я съ намѣреніемъ оставилъ доселѣ говорить о томъ. Въ самомъ дѣлѣ древнее Христіанство имѣетъ великія преимущества, и нынѣшнимъ Христіанамъ по справедливости надлежало бы стараться имѣть обстоятельное о немъ свѣдѣніе. Христіане никогда не были достойнѣе названія своего, какъ въ то вре-

время. Религія изъявляла надъ ними полное свое дѣйствіе, какое она можетъ и должна имѣть надъ человѣкомъ. Отъ живѣйшаго увѣренія въ истинѣ и неизреченной пользѣ сея религіи происходила толикая любовь и ревность къ оной, какой въ послѣдующія времена мало уже бывало. Добродѣтельное житіе первыхъ Христіанъ служило поученіемъ для язычниковъ, и весьма многихъ побуждало принимать Христіанскую вѣру. Особенножъ отличались они необычайною любовію и благодѣтельностію ко всѣмъ человѣкамъ, и даже ко врагамъ своимъ, и самою нѣжнѣйшею любовію другъ ко другу, соблюдаемою между прочимъ посредствомъ братолюбныхъ пиршествъ, на которыхъ всѣ Христіане безъ различія состояній вмѣстѣ вкушали пищу. Строгое наблюденіе поступокъ введено было съ самаго начала въ Христіанскомъ обществѣ: не для того, чтобъ страхомъ наказаній принуждать Христіанъ къ наружной честности, ибо добродѣтель ихъ изъ сердецъ происходила; но для удобнѣйшаго очищенія церкви, когда бы и въ ней, по несовершенству человѣческому, нашлись такіе люди, которые либо оставили бы истинное ученіе, либо жизнію своею подавали бы другимъ соблазнъ. Истинные сіи послѣдователи Христовы и Апостоловъ особенно и въ богослуженіи своемъ подражаніе заслуживали. Несравненная простота владычествовала въ ономъ, и трогала сердце паче всякаго великолѣпія и всякихъ церемоній. Почти каждой день собирались они къ богослуженію, часто подвергаясь при томъ очевидной опасности; въ первыяжъ времена по большей части собирались въ тайныхъ мѣстахъ и ночью. Поведеніе ихъ при отправленіи онаго было примѣръ жаркаго благочестія и глубочайшаго благоговѣнія предъ Богомъ. Всѣ Христіане, благочестивыми почитаемые, при каждомъ богослуженіи пріобщались святой вечери. *У* нихъ мало было праздниковъ, но всякой день посвященъ былъ богоугодному житію. Мало по малу приняли они въ богослуженіе свое нѣкоторыя церемоніи, дабы сими наружными знаками способствовать внутреннимъ движеніямъ святаго сердца, но не для того, чтобъ приписывали онымъ особенную силу, или существо благочестія въ нихъ поставляли.

Учи-

Учители ихъ отличались отъ прочихъ ревностію, добродѣтелію и твердостію. Должность ихъ была многотрудна, и при гоненіяхъ по большей части они первые ввергаемы были въ темницу, или смерти предаемы. Они удалены были отъ властвованія надъ церквію, и во многихъ случаяхъ общаго мнѣнія спрашивали. Сначала всѣ сіи учители были совершенно равны, и назывались старѣйшинами; но какъ церкви, а купно съ ними и число учителей, умножились, то для удобнѣйшаго соблюденія порядка поставляемъ былъ начальникъ надъ учителями, называемый *Епископомъ*, что по переводу сего Греческаго слова значитъ *надзиратель*. Сей Епископъ достоинствомъ и честію былъ первой, но не болѣе имѣлъ силы и повелительной власти, какъ сколько общество и прочіе учители дать ему за нужное почитали, пока нѣкоторые Епископы въ большихъ и знатныхъ городахъ, пользуясь выгодными обстоятельствами, увеличили силу свою. Епископъ Римской въ сихъ столѣтіяхъ по порядку и по достоинству былъ первой между всѣми, ибо находился въ столичномъ городѣ государства; но не имѣлъ еще тогда главной власти надъ всею церквію. Всѣ Епископы были независимы, и всѣ вообще имѣли титулъ *святыхъ отцевъ*, равно какъ другіе титулы и названіе *Папъ*, которое собственно значитъ *отцевъ*, и послѣ только Римскимъ Епископамъ присвоено. Еще надлежитъ мнѣ упомянуть, что сіи Христіанскіе учители первыхъ 4 или 5 столѣтій называются *церковными отцами*. Ихъ сочиненія и нынѣ еще для разума и сердца поучительны. — Таково по большей части было состояніе Христіанъ, пока внѣшняя безопасность и спокойствіе, великія почести и доходы, роскошная жизнь и великолѣпіе не повредили строгой ихъ добродѣтели.

Ты требовалъ еще свѣдѣнія о состояніи наукъ въ семъ періодѣ. Начало онаго было для нихъ весьма выгодно. Въ семъ столѣтіи, или въ Августово время, называемое также *золотымъ вѣкомъ*, находилось еще весьма много ученыхъ, замысловатыхъ и остроумныхъ писателей во всякомъ родѣ сочиненій. Кромѣ упомянутыхъ уже выше сего, Квинтиліанъ писалъ превосходно

о

о краснорѣчіи и воспитаніи; старшій Плиній о Натуральной исторіи, мірознаніи и объ изящныхъ искусствахъ; Тацитъ Римскую исторію, и еще многіе другіе. Во второмъ столѣтіи жилъ мудрый Плутархъ, остроумный врачь Галенъ и Историкъ Светоній. Но вскорѣ по томъ оказался недостатокъ въ достойныхъ отличности ученыхъ. Ободреніе наукъ и художествъ отъ времени до времени слабѣе становилось; многіе отвлекаемы были отъ нихъ военными безпокойствами; тиранство подавляло величайшія дарованія, и тонкой вкусъ между знатными людьми мало по малу терялся: отъ чего и въ сихъ уже столѣтіяхъ произошла печальная для учености перемѣна. Наступилъ такъ называемый *серебряный* и *мѣдный вѣкъ*. Много было прилѣжныхъ писателей, но мало съ отмѣнными дарованіями и изобрѣтательностію; удивлялись посредственному и ложной остротѣ; подражали другимъ, собирали и повторяли уже сказанное. Немногіе между Христіанами и язычниками отличались отъ сея большой толпы писателей, однакожъ не достигали славы Древнихъ. Древнія философскія секты мало по малу прекратились. Произошла новая секта, превосходившая многочисленностію всѣ прежнія, а именно секта новыхъ Платониковъ. Они старались исправить языческую Философію и религію, и соединить ее съ Христіанскою. Однакожъ ихъ старанія не только не имѣли успѣха, но были еще причиною того, что многіе останавливались на пути отъ язычества къ Христіанству. Впрочемъ ты весьма хорошо поступишь, естьли при подробномъ изученіи Исторіи не будешь отдѣлять церковной и ученой Исторіи отъ гражданской; ибо одна изъ нихъ другую взаимно объясняетъ. Но я обращаюсь теперь къ общему нашему порядку.

Лѣта отъ Рождества Христова.

Эпоха 2. Константинъ Великой.

Когда Константинъ достигъ спокойнаго обладанія престола, государство и церковь новый образъ получили. Принявъ Христіанскую религію, и пріобрѣтши славу быть первымъ Христіанскимъ Императоромъ, онъ отмѣнилъ прежніе законы противъ Христіанъ, далъ имъ многія права, подарилъ храмы и дру-

другія владѣнія. Но въ послѣдствіи открылся ему еще достойнѣйшій примѣчанія случай
325 изъявить ревность свою ко Христіанскому ученію. Арій, старѣйшина или учитель въ Александріи, предлагалъ ложное ученіе, что Сынъ Божій не имѣетъ равнаго съ Отцемъ Божественнаго естества. Нѣкоторые изъ Епископовъ пристали къ его сторонѣ, и споръ толико распространился, что не думали, чтобъ можно было рѣшить его иначе, какъ на церковномъ соборѣ. Такіе соборы введены были у Христіанъ со втораго столѣтія, для того, чтобъ многія общества, присылавшія на оные своихъ Епископовъ, могли совѣтовать о общихъ дѣлахъ и рѣшить происходившія между ими несогласія. И такъ Константинъ созвалъ Епископовъ изъ всего государства въ Никею, по чему сей соборъ и называется первымъ всеобщимъ церковнымъ соборомъ. Однакожъ на ономъ собралось только 318 Епископовъ. Они разсуждали объ ученіи Аріевомъ, и признали оное ложнымъ. Въ сочиненномъ на семъ соборѣ исповѣданіи вѣры торжественно подтверждено, что Сынъ Божій единосущенъ Отцу; также сдѣланы были и другія учрежденія, до церковныхъ дѣлъ касающіяся, которыя Императоръ подтвердилъ.

326 Въ то время Константинъ приказалъ казнить сына своего Криспа, обвиняемаго въ порочномъ обхожденіи съ мачихою своею Фавстою; но вскорѣ по томъ приказалъ и Фавсту умертвить за ложное обвиненіе Криспа.

328 Онъ перенесъ столицу свою въ Византію, дабы жить ближе къ Азіатскимъ народамъ, дѣлавшимъ часто нападенія на Имперію. Сей городъ, великолѣпно выстроенный, приказалъ онъ украсить сокровищами со всея Имперіи и назвалъ Новымъ Римомъ; но послѣ оный названъ въ честь ему Константинополемъ, или Константиновымъ градомъ.

337 Хотя Константинъ всегда оказывалъ великую преданность къ Христіанству; однако крестился незадолго уже предъ смертію своею. Тогда многіе откладывали крещеніе въ томъ мнѣніи, что Богъ удобнѣе прощаетъ грѣхи содѣланные прежде крещенія, нежели послѣ онаго, и что крещеніе всѣ прежніе по-

роки

роки уничтожаетъ. Сей государь названъ Великимъ. Онъ былъ мудръ, правосуденъ и храбръ, исполненъ ревности къ Христіанству, и сдѣлалъ множество похвальныхъ и полезныхъ установленій. Новымъ раздѣленіемъ Римской Имперіи перемѣнилъ образъ внутренняго ея правленія. Онъ издалъ многіе похвальные законы. Паче же всего отличился заслугами къ Христіанской церкви, по которымъ особенно и Великимъ названъ. Къ духовенству былъ онъ весьма милостивъ и почтителенъ; осыпалъ ихъ почестями и доходами; находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ видѣть ихъ въ пышности, и поручилъ имъ, особливожъ Епископамъ, рѣшеніе многихъ тяжебъ, по справедливости къ мірскому суду относившихся. Онъ допустилъ церковь составлять особенное правительство въ Государствѣ. Три сына его были ревностные Христіане, но не имѣли такого ума, какъ онъ, и не долго жили въ согласіи. Они раздѣлили между собою государство. Константинъ II, или старшій, получилъ Галлію и всѣ земли лежащія по ту сторону Алпійскихъ горъ; Констансъ Италію, Иллирію, Македонію и Ахайю; а Констанцій II, или средній, Востокъ со Ѳракіею и Египтомъ. Вскорѣ по томъ Константинъ началъ
войну съ братомъ своимъ Констансомъ, и въ 340
сраженіи лишился жизни. Констанцій велъ
войну съ Персами, окончавшуюся невыгодно 341
для него. Констансъ убитъ Магненціемъ, до- 350
могавшимся правленія. И такъ Констанцій
одинъ остался Императоромъ. Онъ имѣлъ войну съ Магненціемъ, и побѣдилъ его, послѣ чего сей самъ лишилъ себя жизни. Констанцій, склоненный однимъ Аріанскимъ Епископомъ къ Аріанству, гналъ съ того времени Каѳоликовъ, или правовѣрныхъ. Сіи безпокойства разстроили все государство. Между тѣмъ, какъ Императоръ занимался сими дѣлами, Персы, Франки, и другіе Германцы покушались пробиться въ Имперію. Юліанъ, племянникъ Константина Великаго, опредѣленный отъ Императора Цезаремъ и намѣстникомъ Транзалпинской (за-Алпійской) Галліи, принудилъ Германцевъ къ міру. Императоръ, завидуя подвигамъ его, старался склонить

солдатъ на свою сторону; но они объявили Юліана Императоромъ. Констанцій выступилъ противъ
361 него съ войскомъ; но на пути умеръ. Юліанъ послѣдовалъ за нимъ въ правленіи. Онъ извѣстенъ въ Исторіи подъ названіемъ Апостаты, или отступника. Въ самомъ дѣлѣ при вступленіи на престолъ онъ отрекся Христіанской религіи, и въ послѣдствіи придержался языческой съ величайшею ревностію; но задолго еще прежде склоненъ былъ втайнѣ языческими Философами къ ихъ религіи. Сей государь имѣлъ много великихъ свойствъ. Онъ былъ ученъ, замысловатъ и краснорѣчивъ; весьма искусный и храбрый полководецъ; снисходительный и правосудный правитель, но не для Христіанъ; врагъ роскоши, пышности и насильствъ. Но чрезмѣрная и унизительная любовь его къ языческому суевѣрію и поступки съ Христіанами затмѣваютъ отчасти его славу. Онъ предпріялъ истребить Христіанство, не вдругъ, ибо то было невозможно, но подрывая основаніе его хитростію мало по малу, дабы оно современемъ само собою пало. Сіи-то старанія его суть славныя *хитрости Юліановы*, какъ онѣ и называются. Для введенія неустройства между Христіанами, далъ онъ всѣмъ находившимся между ими сектамъ позволеніе предлагать мнѣнія свои публично безъ всякаго препятствія. Для содержанія Христіанъ въ невѣжествѣ и для приведенія ихъ въ несостояніе оспоривать язычниковъ, запретилъ имъ толковать языческихъ писателей, какъ противныхъ ихъ религіи. Для избѣжанія упрековъ, дѣланныхъ отъ Христіанъ языческой религіи, предпріялъ онъ исправить язычество, предписалъ жрецамъ онаго лучшее поведеніе, и толковалъ соблазнительную исторію Боговъ какъ иносказаніе. Наконецъ для посрамленія пророчества Христова, что храмъ Іерусалимской возстановленъ не будетъ, позволилъ Іудеямъ вновь построить оный. Но едва начали они класть основаніе, поднялось землетрясеніе и вырвался огонь изъ-подъ земли, и они принуждены были оставить строеніе. Но всѣ сіи покушенія не произвели столько вреда, сколько бы могли, по тому, что Юліанъ не долго правитель-

ство-

ствовалъ. Онъ выступилъ противъ Персовъ,
и зашедши далеко въ ихъ землю и претерпѣ- 363
вая недостатокъ въ сѣѣстныхъ припасахъ, далъ имъ
сраженіе, въ которомъ былъ смертельно раненъ. Онъ
умеръ съ мужествомъ и твердостію, но при смерти не
имѣлъ инаго утѣшенія, кромѣ умствованія; ибо сказалъ
друзьямъ своимъ, что онъ, какъ честный должникъ воз-
вращаетъ Натурѣ жизнь, взаемъ отъ нея полученную,
и которую употреблялъ съ пользою. Солдаты выбрали
по томъ Императоромъ Іовиніана; и какъ сей Государь
объявилъ, что онъ, будучи Христіаниномъ, не можетъ
правительствовать язычниками, то и они всѣ Христіа-
нами себя объявили. Онъ принужденъ былъ немедленно
заключить миръ съ Персидскимъ Царемъ Сапоромъ II и
уступить ему нѣкоторыя провинціи Имперіи. По смер-
ти его, вскорѣ по томъ послѣдовавшей, всту-
пилъ въ правленіе Валентиніанъ купно съ бра- 364
томъ своимъ Валенсомъ, которому поручилъ восточную
часть Государства. При сихъ Императорахъ нещастли-
вые споры съ Аріанами продолжались. Валенсъ преданъ
былъ сему ложному ученію, и жестоко гналъ послѣдова-
телей Никейскаго собора, такъ же, какъ сіи гнали Аріанъ,
когда щастіе было на ихъ сторонѣ. Оба Императора
вели по большей части щастливую войну съ Готами,
Алеманами, Саксонами и Квадами. Особливожъ Вален-
тиніанъ былъ храбрый полководецъ. Онъ объ-
явилъ сына своего Граціана Императоромъ, и 375
приготовлялся начать войну съ Сарматами; но говоривъ
рѣчь противъ непріятелей Имперіи съ обыкновенною
своею невоздержностію во гнѣвѣ, умеръ. Войско избрало
Императоромъ сына его Валентиніана II, которому то-
гда было только девять лѣтъ отъ роду, и мать его
Юстина правительствовала во время его малолѣтства.
Готы взбунтовались противъ Валенса, кото-
рый принялъ нѣсколько сотъ тысячь ихъ въ 378
подданство Имперіи. Граціанъ шелъ къ нему на помочь.
Но Валенсъ, хотѣвъ безъ его помощи одержать побѣду,
поспѣшилъ дать сраженіе. Онъ былъ разбитъ и на по-
бѣгѣ укрылся въ крестьянской хижинѣ, гдѣ Готы его

сожгли. Сіе пораженіе жестоко поколебало Римскую Имперію, и вообще служило пріуготовленіемъ къ паденію части оной. Граціанъ для облегченія бремени правленія принялъ Ѳеодосія въ помощники себѣ, и уступилъ ему Восточныя провинціи. Сей государь былъ весьма благоразуменъ, храбръ, ревностенъ къ религіи, и защищалъ государство съ благополучнымъ успѣхомъ, по чему и названъ Великимъ Ѳеодосіемъ. Онъ употреблялъ великую строгость противъ язычества, котораго много еще въ Имперіи оставалось. Въ Константинополѣ возстановилъ Каѳолическую вѣру. Македоній, Патріархъ Константинопольской (ибо можетъ быть и въ то время Епископы четырехъ главныхъ городовъ, Римской, Константинопольской, Антіохійской и Александрійской, назывались уже *Патріархами*; послѣжъ присовокупился къ нимъ еще Епископъ Іерусалимской) — сей Епископъ еще за нѣсколько времени до Ѳеодосія разсѣялъ ложное ученіе о Святомъ Духѣ, утверждая, что сіе лице Божества есть только сила Божія, по всему міру распространенная. Для воспрепятствованія распространенію сего ученія, Ѳеодосій созвалъ въ Константинополь *второй всеобщій*
381 *соборъ*, на которомъ помянутое лжеученіе опровержено, а Никейское исповѣданіе вѣры подтверждено и умножено нѣкоторыми прибавленіями. На семъ же соборѣ опредѣлено Константинопольскому Епископу считаться по чину вторымъ послѣ Епископа Римскаго. Въ Британніи Максимъ присвоилъ себѣ правленіе. Благочестивый и храбрый Граціанъ оставленъ былъ
383 своимъ войскомъ, состоявшимъ только изъ чужестранцевъ, и достался въ жертву сему тирану. Онъ довольствовался сначала Галліею, и Валентиніанъ II подъ опекою матери своея владѣлъ еще прочими западными землями. Но чрезъ нѣсколько времени по томъ Максимъ ворвался въ Италію, по чему моло-
387 дой Императоръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ Ѳеодосію. Максимъ завоевалъ Римъ, и возстановилъ тамъ служеніе языческимъ богамъ. Но Ѳеодосій разбилъ его, и вскорѣ по томъ онъ лишенъ былъ жизни. Ѳеодосій возвратилъ Валентиніану все отнятое у него Максимомъ.

симомъ. Для воинскихъ издержекъ наложилъ онъ новыя подати на жителей города Антiохiи; за что сiи взбунтовались, испровергли статуи поставленныя въ честь Императору и его фамилiи, и ругались надъ оными. Императоръ немедленно отправилъ туда повѣренныхъ для наказанiя сихъ бунтовщиковъ со всею строгостiю. Но Флавiанъ, Епископъ Антiохiйской, исходатайствовалъ пощаду сему городу. Въ то время великой ораторъ и бывшiй послѣ Епископъ Константинопольской, Iоаннъ Златоустъ говорилъ къ церкви Антiохiйской толико славныя слова о статуяхъ. Въ другомъ подобномъ сему случаѣ Θеодосiй не могъ столько умѣрить свой гнѣвъ. Жители Θессалоникскiе убили Ботерика, намѣстника Иллирiйскаго. Императоръ отправилъ къ нимъ солдатъ, которые произвели великое кровопролитiе, при чемъ около седьми тысячь человѣкъ, и въ томъ числѣ много невинныхъ, лишились жизни. За сей жестокой поступокъ Амвросiй, Епископъ Медiоланской, наложилъ на Императора церковное покаянiе, запретилъ ему входить въ церковь, и уже по осмимѣсячномъ покаянiи обратно прiобщилъ его къ церкви причащенiемъ Святыхъ Таинъ. Покорность Императора въ семъ дѣлѣ достойна примѣчанiя почти еще болѣе, нежели смѣлость Амвросiя. Но въ послѣдствiи сей поступокъ послужилъ духовенству примѣромъ, которому подражали они въ предпрiятiяхъ своихъ противъ владѣтельныхъ особъ изъ гордости и для собственной корысти. Валентинiанъ со своей стороны слишкомъ возвысилъ Арбогаста, полководца Франковъ, и какъ послѣ хотѣлъ уменьшить его силу, самъ былъ имъ убитъ. Евгенiй, надѣясь на помощь Арбогастову, присвоилъ себѣ Императорское достоинство и позволилъ язычникамъ возстановить идолослуженiе. Но Θеодосiй сдѣлалъ нападенiе на обоихъ сихъ полководцевъ, и одержалъ надъ ними совершенную побѣду. Евгенiй взятъ былъ въ плѣнъ и убитъ. Арбогастъ самъ себя лишилъ жизни. Въ семъ сраженiи сильный вѣтръ относилъ назадъ стрѣлы пускаемыя войскомъ союзныхъ полководцевъ. Стихотворецъ Клавдiанъ весьма прекрасно

390

392

394

воспѣваетъ сіе обстоятельство. Въ слѣдующемъ году Ѳеодосій умеръ, сдѣлавъ раздѣленіе Имперіи, съ котораго начнемъ мы новый періодъ Исторіи.

Лѣта отъ Рождества Христова.

3 Эпоха. Раздѣленіе Имперіи.

395 Имперія, которою Ѳеодосій управлялъ толь щасливо, при дѣтяхъ его вскорѣ пришла въ упадокъ. Онъ раздѣлилъ ее такъ, что Аркадію надлежало правительствовать восточными или Греческими провинціями, имѣя столицу въ Константинополѣ; а Гонорію западными, столицужъ имѣть въ Римѣ. Бывали уже и прежде примѣры тому, что одинъ Императоръ обладалъ Востокомъ, а другой Западомъ. Но какъ оба были трудолюбивы, храбры, согласны между собою и помогали другъ другу, то сіе раздѣленіе служило паче къ пользѣ, а не къ обезсилѣнію Имперіи. Совсѣмъ не таково было раздѣленіе, Ѳеодосіемъ сдѣланное, въ которомъ отеческая любовь имѣла болѣе участія, нежели благоразуміе. Оно послужило какъ бы сигналомъ къ начатію неустройства и безсилія государства, къ нападенію варваровъ, опустошавшихъ оное безпрепятственно. Главною причиною сему надлежитъ полагать свойство правителей, которые сами неспособны будучи къ правленію, исполняли во всемъ волю опекуновъ ихъ и министровъ, старавшихся почти объ одной только собственной своей пользѣ. Хотя Руфинъ и Евтропій, любимцы Аркадіевы, вскорѣ погибли, однакожъ сей слабый государь и послѣ ихъ не лучше правительствовалъ. По навѣтамъ супруги своей Евдоксіи, которой пороки Златоустъ обличалъ, Аркадій гналъ сего учителя, толико почитанія достойнаго, и онъ долженъ былъ окончать жизнь своюъ въ заточеніи. Западная Имперія, кото-

403 рой Императоръ былъ еще отрокъ, со всѣхъ сторонъ подвержена была нападеніямъ варварскихъ народовъ. Стиликонъ, великой и щасливой полководецъ, родомъ изъ Германцевъ, защищалъ нѣсколько времени сіе государство. Однакожъ Аланы, Вандалы и Свевы врывались въ Галлію, и даже въ Испанію проходили.

407 Радагаискъ, царь Германской, и Аларихъ, царь Гот-

Готской, ворвались въ Италію; но отбиты были Стиликономъ. Однако Гонорій приказалъ умертвить сего полководца по обвиненію его въ измѣнѣ. 408
Въ то же время умеръ Аркадій, оставивъ преемникомъ по себѣ сына своего Ѳеодосія. Аларихъ, не опасаясь уже Стиликона, вторично вошелъ въ Италію и осадилъ Римъ. Жители сего города принуждены были голодомъ и моровою язвою вступить съ нимъ въ переговоры о мірѣ. Но Императоръ на сей миръ не согласился. Аларихъ взялъ наконецъ Римъ и разграбилъ. Онъ принудилъ Римлянъ принять Императоромъ Аттала, намѣстника Римскаго, съ которымъ Гонорію надлежало раздѣлять правленіе, но чрезъ нѣсколько времени смѣнилъ его, и вскорѣ по томъ умеръ. 410 Айстулфъ, родственникъ Алариховъ, перешелъ со своими Готами въ Галлію, и поселился въ южной части сея земли. Гонорій заключилъ миръ съ царемъ ихъ Валліею. Они распространили мало по малу жилища свои въ Испаніи; но и въ Галліи удержали провинціи смежныя съ Пиренейскими горами. Бургунды, Германской народъ, также завладѣли частію Галліи со стороны рѣки Рейна. Въ сіе время Іездегердъ, царь Персидской, гналъ нѣсколько лѣтъ Христіанъ, раздраженъ будучи неумѣренною ревностію Абдаса, Епископа Сузскаго, который сожегъ одинъ Персидской храмъ. Тогдажъ произошли между Христіанами новые споры, ибо нѣкоторые отвергали природное человѣку грѣховное свойство и необходимость благодати Божіей при обращеніи. Они прокляты были Африканскими церквами; Августинъ, славный Епископъ Иппонійской, принадлежавшій къ остроумнѣйшимъ людямъ своего времени, писалъ въ опроверженіе ихъ мнѣнія; также были они и гонимы. Кромѣ Августина, одинъ изъ главныхъ учителей Латинской церкви въ то время былъ Іеронимъ, мужъ весьма ученый и трудолюбивый, но ревностный защитникъ монашескаго житія, удобно принимавшій за ересь несогласное съ его мнѣніями въ разсужденіи сего. Гонорій, одинъ изъ нещастнѣйшихъ Императоровъ, лишившись великой части Западной Имперіи, умеръ. После него вступилъ на престолъ Валентиніанъ III, сынъ сестры 423

Гоноріевой. Онъ не былъ щастливѣе дяди своего, и лишился всѣхъ владѣній въ Африкѣ, кромѣ Египта. Бонифацій, предводительствовавшій тамъ Римскими войсками, по неудовольствію на Императора, призвалъ туда Гензериха, царя Вандальскаго, изъ Испа-
429 ніи, и они удобно овладѣли сею землею. Между тѣмъ Несторій, Патріархъ Константинопольской, подалъ случай къ весьма сильному спору въ церкви. Онъ отвергалъ названіе *Богородицы* или *Матери Божіей*, по причинѣ злоупотребленія онаго, и хотѣлъ, чтобы употребляемо было только названіе *Матерь Христова*. Его обвинили въ заведеніи раскола, и на *третьемъ вселенскомъ соборѣ*, бывшемъ въ Ефесѣ, ересь, въ ко-
431 торой его обвиняли, проклята, самъ же онъ смѣненъ и сосланъ въ ссылку. Гонорія, сестра Валентиніанова, прогнанная имъ за ея распуство, уговорила Аттилу, царя Гуновъ, сдѣлать нападеніе на Имперію, которая и безъ того уже толь многими непріятелями со всѣхъ сторонъ была обезпокоиваема. Ѳеодосій, правившій восточными землями, не могъ иначе отвратить его грабительствъ, какъ откупившись деньгами и обязавшись платить ежегодную дань. Потомъ Аттила напалъ съ ужасною силою на западныя земли; но оныя храбро защищены были Эціемъ. Сей полководецъ, единственная подпора Имперіи, далъ ему славное
451 сраженіе на равнинахъ Каталонскихъ, при Шалонѣ въ провинціи Шампанской, и сдѣлалъ величайшее пораженіе. Но въ отдаленныхъ странахъ Римляне отъ времени до времени лишались цѣлыхъ провинцій. Жители Британніи за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ тщетно требовали у нихъ помощи противъ Пиктовъ и Шкотовъ, живщихъ въ сѣверной части сего острова. Наконецъ они принуждены были искать другой помощи. Англы, Саксы и Юты, обитавшіе въ нынѣшней Нижней Саксоніи и Вестфаліи, отъ рѣкъ Эльбы и Везера до Ютландіи, призваны были въ Британнію; но не довольствуясь поданіемъ требованной отъ нихъ помощи, они вытѣснили мало по малу прежнихъ жителей сея земли; назвали ее Англіею, по имени Англовъ, одного изъ сихъ народовъ,

довъ, и учредили такъ называемую Гептархію, или седмь небольшихъ царствъ, которыя предводители ихъ между собою раздѣлили. Въ томъ же году, въ которомъ одержана великая побѣда надъ Аттилою, было и въ церкви достопамятное произшествіе. Императоръ Марціанъ, созвалъ *четвертой вселенской соборъ* въ Халкидонѣ, противъ Эвтихія. Сей Константинопольской игуменъ принималъ одно только божественное естество во Христѣ по соединеніи обоихъ естествъ въ одномъ лицѣ, и за то на семъ соборѣ проклятъ. Но церковные соборы не могли совсѣмъ истребить ни его мнѣнія, ни такъ называемой Несторіанской ереси: оба сіи ученія были сохранены, и нынѣ еще въ Азіи и Африкѣ многіе оныхъ придержатся. Аттила, не совсѣмъ лишившись силы, могъ еще сдѣлать нападеніе на Италію.
Онъ приближался уже къ Риму; но тамошній 452
Епископъ Левъ Великой вышелъ къ нему на встрѣчу и краснорѣчіемъ своимъ отвратилъ грабежъ, которымъ Аттила угрожалъ сему городу. Страхъ, повсюду силою Аттилы распространяемый, понудилъ многихъ, такъ какъ и прежде, искать убѣжища на островахъ Адріатическаго моря. Сіе подало случай къ основанію Венеціи. Императоры Западныхъ земель распутною жизнію приводили власть свою еще въ большую слабость.
Валентиніанъ III убитъ былъ по наущенію 455
Максима, которому сдѣлалъ великую обиду, и которымъ прежде уговоренъ былъ лишить жизни Эція, послѣднюю подпору государства. Послѣ того Максимъ вступилъ на престолъ и взялъ въ супружество вдовствующую Императрицу Евдоксію. Но она, стараясь отмстить смерть перваго своего супруга, склонила Гензериха, царя Вандаловъ, сдѣлать нападеніе на Италію. Гензерихъ, возвратясь изъ Африки, завоевалъ Римъ, и хотя Епископъ Левъ Великой въ другой разъ спасъ сей городъ отъ совершеннаго разоренія огнемъ и мечемъ, но не могъ воспрепятствовать тому, чтобъ оный не былъ разграбленъ, и чтобъ многія тысячи гражданъ не были отведены въ плѣнъ. Римляне тщетно отмстили Максиму, побивъ его каменьемъ. Послѣ него слѣдовали нѣсколько Импера-

 торовъ,

торовъ, выбираемыхъ либо Теодорихомъ, царемъ Западныхъ Готовъ въ Галліи, либо Греческими Императорами, либо Свевомъ Рицимеромъ и Римскими полководцами; но всѣ они вскорѣ были смѣняемы, либо убиваемы. Ромулъ Момиллъ, названный въ насмѣшку Августуломъ (Августикомъ) былъ послѣдній Императоръ Западной Имперіи. Сцирры, Ругійцы и Герулы, бывшіе въ Римской службѣ въ Италіи, выбрали царемъ Одоацера, одного изъ своихъ полководцевъ, который принудилъ Ромула сложить съ себя правленіе. Здѣсь виденъ знаменитый примѣръ великаго вліянія, какое дарованія и достоинства государя имѣютъ въ благосостояніе и безопасность всего государства. Въ Восточной Имперіи, такъ же какъ и въ Западной, не было уже тѣхъ древнихъ Римлянъ, которыхъ цѣлой міръ и страшился и почиталъ, и Восточныя земли также немало претерпѣвали отъ варварскихъ народовъ. Но Восточная Имперія стояла еще нѣсколько столѣтій; напротивъ того Западная Имперія отъ неспособности правителей весьма скоро разрушилась. Съ сего достопамятнаго происшествія начну я новый періодъ.

476

Лѣта отъ Рождества Христова.

Эпоха 4. Паденіе Западной Имперіи.

Варвары овладѣли древнимъ обиталищемъ искусствъ и наукъ. Сіи дикіе народы въ одномъ только мечѣ своемъ искали славы. Наступили времена невѣжества и суевѣрія между Христіанами Западныхъ земель. Наступленіе временъ сихъ хотя и ускорено было нашествіемъ толь многихъ грубыхъ народовъ, но задолго еще до того предуготовлялось. Ибо при семъ надлежитъ примѣчать, что Германцы, разрушившіе половину Римской Имперіи, хотя и называемы были отъ Римлянъ варварами, по тому, что почти никакихъ наукъ и искусствъ не знали; однакожъ были у нихъ добрые нравы и законы. Какъ скоро завоевали они сіи земли, то не препятствовали тамошнимъ Христіанамъ отправлять свободно богослуженіе свое и упражняться въ наукахъ. Но Христіане послѣ Константина Великаго были уже не тѣ Христіане первыхъ вѣковъ, кото-

которые толико заслуживали удивленіе. Когда религія ихъ стала владычествующею, они старались украсить ее всякою пышностію и блескомъ церемоній. Предались толико свойственной человѣку склонности поставлять служеніе Божеству въ однихъ только наружныхъ обрядахъ съ небреженіемъ о истинномъ богопочитаніи. Науки отъ времени до времени болѣе приходили въ упадокъ. Причины сему, упомянутыя мною при первомъ періодѣ, были въ то время еще дѣйствительнѣе, и суевѣріе, которому невѣжество подпорою служитъ, не требовало основательной учености и многихъ знаній. Въ такихъ обстоятельствахъ напали на Римскую Имперію воинственные народы, которые давно уже для защищенія оной нанимаемы были; они истребили множество училищъ и библіотекъ съ книгами древнихъ писателей; лишили любителей наукъ всякаго ободренія и нужной помощи; и принудили немногіе уже остатки учености сокрыться въ монастыряхъ. Съ того времени находилось весьма мало ученыхъ мірскаго состоянія; духовенствожъ, называемое тогда ученымъ, старалось употреблять небольшія свои знанія ко пріобрѣтенію мало по малу неограниченной власти надъ непросвѣщеннымъ народомъ и безпредѣльной отъ онаго довѣренности. Сіе продолжалось нѣсколько столѣтій; и хотя между тѣмъ просвѣщеніе иногда просіявало, однакожъ весьма не надолго. Но нещастіе Имперіи не причинило бы истинной учености толикаго вреда, естьлибъ она прежде еще не пришла въ упадокъ. — Однако я обращаюсь къ Одоацеру. Сей покоритель Римской Имперіи не принялъ Императорскихъ украшеній и Императорскаго титула. Онъ довольствовался достоинствомъ Италіанскаго Короля, и перенесъ столицу свою въ Равенну. Въ Галліи дотолѣ была еще не рѣшена судьба той части тамошнихъ земель, которую Западные Готы и Бургунды по имени только оставляли еще въ Римскомъ владѣніи. Но тогда Хлодовей (или Клодвигъ, т. е. Лудвигъ),
Король Франковъ, одержавъ побѣду на сраже- 486
ніи при Соассонѣ, овладѣлъ и сею частію. Онъ былъ подлинный основатель Монархіи Франковъ; щастливо

велъ

велъ войну и въ самой Галліи и внѣ оной; но истреблялъ другихъ владѣтелей своея націи, даже и собственнаго своего рода. Въ Италіи также основано было новое и сильное государство. Теодорихъ, или
489 Дитрихъ, Король Восточныхъ Готовъ, пришелъ въ Италію отъ рѣки Дуная, разбилъ нѣсколько разъ Одоацера, держалъ его три года осажденнаго въ Равеннѣ, и наконецъ приказалъ убить. Послѣ сего основано было въ Италіи государство Восточныхъ
493 Готовъ. Теодорихъ правительствовалъ съ толикимъ благоразуміемъ, и пріобрѣлъ себѣ толикое почтеніе, что названъ былъ Великимъ. Кромѣ Италіи онъ обладалъ еще разными сосѣдственными землями и островами. Въ самой Италіи привелъ онъ паки въ цвѣтущее состояніе города, земледѣліе и разные промыслы, бывшіе съ давнаго уже времени въ упадкѣ. Между тѣмъ Клодвигъ, Король Франковъ, принялъ Христіанскую вѣру. Онъ далъ обѣтъ сдѣлаться Христіаниномъ, естьли одержитъ побѣду на сраженіи, которое имѣлъ
496 съ Алеманнами при Цилпихѣ, что въ Герцогствѣ Юлихскомъ. Получивъ побѣду, крещенъ былъ Реймскимъ Епископомъ Ремигіемъ; но какъ онъ еще прежде имѣлъ въ супружествѣ Бургундскую Принцессу Клотилдисъ Христіанской религіи, то вѣроятно, что она предуготовляла его къ обращенію. Клодвигъ получилъ также отъ Епископа Римскаго титулъ *Христіаннѣйшаго Короля*, не по тому, чтобъ онъ былъ первой Король Христіанской религіи въ Европѣ, но какъ первой правовѣрный государь изъ Христіанъ: ибо всѣ прочіе государи прежде его были Аріане. Сей же Король одер-
507 жалъ при Поатіерѣ славную побѣду надъ Аларихомъ, Королемъ Западныхъ Готовъ, который былъ убитъ въ семъ сраженіи. По смерти Клодвига четыре сына его раздѣлили основанную имъ Монархію
511 на Австразію и Нейстрію, изъ которыхъ первая содержала въ себѣ земли находящіяся между рѣками Рейномъ, Маасомъ и Шелдою; а вторая простиралась отъ рѣкъ Мааса и Лоара до моря, и раздѣлена была на три части. Между тѣмъ Восточная Имперія хотя подвер-

вержена была многимъ внутреннимъ безпокойствамъ и нападеніямъ варварскихъ народовъ, однако сохраняла еще свою славу. При Императорѣ Анастасіи государство сіе пришло въ великой упадокъ. Сей порочный Императоръ утѣсняемъ былъ Готами, Гуннами и Гетами. Несносными налогами привелъ онъ себя наконецъ въ такую ненависть у народа, что для отвращенія бунта хотѣлъ сложить съ себя правленіе. 518 Но народъ, по перемѣнчивости страстей, тронутъ былъ жалостію и упросилъ его оставить сіе намѣреніе. Чрезъ нѣсколько времени послѣ него вступилъ на престолъ Юстиніанъ. 527 При семъ Императорѣ жилъ Діонисій Екзигуусъ, или Малый, аббатъ въ Римѣ, который первой началъ счислять лѣта отъ Рождества Христова; однакожъ сіе лѣтосчисленіе въ общее употребленіе вошло не прежде, какъ уже въ осьмомъ столѣтіи. Юстиніанъ возвратилъ Имперіи спокойствіе и прежнюю славу. Ему обязаны мы собраніемъ Римскихъ правъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Corpus Iuris Civilis, и понынѣ еще толь употребительнымъ. Сіе собраніе дѣлаемо было подъ надзираніемъ Трибоніана. Первая часть онаго, *Кодексъ*, или собраніе законовъ Христіанскихъ Императоровъ, по томъ *Институціи*, или краткое руководство къ Римскому праву, и наконецъ *Пандекты*, т. е. извлеченіе изъ сочиненій славнѣйшихъ законоискусниковъ, совершены въ 529 году; *Новеллы* жъ или Юстиніановы новые законы, собраны были въ 541 году. Полководцы Юстиніановы производили такія дѣла, отъ которыхъ Римляне давно уже отвыкли. Белизарій разбивалъ Персовъ во многихъ сраженіяхъ. Заключивъ съ ними миръ, пошелъ онъ въ Африку, 529 побѣдилъ Вандаловъ, взялъ въ плѣнъ Короля ихъ Гелимера, и покорилъ Африку Императору. 533 По томъ продолжалъ побѣды свои въ Сициліи и въ Италіи, овладѣлъ Римомъ и взялъ Витигеса, Короля Восточныхъ Готовъ. 538 Тотиласъ, полководецъ Восточныхъ Готовъ, хотя привелъ дѣла сего народа нѣсколько въ лучшее состояніе, но также разбитъ былъ Белизаріемъ. 547 Между

тѣмъ Короли Франковъ распространили владѣніе свое, присовокупивъ къ оному Тирингенъ, Бургундію, Провансъ и Рецію (т. е. нынѣшнюю Швабію, Тироль, часть Баваріи и Швейцаріи). Бенедиктъ учредилъ тогда первой монашеской орденъ въ западныхъ земляхъ, называемый *Бенедиктинскимъ Орденомъ*, и въ 529 году основалъ первой монастырь въ Монте-Кассино, что въ нынѣшней Неаполитанской области. Между тѣмъ Готы паки разсѣялись по Италіи, и держались тамъ, пока Нарсесъ по-
бѣдилъ ихъ, и убивъ Короля ихъ Тейаса, по-
553 ложилъ конецъ владѣнію ихъ въ Италіи. Но и сей великой полководецъ имѣлъ такуюжъ участь, какъ Белизарій: обоимъ имъ заплачено было неблагодарностію.
Преемникъ Юстиніановъ, Юстинъ Куропала-
565 тесъ, сынъ сестры его, былъ нещастливѣе его. Италія, отъ Готовъ освобожденная, захвачена бы-
ла отчасти Лонгобардами. Король ихъ Албо-
568 инъ основалъ въ верхней части Италіи столицу сего новаго государства. Императоръ, будучи еще утѣсняемъ Аварами и Персами, лишился ума съ
печали. Преемникъ его Тиберій II усмирилъ
580 Персовъ чрезъ полководца своего Маврицiя, который послѣ самъ былъ Императоромъ. Въ его время
избранъ былъ Епископомъ Римскимъ Григорій
590 Великой, мужъ исполненный великой ревности ко Христіанской Религіи. Онъ рачительно старался о распространеніи ея, и споспѣшествовалъ оному толь благополучно, особливожъ въ Англіи чрезъ монаха Августина, что обратилъ нѣкоторую часть тамошней націи; также не соглашался онъ на принятіе титула Всеобщаго Епископа, и признавалъ исканіе власти надъ всею церковію противнымъ Христіанству. Между тѣмъ Императоръ Маврицій окончилъ Персидскую войну, возвративъ престолъ царю Хозроесу II. Но какъ онъ не хотѣлъ выкупить двѣнатцати тысячь плѣнниковъ, взятыхъ Аварами, то всѣ они побиты были сими варва-
рами. Войско, возненавидѣвшее за то Маврицiя,
602 выбрало чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего Императоромъ Фоку. Сей приказалъ убить его, умертвивъ

прежде

прежде шестерыхъ сыновъ Маврицiевыхъ предъ его глазами. Нещастный государь при семъ мучительномъ зрѣлищѣ выговорилъ только слѣдующiя слова изъ псалма: „Праведенъ еси, господи, и прави суди твои.„ Однакожъ и безчеловѣчный Фока не долго правительствовалъ. Персы опустошали при немъ многiя провинцiи, и все огнемъ и мечемъ истребляли. Вскорѣ возсталъ еще противъ него намѣстникъ Африканской Гераклiй.
Онъ взялъ Константинополь, и приказалъ 610
казнить Фоку, послѣ чего самъ вступилъ на Императорской престолъ. Около сего времени Арабъ
Мугаммедъ, котораго Греки называютъ Ма- 612
гометомъ, началъ распространять свое лжеученiе; називалъ себя пророкомъ Божiимъ, и составилъ изъ Христiанской, Iудейской и языческой новую религiю, которая состояла изъ весьма немногихъ ученiй и весьма легкихъ должностей, и по тому для простаго народа была прiятнѣе всѣхъ прежнихъ. Онъ выдавалъ себя за такого, котораго Богъ послалъ для исправленiя религiи между Арабами, и къ утвержденiю мнѣнiй своихъ употреблялъ разныя хитрости и обманы. Однакожъ принесъ онъ и немалую пользу; ибо главнымъ своимъ ученiемъ *о единствѣ Всевысочайшаго Бога* споспѣшествовалъ истребленiю идолопоклонства между многими милiонами людей. Между тѣмъ, какъ сiе происходило, Персы распростаняли завоеванiя свои отъ времени до времени далѣе. Они взяли Iерусалимъ, и увели съ собою множество плѣнниковъ. Гераклiй щетно просилъ у нихъ мира. Они вошли въ Египетъ, и какъ Императоръ послалъ еще пословъ къ царю ихъ для испрошенiя мира, то Персидской царь отвѣтствовалъ, что онъ заключитъ съ нимъ миръ на такомъ только условiи, чтобъ онъ съ подданными своими отрекся Спасителя, и по примѣру Персовъ покланялся бы солнцу. И такъ Гераклiй принужденъ былъ начать съ симъ гордымъ непрiятелемъ войну со всею ревностiю.

Ученикъ. Мнѣ помнится, что вы назначили Магомета и начало его религiи достопамятною эпохою въ

раз-

разсужденіи сея Исторіи. Но теперь вы переступили уже сію эпоху.

Учитель. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ ты ошибаешься; ибо я полагаю сію эпоху въ 622 году по слѣдующей причинѣ: сей ложный пророкъ хотя задолго еще прежде распространялъ свою религію; но помянутый годъ въ исторіи его паче всѣхъ другихъ примѣчанія достоинъ, ибо въономъ принужденъ онъ былъ бѣжать изъ отечества своего Мекки въ Медину. Съ сего побѣга Арабы и другіе Магометанскіе народы начинаютъ свое лѣтосчисленіе, называемое *Гежира*, т. е. *побѣгъ*. Въ томъ же году Гераклій вошелъ въ Персію, сдѣлалъ тамъ немалое разореніе, разбилъ Персовъ, и освободилъ 50000 взятыхъ ими плѣнниковъ. Онъ проходилъ отъ времени до времени далѣе внутрь Персіи, одерживая побѣды, пока Сироесъ, сынъ Хозроеса, приказалъ убить отца своего, заключилъ миръ съ Геракліемъ, и возвратилъ ему древо Святаго Креста, взятое отцемъ его изъ Іерусалима. Гераклій самъ принесъ оное обратно въ Іерусалимъ, и въ память сего учредилъ особый церковный праздникъ.

Лѣта отъ Рождества Христова.

5 Эпоха. Магометъ.

622

628

632 Магометъ умеръ наконецъ въ Меккѣ, и Халифы, его преемники, обладавшіе Сарацинами, какъ и Арабы назывались, содѣлали имя сіе страшнымъ чрезъ толь многія завоеванія. Около сего времени во Франціи Majores Domus, или Обергофмаршалы, имѣвшіе первое достоинство при Дворѣ, присвоили себѣ великую силу въ государственныхъ дѣлахъ. Свинтала совсѣмъ выгналъ Римлянъ изъ Испаніи, которою Западные Готы владѣли. Сарацины отняли у Греческой Имперіи Сирію, Финикію, а вскорѣ по томъ и Египетъ. Они вели войну съ Персами, и мало по малу совершенно разрушили ихъ Монархію. По смерти Гераклія послѣдовали многіе Императоры; но имена ихъ едва достойны

641 упомянуты быть въ Исторіи, и по большей части оканчивали они жизнь свою насильственною смертію.

647 При Констансѣ II Сарацины завоевали принадлежавщій Имперіи остатокъ Африки, Кипръ

и

и Родосъ. Они разорили Сицилію, особливожъ Сиракузы; дважды осаждали Константинополь; но наконецъ полководцами Императора Константина Бородатаго разбиты и прогнаны, и флоты ихъ 673
сожжены, къ чему употребленъ былъ *Греческой огонь* изобрѣтенный въ то же время Каллиникомъ. Однакожъ при заключеніи съ Императоромъ мира на тритцать лѣтъ они удержали завоеванныя 679
провинціи. Послѣдовавшіе Греческіе Императоры извѣстны почти только по распутной жизни, жестокимъ поступкамъ и погрѣшностямъ. Французскіе Короли сего времени изъ поколѣнія Хлодовеева оставили по себѣ такуюжъ худую славу. Многіе изъ нихъ вступали въ правленіе еще малолѣтные, что подавало поводъ пріучать ихъ къ нѣгѣ и роскоши, отъ которой послѣ они не могли уже отвыкнуть. И такъ они несли только имя Королей, и вся власть оставалась въ рукахъ Оберъгофмаршаловъ. Подъ симъ титуломъ обладалъ всею Монархіею Франковъ Пипинъ Герсталль съ 687 года, въ которомъ одержалъ онъ великую побѣду надъ своими соперниками; хотя при томъ Король и потомки его не лишались короны и королевскаго имени. Сей Пипинъ щастливо велъ войну съ Фризами и Алеманами, и споспѣшествовалъ покровительствомъ своимъ распространенію Христіанства въ Фрисландіи и другихъ Германскихъ провинціяхъ, предпринятому нѣкоторыми Ирландскими духовными особами. Между прочими Киліанъ завелъ Христіанскія церкви во Франконіи около Вирцбурга. Въ Испаніи разрушилось владѣніе Западныхъ Готовъ. Графъ Юліанъ, почитавшій себя обиженнымъ отъ Короля ихъ Родерика призвалъ туда изъ 713
Африки Сарацинъ, называвшихся Маврами; и Король Готовъ на сраженіи при Ксерецѣ лишился государства своего и жизни. Испанская церковь должна была много претерпѣть отъ сихъ побѣдителей. Однакожъ оставалась ей нѣкоторая помощь въ Принцѣ Пелагіи, который ушелъ въ Астурію, а чрезъ нѣсколько лѣтъ по томъ разбилъ Сарацинъ и положилъ основаніе Леонскому Королевству. Во Франціи правитель- 714

ствовалъ Карлъ Мартеллъ, сынъ Пипиновъ, съ неограниченною властiю, и только недоставало ему королевскаго титула. Сей храбрый и щастливый правитель усмирилъ всѣ возмущенiя, покорилъ Фризовъ Французской Монархiи, и побѣдилъ Сарацинъ, ворвавшихся изъ Испанiи во Францiю. Онъ возводилъ на престолъ и смѣнялъ Королей Французскихъ по своей волѣ, присвоивъ себѣ всю ихъ власть. Во время его правленiя Англичанинъ Бонифацiй, или Винфридъ, какъ онъ
722 прежде назывался, проповѣдовалъ Христiанскую религiю въ Тирингенѣ, Гессенѣ и другихъ земляхъ, давши сперва Римскому Епископу обѣщанiе пребыть ему вѣрнымъ и никогда не отдѣляться отъ Римской церкви. Онъ былъ ревностный мужъ, но не съ большими знанiями, властолюбивъ, вѣрный споспѣшествователь власти Епископовъ Римскихъ въ Германiи, отъ которыхъ поставленъ онъ былъ Архiепископомъ Маинцскимъ и Блюстителемъ тамошнихъ церквей. Онъ называется *Апостоломъ Германскимъ*; основалъ разныя Епископства въ Германiи, и наконецъ въ 755 году убитъ остававшимися въ язычествѣ Фризами. Германцы во многихъ мѣстахъ обязаны ему и введенiемъ лучшихъ нравовъ. Между тѣмъ, какъ Бонифацiй въ Германiи проповѣдовалъ Христiанство, въ Греческой Имперiи произо-
726 шла продолжительная нещастная распря о иконахъ. Императоръ Левъ Исаврянинъ подалъ случай къ оной запрещенiемъ ставить въ церквахъ образы Святыхъ и воздавать имъ почитанiе. Но большая часть подданныхъ отреклись ему повиноваться; духовенство и монахи огласили его отступникомъ отъ религiи; народъ дѣлалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возмущенiя, и Императоръ принуждалъ силою къ исполненiю своего приказанiя. Все государство раздѣлилось на *Иконокластовъ*, или иконоборцевъ, и *Иконодуловъ*, или почитателей иконъ. Епископы Римскiе Григорiй II и III противились Императору, и нанесли ему великой уронъ. Они много способствовали тому, что Римъ и сосѣдственныя съ симъ городомъ области отъ него отпали, и что наконецъ Греческая Имперiя навсегда оныхъ лишилась.

шилась. Луитпрандъ, Король Лонгобардовъ, пользовался симъ случаемъ къ завоеваніямъ, и овладѣлъ Равенною, гдѣ жили Экзархи, или намѣстники Греческаго Императора, и принадлежавшею къ сему городу областію. Папа и прочіе Римляне прибѣгли въ сей опасности къ Карлу Мартеллу, который въ послѣдніе годы своея жизни оставлялъ Французской престолъ празднымъ и правительствовалъ безъ Короля. Ина, Король Западныхъ Саксоновъ, обязался тогда платить Папѣ
такъ называемую *Петрову деньгу*, которая 740
нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ того собираема была въ Англіи съ каждаго дому. По смерти Мартелла
дѣти его Карманъ и Пипинъ Малой раздѣ- 741
лили между собою Австразію и Нейстрію, какъ Герцоги Французскіе. Они хотя и возвели на тронъ Хилдериха III, но въ правленіи не давали ему участія, и вели войны со щастливымъ успѣхомъ. Константинъ VI, послѣдовавшій за Императоромъ Львомъ, старался столько же, какъ и отецъ его, истребить почитаніе иконъ. Онъ созвалъ *седьмой Вселенской соборъ въ Кон-*
стантинополѣ, на которомъ сдѣлано было въ 754
разсужденіи иконъ постановленіе согласное съ его намѣреніями. Между тѣмъ Карманъ вступилъ въ монастырь, и Пипинъ съ 747 года правительствовалъ одинъ. Онъ заключилъ тѣсный союзъ съ Папою Захаріею, и оба они обязались дѣлать другъ другу взаимныя услуги. Папа началъ исполненіе сего обязательства. Онъ долженъ былъ, по условію, разрѣшить сомнѣніе Западныхъ Франковъ въ томъ, чтобъ принять Королемъ Пипина; ибо они удерживаемы были отъ сего данною Королю своему присягою. Но по рѣшенію Папы сія великая перемѣна была произведена; Хилдерихъ, послѣдній Король изъ Меровингскаго поколѣнія, заключенъ въ
монастырь, и съ Пипина началось Каролинг- 752
ское поколѣніе. По томъ уже и онъ со своей стороны давалъ Папамъ обѣщанное вспоможеніе. Онъ отнялъ у Лонгобардскаго Короля Аистулфа Экзархство съ частію смежной земли, и подарилъ оное Папѣ. Съ сего началось мірское владычество Папъ; также и власть ихъ въ

церкви при сихъ обстоятельствахъ увеличилась, когда они изъ учителей и блюстителей церкви стали государями и обладателями земель. По смерти Пи-
768 пина Монархія Франковъ раздѣлена была между дѣтьми его Карломъ и Карманомъ. Послѣдній изъ нихъ вскорѣ по томъ умеръ, и Карлъ, по
771 справедливости Великимъ въ Исторіи называемый, остался одинъ обладателемъ сея Монархіи. Онъ толико прославился ревностію къ религіи, стараніемъ о возстановленіи наукъ, войнами своими и побѣдами, что его исторія принадлежитъ къ самымъ важнѣйшимъ и достойнѣйшимъ чтенія. Первая война его была съ Саксонами, т. е. съ обитателями тогдашней
772 Саксоніи, содержавшей въ себѣ нынѣшнюю Нижнюю Саксонію и Вестфалію. Онъ покорилъ ихъ, по тритцатилѣтней войнѣ, въ 804 году, и принудилъ ко принятію Христіанства; но храбрый князь ихъ Витгекиндъ крестился еще въ 785 году. Онъ основалъ Епископства Оснабрикъ, Минденъ, Минстеръ, Падерборнъ, и можетъ быть еще многія другія, для соблюденія Христіанской религіи у сего народа. Наконецъ для утвержденія спокойствія въ Саксоніи, принужденъ онъ былъ вывести оттуда большія колоніи, и вмѣсто ихъ поселить тамъ Франковъ. Сія война прерываема была другими войнами. Дезидерій, Король Лонго-
774 бардовъ, напалъ на подаренныя Папѣ земли, и Адріанъ I просилъ у Карла помощи. Карлъ однимъ походомъ положилъ конецъ Лонгобардскому государству, и взялъ Дезидерія въ плѣнъ. Онъ утвердилъ по томъ Папѣ подаренныя отцемъ его земли, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько вновь. Также побѣдилъ
778 онъ Сарацинъ въ Испаніи, и отнялъ у нихъ знатную часть земли; Герцога Баварскаго Тассило, котораго заключилъ въ монастырь, и владѣніе его раздѣлилъ на Графства; въ 791 году Аваровъ, которыхъ изъ Австріи прогналъ въ нынѣшнюю Венгрію. Во время сихъ дѣлъ его распря о иконахъ въ Греческой Имперіи непрестанно продолжалась. Императоры всегда противились почитанію иконъ. Но Императрица Ирина, отправивъ

живъ ядомъ супруга своего Льва IV, и принявъ въ опеку малолѣтнаго Принца Константина, 780 дала сему дѣлу совсѣмъ иной оборотъ. Она вступила въ союзъ съ Папою Адріаномъ I, дабы утвердиться въ правленіи, и созвала *второй Никейской соборъ*, на которомъ почитаніе иконъ было совершен- 786 но возстановлено. Однакожъ постановленіе сего собора во Франціи и Англіи не было принято, хотя онъ и имѣлъ Папу на своей сторонѣ. Карлъ Великой приказалъ написать противъ сего постановленія книгу *о почитаніи иконъ*, дошедшую и до нынѣшнихъ временъ подъ его именемъ. Онъ сдѣлалъ еще болѣе, и созвалъ церковный соборъ во Франкфуртѣ, что при рѣкѣ Майнѣ, состоявшій изъ 300 Епископовъ, ко- 794 торыми помянутая книга подтверждена и почитаніе иконъ запрещено. Церкви, принимавшія участіе въ семъ запрещеніи, въ послѣдствіи довольно долго сохраняли оное; но наконецъ и онѣ обращены къ почитанію иконъ. Около сего времени въ Испаніи произошли нѣкоторыя Христіанскія государства, между которыми Аррагонское было одно изъ знатнѣйшихъ. Въ сіижъ времена правленія Карла Великаго стали извѣстнѣе нѣкоторыя Европейскія государства и области, бывшія еще въ язычествѣ и варварствѣ. Хотя и баснословно повѣствованіе о трехъ братьяхъ Чехѣ, Лехѣ и Руссѣ, изъ которыхъ первой, какъ сказываютъ, населилъ Богемію и владѣлъ сею землею; второй почитается основателемъ Польскаго, а третій основателемъ Рускаго государства: но напротивъ того завѣрное извѣстно, что Карлъ наложилъ дань на Богемскихъ и нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ князей въ нынѣшней Германіи. Также были уже и тогда Шведскіе и Датскіе Короли; но я не хочу упоминать о нихъ; ибо тебѣ нужно наполнять память свою не именами, но достойными примѣчанія произшествіями. Императрица Ирина присвоила себѣ престолъ порочными поступками. Она приказала выколоть глаза сыну своему Императору Констан- 797 тину VII. По томъ надѣялась она утвердиться правленіи вступленіемъ въ супружество съ Карломъ

ликимЪ. Но сей Государь, хотя и удерживалЪ ее вЪ сей надеждѣ, занимался тогда исполненіемЪ достойнѣйшихЪ его предпріятій, которыя подаютЪ намЪ случай начать новый періодЪ.

УченикЪ. Вы вѣрно хотите говорить теперь о возстановленіи КарломЪ ВеликимЪ Западной Имперіи.

Лѣта отЪ Рождества Христова.

6 Эпоха. КарлЪ Великой, Римской ИмператорЪ.

800

Учитель. Сія славная перемѣна по справедливости должна быть отличаема отЪ другихЪ произшествій. КарлЪ имѣлЪ всѣ права и заслуги для возобновленія вЪ особѣ своей прекратившагося Императорскаго достоинства, и для соблюденія онаго. И такЪ во время пребыванія его вЪ Римѣ, Папа неожидаемо, хотя и не безЪ вѣдома его, наложилЪ на него Императорскую корону, и палЪ предЪ нимЪ, какЪ предЪ своимЪ ИмператоромЪ. Прочіе вельможи и народЪ изъявили согласіе свое радостными восклицаніями. Греческіе Императоры, имѣвшіе еще доколѣ нѣкоторое уваженіе вЪ Римѣ, наконецЪ также должны были на то согласиться. ОкончавЪ нѣкоторыя новыя и прежнія войны, сей Государь помышлялЪ о раздѣленіи своего сильнаго и чрезвычайно имЪ распространеннаго государства. Но какЪ сіе намѣреніе уничтожено было смертію двухЪ его сыновЪ, то онЪ объявилЪ одного оставшагося у него сына Лудвига помощникомЪ своимЪ вЪ правленіи; а внука своего Бернгарда, сына Пипинова, КоролемЪ ИталіанскимЪ. Послѣ

814

сего скончался вЪ Ахенѣ, нынѣшнемЪ ИмперскомЪ городѣ, который онЪ украсилЪ, и гдѣ имѣлЪ обыкновенное пребываніе. Великими качествами и дѣлами заслужилЪ онЪ почтеніе у потомства. Хотя и принуждалЪ онЪ языческіе народы насильно ко принятію Христіанства, однакожЪ сіе пятно заглаждается отличною его ревностію кЪ пользѣ религіи и сдѣланными имЪ полезными учрежденіями вЪ церкви. ОнЪ прилагалЪ все возможное стараніе кЪ истребленію невѣжества и лѣности между духовенствомЪ своего времени; приказалЪ собрать хорошія старыя проповѣди и читать оныя вЪ

церквахЪ;

церквахЪ; ободрялЪ науки узаконеніями, заведеніемЪ училищЪ и собственнымЪ своимЪ примѣромЪ, вЪ чемЪ АнгличанинЪ АлкуинЪ былЪ ему весьма полезенЪ. БезЪ него ученость вЪ ЗападныхЪ земляхЪ совсѣмЪ бы погибла, и церковь гораздо бы еще прежде пришла вЪ глубокой упадокЪ, вЪ какомЪ мы вЪ послѣдствіи ее увидимЪ. ОнЪ былЪ ея защитникЪ, частожЪ бывалЪ и законодателемЪ ея, и имѣлЪ вЪ ней верховную власть. ОнЪ почиталЪ и обогащалЪ РимскихЪ ЕпископовЪ за то, что они дѣлали ему услуги; однакожЪ не терялЪ правЪ своихЪ надЪ ними. Хотя должно признаться, что онЪ имѣлЪ склонность кЪ завоеваніямЪ и жадность кЪ распространенію владѣнія своего; но напротивЪ того правительствовалЪ мудро и соблюдалЪ великое свое государство всегда вЪ уваженіи. Но преемники его все привели вЪ разстройку, и унизили свое достоинство. ЛудвигЪ Благочестивый, получившій сіе названіе
817 только за излишнюю преданность кЪ духовенству, былЪ добросердечный Государь, но не сЪ большимЪ благоразуміемЪ. Раздѣленіемъ государства между сыновьями своими, сдѣланнымЪ слишкомЪ поспѣшно, положилЪ онЪ основаніе внутреннимЪ безпокойствамЪ, наносившимЪ ему во всю жизнь огорченія. Сперва племянникЪ его БернгардЪ воспротивился сему раздѣлу, и за то лишился жизни. Но какЪ вЪ послѣдствіи ЛудвигЪ предпріялЪ сдѣлать новый раздѣлЪ вЪ
829 пользу Карла Плѣшиваго, сына его отЪ втораго брака, то дѣти отЪ перваго брака два раза дѣлали противЪ него возмущеніе; Папа Григорій IV помогалЪ имЪ; и нещастный отецЪ лишенЪ былЪ
833 престола, принужденЪ кЪ церковному покаянію, и заключенЪ вЪ монастырь. Третій сынЪ его ЛудвигЪ освободилЪ его изЪ монастыря; но и сЪ симЪ вошелЪ онЪ вЪ ссору за новый раздѣлЪ, и приготовляясь
840 привести его оружіемЪ кЪ повиновенію, умерЪ. Сей кроткой и добродушный, но слабый и суевѣрный государь служилЪ игралищемЪ духовенству и дѣтямЪ своимЪ. ОнЪ старался о распространеніи Христіанства; и какЪ АнсгарЪ, монахЪ Корвейскаго мона-

 стыря,

стыря, что при рѣкѣ Везерѣ, проповѣдовалъ Христіанскую религію въ сѣверныхъ земляхъ съ благополучнымъ успѣхомъ, то для споспѣществованія ему учредилъ онъ Епископство Гамбургское. Къ нещастію преемниковъ своихъ, онъ далъ духовенству излищнія права; и хотя соблюдалъ онъ Императорское право утверждать новоизбраннаго Папу и верховное начальство надъ Римскими Епископами; однакожъ во время безпокойствъ при его правленіи, сіи Епископы, равно какъ и другіе, показывали, что они болѣе самого его власти имѣли. Восточная Имперія въ его время непрестанно еще разстроиваема была распрею о иконахъ. Никифоръ въ 802 году свергъ съ престола Императрицу Ирину; но въ 811 году убитъ Булгарами, которыхъ войско онъ заперъ и довелъ до отчаянія. Вскорѣ послѣ него вступилъ на престолъ Левъ V, одинъ изъ жесточайшихъ непріятелей иконъ. Михаилъ Балбъ приказалъ умертвить его въ 820 году, и отъ сообщниковъ своихъ объявленъ Императоромъ. Онъ оказывалъ такуюжъ ненависть къ иконамъ; въ чемъ также подражалъ ему сынъ его и преемникъ Ѳеофилъ. Въ Англіи Западно-Саксонской Король Эгбертъ покорилъ себѣ еще въ началѣ сего столѣтія нѣкоторыя части Гептархіи; а наконецъ и всю ее привелъ въ свое подданство, такъ, что въ 830 году могъ называться Королемъ Англійскимъ. Во Франціи дѣти Лудвига Благочестиваго были столь же несогласны между собою, какъ прежде съ отцемъ своимъ. Лотарій, имѣвшій уже Императорское достоинство и многія земли, хотѣлъ присвоить себѣ и все прочее; но побѣжденъ будучи на сраженіи при Фонтенеѣ, должень былъ

841 согласиться на порядочный раздѣлъ владѣній со своими братьями. По сему раздѣлу удержалъ онъ Императорское достоинство, Италію и другія земли; большая часть Западной Франціи досталась младшему брату Карлу; а средній, Лудвигъ, получилъ Восточную Францію, или все то, что съ восточной стороны Рейна въ нынѣшней Швейцаріи, Германіи и Нидерландахъ принадлежало ко Французскому государству. Онъ сталъ чрезъ то основателемъ такъ называемаго Германскаго

госу-

государства, по чему и называется Лудвигомъ Германскимъ. Наконецъ Лотарій сложилъ съ себя правленіе и умеръ въ монастыръ; послѣ чего сынъ его
Лудвигъ II былъ Императоромъ и Королемъ 855
Италіанскимъ. Польша около 840 году получила въ Піастѣ мудраго и правосуднаго государя, съ котораго начинается истинная исторія сего государства. Лѣтъ чрезъ 20 по томъ Рурикъ основалъ Великое Княжество Россійское, изъ котораго произошло нынѣшнее Россійское государство. Морскіе берега Франціи въ сіе время опустошаемы были Норманами, приплывшими изъ Даніи и другихъ сѣверныхъ земель. Они прошли даже до Парижа; такжe ворвались въ Германію. Съ другой стороны Сарацины наносили опасность Риму. На Востокѣ участь иконъ наконецъ паки перемѣнилась. Ѳеодора, правительствовавшая во время малолѣтства Императора Михаила, приказала въ 842 году совершенно возстановить почитаніе иконъ на соборѣ бывшемъ въ Константинополѣ, что въ сей церкви и понынѣ осталось. Къ симъ же временемъ относится толикимъ противорѣчіямъ подверженная повѣсть о женщинѣ Папѣ Іоаннѣ. Многіе писатели среднихъ вѣковъ разсказываютъ, что въ 855 году, по смерти Льва VI, вступила на Папской престолъ переодѣтая женщина, что открылось уже чрезъ два года по томъ, и она умерла. Но въ новѣйшія времена найдено, что сія повѣсть старыми и достовѣрными свидѣтельствами не подтверждаема и несогласна съ лѣтосчисленіемъ Папской Исторіи; но кажется, что она имѣетъ основаніе въ нѣкоторыхъ распуствахъ, бывшихъ при Римскомъ Дворѣ. Въ правленіи Императора Лудвига II находимъ мало примѣчанія достойнаго. Племянники его отняли у него Лотарингское государство, доставшееся ему по смерти брата; и какъ онъ умеръ безъ
наслѣдниковъ мужескаго полу, то Карлъ Плѣ- 875
шивый, Король Французской, присвоилъ себѣ Имперію и Италію. Король Лудвигъ Германской, старшій братъ Карловъ, и по тому имѣвшій большее право на Имперію, умеръ въ слѣдующемъ году, а Карлъ чрезъ
годъ послѣ него. Дѣти послѣдняго должны 877

были уступить Италію и Императорское достоинство Лудвигову сыну Карлману. Онъ оставилъ по себѣ одного
только незаконнорожденнаго сына Арнулфа;
880 по чему вступилъ въ правленіе братъ его
Карлъ III, или Толстый. Онъ владѣлъ почти всею Французскою Монархіею, такъ какъ она была при Карлѣ Великомъ, кромѣ Испанскихъ владѣній, нѣкоторыхъ земель въ Полуденной Франціи и Савоіи, изъ которыхъ составилось особливое Бургундское государство. Но худое правленіе сего Императора привело его въ такую ненависть, что во всемъ государствѣ произошло
887 общее возмущеніе противъ него. Арнулфъ
возведенъ былъ на Германской престолъ; и сею перемѣною прекратилось продолжавшееся дотолѣ Каролингское поколѣніе въ Германіи. Норманы обезпокоивали Арнулфа и въ самой Германіи; онъ призывалъ Венгерцовъ на помощь противъ Моравлянъ, и долженъ былъ вести въ Италіи войну съ совмѣстниками своими Беренгаріемъ и Гвидомъ. Папа Формозусъ, (тотъ, котораго тѣло послѣ по приказанію преемника его Стефана VI было вырыто и брошено въ рѣку Тибръ,) короновалъ Арнулфа; но послѣдовавшіе Папы хотѣли, чтобъ сынъ Гвидовъ признанъ былъ Императоромъ. За симъ безпокойнымъ
правленіемъ послѣдовалъ Арнулфовъ малолѣтный
900 ный сынъ Лудвигъ VI, или Дитя, который
при всѣхъ хорошихъ распоряженіяхъ Имперскихъ князей былъ еще нещастливѣе отца своего. Частныя войны между Чинами и фамиліями отъ времени до времени болѣе входили въ обычай въ Имперіи. Норманы обезпокоивали ее, особливо въ Лотарингіи. Пачежъ всего она разоряема была ежегоднымъ нападеніемъ Венгерцовъ, овладѣвщихъ не задолго предъ тѣмъ Панноніею. Печаль
о семъ нещастіи еще въ молодости прекра-
911 тила жизнь Лудвига. Между тѣмъ Англія
имѣла мудраго и великаго государя въ Алфредѣ, который издалъ хорошіе законы, основалъ многіе монастыри и училища для споспѣшествованія наукамъ, и сдѣлалъ многія другія похвальныя учрежденія. Онъ умеръ въ 899 году. Государство его обязано ему столько же, какъ

Фран-

Французское Карлу Великому; и при томъ онъ долженъ былъ преодолѣвать еще большія затрудненія въ исполненіи своихъ предпріятій. Въ Восточныхъ земляхъ правительствовалъ тогда также достойный славы и ученый государь, Левъ VI, или Философъ, отличившійся особливо въ законоискусствѣ. Но еще достопамятнѣе распри, происходившія въ сіе время между Греческою и Латинскою, или Западною, церквію. Великіе Епископы, или Патріархи, Римской и Константинопольской, жили давно уже въ ревности и несогласіи. Оба они, а паче Римской, искали распространенія областей своихъ и могущества. Наконецъ церковь и самая религія замѣшаны были въ ихъ споры. Фотій, Патріархъ Константинопольской, ученѣйшій мужъ сего времени, вступилъ съ 862 году въ жестокую распрю съ Римскими Епископами, которая сперва была личная, а по томъ касалась уже до разныхъ заблужденій, которыми Фотій укорялъ Римскую церковь; она продолжалась до конца сего столѣтія, и въ послѣдствіи отъ времени до времени увеличивалась. Во внутренности Римской церкви происходили новые и продолжительные раздоры. Монахъ Годешалкъ привелъ въ движеніе Германскихъ и Французскихъ Епископовъ ученіемъ своимъ о безусловномъ предопредѣленіи человѣка къ блаженству или погибели. Другой монахъ, Пасхазій Радбертъ, утверждалъ существенное присутствіе тѣла и крови Христовой во святомъ причастіи, что сперва подвержено было жестокому противорѣчію; но въ послѣдующихъ двухъ столѣтіяхъ сіе ученіе мало по малу принято, и на ономъ основано *пресуществленіе хлѣба.* — По прекращеніи Каролингскаго поколѣнія на Германскомъ престолѣ избранъ былъ Королемъ Германскимъ Конрадъ, князь Франконской. Правленіе 912 его подвержено было многимъ безпокойствамъ, и онъ лишился Лотарингіи. Но при смерти великодушно совѣтовалъ выбрать преемникомъ ему Герцога Саксонскаго Гейнриха, который прежде былъ 918 ему непріятелемъ. Сей присоединилъ обратно Лотарингію къ Германіи; прервалъ непрестанныя нападенія Венгерцовъ, заключивъ съ ними перемиріе на девять лѣтъ.

Между

Между тѣмъ старался привести себя въ лучшее оборонительное состояніе, покорилъ Вендовъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Мейссенскомъ округѣ, построилъ новые города, укрѣпилъ и населилъ старые, и обучилъ своихъ солдатъ. Венгерцы, ворвавшись въ Германію по прошествіи перемирія, претерпѣли великое пора-
934 женіе при Мерзебургѣ. Гейнрихъ хотѣлъ по томъ предпринять походъ въ Италію, дабы и тамъ возстановить честь и права своего государства. Но смерть не допустила его исполнить сіе пред-
936 пріятіе. Въ Италіи во время обоихъ сихъ Германскихъ Королей, происходили между разными князьями споры о Италіанской и Императорской коронѣ. Въ Римѣ Теодора съ дочерями своими, порочнаго поведенія и властолюбивыя женщины, долго господствовали надъ Папскимъ престоломъ, на который возводили онѣ своихъ любимцевъ и незаконорожденныхъ дѣтей, или другихъ съ онаго свергали. Во Франціи Норманской Герцогъ Ролло принялъ Христіанскую религію, назывался съ того времени Робертомъ, и правительствовалъ съ такою правдивостію, что можно было оставлять на улицѣ самыя драгоцѣнныя вещи, не опасаясь, чтобъ онѣ пропали. Король Карлъ Простой умеръ въ плѣну у Герцога Бургундскаго Рудолфа, въ 929 году. Англія принуждаема была защищаться отъ нападеній Датчанъ. — Но начнемъ новый періодъ съ Оттона I, или Великаго.

Лѣта отъ Рождества Христова.

Эпоха 7. Оттонъ Великой.

Сей государь, въ которомъ продолжалось Саксонское поколѣніе Германскихъ Королей и Императоровъ, принадлежитъ къ числу величайшихъ Монарховъ среднихъ временъ. Онъ произвелъ великія перемѣны, къ чему отецъ его Гейнрихъ Первой проложилъ ему путь, но еще многое совершить оставилъ. Сначала
936 онъ былъ только Королемъ Германскимъ, и утверждалъ права короны своея на Богемію, Баварію, Франконію, Лотарингію и Шлезвигъ съ благополучнымъ успѣхомъ. Онъ принудилъ Гаралда, Короля Датскаго, покориться и принять Христіанскую религію. Но

Но вскорѣ по томъ нашелъ онъ случай вновь соединить Италію и Императорское достоинство съ короною Восточныхъ Франковъ. Онъ призванъ былъ Адельгейдою, вдовою Италіанскаго Короля Лотарія, на помощь противъ Беренгарія II, владѣвшаго Италіею по смерти ея супруга. Оттонъ сочетался съ нею бракомъ, и чрезъ то получилъ еще большее право на Италіанское или Лонгобардское Королевство. 951 Однакожъ тогда оставилъ еще онъ Беренгарію сіе государство, какъ своему вазаллу. Но сей государь жестокимъ правленіемъ принудилъ Италіанцовъ просить вторично помощи у Оттона. Тогда уже Оттонъ овладѣлъ Италіанскимъ государствомъ, короновался въ Римѣ Императоромъ, и соединилъ оба сіи достоинства навсегда съ Германскимъ Королевствомъ. 962 Онъ побѣдилъ также Венгерцовъ и Вендовъ; смѣнилъ за невѣрность Папу Іоанна XII, вступившаго на престолъ 12 лѣтъ отъ роду; возстановилъ спокойствіе въ Италіи; учредилъ Архіепископство Магдебургское, также Епископства Мейссенское, Мерзебургское и Наумбургское, и умеръ, правительствовавъ съ великою славою и бывши всюду призываемъ на помощь. 974 Въ его время открыты Гарцскіе рудники въ Нижней Саксоніи. Тогдажъ Венгерской князь Гейза, котораго подданные не обезпокоивали уже Германію нападеніями, женился на Польской Принцессѣ Адельгейдѣ, распространившей и въ Венгріи Христіанство. Въ Польшѣ Мечиславъ также обращенъ былъ къ Христіанской религіи супругою своею Богемскою Принцессою Дамбровкою. Равнымъ образомъ Христіанство начало распространяться и въ Великомъ Княжествѣ Россійскомъ. Оттонъ II послѣдовалъ за отцемъ своимъ въ правленіи; но умеръ во время войны съ Греками и Сарацинами въ Италіи, утвердивъ наслѣдство престола трехлѣтнему своему сыну. 983 Сей Принцъ былъ Оттонъ III. Онъ долго находился подъ опекою мудрой своей матери. Но какъ скоро пришелъ въ совершенный возрастъ, отправился въ Италію, гдѣ способствовалъ родственнику своему вступить на Папской престолъ подъ именемъ Григорія

V,

V, дабы тѣмъ паче быть увѣрену въ преданности его къ нему, какъ своему государю. Оттонъ еще два раза возвращался въ Италію, наказалъ Консула Кресценція за возмущеніе, и Папу Іоанна XVI, возведеннаго на престолъ симъ Консуломъ. Но самъ онъ умеръ
1002 въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Между тѣмъ во Франціи Лудвигомъ V прекратилось Каролингское поколѣніе тамошнихъ владѣтелей, и за онымъ послѣдовало Капетингское, изъ котораго Гуго Капетъ, Графъ Парижской, первой вступилъ на Королевской престолъ въ 987 году. Англія при Этелредѣ II съ 991 году принуждена была платить дань Датчанамъ. Хотя Этелредъ въ 1102 году и приказалъ умертвить вдругъ всѣхъ Датчанъ бывшихъ въ Англіи; но Король ихъ Свено отмстилъ за то весьма жестоко. Въ 977 году вступилъ Стефанъ на Венгерской престолъ; онъ былъ первой Король Христіанской религіи въ семъ государствѣ, и большую часть подданныхъ своихъ обратилъ къ Христіанству. Великой князь Россійской Владиміръ, сочетавшись бракомъ съ Греческою Принцессою Анною, принялъ въ 987 году Христіанскую религію. Онъ нареченъ въ крещеніи Василіемъ, и подданные добровольно ему послѣдовали. Въ Германіи и Италіи Гейнрихъ II, Святой, или Хромой, преемникъ Оттоновъ, долженъ былъ заниматься усмиреніемъ мятежей и возмущеній. Онъ учредилъ Епископство Гамбургское, и велъ войну съ Поляками и Богемцами. Датской Король Канутъ I, или Великой, обладалъ тогда Англіею и жилъ въ семъ Королевствѣ. По прекращеніи Саксонскаго мужескаго поколѣнія Германской престолъ паки достался фамиліи
1024 Франконскаго поколѣнія, изъ которой произошли нѣкоторые славы достойные государи. Конрадъ II былъ первой изъ оныхъ. Онъ удержалъ Италію въ Германскомъ подданствѣ, соединилъ Бургундію съ Германіею, привелъ государство свое въ уваженіе у Поляковъ и Вендовъ, заключилъ съ Даніею твердый союзъ, уступивъ ей Маркграфство Шлезвигъ, и вообще соблюдалъ въ Германіи и въ Италіи добрый поря-
1039 докъ. Сынъ его Гейнрихъ III храбростію и благо-

благоразуміемъ весьма возвысилъ честь своея короны. Какъ съ 1044 году находилось трое Папъ въ одно время, то онъ въ 1046 году всѣхъ ихъ смѣнилъ, утвердилъ вмѣсто ихъ Клемента II, и способствовалъ выбору его преемниковъ. Онъ заставилъ Богемцовъ, Венгерцовъ и Бургундцовъ признать его своимъ обладателемъ; раздавалъ Германскія Герцогства съ великою прозорливостію; но скоро умеръ. По смерти его последовало продолжительное и нещастливое правленіе сына его Гейнриха IV. Онъ остался послѣ 1056
отца шести лѣтъ, и матерью своею воспитываемъ былъ весьма хорошо. Но Архіепископъ Келнской Ганно увезъ его отъ нея. По томъ снискалъ довѣренность его Бременской Архіепископъ Албрехтъ, и злоупотребленіемъ оной возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Въ Саксоніи произошло даже возмущеніе противъ Императора. Онъ хотя и покорилъ Саксонцевъ, одержавъ надъ ними побѣду при Унштрутѣ; но по нещастію дѣло сіе предложено было на судъ Папскому престолу. Саксонцы приносили многія жалобы на Императора, и Григорій VII позвалъ его въ Римъ къ отвѣту съ такою наглостію, какой примѣра еще не бывало. Но онъ вмѣсто того, чтобъ повиноваться, смѣнилъ Папу въ Вормсѣ въ 1076 году. Папа отлучилъ за то Императора отъ церкви и объявилъ его лишеннымъ Императорскаго достоинства. Гейнрихъ имѣлъ бы столько твердости, чтобъ презрѣть сію несправедливо присвоенную власть Римскаго Епископа, его подданнаго; но Имперскіе Чины склонились на сторону Папы, и угрожали государю своему лишеніемъ престола, естьли не получитъ онъ разрѣшенія отъ Папскаго приговора. И такъ Императоръ принужденъ былъ отправиться въ Римъ и про- 1077
сить у Папы разрѣшенія. Папа хотя и далъ ему оное, заставивъ его прежде стоять три дни на дворѣ предъ замкомъ своимъ Каноссою, зимою, съ босыми ногами и въ рубищѣ, кающагося; но какъ условія были толь же поносны и при томъ хитры, то Императоръ рѣшился защищать силою корону, данную ему Богомъ и избраніемъ Германскихъ князей, и которой отнять у него

Папа

Папа не имѣлъ права. Германскіе князья, по наущенію Папы, выбрали по томъ новаго Короля, Рудолфа, Герцога Швабскаго; но онъ скоро побѣжденъ былъ Гейнрихомъ, и лишился жизни. Другіе совмѣстники Императору, избираемые Папскими сообщниками, столь же мало щастія имѣли. Но я долженъ здѣсь прервать исторію сего Государя, ибо къ ней относится весьма важная для Европы эпоха, назначенная мною къ началу новаго періода.

Ученикъ. Вы говорите о *Крестовыхъ походахъ.* Но не было ли еще прежде ихъ какихъ либо достойныхъ примѣчанія произшествій, кромѣ исторіи Императоровъ, которую вы разсказывали?

Учитель. Ты весьма кстати мнѣ о семъ напомнилъ. Не должно позабыть чрезвычайнаго увеличенія Папской власти, достигшей въ сіи времена самой вышшей степени. Христіане Западной церкви, по слѣпой своей преданности къ духовенству, и видя издавна отличныя почести Римскимъ Епископамъ предъ всѣми прочими, давно уже привыкли видѣть и силу ихъ отъ времени до времени возрастающую. И такъ сіи Епископы, пользуясь безпокойствами въ Имперіи, не только выходили изъ подданства Императоровъ, но и присвоивали себѣ право повелѣвать имъ. Григорій VII, имѣвшій еще подъ прежнимъ своимъ именемъ Гилдебранда великое участіе въ правленіи своихъ предшественниковъ, по вступленіи на Папской престолъ, увеличилъ сію
1073 власть надъ церквію и государями до такой степени, до какой она ни прежде его, ни послѣ, никогда не достигала. Сей отважный, хитрый и гордый Папа, имѣвшій всѣ способности хорошаго политика, но не Епископа, чѣмъ бы ему по справедливости быть надлежало, старался покорить всю Европу Папскимъ повелѣніямъ какъ въ духовныхъ, такъ и въ мірскихъ дѣлахъ, и отчасти произвелъ намѣренія свои въ дѣйство, но не всѣ. Онъ напоминалъ всѣмъ Королямъ, что государства ихъ принадлежатъ Святому Петру, то есть Римскому престолу; и поступалъ съ ними сообразно сему правилу. Онъ получилъ надежду увеличить Папскую область наслѣд-

слѣдствомъ Графини Матилдисъ. Особливожъ имѣлъ онъ жестокой споръ съ Императорами за жалованіе Епископамъ и Аббатамъ кладѣній, при которомъ дотолѣ Императоры давали имъ посохъ и перстень въ знакъ духовнаго ихъ чина, что онъ хотѣлъ совсѣмъ уничтожить. Онъ съ величайшею строгостію принуждалъ духовенство къ безбрачному состоянію. Еще въ IX столѣтіи Николай I, положилъ основаніе сему несправедливому закону, котораго исполненіе подавало причину къ великимъ мятежамъ и явнымъ безчеловѣчіямъ, но Папамъ было весьма полезно; ибо духовенство, жившее въ безбрачномъ состояніи, отдѣлено будучи отъ гражданскаго общества, тѣмъ паче имъ было преданно. Сей Папа, умершій въ 1085 году, включенъ Павломъ V въ число святыхъ. — Въ исторіи прочихъ Европейскихъ государствъ особливо достойно вниманія завоеваніе Англіи Норманскимъ Герцогомъ Вилгелмомъ Завоевателемъ въ 1066 году; ибо симъ важнымъ произшествіемъ не только престолъ Англійской достался новому поколѣнію, но и введены въ сей землѣ новые законы и обычаи. Прочія приключенія сихъ временъ для тебя не столь важны.

Лѣта отъ Рождества Христова.

8 Эпоха. Крестовые походы.

Но во время правленія Гейнриха IV представилось невиданное дотолѣ зрѣлище: многія тысячи Христіанъ отправившихся въ походъ въ Обѣтованную землю, дабы отнять ее у Сарацинъ. Французской пустынникъ Петръ, возвратившись послѣ странствованія въ Іерусалимъ, первой предложилъ сіе предпріятіе; и Папа способствовалъ оному, для облегченія Христіанамъ странствованій въ Обѣтованную 1096
землю. Петръ находился въ числѣ предводителей перваго отправившагося туда войска, которое состояло изъ 800,000 человѣкъ. Но главный предводитель былъ Готфридъ Буйльонъ, Герцогъ Лотарингской. Онъ завоевалъ нѣсколько городовъ, а въ 1099 году и самый Іерусалимъ, и коронованъ Королемъ Іерусалимскимъ. По смерти его братъ его Балдуинъ первой принялъ сей титулъ въ 1100 году. Германцы, принимавшіе весьма

мало участія въ семъ первомъ Крестовомъ походѣ, (ибо по большей части были въ ономъ Французы) имѣли въ Гейнрихѣ IV печальный примѣръ мудраго и добраго, но нещастнаго государя. Казалось, что онъ, освободившись отъ толь многихъ непріятелей, окончитъ правленіе свое въ покоѣ; но наконецъ собственные его дѣти, Конрадъ и Гейнрихъ, подговорены будучи Папою, взбунтовались противъ него, и гнали его такъ, что въ 1105 году онъ принужденъ былъ отказаться отъ правленія, и умеръ въ бѣдности въ 1106 году. При Гейнрихѣ V продолжались еще нѣсколько времени
1106 споры съ Папою; но наконецъ прекращены договоромъ, сдѣланнымъ въ Вормсѣ въ 1112 году, по которому бывшее дотолѣ въ обыкновеніи жалованіе Епископовъ знаками духовной власти отмѣнено, и опредѣлено давать имъ впредь въ знакъ владѣльческихъ правъ скипетръ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того вступилъ на престолъ Конрадъ III, съ котораго
1137 началось Швабское поколѣніе Императоровъ изъ фамиліи Гоэнштауфенъ. При немъ произошли великія и пагубныя партіи Велфовъ и Гибеллиновъ. Первые назывались такъ по имени Велфа, дяди Саксонскаго и Баварскаго Герцога Гейнриха Льва, который склонился на сторону племянника своего противъ Императора; а вторые получили названіе свое отъ Вайблингена, мѣста рожденія Конрадова. Императоръ склоненъ былъ
1147 краснорѣчіемъ славнаго Аббата Клервосскаго, Бернгарда, предпріять новый Крестовый походъ, купно съ Лудвигомъ VII, Королемъ Французскимъ, для защищенія Христіанъ въ Обѣтованной землѣ. Но оба они лишились большей части многочисленныхъ войскъ своихъ отъ голоду, оружія и болѣзней. Фридрихъ I, Краснобородый, племянникъ Конрадовъ, былъ его
1152 преемникомъ. Лонгобардскіе города, Папа и Король Сицилійской наносили ему столько безпокойства, что онъ долженъ былъ четыре раза ходить съ войскомъ въ Италію, и всякой разъ возвращался съ побѣдою. Но какъ при пятомъ походѣ Гейнрихъ Левъ,
1180 одинъ изъ сильнѣйшихъ князей того времени, отрекся

отрекся дать Императору вспоможенie, отъ чего сей походъ имѣлъ нещастливое окончанie, то Императоръ отмстилъ ему изключенieмъ его изъ Чиновъ Имперiи, и отдалъ Саксонское и Баварское Герцогства другимъ князьямъ; послѣ чего остались у него только наслѣдственныя его Брауншвейгскiя и Линебургскiя земли. По томъ Императоръ предпринималъ шестой походъ въ Италiю, а наконецъ и Крестовый походъ въ 1189
Азiю, гдѣ Саладинъ, великой герой, весьма притѣснялъ Христiанъ и отнялъ у нихъ Iерусалимъ. Фридрихъ пришелъ къ нимъ на помощь; но въ слѣдующемъ году умеръ отъ простуды. За симъ храбрымъ и благоразумнымъ государемъ послѣдовали въ Обѣтованную землю съ войсками своими Французской и Англiйской Короли, Филиппъ Августъ и Ричардъ. Но жестокое несогласie между сими государями сдѣлало походъ ихъ безполезнымъ, и послѣ произвело открытую войну между ими въ Европѣ. По томъ принялъ правленie сынъ Фридриховъ, Гейнрихъ VI. Онъ привелъ Сицилiю 1190
въ подданство своей фамилiи; но тщетно старался присвоить ей наслѣдство Германскаго государства. По смерти его правленie досталось Оттону IV, сыну Гейнриха Льва, чѣмъ сей государь обязанъ 1197
былъ особенно Папѣ Иннокентiю III, который не согласился признать Королемъ Германскимъ Филиппа, Герцога Швабскаго, выбраннаго въ сie достоинство. Сей же Папа въ 1198 году совершенно присвоилъ себѣ городъ Римъ, который, какъ столица Римской Имперiи, толь долго принадлежалъ Императорамъ, и гдѣ предшественники его давно уже старались толь многими хитростями и силою ослабить Императорскую власть. Но какъ Оттонъ потребовалъ отъ него возвращенiя Матилдиныхъ и другихъ Имперскихъ владѣнiй, то Папа отлучилъ его отъ церкви, и довелъ до того, что вмѣсто его избранъ былъ Императоромъ Фридрихъ II, Король Сицилiйской, сынъ Гейнриха VI. Сей государь правительствовалъ сперва одинъ, а вскорѣ по томъ вкупѣ съ дѣтьми своими, какъ Римскими Королями. 1218
Онъ предпринималъ по обѣщанiю Кресто-

вый походъ, бывши отлученъ отъ церкви Па-
1228 пою Григоріемъ IX за медленность въ испол-
неніи своего обѣщанія. Въ Іерусалимѣ вступилъ онъ во
владѣніе тамошняго Королевства, и заключилъ съ Сара-
цинами перемиріе на десять лѣтъ. Замѣшательства,
производимыя Велфами, прекратилъ на нѣсколько вре-
мени учрежденіемъ Герцогства Брауншвейг-Линебургскаго.
Папа отлучилъ его вторично отъ церкви, подъ разны-
ми предлогами, и даже повелѣлъ проповѣдовать Кресто-
вый походъ противъ него. Сіе толико подѣйствовало,
что Гейнрихъ Распо, Ландграфъ Тирингенской,
1246 а по смерти онаго Вилгелмъ, Графъ Голланд-
ской, избираемы были Королями вмѣсто Фридриха II;
но онъ всегда одерживалъ верьхъ надъ ними. По смерти
сего храбраго государя, одного изъ величай-
1250 шихъ споспѣшествователей учености въ сред-
нія времена, сынъ его, Конрадъ IV, толь же щастливо
противился Папѣ Иннокентію IV, отлучившему его ра-
вным образомъ отъ церкви. Но онъ умеръ
1254 посреди побѣдъ своихъ, и даже въ потом-
ствѣ его толь жестоко гонимъ былъ Папами, что Карлъ,
Герцогъ Анжуской, въ 1269 году, по ихъ совѣту прика-
залъ въ Неаполѣ отрубить голову сыну его Конрадину,
старавшемуся привести въ дѣйство права свои на Си-
цилію, дабы Швабской домъ никогда уже не могъ воз-
становить власти своея въ Италіи. Тогда наступили
въ Германіи времена крайняго неустройства. Вилгелмъ
Голландской убитъ былъ на войнѣ; послѣ чего
1256 нѣкоторые Германскіе князья выбрали Коро-
лемъ Римскимъ Ричарда, Герцога Корнваллисскаго, дру-
гіеж Алфонса X, Короля Кастильскаго. Ибо тогда седмь
Германскихъ князей, а именно Архіепископы Маинцской,
Трирской и Кельнской, Король Богемской, Пфальцграфъ
Рейнской, Герцогъ Саксонской и Маркграфъ Бранденбург-
ской, пріобрѣли уже право избирать Римскаго Короля и
Императора, по чему въ послѣдствіи получили званіе
Курфирстовъ. Ричардъ четыре раза пріѣзжалъ въ Гер-
манію, но по смерть свою ни мало не могъ способство-
вать къ возстановленію спокойствія въ Имперіи. Алфонсъ
совсѣмъ

совсѣмъ и не прiѣзжалъ туда, и еще менѣе былъ въ состоянiи утвердиться въ своемъ достоинствѣ. При такомъ несогласiи и слабомъ правленiи Имперскiе чины безпрепятственно наступали войною одинъ на другаго; каждый духовный и свѣтской владѣлецъ присвоивалъ себѣ полное самовластiе въ своей области; и вообще произошла такая разстройка, что сiе время, отъ смерти Вилгелма по смерть Ричарда, называется великимъ *междуцарствiемъ*. Сiе названiе основательно по крайней мѣрѣ по тому, что Германiя находилась тогда въ такомъ состоянiи, какъ бы въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ правителей не имѣла.

Но намъ не должно позабыть и другихъ примѣчанiя достойныхъ перемѣнъ въ Европѣ, произшедшихъ въ семъ перiодѣ. Въ церкви и въ учености происходили довольно важныя перемѣны. Религiя помрачена была суевѣрiемъ и невѣжествомъ. Христiане Западной церкви должны были повиноваться своему духовенству. Но отъ времени до времени возставали весьма многiе старавшiеся возвратить древнюю Христiанскую свободу и очистить религiю. Они извѣстны подъ названiемъ свидѣтелей истины. Во Францiи особенно отличились въ семъ предпрiятiи Валдензы во XII, и происходившiе отъ оныхъ Албигензы въ XIII столѣтiи. Но Папы установленiемъ противъ нихъ Крестовыхъ походовъ и церковнаго суда, называемаго Инквизицiею, гнали ихъ толь жестоко, что многiя тысячи изъ нихъ лишились жизни, а оставшiеся должны были искать прибѣжища въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, особливожъ въ долинахъ и на горахъ Пiемонтскихъ. Нищенскiе монашескiе ордены Доминикановъ и Францискановъ, учрежденные въ XIII столѣтiи, не мало споспѣшествовали истребленiю сихъ еретиковъ, также и къ утвержденiю и распространенiю власти Папъ и духовенства. — Касательно до наукъ, легко разсудить, что онѣ не могли процвѣтать при такомъ недостаткѣ свободы, и что защитники суевѣрiя должны были всѣми силами стараться препятствовать просвѣщенiю, толико опасному для онаго. Ученость, или по крайней мѣрѣ то, что тогда симъ именемъ было назы-

 ваемо,

ваемо, оставалась еще въ обладаніи у одного духовенства. Но въ послѣднія столѣтія нашла она покровительство у такого народа, котораго воинственное и суровое свойство сначала не подавало ни малаго повода надѣяться, что онъ нѣкогда откроетъ Христіанамъ свѣтъ во многихъ наукахъ. Сарацины или Арабы споспѣшествовали учености въ Азіи, Африкѣ и Испаніи съ благополучнымъ успѣхомъ. Славный Папа Силвестръ II, правительствовавшій въ концѣ XI столѣтія, былъ ихъ ученикъ, когда онъ назывался еще Гербертомъ. Онъ ободрялъ западныхъ Христіанъ сочиненіями своими къ возстановленію Философіи, Математики и Медицины; но какъ онъ употреблялъ геометрическія фигуры и инструменты, то отъ невѣдущихъ современниковъ своихъ оглашенъ былъ волшебникомъ. Вскорѣ по томъ начали въ Европѣ со всеобщею ревностію упражняться въ Философіи, или паче въ той части оной, которая учитъ искусству диспутоваться и входить въ изслѣдованіе мѣлкихъ подробностей. Изъ сего источника произошла во XII столѣтіи славная *Схоластическая Теологія*, главная подпора испорченной религіи сихъ временъ, которой учители еще менѣе, нежели прежде, занимались изслѣдованіемъ основанія ученій своихъ въ Священномъ Писаніи, но искали славы только во множествѣ какъ глубокомысленныхъ, такъ и пустыхъ вопросовъ, и мало по малу вводили въ церковь новыя ученія. Но въ то же время какъ бы издалека положено было основаніе лучшему и свободнѣйшему ученію заведеніемъ въ XIII столѣтіи высокихъ училищъ, названныхъ Университетами, по тому, что они должны были заниматься всѣми частями учености. Какъ на Востокѣ, такъ и въ Западныхъ земляхъ, многіе между государями бывали покровители наукъ; но власть духовенства была еще весьма велика, и выгоды его не позволяли дать учености свободное теченіе. — Изъ Европейскихъ государствъ достойнѣйшія примѣчанія приключенія происходили во Франціи и въ Англіи. Въ первомъ изъ оныхъ правительствовалъ съ 1226 году Лудовикъ IX, или Святой, государь имѣвшій многія добрыя качества, но прини-

мавшій суевѣріе за благочестіе. Онъ предпринималъ въ 1248 году славный Крестовый походъ въ Египетъ; но самъ попался въ плѣнъ, и заключилъ только перемиріе съ Сарацинами на десять лѣтъ. Однакожъ въ 1270 году переправился вторично въ Африку, дабы оттуда итти въ Обѣтованную землю; но умеръ въ томъ же году при осадѣ Туниса. Въ Англіи съ 1154 году царствовалъ Гейнрихъ II, по прозванію Плантагенетъ. Онъ овладѣлъ Ирландіею и другими провинціями; имѣлъ ссору съ Папою за безпокойнаго Архіепископа Кантерберійскаго, Томаса Беккета, убитаго по его соизволенію, и долженъ былъ каяться въ семъ убійствѣ и бичеваться при его гробѣ. Ричардъ I, извѣстный уже по исторіи Крестовыхъ походовъ, вступилъ на престолъ въ 1189 году послѣ Гейнриха II; а послѣ него въ 1199 году братъ его Іоганнъ *безъ владѣнія*, котораго Папа Иннокентій III въ 1212 году объявилъ лишеннымъ государства и отлучилъ отъ церкви. Но какъ Іоганнъ смирился предъ нимъ и обязался платить ему дань, то Папа возвратилъ ему беззаконно отнятыя права. Во XII столѣтіи произошли Сицилійское и Португальское Королевства. Еще надлежитъ мнѣ упомянуть о нечаянной перемѣнѣ въ Греческой Имперіи, произшедшей въ XIII столѣтіи. Французы и Венеціане въ 1204 году, при случаѣ новаго Крестоваго похода, завоевали Константинополь, и возвели на Императорской престолъ Балдуина, Графа Фландрскаго; также отняли у Грековъ и прочія Европейскія ихъ владѣнія. Но сія Латинская, или Французская Имперія въ Константинополѣ паки разрушена была древними Греческими Императорами въ 1261 году. — Теперь приступаемъ мы къ достопамятной эпохѣ, весьма заслуживающей замѣчаніе въ исторіи Германскихъ Императоровъ.

Лѣта отъ Рождества Христова.

9 Эпоха. Рудолфъ

Неустройство Германской Имперіи, уподоблявшееся продолжительному междуцарствію, прекратилось не прежде, какъ по вступленіи на престолъ Рудолфа, Графа Габсбургскаго и Ландграфа Элзасскаго. Сей похвалы достойный государь, побѣдивъ Богемскаго Короля

 Отто-

Габсбургской.

1273 Оттокара, привелъ въ подданство Дому своему Австрію, Штейермаркъ и Краинъ; не предпринималъ походовъ въ Обѣтованную землю и въ Римъ, но тѣмъ болѣе занимался исправленіемъ внутренняго состоянія Германіи. Имъ началось Габсбургское Австрійское поколѣніе Императоровъ, продолжавшееся толь долго. Хотя преемникомъ

1292 его былъ Адолфъ, Графъ Нассавской; но онъ привелъ себя въ такую ненависть, что избранъ былъ вмѣсто его Алберть I, Герцогъ Австрійской, которымъ онъ и убитъ въ сраженіи.

1298 Сей новый Императоръ имѣлъ великія намѣренія, клонившіяся въ пользу его Дому, но не могъ ничего великаго сдѣлать, и ни въ чемъ не имѣлъ щастія.

1307 Покушеніемъ своимъ на Тирингенъ подвергся онъ урону, разбитъ будучи при Луккѣ. Швейцарію, принадлежавшую непосредственно къ Имперіи, старался соединить съ Австрійскими своими землями, посылая туда земскихъ управителей, которые поступали тирански, что подало поводъ къ заключенію союза

1308 между тремя городами Ури, Швейцомъ и Унтервалденомъ, имѣвшаго послѣ весьма важныя слѣдствія. Въ томъ же году онъ убитъ по приказанію племянника своего, которому не хотѣлъ отдать принадлежавшаго ему отеческаго наслѣдства. Послѣдовавшій за нимъ Гейнрихъ VII, Графъ Лицельбургской, старался возстановить уваженіе Римскихъ Императоровъ въ Италіи, гдѣ весьма многіе города слишкомъ распространили свою вольность, пользуясь тѣмъ, что Императоры давно уже тамъ не бывали. Но начавъ производить сіе

1313 предпріятіе въ дѣйство, онъ умеръ. По смерти его нѣкоторые Курфирсты избрали Фридриха Австрійскаго, сына Алберта I, а другіе Лудвига IV, Герцога Баварскаго. Сей послѣдній взялъ въ

1322 плѣнъ соперника своего на сраженіи. Но какъ Папа Іоаннъ XXII отлучилъ самого его отъ

1325 церкви, то онъ сдѣлалъ съ Фридрихомъ договоръ, чтобъ имъ правительствовать вмѣстѣ; по томъ отправился въ Италію, и смѣнилъ Папу. По

смерти

смерти Фридриха онъ одинъ остался Императоромъ. Но смѣненный Папа получилъ обратно власть свою, и кромѣ многихъ другихъ причинъ къ жалобамъ, поданныхъ Германцамъ, отважился наложить на всю Германію *интердиктъ*, то есть запретилъ отправлять тамъ богослуженіе; непримиримо гналъ Лудвига, и объявилъ его незаконнымъ Императоромъ. Сіе подало поводъ къ первому *Курфирстскому союзу* для защищенія чести и правъ Имперіи отъ всякаго непріятеля, и къ постановленію на сеймѣ, чтобъ Король Германской признаваемъ былъ Императоромъ и безъ подтвержденія отъ Папы, которое дотолѣ почитаемо было необходимымъ. Еще при жизни Лудвига выбранъ былъ нѣкоторыми Чинами вмѣсто его Карлъ IV, сынъ Богемскаго Короля Іоганна; но въ правленіе вступилъ уже по смерти его. Симъ государемъ основанъ Университетъ въ Прагѣ. Онъ же установилъ *золотую буллу*, коренной законъ Германскаго государства, въ которомъ отчасти точно опредѣлены выборъ Императора и права Курфирстовъ, отчастижъ содержатся учрежденія касающіяся до внутренняго мира въ Германіи. Названіе сего закона происходитъ отъ золотой печати, или буллы, привѣшенной къ одному изъ оригинальныхъ списковъ онаго, хранимому во Франкфуртѣ, что при рѣкѣ Майнѣ. Въ его же время Францисканецъ Бартольдъ Шварцъ въ Фрейбургѣ изобрѣлъ огнестрѣльный порохъ, отъ чего произошла толикая перемѣна въ способѣ производенія войны. Въ самомъ томъ году, въ которомъ онъ умеръ, начался великой *Папской расколъ*; ибо съ того времени были на Римскомъ престолѣ всегда по два Папы, а наконецъ и трое. Сынъ Карловъ Венцеславъ оставилъ по себѣ въ Исторіи худую славу. Онъ пришелъ въ такую ненависть у Богемцевъ, что они посадили его въ заключеніе; и какъ онъ совсѣмъ не радѣлъ о правленіи Германіи, или правительствовалъ не сообразно съ пользою Имперіи, то нѣкоторые Курфирсты, ободряемы будучи однимъ изъ бывшихъ тогда Папъ, избрали вмѣсто его Императоромъ

1330 1338 1347 1356 1378 1400

Пфальцскаго Курфирста Рупрехта. Въ Богеміи былъ онъ вторично посаженъ въ заключеніе, и наконецъ совсѣмъ забытъ Германцами. Однакожъ онъ имѣлъ довольно благоразумія, и желалъ исправленія церкви и религіи.

1410 По смерти Рупрехта избранъ былъ Королемъ Германскимъ братъ Венцеславовъ Зигмундъ, который былъ купно и Королемъ Венгерскимъ. Онъ старался прекратить расколъ въ церкви, и

1414 для того созвалъ соборъ въ Костницѣ, на которомъ трое правительствовавшихъ тогда Папъ всѣ были смѣнены, и Мартинъ V возведенъ на ихъ мѣсто. Но какъ по опредѣленію сего собора сожженъ былъ Іоганнъ Гуссъ, возстававшій въ Богеміи противъ цер-

1415 ковныхъ злоупотребленій, хотя онъ и обнадеженъ былъ Императоромъ въ безопасности: то сіе подало поводъ къ Гусситской войнѣ противъ Императора, въ которой отмѣнно прославился предводитель Богемцевъ Іоганнъ Жишка, и которая кончилась не задолго уже до смерти Зигмунда. Сей Императоръ присутствовалъ еще на новомъ церковномъ соборѣ въ Ба-

1431 зелѣ; отдалъ Курфиршество Бранденбургское Фридриху VI, Бургграфу Нирнбергскому, и вскорѣ по томъ Курфиршество Саксонское Маркграфу Мейссенскому Фридриху Храброму. Поколѣнія обоихъ сихъ князей и понынѣ еще продолжаются въ Курфиршескомъ достоинствѣ. Албрехтъ II, Герцогъ Австрійской,

1437 избранъ былъ ему преемникомъ; но скорая смерть сего государя разрушила великую на-

1439 дежду, какую онъ о себѣ подавалъ. По томъ вступилъ на престолъ Фридрихъ III, который хотя правительствовалъ долѣе всѣхъ другихъ Императоровъ, но мало славнаго сдѣлалъ; напротивъ же того подавалъ много опытовъ лѣности. Онъ почти совсѣмъ не старался о приведеніи внутреннихъ дѣлъ Германіи въ лучшее состояніе; худо защищалъ честь Имперіи противъ Франціи; заключилъ съ Папою договоры, противные правамъ Германской церкви, и равнодушно смотрѣлъ на завоеваніе Турками Константинополя, не заботясь о опасности собственнымъ его областямъ, которая должна

жна была отъ того произойти. Сїе последнее произшествїе подаетъ намъ поводъ уклониться отъ скучнаго правленїя Императора Фридриха, и приводитъ къ новому перїоду. Но напередъ долженъ я упомянуть еще о некоторыхъ важныхъ произшествїяхъ сего окончившагося теперь перїода.

Церковь отъ времени до времени имела более нужды въ исправленїи, и желанїе реформацїи главы ея и членовъ, какъ тогда говорили, паче и паче распространялось. Римскїе Епископы сами тому способствовали, особливожъ соблазнительными раздорами, которымъ престолъ ихъ толь часто бывалъ подверженъ. Костницской и Базельской церковные соборы нанесли сильный ударъ ихъ власти, сделавъ такое постановленїе, что общїй церковный соборъ можетъ повелевать Папе. Однако довольствуясь утвержденїемъ сего и опытомъ своея власти, они мало употребляли ее въ пользу церкви. Костницской соборъ имелъ даже дерзость запретить мїрянамъ чашу во Святомъ Причащенїи. Между темъ въ разныхъ местахъ появлялись люди возстававшїе съ великою отважностїю противъ злоупотребленїй въ религїи и несправедливостей церковнаго правленїя, хотя почти все они подвергались чрезъ то нещастїю. Кроме Гусса, о которомъ было уже упомянуто, отличился между ими въ концѣ XIV столетїя Англїйской священникъ Iоганнъ Виклефъ. Некоторые государи сихъ временъ смело противились Папамъ, и мало по малу прїучали народъ видеть униженїе могущества оныхъ. Филиппъ Пригожїй, Король Французской, въ начале XIV столетїя толь отважно поступилъ съ Папою Бонифацїемъ VIII, что сей съ досады отъ претерпеннаго униженїя умеръ. Но все сїи предприятїя служили только предуготовленїемъ къ освобожденїю церкви. Однакожъ они отъ времени до времени умножались и споспешествовали выгодамъ учености. *Искусство печатанїя книгъ*, изобретенное въ Страсбурге около 1440 году Iоганномъ Гуттенбергомъ, было однимъ изъ успешнейшихъ способовъ къ распространенїю наукъ. Учреждаемы были новые Университеты, которые современемъ сделались,

лались безопасными убѣжищами чистаго ученія и служили къ предохраненію народовъ отъ варварства. Но тогда не имѣли еще они свободы въ мысляхъ, изслѣдованіяхъ, ученіи и сочиненіяхъ.

Въ семъ же періодѣ со времени Рудолфа Габсбургскаго прекратились наконецъ Крестовые походы, а купно съ оными и государство Западныхъ Христіанъ въ Палестинѣ и сосѣдственныхъ съ нею провинціяхъ. Въ исходѣ XIII столѣтія имѣли они печальный конецъ, какого по несогласію между Христіанами и по безпорядку въ воинскихъ ихъ пріуготовленіяхъ еще прежде можно было ожидать. Сими походами Европа лишена была многихъ миліоновъ людей, земли приведены въ бѣдность, и отсутствіе толь многихъ государей доставляло Римскимъ Епископамъ случай и свободу усиливать власть свою ко вреду оныхъ. Впрочемъ сей періодъ изобиленъ также великими перемѣнами въ государствахъ. Во Франціи прекратилась въ 1327 году Капетинтская линія государей, и престолъ чрезъ Филиппа VI достался фамиліи Валоа. Вскорѣ по томъ началась продолжительная война, которую Англичане вели почти съ безпрерывнымъ щастіемъ, и овладѣли Франціею. Но напослѣдокъ съ 1429 году храбрость Французовъ возбуждена была удивительнымъ геройствомъ Іоганны д'Аркъ, называемой Орлеанскою дѣвицею, которую почитали посланною къ войску отъ Бога; и Англичане, еще паче по другимъ важнымъ причинамъ съ ихъ стороны, лишились почти всего, чѣмъ они во Франціи владѣли. Толь же важная и въ послѣдствіи утвердившаяся перемѣна произошла въ Швейцаріи. Швейцарской союзъ, основанный въ 1308 году, отъ времени до времени усиливался, отчасти побѣдами, которыя сей любовію къ свободѣ одушевляемый и по тому непреодолимый народъ одерживалъ надъ Австрійскимъ Герцогомъ, отчастижъ присоединеніемъ къ нему другихъ городовъ. Со стороны Германскаго государства часто надлежало соглашаться на перемирія съ сими Союзниками, и они отъ времени до времени становились страшнѣе. Въ сіе время правительствовала въ Даніи славная Королева Маргарета, соединившая три Сѣвер-

Сѣверныя государства, Швецію, Данію и Норвегію, Калмарскимъ союзомъ, въ 1397 году. Въ 1300 году основано было Оттоманское или Турецкое государство, и по нынѣ еще продолжающееся.

Лѣта отъ Рождества Христова.

10 Эпоха. Паденіе Восточной Имперіи.

1452

Но между тѣмъ, какъ въ Азіи и Европѣ составлялись новыя государства, древняя Восточная Имперія Римлянъ навсегда пала. Давно уже претерпѣвала она сильныя потрясенія отъ Сарацинъ и Арабовъ, а по томъ отъ Турковъ; междуусобными раздорами приводима была еще въ большую слабость; и тщетно искала помощи у Западныхъ Христіанъ, которые съ такимъ только условіемъ хотѣли помогать Грекамъ, чтобъ ихъ церковь совершенно покорилась Римской церкви. Наконецъ при Императорѣ Константинѣ X[illegible], Палеологѣ, Константинополь взятъ былъ Турецкимъ Султаномъ Магометомъ II; Императоръ убитъ, и сей городъ превращенъ въ столицу Турецкой Имперіи. Сіе нещастное для Христіанства произшествіе имѣло выгодныя слѣдствія для учености. Науки и искусства дотолѣ процвѣтали у Грековъ несравненно болѣе, нежели въ Западныхъ земляхъ; ибо они никогда не оставляли сочиненій Древнихъ, какъ истинныхъ источниковъ всякаго основательнаго знанія и тонкаго вкуса. Видя приближающееся паденіе Имперіи, занимавшіеся ученостію Греки ушли въ Италію, и извлекши древнихъ писателей изъ давняго забвенія распространили въ Западныхъ земляхъ любовь къ основательной учености, и вспомогательные способы къ оной сдѣлали общеполезными. Фридрихъ III, еще правительствовавшій въ Германіи, смотрѣлъ на всѣ сіи перемѣны съ равнодушіемъ. Онъ не могъ нигдѣ поддерживать славы своего достоинства. Имѣлъ споры съ братомъ своимъ Албрехтомъ, съ храбрымъ Королемъ Венгерскимъ Маттіасомъ Корвиномъ, съ Германскими Имперскими Чинами, и съ собственными своими подданными; и всѣ сіи споры оканчивались не въ его пользу. Германія повсюду разстроиваема была частными войнами, начинавшимися и кончившимися ко вреду Императорской власти.

сти.

сти. Самое щастливѣйшее дѣло, совершенное симъ Императоромъ въ пользу своего Дому, которому далъ онъ
Эрцгерцогской титулъ, было бракосочетаніе
1477 сына его, Эрцгерцога Максимиліана, съ наслѣдницею всѣхъ Бургундскихъ областей, Принцессою Маріею,
чрезъ что Нидерланды достались Австрійскому
1493 Дому. Максимиліанъ I вступилъ на престолъ послѣ отца своего, и правительствовалъ съ большею славою. Онъ первой утвердилъ всеобщій вѣчный миръ въ Германіи, которымъ прекращены были собственная управа и частныя войны. Для мирнаго рѣшенія споровъ между Имперскими Чинами учредилъ онъ Имперской судъ, раздѣлилъ Германію на десять Округовъ, и вообще далъ сему государству новый видъ возстановленіемъ спокойствія и весьма полезными учрежденіями. Бракосочетаніями дѣтей своихъ и внуковъ пріобщилъ Испанію ко владѣніямъ своего Дому, и доставилъ оному право на Венгрію и Богемію. Походы его не имѣли такого щастливаго успѣха. Между прочимъ вступилъ онъ
1508 въ великой Камбрейской союзъ (Ligue) съ Франціею, Испаніею и Папою, для усмиренія Венеціанской Республики; но сіе предпріятіе вскорѣ получило совсѣмъ иной оборотъ и ввело Императора въ войну съ Франціею. Онъ дожилъ еще до начала церковной Реформаціи, которую почиталъ толь необходимою, и которой толь ревностно желалъ, что въ послѣдніе годы своея жизни намѣренъ былъ сложить съ себя Императорское достоинство и вступить на Папской престолъ, дабы споспѣшествовать оной. Но умеръ въ 1519 году, когда уже Реформація производима была не только безъ пособія отъ Императоровъ и Папъ, но еще претерпѣвая отъ нихъ препятствія.

Въ семъ краткомъ періодѣ, принадлежащемъ къ самымъ важнѣйшимъ, и отдѣляющемъ среднюю Исторію отъ новой, произошли еще и другія примѣчанія достойныя приключенія. Фердинандъ, Король Аррагонской и Кастильской, покорилъ себѣ всю Испанію, разрушивъ послѣднее государство Мавровъ въ Гранадѣ, въ 1491 году; овладѣлъ Неаполемъ и Наваррою, и получилъ отъ

Папъ

Папѣ за ревность къ религіи титулъ *Католическаго Короля*, который Короли Испанскіе и понынѣ еще имѣютъ. По смерти его въ 1516 году вступилъ на Испанской престолъ внукъ его Карлъ I, называемый между Императорами Карломъ V. Сей же Фердинандъ вспомоществовалъ Генуезцу Христофору Колумбу въ открытіи Америки, или Новаго Міра, въ 1492 году; но названіе сей части міра дано по имени Флорентинца Америка Веспуція, который ложно присвоилъ себѣ первому открытіе матерой земли, и разгласилъ, что Колумбъ находилъ только острова. Сіи богатыя и великія земли, доставшіяся Испанской Монархіи, долго были позорищемъ лютости и корыстолюбія. Испанцы побили тамъ нѣсколько миліоновъ людей, дабы утвердить власть свою и пользоваться ихъ сокровищами. Но наконецъ они принуждены были раздѣлить тамошнія владѣнія свои съ другими Европейскими народами. Америка, которую Провидѣніе для того показало Европейцамъ, чтобъ они распространили въ ней свою вѣру, нравы свои и науки, подала поводъ къ опустошенію обѣихъ частей міра, къ поврежденію собственныхъ ихъ нравовъ отъ роскоши и богатства, и послужила навсегда основаніемъ новымъ войнамъ. — Между тѣмъ Швейцары утверждали союзъ свой отъ времени до времени съ большимъ успѣхомъ, особливожъ побѣдивъ послѣдняго Герцога Бургундскаго Карла Плѣшиваго на трехъ сраженіяхъ, въ 1476 и 1477 годахъ, изъ которыхъ на послѣднемъ при Нанси онъ самъ лишился жизни. Въ Сѣверныхъ Королевствахъ въ 1448 году возведенъ былъ на соединенный престолъ Христіанъ I, Графъ Олденбургской, котораго потомки присвоили себѣ Шлезвигъ и Голштейнъ, и понынѣ еще владѣютъ Даніею и Норвегіею. Изъ Папъ сего времени особенное примѣчаніе заслуживаютъ: Пій II, который правительствовалъ съ 1458 году, и еще прежде подъ именемъ Энея Силвія прославился ученостію и отважнымъ защищеніемъ правъ церкви противъ Папы, будучи Секретаремъ Базельскаго собора и Императорскимъ; Александръ VI, вступившій на Папской престолъ въ 1492 году, который, по общему свидѣтельству всѣхъ Историковъ

риковъ того времени, былъ одинъ изъ самыхъ порочныхъ правителей; и наконецъ Юлій II, получившій Папское достоинство въ 1503 году; онъ проводилъ жизнь свою въ безпрестанныхъ войнахъ, самъ предводительствуя войскомъ.

Лѣта отъ Рождества Христова.

Эпоха II. Реформація.

1517 Симъ новымъ періодомъ, къ которому мы теперь приступаемъ, начинается купно и новѣйшая исторія міра. Начало оной можно бы опредѣлить двумя годами позже и отнести къ началу славнаго правленія Карла V. Но какъ Реформація есть одно изъ величайшихъ и удивленія достойнѣйшихъ произшествій въ Христіанской церкви съ самаго основанія оной, и какъ она не только въ церкви, но и вообще въ состояніи всея Европы, служила поводомъ къ важнѣйшимъ перемѣнамъ, и дала сей части міра новый видъ: то удобно усмотрѣть, что я по справедливости отношу къ ней начало сея исторіи. Я сообщу тебѣ сперва понятіе о Реформаціи, дабы ты могъ въ связи обозрѣть начало ея и распространеніе въ большей части Европы, а потомъ уже буду проходить и прочія важныя произшествія сего періода. Но сихъ произшествій такъ много, и нѣкоторые изъ нихъ, по причинѣ ихъ слѣдствій, простирающихся даже до нынѣшняго времени, толь обстоятельно должны быть тебѣ свѣдомы, что ты не можешь уже довольствоваться общею исторіею сихъ временъ, но долженъ изслѣдовать особенно исторію каждаго Европейскаго государства.

Въ такое время, когда никто уже изъ безпристрастныхъ людей не сомнѣвался, что религія и церковь Западная имѣли великую нужду въ поправленіи, но всѣ желавшіе онаго устрашаемы были нещастною участію покушавшихся прежде на сіе предпріятіе, и боялись имъ послѣдовать; когда вся Западная церковь принуждена была повиноваться неправедно присвоенной власти Римскаго Епископа; когда Римское духовенство самовольно управляло вѣрою и совѣстію, честію и жизнію; когда начинавшія разцвѣтать науки тщетно томились желаніемъ

сво-

свободы въ мысляхъ, рѣчахъ и писаніи, безъ которой онѣ паки скоро увядаютъ: въ сіе время Мартинъ *Лу*теръ, монахъ Августинскаго ордена и учитель Теологіи въ Виттенбергскомъ Университетѣ, предпріялъ положить конецъ самовластію Папы. Сперва намѣреніе его клонилось только къ опроверженію чрезвычайнаго злоупотребленія индулгенцій, т. е. освобожденія отъ опредѣленныхъ за грѣхи церковныхъ наказаній. Сіе Папское разрѣшеніе продаваемо было за деньги, и проповѣдниками онаго толико выхваляемо, что почитали его за отпущеніе грѣховъ самимъ Богомъ, и многіе въ надеждѣ на индулгенцію пребывали во грѣхахъ безопасно. Въ 1517 году *Лу*теръ предложилъ нѣсколько тезесовъ для публичнаго диспута противъ сихъ злоупотребленій, и опровергалъ оныя съ великою ревностію какъ изустно, такъ и письменно. Вскорѣ отважился онъ опровергать и другія ученія и церковныя установленія; и какъ Папа хотѣлъ принудить его отрещись отъ своихъ мнѣній, угрожая ему отлученіемъ отъ церкви, то *Лу*теръ самъ добровольно отступилъ отъ Римской церкви. Онъ старался основывать положенія свои на Священномъ Писаніи, перевелъ Библію на Нѣмецкой языкъ, на которомъ всякой изъ его соотечественниковъ могъ ее читать, что прежде было не позволено; проповѣдовалъ понятно и поучительно, и тѣмъ склонилъ весьма многихъ на свою сторону, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ земляхъ. Ученія его собраны были помощникомъ его Филиппомъ Меланхтономъ, который оказалъ такуюжъ услугу наукамъ, какую *Лу*теръ оказалъ Западной церкви, и подъ названіемъ *Аугсбургскаго исповѣданія вѣры* предложены въ 1530 году на Имперскомъ сеймѣ въ Аугсбургѣ; въ послѣдствіижъ объясняемы и утверждаемы были многими другими сочиненіями. Государи и цѣлые народы принимали новую сію религію, не почитая за нужное ожидать рѣшенія общаго церковнаго собора, котораго пристрастіе можно было предвидѣть, и который хотя наконецъ составленъ былъ въ Тридентѣ, подъ управленіемъ Папы, но ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только подтвердилъ прежнія постановленія Римской цер-

кви, предавъ несогласующихся съ оными проклятію. Оказавъ Европѣ толико нужную услугу, Лутеръ умеръ въ 1546 году.

Въ то же время Каноникъ и проповѣдникъ Цирихской Улрихъ Цвингель, или Цвингли, началъ Реформацію въ Швейцаріи, воспротивившись въ 1519 году продажѣ отпущенія грѣховъ и другимъ злоупотребленіямъ. Въ главныхъ положеніяхъ религіи онъ согласенъ былъ съ Лутеромъ, кромѣ толкованія тѣхъ словъ, которыми Спаситель установилъ святое причащеніе. Лутеръ видѣлъ въ сихъ словахъ явно означенное истинное присутствіе тѣла и крови Христовой; но Цвингель находилъ только знаки оныхъ въ сей вечери, уставленной въ воспоминаніе смерти Христовой и искупленія. Сею разностію положено было основаніе раздѣленію Саксонской и Швейцарской, или Евангелической и Реформатской церкви; а славный Французъ Іоганнъ Калвинъ въ половинѣ XVI столѣтія увеличилъ еще сію разность, присовокупивъ ученіе о безусловномъ предопредѣленіи человѣка къ блаженству или осужденію. Цвингель убитъ былъ въ 1531 году на сраженіи, въ которомъ слѣдовалъ онъ за главнымъ знаменемъ своея Республики.

Изъ Саксоніи и Швейцаріи Реформація, подобно молніи, распространилась въ половинѣ Европы. Съ самаго ея начала Швеція, Данія, Норвегія, Англія, Шотландія, Франція, Нидерланды, самая Италія, Испанія, Венгрія и Польша наполнены были учениками и друзьями Лутера. Но въ послѣдствіи только три первыя изъ сихъ земель остались при Евангелической церкви; четыре слѣдующія приняли Реформатскую религію; а въ прочихъ либо ни которая изъ сихъ церквей не могла быть основана, либо обѣ онѣ были гонимы и отъ времени до времени истребляемы. Въ Сѣверныхъ Королевствахъ власть, богатство и высокомѣріе духовенства были толь велики, что для благосостоянія и спокойствія сихъ земель необходимо нужно было сдѣлать перемѣну по крайней мѣрѣ въ состояніи сего чина. Густавъ Ваза, храбрый и благоразумный Король Шведской, по согласію большей части націи, ввелъ въ государствѣ своемъ Евангелическую

скую религію въ 1527 году. Фридрихъ I сдѣлалъ то же въ Даніи, установивъ свободу исповѣданія вѣры на сеймѣ въ Одензее въ 1527 году. Но Реформація совершена тамъ уже Христіаномъ III въ 1539 году. Никто не былъ принуждаемъ силою ко принятію ея; но за справедливое почтено было ограничить чрезмѣрное богатство духовенства, служившее ко вреду собственнымъ его должностямъ, нравамъ и государству. Въ Англіи Реформація имѣла весьма отмѣнный ходъ. Король Гейнрихъ VIII сначала самъ писалъ книгу въ защищеніе Римской церкви протпвъ Лутера, и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ и преемникамъ своимъ отъ Папы титулъ *защитника вѣры.* Но поссорившись съ Папою за разводъ съ первою своею супругою, на который сей не хотѣлъ согласиться, уничтожилъ Папскую власть въ Англіи, и объявилъ себя главою Англійской церкви. Однакожъ не оставилъ онъ ученій Римской церкви и гналъ Лутеранъ. При сынѣ его Едуардѣ, вступившемъ на престолъ въ 1547 году, началась Реформація, и положенія Швейцарской церкви приняты были въ Англіи. Но сей государь, подававшій великую о себѣ надежду, умеръ въ 1553 году. Сестра его Марія жестокимъ гоненіемъ истребила почти всѣ сѣмена Реформаціи въ Англіи. Но наконецъ, по вступленіи на престолъ сестры ея Елизабеты въ 1558 году, Протестантская религія введена была и въ семъ Королевствѣ, и принято ученіе среднее между Евангелическимъ и Реформатскимъ; напротивъ того въ Шотландіи утверждены всѣ обряды и положенія Швейцарской церкви. — Но во Франціи стоило многаго кровопролитія прежде нежели принявшіе Реформацію получили свободу исповѣданія вѣры. Съ 1522 году новое ученіе находило въ семъ государствѣ безчисленное множество послѣдователей. Тогдажъ начались и самыя жесточайшія гоненія на нихъ. Въ первыхъ вѣкахъ Христіане гонимы были язычниками; но тогда еще ужаснѣе было видѣть Христіанъ мучащихъ и сожигающихъ на кострахъ братій своихъ. Французскіе Протестанты, названные въ насмѣшку Гугонотами, сорокъ лѣтъ сносили бѣдственное свое состояніе терпѣливо, и число ихъ умножалось чрез-

вычайно. Но наконецъ, когда уже безчеловѣчныя поступки съ ними доведены были до крайности, они принялись за оружіе для защищенія жизни своея; многіе изъ знатнѣйшихъ людей въ государствѣ пристали къ ихъ сторонѣ; и отъ сего произошли толь многія междуусобныя войны, начавшіяся съ 1562 году. Тогда гонителямъ Протестантовъ одной силы было уже не довольно на удовлетвореніе своей ревности; и такъ они употребляли притворство и вѣроломство. Въ 1572 году напали они нечаянно на Протестантовъ, когда сіи, положившись на заключенный незадолго предъ тѣмъ договоръ, ничего не опасались. Многія тысячи ихъ умерщвлены были въ ту ночь, въ которую сей страшный заговоръ производимъ былъ въ дѣйство, и которая называется *Парижскимъ брачнымъ торжествомъ*, или *Бартоломеевою ночью*. По томъ война началась съ новою яростію, и продолжалась дотолѣ, пока наконецъ Гейнрихъ IV изданнымъ въ 1598 году Нантесскимъ узаконеніемъ въ пользу Протестантовъ далъ имъ свободу и безопасность. —— Въ Нидерландахъ, которыя тогда всѣ принадлежали Испанской коронѣ, или Австрійскому Дому, обладавшему симъ Королевствомъ, Реформація хотя и подвержена была нѣкоторымъ гоненіямъ, однакожъ распространялась съ довольною свободою, пока правительствовалъ Карлъ V. Но какъ сынъ его Филиппъ II хотѣлъ истребить ее смертною казнію, и при томъ нарушилъ права сихъ земель, то онѣ рѣшились защищаться. Особливожъ седмь провинцій, называемыя Соединенными Нидерландами, вели за свободу свою продолжительную войну съ великою храбростію и твердостію. Напослѣдокъ сія война имѣла желанное для нихъ окончаніе. Въ продолженіе оной пять изъ сихъ провинцій въ 1579 году положили въ Утрехтѣ основаніе вѣчному союзу между собою, къ которому въ послѣдствіи присоединились еще двѣ провинціи; и такимъ образомъ составилась сія славная Республика. Сіи суть главныя вѣтви Реформаціи, не упоминая о другихъ земляхъ, гдѣ не могла она толь глубоко укорениться по причинѣ жестокихъ препятствій. Не должно оставить безъ замѣчанія и того, что возстано-

становленныя незадолго предъ Реформацїею науки, особливожъ возобновленїе древней Греческой и Римской учености, проложили ей путь, и что равнымъ образомъ незадолго изобрѣтенное искусство печатанїя книгъ весьма споспѣшествовало ея распространенїю. Въ Германїи особенно правленїе Карла V, о которомъ буду я теперь говорить, было для нея весьма выгодно.

Сей государь, внукъ Максимилїана I, избранъ былъ Римскимъ Императоромъ изъ Королей Испанскихъ. 1519 Онъ сдѣлалъ великїе планы распространенїю своея власти, особливожъ старался содѣлаться неограниченнымъ обладателемъ въ Германїи. Религїя не была никогда главнымъ его предметомъ. Но когда онъ имѣлъ нужду въ Папской помощи, или былъ въ согласїи съ Папою, также когда Германскїе князья хотѣли пользоваться силою и правами своими: то казалось, что онъ намѣренъ былъ истребить Реформацїю; напротивъ того въ другое время, особливожъ во время войны, давалъ ей почти совершенную свободу. Онъ былъ прозорливый, храбрый и милостивый правитель; не столь великъ въ нещастїи, какъ въ щастїи; ибо сего не употреблялъ во зло, но нещастїемъ легко приводимъ былъ въ унынїе. Онъ возвелъ честь и благосостоянїе Дому своего на высочайшую степень; но употреблялъ не всегда похвальные способы къ достиженїю своихъ намѣренїй. Все правленїе его занято было спорами о религїи и войнами съ Францїею и другими государями. На Имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ, гдѣ тщетно требовали отъ Лутера, чтобъ онъ отрекся отъ своего уче- 1521 нїя, Императоръ осудилъ его и сообщниковъ его на изгнанїе изъ Имперїи; однакожъ позволилъ взять его подъ охраненїе Саксонскому Курфирсту Фридриху Мудрому, которому отчасти обязанъ былъ полученїемъ Императорскаго достоинства. По смерти Льва X, споспѣшествовавшаго Реформацїи самыми тѣми способами, которыми хотѣлъ ее истребить, вступилъ на Папской престолъ бывшїй учитель Императора Адрїанъ VI. Онъ публично признался, что церковь и Папской дворъ имѣли нужду въ исправленїи. Между тѣмъ Карлъ вступилъ

въ жестокую войну въ Италіи съ Королемъ Французскимъ Францискомъ I, окончавшуюся тѣмъ, что сей Король на сраженіи при Павіи взятъ былъ въ
1525 плѣнъ, и по томъ принужденъ заключить миръ на тягостныхъ для него условіяхъ, изъ которыхъ онъ ни одного не сдержалъ. Въ Германіи около сего времени началась *крестьянская война*, къ которой подали причину отягощенія, какимъ тогда крестьяне были подвержены; всеобщее волненіе въ разсужденіи религіи, а еще паче преданные фанатизму предводители ихъ, способствовали ея распространенію; но она вскорѣ была прекращена. Курфирстъ Саксонской Іоаннъ Постоянный и Гессенской Ландграфъ Филиппъ начали формальную Реформацію въ своихъ земляхъ, въ чемъ многіе Имперскіе князья и Чины имъ послѣдовали. На Имперскихъ сеймахъ дѣланы были постановленія, доставлявшія всякому свободу производить Реформацію. Новая война у Императора съ Франціею еще болѣе споспѣшествовала сей свободѣ. Папа Климентъ VII присталъ къ сторонѣ Французовъ. Но Императорскія войска взяли и разграбили
1527 Римъ, и держали Папу заключеннаго въ крѣпости дотолѣ, пока онъ согласился заплатить за себя выкупъ. Имперскіе Чины Римско-Католическаго
1529 исповѣданія старались по томъ на сеймѣ въ Шпейерѣ ограничить Реформацію; но Чины Евангелическаго исповѣданія, отдѣлившись отъ нихъ, *протестовали* противъ того: отъ чего въ послѣдствіи произошло названіе *Протестантовъ*. Сіижъ Чины подали Императору на сеймѣ въ Аугсбургѣ исповѣданіе ихъ вѣры. Но рѣшеніе сего сейма было для нихъ толь невыго-
1530 дно и опасно, что они еще въ томъ же году положили въ Шмалкалденѣ основаніе славному оборонительному союзу между собою, который въ 1536 году возобновленъ былъ на десять лѣтъ, и отъ времени до времени болѣе усиливался. При сихъ далеко простиравшихся предпріятіяхъ заключенъ былъ въ Ни-
1532 ренбергѣ первой миръ или договоръ для безопасности Протестантовъ. Перекрестители (секта, въ которой крещены были только взрослые люди), обезпо-

коивав-

коивавшіе съ нѣкотораго времени Германію, и особливо въ городѣ Минстерѣ размножившіеся, 1535
были наконецъ оттуда выгнаны. Императоръ предпринималъ удачный походъ въ Африку, и имѣлъ третію войну съ Франціею, окончавшуюся перемиріемъ, заключеннымъ въ Ниццѣ; но сія война не имѣ- 1538
ла щастливаго успѣха, равно какъ и послѣдовавшій потомъ новый походъ въ Африку. Между тѣмъ пріуготовлялось созваніе общаго церковнаго собора, который по древнему обыкновенію почитаемъ былъ самымъ лучшимъ способомъ къ рѣшенію касающихся до религіи споровъ. Протестанты хотя предвидѣли, что свободный и независимый отъ Папы соборъ никогда состояться не можетъ; но сочинили Шмалкалденскіе пункты, въ которыхъ система ихъ ученія была съ точностію объяснена и опредѣлена, дабы предложить ихъ собору. Реформація въ Германіи отъ времени до времени распространялась, и по смерти Герцога Саксонскаго Георга, введена при братѣ его Гейнрихѣ въ областяхъ Албертинской линіи, особливожъ въ Мейссенскомъ окру- 1539
гѣ. Разные переговоры о соединеніи церквей не имѣли успѣха. Вражда между оными увеличена была открытіемъ умысловъ Брауншвейгскаго Герцога Гейнриха Младшаго противъ Протестантовъ, начатыми потомъ противъ него непріятельскими дѣйствіями, и другими произшествіями. Между тѣмъ Императоръ заведенъ былъ въ четвертую войну съ Франціею; но по окончаніи оной вскорѣ заключеннымъ ми- 1544
ромъ въ Креспи, обратилъ онъ вниманіе къ Имперскимъ дѣламъ; ибо предпріятія Шмалкалдскихъ союзниковъ казались опасными для его власти. Онъ заключилъ союзъ съ Герцогомъ Саксонскимъ Морицомъ, который хотя былъ Лутеранскаго исповѣданія, но не принадлежалъ къ числу Шмалкалдскихъ союзниковъ, и другой союзъ съ Папою, обѣщавшимъ помогать Императору деньгами и войскомъ, дабы силою принудить Протестантовъ къ покорности. Но они выступили противъ него съ сильнымъ войскомъ подъ предводитель- 1546
ствомъ Саксонскаго Курфирста Фридриха Великодушнаго

 и

и Ландграфа Гессенскаго Филиппа, и были осуждены на изгнаніе изъ Имперіи. Симъ началась Шмалкалдская война. Протестанты упустили самый лучшій случай къ нападенію на Императора; и какъ между тѣмъ Герцогъ Морицъ и Римской Король Фердинандъ напали на Курфиршескія Саксонскія земли, то Курфирстъ долженъ былъ возвратиться для защищенія своея области; и по томъ весь союзъ безъ кровопролитія разрушился. Императоръ пошелъ въ слѣдъ за Курфирстомъ, и догнавъ его при Мильбергѣ, одержалъ совершенную по-
1547 бѣду, и самого его взялъ въ плѣнъ. По томъ отдалъ онъ Курфиршество Саксонское Герцогу Морицу, чрезъ что отъ Эрнестинской линіи перешло оно къ Албертинской; нашелъ способъ также взять въ плѣнъ Ландграфа Гессенскаго, и нѣсколько лѣтъ владѣлъ Германіею неограниченно. Сію неограниченную власть оказалъ онъ въ томъ же году на сеймѣ въ Аугсбургѣ. Окруживъ сей городъ своими войсками, принуждалъ онъ Имперскихъ Чиновъ принять *Интеримъ*, то есть особенную форму религіи, которую надлежало наблюдать во всей Имперіи до установленія Тридентскаго собора (ибо оный хотя и созванъ былъ въ 1545 году, но Шмалкалдскою войною разсѣянъ). Сіе Интеримъ, которое обѣимъ сторонамъ не могло быть пріятно, причинило великія безпокойства и насилія въ Германіи. Курфирстъ Морицъ, отъ времени до времени болѣе усматривая намѣренія Императора, толико опасныя свободѣ Имперскихъ Чиновъ, и недоволенъ будучи тѣмъ, что Императоръ держалъ еще въ плѣну тестя его, Ландграфа Гессенскаго, заключилъ союзъ съ Франціею, и напалъ на
1552 Императора въ Инспрукѣ, откуда сей принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Послѣ чего въ семъ же году заключенъ былъ Пассауской договоръ,
1555 а чрезъ нѣсколько лѣтъ по томъ въ Аугсбургѣ и совершенный миръ, чрезъ который Евангелическая церковь въ Германіи получила полную безопасность и спокойствіе. Карлъ велъ по томъ войну съ Франціею, и тщетно осаждалъ Мецъ. При сихъ противныхъ приключеніяхъ корона и міръ вообще такъ ему наскучили,

что онъ сложилъ съ себя правленіе; послѣ чего чрезъ два года окончалъ жизнь въ Испан- 1556 скомъ монастырѣ, подозрѣваемъ будучи въ склонности къ Реформаціи. Фердинандъ I, братъ его и преемникъ Императорскаго достоинства, по- 1558 ступалъ благосклонно съ Протестантами въ наслѣдственныхъ своихъ земляхъ. Сынъ его Максимиліанъ II былъ къ нимъ еще благосклоннѣе, 1564 и далъ имъ новыя привилегіи, касавшіяся до религіи. При семъ государѣ Вилгельмъ Грумбахъ, начавшій безпокойства при прежнемъ правительствѣ, былъ строго наказанъ по взятіи Готы, гдѣ Сак- 1567 сонской Герцогъ Іоганнъ Фридрихъ принялъ его въ свое покровительство, хотя онъ и осужденъ былъ въ изгнаніе изъ Имперіи. Грумбахъ четвертованъ, а Герцогъ долженъ былъ провести остатокъ жизни своей, двадцать восемь лѣтъ, въ плѣну въ Вѣнскомъ Нейштатѣ. Сынъ Максимиліановъ Рудолфъ II, послѣдовавшій за нимъ въ правленіи, претерпѣвалъ многія безпокойства. Между прочимъ Кельнской Кур- 1576 фирстъ Гебгардъ Трухсесъ, принявъ Рефор- 1582 матскую религію, подалъ сею перемѣною причину къ великимъ мятежамъ, въ которыхъ онъ лишился Курфирстскаго достоинства. Вскорѣ по томъ началась кровопролитная и нещастливая война 1591 съ Турками, окончавшаяся уже въ 1606 году двадцатилѣтнимъ перемиріемъ. Но раздоры между Имперскими Чинами разныхъ религій отъ времени до времени распространялись, и принудили Протестантовъ составить оборонительный союзъ въ Гейдель- 1603 бергѣ, за которымъ въ 1610 году послѣдовалъ новый союзъ заключенный въ Галлѣ, что въ Швабіи. Чины Римско-Католическаго исповѣданія также заключили противъ онаго между собою союзъ (Ligue) въ Вирцбургѣ. Слабость духа, примѣчаемая отъ времени до времени въ Императорѣ, и имѣвшая вліяніе въ правленіе его, возбудила въ Австрійскомъ Домѣ общее на него негодованіе. Эрцгерцогъ Маттіасъ, объявленъ будучи первенствующимъ сего Дому, принудилъ брата своего, Императора,

1608 тора, еще при жизни своей уступить ему во владѣніе Венгрію и Австрію, купно съ титуломъ назначеннаго Короля Богемскаго. При семъ случаѣ
1609 Маттіасъ далъ Евангеликамъ въ Австріи новое увѣреніе въ свободѣ религіи; а Богемцы Евангелическаго исповѣданія получили отъ Рудолфа *Императорское письмо* (Majestäts-Brief), въ которомъ даны имъ были великія права. Въ то же время начался споръ о наслѣдствѣ Юлихскомъ и Бергскомъ, доставшемся Курфиршеству Бранденбургскому и Пфальц-Нейбургу. Маттіасъ принудилъ еще Императора уступить ему Богемію, и по смерти его послѣдовалъ за нимъ
1612 въ правленіи. При семъ государѣ началась страшная *тритцатилѣтняя война*, приблизившая Германію къ погибели. Богемцы, жаловавшись уже неоднократно на нарушеніе даннаго имъ Императорскаго письма, рѣшились наконецъ помогать сами себѣ, выбросили нѣкоторыхъ Королевскихъ совѣтниковъ изъ окошекъ Пражскаго замка, присвоили себѣ все тамошнее
1618 правленіе, и возбудили такоежъ возмущеніе въ Моравіи, Шлезіи, Лаузицѣ и Австріи. Они начали уже войну противъ Императора, какъ сей
1619 умеръ. Фердинандъ II вступилъ послѣ него на Императорской престолъ; но Богемцы объявили его лишеннымъ ихъ короны, и предложили оную Курфирсту Пфальцскому Фридриху V, который и коронованъ былъ Королемъ Богемскимъ. Но по нещастливомъ для него сраженіи на Бѣлой горѣ при Прагѣ лишился
1620 онъ сея короны, а по томъ и всѣхъ своихъ областей, осужденъ будучи въ изгнаніе изъ Имперіи. Съ Богеміею послѣ сего поступлено было съ величайшею строгостію, и исповѣданіе Евангелической вѣры какъ тамъ, такъ и въ Моравіи, истреблено. Нѣкоторые Германскіе князья тщетно старались помогать ушедшему въ Голландію Курфирсту. Всѣ они должны были уступить щастію Императорскаго оружія, подкрѣпляемаго Испаніею и Католическимъ Союзомъ. Тогда Императоръ хотя не имѣлъ уже противъ себя непріятелей, однакожъ не распустилъ своего войска, и намѣреніе его, со-

совершенно покорить себѣ Германію и притѣснить Протестантовъ, отъ времени до времени болѣе открывалось. Онъ отдалъ Пфальцское Курфиршество Герцогу Баварскому. Король Датской Христіанъ IV хотя предпринималъ противиться Императору, какъ Верьховный Чинъ Нижне-Саксонскаго округа; 1626
но славнымъ полководцемъ Тилли вскорѣ выгнанъ былъ изъ Германіи, и при заключеніи мира въ Либекѣ, въ 1629 году, обѣщалъ не вступаться уже болѣе въ Имперскія дѣла. Императорскія войска распространились по всей Германіи; Герцогъ Мекленбургской осужденъ былъ въ изгнаніе изъ Имперіи, и Императоръ началъ вооружать флотъ на Балтійскомъ морѣ. Пользуясь симъ временемъ превосходства своея власти, издалъ онъ *возстановительное узаконеніе* (Restitutions-Edict), 1629
по которому всѣ присвоенныя Протестантами со времени Пассауекаго договора церковныя владѣнія надлежало возвратить Католикамъ, доставшіяся Протестантамъ въ противность постановленному при Аугсбургскомъ мирѣ условію непосредственныя Епископства возвратить Католическимъ Епископамъ, и князья Римско-Католическаго исповѣданія получили свободу запрещать Протестантское богослуженіе въ своихъ областяхъ. Сіе узаконеніе во многихъ мѣстахъ немедленно исполнено было съ великимъ убыткомъ и притѣсненіемъ Протестантовъ, и они казались уже погибшими въ Германіи. Но Шведской Король Густавъ Адольфъ, толь же великой воинъ, какъ и превосходный правитель, 1630
неожидаемо прибылъ къ нимъ на помощь, и высадилъ войско свое въ Помераніи. Тилли хотя взялъ и разорилъ Магдебургъ, и старался разрушить Лейпцигской союзъ, составленный Протестантами 1631
для сопротивленія возстановительному узаконенію; однакожъ онъ принудилъ только Саксонскаго и Бранденбургскаго Курфирстовъ содѣлаться Шведскими союзниками, и былъ разбитъ Густавомъ при Лейпцигѣ. Сія побѣда открыла Королю путь къ скорому завоеванію Франконіи, Рейнскихъ провинцій, Швабіи и Баваріи. Даже и умирая одержалъ онъ побѣду на сраженіи 1632

при

при Лиценѣ. Но полководцы его разбиты были въ Нердлингенѣ; послѣ чего заключенъ Прагской миръ
1634 между Императоромъ и Курфирстомъ Саксонскимъ, въ которомъ въ разсужденіи церковныхъ владѣній сдѣлано среднее постановленіе, и вскорѣ по томъ Верхній и Нижній Лаузицъ отданы Курфиршеству Саксонскому, какъ Богемская лена, по денежнымъ требованіямъ на Императора за военныя издержки. Франція объявила войну Испаніи, и Шведы скоро возстановили прежнюю славу своего оружія. Послѣдовавшій
1637 Императоръ Фердинандъ III былъ столь же нещастливъ противъ нихъ, какъ и его предшественникъ; войска его вездѣ разбиваемы были Шведскими полководцами, Баннеромъ и Веймарскимъ Герцогомъ Бернгардомъ. Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ Шведы весьма скоро и щастливо окончали новую происшедшую у нихъ войну съ Датчанами. Безпрерывное ихъ щастіе, обще съ Франціею, споспѣшествовало наконецъ заключенію мира, о которомъ давно уже происходили переговоры въ Минстерѣ и Оснабрикѣ,
1648 и который по симъ двумъ городамъ называется Вестфальскимъ миромъ. Но прежде, нежели описаніемъ онаго начну послѣдній періодъ, надлежитъ мнѣ упомянуть еще о нѣкоторыхъ славныхъ государяхъ и достопамятныхъ произшествіяхъ сего окончавшагося теперь періода.

Филиппъ II, Король Испанской, сынъ Карла V, былъ властолюбивый и жестокой государь. Отъ жестокости своея лишился онъ части Нидерландъ. Такъ называемый непобѣдимый флотъ, высланный имъ для завоеванія Англіи въ 1588 году, былъ совершенно разбитъ. Какъ Португальской Король Себастіанъ въ 1578 году въ Африкѣ лишился жизни, и преемникъ его Гейнрихъ умеръ въ 1580 году, то Филиппъ завладѣлъ Португалліею. Сынъ его Филиппъ III принужденъ былъ въ 1609 году заключить съ Голландцами перемиріе на 12 лѣтъ, и выгналъ изъ Испаніи нѣсколько сотъ тысячь Мавровъ, отъ чего сіе государство лишилось трудолюбивѣйшихъ своихъ жителей. При Филиппѣ IV, въ 1640 году, Португаллія паки

отпала

отпала отъ Испаніи, и при заключеніи Вестфальскаго мира сей государь принужденъ былъ признать Соединенныя Нидерланды свободною Республикою. — Во Франціи смертію Гейнриха III, который въ 1589 году умерщвленъ Доминиканцемъ Клементомъ, прекратилось владѣтельное поколѣніе Валоа, и престолъ достался Бурбонскому Дому. Гейнрихъ IV, или Великой, съ котораго началось сіе новое поколѣніе, былъ величайшій изъ всѣхъ Французскихъ Монарховъ, и послѣдній государь отлученный Папою отъ церкви. Онъ перешелъ отъ Реформатской религіи къ Римско-Католической, дабы правительствовать спокойно; привелъ государство свое въ спокойствіе, благосостояніе и уваженіе; но въ 1610 году заколотъ Равальякомъ. Сынъ его Лудовикъ XIII находился нѣсколько времени подъ опекою у матери своей Маріи Медицесъ; въ послѣдствіиж по большей части управлялъ Франціею подъ его именемъ весьма искусный въ политикѣ, но мстительный Кардиналъ Ришелье. Онъ отнялъ у Французскихъ Реформатовъ данныя имъ для безопасности мѣста и принималъ великое участіе въ Шведской войнѣ противъ Австріи. Сія война имѣла толь щастливое для Франціи окончаніе, что въ 1648 году при заключеніи Минстерскаго мира, когда Король Лудовикъ XIV былъ только еще пяти лѣтъ, и Кардиналъ Мазаринъ управлялъ государствомъ, уступлено ей все Ландграфство Элзасское купно съ нѣкоторыми другими землями. — Въ Англіи съ 1558 году правительствовала мудрая и щастливая Королева Елизабета, положившая подлинное основаніе величеству Англійской націи въ морской силѣ и торговлѣ. Слава ея помрачена была только казнію Шотландской Королевы Маріи, хотя безпокойства, сею Королевою причиняемыя, оправдываютъ ее нѣкоторымъ образомъ и въ семъ поступкѣ. Она назначила преемникомъ по себѣ Шотландскаго Короля Іакова VI, сына Королевы Маріи, который съ 1603 году, какъ Король Англійской, назывался Іаковомъ I. Онъ былъ ученый Государь, и даже велъ письменно богословскіе споры; но по чрезмѣрной склонности своей къ миру впалъ въ презрѣніе. Въ 1605 году едва избавился

онъ

онъ отъ опасности быть взорванъ на воздухъ со всею Королевскою фамиліею и Парламентомъ по умышленію нѣкоторыхъ Католиковъ. За нимъ послѣдовалъ въ 1625 году нещастный сынъ его Карлъ I. Онъ имѣлъ великую склонность къ самовластію; насильно учредилъ Епископовъ въ Шотландіи; допустилъ Римскихъ Католиковъ въ Ирландіи умертвить вдругъ 40000 Протестантовъ, хотя и могъ отвратить сіе убійство, произшедшее въ 1641 году. Сими и еще другими проступками привелъ онъ себя въ ненависть у своего народа. — Не упоминая о прочихъ Европейскихъ государяхъ, бывшихъ въ теченіе сего времени, приступаю къ послѣднему періоду нашей Исторіи.

Лѣта отъ Рождества Христова.

Вестфальской миръ.

1648

Сей періодъ начинается Вестфальскимъ миромъ, однимъ изъ важнѣйшихъ произшествій въ Христіанской исторіи, произведшимъ великую перемѣну въ состояніи Германіи и Европы вообще. Особливожъ Протестанты чрезъ сей миръ получили не только свободу въ исповѣданіи вѣры своея, которой лишить ихъ хотѣли, но купно и увеличеніе силы, казавшееся имъ нужнымъ для ихъ безопасности. При заключеніи онаго утверждено было совершенное равенство въ правахъ между членами обѣихъ церквей въ Германіи; также и Реформаты допущены были къ участвованію въ сихъ правахъ, подъ названіемъ послѣдователей Аугсбургскаго исповѣданія. Состояніе религіи въ 1624 году принято было за правило, по которому надлежало впредь соблюдать оное въ Германіи. Нѣсколько Архіепископствъ превращены были въ Княжества, въ удовлетвореніе Шведской коронѣ и въ награжденіе за убытки нѣкоторымъ Протестантскимъ князьямъ. Папа протестовалъ противъ сего великаго урона для его церкви, равно какъ и вообще противъ сего мира, но безъ всякаго успѣха. При Баваріи купно съ Верхнимъ Пфальцомъ осталось пятое Курфирстское достоинство; для Пфальцажъ учреждено осьмое Курфиршество, и возвращены сему Дому всѣ земли и права, ему принадлежавшія. Государская власть, право

право заключать союзы, и другія преимущества Импер-
скихъ Чиновъ совершенно утверждены. Кромѣ многихъ
другихъ постановленій, при заключеніи сего мира под-
тверждена свобода и всему Швейцарскому Союзничеству.

По заключеніи сего мира не произошло уже при
Фердинандѣ III ничего столь важнаго, чтобъ заслуживало
упомянуто быть въ сокращеніи всеобщей Исторіи. Но
по смерти его послѣдовало долговременное и
достопамятное правленіе сына его Леопольда, 1657
который долженъ былъ вести почти безпрестанныя
войны и усмирять безпокойствія въ Германіи. Подавъ
Полякамъ помощь противъ Шведовъ, и имѣвъ войну съ
Турками, принужденъ онъ былъ купно со всею Имперіею
помогать Соединеннымъ Нидерландамъ, ибо Лудовикъ XIV,
Король Французской, напалъ на оныя. Великая война,
происшедшая изъ того, производима была съ неравнымъ
щастіемъ, и окончалась Нимвегскимъ миромъ въ
пользу Франціи. Лудовикъ XIV толь мало 1679
соблюдалъ сей миръ, что по заключеніи онаго присвоилъ
себѣ Стразбургъ и другія мѣста, находившіяся
въ Германскомъ владѣніи. Наступающая война 1681
съ Турками, въ продолженіи которой и самая Вѣна была
осаждена, принудила Императора уступить ему
оныя, заключивъ съ нимъ перемиріе на 20 лѣтъ. 1684
Но какъ Лудовикъ дѣлалъ новыя движенія, то
Императоръ заключилъ въ Аугсбургѣ великой 1686
союзъ съ Испаніею, Швеціею и другими госу-
дарями. Подверженный спорамъ выборъ Кур- 1688
фирста Кельнскаго подалъ Французскому Королю поводъ
къ объявленію вновь войны Императору. Онъ не только
напалъ на Германію, но и приказалъ выжечь всѣ города
и деревни во всемъ Пфальцѣ при рѣкѣ Рейнѣ. Импера-
торъ, купно съ Имперіею и другими союзниками, хотя
велъ сію войну съ ревностію, но при томъ занятъ былъ
еще Турецкою войною. Во время сихъ безпокойствъ
Эрнстъ Августъ, Герцогъ Брауншвейг-Ганно-
верской получилъ Курфирстское достоинство, 1692
и чрезъ то учреждено девятое Курфиршество.
Война съ Франціею окончалась Рисвикскимъ 1697

миромъ,

миромъ, равно какъ и прежняя, къ урону Германіи. Въ томъ же году Саксонской Курфирстъ Фридрихъ Августъ, принявшій еще прежде Римско-Католическую религію, избранъ былъ Королемъ Польскимъ. Вскорѣ по томъ заключенъ наконецъ миръ въ Карловичѣ съ Ту-
1699 рецкою Портою. Въ началѣ новаго столѣтія
1701 Курфирстъ Бранденбургской Фридрихъ принялъ титулъ Короля Прусскаго, воспользовавшись неограниченною властію надъ Герцогствомъ Пруссіею и чрезвычайнымъ уваженіемъ въ Европѣ, пріобрѣтенными отцемъ его и предшественникомъ Фридрихомъ Вилгельмомъ Великимъ. Между тѣмъ еще въ предъидущемъ году Испанской Король Карлъ II, умеръ не оставя по себѣ наслѣдниковъ мужескаго пола. Въ завѣщаніи своемъ призывалъ онъ на Испанской престолъ внука Лудовика XIV, Филиппа, Герцога Анжусскаго, который и дѣйствительно вступилъ въ правленіе. Но Императоръ, имѣвшій большее право на Испанской престолъ, отдалъ оный сыну своему Эрцгерцогу Карлу. Имперія, Англія, Голландія и другія государства приняли участіе въ семъ великомъ спорѣ; и началась Испанская наслѣд-
1702 ственная война. Принцъ Евгеній Савойской, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ новѣйшихъ временъ, занялъ Италію Императорскими войсками; а чрезъ нѣсколько лѣтъ по томъ, вкупѣ съ Герцогомъ Марлборугомъ, толь же великимъ и еще щастливѣйшимъ Англійскимъ полководцемъ, одержалъ рѣшительныя побѣды
1704 на Шелленбергѣ и при Гохштетѣ надъ соединеннымъ Французскимъ и Баварскимъ войскомъ, и прогналъ оное отъ рѣки Дуная до Рейна. Безпокойства, произведенныя Княземъ Ракоцціемъ въ Венгріи, также на нѣсколько времени были прекращены. Въ сіе самое щастливѣйшее время правленія своего Импера-
1705 торъ Леопольдъ умеръ. Онъ имѣлъ похвальныя качества, но былъ слишкомъ управляемъ другими. Іосифъ, сынъ его и преемникъ, дѣйствовалъ съ большею ревностію, и былъ щастливѣе. Онъ съ союзниками своими всегда одерживалъ побѣды надъ Французами въ Италіи и въ Нидерландахъ. Осудилъ въ изгнаніе изъ Имперіи

ріи Курфирстовъ Кельнскаго и Баварскаго, принявшихъ сторону его непріятелей, и войсками своими принудилъ Папу Климента XI оставить пристрастіе къ Французамъ. Братъ его Эрцгерцогъ Карлъ вступилъ
на Испанской престолъ. Но какъ по смерти 1711
Императора, вскорѣ воспослѣдовавшей, онъ же заступилъ его мѣсто, то союзники его, думая, что онъ чрезъ сіе слишкомъ уже усилился, вступили въ мирные переговоры. Почти всѣ они Утрехтскимъ миромъ
окончали войну съ Франціею и Филиппомъ V, 1713
Королемъ Испанскимъ, который по отъѣздѣ Карла изъ Испаніи получилъ тамъ верьхъ. Императоръ, купно съ Имперіею, продолжалъ еще войну нѣсколько времени, но нещастливо, и наконецъ заключилъ миръ въ Раштатѣ и Баденѣ. За годъ предъ тѣмъ учредилъ онъ
прагматическую Санкцію, или установленіе на- 1714
слѣдства въ своемъ Домѣ, по которому и Принцессы получили право на оное. Сія Санкція въ послѣдствіи признана и одобрена была многими другими Дворами. Происшедшая вскорѣ по томъ война съ Турками,
въ которой Принцъ Евгеній одержалъ нѣсколь- 1718
ко побѣдъ, окончалась Пассаровичскимъ миромъ. По томъ начались мирные конгрессы, союзы и переговоры между разными государствами, которыми неоднократно отвращаемы были войны, приближавшіяся уже къ началію. Напротивъ того Императоръ спорнымъ
выборомъ Короля Польскаго заведенъ былъ въ 1733
войну съ Франціею, толь неудачную, что чрезъ два года по томъ долженъ былъ заключить миръ. По силѣ онаго Испанскому Принцу Донъ Карлосу досталось Королевство обѣихъ Сицилій; Станиславъ, Графъ Лещинскій, который два раза избираемъ былъ Королемъ Польскимъ, получилъ Лотарингію съ Королевскимъ титуломъ; а Герцогъ Лотарингской Великое Герцогство Флоренцское. Карлъ VI велъ еще войну съ Турками, и при заключеніи мира принужденъ былъ уступить
имъ нѣкоторыя земли. Вскорѣ послѣ сего онъ 1739
умеръ, и смертію его прекратилось мужеское 1740
Габсбургское поколѣніе, одно изъ щастливѣй-

шихъ во всей Исторіи. Старшая дочь его Марія Терезія, сочетавшаяся бракомъ съ Великимъ Герцогомъ Флоренцскимъ Францискомъ, хотя вступила во владѣніе наслѣдныхъ земель отца своего, но нашла со всѣхъ сторонъ непріятелей, имѣвшихъ требованія на оныя. Король Прусской Фридрихъ II подкрѣплялъ свои
1741 требованія на четыре Силезскія княжества вооруженною рукою. Курфирсты Баварской и Саксонской вошли съ великими войсками въ Богемію и Австрію. Король Испанской старался овладѣть Австрійскими областями въ Италіи. Франція вспомоществовала ему своими войсками. Карлъ VII, Курфирстъ Баварской, короновавшійся уже Королемъ Богемскимъ, из-
1742 бранъ былъ и Императоромъ. Королева Венгерская Марія Терезія освободилась отъ одного изъ страшнѣйшихъ непріятелей своихъ, уступивъ Королю Прусскому почти всю Силезію и Глацъ при заключеніи Бреславскаго мира, и по томъ съ помощію Англіи, Сардиніи и Голландіи вела войну съ великимъ щастіемъ, такъ что Императоръ лишился наслѣдственныхъ своихъ земель, и принужденъ былъ жить во Франкфуртѣ при Майнѣ. Для вспоможенія ему Король Прусской
1744 вторично напалъ на Богемію; но вскорѣ долженъ былъ выйти обратно оттуда. По без-
1745 покойномъ правленіи Карла VII, Францискъ Герцогъ Лотарингской и Великой Герцогъ Тосканской избранъ ему преемникомъ. Въ войнѣ въ сіе время Австрійской Домъ въ Германіи не имѣлъ щастія; по чему и заключенъ въ семъ же году миръ въ Дрезденѣ на основаніи Бреславскаго мира. Въ Нидерландахъ и Италіи Франція и Испанія также верьхъ одерживали, пока выступленіе Россійскаго войска на помощь Вѣнскому Двору споспѣшествовало заключенію Ахенскаго мира.
1748 Миръ продолжался нѣсколько времени, хотя между тѣмъ происходили въ Германіи разные раздоры. Но вскорѣ началась весьма жестокая война меж-
1756 ду Императрицею Королевою, Маріею Терезіею, и Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II, и ихъ союзниками. Сія война продолжалась седмь лѣтъ, и совершенно

но окончалась Губертсбургскимъ миромъ. Чрезъ 1763
годъ по заключеніи сего мира Императоръ
Францискъ умеръ, и сынъ его Іосифъ II всту- 1765
пилъ на Императорской престолъ. Онъ на-
чалъ войну съ Королемъ Прусскимъ по смер- 1777
ти последняго Курфирста Баварскаго Макси-
миліана Іосифа, который умеръ безъ наследниковъ, и
которымъ Баварское Курфирстское достоинство прекра-
тилось. Но сія война чрезъ годъ окончалась
Тешенскимъ миромъ, и при заключеніи 1779
онаго часть Герцогства Баварскаго досталась Австріи,
прочіяжъ Баварскія земли достались Курфирсту Пфальц-
скому.

Доселѣ разсказывалъ я сокращенно только исторію Германіи со времени Вестфальскаго мира. Но теперь надлежитъ мнѣ сообщить тебѣ свѣдѣніе о нѣкоторыхъ великихъ особахъ и важнѣйшихъ произшествіяхъ между прочими Европейскими націями, принадлежащихъ къ сему періоду. — Во Франціи заслуживаетъ вниманіе Лудовикъ XIV, который еще въ 1643 году, будучи пяти лѣтъ отъ роду, возведенъ былъ на престолъ. Подданные его назвали его Великимъ. Но онъ обязанъ славою своею искуснымъ своимъ министрамъ и полководцамъ. Первые, между которыми Колбертъ былъ главной, привели государство его въ цвѣтущее состояніе; а другіе сдѣлали его побѣдоноснымъ и войска его страшными. Собственное величество его состояло въ чрезвычайномъ честолюбіи, въ безпредѣльной охотѣ къ завоеваніямъ, въ дальновидныхъ намѣреніяхъ и пышныхъ планахъ, изъ которыхъ многіе весьма удачно произвелъ онъ въ дѣйство. Онъ покровительствовалъ ученымъ, не столько по склонности, какъ для увеличенія славы своей. Гналъ Реформатское исповѣданіе въ своемъ государствѣ, уничтоживъ Нантесское узаконеніе, и лишилъ Францію многихъ сотъ тысячь жителей, которыхъ самыми жесточайшими притѣсненіями принудилъ бѣжать. Велъ несправедливыя войны, кромѣ послѣдней, въ которой одной былъ нещастливъ. Въ послѣдніе годы представлялъ онъ собою жалкой примѣръ падшей силы, которая прежде

была болѣе страшна, нежели любви достойна. Но многія весьма похвальныя учрежденія въ его государствѣ сохраняютъ тамъ память его въ великомъ почтеніи. Правнукъ его Лудовикъ XV, послѣдовавшій за нимъ въ правленіи въ 1715 году, извѣстенъ потомству подъ названіемъ Любимаго, даннымъ ему отъ его народа. Послѣдняя война его съ Англіею окончалась въ 1763 году со многимъ урономъ для Франціи. Послѣ него въ 1774 году вступилъ на престолъ внукъ его Лудовикъ XVI.

Англія въ сіи послѣднія сто лѣтъ была позорищемъ чрезвычайныхъ перемѣнъ. Въ 1649 году Англійская нація, или паче только часть оной, состоявшая изъ фанатиковъ, присудила отрубить голову Королю своему Карлу I за нарушеніе правъ церкви и государства. Королевское достоинство было отмѣнено; но Оливіеръ Кромвель, избранный Протекторомъ Англіи, правительствовалъ съ Королевскою властію, и былъ весьма уважаемъ какъ въ своемъ государствѣ, такъ и внѣ онаго. По смерти его возведенъ на престолъ сынъ казненнаго Короля Карлъ II въ 1660 году. За нимъ послѣдовалъ въ 1685 году братъ его Іаковъ II. Онъ старался ввести въ Англіи Римско-Католическую религію, которую самъ принялъ, съ толикою неосторожностію и поспѣшностію, что нація просила у зятя его, Принца Оранскаго, помощи противъ насилій Королевскихъ. Сей свергъ его съ престола въ 1688 году, и вступилъ на оной самъ подъ именемъ Вилгельма III. Іаковъ ушелъ во Францію, и остававшіеся Принцы его фамиліи въ послѣдствіи назывались Претендентами, Вилгельмъ былъ искусный въ Политикѣ государь, и великой, но внѣ государства своего не весьма щастливый, полководецъ. Послѣ него въ 1702 году приняла правленіе Королева Анна, которая въ 1707 году Парламентскимъ закономъ утвердила наслѣдство престола Курфирстскому Ганноверскому дому, и въ томъ же году совершила соединеніе Англіи и Шотландіи подъ именемъ Великобританіи. За нею съ 1714 году послѣдовали три Короля изъ помянутаго Курфирстскаго Дому, называвшіеся Георгами, которые достойнымъ славы правленіемъ пріобрѣли себѣ

любовь

любовь и довѣренность отъ своея націи. При двухъ послѣднихъ особенно воинская слава Англичанъ достигла высочайшей степени. Но при Георгѣ III, правительствующемъ съ 1760 году, Сѣверо-Американскія провинціи отпали отъ Англіи, и послѣ войны, продолжавщейся нѣсколько лѣтъ, признаны независимыми.

На Сѣверѣ Королева Шведская Христина, дочь Густава Адолфа, подала рѣдкой примѣръ: по любви къ изящнымъ искусствамъ и свободной жизни сложила она съ себя корону въ 1654 году, перешла къ Римско-Католической церкви, и окончала жизнь въ Римѣ. Карлъ Густавъ, племянникъ ея и преемникъ, побѣждалъ Поляковъ, и въ 1658 году посреди зимы перешелъ съ войскомъ чрезъ замерзшій Белтъ въ Зееландію противъ Датчанъ. Сія война окончана была уже въ 1660 году при послѣдовавшемъ Королѣ Карлѣ XI. Сему Королю ввѣрили государственные Чины въ 1680 году неограниченную власть; но онъ употребилъ во зло сію довѣренность. Равнымъ образомъ за нѣсколько времени прежде и Король Датской получилъ неограниченную власть. По томъ съ 1700 году прославился Карлъ XII своими войнами. Онъ воевалъ съ Даніею, Россіею и Польшею; споспѣшествовалъ въ Польшѣ возведенію на престолъ Станислава Лещинскаго; принудилъ Императора поступать лучше съ Лутеранами въ Шлезіи. Но храбрость его и склонность къ войнѣ доходила до дерзости. Наконецъ великое пораженіе при Полтавѣ въ 1709 году положило конецъ щастію его и побѣдамъ. По томъ жилъ онъ подъ покровительствомъ у Турковъ до 1714 году, въ которомъ принужденъ былъ возвратиться въ свое государство, и начиналъ новыя войны, изъ которыхъ на послѣдней убитъ при осадѣ Фридрихсгалла въ 1718 году. По смерти его отмѣнено неограниченное правленіе въ Швеціи, гдѣ оно толь вредно было. Сестра Карлова, Улриха Элеонора, правительствовала послѣ него купно съ супругомъ своимъ Фридрихомъ, Ландграфомъ Гессенскимъ; вскорѣжъ по томъ владѣлъ сей государь одинъ. За нимъ послѣдовалъ въ 1751 году Адолфъ Фридрихъ, Герцогъ Голштейн-Шлезвигской. Сынъ сего Короля,

Густавъ III, вступившій въ правленіе въ 1771 году, присвоилъ себѣ большую часть прежней Королевской власти.

Въ Швеціи Королева Христина сложила съ себя правленіе и оставила отечество для того, чтобъ жить спокойнѣе и свободнѣе: напротивъ того Россійской Царь Петръ I оставлялъ государство свое на нѣсколько времени, дабы владычествовать съ большею для народа своего пользою; и чрезъ то еще достойнѣе удивленія содѣлался. Онъ путешествовалъ въ 1697 году, и въ послѣдствіи еще въ другой разъ по Европѣ, дабы узнать законы, искусства и науки чужихъ земель, обогатилъ оными свои земли, и претворилъ полуварварскую еще націю, имъ обладаемую, въ народъ получившій великую склонность къ просвѣщенію, учености и свободнымъ искусствамъ. Также онъ первой принялъ титулъ Россійскаго Императора. По кончинѣ его, послѣдовавшей въ 1725 году, происходили въ Россійскомъ государствѣ великія перемѣны. Императрицы Анна Іоанновна и Елисаветъ Петровна, изъ которыхъ первая правительствовала съ 1730 по 1740 годъ, а вторая съ 1741 по 1761, привели государство сіе въ отличное уваженіе. Но на самую вышшую степень благосостоянія и славы возведено оно Императрицею Екатериною Алексѣевною II. правительствующею въ семъ величайшемъ между всѣми Христіанскими государствами съ 1662 году. Она при побѣдоносной войнѣ и по окончаніи оной явила примѣръ мудраго правленія.

Данія имѣла въ Христіанѣ VI, умершемъ въ 1746 году миролюбиваго, мудраго и набожнаго Короля. Сынъ его Фридрихъ V наслѣдовалъ сіи добродѣтели, и былъ великой покровитель наукъ. За нимъ въ 1766 году послѣдовалъ въ правленіи сынъ его Христіанъ VII, и государство его отъ времени до времени паче приходитъ въ цвѣтущее состояніе. — Въ Польшѣ послѣ храбраго Іоанна Собѣскаго вступилъ на престолъ въ 1697 году Саксонской Курфирстъ Августъ II, государь великодушный, храбрый и благоразумный, и правительствовалъ до 1733 году. Сынъ его и преемникъ Августъ III, котораго можно назвать Милости-

лостивымЪ, правительствовалЪ до 1763 году. ВЪ слѣдующемЪ году избранЪ КоролемЪ СтаниславЪ АвгустЪ изЪ Дому ПоняшовскихЪ. — Я упомяну однимЪ только словсмЪ о второмЪ ПрусскомЪ Королѣ, ФридрихѢ ВилгельмѢ, умершемЪ вЪ 1740 году. ОнЪ учредилЪ у себя одно изЪ лучшихЪ войскЪ вЪ Европѣ, и вЪ 1732 году весьма великодушно принялЪ ЗалцбургскихЪ выходцевЪ. СынЪ его ФридрихЪ II всему міру извѣстенЪ. — Для дополненія сего продолжительнаго ряда, надлежитЪ еще замѣтить происхожденіе Сардинскаго Королевства вЪ 1714 году, гдѣ правительствовали ВикторЪ Амадей и КарлЪ Эмануель, два храбрые и вЪ Политикѣ искусные государя; также вЪ Испаніи послѣднихЪ Королей Филиппа V, Фердинанда VI, и Карла III, бывшаго прежде КоролемЪ обѣихЪ Сицилій; наконецЪ вЪ Португалліи Іоанна V, получившаго отЪ Папы титулЪ *Всевѣрнѣйшаго Короля*, Іосифа I, послѣдовавшаго за нимЪ вЪ 1750 году, и дочь его Королеву Марію Франциску, правительствующую сЪ 1774 году.

Папы вЪ послѣднія двѣсти лѣтЪ претерпѣли весьма явный уронЪ ихЪ власти. По жестокомЪ ударѣ, нанесенномЪ имЪ Реформаціею, состояніе ихЪ никогда уже не могло исправиться; вЪ собственной своей церкви потеряли они много власти; и время довершаетЪ прочее. Хотя находились между ими мужественные и вЪ Политикѣ искусные государи, старавшіеся отвратить сей упадокЪ; но отчасти сами они сими стараніями споспѣшествовали оному. ОдинЪ изЪ славнѣйшихЪ между сими былЪ СикстЪ V, который вЪ концѣ XVI столѣтія правительствовалЪ сЪ хитростію, и находился вЪ великомЪ уваженіи. ПавелЪ V сЪ 1606 году имѣлЪ весьма жестокой спорЪ сЪ Республикою Венеціанскою о правахЪ и владѣніяхЪ духовенства; но нашелЪ толь же сильное сопротивленіе. КлиментЪ XI, вЪ началѣ нынѣшняго столѣтія, былЪ послѣдній Папа сдѣлавшій неудачное покушеніе вести войну сЪ великимЪ государемЪ. ВЪ прошедшемЪ и нынѣшнемЪ столѣтіи Папы имѣли разныя несогласія со Дворами ихЪ церкви, кончившіяся всегда не вЪ ихЪ пользу; особенножЪ много потерпѣли они отЪ несогласій сЪ

Лудовикомъ XIV. Для распространенія Римско-Католической религіи въ другихъ частяхъ міра они посылали туда миссіонеровъ, къ чему особливо употребляли Іезуитовъ, которыхъ орденъ въ 1540 году основанъ, но въ 1773 году уничтоженъ. Однакожъ сіи миссіи не имѣли большаго успѣха. Папы въ новѣйшія времена испытывали, что рѣшенія ихъ даже и въ Римско-Католической церкви, особливожъ во Французской, не весьма уважаемы. Великая партія Янсенистовъ, продолжающаяся уже болѣе ста лѣтъ вопреки всѣмъ Папскимъ приговорамъ, многія противорѣчія Папскому закону, называемому *Унигенитусъ*, и аппелляціи на Папскія рѣшенія къ общему церковному собору, служатъ тому доказательствомъ. Наконецъ они принуждены были употреблять великую осторожность и хитрость для соблюденія своея силы. Нѣкоторые изъ нихъ прославились благочестіемъ, ученостію и умѣренностію. Таковы были Бенедиктъ XIV, умершій въ 1758 году, и Климентъ XIV, скончавшійся въ 1774 году.

Я могъ бы еще обстоятельнѣе описать тебѣ состояніе Христіанской церкви и религіи въ послѣднихъ столѣтіяхъ, и исчислить выгодныя перемѣны, произшедшія въ сіе время въ наукахъ. Но краткость, поставленная мною за правило, сего не позволяетъ. И такъ довольно будетъ сказать, что всѣ части учености въ сіи послѣднія столѣтія паче распространились и доведены до большаго совершенства, нежели во всѣ предыдущія столѣтія.

Коль щастливы мы въ сравненіи съ предыдущими временами! ибо живемъ въ такое время, въ которое науки процвѣтаютъ, вспомогательные способы къ учености удобны и многочисленны, нравы человѣческіе умягчены; въ которое мудрые, правосудные и милосердые государи бываютъ радостію и утѣшеніемъ своихъ народовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

О РЕТОРИКѢ и ПОЭЗІИ.

РЕТОРИКА и ПОЭЗІЯ.

I.

Похвала Краснорѣчію. — Трудности онаго.

Безъ всякаго доказательства согласятся со мною въ томъ, что Краснорѣчіе есть весьма драгоцѣнное преимущество, что оно есть искусство, достойное величайшаго прилѣжанія. Исторія, которую мы ежедневно читаемъ, сочиненія тѣхъ писателей, которымъ по справедливости удивляемся, наполнены доказательствами силы его и похвалами его достоинства. Нѣтъ народа толико дикаго, толь мало искусствами исправленнаго, толико отъ человѣчества удаленнаго, у котораго не находилось бы нѣкоторыхъ слѣдовъ его вліянія, хотя еще въ грубомъ и несовершенномъ его состояніи. Но въ щастливѣйшихъ странахъ, гдѣ умъ начиналъ образоваться, съ распространеніемъ лучей искусствъ и наукъ, появлялось и Краснорѣчіе; оно возрастало отъ времени до времени купно съ ними, и купно съ ними процвѣтало. Хотя наука имѣетъ вышшее достоинство; хотя гораздо предпочтительнѣе изобрѣтать истину, нежели изобрѣтенную сообщать; предпочтительнѣе основательно мыслить, нежели хорошо говорить: но послѣднее не менѣе полезно, ибо для пріобрѣшенія выгодъ перваго въ знатной степени оно необходимо нужно. Къ чему служитъ изобрѣтеніе истины, естьли мы сообщить ее не можемъ? Какая польза въ самомъ высокомъ умѣ, естьли онъ не способенъ искусно сообщать другимъ свои понятія?

Стихотворцы повѣствуютъ, что Прометей похитилъ съ неба огонь, и давъ оный людямъ, бывшимъ еще въ дикомъ и бѣдственномъ состояніи, сдѣлалъ чрезъ то

жизнь

жизнь ихъ пріятною, и открылъ путь ко всѣмъ благодѣтельнымъ искусствамъ, послѣ изобрѣтеннымъ. Сему огню подобно Краснорѣчіе, сей небесный лучь, который всѣ прочія душевныя способности оживляетъ и воспаляетъ, дѣлаетъ ихъ удобными къ сообщенію другимъ плодовъ ихъ дѣйствій, и чрезъ то повсюду человѣчество, знаніе и пріятность во нравахъ распространяетъ. Ибо человѣки хотя любопытны и любятъ истину, однакожъ рѣдко внемлютъ ей, когда она показывается имъ въ собственномъ ея простомъ видѣ. Она должна умягчать важность вида своего, должна занимать украшеніе отъ Краснорѣчія, должна употреблять всѣ прелести и все искусство онаго, дабы вывести человѣка изъ разсѣянія, преодолѣть предразсудки, и превозмочь его лѣность. Люди имѣютъ умъ отъ природы; но естьлибъ не имѣли они никакой иной помощи, кромѣ силы простаго, самому себѣ оставленнаго ума, то души ихъ по большей части находились бы въ такомъ же бѣдственномъ состояніи, какъ и тѣла оставленныя безъ одежды и безъ жилищъ съ тѣмъ только, что сама Натура непосредственно доставляетъ. По сему можемъ мы назвать Краснорѣчіе одеждою ума, которая сначала была груба и проста, и служила только защитою отъ суровости временъ года; но въ послѣдствіи служила и къ защищенію и къ украшенію.

И такъ не будемъ раздѣлять сихъ союзниковъ, толь щастливо соединенныхъ. Безспорно весьма хорошо стараться о пріобрѣтеніи знанія: оно есть одно прочное основаніе. Однакожъ оставаться при томъ есть несовершенство. Надлежитъ присовокуплять къ знанію дары Краснорѣчія, которые по натуральному порядку хотя и ниже онаго; но какъ я уже сказалъ, равны знанію, а въ разсужденіи употребленія и практической пользы, даже предпочтительнѣе оному, или по крайней мѣрѣ гораздо дѣйствительнѣе его, блистательнѣе и вообще могущественнѣе. Должно судить о нихъ не по строгой Философіи, но по ихъ достоинству, которое они въ самомъ дѣлѣ между людьми имѣютъ: ибо мы должны располагать выборъ нашъ не по нашимъ понятіямъ,

тіемъ, но по качеству вещей. Что паче заслуживаетъ наше желаніе? что достойнѣе удивленія нашего? какъ не то искусство, помощію котораго одинъ человѣкъ можетъ обращать на себя вниманіе великаго собранія; такое искусство, посредствомъ котораго при всей разности нравовъ, намѣреній и склонностей въ семъ собраніи, можетъ онъ во всѣхъ поперемѣнно возбуждать радость, печаль, негодованіе, сожалѣніе, любовь, отвращеніе; посредствомъ котораго можетъ всѣ движенія души ихъ удерживать, и наконецъ оставить ихъ довольными, увѣренными, или тронутыми. Какими великими сравненіями древніе писатели описываютъ Ораторовъ своего времени! (*) Они либо сравниваютъ ихъ съ великими рѣками, стремящимися внизъ съ непреоборимою быстротою, и все что имъ встрѣчается испровергающимъ; либо уподобляютъ ихъ молніямъ, ослѣпляющимъ и все проницающимъ и растопляющимъ; либо сравниваютъ ихъ съ бурями, которыя ярятся съ громомъ, все разрываютъ, разсѣиваютъ и опустошаютъ.

Вы видите великой народъ, погружающійся въ роскоши и лѣности, изнѣженный, развращенный, и страшный только хотѣвшимъ его исправить. Ораторъ (**) представляетъ ихъ состояніе; показываетъ имъ совнѣ сильнаго непріятеля, обманывающаго ихъ и уже готоваго привести ихъ въ неволю; посреди самихъ ихъ показываетъ измѣнниковъ, которые ихъ продаютъ; представляетъ союзниковъ ихъ оскорбленныхъ, земли ихъ отнятыя и раздѣленныя, войска къ службѣ не способныя, торговлю разрушенную, флоты ихъ разсѣянные и праздные; самихъ ихъ въ глубокой сонъ погруженныхъ, занимающихся только театральными зрѣлищами и забавами, и служащихъ посмѣшищемъ Греціи. Противъ сея трогающей картины выставляетъ онъ другую: картину ихъ предковъ, друзей отечества своего, которые неутомимы будучи въ трудахъ и неустрашимы, побѣждали

без-

*) Vehemens ut procella, excitatus ut torrens, incensus ut fulmen, tonat, fulgarat, et rapidis eloquentiæ fluctibus cuncta proruit et proturbat. Cic.

(**) Демосѳенъ.

безчисленныя войска Персидских Монархов, были защитниками свободы и патріотами Греціи, и заслужили себѣ безсмертную славу. — Чтож? Развращенный народ пробуждается, воспламеняется; глас Оратора призывает дух предков их; они спѣшат к оружію, предупреждая друг друга; сражаются, и умирают, хотя нещастливо, но славно, на полях Херонейских.

В другом мѣстѣ видите вы тирана (*), попирающаго ногами законы и свободу своего отечества, хотя с другой стороны имѣющаго величайшія достоинства; — видите его твердо рѣшившагося казнить непріятеля (**), который находится в его власти. Но является нѣкто (***), предпріемлющій защищать обвиняемаго. Тиран, хотя рѣшился уже осудить его, однакож соглашается выслушать защищеніе. Он садится на судилище свое, держа в руках страшный приговор, наперед уже сочиненный; слушает внимательно; любопытство его возбуждается. Защитник, продолжая рѣчь свою, трогает его; возбуждается в нем жалость; он блѣднѣет, трепещет; приговор упадает из рук его; он прощает.

„Но сіи чудеса уже прекратились. В нынѣшнія времена Краснорѣчіе не может уже производить толь великих дѣйствій.„ — Правда. Однакож не можно сомнѣваться в дѣйствіях его, нѣкоторым образом подобных прежним. Сіе искусство и нынѣ еще удобно к доставленію великой пользы. При разных благородных упражненіях в общежитіи, дарованіе хорошо говорить содѣлывает имѣющаго оное способным приносить отличную пред другими пользу. В открытіи мнѣній наших, клонящихся к споспѣшествованію благу отечества и отвращенію вредных злоупотребленій; в оправданіи притѣсняемой невинности, или в доведеніи порока к должному наказанію; в исканіи отнятой у нас собственности, или в опроверженіи неправедных требованій; наконец в представленіи ближним нашим их должностей, как разумным тварям и Христіанам, в изображеніи красоты ре-

лигіи

(*) Юлій Цесарь. (**) Лигарій. (***) Цицерон.

лигіи и добродѣтели, или въ открытіи гнусности невѣрія и порока; — во всѣхъ сихъ важныхъ дѣлахъ коль велика можетъ быть сила Краснорѣчія! Безъ него успѣхъ знанія былъ бы слабъ и медлителенъ, подобно силѣ при ручной работѣ, которая, оставлена будучи безъ всякой помощи, хотя и достигаетъ наконецъ своея цѣли, но со многими ненужными трудами. Реторику можно сравнить съ механическими искусствами, которыя, посредствомъ изобрѣтенныхъ въ нихъ орудій и предписанныхъ вспомогательныхъ способовъ, служатъ къ удобному произведенію и лучшему совершенію одинакихъ дѣйствій. Знающему существо общества не покажется страннымъ, когда мы скажемъ, что Ораторъ, умѣющій хорошо употреблять свои дарованія, есть одинъ изъ самыхъ полезнѣйшихъ членовъ общества: ибо онъ внушаетъ слушателямъ своимъ правила религіи, человѣчества и согласнаго съ добродѣтелію прилѣжанія, и споспѣшествуетъ къ соблюденію между людьми мира, правды и согласія.

И такъ мы за вѣрное принять можемъ, что польза и превосходство сего искусства сомнѣнію не подвержены. Но при томъ не должно намъ умолчать, что оно трудно, и ко пріобрѣтенію его не довольно того только, чтобъ оно намъ нравилось, и однихъ бездѣйственныхъ желаній. Для совершеннаго доказательства сего надлежало бы намъ только исчислить разныя душевныя дарованія и внѣшнія качества тѣла, голоса и движенія, потребныя къ составленію великаго Оратора, которыя рѣдко вкупѣ бываютъ; когдажъ и находятся, то безъ прилѣжнаго упражненія бываютъ еще недостаточны. Ибо свойство души человѣческой таковожъ, какъ и свойство земли, на которой мы живемъ, и которая не производитъ хлѣба, естьли напередъ не будетъ посѣяно въ нея сѣмя и къ тому присовокуплено обработаніе. Сіе примѣчаніе показываетъ намъ двѣ главныя матеріи, производящія какъ бы корень и стволъ высокаго дерева Краснорѣчія, изъ котораго меньшія его части, подобно вѣтвямъ, скоро произрастаютъ. Оныя суть *природное дарованіе* и *прилѣжность*. Сіи два слова подвержены нѣкоторой неясности, и по тому позволено мнѣ будетъ

детъ присовокупить здѣсь нѣчто для ихъ объясненія. Видъ и образованіе лица у всякаго человѣка различны: такоежъ различіе примѣчается и въ душевныхъ свойствахъ. Склонности, вкусъ, способности, также у всѣхъ различны. Сіе различіе существенно; оно даетъ жизни цвѣтъ ея и характеръ. Человѣкъ, идучи по стезѣ, которую Натура ему указываетъ, удобно и скоро достигнетъ крайней степени совершенства въ своемъ дѣлѣ: ибо во всемъ есть точные предѣлы. Но естьли какимъ нибудь ложнымъ побужденіемъ, или собственнымъ выборомъ, будетъ онъ принужденъ или прельщенъ совратиться на другой путь: то при всякомъ шагѣ будетъ находить затрудненія; ходъ его будетъ труденъ и подверженъ преткновеніямъ; естьлижъ при всемъ томъ рѣшится онъ твердо, не оставлять сего пути, то наконецъ дойдетъ до посредственности. Ришелье, величайшій политикъ своего времени, искалъ чести въ томъ, чтобъ стихамъ его удивлялись, и съ сея стороны сдѣлалъ себя смѣшнымъ. Нѣчто подобное сему видимъ мы въ Махіавелѣ, и можетъ быть въ Цицеронѣ. Естьли позволено мнѣ занять сравненіе изъ наукъ: то я уподоблю Натуру такому тѣлу, на которое пускаютъ одинъ солнечный лучь чрезъ присму, и которое всякой разъ принимаетъ одинакой цвѣтъ съ симъ лучемъ, но показывается гораздо блистательнѣе и яснѣе, когда мы видимъ его при свѣтѣ собственнаго его цвѣта. Высокое въ Милтонѣ восхищаетъ насъ и удивляетъ; но опыты его въ шутливыхъ сочиненіяхъ заставляютъ жалѣть о немъ.

Всеобщее дарованіе, или способность ко всему, покажется можетъ быть исключеніемъ изъ сего правила. Но оно, подобно всеобщему завоевателю, есть мечта, за которою многіе гонялись, однакожъ всегда съ неудачею и къ собственному своему вреду. Кажется, что такое дарованіе никому не можетъ быть приписано съ большею справедливостію, какъ Бакону Веруламскому. Какія глубокія мысли! какая пространная ученость! какія высокія понятія! Но какъ упадаетъ сей великой человѣкъ, когда старается объ украшеніяхъ слога! Тогда

гда мы видимъ въ немъ принужденіе, неестественность, непонятность. Натура положила предѣлы. Нѣкоторыя великія души могутъ обнимать гораздо большее предъ прочими пространство, въ которомъ кажутся превосходящими человѣчество; но переступая за сіе пространство, становятся простыми людьми. Они бываютъ тогда Самсонъ, у котораго съ волосами отнята была его сила; Антей, держимый на воздухѣ.

Естьли побужденіе сильно, то укрыться неможетъ. Отводите его къ другимъ предметамъ, скрывайте, преодолѣвайте его: оно всегда будетъ отбрасывать отъ себя искры, хотя и не можетъ пылать. Мальбраншъ, ревностный любитель истины, опровергаетъ всѣ Реторическія украшенія, какъ орудія лжи; но на всякой страницѣ его сочиненій Натура обнаруживается и ему измѣняетъ: онъ Ораторъ, самъ того не примѣчая, и Ораторъ весьма хорошій. Изъ сего слѣдуетъ, что въ первоначальномъ образованіи душъ нашихъ находится нѣкоторая разность, отъ руки великаго Творца нашего происходящая, по которой всякой человѣкъ бываетъ способенъ успѣвать въ какомъ нибудь дѣлѣ, въ наукѣ, искусствѣ, или рукодѣліи, гораздо скорѣе, нежели въ другомъ; и сію натуральную способность называемъ мы *природнымъ дарованіемъ*. Иногда объемлетъ оно великое пространство; иногдажъ ограничивается одною какою нибудь наукою, или искусствомъ, либо только какою нибудь особенною частію оныхъ. Но какъ самое многообъемлющее дарованіе имѣетъ свои предѣлы, такъ и самое ограниченное видитъ предъ собою открытую особую свою стезю.

И такъ въ посвящающемъ себя Краснорѣчію вопервыхъ наблюдать должно *дарованіе*. Оно есть основаніе всего. Чѣмъ оно болѣе, тѣмъ успѣшнѣе будетъ онъ учиться сему искусству. Не имѣяжъ дарованія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, всѣ старанія будутъ тщетны; онъ никогда не получитъ успѣха; и въ такомъ случаѣ лучше ему обратить вниманіе свое на что нибудь иное. Но получившій отъ Натуры сей драгоцѣнный даръ долженъ стараться и о второй принадлежно-

 сти,

сти, толико же нужной, какъ и первая. Мы уже сказали, что сія вторая принадлежность есть *прилѣжаніе*, состоящее какъ въ *ученіи*, такъ и въ *упражненіи*. Надлежитъ читать сочиненія славнѣйшихъ Ораторовъ: не бѣгло или не внимательно, не такъ, чтобъ только смыслъ понять, но со тщаніемъ, вниманіемъ, вниканіемъ, и почти съ такоюжъ ревностію, съ какою сочинитель пишетъ. Должно имѣть матерію свою во власти. Замѣчайте избранный ими методъ. Послѣдуйте за ними во всякомъ отступленіи отъ онаго. Примѣчайте, какимъ образомъ они о чемъ либо трактуютъ. Наблюдайте повсюду искусство, съ какимъ они основаніе свое полагаютъ; какъ они стараются сображаться съ предразсужденіями слушателей; какъ предупреждаютъ возраженія, или отвѣтствуютъ на оныя; какъ дѣлаютъ живыя описанія, трогаютъ, увеличиваютъ, сокращаютъ; гдѣ изобилуютъ картинами или фигурами, и гдѣ низкой, простой слогъ употребляютъ; старайтесь вѣрно усматривать причины сея перемѣны. Дошедши до сего, учитесь различать особенное дарованіе каждаго Оратора. Научившись сему, вы будете въ состояніи изслѣдовать всѣ его отмѣны, отъ чего бы онѣ ни происходили, отъ случая ли, обстоятельствъ, мнѣній, или подражанія. Сіе есть самое главное правило, *ключь*, указывающій тонъ прочимъ. Обогативъ себя симъ знаніемъ, можете дойти до совершенства, присовокупивъ въ тому упражненіе. Частыми опытами надлежитъ узнавать наклонность, силу и предѣлы своего дарованія: дабы умѣя образовать его надлежащимъ образомъ, могли вы устремить къ тому всѣ свои силы, и прилѣжно его извѣдавъ, исправивъ и охранивъ отъ погрѣшностей, доводить до самаго вышшаго совершенства, къ какому оно способно. Ибо какъ упражненіе образуетъ тѣло, дѣлаетъ его крѣпкимъ, гибкимъ и поворотливымъ: такуюжъ пользу приноситъ оно и душѣ; оно доставляетъ ей нѣкоторую твердость, крѣпость и легкость, нѣкую ловкость, которой никакимъ инымъ способомъ пріобрѣсти не можно.

Планъ сего нашего трактата есть слѣдующій: Вопервыхъ будемъ говорить о происхожденіи и возрастаніи

нiи Краснорѣчiя у ДревнихЪ. По томЪ сообщимЪ нѣкоторое свѣдѣнiе обЪ оставшихся славнѣйшихЪ древнихЪ сочиненiяхЪ о семЪ искусствѣ. Сiе приведетЪ насЪ кЪ подражанiю. Послѣ сего будемЪ разсматривать Краснорѣчiе вЪ разныхЪ его отношенiяхЪ кЪ людямЪ: ибо оно занимаетЪ либо умЪ ихЪ, либо страсти, или трогаетЪ чувства; и вЪ семЪ отдѣленiи будемЪ говорить о слогѣ, или выраженiи, кЪ которому принадлежатЪ украшенiя композицiи и фигуры. НаконецЪ постараемся вывести изЪ сихЪ примѣчанiй, изЪ сего искусства, практическое употребленiе и выгоды оныхЪ, относя ихЪ кЪ такому дѣлу, кЪ которому можетЪ быть нѣкоторые изЪ читателей нашихЪ опредѣлены.

2.

Исторiя происхожденiя и возрастанiя Краснорѣчiя у ДревнихЪ.

ДарЪ рѣчи данЪ людямЪ сЪ весьма полезными намѣренiями. ПосредствомЪ онаго надлежало имЪ открывать другЪ другу свои потребности и отправлять дѣла свои; посредствомЪ сего орудiя надлежало имЪ подавать другЪ другу наставленiе, совѣтЪ, увѣщанiе и утѣшенiе. Подобно прочимЪ натуральнымЪ силамЪ, и сiя оказываетЪ дѣйствiя свои у разныхЪ людей вЪ различныхЪ степеняхЪ. По чему вначалѣ отличаются нѣкоторые преимуществомЪ своимЪ предЪ другими вЪ употребленiи сея способности, вЪ состоянiи будучи болѣе прочихЪ споспѣшествовать оною выгодѣ или удовольствiю тѣхЪ, сЪ кѣмЪ они имѣютЪ дѣло. Но сiя разность должна быть гораздо виднѣе вЪ цѣлыхЪ обществахЪ, нежели между частными людьми и вЪ малыхЪ семействахЪ; гораздо виднѣе вЪ обществахЪ достигшихЪ уже нѣкоторой степени величества. Ибо вЪ сихЪ послѣднихЪ находится гораздо болѣе потребностей одна другой противныхЪ, находятся дѣла гораздо многочисленнѣйшiя и важнѣйшiя: слѣдовательно отмѣнная способность вЪ рѣчи бываетЪ гораздо полезнѣе, и человѣкЪ имѣющiй оную гораздо достойнѣе уваженiя.

вѣроятно, что сему надлежало быть паче въ такихъ обществахъ, гдѣ болѣе было равенства между всѣми, нежели подъ деспотическомъ правленіемъ: ибо при послѣднемъ всѣмъ управляетъ власть, а въ первыхъ убѣжденіе. Гдѣжъ искусству убѣжденія паче приводиму быть въ совершенство, какъ не въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ оно сильнѣйшее вліяніе имѣетъ?

По сему не можемъ мы надѣяться найти Краснорѣчіе въ нѣкоторомъ совершенствѣ на Востокѣ, хотя и вѣроятно, что науки вопервыхъ тамъ процвѣтали; ибо сія часть міра весьма рано и почти вся подвержена была совершенно деспотическому правленію. Удобно догадаться, что говоря о Востокѣ, я исключаю Іудейской народъ, котораго священные памятники содержатъ въ себѣ примѣры высочайшаго Краснорѣчія. Но сіи примѣры суть божественнаго происхожденія, и не принадлежатъ къ нашей матеріи.

Также не должно намъ искать Краснорѣчія въ Египтѣ, хотя сія земля была источникъ искусствъ. Владычествовавшій тамъ духъ таинствъ, и Іероглифическіе знаки, подъ которыми Египтяне всѣ ученія свои предлагали, препятствовали имъ достичь нѣкотораго совершенства въ семъ искусствѣ. Они старались только изображать мысли свои знаками, и по тому совсѣмъ не рачили о способѣ выраженія оныхъ словами. По крайней мѣрѣ не осталось никакихъ памятниковъ, по которымъ могли бы мы заключить, что они тщательно старались о исправленіи сего искусства.

Напротивъ того въ Греціи соединялись многія причины къ приведенію сего искусства въ цвѣтущее состояніе: свобода, мать всѣхъ искусствъ и наукъ, особливожъ Краснорѣчія; множество независимыхъ одна отъ другой областей въ Греціи, отъ чего весьма часто происходили тамъ споры, мирные договоры и союзы, доставлявшіе дару рѣчи непрестанное упражненіе; торговля, начавшаяся у Грековъ съ весьма давнихъ временъ, и распространяющая познанія и промыслы человѣческіе; великой Совѣтъ, Амфиктіономъ учрежденный, въ которомъ были изслѣдуемы выгоды разныхъ Республикъ и всѣ споры рѣшимы. Весьма явно,

что искусство говорить должно приводимо быть въ весьма хорошее состояніе тамъ, гдѣ позволены были судебныя совѣтованія съ исключеніемъ власти. Мы не имѣемъ исторіи происхожденія и постепеннаго возрастанія сего искусства въ Греціи. Но то извѣстно, что во времена Гомеровы оно достигло уже высокой степени; ибо Гомеръ представилъ три главные рода онаго въ трехъ своихъ героахъ: Краснорѣчіе краткое, ясное и безъ всякихъ украшеній въ Менелаѣ; обильное, ласкательное и трогающее въ Несторѣ; сильное, живое и пылкое въ Улиссѣ. Также находимъ мы въ поэмахъ его многія мѣста, въ которыхъ упоминаетъ онъ объ искусствѣ говорить съ великими похвалами и съ почтеніемъ, какое и въ сіи уже времена отличившимся въ ономъ было оказываемо. А какъ должно думать, что Гомеръ точно изображалъ нравы и обычаи тѣхъ временъ, о которыхъ онъ писалъ: то изъ сего можно заключить, что Краснорѣчіе во время Троянской войны было извѣстно и уважаемо. Съ симъ согласно извѣстіе, сообщенное Павзаніемъ, что въ правленіе Тезея, слѣдовательно въ послѣднія времена предъ Троянскою войною, открыто въ Греціи первое Реторическое училище. Но между всѣми Греческими Республиками, въ Аѳинахъ искусство сіе доведено было до высочайшаго совершенства, къ чему особенно споспѣшествовали способность народа, образъ правленія и свойство законовъ. Вопервыхъ способность народа была весьма выгодна для приведенія онаго въ такое состояніе. Аѳиняне были храбры, любили свободу, прилѣжали къ торговлѣ, имѣли живой разумъ, были суетны, весьма любопытны, непостоянны и великіе охотники до всего новаго. Сіи качества побуждали ихъ уважать и ободрять имѣвшихъ способность говорить съ убѣжденіемъ, пріятностію и искусствомъ. Образъ правленія ихъ также тому способствовалъ. Всѣ дѣла, касавшіяся до Республики, предлагаемы были въ собраніи пяти сотъ человѣкъ; когдажъ тамъ предложеніе было принято, то представляли оное собранію пяти тысячь. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ всякой гражданинъ имѣлъ право подать свой голосъ. И такъ сіи разныя совѣтованія, при которыхъ число совѣту-

ющихъ всегда умножалось, служили какъ бы училищами, гдѣ Аѳинской Сенаторъ могъ научаться начальнымъ основаніямъ Краснорѣчія и доходить въ ономъ до совершенства. Равнымъ образомъ все учрежденіе ихъ законовъ весьма много споспѣшествовало достиженію сеяжъ цѣли. Аѳиняне имѣли законъ, по которому всякой отправлявшій какую либо должность въ правленіи, или кому поручено было какое нибудь публичное дѣло, обязанъ былъ давать народу отчетъ въ своихъ поступкахъ. Также имѣли они законъ, по которому доноситель наказываемъ былъ публичною продажею его имѣнія и ссылкою, естьли обвиняемый бывалъ оправданъ болѣе нежели двумя третями голосовъ. Никто не имѣвшій еще нѣкоторыхъ опредѣленныхъ лѣтъ, или обвиненный въ какомъ либо великомъ преступленіи, не могъ говорить въ публичномъ собраніи. Всякой предлагавшій новый законъ могъ потребованъ быть къ публичному отвѣту, естьли сей законъ былъ отвергнутъ, или признанъ ложнымъ и вреднымъ, и когда онъ бывалъ обвиненъ, то строго наказывали его. Также можно почитать споспѣшествованіемъ истинному Краснорѣчію и тотъ законъ Ареопага, по которому адвокатъ, покушавшійся въ защитительной рѣчи своей возбудить въ судьяхъ страсти, подверженъ былъ строгому наказанію. Ибо хотя Краснорѣчіе по большей части въ томъ состоитъ, чтобъ стараться тронуть; но злоупотребленіе онаго, когда старались только о возбужденіи страстей, оставляя самое дѣло, было одною изъ главныхъ причинъ его упадка. Вѣроятно, что отъ сего мудраго закона по большей части происходилъ точный правильный философской методъ, свойственный Аѳинскимъ Ораторамъ. По всѣмъ симъ причинамъ Краснорѣчіе въ Афинахъ казалось самымъ главнымъ и почти однимъ только путемъ къ достиженію знатныхъ почестей въ Республикѣ. Сіе стало еще явнѣе со временъ Перикла, который многіе годы обладалъ Аѳинянами почти съ неограниченною властію, при всей ихъ любви къ свободѣ. Онъ пріобрѣлъ и соблюдалъ сію власть многими великими качествами, особливожъ отмѣннымъ своимъ краснорѣчіемъ, въ которомъ,

по

по согласному свидѣтельству Историковъ, весьма превосходилъ всѣхъ бывшихъ прежде его Ораторовъ. Его сравниваютъ въ рѣчахъ его съ громомъ; изъ чего можемъ мы заключить, что краснорѣчие его было сильно и разительно. Около сего времени Греція наполнена была множествомъ Ораторовъ, которые способны были говорить безъ предуготовленія, и назывались *Софистами*. Упражненіе ихъ состояло въ произвожденіи судебныхъ дѣлъ, и въ томъ, чтобъ безъ замедленія говорить о всякихъ предлагаемыхъ имъ матеріяхъ. Они весьма славились симъ необыкновеннымъ дарованіемъ; и изъ отрывковъ, оставшихся намъ отъ ихъ рѣчей, можно видѣть, что они при всемъ небреженіи и тщеславной надмѣнности, имѣли великое искусство, и немало споспѣшествовали ко приданію Греческому языку тонкости и приведенію его въ совершенство. Сократъ, великой учитель разума человѣческаго, былъ купно учителемъ и въ Краснорѣчіи, представляя смѣшными ложныя украшенія сихъ Софистовъ, и опровергая несправедливыя ихъ заключенія. Платонъ, ученикъ его, какъ примѣромъ, такъ и предписаніями своими, довелъ искусство Краснорѣчія почти до совершенства. Въ сіежъ время Исторія, являвшаяся дотолѣ въ самомъ грубомъ одѣяніи, получила всѣ прелести, какія Краснорѣчіе могло ей придать: Геродотъ писалъ ее чистымъ, легкимъ, текущимъ слогомъ; Туцидидъ тщательно, основательно и высоко. Сей послѣдній писатель, кромѣ чрезвычайной живости въ его повѣствованіяхъ, помѣстилъ еще въ оныхъ много весьма изрядныхъ рѣчей, писанныхъ съ великою краткостію и силою, и дѣлающихъ сочиненіе его особенно полезнымъ для тѣхъ, которые имѣютъ намѣреніе говорить нѣкогда публично. Для такихъ можетъ онъ, хотя съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, служить превосходнымъ образцемъ. Образъ выраженія его весьма краткокъ и сжатъ, и служитъ болѣе для кабинета, нежели для пространной аудиторіи. Онъ столь же изобиленъ мыслями, сколько въ выраженіи бережливъ; у него почти столько же предложеній, сколько словъ, отъ чего въ свое время сочиненіе его было неудобопонятно, а нынѣ стало еще

гораздо труднѣе. При семъ случаѣ не должно мнѣ позабыть о Исократѣ, который хотя не имѣетъ мѣста между первыми Ораторами, но былъ щастливымъ орудіемъ въ приведеніи ораторскаго искусства въ лучшее состояніе. Онъ имѣлъ отъ природы легкой и плодовитый, хотя не высокой умъ, тихой нравъ и тонкость въ обращеніи. Новый путь въ Краснорѣчіи, имъ открытый, сообразенъ былъ его нраву: равенъ и покрытъ цвѣтами. Онъ первой довелъ слогъ до совершенства; училъ давать періодамъ гармоническое окончаніе, и какъ прежде писали прозою съ излишнею свободою, доходившею до небрежности, то онъ первой ввелъ въ нее нѣкоторыя стопы и пріятные слуху размѣры. Доживъ до глубокой старости, и бывши весьма долго начальникомъ славнаго и процвѣтавшаго училища, онъ наполнилъ Грецію своими учениками, распространившими повсюду нѣжный и пріятный его методъ. Наконецъ Демосѳенъ возвысилъ Краснорѣчіе на самый верьхъ совершенства. Онъ образовалъ искусство свое по предыдущимъ образцамъ, особливожъ подражая Платону, у котораго въ молодости учился, и Туцидиду, котораго Исторію списывалъ восемь разъ, дабы тѣмъ тверже впечатлѣть въ памяти. Онъ соединялъ высокость и величество Философа съ основательнымъ разумомъ и краткостію Историка; къ обоимъ же симъ качествамъ присовокуплялъ еще пылкость и ревность Периклову, и чрезъ то способенъ былъ какъ научать, такъ и трогать и убѣждать. Прочитайте только со вниманіемъ его рѣчи: вы не найдете въ нихъ ничего лишняго, ничего тщетнаго; не найдете прїисканныхъ острыхъ мыслей, принужденныхъ оборотовъ, ложной высокости, притворной страсти; ничто не кажется занятымъ отъ искусства, все легко и просто. Но подъ сею кажущеюся простотою сокрывается сила, пылкость, высокость, непреодолимая страсть. Когда онъ вычисляетъ издержки потребныя на необходимо нужную войну, то не уступаетъ никакому Математику въ точности и правильности. Въ повѣствованіи какого либо приключенія, выраженіе его чисто, ясно и понятно. Естьли долженъ онъ пред-

ста-

ставить Аѳинянамъ примѣръ ихъ предковъ и хвалить ихъ поступки: какое великолѣпіе, какое высочество, какой блескъ! Стихи Гомеровы текутъ не съ такимъ богатствомъ и не съ такою пріятностію для слуха! Когда хочетъ онъ порицать развращенные нравы Аѳинскихъ гражданъ своего времени: какой жаръ! какая смѣлость, смѣшенная съ чертами нѣжности и печали!

„Разсмотрите, Аѳиняне, свое состояніе. Коль далеко простеръ сей человѣкъ ненасытимую жадность свою къ завоеваніямъ! Онъ не оставляетъ уже вамъ и свободы выбирать, въ покоѣ ли хотите вы остаться, или принять оружіе. Онъ еще грозитъ; говоритъ съ дерзостію; не хочетъ еще удовольствоваться городами, имъ покоренными, но безпрестанно о умноженіи оныхъ старается; и въ то время, какъ вы сидите здѣсь безпечно и спокойно, онъ занимается уже тѣмъ, чтобъ запереть васъ со всѣхъ сторонъ. Когда, Аѳиняне! когда будете вы дѣлать то, что вамъ дѣлать надлежитъ? Или когда необходимость заставитъ? Но что заключить намъ о томъ, какъ мы доселѣ поступали? Ибо, по мнѣнію моему, для благородныхъ душъ то самая крайняя необходимость, когда они поступокъ своихъ должны стыдиться? Не уже ли еще будете вы, ходя въ публичныхъ собраніяхъ, спрашивать другъ друга: „что новаго слышно?„ Какая новость можетъ быть важнѣе того, что Македонянинъ превозмогаетъ Аѳинянъ, и Греціею по произволенію своему обладаетъ? — „Не умеръ ли Филиппъ? Не умеръ, однакожъ боленъ.„ — О! какая вамъ въ семъ нужда, то ли, или другое справедливо? Вы скоро другаго Филиппа противъ себя возбудите.„ См. первую Филиппин. рѣчь.

По смерти Демосѳена Краснорѣчіе скоро пропало, или по крайней мѣрѣ изъ Греціи совсѣмъ удалилось. Чрезъ многіе уже годы по томъ видимъ мы его оживающее въ Римѣ, который покоривъ Грецію оружіемъ, хотѣлъ отнять у нея силою и славу въ искусствахъ. Тамъ имѣло оно щастливое и не менѣе блистательное, но краткое, пребываніе. Ибо послѣ немногихъ слабыхъ стараній о возставленіи его пришло оно паки въ упадокъ, и купно

но съ Римскимъ государствомъ истребилось при нашествіи варваровъ, подобно рѣкѣ Рейну, которая долго течетъ широкою рѣкою, но потомъ раздѣляется на разные каналы, и наконецъ становясь менѣе и менѣе, входитъ въ пространныя мѣли, которыя ее поглощаютъ, и пропадаетъ.

Можно полагать двѣ причины паденію Краснорѣчія въ Греціи (ибо говоря о сей матеріи мы всегда должны обращаться къ сей землѣ). Первая есть лишеніе свободы; ибо Греки покорены были сперва Македонянами, а потомъ Римлянами. Съ того времени любовь къ отечеству превратилась у нихъ въ привязанность къ частнымъ выгодамъ; Краснорѣчіе терялось въ рабскихъ похвальныхъ рѣчахъ и подлыхъ ласкательствахъ; ученость стала суетною, многословною, бранчивою Философіею. Другою причиною было множество иностранцевъ и нравовъ ихъ, которые послѣ завоеваній Александровыхъ на Востокѣ поселились между ими, испортили ихъ нравы, заразили ихъ роскошію и нѣжностію, и ввели между ими *Азіатской* слогъ въ рѣчахъ и письмѣ, который всегда поставляемъ былъ противнымъ *Аттическому*; ибо тотъ высокопаренъ, надутъ и пространенъ, а сей чистъ, красивъ и силенъ.

Здѣсь полезно будетъ замѣтить, что сей упадокъ Краснорѣчія увеличивался въ равной степени, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ. По смерти Демосѳена и Фокіона сіе поврежденіе весьма скоро примѣтно стало въ сочиненіяхъ Деметрія Фалерейскаго, мужа бывшаго въ великомъ уваженіи и одареннаго отличными достоинствами. По свидѣтельству Исторіи, онъ первой лишилъ Краснорѣчіе простаго мужескаго украшенія, и далъ ему роскошное женское убранство. Онъ первой искалъ украшеній, острыхъ оборотовъ, блестящихъ выраженій, принужденныхъ противоположеній, и всѣхъ тѣхъ мѣлкихъ тонкостей и красотъ, которыя украшаютъ эпиграмму, но истинѣ и здравому разуму не приличны. Тимей Сицилійской ввелъ въ употребленіе еще принужденнѣйшій родъ писанія и распещренный цвѣтами слогъ. Наконецъ видимъ мы какъ бы послѣдній блескъ Краснорѣчія

рѣчія около временъ Императора Юліана въ сочиненіяхъ Либанія и другихъ Софистовъ, которыя суть высокопарныя, скучныя декламаціи. Такимъ образомъ кончилось Краснорѣчіе въ глубокой старости своей, равно какъ бы во второмъ младенчествѣ, точно такъ же, какъ началось, то есть испещреннымъ цвѣтами стихотворческимъ слогомъ. Коль подобенъ сему постепенный упадокъ онаго въ Римѣ! Первое его поврежденіе усматривается сначала только издалека въ Веллеѣ Патеркулѣ; а еще болѣе въ Сенекѣ, котораго сочиненія слишкомъ наполнены помянутыми мѣлкими красотами, пріисканными противоположеніями и блестящими мыслями. Такимъ же образомъ писалъ Луцій Флоръ; а Плиніемъ доведенъ сей слогъ до крайняго совершенства. Самъ Тацитъ, при высокомъ своемъ дарованіи и глубокомысленномъ разумѣ, не могъ избѣжать сея общей погрѣшности. Вѣроятно, что онъ хотѣлъ сдѣлать пріятнѣе сухую матерію, при которой открывалъ свои мысли, и опасаясь неугожденія читателю, смѣшивалъ онъ сію матерію, которая не долго можетъ нравиться, съ несвойственнымъ ей стихотворческимъ выраженіемъ. Авзоній и другіе новѣйшіе писатели похвальныхъ рѣчей ввели еще большее поврежденіе; они писали холодныя постранныя декламаціи. Наконецъ послѣ сего продолжительнаго мрачнаго вечера наступила ночь варварства; Готы и Вандалы разсѣялись повсюду, и погасили послѣднія искры учености и Краснорѣчія.

Разсуждая о достоинствѣ Грековъ и Римлянъ въ Краснорѣчіи по лучшимъ ихъ Ораторамъ, должно признаться, что *Римлянинъ* имѣлъ чрезвычайныя качества. Гдѣ найдемъ мы воображеніе толь плодовитое? мысли толь тонкія и толь правильныя? столько богатства въ выраженіи, но и столько естественнаго? Въ рѣчахъ его толь много пышности при самомъ исправномъ слогѣ; толь много красивости безъ принужденія; толь много богатства безъ излишества; толь много способности къ пріобрѣтенію благосклонности и вниманія своихъ слушателей; такое искусство въ возбужденіи страстей, особливожъ тихихъ, какъ-то сожалѣнія, печали, что въ

семъ

семъ никто иной съ нимъ сравниться не можетъ! Однако съ другой стороны должно признаться, что *Аѳинской* Ораторъ хотя въ нѣкоторыхъ изъ сихъ красотъ весьма скуденъ, по крайней мѣрѣ въ большей части изъ нихъ весьма уступаетъ Римскому; но сіи недостатки, естьли еще они въ самомъ дѣлѣ суть недостатки, весьма изобильно замѣняемы множествомъ совершенствъ: силою, точностію, пылкостію, и почти непонятнымъ плѣняющимъ впечатлѣніемъ. Какая ясность, какая краткость, какія заключенія, какая сила, какое величество, какой огонь, какой высокой энтузіасмъ! Одинъ пріобрѣтаетъ наше вниманіе; другой повелѣваетъ внимать. Одинъ съ величайшимъ искусствомъ обращается во всѣ стороны, дабы склонить насъ къ своему мнѣнію; другой принуждаетъ насъ къ тому. Одинъ подобенъ тихой рѣчкѣ, непримѣтно подмывающей свой берегъ и пролагающей себѣ путь; другой подобенъ быстрой рѣкѣ, которая все ей встрѣчающееся испровергаетъ, стремится безпрерывно, и силою путь себѣ прорываетъ. Одинъ занимаетъ, льститъ, уговариваетъ; другой убѣждаетъ, восхищаетъ. Читая Туллія, вы удивляетесь Оратору; хотите воскликнуть: „какая искусная, тонкая, трогающая мысль! какой совершенный Ораторъ!„ Но читая Демосѳена, вы тотчасъ теряете изъ виду Оратора, тотчасъ занимаетесь матеріею; каждую минуту вы готовы воскликнуть: „пойдемъ! бери оружіе! пойдемъ противъ Филиппа, противъ сего тирана, противъ сего вѣроломнаго, завладѣвшаго отечествомъ нашимъ!„ Вы сами чувствуете огонь Оратора; вы Аѳиняне; каждой изъ васъ Демосѳенъ. И такъ будемъ тщательно вникать въ оба сіи образца Краснорѣчія; ибо они оба превосходны, хотя съ различіемъ. Особливожъ будемъ вникать въ послѣдняго, котораго самъ Туллій образцемъ себѣ поставлялъ; и которому естьли еще недостаетъ чего либо, то кажется недостаетъ не ему, но самому искусству. Будемъ читать его, впечатлѣвать въ памяти; и мы можемъ быть увѣрены, что тогда начнемъ находить истинный вкусъ въ Краснорѣчіи, когда его сочиненія начнутъ намъ нравиться.

3.

Извлеченіе изъ Аристотелевой Реторики. О Цицероновой книгѣ, называемой объ Ораторѣ. Сравненіе сихъ сочиненій.

Изъ Греческихъ писателей послѣ одного только Аристотеля остался намъ полной общій трактатъ о семъ искусствѣ. Сочиненіе его есть плодъ долгаго изслѣдованія и прилѣжнаго наблюденія; и какъ онъ при всѣхъ матеріяхъ доходитъ до самыхъ причинъ, и по томъ уже вступаетъ въ открытіе разныхъ особенныхъ дѣйствій оныхъ, то требуетъ отъ читателя непрерывнаго вниманія. По сему при первомъ взорѣ имѣетъ онъ важный, устрашительный видъ, и показываетъ намъ только трудъ въ томъ, въ чемъ мы забаву найти надѣялись. Однакожъ не оставляйте его для сего; вы можете быть увѣрены, что труды ваши при концѣ совершенно награждены будутъ, естьли только вы употребите такую прилѣжность, какую сіе сочиненіе заслуживаетъ. Планъ сочинителя вообще есть слѣдующій. Сдѣлавъ опредѣленіе *Краснорѣчію*, что *оно есть искусство находить во всѣхъ матеріяхъ то, чѣмъ всего удобнѣе можно увѣрить слушателей*, онъ показываетъ сродство его съ Логикою; ибо оно, такъ же какъ и сія, основано въ существѣ человѣческомъ, и цѣлію имѣетъ наставленіе или увѣреніе такимижъ способами, т. е. *доказательствами*. Изъ сего старается онъ въ послѣдствіи вывести пользу Краснорѣчія, особливо въ разсужденіи большой толпы людей, которая не могла бы понимать строгихъ логическихъ силлогисмовъ, или не стала бы ихъ слушать. По томъ разсматриваетъ онъ разные роды Краснорѣчія: совѣтующій, судебный и доказывающій. Цѣль совѣтующей рѣчи есть показаніе того, что полезно или неполезно; сравненіе двухъ благъ, или размѣреніе пристойнаго съ полезнымъ. Предметъ судебной рѣчи есть защищеніе права собственности или чести, когда оно бываетъ опровергаемо; или опроверженіе сего права, когда другіе его защищаютъ. Доказывающая рѣчь имѣетъ предметомъ либо похвалу добродѣтели, либо

хулу

хулу порока. Онъ показываетъ при каждомъ родѣ подробно, какія знанія должно напередъ пріобрѣсти Оратору, дабы говорить хорошо въ ономъ, и вкратцѣ открываетъ источники, изъ которыхъ можно почерпать доказательства для каждаго рода рѣчи. Все сіе касалось до Краснорѣчія только какъ до искусства разума. Но какъ страсти человѣческія непремѣнно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ имѣютъ участіе, по чему Ораторъ, хотящій убѣждать, и ихъ трогать долженъ: то Аристотель во второй книгѣ говоритъ о страстяхъ, и ясно показываетъ: какіе люди къ какимъ страстямъ склонны; изъ какихъ источниковъ онѣ происходятъ, и надъ какими людьми ими дѣйствовать можно. Онъ присовокупляетъ еще къ сему описаніе разности нравовъ человѣческихъ, происходящей отъ различныхъ лѣтъ, состояній, или обстоятельствъ. Въ сей части его сочиненія содержится то, что вообще доставляетъ Краснорѣчію самое большее удивленіе и удачнѣйшій успѣхъ. Она есть плодъ самыхъ основательныхъ мыслей и самаго зрѣлаго разсужденія; по чему всегда почитаема была за примѣрное твореніе, и весьма многіе писатели старались подражать оной, но никто не могъ еще сравниться съ ея сочинителемъ. Въ послѣдней книгѣ своей говоритъ онъ о *выраженіи*, или *слогѣ*. Достоинства онаго поставляетъ въ чистотѣ, ясности, свойственномъ выраженіи и красивости. При семъ послѣднемъ качествѣ разсуждаетъ о *фигурахъ* и *композиціи*, или расположеніи словъ; и заключаетъ все сочиненіе краткимъ разсужденіемъ о разныхъ частяхъ, составляющихъ совершенную рѣчь, т. е. о вступленіи, повѣствованіи, доказательствѣ и заключеніи, показывая при томъ намѣреніе и подлинное употребленіе каждой части. Естьли хотите вы читать съ пользою сіе сочиненіе и получить надлежащее объ ономъ понятіе, то должно вамъ наблюдать слѣдующія замѣчанія: Вопервыхъ, правленіе въ Аѳинахъ и свойство тамошнихъ жителей были таковы, что Краснорѣчіе имѣло тамъ отличную силу, и для хотѣвшихъ открыть себѣ путь къ знатнымъ достоинствамъ въ Республикѣ было весьма полезно и даже почти необходимо. Краснорѣчіемъ вводимы были

новые законы, правительствующія особы избираемы или сменяемы, заключаемы мирные и военные союзы. Самое войско надлежало возбуждать ко храбрости напоминаніями; и для полководца искусство говорить было почти столь же необходимо, какъ и воинская наука. По причинѣ сихъ выгодъ, отъ Краснорѣчія получаемыхъ, необходимо должно было учиться оному съ ревностію; отъ сегожъ произошло, что почти всякой разъ происходитъ въ такомъ случаѣ, когда рѣка обычая склоняется въ какую нибудь сторону: многіе стали выдавать себя за знатоковъ въ семъ искусствѣ, предпринимали учить оному другихъ, хотя ни малой способности къ тому не имѣли, и по увѣдомленію писателей того времени, Греція наполнена была безчисленнымъ множествомъ худыхъ или посредственныхъ сочиненій о сей матеріи. Въ слѣдствіе сего хотѣвшіе говорить публично должны были оставлять стезю прямаго разума, какъ наскучившій уже путь, и стараться удивить и принести удовольствіе чѣмъ либо необычайнымъ. Хотя въ то время, когда Аристотель писалъ, Краснорѣчіе въ Демосѳенѣ достигло самаго верьху совершенства; однако и тогда уже ложный вкусъ весьма распространился, и умы отвлекаемы были отъ любви къ простотѣ и истинѣ. Вообще владычествовали особенно два заблужденія. *Одно* состояло въ излишнемъ стараніи о пріятности выраженія, о прелестяхъ и гармоніи слога, которыя предпочитаемы были силѣ доказательствъ и выраженія. Сіе злоупотребленіе происходило отъ удивленія, которое давно уже, особливожъ въ то время, возбуждалъ Исократъ и тѣмъ подалъ поводъ къ точному подражанію его Краснорѣчію. Можетъ быть самъ онъ, старавшись до самой старости о украшеніи слога, о размѣриваніи словъ и объ открытіи правилъ гармоніи, преступалъ надлежащіе предѣлы въ семъ раченіи; ибо выраженіе его было хотя чисто и красиво, но слабо и принужденно, какъ то изъ оставшихся еще его сочиненій видно. Мы имѣемъ причину думать, что Аристотель такъ же о немъ судилъ, и писалъ свое наставленіе въ Реторикѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ опровергнуть правила сего

слав-

славнаго учителя. Ибо онъ говаривалъ: „Мнѣ стыдно молчать, когда уже и Исократъ учитъ Реторикѣ.„ Того ради первое и главное его стараніе клонится къ тому, чтобъ положить твердое основаніе Краснорѣчію, и обратить вниманіе не на слова, но на вещи. Утвердивъ сей главной предметъ, предписываетъ онъ правило, чтобъ языкъ сообразенъ былъ Натурѣ и уму. *Второе* и толь же общее заблужденіе была привычка нѣкоторыхъ Ораторовъ, устремлять все свое вниманіе на страсти судей. Въ семъ, говоритъ Аристотель, подкрѣпляемы они одобреніемъ писавшихъ о Реторикѣ, которые все свое искусство поставляютъ въ томъ, чтобъ стараться склонить сердца слушателей на свою сторону, и всѣ ихъ правила клонятся къ сей цѣли. Но такое наставленіе совершенно противно уму человѣческому, и даже законамъ благоучрежденныхъ обществъ, запрещающимъ при важныхъ изслѣдованіяхъ всякое стараніе о возбужденіи страстей. Въ доказательство великаго злоупотребленія такихъ трогающихъ рѣчей, надлежитъ только разсмотрѣть заключеніе Эсхиновой рѣчи противъ Ктезифонта, которою, кажется, Эсхинъ старался заслужить первое мѣсто по Демосѳенѣ между Ораторами, и даже спорить съ нимъ о преимуществѣ. Онъ говоритъ: „О земля, и солнце, и добродѣтель, и мудрость, „и то искусство, которымъ мы все изящное отъ не„годнаго отличаемъ! Я говорилъ, я помогалъ Республи„кѣ. Естьли мое обвиненіе справедливо и для Республи„ки выгодно, я говорилъ, какъ желалъ; естьли несовер„шенно, какъ могъ. Теперь послѣ сказаннаго мною и „доводами утвержденнаго, изреките приговоръ свой къ „пользѣ и славѣ общества.„ Великой соперникъ его (*) по справедливости отвергаетъ сіе мѣсто, какъ пустую надутую декламацію, приличную болѣе трагедіи, нежели важному судебному дѣлу, въ которомъ надлежало разсматривать характеръ двухъ знатныхъ людей по точному показанію ихъ поступокъ и безпристрастнымъ умомъ.

Меж-

(*) Демосѳенъ въ рѣчи о вѣнцѣ.

Между Римлянами Туллій писалъ нѣсколько книгъ о Краснорѣчіи, изъ которыхъ большая часть пропала; изъ оставшихся же самой славный трактатъ состоитъ въ трехъ книгахъ *объ Ораторѣ*. Онъ расположилъ сіе сочиненіе совсѣмъ иначе, нежели Аристотель свое, и избралъ методъ разговора, въ подражаніе Платону. Сіе расположеніе ту имѣетъ выгоду, что дѣлаетъ сочиненіе пріятнѣе. Слава представленныхъ въ ономъ разговаривающихъ людей, находившихся вездѣ въ великомъ уваженіи; описаніе различныхъ характеровъ ихъ и нравовъ; искусство въ отличеніи оныхъ, которое тщательно наблюдено во всемъ, что каждой изъ нихъ говоритъ; разность мнѣній и дружеской споръ между ими о сей матеріи, предложенный искусно, — все сіе доставляетъ уму нѣкоторый родъ драматическаго увеселенія, и сочинитель избѣгаетъ чрезъ то сухости, почти всегда сопровождающей продолжительное послѣдствіе правилъ. Но также расположеніе сіе имѣетъ и то неудобство, что рѣчи бываютъ иногда столь продолжительны, что нѣкоторымъ образомъ скучны становятся. Предисловія, характеры разговаривающихъ лицъ, взаимныя похвалы ихъ другъ другу, и перерывы доказательствъ, необходимо нужные для соблюденія живости разговора, во многихъ мѣстахъ останавливаютъ читателя и прерываютъ главную матерію. Къ тому можно еще причислить свойство Туллія, который былъ не столь строгъ и остроуменъ, какъ Аристотель. Сему надлежитъ приписывать многія отступленія, какъ то: похвалу Краснорѣчію; разсужденія: долженъ ли Ораторъ быть свѣдущъ во всемъ кругѣ наукъ? нужно ли ему нѣкоторое знаніе въ гражданскихъ законахъ? Философія ли, или Краснорѣчіе, заслуживаетъ преимущество? Всѣ сіи эпизоды хотя имѣютъ отношеніе къ матеріи, но не принадлежатъ къ ней собственно. Они занимаютъ большую часть первой книги. Кромѣ ихъ, сія книга содержитъ въ себѣ еще нѣкоторыя замѣчанія о трехъ родахъ Краснорѣчія, упомянутыхъ выше сего, о частяхъ рѣчи, купно съ нѣкоторыми предписаніями о выговорѣ, и заключается показаніемъ тѣхъ наукъ, которыхъ знаніе паче всего

можетъ споспѣшествовать основательному Краснорѣчію. Доселѣ говорилъ болѣе прочихъ Крассъ. За нимъ во второй книгѣ слѣдуетъ Антоній, и говоритъ подробно о разныхъ родахъ матерій, о частяхъ рѣчи, цѣли ихъ и пользѣ. По томъ переходитъ къ разсужденію о страстяхъ, и въ ономъ послѣдуетъ во всемъ Аристотелю съ немногими только перемѣнами. По томъ сочинитель еще подробнѣе трактуетъ о такой матеріи, которой Греки почти совсѣмъ не касались, и вводитъ Цесаря говорящаго о дарованіи остро шутить и сказывать тонкія насмѣшки, какъ о такомъ искусствѣ, которое въ публичныхъ защитительныхъ рѣчахъ часто приноситъ великую пользу, но также въ разсужденіи надлежащаго употребленія великимъ трудностямъ подвержено. Онъ заключаетъ сію книгу нѣкоторыми замѣчаніями о памяти. Въ третіей книгѣ Крассъ начинаетъ разговоръ, и говоритъ о выраженіи, или слогѣ. Все искусство онаго поставляетъ онъ въ двухъ вещахъ: въ украшеніи, дающемъ рѣчи величество и высокость, и въ искусствѣ говорить прилично матеріи. Ибо онъ различаетъ два рода украшенія. Одинъ изъ оныхъ долженъ распространяться по всей рѣчи, сообщать ей пріятность и важность, возбуждать вниманіе и удивленіе слушателей. Другой состоитъ въ надлежащемъ употребленіи фигуръ, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вводить должно. Для подкрѣпленіяжъ всего и приведенія въ совершенство, выхваляетъ онъ великое тщаніе въ *композиціи*, и въ семъ отдѣленіи разсуждаетъ въ величайшею точностію о расположеніи словъ, оборотѣ періодовъ, и гармоніи окончаній. Все сочиненіе заключается нѣкоторыми правилами, касающимися до пристойнаго, живаго и пріятнаго тѣлодвиженія, о которомъ стараться весьма нужно.

Въ обоихъ сихъ сочиненіяхъ видимъ мы ясно изображенный характеръ ихъ писателей. Греческое сочиненіе показываетъ автора посвятившаго себя размышленію, любящаго важное ученіе и строгія мысли; умъ тонкой, проницательный и основательный. Въ Латинскомъ виденъ писатель бывшій долго въ знатныхъ чи-

нахъ

нахъ и пріобрѣтавшій отъ времени до времени болѣе тонкости отъ обращенія съ знатными людьми; умъ богатый, пріятный и нѣжный. Первой силенъ, важенъ и точенъ; другой краснорѣчивъ, удобопонятенъ и плодовитъ. Тотъ придержится одного ума; а сей призываетъ на помощь воображеніе. Аристотелеву книгу можно уподобить великому магазину, наполненному всѣми матеріалами и орудіями, какія Оратору полезны быть могутъ; но самое ихъ изобиліе повидимому причиняетъ безпорядокъ; и при семъ множествѣ сокровищъ, въ которомъ ни одно мѣсто не остается пусто, самыя важнѣйшія вещи кажутся складенными толь небрежно, какъ бы самыя простыя и малозначащія. Цицероново сочиненіе подобно гораздо меньшему запасу, по большей части изъ перваго собранному; но онъ умѣлъ придать всему такую красоту и блескъ, и расположилъ все съ такимъ искусствомъ, что оно представляется въ самомъ выгоднѣйшемъ видѣ; и самыя малости кажутся у него заслуживающими уваженіе вещами. Одинъ имѣетъ преимущество въ силѣ, а другой въ красотѣ.

Аристотель никогда не останавливается при одной мысли; онъ имѣетъ черты краткія, иногда несовершенными кажущіяся, но смѣлыя и мастерскія. Цицеронъ доводитъ каждую мысль до крайняго совершенства, и во всемъ его сочиненіи виденъ трудъ тщательнѣйшаго и отличнѣйшаго искусства. Равно какъ Цицеронъ показываетъ Оратора, умѣя оживлять и украшать сухую матерію, когда пишетъ о Философіи: такъ Аристотель, трактуя о Реторикѣ, показываетъ Философа, ибо при всемъ изыскиваетъ первыя причины, и старается, сколько возможно, приводить все въ опредѣленныя положенія. Онъ заставляетъ быть внимательнымъ, удовлетворяя любопытству. Читая его, мы всегда бываемъ довольны, ибо всегда научаемся. У Цицерона мало новаго; однакожъ онъ украшаетъ старое такъ, что даетъ ему прелести новизны. Читая перваго, уподобляешься путешественнику, находящемуся въ чужой землѣ, и всегда обрѣтающему удовольствіе, ибо каждой шагъ открываетъ ему новые виды. Другой приводитъ насъ хотя въ зна-

комую уже страну, но толь украшенную Натурою и искусствомъ, что она никогда не наскучиваетъ. Онъ представляетъ намъ хотя нѣчто обыкновенное, но въ такомъ видѣ, что оно всегда нравится. Римлянинъ писалъ о Краснорѣчіи съ тою выгодою, что самъ былъ превосходный Ораторъ; онъ въ сочиненіи своемъ сообщаетъ и примѣры къ своимъ предписаніямъ; служитъ купно и учителемъ и образцемъ. Напротивъ того Аѳинянинъ безъ сомнѣнія превосходитъ его въ силѣ разсужденія, въ мужественной краткости, въ основательности мыслей, въ полезныхъ размышленіяхъ и въ дальности ума. Не имѣя способности ко пріобрѣтенію искусства въ Краснорѣчіи, мало получишь пользы отъ Цицеронова сочиненія. Напротивъ того въ разсужденіи Аристотеля можно утверждать, что отъ великаго богатства здраваго разума, обширнаго знанія человѣческой натуры и необыкновенныхъ его замѣчаній всякой внимательный читатель пріобрѣтетъ много пользы, въ чемъ и состоитъ достоинство остроумнаго, важнаго и точнаго его сочиненія.

4.

О подражаніи.

Одна изъ величайшихъ выгодъ, доставляемыхъ намъ прилѣжнымъ и тщательнымъ чтеніемъ древнихъ сочиненій, есть та, что мы побуждаемы бываемъ подражать имъ, и можемъ постепенно какъ бы получить такоежъ дарованіе, какое сочинители ихъ имѣли. Доказательства, которыми пользу подражанія утвердить можно, происходятъ изъ двухъ источниковъ: изъ опыта и ума. Обратимся къ прежнимъ временамъ. Что обыкновенно между людьми бывало? Какими способами отличившіеся въ какой либо наукѣ, или въ какомъ либо искусствѣ, до сего достигали? Одною ли только своею собственностію они начинали? или занимали что либо отъ богатства другихъ? Удобно отвѣчать на сіе. Славнѣйшіе мужи во всѣхъ родахъ учености развитіемъ способности своея одолжены открытіямъ другихъ, и даже искусство свое въ употребленіи сея способности по большей части пріобрѣ-

обрѣтали изъ примѣровъ. Сіе есть истина не подверженная сомнѣнію. Касательно до Гомера, не только по совершенству его сочиненій, но и по разсѣяннымъ и неяснымъ извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ отъ древнихъ времянъ, вѣроятно, что онъ имѣлъ нѣкоторые образцы, которымъ слѣдовалъ, и которые онъ превзошелъ. Мы по справедливости можемъ почитать сими образцами Орфея, Лина, Амфіона и Музея, которыхъ имена, не взирая на темноту баснословія, намъ извѣстны; и которые, кажется, прославились искусствомъ своимъ въ стихотворствѣ и музыкѣ. Однако должно уступить Гомеру ту славу, что онъ имѣлъ оригинальное дарованіе, и великое множество писателей, въ послѣдствіи прославившихся, весьма многимъ ему обязаны. Кромѣ стихотворцевъ, сочиненія его служили весьма полезнымъ сокровищемъ для Ораторовъ, находившихъ въ оныхъ неистощимое изобиліе благородныхъ и высокихъ изображеній. Но никто не умѣлъ пользоваться имъ болѣе Демосѳена, который старался уподобляться сему стихотворцу и Туцидиду, умѣлъ соединять ясность, богатство и высокость одного съ силою и краткостію другаго, и чрезъ то былъ высокъ безъ надутости, и краткокъ безъ сухости. Не нужно доказывать, что писатели Августова времени подражали образцамъ Древнихъ, и почитали за достаточную себѣ славу вводить въ отечество свое драгоцѣнныя сокровища Греціи. Между новѣйшими писателями также почти всѣ великіе авторы были нѣкоторымъ образомъ подражатели. Равнымъ образомъ и умъ подтверждаетъ пользу подражанія. Спросимъ его. Вопервыхъ повелѣваетъ онъ намъ узнавать человѣческую натуру. Способенъ ли человѣкъ, силою собственнаго своего дарованія, довести какое либо искусство отъ грубыхъ началъ онаго до совершенства? Нѣтъ; сіе должно быть дѣло многихъ, изъ которыхъ одинъ подражалъ бы другому, и превосходилъ бы его; и даже по большей части должно быть дѣло нѣсколька поколѣній, которыя трудились бы надъ нимъ одно послѣ другаго. Исторія славнаго живописца Рафаеля представляетъ намъ ясный примѣръ полезнаго подражанія. Въ

первомъ манерѣ письма его была сухость и холодность, такъ же какъ въ манерѣ его учителя Піетро Перужино. Увидѣвъ нѣкоторыя картины Леонарда Винчи, онъ перемѣнилъ сей манеръ, и сообщалъ фигурамъ своимъ новую жизнь и болѣе прелести. Но поселившись въ Римѣ, и непрестанно вникая въ красоты прелестныхъ памятниковъ древности, статуй, монетъ и гипсовыхъ изображеній, особливожъ разсматривая втайнѣ работу соперника своего Микеля Анжело, открылъ себѣ новый путь, и принялъ тотъ живой, величественный и высокой манеръ, которымъ послѣднія картины его съ толикою славою отличаются. Изъ сего ясно видимо, что подражаніе нѣкоторымъ образомъ необходимо, или по крайней мѣрѣ весьма полезно. Правда, оно также и вредно быть можетъ; однакожъ для сего не должно отвергать его, но только употреблять надлежащимъ образомъ, къ чему послужатъ слѣдующія правила.

Вопервыхъ, избирайте себѣ для подражанія самые лучшіе образцы. Сіе правило бываетъ весьма часто пренебрегаемо. Многіе хотятъ лучше подражать Овидію и Сенекѣ, нежели Виргилію и Туллію; и великой Корнель въ сочиненіяхъ своихъ ясно показываетъ, что онъ Фарсалію предпочиталъ Энеидѣ. Того ради надлежитъ учиться судить справедливо. Хотя способность, служащая всему основаніемъ, есть даръ Натуры; но гдѣ только она покажетъ лучь свой, тамъ вниманіе и прилѣжность содѣлаютъ оный еще сильнѣе и блистательнѣе.

Второе: нашедши красоту въ образцѣ своемъ, старайтесь присвоить ее себѣ, или лучше совсѣмъ не пишите. Естьли вы изберете самые лучшіе образцы, то знакомство ихъ, равно какъ лучшихъ знакомыхъ, содѣлаетъ ихъ вамъ пріятными. Изъ надлежащаго ограниченія сего правила происходитъ другое. Между хорошими образцами нѣкоторые будутъ сходнѣе другихъ съ вашимъ свойствомъ. Предпочитайте сіи прочимъ. Люди весьма различны способностями и дарованіями; и тотъ успѣетъ удачнѣе и скорѣе всѣхъ, кто слѣдуетъ побужденію и веденію Натуры.

Тре-

Третіе правило есть сіе: Остерегайтесь подражать даже и такимъ образцамъ съ излишнею точностію; или какъ говоритъ стихотворецъ:

Ne desilias imitator in arctum. Hor.

Ибо тѣмъ потушите вы собственное свое дарованіе, и наложите на него оковы, такъ что не въ состояніи будете употреблять своихъ способностей. Самыя лучшія копіи можно отличить отъ оригинала: въ нихъ есть нѣкая принужденность; кисть не свободна. Сверьхъ того подражаніе ваше, хотя бы съ другихъ сторонъ не уступало оригиналу, но въ сравненіи съ нимъ весьма много цѣны своей теряетъ. По чему должно такъ подражать, чтобъ сравниться съ оригиналомъ, но не быть тѣмъ же самымъ. Самой лучшій способъ научиться сему есть тотъ, чтобъ замѣчать, какъ Римскіе стихотворцы и Ораторы подражали Грекамъ. Они не копируютъ рабскимъ образомъ; смѣшиваютъ все занимаемое отъ другихъ съ собственными своими мыслями толь удачно, что даютъ сочиненію новой оборотъ, либо новымъ употребленіемъ занятаго дѣлаютъ оное себѣ собственнымъ. Часто имѣютъ они одинакое основаніе; но употребляютъ различныя фигуры, или одинакія фигуры толь отличнымъ образомъ, что все кажется новымъ. Хотя весьма часто слѣдуютъ они другимъ, но также оставляютъ ихъ путь и пролагаютъ себѣ дотолѣ необыкновенныя и толикожъ пріятныя стези. По большей части бываютъ они въ одной линіи со своими путеводителями, и изъ подражателей становятся ихъ соперниками. Римлянинъ въ похвальной рѣчи Цесарю, и единоземецъ его въ эпизодѣ о Дидонѣ показываются съ толикоюжъ славою, какъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій; однакожъ въ обоихъ сихъ мѣстахъ не имѣли они предводителей, которые указывали бы имъ путь. Только тотъ можетъ быть хорошимъ подражателемъ, кто способенъ содѣлаться хорошимъ оригиналомъ.

Сіе приводитъ насъ къ четвертому правилу: Остерегайтесь ограничивать себя подражаніемъ одному только писателю. Въ семъ случаѣ весьма трудно избѣжать слиш-

комъ точнаго сходства. При возобновленіи наукъ въ Европѣ было общее заблужденіе, что всѣ знатные писатели старались подражать Цицерону. Эразмъ въ разговорѣ своемъ названномъ: Цицероніанецъ, насмѣхался надъ сею суевѣрною и неумѣренною привязанностію къ Цицерону. Однакожъ соблюсти средину весьма трудно. Онъ впалъ въ другую крайность, и въ немъ опорочивали чрезмѣрное нерадѣніе о выраженіи. (*)

И такъ не должно вамъ заключать себя въ толь тѣсные предѣлы. Хорошихъ писателей много: выбирайте изъ всѣхъ ихъ самое лучшее, поколику природныя ваши дарованія вамъ то позволяютъ. Искусно смѣшивая и соединяя оное, вы произведете нѣчто новое и ваше собственное: подобно какъ при сожженіи одного богатаго Греческаго города смѣсь растопившихся и слившихся вмѣстѣ металловъ составила новый и весьма изрядный металлъ, названный по мѣсту происхожденія его *Коринѳскимъ металломъ* (**). Тогда пусть завистливые ученые трудятся выискивать разные ваши оригиналы, такъ какъ ищутъ оригиналовъ Виргилія и Горація: никто не будетъ ихъ слушать. Такое подражаніе всегда остается само оригиналомъ. Подобно солнечному свѣту, оно единообразно и прекрасно. Пусть испытатель Натуры приходитъ со своею присмою дѣлить и дробить его на разноцвѣтные лучи: оно для всякаго глаза остается всегда простымъ, равнымъ, несмѣшеннымъ сіяніемъ.

Правда, вы никогда не достигнете достоинства образцевъ своихъ; но получите новое достоинство; сами будете оригиналомъ. Такимъ образомъ, по увѣренію критиковъ въ живописи, Ганнибалъ Каракчіо старался соединить достоинство обоихъ училищъ, Римскаго и Венеціанскаго, совокупить пріятность, грацію и точность Рафаелеву съ колоритомъ Тиціановымъ; и чрезъ то самъ

(*) Но едва ли можно доказать, что сіе опорочиваніе вообще было справедливо. *Прим. Г. Шр.*

(**) Сія повѣсть въ самомъ дѣлѣ несправедлива; однакожъ для сравненія въ Реторикѣ принята быть можетъ. *Пр. Г. Шр.*

самъ содѣлался достойнымъ подражанія оригиналомъ, хотя не сравнился ни съ которымъ изъ помянутыхъ мастеровъ.

Пятое правило есть слѣдующее: Наблюдайте различныя обстоятельства времени, мѣста и случая. Различное свойство земель, а еще паче перемѣны, произшедшія въ религіи, нравахъ и обычаяхъ, дѣлаютъ для писателей или публичныхъ Ораторовъ необходимостію во многомъ отступать отъ древнихъ образцевъ. Кто не почувствуетъ нѣкотораго негодованія, видя, что Кардиналъ Бембъ въ славной своей Венеціанской Исторіи вмѣсто слова *Провидѣніе Божіе* употребляетъ выраженіе языческихъ писателей: *безсмертные Боги* (*)? Подобно сему Санназаръ въ поэмѣ на Рождество Спасителя вводитъ языческихъ боговъ дѣйствующими лицами. Самые прекраснѣйшіе его стихи не могутъ извинить сея непристойности. Такуюжъ погрѣшность сдѣлалъ Микель Анжело, изобразивъ Харона съ его лодкою на картинѣ представляющей воскресеніе мертвыхъ.

И такъ подражая Древнимъ надлежитъ занимать отъ нихъ только общее въ Краснорѣчіи, особенноежъ соображать со случаемъ и нашими обстоятельствами. Не тотъ Демосѳенъ, кто можетъ подражать самымъ отличнѣйшимъ мѣстамъ въ его рѣчахъ съ величайшею точностію; но тотъ, кто такъ говоритъ или пишетъ, какъ бы Демосѳенъ при такихъ обстоятельствахъ говорилъ или писалъ. Христіанинъ, хотящій объяснять какое либо положеніе изъ религіи или нравоученія, долженъ говорить совсѣмъ иными выраженіями, нежели языческой Ораторъ. Нѣтъ ничего важнѣе осторожности. Самой чистой слогъ, самое тонкое воображеніе, самое лучшее классическое подражаніе, стоятъ весьма мало, или и ничего не стоятъ, естьли не умѣешь употреблять ихъ сообразно случаю. Раченіе о семъ подобно скромности въ обращеніи, безъ которой самыя блистательныя дарованія бываютъ безполезны, или даже вредны.

(*) Онъ употреблялъ сіе выраженіе даже и въ письмахъ, которыя писалъ именемъ Папъ. *Прим. Г. Шр.*

Наконецъ и самаго разумнѣйшаго подражанія одного еще не довольно. Быть только подражателемъ не важно. Въ Англіи, во время Королевы Анны, былъ комедіантъ Эсткортъ, имѣвшій способность подражать самымъ лучшимъ актерамъ въ голосѣ съ такою точностію, что никто изъ слушателей не примѣчалъ ни малой разности; однакожъ Эткортъ самъ по себѣ былъ только посредственный комедіантъ.

Подражаніе нужно и достаточно для наставленія и приведенія васъ къ надлежащему методу, пока вы еще учитесь. Но естьли хотите сочинять сами, то должно вамъ сверьхъ онаго имѣть и собственные свои матеріалы. Совершенство подражанія не въ томъ состоитъ, чтобъ занимать отъ Древнихъ расположеніе и слова, хотя сіе позволено и всегда бываетъ пріятно, естьли употребляется съ осторожностію; но надлежитъ имѣть такіяжъ правильныя, живыя и высокія мысли, какія находимъ у Древнихъ. Избирайте, сколько возможно, собственные свои матеріалы; но старайтесь пріобрѣсти искусство Древнихъ въ составленіи оныхъ, дабы ваше сочиненіе уподоблялось превосходнымъ ихъ твореніямъ въ согласіи, основательности и красотѣ. Кто занимаетъ все, тотъ не подражаетъ, но выписываетъ. Но тотъ, кто будучи богатъ своею собственностію, умножаетъ богатство свое тѣмъ, что съ умѣренностію занимаетъ отъ Древнихъ, переноситъ ихъ духъ и искусство въ свои сочиненія, и составляетъ изъ того правильное единообразное твореніе, — только тотъ подражаетъ надлежащимъ образомъ, и имѣетъ право почитаемъ быть оригиналомъ.

5.

О Краснорѣчіи, поколику оно до ума касается.

Нѣкоторые мудрые и прозорливые мужи, въ числѣ которыхъ и Локкъ находится, думали, что не должно весьма выхвалять изученіе Краснорѣчія, ибо оно есть искусство обманывать пріятнымъ образомъ. При семъ порицаніи они явно принимали вмѣсто самаго искусства злоупотребленіе онаго. Само Краснорѣчіе доставляетъ

намъ

намъ только оружіе на защищеніе истины. Хотяжъ нѣкоторые воспитанные въ его училищѣ и употребляли его орудіемъ лжи; однако сей порокъ Краснорѣчію приписанъ быть не можетъ. Краснорѣчіе, говоритъ Баконъ, по достоинству своему ниже мудрости, но въ разсужденіи общеполезности превосходитъ оную. И такъ мы будемъ здѣсь разсуждать о немъ въ первоначальномъ его состояніи, какъ о служителѣ истины.

Первая великая цѣль, которую всякому Оратору поставлять себѣ надлежитъ, и которой всѣ прочія уступать должны, есть *увѣреніе*. Того ради всякой хотящій достичь совершенства въ Краснорѣчіи, прежде всего долженъ стараться о исправленіи своего ума, о снисканіи остроумія въ изобрѣтеніи доказательствъ, и искусства въ расположеніи оныхъ самымъ выгоднѣйшимъ образомъ. Баконъ замѣчаетъ, что въ разсужденіи сего изобрѣтенія Реторика еще недостаточна; что ей почти совсѣмъ недостаетъ нѣкоторой части, а именно: *Топики*. Подъ симъ названіемъ разумѣетъ онъ собраніе замѣчаній о всеобщихъ матеріяхъ, приведенное въ удобный порядокъ, которому надлежало бы всегда быть въ готовности у Оратора, дабы онъ могъ имъ пользоваться и во всякихъ случаяхъ занимать изъ него матеріалы, какъ бы изъ общаго запаснаго магазина. Древніе усматривали пользу такого собранія, и многіе изъ нихъ старались дополнить сію часть Реторики; но до насъ мало изъ того дошло. Въ Цицероновыхъ и Квинтиліановыхъ сочиненіяхъ находимъ мы еще многія касающіяся до сего правила; также извѣстно, что Демосѳенъ дѣлалъ себѣ *формуляры*, особливожъ для вступленія въ рѣчь, на всякіе случаи. Напротивъ того новѣйшіе Реторы не только не рачили о семъ предметѣ, но и презирали оный. Причины ихъ кажутся не важны, и худое слѣдствіе такого презрѣнія явно въ нѣкоторыхъ необработанныхъ рѣчахъ: ибо въ оныхъ часто можно видѣть замѣшательство Оратора въ разсужденіи матеріи; можно видѣть, какъ онъ силится приступить къ матеріи, но безпрестанно водитъ слушателей только вокругъ оной; какъ онъ, приставъ къ чему либо, занимается

тѣмъ

тѣмъ толь долго, что наводитъ скуку; какъ снова чувствуетъ недостатокъ, и старается замѣнить пустоту въ доказательствахъ скучными дополненіями и распространеніемъ некстати. Кажется, что сего можно избѣжать подражая въ семъ случаѣ благоразумнымъ и прилѣжнымъ Древнимъ Ораторамъ; ибо они всегда имѣли въ готовности такіе матеріалы (loci communes), служившіе имъ какъ бы обильными источниками, изъ которыхъ выводили они удобно и удачно рѣки Краснорѣчія.

Понеже увѣреніе есть главная цѣль Краснорѣчія, то изъ сего слѣдуетъ, что Ораторъ долженъ рачительно учиться наукѣ придающей уму твердость и приводящей его въ порядокъ, то есть *Логикѣ*. Аристотель научаетъ насъ, что Оратору должно употреблять для доказательствъ особливо энтимемы и примѣры; напротивъ того Логикъ употребляетъ только силлогисмы и индукціи. Послѣднія утомляютъ вниманіе слушателя; а первыя нравятся своею ясностію и пріятностію новости; они купно и доказываютъ и удовольствіе приносятъ. Однако продолжительное послѣдствіе энтимемъ содержитъ вниманіе слишкомъ долго въ принужденіи; примѣрыжъ въ самомъ дѣлѣ суть паче объясненія, нежели доказательства, и употребляемы будучи въ излишнемъ множествѣ, дѣлаютъ заключеніе слабымъ. Изъ сего разсужденія можемъ мы вывести слѣдующія правила: Примѣры всегда должны быть соразмѣрны матеріи. Красота ихъ состоитъ въ краткости. Надлежитъ сколько возможно остерегаться употреблять ихъ съ излишествомъ. Они должны быть заняты отъ лицъ, или отъ дѣлъ. Впрочемъ, хотя бы всѣ мысли въ рѣчи вашей выведены были чрезъ заключенія, однакожъ въ надлежащихъ мѣстахъ должно оставлять предѣлы энтимемы, дабы умъ могъ находить отдохновеніе. Весьма быстрая рѣка должна имѣть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большое пространство, въ которомъ разливалась бы она съ меньшимъ стремленіемъ, и тѣмъ доставляла бы зрѣнію пріятное успокоеніе; иначежъ видъ ея нравиться не можетъ. И такъ сколь великую пользу приноситъ

Ло-

Логика въ изобрѣтеніи доказательствъ и въ расположеніи оныхъ, толикожъ можетъ способствовать Оратору и *Геометрія* въ разсужденіи сего. Обыкновенный въ ней ходъ отъ самыхъ общихъ понятій къ неизвѣстнымъ; составленіе истинъ, строгость ея въ удаленіи всего не принадлежащаго къ цѣли, — все сіе послужитъ Оратору въ наученіе и въ помощь, говорить порядочно и съ точностію. Хотя есть Ораторы не знающіе Геометріи; однакожъ можно примѣтить въ нихъ, что они получили то отъ Натуры, что здѣсь выхваляемо какъ дѣйствіе искусства. По моему мнѣнію, можно принять то за общее правило, что дѣлая планъ рѣчи и выискивая матеріалы, сперва надлежитъ располагать все по геометрическому методу. Посредствомъ сего усмотришь подлинную цѣну, силу и связь каждаго доказательства. Потомъ уже, естьли нужно покажется, должно стараться о привлеченіи вниманія слушателей, и присовокупить нѣкоторыя украшенія. Того ради надлежитъ вамъ долго размышлять о вашей матеріи, изслѣдовать ее со всѣхъ сторонъ, разсматривать во всѣхъ ея видахъ. Посредствомъ сего вы въ состояніи будете говорить о своей матеріи съ точностію, безъ скучныхъ повтореній, съ краткостію и основательностію, дать каждой части рѣчи надлежащую мѣру; не тратить словъ на бездѣлки; и не принуждены будете коснуться только бѣгло главнаго предмета уже въ концѣ, извиняясь недостаткомъ времени, подобно тѣмъ людямъ, которые расточивъ многіе годы на глупости, извиняются краткостію жизни въ недостаткѣ добродѣтелей. Сверьхъ сего зрѣлое размышленіе о матеріи доставитъ вамъ способъ найти надлежащій методъ, особенно приличный вашему намѣренію. Ибо хотя въ математическихъ заключеніяхъ всѣ методы могутъ раздѣлены быть на аналитической и синтетической; но въ обыкновенной Топикѣ Краснорѣчія, въ матеріяхъ касающихся до нравоученія, при подлинныхъ приключеніяхъ и въ общежитіи, не возможно столь точно ихъ ограничить. Въ сихъ случаяхъ часто происходитъ явное доказательство изъ соединенія только вѣроятныхъ причинъ; по чему много искусства потреб-

но къ собранію и расположенію обстоятельствъ такъ, чтобъ они одно другое подкрѣпляли, и въ связи составляли бы твердое цѣлое. Легко усмотрѣть, что сей методъ можетъ перемѣняться почти до безконечности, особливожъ когда присовокупимъ къ сему, что для надлежащаго выбора въономъ должно соображаться со временемъ, случаемъ и расположеніемъ слушателей. Слѣдующее служитъ сему достойнымъ примѣчанія примѣромъ.

Ктезифонтъ предложилъ дать Демосѳену въ почесть золотой вѣнецъ, и объявить чрезъ провозвѣстника, что сія почесть оказана ему за его правдивость и любовь къ отечеству. Есхинъ обвиняетъ Ктезифонта, что онъ симъ предложеніемъ сдѣлалъ троякое нарушеніе законовъ: во первыхъ то, что хотѣлъ увѣнчать человѣка отправляющаго правительскую должность, и не давшаго еще народу отчета въ своемъ поведеніи, какъ законъ требуетъ; вовторыхъ, что хотѣлъ увѣнчать его публично предъ всѣми Греками, но сему торжественному обряду надлежало отправляему быть только въ собраніи гражданъ; наконецъ что онъ въ предложеніи своемъ ложно представляетъ Демосѳена добрымъ и ревностнымъ Аѳинскимъ гражданиномъ, хотя сей, по его мнѣнію, есть вредный человѣкъ и измѣнникъ отечеству.

Демосѳену, предпріявшему защищать Ктезифонта, было бы удобно отвѣтствовать на сіи пункты въ такомъ же порядкѣ. Но посмотримъ, какъ искусно онъ его перемѣняетъ. Онъ начинаетъ отвращеніемъ враднаго впечатлѣнія, какое противникъ его могъ произвести въ умахъ судей. Разсказываетъ всю исторію своея жизни и поступковъ своихъ, доказываетъ свою невинность, и подробно представляетъ услуги, какія оказалъ онъ отечеству, будучи Ораторомъ, судіею и посланникомъ. По томъ говоритъ о правительской своей должности и публичномъ мѣстѣ, на которомъ надлежало бы дать ему вѣнецъ. Оба сіи пункта помѣщаетъ онъ въ срединѣ рѣчи, гдѣ они менѣе могли возбудить вниманія; ибо они не весьма важны были и казались ему самыми слабѣйшими, по тому, что слова закона по видимому клонились не въ его выгоду. Послѣ сего обращается онъ

къ своему характеру и поступкамъ, и показываетъ разность ихъ съ поведеніемъ своего обвинителя, котораго измѣны и пороки описываетъ теченіемъ толь сильнаго Краснорѣчія, что судіямъ не возможно было противиться оному; и въ самомъ дѣлѣ оно способствовало ему одержать верьхъ со славою.

Кромѣ зрѣлаго разсужденія о своей матеріи, Ораторъ долженъ еще совѣтоваться со мнѣніями другихъ, и вспомоществовать размышленію своему книгами, могущими доставлять ему нужные матеріалы и самые лучшіе примѣры. Часто одно хорошее мѣсто въ книгѣ можетъ показать уму его новый путь и возбудить въ немъ многія спящія идеи. Въ сочиненіяхъ, которыя суть дѣло воображенія, потребно новое и оригинальное изобрѣтеніе; но въ важныхъ сочиненіяхъ основаніе почти всегда одинаково; ибо умъ по большей части показываетъ писателю только одинъ путь: по чему различіе въ оныхъ должно состоять только въ образѣ трактованія.

Касательно *расположенія* доказательствъ, Квинтиліанъ предложилъ слѣдующій весьма тонкой вопросъ, на который отвѣтствуетъ различнымъ образомъ: Какъ долженъ Ораторъ располагать свои доказательства, дабы они производили самое лучшее дѣйствіе? — Надлежитъ ли ему самыя сильнѣйшія доказательства ставить напередъ, и отъ нихъ переходить къ слабѣйшимъ? Но вообще что мы послѣ всего слышимъ, то дѣлаетъ въ насъ болѣе впечатлѣнія. Слѣдовательно сильнѣйшія доказательства утратили бы въ такомъ случаѣ свою силу? — Или надлежитъ Оратору поступать противнымъ образомъ? Но чрезъ то можетъ быть внушитъ онъ слушателямъ съ самаго начала вредныя ему предразсужденія. — Или наконецъ долженъ онъ располагать доказательства подражая Несторову устроенію войскъ въ Иліадѣ, и ставить слабѣйшія доказательства въ срединѣ, такъ какъ сей полководецъ поступалъ со слабѣйшими войсками? Сіе расположеніе кажется весьма благоразумнымъ, естьли обстоятельства позволяютъ оное, и естьли Ораторъ имѣетъ столько доказательствъ,

что

что можетъ дѣлать выборъ. Однакожъ для такого расположенія не должно безъ нужды умножать доказательствъ. — И такъ явно, что всѣ сіи методы имѣютъ свои затрудненія, и что каждой изъ нихъ можетъ быть полезнѣе обоихъ прочихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Между тѣмъ слѣдующія правила суть общія: Не употребляйте никогда ложныхъ, или ничего не значащихъ доказательствъ. Не приписывайте доказательству большей силы, нежели оно въ самомъ дѣлѣ имѣть можетъ. Естьли имѣете уже довольно доказательствъ для увѣренія разумнаго человѣка, то не умножайте ихъ безъ нужды. Избѣгайте, сколько возможно, доказательствъ издалека выводимыхъ; не многіе могутъ ихъ разумѣть, и они всѣмъ подозрительны. Начинайте всегда по крайней мѣрѣ однимъ сильнымъ доказательствомъ, и заключайте также важнымъ, или могущимъ сдѣлать впечатлѣніе. Иногда полезно повторять въ заключеніи предыдущее сильнѣйшее доказательство, послѣ нѣкоторыхъ слабыхъ, и при ономъ нѣсколько останавливаться. Надлежитъ только остерегаться, чтобъ не представлять его въ обоихъ случаяхъ съ одной стороны. Впрочемъ должно также изслѣдовать и *родъ* доказательствъ. Часто можно употреблять вмѣсто ихъ *славные* примѣры, которые въ рѣчахъ къ народу всегда дѣлаютъ великое впечатлѣніе. Но сіи примѣры должны занимаемы быть отъ людей истинно великихъ. Употреблять ихъ надлежитъ весьма бережливо. Доказательства заимоемыя изъ опыта другихъ, или изъ Исторіи, весьма способны къ убѣжденію, ибо приносятъ слушателямъ удовольствіе. Слушатель чувствуетъ при нихъ такуюжъ пріятность, какъ путешественникъ, шедшій долго по тѣсному и темному пути, и вдругъ находящій широкое отверстіе, которое, не сводя съ дороги, доставляетъ зрѣнію его дальніе виды, ясной свѣтъ и новые предметы. Часто доказательства происходятъ изъ *повѣствованія*; часто бываютъ они въ немъ вмѣщены. Того ради Оратору должно имѣть и рѣдкое дарованіе хорошо повѣствовать. Повѣствованіе должно быть ясно, живо и кратко: ясно для того, чтобъ дать свѣдѣніе; живо, чтобъ тронуть; крат-

кратко, чтобъ удобно въ памяти могло быть удержано. Ясность зависитъ отъ чистаго слога и точнаго метода; живость происходитъ отъ воображенія, а краткость отъ разумнаго выбора обстоятельствъ и сжатаго выраженія. Вообще можно все сіе назвать *простотою*, которая есть совершенство повѣствованія, и состоитъ въ истинныхъ, естественныхъ мысляхъ, выраженныхъ безъ принужденія и излишества, и связанныхъ безъ скочковъ или принужденныхъ переходовъ. Ошибаются думая, что Ораторъ долженъ повѣствовать съ большимъ жаромъ, съ большею пышностію и съ возвышеннѣйшими фигурами, нежели Историкъ. Оба они при повѣствованіи своемъ имѣютъ одинакую цѣль, а именно, ясное представленіе какого либо произшествія; по чему нѣтъ никакой основательной причины такому различію. Сверьхъ сего прочитайте только повѣствованія о моровой язвѣ въ Аѳинахъ у Туцидида, о разореніи Албы и переходѣ Аннибаловомъ чрезъ Алпійскія горы у Ливія, о возмущеніи Римскихъ солдатъ при рѣкѣ Рейнѣ и въ Панноніи у Тацита; и сравните оныя съ Демосѳеновымъ повѣствованіемъ въ рѣчи его о вѣнцѣ, или съ Тулліевымъ о смерти Клодія: вы скоро согласитесь, что Историкъ ни мало не уступаетъ Оратору въ пылкости, впечатлѣніи, въ силѣ и смѣлости выраженія. Весьма нужно избѣгать сего мнѣнія, дабы по ложному понятію о Краснорѣчіи не наполнять повѣствованій надутымъ и цвѣтами испещреннымъ вздоромъ. Повѣствованіе Историка непрерывно. Ораторъ не можетъ слишкомъ его распространять; онъ долженъ съ пріятностію прерывать оное разсужденіями и доказательствами. Историкъ повѣствуетъ только важныя и трогающія обстоятельства; Ораторъ пристойнымъ образомъ впускается въ повѣствованіе самыхъ мѣлкихъ малостей. Историкъ сообщаетъ справедливое, общее, безпристрастное извѣстіе; Ораторъ ищетъ только нѣкотораго пункта, и останавливается особенно при избранныхъ обстоятельствахъ, потребныхъ къ его цѣли.

Кромѣ прямыхъ доказательствъ, часто бываетъ нужно опровергать утверждаемое противникомъ, или отвѣтствовать на возраженія. Въ разсужденіи опроверже-

нія главныя правила суть слѣдующія: Поступайте правдиво. Повторяйте слова противника своего безъ всякой перемѣны. Отвѣтствуйте на самыя сильныя возраженія, а не выбирайте самыхъ слабыхъ. Принимайте слова его въ естественномъ ихъ и общемъ смыслѣ. Не ловите съ жадностію случаевъ пользоваться какимъ либо неосторожнымъ его выраженіемъ. Не укоряйте его нѣкоторыми слѣдствіями, искусно выведенными изъ его положеній, хотя бы онъ и призналъ несправедливость оныхъ. Наконецъ рачительно избѣгайте всякой оскорбительности. Въ разсужденіи возраженій, вы либо отвѣтствуете на сдѣланныя вамъ возраженія, либо предупреждаете ожидаемыя. Въ первомъ случаѣ открыто вамъ пространное поле. Такіе отвѣты всегда выслушиваемы бываютъ со вниманіемъ и удовольствіемъ, естьли они ясны и достаточны. Слушатели удивляются щастливой способности Оратора; охотно видятъ обнаруженіе истины; и какъ то естественно, находятъ удовольствіе въ сравненіяхъ и состязаніяхъ. Но при отвѣтствованіи на ожидаемыя возраженія надлежитъ поступать весьма осторожно. Не должно разсѣивать вниманія слушателей излишнимъ множествомъ возраженій. Не должно приводить ни такихъ слабыхъ возраженій, надъ которыми стали бы смѣяться, ни вызисканныхъ слишкомъ тонко, о которыхъ можетъ быть никто бы и не вздумалъ; наконецъ должно избѣгать такихъ возраженій, на которыя вы совершенно отвѣтствовать не можете. Но имъ надлежитъ быть извѣстнымъ, или происходящимъ естественно изъ самой матеріи; опроверженіе должно быть полезно и пріятно слушателямъ; предлагать ихъ и отвѣтствовать должно толь ясно и кратко, сколько по свойству дѣла возможно. Но остерегайтесь, чтобъ не входить при томъ въ мѣлкія тонкости и чрезмѣрную точность. Подробныя различенія могутъ быть нужны для опроверженія софизмовъ; но преступая надлежащіе предѣлы, они отягощаютъ память и производятъ неудовольствіе. Располагайте доказательства свои по матеріи. Не старайтесь доказывать того, что само собою явно; и не покрывайте истинъ здраваго разума одеждою си-

системы. Наконецъ, предложеніе доказательствъ заключается двоякимъ образомъ: Ораторъ либо повторяетъ нѣкоторыя доказательства, при чемъ искусство состоитъ въ выборѣ такихъ, при которыхъ бы и о прочихъ удобно можно было вспомнить; либо онъ обращается отъ разума къ сердцу, и старается склонить страсти на сторону истины, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

6.

О страстяхъ.

Душа при всякомъ случаѣ вся дѣйствуетъ; она судитъ, воображаетъ себѣ что либо, вспоминаетъ о вещахъ; и всякаго рода понятія, отъ самаго простаго ощущенія до самаго отвлеченнѣйшаго размышленія, которыя мы по большей части различаемъ именами разныхъ способностей, суть только дѣйствія одной способности разума, или точнѣе сказать, души, употребляющей сію способность: они различаются только съ помощію предметовъ, или обстоятельствъ. Совѣсть есть разумъ судящій о дѣлахъ сравниваемыхъ съ чувственными законами. Вкусъ судитъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ по законамъ, предписаннымъ на оныя натуральною и посредствомъ науки и прилѣжанія исправленною силою различенія. То же бываетъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ. Кромѣ сея способности понимать и судить, свойственной душѣ, она имѣетъ еще неразлучное съ нею желаніе блаженства. Все, что кажется нѣсколько споспѣшествующимъ ея блаженству, нравится ей, и она старается то имѣть; всеж могущее нарушить оное она ненавидитъ, и старается того избѣгать. Сколь различно такое благо или зло, столь же различно и сіе желаніе или отвращеніе. Естьли блага еще нѣтъ, или полученіе его вѣроятно, то мы чувствуемъ надежду; напротивъ того въ разсужденіи зла чувствуемъ страхъ. Естьли благо получено, то мы чувствуемъ радость; а при злѣ печаль. Потеряніе блага производитъ скуку, тоску; пріобрѣтеніе радость. Естьли другіе купно съ нами ищутъ одного блага, отъ сего происходитъ ревность; когда другой получаетъ оное, то симъ часто возбуж-

дается зависть; когдажъ получаетъ недостойный, то бываетъ негодованіе. Потерпѣвъ зло, чувствуемъ досаду, которая въ послѣдствіи становится мщеніемъ. Естьли мы сильно желаемъ славы, то страсть называется суетностію; естьли она смѣшена съ презрѣніемъ къ другимъ, гордостію; естьли желаемъ богатства, страсть называется сребролюбіемъ, естьлижъ почестей, честолюбіемъ. Зло, приключающееся другимъ, возбуждаетъ сожалѣніе. И такъ въ самомъ дѣлѣ всѣ страсти можно относить къ двумъ главнымъ движеніямъ души: къ *желанію* и *отвращенію*, или къ *любви* и *ненависти*; и наблюдая прилѣжно самихъ себя, усматриваемъ, что страсти не разнятся съ *волею*, какъ-то нѣкоторые Философы думаютъ, но при всякой страсти воля дѣйствуетъ только съ большею силою. Но имѣетъ ли душа власть надъ сими страстями? Нѣсколько. Послѣ перваго впечатлѣнія нѣкоторые люди могутъ удерживать ихъ, болѣе или менѣе, сколько темпераментъ ихъ позволяетъ, или сколько вспомоществуетъ въ томъ разсудокъ. Но какъ мыслимъ мы въ разсужденіи добра или зла, касающагося до насъ самихъ, такъ же судимъ о дѣйствіяхъ его и въ отношеніи къ другимъ людямъ. Они трогаютъ насъ нѣкоторымъ образомъ съ такоюжъ силою; ибо душа наша при первомъ видѣ оныхъ обращается къ самой себѣ, и по тому объ нихъ судитъ. Натура соединила толикожъ удовольствія съ дѣйствованіемъ страстей, какъ и съ употребленіемъ силъ тѣлесныхъ. Однако не должно разумѣть сего о тѣхъ страстяхъ, которыя сами по себѣ непріятны. Нѣкое ожиданіе, смѣшенное съ нѣкоторымъ опасеніемъ, пріятно душѣ; но естьли сіе опасеніе весьма увеличится, то произведетъ противное дѣйствіе. Посему можно отвѣтствовать на вопросъ: для чего нѣкоторые предметы въ изображеніи нравятся, но въ Натурѣ непріятны? Дѣйствованіе страстей доставляетъ намъ удовольствіе; но естьли онѣ происходятъ отъ претерпѣннаго нами или угрожающаго намъ бѣдствія, то непріятность бываетъ господствующимъ чувствованіемъ, и мы только ее примѣчаемъ. Напротивъ того, естьли бѣдствіе сіе, естьли

ли сіе опасеніе отъ насъ удалено, то страсть бываетъ пріятна. Сверьхъ сего образъ жестокаго нещастія нравится тѣмъ, что весьма живо представляетъ намъ, сколь сами мы благополучны, будучи свободны отъ такого нещастія. Сила дѣйствовать надъ нами возбужденіемъ страстей нашихъ составляетъ всю красоту подражающихъ искусствъ. Въ Краснорѣчіи она гораздо болѣе, нежели во всѣхъ другихъ искусствахъ. Ибо Поэзія или Живопись представляетъ намъ только такихъ людей въ нещастіи, которыхъ въ самомъ дѣлѣ никогда не было, или давно уже умершихъ. Страсть всегда бываетъ слабѣе отъ сея мысли, которой ни самый искуснѣйшій обманъ изображенія совсѣмъ истребить не можетъ. Но цѣль Краснорѣчія есть убѣждать людей, отвлекать ихъ отъ чего нибудь, или возбуждать къ чему либо, представленіемъ истинныхъ выгодъ или вредныхъ слѣдствій, касающихся до нихъ самихъ; по чему оно свободно отъ всякаго обмана: слѣдовательно страсти, имъ возбуждаемыя, основаны будучи на истинѣ, должны быть гораздо сильнѣе. Однако не производитъ оно сильнаго неудовольствія: ибо намѣреніе его всегда клонится къ отвращенію или предупрежденію зла; по чему оно смѣшиваетъ непріятность съ надеждою, и тѣмъ умѣряетъ ея впечатлѣніе. Также въ другихъ искусствахъ самое то дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ страсти слабѣе, что мы плѣняемся трогающими ихъ произведеніями: ибо мы знаемъ, что уступаемъ при томъ несовершенству нашей натуры. Но въ Краснорѣчіи сего не бываетъ. Страсти возбуждаются имъ для полезнаго расположенія души нашей; онѣ происходятъ отъ подлиннаго существа, и служатъ справедливости; удовольствіе бываетъ несмѣшенное; страсти приводимы въ движеніе съ пристойнымъ намѣреніемъ.

Краснорѣчіе должно трогать страсти, а не одинъ только разумъ; ибо слушатели по большей части не употребляютъ разума къ познанію истины, и могутъ убѣждены быть только посредствомъ страстей. Но какъ же должно трогать сіи страсти? Великой учитель Краснорѣчія отвѣтствуетъ на сіе: „Узнайте совершен-

„но существо страстей.„ А для сего надлежитъ читать прилѣжно ту часть его наставленія, въ которой онъ о семъ говоритъ. Присовокупите къ тому собственныя ваши наблюденія. Обращайте вниманіе на самихъ себя. Чѣмъ возбуждаемы были въ васъ любовь или ненависть, негодованіе или сожалѣніе? Сравнивайте съ тѣмъ дѣйствія, видимыя вами въ другихъ. Посредствомъ сего будете вы находить мало по малу источники всѣхъ страстей, и дѣлать надлежащія ограниченія по различію нравовъ и обстоятельствъ; и такимъ образомъ откроете истинный путь къ сердцу человѣческому. Второе правило, которое мы сообщимъ, толь важно, что безъ наблюденія его совсѣмъ не возможно покушаться на возбужденіе страстей въ другихъ. Стихотворецъ выражаетъ оное слѣдующимъ образомъ: „Плачь сперва самъ, естьли хочешь, чтобъ я плакалъ.„

Плутархъ разсказываетъ о Демосѳенѣ повѣсть, касающуюся до нашей матеріи. „Одинъ гражданинъ Аѳинской пришелъ къ сему Оратору, и просилъ его вступиться за него противъ другаго, который поступилъ съ нимъ весьма безчеловѣчно. Но какъ онъ предлагалъ свою жалобу съ хладнокровнымъ видомъ, то Демосѳенъ отвѣтствовалъ, что дѣло не могло быть такъ, какъ онъ разсказываетъ. „Ты вѣрно не потерпѣлъ никакого жестокаго поступка.„ Какъ! вскричалъ тотъ, возвысивъ голосъ свой съ великимъ напряженіемъ: онъ не поступилъ со мною безчеловѣчно? онъ меня не обидѣлъ? — „А! теперь я начинаю вѣрить, сказалъ Демосѳенъ: „вотъ видъ, вотъ голосъ обиженнаго человѣка. Я вижу, что ты правъ, и приму на себя твое дѣло.„— Сей примѣръ доказываетъ часто уже повторяемое правило, что Ораторъ долженъ почитаемъ быть правдивымъ человѣкомъ. Вамъ не возможно быть весьма тронутымъ его словами, естьли вы не почитаете его правдивымъ человѣкомъ, который говоритъ непритворно и самъ вѣритъ тому, что достовѣрнымъ представить старается. Но при какихъ случаяхъ Ораторъ можетъ употреблять съ самымъ лучшимъ успѣхомъ сію часть своего искусства — возбужденіе страстей? Предпринимая

говорить о важной матеріи предъ однимъ или предъ немногими судіями, имѣющими дознанное проницаніе и правдолюбіе, онъ долженъ употреблять возбужденіе страстей съ величайшею бережливостію, дабы не подать подозрѣнія, что онъ обмануть намѣренъ. Въ дѣлѣ весьма справедливомъ нарушеніе сего правила совсѣмъ непростительно. Ораторъ въ семъ случаѣ уподобляется живописцу, который пишетъ прекрасное лице и помрачаетъ подлинную красоту поддѣльными украшеніями. Въ такихъ обстоятельствахъ естественное, ясное и порядочно расположенное представленіе дѣла есть одно правильное и убѣдительное Краснорѣчіе. Напротивъ того въ рѣчахъ предъ большимъ собраніемъ возбужденіе страстей не только позволено, но и необходимо нужно. Посредствомъ онаго надлежитъ Оратору привлекать вниманіе слушателей и заставлять ихъ удерживать въ памяти слышанное. Чѣмъ болѣе въ собраніи людей тонкаго исправленнаго разума, тѣмъ менѣе нужно возбужденіе страстей. Критики по большей части сему различію приписываютъ нѣкоторое несходство между Демосѳеномъ и Цицерономъ. Аѳиняне, будучи отъ природы самые остроумнѣйшіе между Греками, посредствомъ долговременнаго и тщательнаго упражненія во всякихъ искусствахъ, содѣлались внимательны, любопытны и проницательны. Напротивъ того Римляне съ самаго происхожденія своего заняты были войнами, весьма уже поздно начали прилѣжать къ искусствамъ, и слѣдовательно не имѣли толь остраго и рѣшительнаго разума; по чему ихъ Ораторъ долженъ былъ стараться болѣе трогать страсти. Греческой Ораторъ въ самомъ дѣлѣ также имѣлъ сіе искусство, но только болѣе скрывалъ оное. Сіе трогающее Краснорѣчіе, кажется, особливо потребно тогда, когда Ораторъ намѣренъ защищать или выхвалять религію и добродѣтель. Хотя въ семъ случаѣ наставленіе есть главная цѣль, и возбужденіе страстей для онаго совсѣмъ безполезно; однакожъ сія часть вообще весьма трудна. Люди скоро могутъ почувствовать, что справедливо; но самаго великаго труда стоитъ побудить ихъ стремиться къ тому. Къ сему-то Ора-

 торъ

торъ долженъ употреблять всю силу Краснорѣчія; онъ долженъ проникать въ сокровеннѣйшія глубины сердца человѣческаго; долженъ, подобно оному святому витіи, трогать такъ, чтобъ Игемонъ, во всей своей пышности, при всемъ могуществѣ правительскаго достоинства, при всемъ своемъ ожесточеніи и закоснѣлости во грѣхахъ, — чтобъ и сей вострепеталъ. Ибо какъ страсти обыкновенно противны бываютъ добродѣтели, то Ораторъ долженъ находить въ нихъ же самихъ имъ противоборствіе; изъ чего и видима необходимость возбужденія страстей. Вообще обманываются, отдѣляя страсти совсѣмъ отъ ума, или думая, что умъ совершенно противенъ страстямъ. Напротивъ того находится между ими толь тѣсная связь, что не возможно сдѣлать сильнаго впечатлѣнія въ умѣ, не тронувъ страстей. Примѣръ послужитъ къ объясненію сего. Демосѳенъ предпріемлетъ ободрить Аѳинянъ выступить противъ Филиппа, пріуготовлявшагося къ войнѣ съ ними. Положимъ, что сей Ораторъ предложилъ бы при семъ случаѣ мысли свои самымъ легкимъ, непринужденнымъ образомъ. Не возбудилъ ли бы онъ сильнаго негодованія въ душахъ ихъ однимъ только повѣствованіемъ прежнихъ дѣлъ Филипповыхъ, обмана его, притворства, подкупленія ихъ союзниковъ, собственныхъ ихъ правителей и Ораторовъ, а еще паче представленіемъ многихъ вредныхъ намѣреній его и заговоровъ, клонившихся къ тому, чтобъ лишить Аѳинянъ ихъ силы, земель и правъ? Могъ ли онъ не произвести сего дѣйствія, предложивъ только имъ разныя доказательства, которыя самый случай ему доставлялъ? Но естьли хотите видѣть примѣръ, какъ онъ однимъ только возбужденіемъ страстей купно и увѣрялъ, то прочитайте рѣчь сего Оратора противъ Эсхина.

Къ правиламъ осторожности при возбужденіи страстей принадлежитъ слѣдующее: *Первое:* Разсуждайте тщательно, пристойно ли возбужденіе страстей той матеріи, о которой вы говорить хотите, или нѣтъ. Въ маловажныхъ дѣлахъ, или при такихъ матеріяхъ, въ которыхъ слушатель ожидаетъ основательныхъ дока-

за-

зательствѣ, восклицанія и напряженіе голоса были бы смѣшны. И такъ начиная, спрашивайте у самихъ себя: „естьлибъ другому надлежало говорить о сей матеріи, какъ бы желалъ я, чтобъ онъ объ ней говорилъ? чего бы я потребовалъ, наставленія ли, или того, чтобъ онъ меня тронулъ; увѣренія, или удовольствія?„ Сообразно отвѣту своему, и сами поступайте.

Второе: Вы должны посвящать вниманіе свое вопервыхъ уму. Для убѣжденія должно увѣрить. Отъ того рѣчь ваша получитъ силу и твердость; ибо умъ есть владычествующая сила въ нашей натурѣ. Изъ сего слѣдуетъ *третіе*: Употребляйте при возбужденіи страстей всю возможную краткость: отчасти для того, чтобъ посвятить болѣе времени и раченія увѣрительной части; отчастижъ для того, что такія трогающія рѣчи весьма легко наскучить могутъ. Въ самыхъ лучшихъ писателяхъ паче всего трогаютъ насъ не продолжительныя и трудныя мѣста, но краткія, быстрыя черты. Вспомните только одинъ стихъ у Виргилія, какъ Евридика, обращая еще взоръ на своего Орфея, говоритъ:

Invalidasque tibi tendens, *heu non tua!* palmas.

Четвертое: *Сожалѣніе* есть такая страсть, которую труднѣе всякой другой долго соблюдать. По чему трагедіи возбуждающія особливо страхъ нравятся болѣе тѣхъ, которыя трогаютъ только сожалѣніе. *Пятое* замѣчаніе есть сіе: Намѣрены будучи тронуть страсти, сколько возможно скрывайте сіе намѣреніе. Оно должно открыто быть только по его дѣйствіямъ. Лонгинъ совѣтуетъ для сего употребленіе высокаго слога. Но при томъ ничего рачительнѣе избѣгать не должно, какъ нѣкоторыхъ прикрасъ, со тщаніемъ вымышленнаго оборота періодовъ, и блестящихъ мыслей. Сильныя страсти выражаются безъ приуготовленія и выдумокъ. Мысли должны естественно происходить изъ страстей; а слова должны быть легки и просты.

Наконецъ не должно говорить долго трогающимъ тономъ, хотя бы собраніе и совсѣмъ не было тронуто. Но въ приготовленной и напередъ расположенной рѣчи весьма трудно наблюдать сіе правило. Того ради Свифтъ думалъ, что въ такихъ рѣчахъ совсѣмъ не

должно стараться о возбужденіи страстей. Однакожъ и въ пріуготовляемыхъ напередъ рѣчахъ, сего старанія совсѣмъ оставлять не можно. Самое лучшее наставленіе въ разсужденіи сего, кажется, есть слѣдующее: Говорите о такихъ только матеріяхъ, которыя заслуживаютъ ваше одобреніе. Вникайте совершенно въ свою матерію. Чувствуйте сами ту страсть, которую хотите возбудить; не чувствуяжъ ея, никогда не пишите или не говорите.

7.

О выраженіи въ слогѣ.

Самый вѣрнѣйшій способъ къ открытію красоты или погрѣшностей въ чемъ либо есть разсужденіе о цѣли. Главная цѣль языка состоитъ въ сообщеніи мыслей нашихъ для увѣренія или склоненія къ чему нибудь другихъ: изъ чего явно, что главное качество онаго есть *ясность*; а по тому должно употреблять такія слова, которыя по общему употребленію извѣстны и обыкновенны. Также языкъ долженъ быть *чистъ*; ибо въ противномъ случаѣ онъ былъ бы неясенъ, или непріятенъ. Слова надлежитъ ставить въ естественномъ ихъ порядкѣ, сколько свойство языка то позволяетъ. Особливо должно избѣгать двусмысленныхъ выраженій, обыкновенной погрѣшности новѣйшихъ писателей. Также избѣгать должно всѣхъ застарелыхъ словъ, всѣхъ новыхъ выраженій, непрестанно изобрѣтаемыхъ своемысліемъ. Правила никогда не были такъ нужны, какъ въ наше время. Языкъ древнихъ Ораторовъ можно сравнить съ рѣкою, которая иногда течетъ въ прямой линіи, иногдажъ изгибами, иногда быстро, иногдажъ тихо, сообразно положенію мѣста; но всегда чиста, величественна, и полна во самые зеленые берега свои. Напротивъ того Краснорѣчіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ Ораторовъ уподобляется рѣкѣ стремящейся по камнямъ, подрывающей горы, составляющей водопады, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма пріятной, но всегда шумящей, мѣлкой, и отъ собственнаго своего движенія мутной. Но Ораторъ не только долженъ быть вразумителенъ; онъ долженъ также нра-

виться

виться и трогать. Къ ясности надлежитъ присовокуплять украшеніе. Аристотель замѣчаетъ, что самой древній родъ слога былъ Поэзія. Того ради первые Греческіе Ораторы, во время Персидскаго царя Кира, хотя и оставили размѣръ стиховъ, но удержали стихотворческое выраженіе, видя, сколь Поэзія была любима. Сей методъ долго продолжался, и употребляемъ еще былъ Горгіасомъ, современникомъ Сократовымъ. Нѣкоторые оставшіеся отрывки изъ рѣчей Софистовъ то же доказываютъ. Въ послѣдствіи самые Трагическіе стихотворцы унизили нѣсколько величественное выраженіе своея Музы, и изобрѣли ямбическую мѣру стиховъ, болѣе къ прозѣ приближающуюся, дабы сдѣлать рѣчь свою естественнѣе. Однакожъ писатели долго еще не оставляли стихотворческаго выраженія.

Обильное воображеніе заставляло нѣкоторыхъ употреблять слишкомъ высокопарныя выраженія, чему примѣры можно видѣть у Лонгина. Другіе вносили въ прозу украшенія Поэзіи. Сіе доказываютъ писатели жившіе во времена упадка Римской Имперіи, и многіе изъ новѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ гораздо легче разсыпать цвѣты только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, нежели по всей рѣчи распространить надлежащій жаръ и силу. Но для чегожъ не нравится то въ Краснорѣчіи, что въ Поэзіи нравится? Для того, что цѣль ихъ различна. Главная цѣль Поэзіи приносить удовольствіе, а Краснорѣчія научать. Къ правиламъ, касающимся до ясности, принадлежитъ еще сіе: Не старайтесь объ оной слишкомъ тщательно; въ противномъ же случаѣ подвергнетесь погрѣшности излишняго многословія, въ избѣжаніи которой и самъ Локкъ не всегда имѣлъ довольно осторожности; рѣчь ваша будетъ слаба и скучна; вы пожертвуете всѣми красотами слога, и обидите разумъ слушателя.

Но кромѣ ясности и чистоты языка, Ораторъ долженъ еще, какъ я уже сказалъ, стараться объ *украшеніи*, въ которомъ состоитъ естьли не польза, то по крайней мѣрѣ главной блескъ Краснорѣчія. Оно даетъ рѣчи великолѣпіе, пріятность и красоту; оно привлекаетъ

етъ вниманіе, плѣняетъ сердца и пріобрѣтаетъ похвалу отъ слушателей; оно отличаетъ Оратора отъ Философа и человѣка пишущаго только для сообщенія понятія о дѣлѣ; оно возвышаетъ языкъ его надъ простотою обыкновенной прозы, умѣряетъ важность доказательствъ, увеличиваетъ остроту, и оживляетъ быстрыя обнаруженія воображенія. Оно подлинно дѣлаетъ Реторику *искусствомъ*. Во всѣхъ другихъ ея частяхъ одно щастливое природное дарованіе можетъ быть достаточно; но въ ораторскомъ украшеніи никогда не можно достичь нѣкотораго совершенства безъ наставленія, безъ многаго прилѣжанія и навыка. Всѣ же истинныя украшенія происходятъ изъ двухъ источниковъ: изъ *композиціи* и *фигуръ*. Многіе думаютъ, что должно стараться объ украшеніяхъ, естьли не объ однихъ только, то по крайней мѣрѣ паче всего прочаго. Все, что безъ всякаго украшенія, кажется имъ дурно. По ихъ мнѣнію, одно только ораторское украшеніе сообщаетъ рѣчи жизнь и красоту. Но они не знаютъ той прекрасной простоты, той легкости, въ которой выраженіе служитъ только орудіемъ къ сообщенію нашихъ мыслей, не отличаясь само собою, подобно чистой прозрачной рѣкѣ, которой воду зрѣніе нечувствительно проницаетъ и видитъ песокъ на днѣ ея. Простая рѣчь часто бываетъ самою лучшею, когда прилична случаю или характеру Оратора. При важныхъ повѣствованіяхъ, въ случаяхъ крайней нужды, требующей поспѣшности, и естьли Ораторъ знатной человѣкъ, ясный и краткой слогъ предпочтительнѣе всякому иному. Такимъ образомъ Теренцій разсказываетъ о погребеніи: Effertur, imus. Такъ Виргилій выражаетъ поспѣшность: Ferte citi flammas, date tela, ſcandite muros. Такое краснорѣчіе Тацитъ хвалитъ въ одномъ Римскомъ Императорѣ: Profluens, et qualis decebat Principem, oratio. Сей родъ простоты имѣетъ видъ какъ истины, такъ и величества. Мы почитаемъ того искреннимъ, кто показываетъ намъ толь мало пышнаго и рачительнаго пріуготовленія, и получаемъ о томъ великое мнѣніе, кто столько нравится не стараясь нравиться. Сей слогъ есть красота въ легкой оде-

одеждѣ; онъ менѣе блеститъ, но болѣе трогаетъ. Сверьхъ того кажется не пристойнымъ великому характеру весьма тщательно пещись о нѣкоторыхъ словахъ.

Обильное и живое *воображеніе* есть одна изъ главныхъ душевныхъ силъ, которая въ Краснорѣчіи необходимо должна имѣть великое вліяніе. Она представляетъ слушателю множество новыхъ и прекрасныхъ образовъ, и впечатлѣваетъ оные глубоко въ умѣ его. Однако намъ должно стараться употреблять воображеніе съ благоразуміемъ; именножъ никогда не давать ему воли въ легкихъ частяхъ рѣчи, и украшать имъ только важнѣйшія. Но оно бываетъ противно болѣе страстямъ, нежели уму. Можно помѣщать нѣкоторыя черты его въ самыхъ строгихъ доказательствахъ; напротивъ того въ трогающихъ мѣстахъ рѣчи оно весьма мало употребляемо быть можетъ. Желая сильно тронуть, остерегайтесь вмѣшивать въ слова свои живыя черты воображенія: въ семъ случаѣ должно говорить просто, непринужденно. Всѣ сильныя страсти важны; онѣ занимаютъ всю душу. Острые вымыслы и тонкіе обороты ихъ прерываютъ. А какъ въ порядкѣ самой Натуры страсть предшествуетъ воображенію, то и вы должны давать ей первое мѣсто. Ораторъ трогающій предпочтительнѣе доставляющему только удовольствіе.

Однако Ораторъ долженъ стараться угождать и *чувствамъ* посредствомъ стройнаго и слуху пріятнаго слога. Аристотель хотя весьма привязанъ былъ ко глубокомысленному знанію и основательному разсужденію, но потщился съ великою точностію предписать правила, какъ должно располагать слова стопами по мѣрѣ слоговъ, давать періоду пріятное для слуха окончаніе, и всякой членъ онаго ставить по надлежащему размѣру.

Ораторъ, совершенно знающій искусство украшенія, напередъ внимательно разсматриваетъ матерію, о которой говорить хочетъ; разсуждаетъ, объяснить ли только ее должно, или и доказывать, или обое не нужно, а только надлежитъ тронуть страсти слушателей. Онъ поставляетъ себя на мѣсто своихъ слушателей,

дабы

дабы судить о семъ справедливо; спрашиваетъ самъ у себя: „естьли бы кому нибудь надлежало говорить предо мною о сей матеріи, чего бы я ожидалъ отъ него? объясненія ли, доказательствъ, страсти, или воображенія?„ Соображаясь тому и самъ онъ поступаетъ. Въ смѣшенной матеріи размѣриваетъ онъ каждую часть особливо. Въ одномъ мѣстѣ объясняетъ, въ другомъ доказываетъ, въ иномъ трогаетъ; иногдажъ умѣряетъ строгость ума и пылкое стремленіе страстей цвѣтами воображенія. Слогъ его всегда чистъ, ясенъ и слуху пріятенъ; пачежъ всего сообразенъ случаю; кажется происходящимъ изъ самой матеріи. Слова безъ усильнаго исканія представляются сами собою на выраженіе мыслей, какъ скоро онѣ родятся въ душѣ Оратора. Такой Ораторъ воленъ и скроменъ въ своемъ вступленіи; вразумителенъ и точенъ въ предложеніи; важенъ и убѣдителенъ въ доказательствахъ; трогающъ, воспламеняющъ и плѣняющъ въ выведеніи слѣдствій. Трактованіе его кратко, связно, исполнено высокости и силы; объясненія удобопонятны и обстоятельны; описанія точны, однакожъ кратки; страсти живы, плѣняющи и жарки. Онъ соединяетъ жаръ стихотворца съ простотою Философа и величественною важностію Историка; онъ бережливъ въ отступленіяхъ отъ матеріи; переходы его легки, сравненія точны, разсужденія основательны. Самое большее искусство его состоитъ въ сокрываніи искусства. Самыя чувствительнѣйшія мѣста кажутся у него самыми естественными; а тѣ, надъ которыми трудился онъ болѣе всего, самыми легкими. Онъ старается о исправности слога, но при томъ живъ; приноситъ удовольствіе, однакожъ основателенъ; не видно въ немъ принужденія, однакожъ онъ наблюдаетъ повсюду самой строжайшій методъ; кажется, что онъ никогда не отступаетъ отъ матеріи, развѣ для того только, чтобъ возвратиться къ ней съ большею пользою; онъ старается нравиться только для того, чтобъ убѣдить. Всегда удовлетворяетъ онъ любопытству нашему новыми красотами, однакожъ непрестанно питаетъ его ожиданіемъ еще слѣдующихъ; онъ всегда и на-

гра-

граждаетъ наше вниманіе и купно возбуждаетъ оное. При каждомъ шагѣ, какъ бы всходя на гору, онъ показываетъ новой видъ, и мельканіе еще другихъ видовъ, за симъ открывающихся. Такимъ образомъ онъ непрестанно и удовлетворяетъ намъ и не удовлетворяетъ; водитъ насъ отъ одного ожиданія къ другому, и содержитъ въ недовѣдѣніи, пока дойдемъ до самой вершины, гдѣ все заключается и соединяется: оттуда усматриваемъ мы планъ въ дѣйство произведенный, усматриваемъ правильное, хорошо связанное цѣлое, и умъ нашъ получаетъ совершенное успокоеніе.

Одинакія мысли могутъ выражаемы быть различнымъ образомъ; ибо различными словами можно сообщать одинакія понятія, и ставить слова въ различномъ порядкѣ. Но въ самомъ дѣлѣ со всею возможною исправностію мысли совершенно выражаемы быть могутъ однимъ только образомъ. Находить сіе выраженіе есть дѣло искусства; и по тому часть Краснорѣчія занимается правилами, какъ должно располагать слова въ разсужденіи значенія ихъ и звука, или *композиціею.* Въ разсужденіи значенія, надлежитъ ставить слова такъ, чтобъ можно было совершенно и ясно усматривать ихъ смыслъ. Касательножъ порядка словъ въ отношеніи ко звуку, должно сперва выбирать слова самыя удобнѣйшія къ выраженію вашихъ мыслей. Сіи слова надлежитъ ставить въ такомъ порядкѣ, чтобъ они никогда не дѣлали непріятности слуху, но вообще приносили бы удовольствіе. Въ матеріяхъ, касающихся только до наставленія, довольно уже и того, чтобъ они непріятности не причиняли. Діонисій Галикарнасской въ преизрядномъ сочиненіи о расположеніи словъ показываетъ, что Греки весьма старались о семъ искусствѣ. Намъ же и въ семъ намѣреніи надлежитъ только внимательно читать Греческія сочиненія: мы безъ сомнѣнія можемъ съ хорошимъ успѣхомъ подражать симъ образцамъ, по тому, что ихъ языкъ имѣетъ немалое сходство съ нашимъ. Но тщетно будемъ мы стараться располагать мѣру нашей прозы по размѣру (rhythmus) Древнихъ; ибо въ однихъ только стихахъ стопы точно опредѣлены, но въ прозѣ мѣ-

ра зависитъ только отъ слуха. Расположеніе словъ требуетъ еще инаго старанія. Мы уже сказали, что надлежитъ ставить ихъ такъ, чтобъ смыслъ былъ удобопонятенъ. Всѣ переставки, противныя ясности, не должны быть терпимы, хотя бы онѣ и споспѣшествовали эмфазису или гармоніи. Также сей порядокъ не долженъ никогда оскорблять слухъ непріятнымъ звукомъ, напр. стеченіемъ долгихъ и чистыхъ самогласныхъ, котораго Малгербъ толь тщательно избѣгать умѣлъ. Хотя иногда и могутъ онѣ, какъ Цицеронъ говоритъ, производить нѣкоторый нѣжный тонъ и показывать пріятное небреженіе писателя; однакожъ не должно употреблять ихъ слишкомъ часто и сряду, а особливо въ матеріяхъ требующихъ пріятности слога. Напротивъ того сіе стеченіе удобно употребляемо быть можетъ при такихъ случаяхъ, когда потребенъ медленный, грубый и тяжелый слогъ.

Второе правило: Остерегайтесь употреблять часто односложныя слова. Они дѣлаютъ слогъ грубымъ, тяжелымъ, и производятъ замѣшательство. Также наблюдайте длину періодовъ. Излишество оной причиняетъ нѣкоторую неясность, слишкомъ обременяетъ память, и слуху непріятно. Сама натура назначила въ томъ предѣлы; въ особенныхъ же случаяхъ назначаетъ оные способность Оратора. Сколько можете вы ясно выговорить, не принуждены будучи отдыхать въ непристойное время, или торопясь выговаривать послѣднія слова, то и составляетъ мѣру періода. Но для избѣжанія излишней долготы періодовъ, не должно переходить къ противной тому погрѣшности, и сокращать ихъ такъ, чтобъ смыслъ часто былъ прерываемъ и дробимъ. Сіе производитъ неясность, обременяетъ память, разрушаетъ гармонію. Хотя видъ открытаго моря, никакимъ инымъ предметомъ не ограничиваемый, скоро наскучиваетъ; но еще непріятнѣе находить повсюду въ семъ видѣ препятствія. Цицеронъ опредѣляетъ самую большую длину періода мѣрою четырехъ гексаметровъ. Однакожъ рѣдко можно употреблять два или три такіе періода сряду; но лучше смѣшивать ихъ съ короткими.

По-

Понеже періоды состоятъ изъ членовъ, то и каждой членъ требуетъ такогожъ вниманія, какъ цѣлой періодъ. Естьли періодъ состоитъ изъ четырехъ или шести членовъ (болѣежъ сего числа можетъ онъ имѣть весьма рѣдко): то оные должны имѣть правильную соразмѣрность одинъ съ другимъ. Они могутъ быть почти равной величины, или, что еще лучше, неравной, такъ, чтобъ послѣдующій былъ болѣе предыдущаго, и періодъ оканчивался бы самымъ долгайшимъ членомъ; ибо такимъ образомъ слухъ бываетъ наполняемъ и отъ полнаго звука получаетъ удовлетвореніе. Въ двучленныхъ періодахъ сіе послѣднее правило также должно быть наблюдаемо. Не должно только ставить сряду слишкомъ много періодовъ одинакой длины; по крайней мѣрѣ члены должны быть различны. Также при связываніи періодовъ надлежитъ наблюдать, чтобъ связи были легки и кратки, какъ для ясности смысла, такъ и для пріятности слога. Остерегайтесь употреблять слабѣйшія выраженія послѣ сильнѣйшихъ; но сила ихъ въ послѣдствіи должна возрастать, и самыя сильнѣйшія выраженія должны быть въ заключеніи. Будьте бережливы въ употребленіи прилагаемыхъ словъ и однозначащихъ выраженій (эпитетовъ и синонимъ). Особливожъ прилагайте вниманіе къ гармоніи окончанія. Она обыкновенно производима бываетъ долгимъ словомъ, или оканчивающимся длинными слогами. Однакожъ сіе правило должно быть наблюдаемо сколько разумъ то позволяетъ. Кромѣ сего, въ разсужденіи расположенія словъ надлежитъ замѣчать еще слѣдующія правила: Не ставьте сряду многихъ словъ одинакаго звука. Не оканчивайте членовъ періода одинакимъ звукомъ. Избѣгайте многократнаго окончанія именъ, производящаго свистъ, и единообразнаго заключенія глаголовъ. Никогда не начинайте положеній грубыми тонами; ибо первыя слова всегда бываютъ замѣчаемы. Избѣгайте мѣры стиховъ и единообразія въ заключеніи. Наконецъ звукъ долженъ соображаться смыслу. Каждая страсть имѣетъ свой собственный языкъ. Печаль выражается перерывчивыми несвязными тонами. Гнѣвъ стремится рѣкою словъ;

онъ быстръ, живъ, порывистъ, не удерживается никакими предѣлами. Радость изъясняется легкими, текущими тонами, исполненными ясности и огня. И такъ Натурѣ и уму противно давать одной страсти языкъ другой. Въ описаніяхъ Ораторъ также долженъ соображать слогъ свой съ матеріею. Въ такой рѣчи, въ которой надлежитъ представить нѣчто ужасное, должно употреблять совсѣмъ иные тоны, нежели въ такой, которая должна возбуждать пріятныя идеи. Однакожъ сіе правило надлежитъ Оратору наблюдать съ нѣкоторыми ограниченіями. При описаніи непріятныхъ предметовъ, или дикихъ страстей, слогъ его долженъ быть грубъ, но съ такимъ искусствомъ, чтобъ не былъ противенъ слуху. Напротивъ того въ иныхъ случаяхъ не должно размягчать его до слабости и чрезмѣрной нѣжности. Оратору надлежитъ быть въ сей части украшенія тѣмъ осторожнѣе стихотворца, чѣмъ важнѣе защищаемая имъ истина. Общее понятіе красоты для обоихъ равно важно; но Ораторъ долженъ быть скроменъ и воздерженъ; красоты его весьма близки къ погрѣшностямъ; одинъ шагъ за предѣлъ изящности есть уже недостатокъ, порокъ. Ораторъ, старающійся отличиться, всегда подверженъ опасности; и всякому хотящему говорить публично надлежало бы спрашивать у самого себя: довольствоваться ли ему только тѣмъ, чтобъ говорить ясно и разумно, приносить пользу, избѣгая только погрѣшностей; или домогаться совершенства, подвергаясь чрезъ то опасности заслужить презрѣніе?

8.

О тропахъ и фигурахъ.

Фигуры безъ сомнѣнія служатъ къ доставленію рѣчи большей пріятности. Но источника, изъ котораго сія пріятность проистекаетъ, не могли еще открыть съ толикоюжъ вѣрностію. Отчасти причиною оной есть прелесть новости, которую онѣ языку доставляютъ. Мы получаемъ желаемыя свѣдѣнія, хотя посредствомъ несвойственныхъ имъ выраженій, но намѣреніе наше при томъ исполняется удачно и легко. Другая причина, по

по которой особливо тропы нравятся, состоитъ въ удовольствіи, какое уму нашему отъ природы свойственно находить въ сравненіи. Когда слово, доставляющее уму въ первомъ обыкновенномъ смыслѣ своемъ какое либо понятіе, употреблено бываетъ такъ, что доставляетъ намъ купно и другое понятіе, имѣющее натуральное сходство съ первымъ, и при томъ такъ, что сіе постороннее понятіе становится уже главнымъ: тогда умъ нашъ имѣетъ удовольствіе разсматривать вдругъ два образа, не смѣшивая ихъ; сверьхъ же того и главный образъ посредствомъ сего сравненія бываетъ еще блистательнѣе и болѣе трогающъ. По сему-то нравится выраженіе Виргиліево: nunc rident agri (*поля смѣются*). Удовольствіе, доставляемое подражательными искусствами, основано на сей любви къ сравненію; а понеже сравненіе весьма часто заемлется отъ такихъ предметовъ, которые сами по себѣ прелестны, то они сообщаютъ всей рѣчи новыя прелести и новый блескъ. Самое вѣрное изображеніе Натуры нравится паче всего; по чему нравятся и фигуры, ибо онѣ суть голосъ Натуры. Онѣ по большей части тогда употребляются, когда душа бываетъ занята, воспалена и плѣнена какою либо стремительною или жестокою страстію, какъ-то любовію или гнѣвомъ. Рѣчь бываетъ тогда столь же безпорядочна, какъ и страсть. Душа, страстію преодолѣнная, тщетно силится все выразить; напрягаетъ всѣ свои силы; тщетно хватаетъ слова, которыя соотвѣтствовали бы ея понятіямъ; и представляетъ образы за образами. Фигуры суть языкъ сихъ страстей. Мы уже видѣли, что Ораторъ почти при всякомъ важномъ произшествіи долженъ возбуждать въ слушателяхъ своихъ какія либо страсти, чего не можетъ онъ сдѣлать иначе, какъ чувствуя оныя самъ, или по крайней мѣрѣ показываясь чувствующимъ ихъ. А сіе возможно ли безъ употребленія языка, сообщеннаго страстямъ отъ самой Натуры? Но фигуры не препятствуютъ ли искусству трогать сердца, оказывающемуся въ простой рѣчи, не имѣющей никакихъ прикрасъ? Въ разсужденіи сего надлежитъ различать фигуры. Нѣкоторыя состо-

ятъ въ однихъ словахъ, какъ-то: единообразныя окончанія и тоны, противоположенія, также нѣкоторые роды метафоры, переставки словъ, повтореніе, которыя употребляются только для того, чтобъ сдѣлать пріятность слуху, и суть игрушки, совсѣмъ противныя истинному искусству трогать сердце. Но также находятся фигуры, трогающія особенно чувства и сообщающія рѣчи силу и жизнь; напр. апострофъ, иперболa, просопопеія. Сіи способствуютъ искусству трогать сердце; онѣ суть натуральный языкъ страстей.

Мы предложимъ нѣкоторые примѣры троповъ и фигуръ, могущіе быть полезными для молодыхъ Ораторовъ.

Метафора. Флешье говоритъ: „Вспомните о началѣ и слѣдствіяхъ войны, которая сперва была только искра, а нынѣ во всей Европѣ пылаетъ.„ Въ другомъ же мѣстѣ: „На ясномъ челѣ его никогда не являлось такое облако, какое ненависть или недовѣрчивость раждаютъ.„

Повтореніе. „Въ самомъ Римѣ, говоритъ одинъ новѣйшій Ораторъ, дерзаютъ полагать основаніе Христіанской вѣрѣ; въ Римѣ, во время Нероново! въ такое время, когда Римъ не зналъ уже древняго Рима, бывшаго во дни Республики, и когда толико распустный Римъ ежедневно старался самъ себя превзойти. Во время Нероново! въ такое время, когда должно было отъ всего видимаго закрывать глаза; когда не было слышно ничего такого, чтобы забвенія не заслуживало; когда не помышленнаго еще не можно было сказать безъ стыда, а помышленнаго уже безъ опасности. Въ Римѣ, во время Нероново! во время, посвященное забавамъ, и въ которое забавы были ужасныя мерзости, ибо вкусу Государя ужасныя мерзости были пріятны! Во время Нероново! въ такое время, когда страшились быть добродѣтельными, дабы не казаться такими; когда добродѣтели древнихъ Римлянъ вели къ погибели, равно какъ пороками Рима, все свое величество потерявшаго, можно было достигать всякихъ почестей.„

Алле-

Аллегорія. Цицеронъ говоритъ къ Пизону: „Управлявъ кормиломъ Республики посредѣ самыхъ яростнѣйшихъ волнъ, и безопасно въ пристань ее приведши, не уже ли буду толико робокъ, чтобъ устрашиться облака, твоимъ честолюбіемъ навлеченнаго, или зараженнаго дыханія сообщника твоего? Видалъ я не такія бури, не такихъ непогодъ ожидалъ; подвергалъ себя не такимъ наступающимъ громовымъ тучамъ, и не бѣжалъ отъ нихъ: ибо одинъ я общему благу собою жертвовалъ.„

Подразумѣваніе. Расинъ заключаетъ похвалу Лудовику XIV слѣдующими словами: „Наконецъ увидѣлъ онъ, какъ и ожидалъ, непріятелей своихъ, по многихъ конгрессахъ, по вымышленіи многихъ плановъ, послѣ многихъ тщетныхъ жалобъ, доведенныхъ до необходимости согласиться на тѣ же самыя условія, которыя онъ имъ предлагалъ, и они не могли ничего исключить изъ оныхъ, или къ онымъ присовокупить; или, лучше сказать, не могли они при всѣхъ своихъ стараніяхъ ни на одинъ шагъ удалиться отъ тѣснаго круга, который ему угодно было имъ предначертать.„ Послѣднія слова относятся къ смѣлости Римскаго посланника Попилія, который предлагалъ Сирскому царю Антіоху мирныя условія, и какъ царь замедлилъ отвѣтомъ, то Попилій, начертивъ около его кругъ, требовалъ отвѣта прежде, нежели онъ выступитъ изъ сего круга. Царь на всѣ условія согласился.

Описаніе. Сія фигура употребляется иногда для украшенія, какъ-то у Маскарона въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Король, въ безсмертное доказательство почтенія и любви, которыхъ удостоивалъ онъ сего великаго полководца (Тюреня), далъ костямъ его славное мѣсто между обладателями міра, и понынѣ еще въ великолѣпіи надгробныхъ монументовъ своихъ соблюдающими образъ великолѣпія ихъ престола.„ Иногда употребляютъ ее для возвышенія чего либо обыкновеннаго. Флешье говоритъ: „Онъ поднялся уже на высоту, дабы въ горахъ искать спасенія, сей орелъ, котораго дерзское пареніе сначала устрашило провинціи наши.„ (Сіе сказано о Германскомъ войскѣ.) Иногда служитъ она къ смягченію

 чего

чего нибудь. Цицеронъ долженъ признаться, что невольники Милоновы убили Клодія; однакожъ онъ сказываетъ то осторожно слѣдующимъ образомъ: „Невольники Милоновы (я хочу разсказать сіе, не съ намѣреніемъ прикрыть преступленіе, но какъ оно въ самомъ дѣлѣ произошло) сдѣлали то, чего бы въ такихъ обстоятельствахъ всякой отъ невольниковъ своихъ потребовалъ; но сдѣлали не по приказанію господина своего, безъ его вѣдома, и не въ присутствіи его.

Восхожденіе. Въ слѣдующемъ мѣстѣ у Цицерона фигура сія находится сугубо: „*Преступленіе*, наложить на Римскаго гражданина *оковы*. *Злодѣяніе*, *сѣчь* его *розгами*. *Казнить смертію*, почти *братоубійство*. Чтожъ сказать мнѣ, когда его ко кресту пригвоздили?

Фигуры, весьма удобныя къ доказательствамъ въ рѣчи, суть:

1. *Раздѣленіе*, или *исчисленіе*. У помянутаго новѣйшаго Оратора находимъ мы слѣдующій примѣръ: „Троякаго рода враги возстаютъ противъ истины: безбожники, приверженные къ земному, и еретики. Первые хотятъ ее опровергнуть явною силою; другіе желали бы, чтобъ ея не было, дабы жить еще распустнѣе; а послѣдніе, не въ состояніи будучи совсѣмъ ее разрушить, стараются колебать мало по малу. Бѣшенство оживляетъ первыхъ; вторыхъ возбуждаетъ сладострастіе; гордость напыщаетъ послѣднихъ. Сіи возстаютъ противъ ума, тѣ противъ добродѣтели, другіе противъ вѣры: такъ, что истина толь жестокими бурями была бы испровержена, естьлибъ она, будучи толико тверда и непоколебима, не разсѣвала тму невѣрія умомъ, не воздерживала жаръ наглости оковами добродѣтели, и не смиряла гордость еретичества ярмомъ вѣры.„

2. *Умалчиваніе.* Демосѳенъ въ третіей Филиппинской рѣчи: „Не хочу я въ подтвержденіе мнѣнія моего говорить ни о междуусобныхъ вашихъ раздорахъ, ни о возрастеніи силы Филипповой; не скажу, что толь многія завоеванія подаютъ ему гораздо болѣе вѣроятности овладѣть наконецъ всею Греціею, нежели сколько преж-

прежде имѣлъ онъ причинъ сомнѣваться, достигнетъ ли того, чего нынѣ достигъ.,,

3. *Поправленіе.* ,,Нѣтъ, говоритъ Боссюэтъ, послѣ сихъ размышленій здравіе есть одно имя, жизнь сновидѣніе, честь пустой блескъ, забавы и удовольствія суть только опасныя упражненія. Все въ насъ суетно, кромѣ чистосердечнаго признанія въ суетности нашей, Богу нами приносимаго. — Но справедливо ли то, что я говорю? Человѣкъ, сотворенный Богомъ по образу своему, не уже ли только тѣнь? То, чего Іисусъ Христосъ искать низшелъ съ небесъ на землю, что онъ почиталъ достойнымъ искупить всею кровію своею безъ униженія себя, то не уже ли только прахъ? Признаемся въ заблужденіи нашемъ.,,

4. *Сообщеніе.* Цицеронъ въ рѣчи за Лигарія вопрошаетъ у Цесаря: ,,Не думаешь ли ты, Цесарь, что защищеніе Лигарія для меня затруднительно? что я хочу только оправдать его предпріятіе? Оставляя все сказанное мною, я обращаюсь къ одному твоему человѣколюбію, къ терпѣливости твоей, къ твоему милосердію.,,

5. *Предупрежденіе*, или отвѣтствованіе на возраженія. ,,Какъ! развѣ нѣтъ Христіанской храбрости и великодушія? Писаніе, повелѣвающее намъ пещись о спасеніи, не научаетъ ли насъ, что благочестіе и при оружіи быть можетъ? Я знаю, что государи не тщетно мечь носятъ; что сила можетъ быть употребляема, естьли соединена со справедливостію; что самъ Господь силъ бдитъ надъ страшнымъ правосудіемъ, которое цари сами себѣ доставляютъ.,, Флешье.

Фигуры служащія къ возбужденію страстей:

1. *Ипотипозисъ*, или изображеніе. Флешье въ похвальной рѣчи Королевѣ Французской, дѣлаетъ слѣдующее изображеніе больницъ, которыя Королева часто посѣщала: ,,Посмотримъ на нее въ больницахъ, гдѣ публично изъявляла она свое милосердіе; въ сихъ мѣстахъ, гдѣ вздохи и жалобы страждущихъ наполняютъ душу тяжкою печалію; гдѣ зловоніе, отъ толь многихъ разслабленныхъ тѣлъ исходящее, производитъ въ услуживающихъ отвращеніе и изнеможеніе; гдѣ страшное владыче-

ство болѣзни и нищеты попеременно видимо, и гдѣ образъ бѣдствія и смерти почти чрезъ всѣ чувства душѣ представляется: тамъ возвышалась она надъ всѣми опасностями и природною нѣжностію, дабы удовлетворять человѣколюбію своему, не щадя собственнаго здравія; тамъ видѣли ее каждую недѣлю, какъ она однимъ осушала слезы, другимъ въ нуждѣ пособіе подавала, симъ доставляла врачества и отраду въ болѣзняхъ, инымъ же утѣшеніе душевное и помощь ихъ совѣсти.,,

2. *Апострофъ.* Боссюетъ говоритъ: ,,Ахъ! мы не можемъ провести ни минуты при гробѣ Принцессы безъ того, чтобъ смерть намъ не представилась и всего мракомъ своимъ не покрыла. О смерть! удались отъ мыслей нашихъ, и дай намъ хотя на одну минуту забыть жестокость печали нашей въ воспоминаніи нашей радости.,, Флешье: ,,О мрачныя жилища, въ которыя стыдъ нищету заключаетъ, коль часто изливала она (Королева) въ васъ утѣшеніе и подаянія свои, занимаясь попеченіемъ о вашихъ нуждахъ и заботахъ, и стараясь сокрывать щедрость свою съ вящшею осторожностію, нежели вы стараетесь таить вашу бѣдность!

3. *Укоризна.* ,,Неутомимый Филиппъ, говоритъ Демосѳенъ, не упускаетъ ни одного мгновенія. Ревность его усугубляется. Онъ стремительно преслѣдуетъ Побѣду. Вы дивитесь тому, что она склоняется на его старанія; но я удивился бы тогда, естьлибъ она противилась онымъ, и увѣнчивала бы не могущихъ рѣшиться, медлительныхъ, и только повѣсти о сраженіяхъ съ любопытствомъ слушающихъ гражданъ какой либо Республики.

4. *Просопопеія.* ,,Безъ сего мира, о Фландрія! была ли бы ты театромъ толь многихъ печальныхъ зрѣлищъ? Ты умножила бы число нашихъ областей, и вмѣсто того, чтобъ остаться для насъ нещастнымъ источникомъ войны, была бы нынѣ спокойнымъ плодомъ побѣды нашей.,, Флешье.

Фигуры служащія къ украшенію:

1. *Антитезисъ.* Флешье употребляетъ сію фигуру въ надгробной рѣчи Тюреню: ,,Онъ скрывается, но слава его

его всякому его открываетъ. Онъ путешествуетъ безъ свиты и безъ пышности, но всякой представляетъ его въ тріумфальной колесницѣ сидящаго. Видя его, исчисляютъ непріятелей, имъ побѣжденныхъ, а не служителей, за нимъ послѣдующихъ. Онъ одинъ, но воображаютъ достоинства и побѣды его, которыми онъ сопровождаемъ. Въ сей простотѣ владычествуетъ нѣкое величество, и чѣмъ менѣе великолѣпія онъ показываетъ, тѣмъ онъ достойнѣе почтенія.,,

2. *Уподобленіе.* Боссюетъ говоритъ о Принцѣ Конде. ,,Подобно какъ орелъ, который, взвивается ли по воздуху, или сидитъ на вершинѣ горы, всегда мещетъ повсюду проницательные взоры, и толь метко ударяетъ на свою добычу, что когтей его, равно какъ и взоровъ, избѣжать не возможно: толь же проницательны были взоры Принца Конде, толь же скоры и стремительны его нападенія, толь же сильна и неизбѣжна рука его.,,

3. *Описаніе.* Боссюетъ въ той же рѣчи говоритъ: ,,Какой предметъ являетcя глазамъ моимъ! Не людей только побѣдить надлежитъ: представляются непроходимыя горы; съ одной стороны пропасти и бездны, съ другой непроходимый лѣсъ, въ болотѣ стоящій; за оными рѣки, дивные окопы, повсюду разставленныя укрѣпленія, и цѣлые лѣса на ужасную дорогу поверженные.,,

4. *Изображеніе.* Массиліонъ дѣлаетъ слѣдующее изображеніе Боссюету: ,, Мужъ одаренный умомъ многообъемлющимъ и щастливымъ; исполненный правдивости, составляющей всегда характеръ великихъ душъ; украшеніе Епископства, и которымъ духовенство Французское во всѣ столѣтія гордиться будетъ; Епископъ посредѣ Двора; мужъ имѣвшій всѣ дарованія и всѣ знанія; учитель всѣхъ церквей; церковный отецъ седьмагонадесять вѣка, который, естьлибъ только въ древнѣйшія времена родился, безъ сомнѣнія былъ бы свѣтиломъ соборамъ, душею собиравшихся отцевъ церковныхъ, предписывалъ бы правила, и предсѣдалъ бы въ Никеи и во Ефесѣ.,, (*)

 Одна-

(*) Искусство живописца въ семъ изображеніи достойнѣе примѣчанія, нежели сходство. *Прим. Г. Щр.*

Однако фигуры заслуживаютъ одобреніе не родомъ и не числомъ, но надлежащимъ употребленіемъ. Узнавъ ихъ нѣсколько, легко усматривать можно, гдѣ Ораторъ оставляетъ обыкновенный способъ выраженія и съ какимъ намѣреніемъ. Сіе можетъ быть весьма полезно для образованія нашего вкуса и приведенія его въ совершенство. Напротивъ того въ употребленіи фигуръ должно быть весьма осторожну. Ничѣмъ не можно толь легко наскучить. Слушатель, требующій чего либо основательнаго и непринужденнаго, видя все распещренное цвѣтами и прикрашенное, отвращается съ презрѣніемъ. Сверьхъ того чрезмѣрное употребленіе фигуръ лишаетъ Оратора достовѣрности. Въ истинѣ не видно искусства и труда. Наконецъ множество фигуръ затмѣваетъ рѣчь; мы видимъ въ ней предметы какъ бы только въ зеркалѣ, и смѣшиваемъ самую вещь съ принятыми видами. Также должно по большей части избѣгать фигуръ состоящихъ въ одномъ звукѣ, напр.: O fortunatam natam me Conſule Romam. Въ употребленіи однозначащихъ словъ надлежитъ быть по крайней мѣрѣ весьма осторожну, естьли потребно чтобъ они служили къ сильнѣйшему выраженію мыслей. Толь же опасныя фигуры суть иперболa и антитезисъ. Греки почти совсѣмъ не употребляли послѣдней. Употребленіе фигуръ всегда должно быть пристойно случаю и матеріи. Весьма некстати употреблять ихъ въ сочиненіяхъ о законахъ или физическихъ предметахъ. Вообщежъ хотящій дойти до совершенства въ Краснорѣчіи долженъ заблаговременно читать сочиненія самыхъ лучшихъ стихотворцевъ, въ которыхъ найдетъ онъ изобиліе фигуръ. Величайшіе Ораторы и въ семъ служатъ ему примѣромъ. Луціанъ писалъ разговоръ о томъ, что Демосѳенъ подражалъ Гомеру. То же Лонгинъ доказываетъ о Платонѣ; и въ прозѣ Тулліевой часто находимъ мы болѣе поэзіи, нежели въ стихахъ его. Однакожъ учась Реторикѣ, надлежитъ умѣть пользоваться стихотворцами только такъ, какъ Демосѳенъ и Цицеронъ пользовались примѣромъ хорошаго комедіанта, у котораго перенимали не всѣ его театральныя тѣлодвиже-

женія, но только то, что они въ своемъ искуствѣ съ пристойностію употреблять могли.

Надлежитъ еще сказать нѣчто о *слогѣ*. Такъ называется составленіе словъ въ разсужденіи собственности ихъ значенія и расположенія тоновъ. Самое древнее раздѣленіе онаго, къ которому Гомеръ подалъ поводъ, есть можетъ быть и самое лучшее. По сему раздѣленію считается три рода слога: краткой и сильной, пространной и пріятной, пылкой и высокой. Всѣ сіи роды слога часто можно употреблять въ одномъ сочиненіи; но которому нибудь одному надлежитъ въономъ быть главнымъ. То же разумѣется и о писателяхъ. Туцидидъ, Тацитъ и Монтескю писали слогомъ перваго рода; Платонъ, Цицеронъ и Тиллотсонъ вторымъ; Гомеръ, Демосѳенъ и Милтонъ третьимъ. Собственно слогъ есть дѣло природнаго дарованія, и по тому зависитъ онъ Натуры. И такъ всякой учитель вопервыхъ долженъ стараться, съ помощію разума образовать въ ученикѣ природное его дарованіе. Онъ не долженъ расточать всего времени и трудовъ на изученіе словъ, или правилъ, касающихся до періодовъ, фигуръ и гармоніи; но паче надлежитъ ему стараться сообщать разуму ясныя понятія о томъ, что хорошо и худо, что истинно и ложно. Онъ долженъ довести до совершенства разумъ; слогъ же образуется самъ собою. — Ясныя, сильныя, высокія понятія оказываются въ пристойныхъ имъ словахъ. Но для сего надлежитъ Оратору хорошо знать свой языкъ, и пріобрѣсть навыкъ легко выражать на ономъ свои мысли. Сверьхъ того онъ долженъ наблюдать время, обычай и выговоръ, не употреблять вышедшихъ изъ обыкновенія старыхъ и подлыхъ словъ, и всегда держаться принятаго тона въ языкѣ; для сегожъ потребно ему нѣкоторое знаніе свѣтскаго обращенія.

9.

О церковномъ Краснорѣчіи.

Теперь покажемъ мы, какъ можно пользоваться предыдущими правилами въ томъ родѣ Краснорѣчія, который касается до духовныхъ матерій; ибо оный всякаго другаго употребителнѣе. Мы ограничимся только примѣчаніями происходящими изъ самаго существа его; по тому, что примѣрами древняго Краснорѣчія при семъ собственно пользоваться не можемъ. Всякой хотящій получить успѣхъ въ церковномъ Краснорѣчіи долженъ сперва размыслить о качествахъ нужныхъ проповѣднику. Первое его качество есть добродѣтель. Древніе и отъ мірскаго Оратора требовали, чтобъ онъ былъ доброй человѣкъ; и мы чувствуемъ справедливое негодованіе, слыша человѣка худыхъ свойствъ говорящаго святыя истины, или паче оскверняющаго ихъ святость. И какъ возможно тому склонить насъ къ согласію, кто словамъ своимъ дѣлами противорѣчитъ? Кромѣ нравственной добродѣтели, проповѣдникъ долженъ быть исполненъ ревностной любви къ религіи и благочестію. Въ противномъ же случаѣ онъ никогда не будетъ въ состояніи говорить о религіи съ тѣмъ естественнымъ, благороднымъ, плѣняющимъ Краснорѣчіемъ, съ какимъ говоритъ увѣренный внутренно въ ея истинахъ. Второе качество есть знаніе. Вопервыхъ надлежитъ ему знать самого себя. Онъ долженъ имѣть критическое знаніе Священнаго Писанія, по крайней мѣрѣ книгъ Новаго Завѣта. Также должно ему со вниманіемъ читать сочиненія церковныхъ отцевъ, а особливо жившихъ ближе ко временамъ Апостоловъ. Слогъ ихъ имѣетъ ту простоту, тотъ непритворный видъ истины, которыя служатъ проповѣднику Евангелія толикимъ украшеніемъ. Между послѣдователями ихъ Златоустъ въ сочиненіи своемъ о санѣ церковнаго учителя помѣстилъ нѣкоторыя весьма изрядныя примѣчанія, касающіяся до нашей матеріи; а въ поучительныхъ словахъ своихъ сообщилъ самые лучшіе примѣры къ онымъ. Августинъ въ книгѣ о Градѣ Божіемъ, въ

чет-

четвертомЪ отдѣленіи, трактуетЪ о сей матеріи еще обстоятельнѣе. Разныя части человѣческой учености необходимо должны быть полезны проповѣднику, а особливо сочиненія ФилософовЪ и Нравоучителей. Глубокомысленныя науки изострятЪ разумЪ его и пріучатЪ его кЪ правильному методу. Изящныя науки доставятЪ пріятность и совершенство его слогу. НаконецЪ онЪ долженЪ имѣть знаніе мірскаго обращенія. Ибо безЪ сего можно ли ему проникать вЪ сердце человѣческое? Вообще заслуживаетЪ одобреніе трактатЪ ЭразмовЪ обЪ искусствѣ проповѣдовать, какЪ руководство кЪ познанію проповѣдническихЪ должностей; ибо оный хотя и бѣгло писанЪ, однакожЪ содержитЪ вЪ себѣ много хорошихЪ замѣчаній. Но сверьхЪ сего надлежитЪ проповѣднику прилѣжно размышлять о *предметѣ* священнаго его званія, состоящемЪ вЪ показаніи людямЪ ихЪ должностей, дабы споспѣшествовать благочестію и добродѣтели между ими. Сіе размышленіе будетЪ соблюдать вЪ немЪ всегда глубокое чувствованіе великой важности предпріятаго имЪ дѣла. ПосредствомЪ онаго будетЪ онЪ избѣгать обыкновенныхЪ погрѣшностей, которымЪ можетЪ онЪ быть подверженЪ, какЪ-то: старанія показать глубокомысліе и великую ученость; гордости вЪ изЪявленіи остроты и способности кЪ изобрѣтенію; употребленія трудныхЪ тонкостей, глубокой учености, и пышнаго, блестящаго и слишкомЪ тщательно исканнаго выраженія. По пріобрѣтеніи сихЪ качествЪ, первое стараніе его при сочиненіи духовной рѣчи должно имѣть предметомЪ *выборЪ матеріи*. При такихЪ ученіяхЪ ОткровенІя, для которыхЪ церковь назначила особенные дни вЪ воспоминаніе великихЪ произшествій, ОраторЪ долженЪ избѣгать всѣхЪ тонкихЪ вопросовЪ, трудныхЪ и отвлеченныхЪ заключеній, не наполнять рѣчи своей строгими замѣчаніями и жалобами на невѣрующихЪ; но сообщать ясное и непринужденное толкованіе сихЪ ученій, по словамЪ Откровенія, безЪ опасныхЪ догадокЪ или дерзскаго любопытства, и показывать слушателямЪ своимЪ, коль полезны сіи ученія кЪ возбужденію благочестія и исправленію жизни.

ВЪ

Вѣ опровержении противныхѣ религии мнѣний надлежитѣ ему поступать осторожно. Онѣ долженѣ предлагать положения противниковѣ своихѣ безпристрастно; доказательства свои выражать просто, но сильно; занимать оныя изѣ Священнаго Писания, либо изѣ здраваго ума; не отягощать слушателей историческими изслѣдованиями, или ученымѣ собираниемѣ мѣстѣ изѣ многихѣ писателей; онѣ долженѣ увѣрять, а не раздражать; показывать ненавистную сторону заблуждения, не возбуждая ненависти кѣ заблуждающему, и соединять умѣренность Христианина сѣ ревностию Оратора.

Нравоучительныя материи должно трактовать сѣ толикимѣ же рачениемѣ. Онѣ всякихѣ другихѣ материй извѣстнѣе, и скоро наскучить могутѣ. И такѣ Ораторѣ тѣмѣ паче долженѣ стараться сообщать при оныхѣ рѣчи своей силу, и избѣгать излишней плодовитости, повторений и слишкомѣ обыкновенныхѣ и нетвердыхѣ разсуждений.

Многие несправедливо почитаютѣ за самой лучший методѣ трактовать о сихѣ материяхѣ такимѣ образомѣ, какимѣ пишутѣ *Опыты*, и вѣ которомѣ Аддисонѣ доставилѣ намѣ толь изрядные примѣры; а именно, собирать сѣ легкостию и приятностию тонко выраженныя общия замѣчания. Но сей методѣ не приличенѣ для каѳедры. Составляйте вступление вѣ рѣчь изѣ такихѣ замѣчаний; но они должны скоро приводить васѣ кѣ материи вашей, которой надлежитѣ вамѣ тщательно придержаться, изслѣдовать ее во всемѣ ея пространствѣ, показывать ея отношение кѣ жизни слушателей, и внушать ее сердцамѣ ихѣ. Проповѣдники имѣютѣ ту выгоду, что ихѣ материи важностию, красотою и достоинствомѣ гораздо превосходнѣе материй трактуемыхѣ предѣ судомѣ или вѣ народныхѣ совѣтахѣ. Но также оныя гораздо болѣе уже употребляемы были, и болѣе истощены. Справедливо замѣчаютѣ, что проповѣдникѣ гораздо скорѣе можетѣ произвести равнодушие вѣ слушателяхѣ своихѣ, нежели адвокатѣ, и что ему гораздо труднѣе достичь совершенства.

Ду-

Духовный Ораторъ долженъ развивать текстъ въ своей рѣчи, которой надлежитъ содержать въ себѣ оный. Такая рѣчь подобна растенію, которое не иное что есть, какъ сѣмя, питаніемъ выведенное и до надлежащей мѣры увеличенное. Всѣ ваши замѣчанія должны естественно проистекать изъ самаго текста; они должны объяснять и подтверждать его смыслъ, или выхвалять выведенныя изъ него слѣдствія. Слушатель, услышавъ текстъ, получаетъ нѣкоторое темное понятіе о томъ, что вы говорить будете. Естьли вы поведете его совсѣмъ инымъ путемъ, то онъ увидитъ себя обманутымъ въ ожиданіи и почувствуетъ нѣкое неудовольствіе. Въ выборѣ текста надлежитъ послѣдовать не своеволію, но обычаю и уму, и избѣгать всякой суетности. Выбирайте самыя приличнѣйшія и полныя мѣста изъ Священнаго Писанія, и при томъ не весьма продолжительныя, дабы не утомить вниманія. По выборѣ матеріи, нѣтъ ничего нужнѣе изслѣдованія оной. Изслѣдуйте ее съ точностію; обозрѣвайте со всѣхъ сторонъ; старайтесь узнать ея связи и противоположенія; совѣтуйтесь съ писавшими о ней прежде васъ. Но выработаніе должно быть совершенно ваше собственное. Читавши самыхъ лучшихъ писателей, не пишите вскорѣ послѣ того. Вамъ должно нѣкоторымъ образомъ позабыть ихъ порядокъ, и давать матеріаламъ своимъ новое расположеніе по собственнымъ вашимъ способностямъ. Запасайте множество такихъ матеріаловъ, и изъ сего множества выбирайте самые лучшіе. Не просматривайте никогда матеріи своей бѣгло; но старайтесь проникнуть ее до основанія. Придержитесь только полезнаго; но изъ онаго не упускайте ничего, и старайтесь совершенно удовлетворить вашимъ слушателямъ. Особливожъ распологайте матеріалы свои пщательно. Испытывайте методъ, по которому смыкаете цѣпь мыслей своихъ, спрашивая у себя: не можете ли которой нибудь части выпустить? можете ли переставить какую либо часть безъ вреда цѣлому? Пока еще можно то или другое сдѣлать, то въ расположеніи вашемъ находится какая нибудь ошибка. По томъ можете уже стараться о выправкѣ

и украшеніи вашего сочиненія. Всякая рѣчь должна содержать въ себѣ одну главную матерію, и всѣмъ прочимъ посторонним матеріямъ надлежитъ служить къ объясненію и доказанію оной. Во всѣхъ произведеніяхъ искусства къ совершенству необходимо потребно единство расположенія; и въ самой Натурѣ можемъ мы устремлять все наше вниманіе только на одинъ предметъ. По чему выбирающій такіе тексты, въ которыхъ говорится о многихъ добродѣтеляхъ, поступаешъ непредусмотрительно; онъ обременяетъ память слушателей, и трактуетъ о всѣхъ сихъ добродѣтеляхъ недостаточно. — Естьли въ текстѣ вашемъ находится какая либо неудобопонятность, въ выраженіи ли то, или въ связи его съ другими мѣстами, вы должны объяснять оную. Раздѣляйте различныя части, которыя содержатся въ текстѣ и составляютъ особенныя отдѣленія. По томъ доказывайте истину, находящуюся въ каждомъ изъ сихъ отдѣленій. Послѣ сего опровергайте возраженія, естьли почитаете то за нужное. Наконецъ выводите важныя и практическія слѣдствія. Древніе не употребляли Вступленія только при чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то въ первой рѣчи противъ Катилины. Нѣкоторые новѣйшіе писатели дѣлали иногда въ семъ опыты. Д. Аттерберри начинаетъ проповѣдь свою на текстъ: *Блаженъ есть иже аще не соблазнится о мнѣ*, слѣдующимъ образомъ: „Но не уже ли возможно кому либо соблазниться о тебѣ, святый Іисусе! о тебѣ, который толь многое для насъ предпріялъ, совершилъ и претерпѣлъ? и пр. Однакожъ опасно начинать съ такою живостію, ибо трудно соблюсти оную. И такъ лучше начинать нѣкоторыми краткими положеніями, дабы возбудить вниманіе въ слушателяхъ. Но сіи положенія не должны состоять изъ мыслей выведенныхъ издалека, высокопарныхъ и слишкомъ тонкихъ; они должны казаться представляющимися сами собою. Искусство предписываетъ при семъ слѣдующій способъ: Сдѣлавъ весь планъ, сыщите самое удобнѣйшее и естественнѣйшее изъ выводимыхъ вами слѣдствій; оно послужитъ хорошимъ вступленіемъ.

Ка-

Касательно предувѣдомленія слушателей о различныхъ частяхъ рѣчи, послѣдующаго за вступленіемъ, мнѣнія несогласны. Нѣкоторые утверждаютъ, что онымъ теряется прелесть новости, и любопытство слушателей вдругъ получаетъ удовлетвореніе, и что гораздо лучше, предлагая матерію по порядку, доставлять слушателю удовольствіе самому при концѣ усмотрѣть методъ Оратора. Сіе мнѣніе основательно въ разсужденіи такихъ сочиненій, которыя надлежитъ со вниманіемъ читать. Но въ публичной рѣчи должно вспомоществовать слушателю, легко забывающему порядокъ и связь слышимаго. Сверьхъ того самое сіе предувѣдомленіе можетъ возбудить любопытство. Однакожъ сія часть рѣчи требуетъ прилѣжнаго вниманія, и Критики между всѣми Туллiевыми рѣчами въ одной только рѣчи за Мурену находятъ совершенно правильное раздѣленіе безъ всякихъ недостатковъ. Отдѣленія рѣчи должны непринужденно выводимы быть изъ текста. Надлежитъ, чтобъ ихъ было не много, и рѣдко болѣе четырехъ или пяти. Каждое изъ нихъ должно быть отлично отъ другаго, и естьли то возможно, происходить изъ предыдущаго. Мы сообщимъ достойный примѣчанія сему примѣръ. Текстъ: *Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши?* Д. Юнгъ разсуждаетъ сперва о дѣйствіи; потомъ дѣлаетъ нѣкоторыя полезныя замѣчанія объ ономъ. Въ первомъ отдѣленіи показываетъ онъ, какъ всякое слово служитъ къ тому, чтобъ представить дѣйствіе въ самомъ мрачномъ видѣ. 1) *Предаеши*, означаетъ злость. 2) *Іудо*: имя, напередъ поставленное, объявляетъ предателя и открываетъ вѣроломство. 3) *Сына человѣческаго предаеши*: сіе показываетъ неблагодарность. 4) *Лобзаніемъ ли предаеши*: симъ обвиняется онъ въ лицемѣріи.,, По томъ онъ продолжаетъ, и въ другой части рѣчи доказываетъ, что всякое грѣховное дѣло, съ намѣреніемъ производимое, имѣетъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ всѣ сіи свойства. Заключеніе относится ко всѣмъ людямъ.

Однакожъ помянутый методъ, говорить безъ предварительнаго раздѣленія, можно употреблять, хотя не

въ цѣлой рѣчи, но въ особенныхъ ея частяхъ. Ибо каждая часть можетъ еще состоять изъ нѣкоторыхъ отдѣленій, которыя надлежитъ предлагать въ самомъ точномъ порядкѣ, хотя и не предувѣдомляешь о томъ слушателей. Мѣлкія части и нервы тѣла усматриваемы бываютъ только при анатомическомъ разрѣзываніи.

Слѣдующая часть рѣчи, содержащая въ себѣ доказательства, или трактованіе, требуетъ всего вашего вниманія. Замѣчанія о семъ, сообщенныя нами въ предыдущихъ главахъ, могутъ удобно относимы быть къ церковному Краснорѣчію. Ясность въ сей части нужнѣе всего. Однакожъ остерегайтесь чрезмѣрнаго многорѣчія. Не собирайте слишкомъ много доказательствъ. Ревность къ истинѣ не должна заставлять васъ говорить лишнее. Сверьхъ того въ числѣ многихъ доказательствъ могутъ случиться нѣкоторыя слабыя, сомнительныя, либо и ложныя; а одно слабое доказательство, какъ говоритъ Баконъ, уменьшаетъ силу всѣхъ предыдущихъ хорошихъ доказательствъ. Надлежитъ выбирать немногія, но ясныя и справедливыя доказательства. Также не должно употреблять изъ тщеславія самыхъ необыкновенныхъ и съ трудомъ пріисканныхъ доказательствъ, для того только, чтобъ сказать нѣчто новое. Слишкомъ тонкія догадки о существѣ души, ея продолженіи, о дѣйствіяхъ ея въ другой жизни, наскучиваютъ слушателямъ, не служа имъ въ наученіе. Съ толикоюжъ осторожностію надлежитъ говорить о святѣйшихъ таинствахъ Христіанской вѣры; также не предлагать неученымъ слушателямъ открытій изъ Еврейской Критики, или давно уже въ забвеніе пришедшихъ понятій о тысящелѣтнемъ царствіи. Не забывайте никогда предмета проповѣди, состоящаго въ томъ, чтобъ наставлять людей на путь къ блаженству. Равнымъ образомъ не должно вамъ говорить о вашихъ истинахъ такъ, какъ нѣкоторые ученые, которые много читали, и при самыхъ главныхъ матеріяхъ изъ Нравоученія сообщаютъ самыя непонятнѣйшія свои умствованія, выводятъ доказательства свои всегда изъ вѣчнаго различія вещей, изъ любви къ истинѣ, изъ общаго ко всѣмъ добро-

доброжелательства, изъ нѣкоего моральнаго чувствованія. Они подобны такому врачу, который вмѣсто того, чтобъ лечить своего больнаго, предлагаетъ ему ученыя разсужденія изъ Анатоміи. Мало такихъ людей, которые сомнѣвались бы подлинно, должно ли имъ наблюдать умѣренность и справедливость. Но въ чемъ состоятъ сіи должности; какія выгоды онѣ доставляютъ; какъ можемъ мы побуждаемы быть къ исполненію оныхъ; какія побудительныя причины служатъ къ ободренію насъ въ томъ; какимъ предписаніямъ должны мы слѣдовать; какихъ искушеній избѣгать: сіи пункты понятны и полезны, не смѣшены съ тонкими подробностями, и касаются до всякаго человѣка. Паче всего надлежитъ вамъ, сколько возможно, соображаться способностямъ вашихъ слушателей. Естьли они ученые, то вы имѣете болѣе свободы. Естьли собраніе состоитъ изъ ученыхъ и неученыхъ, то вы хотя и можете употреблять точныя и нѣсколько подробныя заключенія, однакожъ должны воздерживаться отъ всякихъ тонкостей. Естьлижъ слушатели всѣ неученые, то надлежитъ вамъ употреблять только легкія и краткія доказательства, занимая оныя изъ славныхъ примѣровъ, здраваго ума и опытовъ. Выраженіе ваше должно быть совершенно ясно, но не скучно; безъ всякихъ прикрасъ, но не безъ пріятности; заключенія должны быть точны, но при томъ и понятны; хотя сіе и весьма трудно. Не должно писать съ небреженіемъ и для неученыхъ слушателей; ибо душа неученаго человѣка также имѣетъ природный умъ, которымъ разсуждаетъ справедливо по мѣрѣ своего знанія. Здравый разумъ свойственъ всякому состоянію. И такъ сочиняйте рѣчи свои сперва такимъ образомъ, чтобъ съ небольшими перемѣнами можно было говорить ихъ предъ всякими слушателями. Для достиженія въ томъ совершенства надлежитъ вамъ, сколько возможно, приближаться къ той любви достойной простотѣ, которая всякому нравится. Вообще проповѣдуйте не для своей выгоды или славы, но для Бога и добродѣтели; и вы будете говорить кратко, сильно и непринужденно, естьли имѣете такое дарова-

ніе. Симъ качествомъ особенно отличается Тиллотсонъ. Барро превосходитъ его въ богатствѣ, Клеркъ въ учености, Аттербери въ украшеніи, Шерлокъ въ новости, краткости и обиліи мыслей. Но кажется, что Тиллотсонъ одинъ говоритъ языкомъ искренности и тонкаго разума, толь текущимъ и легкимъ, что не иначе, какъ при внимательномъ изслѣдованіи, можно усмотрѣть, что оный есть дѣло тонкаго ума.

Въ разсужденіи мѣстъ приводимыхъ изъ Священнаго Писанія, наблюдайте правило, чтобъ не собирать ихъ въ большомъ числѣ, но выбирать только тѣ, которыя точно соотвѣтствуютъ вашему намѣренію. Выбирайте мѣста, писанныя священными писателями въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ вы ихъ употребить хотите. Не выбирайте трудныхъ и сомнительныхъ мѣстъ, естьли можете имѣть легчайшія. Сверьхъ того помѣщая выраженія Священнаго Писанія въ собственныхъ вашихъ словахъ, надлежитъ вамъ остерегаться, отчасти чтобъ не дѣлать сего слишкомъ часто, отчастижъ чтобъ не прерывать связи мѣстъ изъ Священнаго Писанія вашими мыслями безъ различія, или чтобъ не употреблять ихъ при маловажныхъ случаяхъ. Языческіе примѣры добродѣтелей должно употреблять весьма рѣдко.

При концѣ каждаго отдѣленія можете помѣщать краткое повтореніе всего доказательства; а при концѣ рѣчи сокращеніе всѣхъ доказательствъ вообще. Но всего лучше оканчивать рѣчь выведеніемъ *слѣдствій*, относя ихъ къ слушателямъ. Вопервыхъ не должно вамъ ограничиваться самыми общими слѣдствіями; но выбирайте только тѣ, которыя собственно принадлежатъ къ вашему тексту, и проистекаютъ изъ него съ той стороны, съ которой вы его разсматривали. Не приводите одинакихъ слѣдствій въ разныхъ мѣстахъ; или показывайте ихъ пристойнымъ образомъ въ новомъ видѣ. Слѣдствія должны выводимы быть одно послѣ другаго въ естественномъ порядкѣ; сила ихъ должна возрастать постепенно, и самыя трогательнѣйшія надлежитъ помѣщать въ концѣ. Въ нихъ особенно страсти должны владычествовать. Они должны основаны быть на

на истинѣ, однакожъ трогать сильно. Въ разсужденіи возбужденія страстей вообще служитъ сіе самымъ лучшимъ наставленіемъ. Изслѣдуйте тщательно, имѣете ли вы природную способность къ трогательному Краснорѣчію. Естьли не имѣете, то не старайтесь дѣлать опытовъ въ ономъ: всѣ труды ваши будутъ тщетны. Разсматривайте опыты самой первой молодости вашей: въ сіе время умъ оказываетъ природную свою склонность, еще не перемѣненную искусствомъ. Также, размышляя о какой нибудь матеріи, замѣчайте, куда ведутъ васъ первыя ваши мысли. Сіе непринужденное устремленіе мыслей показываетъ натуральную склонность. Наконецъ, къ какимъ наукамъ находите вы себя склонными? Такимъ образомъ узнаете, имѣете ли вы способность къ возбужденію страстей. Всякая рѣчь состоитъ изъ разныхъ родовъ языка. Которымъ изъ нихъ вы начинаете, и въ которомъ успѣваете скорѣе? Естьли природное ваше дарованіе въ самомъ дѣлѣ склонно къ трогательному Краснорѣчію, то вы хотя будете тщательно выработывать ясныя и поучительныя части рѣчи своей, ибо намѣреніе ваше того требуетъ; однакожъ не съ такимъ удобствомъ и удовольствіемъ, какъ другія части. Хотя въ каждой части рѣчи часто представляются случаи къ возбужденію страстей; но во всѣхъ другихъ частяхъ, кромѣ заключенія, надлежитъ оному, подобно молніи, скоро появляться и изчезать. Въ *заключеніи* должно давать свободное теченіе всей рѣкѣ вашего Краснорѣчія. Мысли ваши, языкъ, голосъ, ~~весь видъ~~ вашъ, должны быть оживлены. Ибо предыдущимъ увѣреніемъ душа пріуготовлена бываетъ ко впечатлѣнію страстей; и сіе впечатлѣніе, производимое вами въ слушателяхъ посредствомъ возбужденія страстей, бываетъ самое сильнѣйшее и прочнѣйшее. Самое лучшее правило въ разсужденіи сея матеріи, котораго всегда держаться надлежитъ, есть слѣдующее: Разгорячайте воображеніе свое, представляя себѣ живо всѣ обстоятельства, въ которыхъ вы находитесь, когда сочиняете, или когда надлежитъ вамъ говорить рѣчь вашу; представляйте себѣ важность матеріи, достоинство предпріятія, ревность

 при-

приличную вашему званію, пользу, какую вы сдѣлать можете, мѣсто, случай, слушателей, тишину, вниманіе. При семъ проповѣдникъ долженъ еще замѣчать, что дѣйствія трогательной рѣчи перемѣняются по различію слушателей, и поступать сообразно тому. Страхъ есть самая сильнѣйшая страсть. Сіе разительное орудіе надлежитъ ему употреблять въ пользу религіи. Онъ долженъ не только склонять людей къ добродѣтели представленіемъ красоты ея, но также стараться отвращать ихъ отъ порока изображеніемъ гнусности онаго, и представлять грѣшнику неизреченныя мученія толикожъ живо, какъ и нѣжное милосердіе Всемогущаго Судіи.

Исполнивъ предначертанный себѣ планъ, когда уже не остается ничего болѣе сказать, не остается ничего важнѣе предыдущаго, представивъ доказываемое обозрѣнію, сдѣлавъ живое и чувствительное впечатлѣніе въ слушателяхъ, Ораторъ можетъ уже окончать рѣчь свою. Иногда можетъ онъ умѣрять строгую точность заключеній и живость страстей чертами воображенія. Однакожъ въ толь важныхъ сочиненіяхъ должно употреблять оныя весьма бережливо и осторожно. Въ рѣчи, такъ же какъ въ драмѣ, каждая строка должна приближать слушателя къ заключенію, каждой образъ долженъ подавать ему болѣе объясненія; въ противномъ же случаѣ обое излишно. Въ разсужденіи слога надлежитъ наблюдать правила хорошаго историческаго слога. Онъ долженъ казаться служащимъ только для сообщенія мыслей, подобно кристаллу, который представляетъ вещи глазамъ, не будучи примѣтенъ между ими. Того ради должно избѣгать распещреннаго цвѣтами и пышнаго, но также и низкаго выраженія. Фигуры надлежитъ употреблять съ умѣренностію; особливожъ иперболу и просопопеію. Частымъ употребленіемъ апострофа прерывается вниманіе. Гармонія въ словахъ, съ намѣреніемъ составленная, сравненіе противныхъ положеній, тщательно сочиненные періоды, размѣренныя окончанія, перерывчивая грубая краткость, частые вопросы, грубые переходы, не употребительное уже старое сочиненіе словъ, чужестранныя слова: все сіе суть погрѣшности, противныя естествен-

ственной простотѣ и совершенству въ сочиненіяхъ духовнаго Оратора. — Касательно *произношенія*, надлежитъ ему возвышать голосъ, по причинѣ множества слушателей, говорить съ большею силою, съ большимъ жаромъ и скоростію, и употреблять въ рѣчи болѣе склоненій и внятнѣйшія измѣненія голоса, нежели въ иномъ случаѣ; но вообще долженъ онъ говорить такъ же натурально, тѣмъ же тономъ и съ такимъ же выраженіемъ, какъ и въ простомъ разговорѣ. Слѣдовательно проповѣднику не должно всходя на каѳедру превращаться совсѣмъ въ инаго человѣка. Древніе имѣли обычай проповѣдовать безъ пріуготовленія, отъ чего выговоръ и тѣлодвиженія ихъ были гораздо естественнѣе. И такъ надлежитъ стараться привыкать въ выговорѣ къ такому тону, какимъ благоразумный и важный человѣкъ, одаренный природнымъ Краснорѣчіемъ, говоритъ о важныхъ и вниманія достойныхъ матеріяхъ. — О тѣлодвиженіяхъ говорили уже мы въ первомъ отдѣленіи сея книги. Старайтесь только имѣть совершенное понятіе о томъ, что и какимъ образомъ вы говорить хотите; а тѣлодвиженія оставляйте Натурѣ. Она сама будетъ сопровождать ваши слова пристойными и сходственными имъ движеніями.

Но самое главное стараніе духовнаго Оратора, могущее замѣнять недостатокъ многихъ хорошихъ качествъ, должно состоять въ томъ, чтобъ пріобрѣсть себѣ уваженіе. Какъ же можетъ онъ достичь сего? „Онъ „долженъ подать о себѣ мнѣніе, что имѣетъ знаніе въ „достаточной степени, совершенную искренность и при„лѣжаніе; долженъ выработывать рѣчи свои съ надле„жащимъ тщаніемъ; рачительно стараться о хорошемъ „выборѣ матерій, располагать ихъ по самому ясному „методу, трактовать о нихъ съ строгимъ разсужденіемъ, „съ умѣренностію въ страсти и съ осторожностію въ „воображеніи; онъ долженъ выражать мысли свои съ „надлежащею ясностію и краткостію, говорить съ на„туральнымъ, благопристойнымъ жаромъ и измѣненіемъ „голоса; паче же всего долженъ точно соотвѣтствовать „ученіямъ своимъ собственными поступками; долженъ „самъ быть тѣмъ, что другимъ выхваляетъ.„

ОПЫТЪ о ПОЭЗІИ.

Между всѣми искусствами, которыми мудрые между людьми отличаются, искусство хорошо писать есть превосходное дѣло Натуры; и никакое упражненіе толико человѣка не возвышаетъ, какъ священная и душу плѣняющая Поэзія. Никакое дѣло не требуетъ толико тонкаго чувствованія, и не является въ толикомъ блескѣ, какъ щастливыя творенія Поэзіи. Но да не оскорбимъ святости сего высокаго имени, попустивъ черни присвоивать его себѣ! Сила Поэзіи не есть то скоро возгарающееся пламя воображенія, ослѣпляющее иногда души, и самымъ низкимъ риѳмамъ сообщающее нѣкую красоту; — пылающее ясно, но мгновенно погасающее. Истинная острота пребываетъ постоянно, подобно солнцу, которое хотя и скрывается иногда за облако, но просіяваетъ паки и по всему міру удивленіе распространяетъ. Мѣра стопъ, риѳма, и гармоническои тонъ, не уязвляющій противнымъ звукомъ и самаго нѣжнаго слуха, нужны въ стихотворствѣ; но они суть дѣло нижшаго искусства. Тщетно собираемы будутъ всѣ наружныя части къ строенію цѣлаго, естьли нѣтъ *природнаго дарованія:* ибо оно есть духъ, оживляющій все твореніе Поэзіи, подобно, какъ духъ Натуры приводитъ міръ въ движеніе; пламя, горящее посредѣ рожденія мыслей; нѣчто божественное и превосходнѣйшее остроты; нѣчто невидимое, но всѣ вещи созерцанію представляющее, всѣхъ изображающее, но само не изобразимое. Гдѣ ты обитаешь? какія глубины мозга могутъ вмѣщать существо толь много объемлющее и толь многія силы имѣющее? Куда ты скрываешься въ тѣ праздные часы, когда я тщетно сѣтую объ отсутствіи твоемъ? и откуда возвращаешься иногда, отторгать меня сильными прелестями своими отъ услажденія ночи и упражненій дневныхъ? Даже и теперь, чувствуя чрезмѣрное восхищеніе, долженъ я удерживать стремленіе твое, и обузданіе мнѣ нужно. Все тупо, когда воображеніе не дѣйствуетъ; но воображеніе безъ разсудка есть безуміе. Разсудокъ имѣетъ безпредѣльное вліяніе не только въ выборѣ словъ и мыслей, но во всемъ мірѣ, во

нра-

нравахъ и въ человѣкѣ. Воображеніе есть пухъ пера; разсудокъ существенно потребная часть онаго. Онъ подаетъ упражненіе разуму; а воображеніе плѣняетъ сердце.

Здѣсь надлежало бы мнѣ исчислить многоразличные роды поэмы, и предложить все искусство Поэзіи. Но кто отважится послѣ Горація на такое предпріятіе? послѣ Горація, доставляющаго купно и превосходнѣйшія правила и примѣры. Повторять имъ сказанное лучше всего; все, что бы мы сами сказать могли, было бы тщетно; тако намѣреніе было бы нелѣпо, и трудъ безплоденъ. Намъ можно похищать у Древнихъ что мы хотимъ; но кто можетъ доволенъ быть собою при толь подломъ упражненіи, естьли не имѣетъ гордости комедіанта, котораго искусство поистинѣ еще предпочтительнѣе искусству писателя занимающаго только сочиненія свои отъ другихъ? Однакожъ новые законы установлены для новыхъ проступковъ, и новыя нелѣпости подаютъ намъ поводъ къ новымъ мыслямъ. Нужно ли сатирѣ хищеніемъ питаться, когда она толь много новой пищи находитъ? Поле наше плодоносно, и наполнено множествомъ плевелъ и отвратительными уродами, какихъ и самой Нилъ никогда не производилъ. Но глупцы не имѣютъ причины бояться; мы будемъ говорит только объ остротѣ и разумѣ. Недуги острыхъ умовъ требуютъ врачеванія, и поистинѣ остроумные съ охотою оному подвергнутся.

Начнемъ съ *пѣсенъ*, находящихся нынѣ въ толь великомъ изобиліи, что рѣдкой глупецъ не сочинилъ пѣсенки: опасное оружіе, обращаемое имъ вопреки законамъ Аполлоновымъ на всякаго, кто съ нимъ встрѣтится! Хотя кажется, что нѣтъ ничего легче пѣсни; однакожъ никакая иная поэма не требуетъ большаго искусства. Ибо какъ въ большомъ ряду драгоцѣнныхъ перловъ могутъ находиться недостатки, скрывающіеся отъ глазъ нашихъ, но въ маломъ перстнѣ и самой меньшій изъ сихъ недостатковъ ясно видимъ, и цѣну его уменьшаетъ: подобно сему и въ пѣсняхъ недостатокъ нужныхъ совершенствъ съ перваго взора примѣченъ. Но гдѣ нынѣ найти пѣсню безъ погрѣшностей? Пѣсни требуютъ точности въ словахъ и мысляхъ, легкаго выраже-

нія, которое не казалось бы пресмыкающимся, и благороднаго чувствованія, не слишкомъ высоко парящаго. Слова въ нихъ должны быть въ такомъ порядкѣ, какъ бы безъ намѣренія были поставлены, хотя и расположены такъ со тщаніемъ. Неблагопристойная шутка, незаконное порожденіе остроты, должна изгнана быть изъ нихъ, равно какъ и отвсюду. Гнусныя пѣсни, сочиненныя нѣкоторымъ новымъ писателемъ, подвергаютъ еще и тѣнь его невольнымъ укоризнамъ. Пылкія мысли восхитительной страсти даже и въ самомъ благонравнѣйшемъ и нѣжнѣйшемъ негодованія не производятъ. Но грубость словъ неблагопристойныхъ не удобна къ возбужденію желанія; они подобны наваленнымъ кучамъ дерева, потушающимъ огонь. Сей стихотворецъ по другимъ причинамъ заслуживаетъ похвалу; но онъ самъ потушаетъ страсть, которую возбудить былъ намѣренъ.

Елегія, съ тихимъ и торжественнымъ своимъ голосомъ и важнымъ содержаніемъ, да будетъ теперь моимъ предметомъ! Она занимается похвалою красоты, бодрости и мудрости. Часто также и безнадежная любовь приноситъ въ ней жалобы; но ахъ! тщетно: ибо гдѣ та, которую можно тронуть остротою? Сей Фениксъ достоинъ любви. Но шумное безуміе и глупцы, казнь рода человѣческаго, болѣе нравятся сему чудному полу. Сіе служитъ въ честь красавицамъ имѣющимъ вкусъ; множество прочихъ возвышаетъ достоинство сихъ немногихъ. Но красавицы отвлекли къ себѣ бродящія мысли мои отъ надлежащаго ихъ предмета: (часто сіе и всему нашему полу приключалось!) — Главныя погрѣшности писавшихъ Елегіи состоятъ не въ неправильномъ употребленіи словъ и въ недостаткѣ остроты. Хотя бы находилась гармонія въ размѣрѣ стопъ, и хотя бы каждые два стиха остроумный замыслъ въ себѣ содержали; но естьли каждая мысль не имѣетъ правильной связи съ другою; естьли планъ не расположенъ такъ искусно, чтобъ каждая строка выше другой восходила, подобно пріятнымъ горамъ, возвышающимся мало по малу, пока онѣ облаковъ достигаютъ: то сіи малыя сочиненія будутъ можетъ быть нравиться нѣ-

сколько времени, но безсмертія не получатъ. Пусть называютъ ихъ эпиграммами, острыми стихотвореніями, или иначе, какъ хотятъ, но только не хорошими Елегіями.

Вышшее пареніе и большая сила свойственны *Одамъ*. Неукротимый конь Музъ скачетъ съ дикимъ стремленіемъ, не даетъ успокоиться всаднику, извергаетъ пѣну, и въ движеніяхъ своихъ бѣснующемуся уподобляется. Ода требуетъ отъ стихотворца истиннаго восхищенія; онъ долженъ распаленъ быть стихотворческою яростію; все воображеніе его должно горѣть. Ковлей прославился бы отмѣннымъ превосходствомъ въ семъ родѣ поэмы, естьлибъ совокуплялъ съ Натурою правила искусства. Но иногда онъ умерщвлялъ, или по крайней мѣрѣ обезображивалъ величественную мысль низкимъ выраженіемъ, или грубымъ стихомъ. Хотя въ Одѣ все кажется произведеннымъ въ ярости и огнѣ, однако языкъ ея долженъ течь плавно и легко. Можетъ быть сіи законы имѣютъ видъ излишней строгости; но разсудокъ уступаетъ здѣсь владычество воображенію, которое позволяетъ Музѣ отступать отъ правилъ, и тѣмъ облегчаетъ трудность, представляющуюся при первомъ взорѣ.

Между всѣми способами, которыми самые мудрые мужи старались исправлять владычествующіе нравы и смирять родъ человѣческой, хорошая *Сатира* производила самыя удачнѣйшія дѣйствія. Выздоровленіе несомнѣнно, естьли больной охотно употребляетъ лекарство. Трудно писать о сей матеріи, не повторяя часто уже сказываннаго. Опровергнемъ только нѣкоторыя обыкновенныя заблужденія, безобразящія красоту, нами толико любимую. Нѣкоторые не стараются о выборѣ словъ, думая, что имъ надлежитъ быть толь же грубымъ, какъ и предметъ ихъ. Поэма сего рода должна быть выработана съ точностію, и самыя ѣдкія мысли надлежитъ выражать въ ней самыми пріятнѣйшими словами. Нѣкоторые мнятъ вѣрно достичь своея цѣли, естьли будутъ довольно язвительны, какъ-бы вся ихъ должность состояла только въ укоризнахъ. Но человѣческая слабость различаетъ Сатиру съ бранью. Сатирикъ долженъ не горячиться и отложить предразсужденія. Улыбка

Са-

Сатиры язвительнѣе важности ея. Вы стараетесь показывать пренебреженіе къ своему сопернику; но и самая злость можетъ принимать на себя видъ истины. Дрейденъ по справедливости заслуживаетъ при семъ похвалу нашу, и Мекфлекно (*) увѣнчиваетъ его безсмертными лаврами.

Теперь, о Муза моя, успокойся: важнѣйшее дѣло ожидаетъ прилѣжанія твоего. Какъ младый орелъ, предпріемля дальнее, еще необычное странствованіе на криліяхъ своихъ по воздуху, разсматриваетъ сперва всю опасность предпріятія, недовѣряетъ силамъ своимъ, и страшится высокаго пути странствователей воздушныхъ; но смѣлою рѣшимостію и превозмогающею страхъ его надеждою побуждаемый, расправляетъ крилія свои, и наконецъ смѣло разсѣкаетъ уступающій воздухъ, паритъ толь быстро, толь высоко и въ толикую отдаленность, что кажется намъ отчасу менѣе, и напослѣдокъ совсѣмъ изъ виду изчезаетъ: подобно сему отваживается Муза моя воспѣть строжайшую пѣснь, хотя не надѣется имѣть довольно силы для толь важнаго предмета. Оскорбитъ ли кого истина, сказанная только въ наставленіе несвѣдущему и въ предостереженіе дерзновенному? И такъ начни, Муза моя, подавать наставленія, до *театра* касающіяся.

Единства дѣйствія, времени и мѣста, сообщающія Драмамъ толико украшенія, хотя и бываютъ пренебрегаемы, но толь извѣстны, что здѣсь не нужно ихъ предписывать; ибо нашъ предметъ состоитъ только въ исправленіи меньшихъ недостатковъ и рѣдко случающихся погрѣшностей Англійскаго театра.

Монологи надлежитъ употреблять рѣдко. Они должны быть кратки и исполненны страсти. Любовники наши, говорящіе съ самими собою, по недостатку другихъ, дѣлаютъ партеръ своими повѣренными. Не меньшая погрѣшность и то, естьли они открываются друзьямъ своимъ только для того, чтобъ зрители узнали ихъ тайну. Случай къ сему всегда долженъ быть толь же естественъ, какъ тотъ, при которомъ Белларіо во всемъ признается (**).

Фи-

(*) Славная сатирическая поэма сего стихотворца.

(**) Въ драматическомъ сочиненіи *Филастеръ*.

Фигуры, которыя стихотворцы почитают толь прекрасными, суть не иное что, как румяна на прекрасном лицѣ. Искусство есть лак, не нужный для приданія блеску Натурѣ. Онѣ могут употребляемы быть только в описаніях. Декламація человѣка гнѣвом объятаго, краснорѣчіе печальнаго, и острота отчаявающагося любовника, непремѣнно произведут надлежащее дѣйствіе: ибо кто не пожалѣет о умирающем героѣ, который говорит с жалкою остротою? — Но ах! *діалоги*, в которых шутка и насмѣшка владычествуют! Они продолжаются непрерывным тоном, подобно колокольному звону; в них воздыхают аллегоріями, и с риѳмами умирают. — Какія то существа, которыя не вдохновенны будучи Натурою, и никакого знанія не пріобрѣтши, хотят, чтоб их стихотворцами почитали? Они имѣют нѣкоторую остроту, и тѣм заслуживали бы знать какое либо иное ремесло, а не такое, при котором они с голоду умирают. Но писать Драмы есть наглое присвоеніе права на разсудок, знаніе обращенія, остроту и краснорѣчіе. Без сей части цѣлое тщетно, и все было бы только тѣло без души. Но все сіе вкупѣ составляет только часть *діалога*; сего великаго и важнаго искусства, нынѣ совсѣм почти потеряннаго, которое древніе Греки знали, в котором Римляне подражали им уже слабѣе, и о котором нынѣ толь немногіе понятіе имѣют. Платон и Луціан одни остались еще нам из числа всѣх мастеров сего искусства. Но должно и Англіи отдать справедливость. Шекспер и Флетчер суть новѣйшіе мастера. Читайте их сочиненія, смотрите их в представленіи, и читайте снова. Ибо хотя в нѣкоторых частях имѣют они великія погрѣшности, но так обладают нашими страстями, что их печаль собственное наше неудовольствіе потушает. Они заставляют глупых чувствовать, и мудрых плакать. Подражайте красотам их, избѣгая их погрѣшностей. Вопервых обращайте мысли свои к *завязкѣ*, и ведите оную мало по малу многими различными путями. Одно сіе часто до-

доставляло похвалу нѣкоторымъ Драмамъ. Оставьте обыкновенное ложное правило представлять *совершенные характеры*, (кажущееся толико прелестнымъ.) Такого характера нѣтъ въ Натурѣ, и вы изображаете чудо безъ погрѣшностей, никогда въ мірѣ не виданное. Въ характерахъ должно быть нѣкоторымъ недостаткамъ, которые хотя и служили бы причиною нещастія, но возбуждали бы сожалѣніе. Не только главной планъ долженъ искусно быть расположенъ; всякая трогающая сцена должна составлять особенную завязку. Думайте о каждомъ маломъ оборотѣ, замѣчайте каждое мѣсто, и подобно живописцамъ дѣлайте напередъ чертежъ всего будущаго зрѣлища. Однакожъ по томъ не будьте собственными своими невольниками, но перемѣняйте что вамъ худо покажется. Не старайтесь вводить блестящихъ мыслей, но паче говорите только то, что бы человѣкъ въ такомъ случаѣ подлинно сказалъ. Въ Комедіи требуется еще болѣе. Вамъ надлежитъ видѣть самого *актера*, и открывать ему тайную мысль вашу, хотя и трудно такъ себя унижать. Не изображайте глупца одного, но старайтесь о равновѣсіи, и раздѣляйте глупость между многими. Мы привыкли уже видѣть глупцовъ по модѣ; часто смѣется надъ смѣшнымъ человѣкомъ такой, который самъ толикожъ смѣшонъ. Соколъ гоняется за лучшею добычею; въ низкихъ мѣстахъ каждая сова хищною птицею быть можетъ. Худые стихотворцы занимаются однимъ глупцомъ неотступно; но собирать сладость со всякаго цвѣтка, подобно пчелѣ, на пріуготовленіе драгоцѣннаго соку, который доставлялъ бы удовольствіе и пользу, — сіе только одно можетъ похвалу принести. Фалстефъ и понынѣ еще неподражаемъ пребываетъ. Другая весьма обыкновенная погрѣшность одного великаго стихотворца есть чрезмѣрное изобиліе остроты, такъ что она перестаетъ уже быть остротою. Даже и дураки его говорятъ съ мудростію; и никакое лицо въ его Драмахъ не шутитъ иначе, какъ въ полномъ стихотворческомъ восторгѣ. Естьли Комедіи недостаетъ исправности въ какой либо части, то мы будемъ смѣяться, но на щетъ стихотвор-

творца. Избѣгайте излишняго употребленія остроты, толико обыкновеннаго въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Нынѣ все острые замыслы; хотя остроту надлежало бы употреблять только для того, чтобъ давать пріятный оборотъ мыслямъ. Но обозримъ сію ложную сторону остроты, дабы примѣрами удобнѣе увѣрить. Сперва спокойно сочиняютъ монологъ, въ которомъ обо всемъ точно и обстоятельно разсуждаютъ. По томъ весьма кстати приходитъ герой, устрашенный барабаннымъ стукомъ, боящійся за свою возлюбленную, въ которую влюбляется съ перваго взору, и который доказываетъ страсть свою метафорами. Но печальное, хотя и не извѣстное, приключеніе разлучаетъ любящихся, и оставляетъ Селадона одного. Вдругъ начинаетъ онъ ревновать, хотя мы и не знаемъ тому причины. По томъ долженъ онъ рѣшиться умереть, въ угожденіе своему сопернику. Но передъ смертію онъ говоритъ еще рѣчь, въ которой сказываетъ отсутствующей Нимфѣ о горячности любви своей, однакожъ великодушно оставляетъ ее любимому его сопернику, котораго онъ не знаетъ, и который тогда вдругъ появляется. Но кто можетъ противиться судьбѣ? Ахъ! онъ приходитъ уже поздно, удержать поспѣшную руку, совершающую въ самую ту минуту жестокой ударъ! Сердце самаго соперника обливается кровію при семъ нещастіи; онъ любитъ уже тогда новаго друга своего болѣе, нежели повелительницу свою; произноситъ горестнѣйшія жалобы, видя себя имъ оставленна; предпочитаетъ такую смерть щастію любить и быть любиму. — Какія нелѣпости! однакожъ ругаютъ тѣхъ, кому оныя не нравятся; почитаютъ насъ пристрастными къ умершимъ, и даже бюстъ стараго Бен-Джонсона завистію преслѣдуютъ. Достоинство театра опредѣляется только въ послѣдующихъ временахъ. Ибо танцы, флейты, Италіанское пѣніе и риѳмы могутъ нѣсколько времени поддерживать такой вздоръ. Но скоро изчезнетъ то, что нынѣ въ такой отличности находится, и умъ не будетъ уже долѣе покоренъ глупцамъ.

Наконецъ трудными шагами восходимъ мы на высоту Парнасса. Съ ясносіяющей вершины его творцы поэмъ *Эпическихъ*, имѣющіе видъ божественный, взираютъ съ пра-

праведною гордостію на прочихъ стихотворцевъ. Героическія поэмы по справедливости должны почитаемы быть крайнимъ предѣломъ остроты человѣческой. Онѣ суть неоцѣненныя творенія, и міръ произвелъ ихъ только двѣ. Гомеръ и Виргилій! съ какимъ священнымъ почитаніемъ внемлетъ міръ одному звуку именъ вашихъ. Съ удивленіемъ видимъ мы исполинскія души сіи толикожъ превышающія весь родъ человѣческой, колико прочіе человѣки отличаются отъ безумнаго, кажущагося только двуножнымъ животнымъ. Въ нихъ соединена вся сила Натуры. Безсмертная слава и всеобщія похвалы сопровождаютъ ихъ имена. Читайте Гомера, и вы не въ состояніи уже будете ничего читать послѣ него; ибо всѣ другія книги покажутся низки, пусты, и въ сравненіи съ нимъ стихи будутъ казаться прозою. Продолжайте читать его непрестанно, и Гомеръ замѣнитъ всѣ другія нужныя вамъ книги. Естьлибъ Боссю не писалъ, то міръ, подобно Индійцамъ, взиралъ бы на сіе непревосходимое твореніе какъ нѣчто божественное, удивлялся бы ему, и ожидалъ бы отъ него не наставленія, но вдохновенія. Боссю отворилъ святилища, и показалъ, въ чемъ очаровательныя силы сокрыты; описалъ сѣмя, и какимъ образомъ оно сѣяно было, отъ чего до такой удивительной великости возрасти могло. — Но какая польза бѣднымъ смертнымъ видѣть сію Обѣтованную землю, не въ состояніи будучи войти въ нее? Путь извѣстенъ; но кто имѣетъ способность итти по немъ? Кто можетъ знать основательно всѣ науки? Гдѣ тотъ, чье воображеніе воспаряло бы выше горизонта слабаго ума, однакожъ было бы соединено съ разсудкомъ достаточнымъ на управленіе полета его? Гдѣ тотъ, кто бы умѣлъ, подобно Виргилію, выражать мысли свои безъ излишества и безъ недостатка? Таковой да предпріемлетъ сочиненіе поэмы безъ усомнѣнія! Однакожъ ему надлежитъ сдѣлать болѣе, нежели я сказать могу: удаляясь отъ недостижимой высоты Тассовой, долженъ онъ имѣть щастливѣйшій успѣхъ и въ томъ, въ чемъ Спенсеръ и Милтонъ погрѣшали.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ

ЛОГИКИ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ
ЛОГИКИ.

Введеніе.

1.

Мы видимъ себя въ семъ мірѣ окруженныхъ многими предметами, имѣемъ силы и способности заниматься оными, и бываемъ щастливы или нещастливы по искусству нашему справедливо судить о вещахъ и располагать дѣла наши сообразно обстоятельствамъ, въ какихъ мы находимся. И такъ наука ведущая насъ къ познанію самихъ себя безъ сомнѣнія принадлежитъ къ самымъ важнѣйшимъ частямъ учености. Мы получаемъ чрезъ нее свѣдѣніе о томъ, что душа человѣческая объемлетъ и дѣлать можетъ; научаемся отличать отъ другихъ тѣ предметы, къ которымъ она паче всего способна; узнаемъ, какимъ образомъ должна она поступать для достиженія цѣли своея; и посредствомъ сего постепенно достигаемъ той правильности разума, въ которой состоитъ главное совершенство умнаго существа.

Важность познанія самого себя.

2. Разсматривая вещи со вниманіемъ и въ полномъ ихъ пространствѣ, примѣчаемъ, что онѣ возвышаются одна надъ другою разными степенями достоинства. Нѣкоторыя изъ неодушевленныхъ частей матеріи не представляютъ намъ ничего заслуживающаго вниманіе. Части ихъ кажутся только смѣшенными случаемъ; въ составѣ ихъ не усматриваемъ ни красоты, ни порядка, ни правильности. Въ другихъ примѣчаемъ самое точное распоряженіе и въ совокупленіи частей нѣкоторую красивость, по чему приписываемъ имъ цѣну и совершенство. Такимъ образомъ мы представляемъ себѣ металлы и драгоцѣнные камни вещами гораздо превосход-

Разныя степени совершенства вещей.

жейшими безобразныхъ глыбъ земли, повсюду намъ попадающихся. То же находимъ и въ прочихъ царствахъ Натуры.

Польза обработыванія разума, особенножъ изученія Логики.

3. Хотя умъ есть предѣлъ, которымъ человѣкъ отдѣленъ отъ другихъ тварей, его окружающихъ; однако мы видимъ, что онъ не во всѣхъ людяхъ одинаковъ. Сего неравенства не можно приписывать одному только первоначальному расположенію душъ человѣческихъ, или разности натуральныхъ ихъ дарованій. Ибо разсматривая состояніе разныхъ народовъ, видимъ, что нѣкоторые погружены въ невѣжество и варварство, у другихъ же ученость и науки процвѣтаютъ; и что еще достойнѣе примѣчанія, часто находимъ сіи одинъ другому толико противные признаки у одного народа въ разныя времена. Слѣдовательно обработываніемъ и надлежащимъ употребленіемъ душевныхъ силъ способность ихъ увеличивается, и умъ человѣческой доводимъ бываетъ до совершенства. Знаніе и проницательность разума бываютъ непремѣннымъ слѣдствіемъ сего порядка. И такъ никакая часть учености не подаетъ столько надежды къ приращенію совершенства, какъ занимающаяся разумомъ, изслѣдующая силы его и способности, и показывающая способы, которыми онъ разныхъ понятій о вещахъ достигать можетъ. А сіе есть собственно предметъ *Логики*, которую по справедливости можно бы назвать Исторіею души человѣческой; ибо она изслѣдуетъ ходъ познанія нашего отъ самыхъ первыхъ и простыхъ понятій до всѣхъ различныхъ ихъ совокупленій, и до всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ выводимыхъ идей, которыя происходятъ изъ разнаго сравненію оныхъ однихъ съ другими. Такимъ образомъ получаемъ мы познаніе подлиннаго качества и натуры души нашей, и научаемся употреблять мысли наши къ достиженію истины и къ избѣжанію заблужденія. Мы узнаемъ способъ выводить одно открытіе изъ другаго, преслѣдовать свойства вещей во всѣхъ ихъ лабиринтахъ и изгибахъ единообразною и непрерывною цѣпію заключеній, и наконецъ представлять ихъ зрѣнію души со всѣми выгодами ясности и несомнѣнности.

4. Но какъ разумъ переходитъ отъ одной части познанія къ другой постепеннымъ порядкомъ, и при каждомъ шагѣ вдаль показываетъ способность свою къ дѣйствованію новымъ образомъ: то Логики старались замѣчать сіи различные шаги, и въ сочиненіяхъ своихъ означили ихъ названіемъ *дѣйствій разума*. Они обыкновенно считаютъ оныхъ три; въ слѣдствіе чего всю систему Логики раздѣляютъ на три части, въ которыхъ объясняютъ сіи дѣйствія одно послѣ другаго, и сообщаютъ принадлежащія къ тому правила и наблюденія, касающіяся до постепеннаго хода разума въ познаніи. Но дабы мы въ состояніи были судить о Логикахъ, послѣдовали ли они Натурѣ въ семъ раздѣленіи силъ разума: разсмотримъ вкратцѣ душу и какимъ образомъ она дѣйствуетъ, по собственному нашему опыту, и испытаемъ, къ чему приведетъ насъ свободная цѣпь нашихъ мыслей. **Дѣйствія разума.**

5. И такъ вопервыхъ мы видимъ себя окруженныхъ многими предметами, которые, дѣйствуя различно надъ нашими чувствами, производятъ различныя впечатлѣнія въ душѣ нашей, и возбуждаютъ въ разумѣ вниманіе и представленіе. Продолжая примѣчать происходящее въ насъ, мы чувствуемъ сами дѣйствія разума нашего, и обращаемъ на то вниманіе, какъ на новой родъ впечатлѣній. Но сіе состоитъ въ одномъ только чувствованіи. Не идучи далѣе, душа примѣчаетъ только сдѣланныя въ ней впечатлѣнія, и разсматриваетъ вещи въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ одна за другою представляются. Сіе вниманіе разума къ дѣйствующимъ надъ нимъ предметамъ, посредствомъ котораго онъ чувствуетъ дѣлаемыя ими впечатлѣнія, называется *ощущеніемъ*; а самыя представленія, находящіяся въ душѣ, и собираемыя въ ней для того, чтобъ служить матеріею къ размышленію и познанію, означаются названіемъ *идей*, или *понятій*. **Понятія.**

6. Но душа не всегда довольствуется однимъ только разсматриваніемъ идей своихъ. Ей свойственно гораздо живѣйшее и прилѣжнѣйшее дѣйствованіе; по чему любитъ она составлять идеи **Разсужденія.**

свои и сравнивать ихъ однѣ съ другими. Разсматривая вещи въ семъ составленіи, скоро примѣчаетъ она, что нѣкоторыя изъ нихъ сходствуютъ, а другія разнятся между собою; и по сему ощущенію она либо совокупляетъ ихъ, либо раздѣляетъ. Напр. сравнивая идею *дважды два* съ идеею *четыре*, съ перваго взора примѣчаемъ ихъ сходство, и по тому говоримъ, что число два равно числу четыре. Сіе есть первое и самое простое дѣло души въ опредѣленіи отношеній вещей, что она однимъ только вниманіемъ къ собственнымъ своимъ идеямъ, сравнивая двѣ изъ нихъ одну съ другою, вдругъ усматриваетъ, связаны ли онѣ между собою, или не связаны. Познаніе изъ того происходящее называется *созерцательнымъ*, ибо ни какого труда или изслѣдованія не требуетъ; а дѣло души, когда она понятія свои сравниваетъ, и собразно ихъ качеству, либо совокупляетъ ихъ, либо раздѣляетъ, есть то, что въ Логикѣ называется *разсужденіемъ*.

Заключенія. 7. Созерцательное познаніе доставляетъ увѣренность въ самой высочайшей степени; оно дѣйствуетъ надъ разумомъ непреодолимымъ свѣтомъ, и не оставляетъ никакого сомнѣнія и неизвѣстности. Естьлибъ мы во всякомъ случаѣ такимъ сравненіемъ двухъ идей непосредственно могли познавать сходство ихъ или разность, то бы свободны были отъ заблужденія и всѣхъ опасныхъ его слѣдствій. Но многія идеи наши таковы, что не можно испытывать ихъ симъ образомъ вмѣстѣ, или непосредственнымъ сравненіемъ одной съ другою; по чему и нужно сыскивать нѣкоторыя другія идеи, способныя къ такому сравненію, дабы посредствомъ ихъ могли мы найти искомое нами сходство или разность. Напр. когда душа не знаетъ, равны ли между собою, или не равны, два ограниченныя поля, въ разсужденіи величины; ибо не можетъ снести ихъ и непосредственнымъ сравненіемъ найти равенство ихъ или неравенство: въ такомъ случаѣ ищетъ она средней идеи, которую сравниваетъ сперва съ однимъ, а по томъ съ другимъ полемъ, и чрезъ то можетъ найти искомое ею отношеніе. На сей конецъ беретъ она

какую нибудь извѣстную длину, напр. сажень, и измѣряя одно поле послѣ другаго, получаетъ чрезъ то свѣдѣніе о равенствѣ или неравенствѣ, которое знать хотѣла. Среднія идеи, употребляемыя въ такихъ случаяхъ, называются *доказательствами*; а дѣло души, когда она пріискиваетъ оныя и употребляетъ на открытіе изслѣдуемыхъ ею истинъ, есть то, что мы называемъ *заключать*. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что познаніе, получаемое посредствомъ заключеній, выводимо бываетъ изъ созерцательныхъ нашихъ понятій, и всякой разъ имѣетъ ихъ первымъ основаніемъ. Напр. въ помянутомъ случаѣ нашедши посредствомъ измѣренія, что одно поле содержитъ въ себѣ 60, а другое только 55 квадратныхъ саженъ, заключаемъ изъ того, что первое поле болѣе другаго. Здѣсь оба первыя понятія, полученныя чрезъ непосредственное сношеніе мѣры сажени съ каждымъ изъ двухъ полей, суть совершенно созерцательныя. А выведенное изъ нихъ слѣдствіе, хотя и производитъ толь же вѣрное познаніе, однакожъ отличается отъ оныхъ тѣмъ, что получено не чрезъ непосредственное сравненіе содержащихся въ немъ идей между собою, но выведено изъ обоихъ предыдущихъ разсужденій, и отношеніе сихъ понятій найдено чрезъ сравненіе каждаго изъ нихъ съ третьимъ. Мы видимъ изъ сего, что заключеніе есть гораздо сложнѣйшее дѣло души, нежели простое разсужденіе, и что оно необходимо требуетъ предварительнаго разсужденія, ибо вначалѣ основывается на происходящихъ изъ него понятіяхъ, и содержитъ въ себѣ разное сравненіе оныхъ однихъ съ другими. Въ семъ состоитъ важное употребленіе силъ человѣческихъ, и главной способъ къ умноженію открытій и распространенію познанія. Навыкъ разума въ пріискиваніи среднихъ идей и въ искусномъ употребленіи оныхъ къ опредѣленію отношеній вещей, есть одно изъ главныхъ преимуществъ между людьми, и нѣкоторые толико превышаютъ онымъ прочихъ, что кажутся существами инаго рода.

8. Доселѣ изслѣдовали мы ходъ души въ размышленіи, и видѣли, какъ она естествен- Методъ.

жымЪ и удобнымЪ образомЪ отЪ первыхЪ и простыхЪ понятій своихЪ постепенно восходитЪ даже до употребленія самой вышшей и отличнѣйшей ея способности. Теперь будемЪ разсматривать ее сЪ другой стороны, обогащенную знаніемЪ и наполненную многими открытіями, которыя пріобрѣла она посредствомЪ надлежащаго употребленія природныхЪ ея силЪ. Удобно можно представить ее вЪ сихЪ обстоятельствахЪ, какЪ она обозрѣваетЪ всѣ собранныя ею богатства разума, раздѣляетЪ ихЪ на отдѣленія и классы, и совокупляетЪ оныя одни сЪ другими, по свойству находимыхЪ между ими связей и отношеній. ВЪ продолженіи изслѣдованій нашихЪ отЪ одной вещи кЪ другой часто встрѣчаются намЪ неожидаемыя истины, и представляются такія открытія, какихЪ мы при настоящемЪ послѣдствіи мыслей найти не думали. ЧеловѣкЪ сЪ просвѣщеннымЪ разумомЪ, остановившійся по надлежащемЪ изслѣдованіи и испытаніи твердо при какомЪ либо родѣ знанія, и сдѣлавшій вЪ ономЪ важнѣйшія открытія, какихЪ сперва не чаялЪ, — такой человѣкЪ не оставляетЪ мыслей своихЪ вЪ томЪ безпорядкѣ, вЪ какомЪ онѣ по случаю ему встрѣчаются; но старается приводить ихЪ вЪ правильную связь, вЪ которой бы можно было удобно усматривать взаимныя ихЪ отношенія, и видѣть, какЪ одна часть изЪ другой происходитЪ. Все сіе есть слѣдствіе надлежащаго употребленія помянутыхЪ дѣйствій разума.

Раздѣленіе Логики на 3 части. Польза онаго и превосходство.

9. И такЪ мы видимЪ, что сіе раздѣленіе дѣйствій разума на понятія, разсужденія и заключенія, и порядокЪ онаго подлинно имѣютЪ основаніе вЪ самой Натурѣ, и происходятЪ изЪ порядка и послѣдствія нашихЪ мыслей. Хотя находятся еще многія иныя дѣла и назначенія разума, кромѣ помянутыхЪ, какЪ-то: вѣра, сомнѣніе, согласіе, и пр.; но всѣ они принадлежатЪ кЪ дѣлу заключенія; равно какЪ составленіе, отвлеченіе, воспоминовеніе, и пр., можно причислить кЪ первому и второму дѣйствію разума, т. е. кЪ понятіямЪ и разсужденіямЪ. Сіе еще болѣе объяснится вЪ послѣдствіи, когда мы будемЪ предлагать каждую часть Логики особливо.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О ПОНЯТІЯХЪ.

Глава I.

О происхожденіи понятій.

1.

Обращая вниманіе на происходящее въ насъ, вопервыхъ примѣчаемъ, что мы въ состояніи принимать впечатлѣнія многихъ предметовъ; что сіе производитъ ясныя представленія въ разумѣ, и что мы чувствуемъ ихъ бытіе. Сіе вниманіе души къ дѣйствующимъ надъ нею предметамъ называется *ощущеніемъ*, и чрезъ него получаемъ мы всѣ понятія, которыми мысли наши занимаются. Понятія.

2. Вопервыхъ внѣшніе предметы, дѣйствующіе надъ чувствами нашими, производятъ въ насъ разныя понятія сообразно различному ихъ дѣйствованію. Симъ образомъ получаемъ мы понятіе о свѣтѣ и тмѣ, о жарѣ и холодѣ, о сладости и горькости, и о всѣхъ другихъ впечатлѣніяхъ, называемыхъ чувственными свойствами. Сей великой источникъ познанія обыкновенно означается названіемъ *внѣшняго ощущенія*; ибо въ немъ содержатся всѣ тѣ представленія, которыя производимы бываютъ въ душѣ впечатлѣніями, дѣлаемыми въ орудіяхъ чувствъ.

Всѣ первоначальныя идеи наши происходятъ либо посредствомъ внѣшняго,

3. Но сіи понятія, хотя они и многочисленны, всѣ входятъ въ душу извнѣ. Почему находится еще другой источникъ представленій, происходящій изъ вниманія души къ собственнымъ ея дѣламъ, когда она, обращена будучи въ себя, разсматриваетъ нахо-

либо посредствомъ внутренняго ощущенія.

дящіяся въ ней идеи и то, какими различными образами можетъ она ими заниматься. Ибо произведенныя посредствомъ чувствъ идеи подаютъ душѣ случай къ употребленію разныхъ ея силъ; и какъ всѣ мысли наши, въ какомъ бы видѣ ни представлялись, сопровождаемы бываютъ чувствованіемъ себя, то впечатлѣнія, оставляемыя ими, когда мы со вниманіемъ ихъ разсматриваемъ, обогащаютъ разумъ понятіями новаго рода, толико же ясными, какъ и тѣ, которыя онъ посредствомъ чувствъ получаетъ. Такимъ образомъ получаемъ мы понятія о размышленіи, сомнѣніи, вѣрѣ, хотѣніи, и пр., которыя суть разныя дѣла и дѣйствія души нашей, представляемыя намъ чувствованіемъ себя.

Происхожденіе и ходъ познанія человѣческаго.

4. Сіи разсужденія, при надлежащемъ къ нимъ вниманіи, доставятъ намъ ясное понятіе о томъ, какъ разумъ идетъ къ познанію. Мы не можемъ представлять себѣ дѣлъ души нашей, пока онѣ не произойдутъ; а произойти они не могутъ, пока разумъ не будетъ снабденъ идеями, къ которымъ бы могъ ихъ употреблять; и понеже такія идеи, которыми силы наши сперва занимаются, суть чувственныя понятія, то явно, что всякое познаніе наше съ нихъ должно начинаться. И такъ сіе есть первая способность души человѣческой, посредствомъ которой принимаетъ она впечатлѣнія, дѣлаемыя въ ней внѣшними предметами, трогающими чувства; и сіи впечатлѣнія, такимъ образомъ въ разумѣ произведенныя и сохраняемыя въ немъ для разсужденія душѣ, бываютъ причиною разныхъ дѣлъ ея, какъ-то: ощущенія, воспоминовенія, размышленія, и пр., которыя всѣ сопровождаемы внутреннимъ чувствованіемъ себя. Сіе приводитъ насъ ко второму шагу души на пути ея къ познанію, а именно къ тому, что она посредствомъ чувствованія себя можетъ представлять себѣ разныя свои дѣла и дѣйствія, и чрезъ то снабжать разумъ новыми идеями. Всѣ наши открытія происходятъ отъ сего малаго начала; ибо разумъ, снабжаемый такимъ образомъ первоначальными представленіями и понятіями о вещахъ, имѣетъ силу совокуплять

ихъ, перемѣнять, разсматривать съ весьма многихъ сторонъ, а чрезъ то можетъ онъ распространять предметы своихъ понятій и пріобрѣтать неисчерпаемое множество матерій. При толь различномъ сравненіи сихъ идей, дѣлаемомъ по такимъ связямъ оныхъ, которыя кажутся самыми способнѣйшими къ намѣренію разума, онъ оказываетъ себя въ разсужденіяхъ и заключеніяхъ; посредствомъ чего одаренный способностями духъ человѣческой продолжаетъ размышленія свои о вещахъ, умножаетъ открытія открытіями, и часто простираетъ мысли свои даже за самые крайніе предѣлы міра.

Глава II.

О простыхъ понятіяхъ.

1. Первой классъ идей нашихъ состоитъ изъ *простыхъ понятій*, называемыхъ такъ по тому, что онѣ представляются въ душѣ въ единообразномъ видѣ, безъ множественности или составленія. Ибо хотя внѣшніе предметы доставляютъ разуму въ одно время многія идеи, имѣющія связь между собою и какъ бы цѣлое составляющія; однакожъ самыя представленія сіи явно различны одно съ другимъ, и душа мыслитъ каждое изъ нихъ въ особливомъ собственномъ ему видѣ. Такимъ образомъ понятія о цвѣтѣ, протяженіи и движеніи, могутъ произойти въ одно время отъ одного предмета; но сіи три понятія сами по себѣ толь же различны, какъ бы происходили отъ разныхъ предметовъ, или получены нами были въ разныя времена. По чему надлежитъ намъ тщательно различать простыя или первыя понятія съ разными совокупленіями оныхъ, которыя часто производимы бываютъ въ душѣ однимъ дѣйствующимъ надъ нею предметомъ. Первыя, составляющія начальныя представленія вещей, не могутъ раздробляемы быть на разныя идеи, но проходятъ въ душу чрезъ чувства одинаки и безъ всякаго смѣшенія. Они суть матерія, изъ которой

Что суть простыя понятія.

рой

рой составляемы бываютъ всѣ прочія понятія, сколь бы они сложны и множественны ни были; по чему оныя по справедливости должны почитаемы быть основаніемъ познанія нашего.

Простыя идеи внѣшняго ощущенія.

2. Разсматривая сіи понятія и разчыя ихъ раздѣленія и классы, находимъ, что они производимы въ насъ бываютъ либо посредствомъ чувствъ, либо вниманіемъ души ко происходящему въ ней самой. Такимъ образомъ всѣ понятія наши о качествахъ тѣлъ принадлежатъ къ роду идей, называемыхъ простыми, и можно раздѣлить ихъ на пять отдѣленій, по числу орудій, чрезъ которыя мы ихъ получаемъ. Понятія о цвѣтахъ и тонахъ получаемъ посредствомъ зрѣнія и слуха; понятія о вкусѣ и запахѣ чрезъ чувство вкуса и обонянiе; понятія о жарѣ, холодѣ, густотѣ, и пр., посредствомъ осязанія. Кромѣ сихъ качествъ, находятся еще другія, дѣйствующія не на одно чувство, какъ-то: протяженіе, фигура, покой и движеніе, и пр., которыхъ идеи происходятъ въ душѣ посредствомъ и зрѣнія и осязанія.

Простыя идеи внутренняго ощущенія.

3. Обращая по томъ вниманіе наше на происходящее въ самой нашей душѣ, усматриваемъ другой родъ простыхъ идей, происходящихъ отъ чувствованія собственныхъ дѣлъ и дѣйствій души. Ощущеніе или мысль, желаніе или хотѣніе, суть нѣчто такое, что всякой въ самомъ себѣ примѣчаетъ и необходимо долженъ чувствовать. Еще надлежитъ замѣтить, что кромѣ помянутыхъ понятій находятся еще другія, производимыя въ душѣ и внѣшнимъ и внутреннимъ ощущеніемъ. Таковы суть идеи удовольствія, боли, силы, бытія, одиначества, послѣдствія, и пр., доставляемыя разуму какъ дѣйствіемъ предметовъ находящихся внѣ насъ, такъ и собственнымъ чувствованіемъ въ насъ самихъ происходящаго.

Простыя понятія не входятъ въ

4. Но представленія сего рода получаемъ мы особенными путями, назначенными самою Натурою. Естьли недостаетъ намъ какого ни-

нибудь изъ сихъ путей, которымъ впечатлѣнія, производящія сіи идеи, обыкновенно въ душу проходятъ, то не возможно намъ имѣть и всѣхъ происходящихъ отъ того понятій; и никакое остроуміе не можетъ изобрѣсти способа противъ сего недостатка. Слѣпорожденный не способенъ имѣть понятій о свѣтѣ и цвѣтахъ, равно какъ глухому не можно получить понятія или представленія о звукѣ. Изъ сего явно, что сіи простыя идеи бываютъ точно таковы, какъ Натура намъ ихъ доставляетъ, и что не зависятъ отъ нашей воли. Мы не можемъ ни истреблять ихъ, когда онѣ въ разумѣ уже находятся, ни дѣлать или изобрѣтать новыхъ идей, не полученныхъ обыкновеннымъ путемъ ощущенія.

душу иным путемъ, кромѣ назначеннаго Натурск.

5. Сіе приводитъ меня къ другому примѣчанію, состоящему въ томъ, что душа хотя не можетъ въ размноженіи понятій своихъ о вещахъ переступить ни на одинъ шагъ за предѣлъ идей доставленныхъ ей внѣшнимъ и внутреннимъ ощущеніемъ; однакожъ имѣетъ силу связывать, перемѣнять и распространять ихъ толь многоразличными образами, сколько они составляемы быть могутъ; и сіе доставляетъ ей неисчерпаемое богатство идей, котораго довольно, чтобъ совершенно занимать всѣ ея силы, и подавать ей матерію къ разнымъ мнѣніямъ, образамъ и представленіямъ вещей, составляющихъ предметъ ея мыслей и разсужденій. Разсмотримъ одно только понятіе *одиначества*, или *одного*, и изслѣдуемъ, сколько различныхъ совокупленій производитъ непрестанное составленіе сего понятія съ самимъ собою, такъ что разумъ, идучи вдаль отъ чиселъ къ числамъ, не находитъ никакого препятствія, или предѣла.

Они подаютъ обильную матерію къ познанію.

6. Изслѣдующій со вниманіемъ собственныя свои мысли, и разсматривающій разныя сложныя понятія, представляющіяся разуму его отъ времени до времени, скоро примѣтитъ, что многія изъ нихъ суть такія понятія,

Раздѣленіе сложныхъ идей на такія, которыя имѣ-

ютъ предметъ въ самомъ дѣлѣ существующій, и на такія, которыя только разумъ составляетъ.

которыя доставляемы душѣ извнѣ и посредствомъ разныхъ предметовъ дѣйствующихъ надъ чувствами; а другія напротивъ того составляемы бываютъ самимъ разумомъ, который совокупляетъ простыя свои понятія различнымъ образомъ, какъ то ему кажется способнѣйшимъ къ настоящимъ его намѣреніямъ и цѣлямъ. Къ первому роду принадлежатъ всѣ идеи наши о сущностяхъ, напр. идея человѣка, лошади, камня, и пр. Ко второму роду принадлежатъ произвольныя совокупленія вещей, которыя мы при многихъ случаяхъ беремъ вмѣстѣ, либо по причинѣ пользы ихъ въ общежитіи, либо для того, чтобъ споспѣшествовать увеличенію познанія. Таковы суть понятія наши о величинахъ, принятыхъ для опредѣленія пространства или времени, какъ-то миляхъ, саженяхъ, часахъ, мѣсяцахъ, и пр. Весьма явно, что сіи раздѣленія суть только дѣло разума; ибо въ разныхъ мѣстахъ находимъ разность между ими, служащую вѣрнымъ признакомъ того, что они произошли не изъ постоянной и неперемѣнчивой мѣры въ Натурѣ. Также могутъ причислены быть къ сему классу многія понятія наши о дѣлахъ человѣческихъ, напр. о измѣнѣ, кровосмѣшеніи, убійствѣ. Сіи сложныя идеи дѣлаемъ мы не всегда посредствомъ разсматриванія того, что слова значатъ, но часто посредствомъ совокупленія обстоятельствъ ихъ въ душѣ нашей, или что всего обыкновеннѣе, чрезъ выслушиваніе объясненія названій ихъ, и понятій, оными означаемыхъ. Оба сіи класса заключаютъ въ себѣ всѣ наши сложныя понятія; ибо не можно представить себѣ ни одного, которое не было бы производимо въ разумѣ вещами существующими въ самомъ дѣлѣ, или котораго бы душа не дѣлала сама, произвольно связывая или составляя свои понятія. Теперь будемъ говорить о каждомъ классѣ по порядку.

ГЛА-

Глава III.

О понятіяхъ сущностей.

Понятія сущностей суть совокупленія простыхъ, идей, связанныя неизвѣстнымъ союзомъ.

1. Первой классъ сложныхъ идей, о которомъ въ предыдущей главѣ было упомянуто, содержитъ въ себѣ идеи *сущностей.* Я буду говорить о нихъ прежде другихъ, для того, что понятія происходящія изъ сего источника подаютъ намъ великую выгоду въ составленіи тѣхъ произвольныхъ совокупленій, изъ которыхъ второй классъ состоитъ, какъ то изъ послѣдующаго ясно усмотрѣть можно. Ибо при многихъ понятіяхъ сего послѣдняго класса мы занимаемъ представленія наши отъ подлиннаго существованія вещей, и совокупляемъ такія идеи, которыя и внѣ мыслей нашихъ въ самомъ дѣлѣ совокупны, хотя при томъ часто другія идеи оставляемъ, какъ то я покажу, когда буду говорить объ отвлеченныхъ и общихъ понятіяхъ. Выше сего упомянуто уже, что впечатлѣнія, дѣлаемыя въ разумѣ внѣшними предметами, по большей части состоятъ изъ многихъ разныхъ понятій, совокупляемыхъ между собою такъ, чтобъ составляли цѣлое. Такое собраніе разныхъ идей, находящихся вкупѣ въ одномъ предметѣ, или соединенныхъ нѣкоторымъ неизвѣстнымъ союзомъ, называется *сущностію.* Слово сіе показываетъ, что такой предметъ существуетъ самъ собою, и ни отъ какого инаго существа не зависитъ (по крайней мѣрѣ сколько намъ то свѣдомо). Таковы суть понятія о золотѣ, желѣзѣ, водѣ, человѣкѣ, и пр. Ибо разсматривая которую нибудь изъ сихъ вещей, на пр. золото, мы представляемъ себѣ, что оно есть тѣло, что оно желто, весьма тяжело, твердо, можетъ растоплено быть, что можно его ковать, и пр. При семъ замѣчаемъ мы, что имѣемъ ясныя представленія разныхъ свойствъ къ золоту принадлежащихъ; также что душа наша ясно представляетъ себѣ и совокупленіе сихъ свойствъ, которымъ составляютъ они особенное тѣло. Но идучи далѣе въ изслѣдованіяхъ нашихъ, и желая узнать, въ чемъ точно состоитъ сіе соединеніе, совокупляющее свойства

ства одно съ другимъ, и чрезъ которое они сами собою существуютъ, находимъ въ томъ великое затрудненіе. Между тѣмъ, понеже мы не можемъ помыслить ни о какихъ свойствахъ, не предполагая купно и существа, въ которомъ бы они находились, то сіе прямо приводитъ насъ къ понятію *подлежащаго* (Subjectum), которое служитъ какъ бы основаніемъ тому, что разныя свойства вещей вмѣстѣ находятся и совокуплены, и отъ котораго получаютъ они то особенное и независимое существованіе, въ какомъ разуму нашему представляются. Присовокупляя въ мысляхъ къ сему подлежащему его свойства, называемъ его сущностію; а какъ сіе понятіе принадлежитъ всякимъ совокупленіямъ свойствъ, какія только существуютъ сами собою, то всѣ они и называются сущностями. Напр. разсматривая домъ, шаръ, камень, и пр., находимъ что они имѣютъ особливыя свойства, и что бытіе каждой изъ сихъ вещей можетъ понимаемо быть безъ посредства другихъ: по чему понятіе сущности всѣмъ симъ вещамъ одинаково принадлежитъ.

Раздѣленіе свойствъ на существенныя и случайныя.

2. И такъ въ сущностяхъ надлежитъ примѣчать двѣ вещи: вопервыхъ общее понятіе самосуществованія, принадлежащее всѣмъ имъ въ равной степени, какъ-то уже упомянуто; во вторыхъ различныя свойства, которыми разные роды вещей и особенныя вещи одни отъ другихъ отличаются. Сіи свойства называются еще *распредѣленіями* (modi). Раздѣляютъ ихъ на случайныя и существенныя, по тому, что подлежащее, къ которому они принадлежатъ, можетъ нѣкоторыхъ не имѣть, а другія необходимо имѣть должно. Протяженіе и дѣлимость суть существенныя свойства камня, ибо безъ нихъ не можно его представить; но округлость есть случайное его свойство, ибо камень можетъ существовать во всякомъ видѣ, и при томъ имѣть натуру свою и другія свойства.

Понятіе самосуществованія

3. При семъ нужно замѣтить, что во всякой сущности перемѣна свойствъ никогда не уничтожаетъ общаго понятія самосуществова-

ва-

ванія, хотя бы самое существо, т. е. родъ и видъ сея сущности, перемѣнилось, но сіе понятіе остается толь же яснымъ и пристойнымъ ей, какъ и прежде такой перемѣны. Дерево превращается отъ огня въ уголь; и хотя уголь весьма различенъ съ деревомъ, однакожъ и онъ есть сущность. Въ разныхъ химическихъ опытахъ тѣла подвержены бываютъ многимъ перемѣнамъ, и получаютъ весьма многіе и различные виды одинъ послѣ другаго; однако Химикъ искусствомъ своимъ часто возвращаетъ имъ первоначальный ихъ видъ.

неразлучно съ сущностями.

4. Что касается до существа, или внутренняго качества сущностей, о томъ мы ничего не знаемъ. Однакожъ нѣкоторыя свойства, проистекающія изъ сего существа, производятъ ясныя представленія; напр. тяжесть, твердость и желтой цвѣтъ золота, и пр. Сіи совокупленныя между собою свойства, представляемы будучи такъ, какъ они въ одномъ подлежащемъ вмѣстѣ находятся, составляютъ сложное понятіе о золотѣ.

Существо сущностей намъ несвѣдомо, да и не служитъ къ различію родовъ вещей.

5. Но здѣсь должно мнѣ сообщить слѣдующее примѣчаніе: Хотя существо, или внутреннее устроеніе тѣлъ, намъ совсѣмъ несвѣдомо, однакожъ справедливо то заключеніе, что во всѣхъ различныхъ родахъ оно различно. Ибо какъ всякой родъ есть собраніе свойствъ, которыя вкупѣ отличны отъ свойствъ каждаго инаго рода: то и качество частей, отъ которыхъ свойства сіи зависятъ, также должно быть различно; а сіе самое и составляетъ существо. Желѣзо и стекло явно суть различные роды тѣлъ; чувственныя ихъ свойства не имѣютъ ничего общаго между собою, или весьма мало: почему и внутреннее устроеніе или качество ихъ, изъ котораго свойства сіи происходятъ, не можетъ быть одинаково. Но понеже мы въ разсужденіи сего существа одно только сіе за вѣрное полагать можемъ, а прочее совершенно отъ насъ сокрыто: то намъ лучше оставить оное и при-

Однакожъ мы справедливо заключаемъ, что оно во всѣхъ различныхъ родахъ различно.

приступить ко вразумительнѣйшимъ понятіямъ, которыя получаемъ посредствомъ совокупленія различныхъ свойствъ и силъ.

Какимъ образомъ постепенно достигаемъ мы понятія нематеріальныхъ сущностей.

6. Матеріальная сущность содержитъ въ себѣ понятіе тѣлесныхъ, связь и протяженіе имѣющихъ частей, и по различнымъ впечатлѣніямъ, дѣлаемымъ въ орудіяхъ чувствъ, раздѣляется на разные классы. Но кромѣ чувственныхъ понятій, извнѣ получаемыхъ, мы примѣчаемъ еще и въ самихъ себѣ *размышленіе* и *хотѣніе*. Сіи дѣла души не только не имѣютъ никакого совокупленія съ извѣстными свойствами тѣла, но кажется, и совершенно противны нѣкоторымъ изъ самыхъ существеннѣйшихъ его свойствъ. Ибо разумъ не только не находитъ никакого отношенія между размышленіемъ и движеніемъ, либо составленіемъ частей; но и ощущаетъ, что чувствованію самого себя, какъ простому, недѣлимому дѣлу, не возможно происходить отъ сложной сущности, которая раздѣлена быть можетъ. Для примѣра представимъ себѣ тѣло имѣющее способность мыслить. Въ семъ тѣлѣ либо всѣ части, изъ которыхъ оно состоитъ, должны мыслить; либо сила размышленія должна происходить отъ совокупленія частей, движенія и порядка ихъ, и пр., что все вмѣстѣ было бы причиною рожденія мыслей. Въ первомъ случаѣ тѣло было бы не одно мыслящее существо, но множество такихъ существъ. А въ разсужденіи втораго случая явно, что движеніе частей и образъ совокупленія ихъ не могутъ произвести ничего болѣе, кромѣ искуснаго устроенія и разныхъ родовъ движенія. Часы показываютъ намъ части дня, что производимо бываетъ однимъ только движеніемъ разныхъ колесъ и указателей; но мы никогда не представляемъ себѣ того дѣйствіемъ мыслей или разума, и не въ состояніи понять, какъ возможно сложному существу какимъ бы то ни было искуснымъ устроеніемъ доведену быть до такого совершенства, чтобъ оно имѣло способность къ познаванію и къ чувствованію себя. Причина сего явна: размышленіе есть нѣчто совсѣмъ иное, нежели движеніе

и фигура; нѣтъ между ими ни малаго союза: по чему и совсѣмъ не возможно полагать, что размышленіе происходитъ отъ движенія или фигуры.

И такъ рѣшено уже, что размышленію не возможно происходить отъ соединенія или совокупленія немыслящихъ частей. Ибо приписывая оное какому либо цѣлому тѣлу, необходимо должны мы приписывать его и всѣмъ частямъ, изъ которыхъ тѣло сіе составлено: изъ чего слѣдовало бы, что мыслящее существо не одно, но множество особливыхъ мыслящихъ существъ; и понеже матерія всегда остается еще способною къ мѣлчайшему раздробленію, на какія бы мѣлкія части мы ее ни раздробили, то явно, что сія нелѣпость преслѣдовала бы насъ непрестанно, естьлибъ мы положили, что размышленіе свойственно матеріальной сущности. Такимъ образомъ видя, что чувствованіе себя со св[illegible] тѣлесныхъ дѣлимыхъ частей соображено быть не можетъ, принуждены мы приписывать его другой сущности, имѣющей совсѣмъ иную натуру и совсѣмъ иныя свойства, которую называемъ *духомъ*.

Нематеріальныя сущности иначе называются духами.

8. При семъ надлежитъ тщательно замѣчать, что разные роды *тѣлесныхъ* сущностей, хотя различны между собою и разными названіями означаются, однакожъ имѣютъ нѣкоторыя общія свойства, которыя вкупѣ составляютъ понятіе тѣла; по чему и говорится, что всѣ они безъ исключенія имѣютъ общую сію натуру, и различаются одни отъ другихъ какъ только разныя распредѣленія сущности. Но *духъ* есть нѣчто совсѣмъ различное съ тѣломъ и противное оному. По чему существа сего рода называются *нематеріальными*. Сіе слово не содержитъ въ себѣ ничего означающаго натуру ихъ, но показываетъ только, что они суть противное матеріи.

Тѣло и духъ суть различныя сущности

9. И такъ тѣло и духъ не могутъ почитаемы быть родами одной сущности, но въ самомъ дѣлѣ суть двѣ различныя сущности, и составляютъ главные классы, къ которымъ обыкновенно причисляемъ мы всѣ

Могутъ быть еще многія другія различныя сущно-

ти, кромѣ находящихся въ кругѣ зрѣнія души нашей.

особливыя существа, принадлежащія къ области нашего познанія. Ибо не имѣя никакихъ иныхъ способовъ къ полученію понятій, кромѣ внѣшнихъ чувствъ и чувствованія себя, не можемъ имѣть и никакихъ иныхъ представленій, кромѣ входящихъ въ душу сими двумя путями. Посредствомъ чувствъ нашихъ увѣряемся мы въ бытіи сущностей имѣющихъ протяженіе; а внутреннее ощущеніе сказываетъ намъ, что есть мыслящія сущности. Далѣе понятія наши не простираются, и хотя могутъ быть многіе другіе роды сущностей, толико же различные съ сими, какъ сіи между собою; но они толикожъ удалены отъ познанія, какъ свѣтъ и цвѣты отъ ощущенія слѣпорожденнаго: ибо мы не имѣемъ потребныхъ къ тому способностей. Уповательно, едва ли кто нибудь усомнится въ томъ, что разность между сущностію Творца и сущностію тварей его несравненно болѣе той, какая между двумя сотворенными сущностями быть можетъ. По чему, называя Бога духомъ, не должны мы дерзновенно думать, что онъ есть духъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ душа человѣческая духомъ называется. Хотя сіе слово обыкновенно употребляется нами для означенія всѣхъ мыслящихъ разумныхъ сущностей вообще, въ какомъ смыслѣ и Богъ весьма справедливо называется духомъ; но то было бы величайшее неразуміе, естьлибъ мы по сему общему названію возмнили, что и Творецъ и душа человѣческая одинакой натуры, и различны между собою какъ только разныя распредѣленія *одной* сущности.

Разность въ томъ, какимъ образомъ мы представляемъ себѣ тѣлесныя и духовныя сущности.

10. Прежде нежели оставлю я сію матерію, не неприлично будетъ упомянуть о достойной примѣчанія разности въ томъ, какимъ образомъ мы представляемъ себѣ тѣлесныя и духовныя сущности. Понятія о сущностяхъ перваго рода сами раждаются въ душѣ посредствомъ впечатлѣній, дѣлаемыхъ въ орудіяхъ чувствъ; и какъ сіи впечатлѣнія въ различныхъ тѣлахъ различны, то и причиняемыя ими идеи непремѣнно въ такой же степени должны

ны быть различны. Но въ разсужденіи понятій нашихъ о духахъ бываетъ совсѣмъ иное. Ибо не зная о силахъ и дѣйствіяхъ ихъ ничего, кромѣ ощущаемаго и примѣчаемаго нами въ самихъ себѣ, мы не можемъ приписывать имъ никакихъ свойствъ или познаній, различныхъ съ тѣми, которыя мы представляемъ себѣ посредствомъ собственнаго нашего чувствованія себя. По чему хотя мы удобно соглашаемся на то, что могутъ быть разные роды духовныхъ существъ, однако не въ состояніи представить себѣ, чтобъ они въ разсужденіи силъ и дѣйствій своихъ были различны между собою; но поставляемъ различіе ихъ только въ томъ, что они имѣютъ одинакія силы и пр. въ вышшей или нижшей степени. Умъ нашъ не противорѣчитъ тому, что они могутъ быть различны одни отъ другихъ по разнымъ свойствамъ, такъ же, какъ и чувственныя вещи разными свойствами, въ нихъ примѣчаемыми, различаются. Но свойства разумныхъ существъ, различныя со свойствами душъ нашихъ, и совсѣмъ превосходящія наше познаніе, не могутъ служить намъ масштабомъ къ опредѣленію разности различныхъ классовъ сихъ существъ. По чему принуждены мы представлять ихъ себѣ сообразно познанію нашему; и когда хотимъ раздѣлить ихъ на нѣкоторые роды по степенямъ совершенства, занимаемымъ ими въ лѣствицѣ существъ, сходственно съ нашимъ представленіемъ, то приписываемъ имъ самое лучшее изъ находимаго нами въ себѣ самихъ, какъ-то: познаніе, размышленіе, предвидѣніе, и пр., и приписываемъ въ различной мѣрѣ, по состоянію, свойственному каждому классу или роду. Но какъ я думаю, не нужно много доказывать, что сей способъ къ назначенію разныхъ классовъ духовныхъ существъ весьма несовершенъ: особливожъ естьли разсудимъ, что образъ, какимъ они сообщаютъ другъ другу мысли свои безъ тѣлесныхъ орудій, есть нѣчто совсѣмъ для насъ непонятное и заставляющее насъ догадываться, что они должны снабдены быть нѣкоторыми ощущеніями и познаніемъ, о которыхъ мы никакого понятія имѣть не можемъ.

Глава IV.

О понятіяхъ, произвольно составляемыхъ разумомъ.

Въ составленіи многихъ сложныхъ идей, душа бываетъ совершенно дѣйствующа, и дѣйствуетъ только по своему произволенію.

1. Доселѣ разсматривали мы только такія составленія простыхъ идей, которыя въ самой Натурѣ подлинно совокуплены между собою, и причиняемы бываютъ въ душѣ самыми вещами, дѣйствующими различнымъ образомъ надъ ощущеніемъ нашимъ. Но теперь надлежитъ намъ приступить къ другому классу сложныхъ понятій, а именно, къ тѣмъ произвольнымъ совокупленіямъ различныхъ понятій, которыя при многихъ случаяхъ дѣлаемъ мы посредствомъ натуральной нашей способности сравнивать понятія вещей одно съ другимъ и перемѣнять различнымъ образомъ, для составленія изъ нихъ новыхъ понятій. При простыхъ понятіяхъ, и даже при понятіяхъ сущностей, душа бываетъ страждуща, и производимыя идеи сходны съ причиненными въ ней впечатлѣніями. Когда мы видимъ домъ или дерево, то сіи предметы представляются намъ непремѣнно въ собственномъ ихъ видѣ; и мы не въ состояніи составить иныхъ идей объ оныхъ, кромѣ тѣхъ, какія они произвести могутъ. Но при семъ второмъ классѣ сложныхъ идей душа дѣйствуетъ по своему произволенію; она совокупляетъ только такія идеи, которыя кажутся ей самыми способнѣйшими къ настоящему ея намѣренію, и перемѣняетъ сіи совокупленія, вмѣщая въ нихъ нѣкоторыя понятія, а другія оставляя, сообразно обстоятельствамъ, когда ей надобно разсматривать ихъ съ иной стороны.

Три различныя дѣла души въ произведеніи произвольныхъ идей, а именно;

2. Потребныхъ къ сему дѣлъ души вообще можно считать три. Первое есть *самое составленіе*, или то, когда мы совокупивъ нѣсколько простыхъ идей одну съ другою, разсматриваемъ ихъ какъ бы картину или изображеніе. Таковы суть идеи наши о войскѣ, о столѣтіи, о часовой машинѣ, и пр. При семъ надлежитъ замѣчать, что душа

огра-

ограничивается иногда различнымъ разсматриваніемъ одной идеи, и мало по малу различнымъ образомъ ее распространяя, представляетъ въ разныхъ видахъ. Такимъ образомъ производимъ мы всѣ разныя совокупленія числъ, посредствомъ прикладыванія единицъ одной къ другой, напр. дюжину, сотню, миліонъ. Иногдажъ совокупляемъ понятія разнаго рода; и въ семъ случаѣ составленіе бываетъ еще явнѣе, а самое понятіе еще множественнѣе. Напр. гармонія есть сложная идея, происходящая изъ совокупленія понятій нѣсколька различныхъ тоновъ, которые сочинителю музыки надлежитъ всѣ имѣть и совокупить въ душѣ своей одно съ другимъ прежде, нежели самое сочиненіе слухомъ ощущено быть можетъ. Хотя сіе дѣло души является въ составленіи всѣхъ сложныхъ понятій нашихъ; но какъ во многихъ изъ нихъ содержатся нѣкоторыя опредѣленныя и особенныя разсужденія, происходящія отъ другихъ дѣйствій занимающейся оными души, то нужно изслѣдовать и сіи дѣла ея, дабы получить ясное понятіе о томъ, какимъ образомъ разные роды сложныхъ идей составляемы бываютъ. 1) Составленіе.

3. Второе дѣйствіе разума въ разсужденіи его идей есть *отвлеченіе* (abstractio). Посредствомъ онаго мы отдѣляемъ въ мысляхъ отъ какого либо понятія нашего всѣ обстоятельства, дѣлающія его особеннымъ, или такимъ понятіемъ, которымъ представляется только одинъ какой нибудь опредѣленный предметъ; и чрезъ то дѣлаемъ сіе понятіе способнымъ означать множество или цѣлой классъ вещей, вмѣсто того, что прежде означало оно только одну вещь. Напр. когда мы разсматривая квадратъ или кругъ, оставляемъ величину ихъ и всякую другую принадлежность, особливо имъ свойственную, а удерживаемъ только понятіе фигуры ихъ или вида, то сіе дѣйствіе на языкѣ Логиковъ называется *отвлеченіемъ*. Симъ образомъ получаемъ мы *общія* понятія. Ибо такія одинакія представленія, отдѣлены будучи отъ обстоятельствъ времени, мѣста, и пр., служатъ 2) Отвлеченіе.

разуму масштабомъ къ распоряженію и наименованію особенныхъ предметовъ.

3) Сравненіе.

4. Третіе и послѣднее упражненіе разума въ разсужденіи его идей состоитъ въ *сравненіи* оныхъ однѣхъ съ другими. Въ семъ случаѣ мы простираемъ разсматриваніе вещей на настоящіе наши предметы, и изслѣдуемъ отношенія ихъ и сходства съ другими вещами, которыя разумъ въ то же время разсматриванію нашему представляетъ. Такимъ образомъ получаемъ мы всѣ наши понятія объ отношеніяхъ, какъ-то: о большемъ и меньшемъ, о старшемъ и младшемъ, объ отцѣ и сынѣ, и безчисленныхъ другихъ. Сіе троякое разсматриваніе идей нашихъ, либо составленныхъ изъ нѣсколька другихъ идей, либо произведенныхъ разумомъ чрезъ отвлеченіе, либо представляющихъ разныя взаимныя отношенія вещей, подастъ намъ удобный случай къ примѣчанію всего отличнѣйшаго и полезнѣйшаго въ сей главной части познанія, и къ объясненію того, какимъ образомъ разумъ распространяетъ свое разсматриваніе и умножаетъ предметы понятій. И такъ мы составимъ изъ каждаго класса сихъ идей содержаніе особливаго отдѣленія, дабы порядочнѣе и яснѣе трактовать о сей матеріи.

Отдѣленіе I.

О идеяхъ, собственно сложныхъ, или составленныхъ.

Сложныя идеи разсматриваемы здѣсь какъ только совокупленія дѣлаемыя разумомъ.

1. И такъ мы начинаемъ съ тѣхъ идей, которыя можно собственно назвать *сложными*, или составленными, по тому, что онѣ происходятъ отъ той силы, посредствомъ которой душа нѣсколько понятій въ одно совокупляетъ. Хотя въ семъ классѣ содержатся нѣкоторымъ образомъ всѣ наши сложныя понятія; но теперь разсматриваемъ мы ихъ какъ только совокупленія дѣлаемыя разумомъ, и въ разсужденіи тѣхъ особливыхъ идей, изъ которыхъ онѣ составляемы бываютъ. Душа, какъ то уже упомянуто, иногда распространяетъ и перемѣняетъ одну

идею, иногдажъ совокупляетъ идеи разнаго рода; и въ обоихъ сихъ случаяхъ бываютъ безчисленныя намѣренія и многоразличность.

3. Самая обыкновенная простая идея наша есть идея *единицы* или *одного*. Прилагая оную непрестанно къ ней самой, и удерживая въ мысляхъ сіи разныя совокупленія, производимъ мы все безконечное множество составныхъ числъ. Однакожъ всѣ идеи сіи явно различны одна съ другою; ибо приложеніе одной единицы составляетъ число, которое такъ же различно съ непосредственно предыдущимъ числомъ, какъ и двѣ самыя отдаленнѣйшія идеи между собою различны. Но дабы не заблудиться въ разсматриваніи оныхъ безчисленныхъ совокупленій, къ которымъ единица способна, разумъ идетъ порядочно шагъ за шагомъ, и начавъ съ самой первой идеи, преслѣдуетъ ее во всѣхъ ея перемѣнахъ, производимыхъ непрестанно продолжаемымъ прикладываніемъ одной единицы къ другой. Такимъ образомъ происходятъ числа, послѣдующія одно за другимъ въ стройномъ рядѣ; и разныя совокупленія, одно за другимъ происходящія, означаемы бываютъ особенными именами.

Единица источникъ и основаніе всѣхъ идей числъ.

3. При семъ надлежитъ намъ примѣчать удивительное искусство, употребляемое разумомъ для облегченія себя понятій своихъ. Ибо какъ рядъ числъ безконеченъ, то множество ихъ скоро обременило бы память, и намъ бы не возможно было простирать счисленіе довольно далеко, естьлибъ всѣ они названы были особенными именами, не имѣющими никакой связи или взаимнаго отношенія между собою. По сей причинѣ перемѣны именъ ограничены немногими только первыми совокупленіями; а всѣ прочія, за оными слѣдующія, означаемы бываютъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ названій, составленныхъ и связанныхъ между собою различнымъ образомъ. *Тринатцать* есть десять и три; *четырнатцать*, десять и четыре, и такъ далѣе до *дватцати* или двухъ десятковъ; по томъ названія паки начинаются

Искусное составленіе названій числъ служатъ великою помощію въ разсужденіи понятій.

ются съ одного: дватцать одинъ, дватцать два, и пр., что продолжается до *тритцати*, или трехъ десятковъ. Симъ образомъ рядъ непрерывно продолжается; но дошедши до десяти десятковъ, называемъ сію сумму именемъ *сто*, для избѣжанія замѣшательства, какое произошло бы отъ частаго повторенія одинакихъ словъ; и т. д.

Великія выгоды искусства раздѣлять сложныя идеи на нѣкоторые классы.

4. Я объяснялъ здѣсь основаніе и происхожденіе понятій нашихъ о числахъ съ нѣкоторою подробностію для того, что мы обыкновенно измѣряемъ числами всѣ другія вещи, какъ-то: продолженіе времени, протяженіе, движеніе, и пр., и для того, что сіе ведетъ насъ къ разсматриванію, какимъ образомъ разумъ дѣйствуетъ, и показываетъ намъ великое искусство, потребное для раздѣленія весьма сложныхъ понятій нашихъ на нѣкоторые классы. Кто можетъ совокуплять составляющія идею части такъ, чтобъ онѣ какъ бы предлежали зрѣнію души, и всякой разъ, когда случай потребуетъ, представлялись бы паки въ правильномъ и порядочномъ совокупленіи: тому не трудно будетъ получать ясныя и справедливыя понятія въ большей части вещей, которыми мысли наши занимаются. Ибо главное дѣло въ какой либо наукѣ состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть искусно управлять силами разума, и сыскивать такія вспомогательныя средства, которыя хотя бы не усиливали натуральныхъ его способностей, но по крайней мѣрѣ и не утомляли бы ихъ безъ нужды заводя въ изслѣдованія отдаленныя отъ настоящаго предмета. Естьли идеи весьма сложны и множествомъ частей ихъ такъ увеличены, что весьма бы трудно было заниматься ими вообще: въ такомъ случаѣ должны мы облегчать разуму разсматриваніе сихъ идей, раздробляя оныя, и предлагая ему каждую часть особенно по порядку. Посредствомъ сего удобнаго разсматриванія бываемъ мы въ состояніи обозрѣвать цѣлое; и естьли умѣемъ приводить его въ такую порядочную связь, по которой вниманіе наше въ постепенномъ разсматриваніи одной идеи могло бы непринужденно итти шагъ за шагомъ:

то

то она всегда остается въ нашей власти, и мы въ состояніи обозрѣвать всѣ ея части однимъ взоромъ души.

5. Обратиьъ мысли наши къ пространству и времени, примѣтимъ, что безъ помощи числъ весьма рѣдко получаемъ мы ясныя объ оныхъ понятія. Хотя разумъ удобно можетъ понимать самыя употребительнѣйшія и меньшія ихъ раздѣленія обыкновеннымъ путемъ ощущенія; но какъ необходимо нужно сравнивать оныя между собою, то сіе подало поводъ къ изобрѣтенію извѣстной мѣры, по которой бы можно было точно опредѣлять величину каждаго отдѣленія. Такимъ образомъ дюймы, футы, сажени, мили, и пр., дѣлаютъ ясными понятія наши о протяженіи; равно какъ минутами, часами, днями, годами, и пр., измѣряется продолженіе времени. Меньшія части, будучи непосредственно ясны для разума и болѣе соразмѣрны силамъ его, могутъ понимаемы быть съ довольною точностію; а большія части посредствомъ числъ также превращаются въ ясныя и опредѣленныя понятія, естьли извѣстно то число, отъ повторенія котораго онѣ происходятъ. Футъ и сажень суть мѣры удобно понимаемыя разумомъ; по чему не трудно намъ представить себѣ и милю, разсудивъ, что она равна нѣкоторому числу саженъ. Увеличивая мѣру паче и паче, можемъ принимать за масштабъ полупоперешникъ земли, и полагая его въ 860 миль, употреблять къ измѣренію разстоянія солнца, планетъ, или другихъ небесныхъ тѣлъ. То же бываетъ и въ разсужденіи продолженія времени. Отъ часовъ восходимъ мы ко днямъ, мѣсяцамъ и годамъ, и повторяя или составляя оныя, измѣряемъ безъ всякаго безпорядка и замѣшательства прошедшее время, или можемъ по произволенію своему исчислять будущее.

Разсматриваніе числъ доставляетъ великую пользу въ опредѣленіи идей пространства и времени.

6. Но сею ясностію понятій обязаны мы только числамъ; ибо пространство и время, одни и разсматриваемы будучи безъ порядочнаго повторенія миль или годовъ, не оставляютъ въ душѣ опредѣленныхъ впечатлѣній, по

Безъ числъ идеи сіи были бы только нестройный скопъ.

ко-

которымЪ бы могли мы познавать и различать разныя ихЪ части. Идеи какЪ того, такЪ и другаго, получаемыя нами по случаю, суть нестройный скопЪ, особливожЪ когда мы стараемся распространить размышленія наши и доставить всѣмЪ силамЪ разума полное упражненіе. Многое вЪ нихЪ представляется душѣ великимЪ; но не представляется ничего опредѣленнаго, точнаго и правильнаго. НапротивЪ того, когда она начинаетЪ разсматривать идеи сіи по частямЪ, и выбирая только соразмѣрныя способности своей, изслѣдуетЪ, во сколько разЪ цѣлое изЪ нихЪ составлено быть можетЪ: тогда понятія разума получаютЪ новый видЪ, и показываютЪ предѣлы ихЪ со всею возможною точностію.

Безконечное есть такой предметЪ, котораго разумЪ по великости его обозрѣвать не можетЪ.

7. ВЪ разсужденіи протяженія и продолженія времени разумЪ поступаетЪ такЪ же, какЪ и вЪ разсужденіи числЪ. ОнЪ начинаетЪ сЪ самыхЪ простыхЪ и легкихЪ понятій, и постепенно восходитЪ кЪ обширнѣйшимЪ и важнѣйшимЪ представленіямЪ. День или миля удобопонятны для разума; и посредствомЪ раздробленія представляются идеи сіи во всѣхЪ своихЪ частяхЪ ясно. РазличнымЪ повтореніемЪ оныхЪ измѣряемЪ пространство и время: при чемЪ естьли мы вЪ состояніи приводить всѣ такія идеи вЪ ясныя и опредѣленныя понятія о числахЪ, сколь бы онѣ велики и обширны ни были, то можемЪ употреблять мысли наши безЪ всякаго безпорядка, и никогда не приходимЪ вЪ замѣшательство, развѣ только вЪ такомЪ случаѣ, когда слишкомЪ полагаясь на силы наши, углубляемся вЪ разсматриваніе превышающее способности человѣческаго разума. Числа можно уподобить линіи, которая начинаясь отЪ единицы, и простираясь вдаль непрестаннымЪ увеличеніемЪ длины своея, не можетЪ никогда достичь крайней точки. Пока мы преслѣдуемЪ вЪ мысляхЪ сію линію и придержимся правильнаго ея ходу, дотолѣ идеи наши бываютЪ точны и вѣрны. Но когда впускаемся разумомЪ вЪ безпредѣльное пространство далѣе оной, и хотимЪ изслѣдовать глубины безконечности, то

то заблуждаемся въ великости собственныхъ нашихъ понятій.

8. По сей-то можетъ быть причинѣ многіе новѣйшіе Философы въ разсужденіяхъ своихъ о безконечности впадали въ явныя противорѣчія; ибо они находили предметъ превышающій великостію своею силы разума, и видѣли себя окруженныхъ нерѣшимыми трудностями, которыхъ малому и недостаточному смыслу ихъ отвратить никакимъ образомъ было не возможно. Не подвержено сомнѣнію то, что предѣльному разуму и предѣльныя только идеи соразмѣрны; и хотя мы имѣемъ нѣкоторое понятіе о безконечности числъ, однакожъ не такое, которое обнимало бы и истощало весь свой предметъ, или представляло бы оный разуму во всей его великости и полнотѣ.

Оно представляется не во всей полнотѣ своей, но только безпредѣльною и непрестанно возрастающею идеею.

9. Хотя сія идея безконечности числъ кажется весьма несовершенною, однако посредствомъ ея разумъ восходитъ къ понятію о *вѣчности* и *неизмѣримости*. Ибо при размышленіи какъ о прошедшемъ, такъ и о будущемъ продолженіи времени, не встрѣчается намъ ничего такого, что могло бы остановить теченіе мыслей нашихъ въ повтореніи годовъ, или миліоновъ лѣтъ. Чѣмъ далѣе идемъ въ ономъ, тѣмъ паче идея наша увеличивается; и наконецъ утомясь тщетными трудами, должны бываемъ признаться, что мы не можемъ достичь конца продолженія времени, равно какъ и числъ. Поколѣнія человѣковъ весьма скоро одни послѣ другихъ происходятъ и прекращаются; самая земля прейдетъ, и сіяющія свѣтила, которыми украшенъ сводъ небесный, погаснутъ. Но сіе не препятствуетъ теченію времени; оно продолжается одинаково и безпремѣнно, и пребываніе оныхъ не заключаетъ его въ предѣлы. Сіе двоякое разсматриваніе времени, продолжавшагося уже безчисленное множество столѣтій, и впредь еще непрестанно простирающагося безконечнымъ рядомъ, составляетъ собствен-

Продолженіе времени безконечно какъ въ разсужденіи прошедшаго, такъ и будущаго; отъ чего происходитъ понятіе наше о вѣчности.

ственно идею *вѣчности*. Хотя мы говоримъ о прошедшей и будущей вѣчности, однако обѣ онѣ съ одной стороны имѣютъ предѣлъ. Первая оканчивается настоящимъ мгновенiемъ, и по тому имѣетъ конецъ; а вторая съ того же мгновенiя начинается, и слѣдовательно имѣетъ начало. Но обѣ онѣ вкупѣ составляютъ линiю, которая съ обѣихъ сторонъ простирается безконечно и представляетъ вѣчность въ полномъ ея пространствѣ.

Идея неизмѣримости происходитъ отъ разсматриванiя пространства непрестанно простирающагося во всѣ стороны.

10. При разсматриванiи времени полагаемъ мы настоящее мгновенiе средоточiемъ, раздѣляющимъ всю линiю продолженiя онаго на двѣ равныя части: равнымъ образомъ при разсматриванiи пространства то особенное мѣсто, гдѣ мы находимся, принято бываетъ за средоточiе всего протяженiя. Мы даемъ мыслямъ своимъ свободное теченiе во всѣ стороны, вверьхъ, внизъ, вокругъ себя, и усматриваемъ, что можемъ всюду продолжать повторенiе миль и милiоновъ миль, не достигая никогда конца сего ряда. Хотя не трудно понятiямъ нашимъ достичь самыхъ крайнихъ предѣловъ мiра, или по крайней мѣрѣ сколько изъ онаго намъ свѣдомо; но воображенiе не останавливается тамъ: оно видитъ еще далѣе неизмѣримыя пространства, могущiя вмѣщать въ себѣ новые мiры, и можетъ преслѣдовать непрестанное продолженiе сихъ пространствъ одного за другимъ. Такое разсматриванiе пространства, увеличивающагося непрестанно во всѣ стороны, но никогда конца не достигающаго, производитъ въ насъ идею *неизмѣримости*, которая въ самомъ дѣлѣ есть не иное что, какъ безконечность числъ, относящихся къ нѣкоторымъ частямъ протяженiя, напр. милямъ, и пр., когда мы представляемъ ихъ себѣ простирающимися во всѣ стороны около насъ въ безчисленномъ множествѣ прямыхъ линiй.

Сложныя идеи, происходящiя отъ совокупленiя по-

11. Но приступимъ теперь еще ко множественнѣйшему составленiю, производимому разумомъ, когда онъ беретъ идеи разныхъ родовъ и произвольно составляетъ изъ нихъ одно понятiе. Такова напр. идея мелодiи, заклю-

заключающая вЪ себѣ разныя ноты со многими различными перемѣнами тоновЪ. При семЪ надлежитЪ примѣчать, что хотя сія сложная идея можетЪ произойти вЪ насЪ при ощущеніи самаго движенія воздуха, произведеннаго какимЪ либо инструментомЪ; однако вЪ разсужденіи происхожденія ея, она принадлежитЪ кЪ тому классу понятій, который мы назвали произвольными совокупленіями разума. Сочинитель музыки или виртуозЪ совокупилЪ разныя ноты, и назначилЪ порядокЪ, вЪ которомЪ надлежало имЪ слѣдовать однѣмЪ за другими; и симЪ особеннымЪ образомЪ составленные тоны не имѣли совокупленія вЪ самой Натурѣ, пока они еще не были такимЪ образомЪ соединены вЪ разумѣ. Таковы же суть по большей части идеи дѣлЪ человѣческихЪ. Ибо хотя многія изЪ нихЪ получаемЪ мы либо видя самыя дѣла, либо слыша отЪ другихЪ описаніе оныхЪ, напр. идею дестиллированія, рѣзьбы, измѣны, и пр.; однако явно, что имЪ надлежало быть расположеннымЪ и изобрѣтеннымЪ вЪ разумѣ человѣческомЪ прежде, нежели они вЪ самомЪ дѣлѣ бытіе получили.

нятій разнаго рода.

12. При семЪ классѣ идей разумЪ имѣетЪ величайшія намѣренія, и по большей части вЪ ономЪ дѣйствующія силы его находятЪ себѣ упражненіе. И вЪ самомЪ дѣлѣ не возможно назначить предѣловЪ идеямЪ сего класса: ибо сдѣланныя уже совокупленія почти безчисленны; а тѣ, кЪ которымЪ душа еще способна, составляютЪ безконечное множество. Между тѣмЪ не непристойно будетЪ разсмотрѣть здѣсь, какЪ мы поступаемЪ при толикомЪ многоразличіи, и по какимЪ правиламЪ составляемЪ идеи, означаемыя особенными названіями, пропуская можетЪ быть безЪ вниманія другія, толикожЪ обыкновенныя. Напр. идея *убійства*, совокупленная сЪ идеею *отца*, составляетЪ особенный родЪ дѣлЪ, извѣстный подЪ названіемЪ *отцеубійства*. БезЪ сомнѣнія столь же бы легко было сдѣлать различіе между убійствомЪ стараго человѣка и молодаго; однако мы видимЪ, что сего различія не сдѣлано, и оба дѣла означае-

КакЪ поступаетЪ разумЪ при сихЪ совокупленіяхЪ.

чаемы бываютъ общимъ названіемъ убійства. По какимъ же правиламъ разумъ располагаетъ свои совокупленія? Для чего склоняется онъ къ одному какому либо совокупленію идей, а на къ иному? Не удобно понять сего, не замѣтивъ, что цѣль языка есть сообщеніе мыслей нашихъ другимъ. Слова суть знаки идей, и служатъ къ выраженію понятій разума. Понятія, случающіяся въ общежитіи болѣе прочихъ, надлежало прежде другихъ означить особенными названіями; ибо оныя были необходимо нужны людямъ, часто имѣющимъ случай говорить о нихъ. А понеже многія изъ сихъ понятій суть совокупленія разныхъ простыхъ идей, то сіе неприметно и подаетъ намъ поводъ къ особенному составленію такихъ идей, которыя въ общежитіи и въ разговорахъ обыкновенно болѣе прочихъ случаются.

Идеи человѣческихъ дѣлъ часто составляемы бываютъ еще прежде, нежели самыя дѣла существуютъ.

13. Положимъ теперь, что при первомъ началѣ гражданскихъ обществъ собралось нѣсколько законодателей совѣтоваться объ учрежденіяхъ, потребныхъ къ управленію общества. Естьли они были благоразумные и проницательные мужи, то предусматривали многіе новые случаи, могущіе произойти отъ совокупленія нѣкотораго числа людей и отъ общественнаго ихъ образа жизни. Можетъ быть въ то время, въ которое они жили, не было еще примѣра смертоубійства; но судя по себѣ самимъ, и зная способность человѣческую дѣлать вредъ другимъ, они представляли себѣ сей случай возможнымъ, и искали способовъ къ отвращенію онаго. Такимъ образомъ всѣ идеи, содержащіяся въ сложномъ понятіи о убійствѣ, собраны вкупѣ, и составлено изъ нихъ одно понятіе, прежде еще, нежели самое дѣло существовало. А понеже главной предметъ при семъ былъ удержать людей отъ неправеднаго лишенія жизни другихъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, то различеніе лѣтъ не почтено за нужное; по чему опредѣлено въ обоихъ случаяхъ одинакое наказаніе. Но при разсматриваніи отношеній между убитымъ и убійцею открывается явное различіе; ибо преступленіе гораздо болѣе бываетъ,

есть-

естьли произведено надъ благодѣтелемъ; а умерщвленіе отца еще ужаснѣе. И такъ изъ послѣдняго составленъ особенный родъ дѣла, и узаконено особенное наказаніе за оное. Такимъ образомъ видимъ мы, что люди отъ различнаго образа жизни и отъ взаимныхъ между собою отношеній получаютъ поводъ къ совокупленію нѣкоторыхъ простыхъ идей преимущественно предъ другими, предусматривая, что сіи опредѣленныя совокупленія часто будутъ имъ случаться. А какъ въ общежитіи весьма бы затруднительно было при всякомъ сложномъ понятіи разсказывать всѣ идеи, изъ которыхъ оно состоитъ: то для удобства и скорости сіи понятія означаются особенными именами, отъ чего совокупленія бываютъ опредѣленны и постоянны.

Необходимость взаимнаго сношенія между людьми и особенныя намѣренія въ общежитіи суть великой источникъ сложныхъ идей.

14. Что мы въ самомъ дѣлѣ симъ образомъ получаемъ сложныя наши идеи, умножающіяся отъ времени до времени по требованію обстоятельствъ общества, или по тому, что наши дѣла, образъ жизни и разныя намѣренія подаютъ случай къ совокупленію нѣкоторыхъ понятій: сіе изъ краткаго разсмотрѣнія самыхъ совокупленій удобно познать можно. Дѣла, случающіяся обыкновенно чаще всякихъ другихъ, и подающія обильную матерію къ разговорамъ, спорамъ и изслѣдованіямъ между людьми, опредѣлены весьма точно, и раздѣлены на классы по различнымъ обстоятельствамъ, бывающимъ по большей части при оныхъ. Равнымъ образомъ искусства и науки, чѣмъ болѣе распространяются, тѣмъ паче умножаютъ сложныя понятія о вещахъ, которыя безъ того никогда бы разуму нашему не представились. Но сложныя понятія сего рода, купно съ выражающими ихъ именами, переходятъ отъ такихъ народовъ, у которыхъ сіи науки и искусства преимущественно предъ другими процвѣтали. Напр. Греки отличались ученостію и изящными науками; по чему многіе термины въ Реторикѣ, Поэзіи, Философіи, Физикѣ, и пр., заняты изъ Греческаго языка. Новѣйшая воинская Архитектура самаго

большаго совершенства достигла у Французовъ; и по тому большая часть понятій и выраженій сего искусства занята отъ писателей сея націи. Музыка доведена до великаго совершенства преимущественно Италіянцами; по чему и употребительныя въ семъ искусствѣ наименованія по большей части суть Италіянскія. Мы даже не въ состояніи говорить точно и обстоятельно о помянутыхъ искусствахъ не занимая выраженій изъ языка оныхъ націй. Разсматривая жъ особенныя состоянія и промыслы человѣческія, увидимъ, что всѣ они имѣютъ особливыя свои совокупленія идей, которыя означены различными именами и рѣдко бываютъ свѣдомы кому либо иному, кромѣ упражняющихся въ сихъ промыслахъ.

Отдѣленіе 2.

Объ отвлеченныхъ, или общихъ идеяхъ.

Разумъ составляетъ общія понятія посредствомъ отвлеченія.

1. И такъ я сказалъ уже все, что нужно было, о сложныхъ идеяхъ, какъ только о совокупленіяхъ дѣлаемыхъ разумомъ. Теперь надлежитъ мнѣ приступить къ объясненію того, какъ мы получаемъ общія понятія, посредствомъ которыхъ можемъ представлять себѣ множество вещей, и по которымъ раздѣляемъ вещи на нѣкоторые классы. А именно, сіе бываетъ посредствомъ отвлеченія, какъ то еще выше сего упомянуто. Разумъ производитъ сіе дѣло надъ всякими идеями, какъ надъ простыми, такъ и надъ сложными. Обращая вниманіе на какой нибудь особливой цвѣтъ, напр. красной, мы можемъ выпускать изъ мыслей всѣ настоящія обстоятельства, какъ-то: вещь, въ которой онъ находится, мѣсто и время, когда его видимъ, и пр., и удерживая только понятіе о самомъ цвѣтѣ, можемъ представлять себѣ свойство сіе, или сей видъ, гдѣ бы мы его ни нашли. Такимъ образомъ происходятъ отвлеченныя и общія понятія. Ибо разумъ разсматривая только красной цвѣтъ, который сперва ви-

видѣли мы въ суднѣ, въ другой разъ на картинѣ, а въ третій въ цвѣткѣ, представляетъ себѣ свойство сіе какъ нѣчто во всѣхъ сихъ предметахъ одинакое; по чему оно и одинакимъ названіемъ означается.

2. Для большей точности въ сей матеріи, и дабы показать, что сіи общія понятія суть только произведенія разума, не безполезно будетъ замѣтить здѣсь, что всѣ понятія о вещахъ, получаемыя посредствомъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго ощущенія, по самому качеству ихъ суть нераздѣльныя понятія и представляютъ намъ особливые нераздѣльные предметы (Individua). Напр. когда мы видимъ лошадь на полѣ, то идея наша бываетъ идея нераздѣльной вещи. Когда слышимъ какой либо звукъ, то сіе есть нѣчто нераздѣльное и различное отъ слышимаго въ иное время. Каждое понятіе разума различно отъ всякаго другаго понятія; и даже всякая идея получаемая посредствомъ воображенія, напр. когда мы воображаемъ себѣ льва стоящаго предъ нами, бываетъ нераздѣльна и представляетъ нераздѣльный предметъ.

Всѣ посредствомъ ощущенія получаемыя понятія касаются до нераздѣльныхъ вещей.

3. Но разсматривая разныя сіи нераздѣльныя вещи, удобно примѣчаемъ между нѣкоторыми изъ нихъ сходство, и составляя себѣ идею того, въ чемъ нѣсколько вещей между собою сходствуютъ, получаемъ посредствомъ сего общее понятіе, принадлежащее ко многимъ нераздѣльнымъ вещамъ. Напр. мы видимъ, что лошади имѣютъ сходство въ видѣ, голосѣ и составѣ ихъ членовъ. Идея, содержащая въ себѣ только особенность сего сходства, не касаясь до того, что каждому изъ сихъ животныхъ особливо свойственно, принадлежитъ ко всѣмъ тварямъ сего рода, и по тому есть образъ цѣлаго класса вещей. И такъ имя сея общей идеи дается каждому животному, въ которомъ мы находимъ такой видъ, голосъ и составъ членовъ; ибо слово *лошадь*, означающее только сіи особенныя свойства, должно быть прилично всѣмъ тварямъ имѣющимъ оныя. Когда разумъ огра-

Идея вида представляетъ то, что разнымъ нераздѣльнымъ вещамъ вообще свойственно.

ограничивается разсматриваніемъ нераздѣльныхъ вещей и составляетъ себѣ идею касающуюся только до нихъ: сіе есть первой шагъ, или первая степень въ составленіи отвлеченныхъ, или общихъ понятій. Тотъ классъ вещей, къ которому сія идея относится, называется на школьномъ языкѣ *видомъ* (Species). Напр. Лошадь есть видъ животныхъ; дубъ есть видъ деревъ; квадратъ, видъ четыресторонныхъ фигуръ, и пр.

Идея рода содержитъ въ себѣ то, что свойственно разнымъ видамъ вообще.

4. Научившись такимъ образомъ составлять изъ нераздѣльныхъ вещей нѣкоторые виды и классы по примѣчаемому между ими сходству, разумъ приступаетъ въ разсматриванію видовъ, и часто находитъ также и между ими нѣкоторое подобіе или сходство. Въ семъ случаѣ мы оставляемъ всѣ особенныя обстоятельства, которыми разные виды одинъ съ другимъ различаются, и удерживаемъ только тѣ, которыя всѣмъ имъ общи, и такимъ образомъ составляемъ понятіе еще болѣе общее, содержащее въ себѣ множество разныхъ видовъ. Напр. воробей, соколъ, орелъ, и пр., суть разные виды птицъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особенный видъ и особенное свойство. Однако всѣ они сходствуютъ между собою въ томъ, что покрыты перьями и имѣютъ крылья, которыми летаютъ по воздуху. Изъ сихъ обстоятельствъ составляемъ мы новую идею, содержащую въ себѣ всѣ общія свойства пернатыхъ тварей, и называя то *птицею*, означаемъ симъ словомъ другой классъ вещей, по порядку вышшій всѣхъ предыдущихъ классовъ. Сей вышшій классъ, заключающій въ себѣ разные виды, называется въ училищахъ *родомъ* (Genus).

Разумъ восходитъ отъ особеннаго къ общему по многимъ степенямъ.

5. И такъ я сообщилъ краткое, но кажется, ясное наставленіе о *родахъ* и *видахъ*, о которыхъ въ Логическихъ книгахъ говорится толь много. *Видъ* собственно есть классъ вещей, содержащій въ себѣ только нераздѣльныя вещи, Individua. *Родъ* выше онаго степенію, и содержитъ въ себѣ множество разныхъ видовъ. Однакожъ надлежитъ замѣтить, что разумъ, восходя

отъ

отъ особеннаго къ общему, не ограничивается одною или двумя степенями, но часто простираетъ разсматриваніе свое по всему кругу вещей, пока наконецъ доходитъ до идеи, заключающей въ себѣ все находящееся въ Натурѣ. Ибо раздѣливъ вещи на классы, а сіи приведши въ роды, примѣчаемъ еще, что сіи роды въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ также имѣютъ сходство, и собраны будучи въ одну идею, составляютъ новое и пространнѣйшее раздѣленіе вещей. Напр. *птица* есть родъ, заключающій въ себѣ всѣхъ пернатыхъ животныхъ. Родъ *рыбъ* содержитъ въ себѣ разные виды живыхъ, плески имѣющихъ тварей, живущихъ въ водѣ. *Четвероногія животныя* и *насѣкомыя* суть также общія идеи, содержащія въ себѣ многія подробнѣйшія раздѣленія и классы. Но всѣ сіи разные роды существъ вообще имѣютъ органическія тѣла, способныя къ жизни и произвольнымъ движеніямъ. И такъ идея, заключающая въ себѣ только сіи послѣднія обстоятельства, касается до всѣхъ помянутыхъ раздѣленій въ равной степени, и слово *животное*, выражающее сію идею, служитъ общимъ названіемъ разнымъ тварямъ, имѣющимъ жизнь, ощущеніе и произвольное движеніе. Естьли хотимъ еще далѣе простирать разсматриваніе наше, и составить себѣ понятіе еще болѣе общее, то можемъ устремить вниманіе какъ на одушевленныя, такъ и на неодушевленныя части Натуры, въ которыхъ примѣтимъ то сходство, что всѣ онѣ существуютъ. И такъ сія послѣдняя идея *существованія*, или *бытія*, вообще содержитъ въ себѣ все число вещей, и можетъ приложена быть ко всему тому, что только гдѣ либо находится; и въ разсужденіи нынѣшняго устроенія Натуры она есть самая вышшая и всеобщая наша идея.

6. Въ семъ рядѣ понятій, составляющихъ вышшія степени одно предъ другимъ, то общее понятіе, которое заключаетъ въ себѣ разные роды, называется въ училищахъ *вышшимъ родомъ*; и сіе названіе остается при всѣхъ степеняхъ, пока дойдемъ до послѣдней степени разума, въ которой самая всеобщая

Отъ чего происходятъ многія среднія степени между самымъ вышидея

шимъ родомъ и самымъ нижшимъ видомъ.

идея означается названіемъ *самаго вышшаго рода.* Равнымъ образомъ и разные роды, содержащіеся въ вышшемъ родѣ, почитаются въ разсужденіи онаго *видами*; но какъ и они содержатъ въ себѣ виды, то подробнѣйшія раздѣленія для отличенія называются *нижшими видами.* Такимъ образомъ рядъ продолжается. Когдажъ доходимъ до самаго нижшаго раздѣленія, заключающаго въ себѣ только нераздѣльныя вещи, которыя, какъ уже сказано, составляютъ подлинный видъ, то оно въ училищахъ называется *самымъ нижшимъ видомъ.* Всѣ прочіе классы, находящіеся между онымъ и самымъ вышшимъ раздѣленіемъ вещей, суть средніе роды и виды, называемые въ порядкѣ ихъ либо *вышшими родами*, либо *нижшими видами*, сообразно тому, какъ мы ихъ разсматриваемъ, по восходящей ли, или по низходящей лѣствицѣ идей.

Общія понятія суть произведенія разума.

7. Изъ всего доселѣ сказаннаго явно, что общія понятія суть произведенія разума. Хотя Натура въ произведеніи вещей дѣлаетъ многія изъ нихъ сходными; однакожъ одинъ только разумъ собираетъ въ одно понятіе тѣ обстоятельства, въ которыхъ онѣ между собою сходствуютъ, и дѣлаетъ оное представленіемъ многихъ нераздѣльныхъ вещей. Теперь, думаю, можно уже намъ приступить къ вопросу причинявшему толь много споровъ, а именно: Гдѣ существуютъ роды и виды вещей? Я отвѣтствую: въ разумѣ. Понятіе *общаго* не принадлежитъ къ самымъ вещамъ; ибо явно, что всѣ онѣ въ разсужденіи бытія своего суть особенныя вещи. Но какъ онѣ часто имѣютъ многія общія свойства, то разумъ совокупляя оныя въ одно понятіе, получаетъ общую идею, и включаетъ въ нее всѣ тѣ разные предметы, въ которыхъ находитъ сіи свойства. Въ разсужденіи сего надлежитъ согласиться, что особенныя совокупленія свойствъ, составляющія родъ или видъ, существуютъ во всѣхъ нераздѣльныхъ вещахъ, къ сему роду или виду принадлежащихъ. Однакожъ они существуютъ въ нихъ купно съ другими свойствами, которыми сіи нераздѣльныя вещи

щи одна отъ другой различаются. И такъ, напр., совокупленіе простыхъ идей, означаемое словомъ *птица*, хотя и находится въ *соколѣ* или въ какомъ либо иномъ животномъ, которое мы симъ общимъ именемъ называемъ; однако явно, что самое понятіе, отдѣленное отъ всѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, къ которымъ оно принадлежитъ, внѣ разума нашего бытія не имѣетъ.

8. Изъ сего вдругъ усматриваемъ, какого рода бытіе имѣютъ общія существа. Разсматриваемы будучи одни и сами по себѣ, они суть дѣло разума, и отъ него только бытіе свое и существенность имѣютъ. Но разсматривая ихъ въ совокупленіи съ другими идеями, существующими купно съ ними въ предметахъ Натуры, увидимъ, что они находятся въ тѣхъ нераздѣльныхъ вещахъ, къ которымъ относятся; и по сему представленію можно сказать, что они имѣютъ нѣкоторое бытіе въ сихъ вещахъ. Напр. идеи, выражаемыя словами *человѣкъ* или *дерево*, не имѣютъ одинакихъ съ ними существенныхъ предметовъ въ Натурѣ, пока бываютъ общими и неопредѣленными идеями; и совокупленія простыхъ идей, означаемыя сими названіями, не могутъ существовать нигдѣ, кромѣ разума, пока мы исключаемъ изъ нихъ всякія другія идеи. Но какъ всѣ простыя идеи, содержащіяся въ общемъ понятіи *человѣкъ*, находятся и въ каждомъ особенномъ человѣкѣ, а всѣ простыя идеи, принадлежащія къ понятію *дерево*, находятся въ каждомъ особенномъ деревѣ: то общая человѣческая натура существуетъ въ каждомъ особенномъ человѣкѣ, общаяжъ натура дерева въ каждомъ особенномъ деревѣ. Разсматриваемы будучи особливо, они существуютъ только въ разумѣ; но разсматриваемы будучи въ совокупленіи съ другими идеями, находятся въ нераздѣльныхъ вещахъ, изъ которыхъ они состоятъ.

9. Остается еще нѣчто замѣтить въ разсужденіи сихъ общихъ идей; а именно: хотя многія изъ нихъ явно суть совокупленія разныхъ простыхъ идей, и по сему принадлежатъ къ первому классу сложныхъ понятій, то есть производимыхъ разумомъ чрезъ составленіе; однако мы Различіе сложныхъ идей съ общими.

полагаемъ точное различіе между сложными идеями и общими. Въ первыхъ разумъ особенно разсматриваетъ разныя идеи совокупленныя одна съ другою, либо иными словами сказать, всѣ свойства или части, содержащіяся въ идеѣ. Напр. идея *птицы* заключаетъ въ себѣ жизнь, ощущеніе, произвольныя движенія, кожу съ перьями, крылья, и пр., и не возможно выпустить ни одной изъ сихъ принадлежностей, не разрушивъ натуры сея идеи, и не сдѣлавъ изъ нея нѣчто совсѣмъ иное, а не то, что она прежде была. Такое разсматриваніе вещей по числу частей ихъ и свойствъ, можно назвать *кругомъ пространства* идеи. Но то свойство понятій нашихъ, по которому они общими называются, требуетъ совсѣмъ инаго порядка въ размышленіи; ибо оно обращаетъ разсматриваніе разума къ тѣмъ предметамъ, которыхъ идеи наши касаются, или къ содержащимся въ идеяхъ нераздѣльнымъ вещамъ и видамъ. Въ семъ смыслѣ идея, означаемая словомъ *птица*, содержитъ въ себѣ разные виды пернатыхъ животныхъ, какъ-то: сокола, орла, воробья, жаворонка, и безчисленнаго множества другихъ, къ которымъ всѣмъ идея сія въ одинакомъ смыслѣ относится. При семъ надлежитъ примѣчать, что такая идея, ограничена будучи однимъ какимъ либо особеннымъ родомъ, не подвергается чрезъ то ни малому ущербу силы своей или пространства. Естьли я скажу: *птица Юпитерова*, то въ семъ случаѣ идея хотя будетъ относиться къ одному только орлу, однако останется столь же ясною, и въ составленіи своемъ будетъ содержать столь же много простыхъ идей, какъ и прежде, когда она простиралась на всѣ различные роды пернатыхъ животныхъ.

От тѣ-

Отдѣленіе 3.

Объ идеяхъ отношеній.

Идеи отношеній весьма многочисленны.

1. Теперь приступаю къ третіему и послѣднему классу идей почитаемыхъ мною произведеніями разума; а именно, къ идеямъ происходящимъ отъ сравненія вещей одной съ другою. Разумъ въ разсматриваніи своемъ не привязанъ къ однимъ только какимъ либо предметамъ, но можетъ изслѣдовать отношеніе ихъ къ другимъ, разсматриваемымъ купно съ оными, и чрезъ то получаетъ новыя понятія. Произшедшія такимъ образомъ идеи называются *относительными понятіями*, или *отношеніями*, и по мнѣнію моему, составляютъ самый многочисленнѣйшій классъ нашихъ понятій. Ибо всякой особенный предметъ, способенъ будучи почти къ безчисленнымъ сравненіямъ съ другими предметами, можетъ по тому служить разуму нашему весьма обильнымъ источникомъ идей. Напр. сравнивая одну вещь съ другою въ разсужденіи величины, получаемъ идеи *большаго*, *меньшаго*, или *равенства*; въ разсужденіи времени, идеи *старшаго* и *младшаго*; равнымъ образомъ и въ разсужденіи другихъ отношеній, которыя можемъ размножать по произволенію своему почти до безконечности. Изъ сегожъ можно удобно усмотрѣть, сколь многочисленъ долженъ быть сей родъ понятій нашихъ.

Требованія и нужды общежитія по большей части подаютъ намъ поводъ къ особеннымъ сравненіямъ.

2. Я не предпринимаю изслѣдовать идеи сіи особенно, ниже предложить различныя раздѣленія оныхъ; но замѣчу только то, что мы и въ нихъ, равно какъ въ другихъ родахъ нашихъ идей, ограничиваемся по большей части такими сравненіями, которыя по требованіямъ общежитія и разныхъ дѣлъ человѣческихъ необходимо нужны; и наблюдаемъ болѣе или менѣе точности въ изслѣдованіи отношеній вещей, сообразно большей или меньшей степени важности оныхъ въ разсужденіи сихъ требованій. Отношенія между людьми, происходящія либо отъ родства и разныхъ состояній и чиновъ, либо отъ вза-

имныхъ услугъ однимъ другому оказываемыхъ, весьма важны въ общежитіи; по чему они отлично предъ другими возбуждаютъ вниманіе наше и бываютъ описываемы съ великою точностію. По сей же причинѣ люди почитаютъ за нужное, опредѣлять со всею возможною точностію и разныя отношенія вещей; ибо собственное ихъ благосостояніе весьма тѣсно связано съ симъ знаніемъ. Разсматривая вещи только въ разсужденіи бытія, которое онѣ либо другимъ сообщаютъ, либо сами отъ другихъ получаютъ, мы получаемъ идею *причины* и *дѣйствія*. Не нужно упоминать, коль важно для благосостоянія рода человѣческаго подробное разсматриваніе сего отношенія вещей; ибо явно, что всякія намѣренія и планы въ жизни человѣческой располагаемы бываютъ по предварительному чаянію, что извѣстныя причины будутъ имѣть обыкновенныя ихъ дѣйствія, и отъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ дѣлъ произойдутъ извѣстныя слѣдствія.

Отношенія между Творцемъ и тварями.

3. Но кромѣ отношеній касающихся только до бытія, находятся еще другія отношенія сего рода; напр. когда мы разсуждаемъ, что человѣкъ кромѣ бытія получилъ еще способность къ блаженству и средства къ пріобрѣтенію онаго: что составляетъ отношеніе между *Творцемъ* и *тварями* во всеобщемъ значеніи сихъ словъ. Также, когда разсуждаемъ о великомъ Подателѣ бытія нашего какъ о такомъ существѣ, которое не только сотворило міръ, но и сохраняетъ оный и неограниченно управляетъ настоящимъ устроеніемъ вещей: то Онъ представляется намъ въ понятіи *моральнаго обладателя*, которому должны мы дать отчетъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и въ употребленіи силъ и способностей, отъ него полученныхъ.

Идеи отношеній весьма ясны.

4. Сравненіе вещей одной съ другою есть произвольное дѣло души; по чему надлежитъ предполагать, что она знаетъ собственныя свои намѣренія при семъ сравненіи, и необходимо должна имѣть ясное понятіе объ основаніи того отношенія, которое изслѣдовать хочетъ. И такъ поне-

неже отношеніе между причиною и дѣйствіемъ показываетъ только то, что одна вещь другую произвела, или сама другою произведена; а сіи понятія всегда бываютъ ясно опредѣлены въ разумѣ еще прежде, нежели начнетъ онъ дѣлать сравненіе: то явно, что идея представляющая сіе взаимное отношеніе предметовъ, будетъ толь же ясна, какъ и самыя тѣ понятія, на которыхъ отношеніе основывается. Но въ разсужденіи сего класса идей еще достойнѣе примѣчанія то, что онѣ бываютъ ясны, хотя бы мы имѣли весьма несовершенное познаніе о сравниваемыхъ вещахъ. Ибо мы довольно можемъ усматривать, что одна вещь произвела другую, и по тому находится между ими отношеніе причины и дѣйствія, хотя бы идеи наши о самыхъ сихъ вещахъ были весьма неясны и не представляли бы намъ подлинной ихъ натуры и свойствъ.

Идеи отношеній принадлежатъ къ самымъ важнѣйшимъ понятіямъ разума.

5. Сверьхъ того идеи отношеній принадлежатъ къ самымъ важнѣйшимъ понятіямъ разума, и открываютъ весьма пространное поле употребленію и увеличенію познанія человѣческаго. Изслѣдованія наши по большей части касаются до относительныхъ идей, и начинаются разсматриваніемъ взаимныхъ отношеній вещей. Геометръ избралъ себѣ предметомъ величины, и учитъ, какъ должно сравнивать разныя фигуры и протяженія одни съ другими, для того, чтобъ быть въ состояніи разсуждать вѣрно объ относительныхъ ихъ свойствахъ. И не то ли цѣль всѣхъ нашихъ изслѣдованій, чтобъ посредствомъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ свойствъ и отношеній находить другія, имѣющія нѣкоторую связь съ оными? Чтожъ касается до важности сихъ понятій, то въ оной никто не усомнится, размысливъ, что изъ отношеній нашихъ ко Творцу и къ ближнимъ нашимъ происходятъ всѣ должности, предписываемыя нравоученіемъ и религіею, и что сообразность разныхъ предметовъ въ Натурѣ съ качествомъ тѣла нашего и душевными силами одна приводитъ насъ въ состояніе судить о чемъ либо, щастіе ли, или нещастіе, оно причинить намъ можетъ.

6.

Повтореніе. 6. И такъ всѣ идеи производимы бываютъ въ разумѣ либо внѣшнимъ, либо внутреннимъ ощущеніемъ. Но примѣчанія достойно то, что хотя одинъ предметъ часто производитъ вдругъ разныя понятія, однакожъ разумъ удобно различаетъ оныя, и каждое изъ нихъ представляется въ собственномъ своемъ видѣ. Сіи суть первыя коренныя наши понятія, и со всѣми прочими понятіями удобно различаемы бываютъ, ибо не имѣютъ въ себѣ множественности и не могутъ раздѣлены быть на двѣ разныя идеи, или болѣе. Также они суть матерія, изъ которой другія понятія бываютъ составляемы; по чему для различія называются *простыми идеями*. Хотя не во власти разума, дѣлать или истреблять оныя, однако онъ можетъ совокуплять ихъ весьма многоразличными образами; отъ различныхъ же совокупленій ихъ происходятъ всѣ сложныя идеи, которыхъ находится два главные класса. Первой классъ состоитъ изъ идей входящихъ въ душу извнѣ, и представляющихъ такія совокупленія простыхъ понятій, которыя въ самой Натурѣ существуютъ. Къ сему классу принадлежатъ всѣ идеи тѣлесныхъ вещей и сущностей вообще. Второй классъ содержитъ въ себѣ идеи дѣлаемыя самимъ разумомъ, который часто составляетъ и соединяетъ понятія произвольно. А какъ сей классъ безъ сомнѣнія есть самый многочисленнѣйшій, и заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ идеи, которыя можно въ точномъ смыслѣ назвать нашими собственными идеями, ибо онѣ въ самомъ дѣлѣ суть произведеніе разума: то весьма прилично раздѣлить ихъ на три особенныя отдѣленія. Ибо разумъ, совокупляя разныя простыя идеи, дѣлаетъ изъ нихъ одно понятіе, въ которомъ особенно разсматривается число и качество соединенныхъ идей; или онъ выбираетъ только одну изъ своихъ идей, либо простую, либо сложную, и оставляя обстоятельства времени, мѣста, существованія въ самой Натурѣ, и все дѣлающее оную особенною идеею, разсматриваетъ одно только ея представленіе, или нѣкоторую часть ея, и дѣлаетъ такую идею изображеніемъ цѣлаго рода; отъ чего происходятъ отвлеченныя и общія идеи. Или наконецъ онъ сравни-

ваетъ

ваетъ разныя вещи одну съ другою, изслѣдуетъ взаимныя ихъ связи, и тѣмъ доставляетъ себѣ новый родъ понятій, извѣстныхъ подъ именемъ отношеній, и составляющихъ, какъ то уже упомянуто, весьма многочисленный и важный классъ понятій нашихъ.

Глава V.

О словахъ, какъ знакахъ идей.

Слова суть способъ къ означенію мыслей.

1. Доселѣ разсматривали мы, какъ разумъ получаетъ идеи, и какимъ образомъ старается перемѣнять ихъ и умножать; но теперь будемъ разсматривать и способы къ содѣланію мыслей нашихъ вразумительными другимъ, дабы получить свѣдѣніе не только о томъ, какъ мы сами получаемъ познаніе, но и о томъ, какъ можемъ съ удобствомъ и выгодою другимъ оное сообщать. Ибо идеи наши, сколь бы многочисленны и различны ни были, находятся всѣ въ душѣ нашей, не будучи видимы другимъ. Но Богъ, опредѣлившій намъ жить въ обществѣ и имѣть сообщеніе съ другими тварями нашего рода, снабдилъ насъ членами способными къ произведенію внятныхъ тоновъ, и далъ намъ способность употреблять сіи тоны къ означенію внутреннихъ понятій. Отъ сего происходятъ слова и языкъ. Ибо когда мы одинъ разъ избираемъ нѣкоторый тонъ для означенія какой либо идеи, находящейся въ разумѣ: то навыкъ мало по малу совокупляетъ ихъ такъ, что находящаяся въ разумѣ идея всякой разъ приводитъ на память тотъ звукъ или имя, которымъ она выражаема бываетъ; равнымъ образомъ и тонъ, услышанъ будучи, всякой разъ возбуждаетъ ту идею, къ означенію которой онъ служитъ. Изъ сего удобно усмотрѣть, какъ можемъ мы вспоминать свои мысли, и представлять ихъ себѣ вторично во всякое время. Ибо какъ однажды утверждена такая связь между идеями и тонами, чтобъ одинакіе тоны всегда возбуждали одинакія идеи: то явно, что разумъ въ состояніи бываетъ представлять себѣ мысли своя вторично по произволенію и такимъ же образомъ, какъ онѣ въ первой

разъ въ немъ происходили, естьли онъ можетъ найти способъ замѣтить слова свои въ такомъ же порядкѣ и расположеніи, въ какомъ настоящій рядъ мыслей воображенію ихъ представляетъ. Изъ сего мы видимъ, что изобрѣтеніе письма и печатанія, приводя насъ въ состояніе дѣлать постоянными и пребывающими толь скоропреходящія вещи, каковы суть тоны, доставляетъ намъ способъ къ сообщенію дѣламъ разума нѣкоей прочности, такъ что онъ можетъ и послѣ разсматривать ихъ, равно какъ и многіе другіе прочные предметы въ Натурѣ.

Посредствомъ ихъ люди могутъ сообщать другъ другу свое познаніе.

2. Но кромѣ способности замѣчать мысли наши, употребленіе внѣшнихъ знаковъ имѣетъ еще ту выгоду, что дѣлаетъ насъ способными сообщать мысли наши другимъ, и взаимно узнавать отъ другихъ происходящее въ ихъ душѣ. Ибо когда нѣсколько человѣкъ согласились между собою принимать одинакіе тоны за знаки одинакихъ понятій: то и повтореніе сихъ тоновъ должно возбуждать въ каждомъ изъ нихъ одинакія понятія и производить совершенное равенство мыслей. Напр. естьли въ моемъ разумѣ находится нѣкоторый рядъ мыслей, выражаемыхъ мною обыкновенно тѣмижъ названіями, которыя и другіе люди, имѣющіе обращеніе со мною, такимъ же идеямъ приписываютъ: то весьма явно, что повтореніемъ сихъ именъ, сообразныхъ качеству настоящихъ моихъ понятій, я произведу въ разумѣ тѣхъ людей тотъ же рядъ мыслей, какой въ моемъ находится; и такъ посредствомъ примѣчанія того, что въ нихъ самихъ происходитъ, идеи моего разума будутъ имъ свѣдомы и какъ бы представятся ихъ разсматриванію.

Простыя идеи не могутъ производимы быть въ душѣ словами или описаніемъ.

3. При новыхъ и неизвѣстныхъ еще именахъ и выраженіяхъ вопервыхъ надлежитъ разсуждать, какъ идеи должны производимы быть въ душѣ, дабы мы научались совокуплять ихъ съ принадлежащими имъ тонами, и посредствомъ того были бы въ состояніи разумѣть другихъ, употребляющихъ сіи тоны для изъявленія намъ своихъ мыслей. Для ясна-

яснагожЪ уразумѣнія сего нужно вспомнить здѣсь о раздѣленіи идей нашихЪ на простыя и сложныя. Касательно простыхЪ идей, мы замѣтили уже, что онѣ не могутЪ иначе входить вЪ душу, какЪ только посредствомЪ двухЪ первоначальныхЪ источниковЪ познанія, то есть посредствомЪ внѣшняго и внутренняго ощущенія. И такЪ естьли вЪ разумѣ не находится еще какихЪ либо простыхЪ идей, то не возможно произвести вЪ немЪ оныхЪ словами или описаніемЪ. Кто никогда не ощущалЪ впечатлѣнія производимаго жаромЪ, тотЪ не получитЪ понятія о семЪ ощущеніи, сколько бы мы ни старались изЪяснять ему оное словами. Для произведенія вЪ немЪ сея идеи дѣйствительно, должны мы предложить самый предметЪ его чувствамЪ и дать ему ощутить дѣйствіе какого либо горячаго тѣла. КогдажЪ онЪ посредствомЪ ощущенія получитЪ то понятіе, сЪ которымЪ люди совокупляютЪ названіе *жарЪ*: послѣ того сіе названіе будетЪ ему служить знакомЪ сея идеи, и онЪ будетЪ уже разумѣть смыслЪ такого выраженія, котораго впрочемЪ никакія слова не могли бы сдѣлать ему понятнымЪ. Но вЪ разсужденіи сложныхЪ понятій бываетЪ совсѣмЪ иначе. Они суть не иное что, какЪ нѣкоторыя совокупленія простыхЪ идей, различнымЪ образомЪ составленныхЪ; по чему, естьли коренныя идеи, изЪ которыхЪ сіи совокупленія состоятЪ, вошли уже вЪ разумЪ, то не трудно произвести вЪ немЪ сложное понятіе, пересказавЪ частныя идеи, составляющія оное, и означивЪ, вЪ какомЪ порядкѣ и какимЪ образомЪ онѣ совокуплены. Напр. идея, совокупляемая со словомЪ *радуга*, весьма удобно можетЪ произведена быть вЪ воображеніи такого человѣка, который никогда еще не видалЪ сего явленія, посредствомЪ одного только описанія фигуры ея, величины, положенія, и порядка цвѣтовЪ, естьли всѣ сіи простыя идеи, купно сЪ названіями ихЪ, довольно ему свѣдомы.

4. Сіе приводитЪ меня кЪ другому замѣчанію вЪ разсужденіи сея матеріи, а именно: что всѣ слова, означающія сложныя понятія, могутЪ быть опредѣлены или обЪяснены; а

Названія сложныхЪ идей могутЪ быть опре-

дѣлены, но тѣ, которыми выражаемъ мы простыя понятія, опредѣлены быть не могутъ. Ибо понятія сего послѣдняго класса не могутъ входить въ насъ иначе, какъ только посредствомъ внѣшняго и внутренняго ощущенія; по чему и надлежитъ получать ихъ только посредствомъ опыта отъ разныхъ внѣшнихъ предметовъ въ натурѣ, способныхъ къ произведенію въ насъ сего ощущенія. Слова хотя могутъ служить намъ къ воспоминанію оныхъ, когда они вошли уже въ нашъ разумъ, и естьли свѣдомо намъ совокупленіе ихъ съ употребительными названіями; однакожъ не въ состояніи доставлять имъ начальнаго существованія. По сей причинѣ спрашивающему о значеніи какого либо слова, которое выражаетъ простую идею, не стараемся мы объяснить оное опредѣленіемъ, зная, что сіе не возможно; но предполагаемъ, что самая идея ему уже свѣдома, и что онъ не знаетъ только ея названія: по чему либо сказываемъ только другое названіе сея идеи, либо указываемъ на такой предметъ, въ которомъ самая идея находится. Напр. спрашивающему о значеніи слова *бѣлой* сказываемъ, что оно означаетъ ту же идею, какую въ Латинскомъ языкѣ слово *albus*, или во Французкомъ *blanc*; либо думая, что онъ не знаетъ сихъ языковъ, напоминаемъ предметъ причиняющій сію идею, говоря, что слово сіе значитъ тотъ цвѣтъ, который мы видимъ въ снѣгѣ или въ молокѣ. Но сіе не есть опредѣленіе слова, производящее новую идею въ разумѣ, а только способъ къ воспоминовенію извѣстной уже идеи, и къ показанію совокупленія оной съ употребительнымъ ея названіемъ. Ибо естьли идея, о которой онъ спрашиваетъ, никогда не была еще произведена въ душѣ его; напр. естьли бы не видавшій иныхъ цвѣтовъ, кромѣ *чернаго* и *бѣлаго*, спрашивалъ о значеніи слова *красной*: то легко усмотрѣть, что объяснить ему оное словами столь же не возможно, какъ и сообщить сіе понятіе воображенію слѣпорожденнаго посредствомъ объясненій. Въ такомъ случаѣ остается только одинъ способъ, а именно, представить ему такой предметъ, котораго разсматриваніе мог-

Названія простыхъ идей не могутъ

могло возбудить въ немъ самую идею: симъ образомъ узнаетъ онъ и названіе и понятіе вкупѣ.

Опытъ и наблюденіе суть способы, посредствомъ которыхъ люди соглашаются въ названіяхъ простыхъ идей.

5. Естьлибъ кто нибудь былъ столь любопытенъ, и спросилъ, отъ чего происходитъ то, что люди соглашаются въ названіяхъ простыхъ идей, хотя и не могутъ видѣть понятій въ разумѣ одинъ у другаго, или дѣлать сіи понятія вразумительными другимъ посредствомъ словъ: я отвѣтствовалъ бы, что бываетъ сіе посредствомъ опыта и наблюденія. Напр. замѣтивъ, что названіе *жаръ* приписывается тому впечатлѣнію, которое ощущаютъ отъ приближенія къ огню, я дѣлаю оное знакомъ идеи производимой во мнѣ сею причиною, ни мало не сомнѣваясь, то ли понятіе въ моемъ разумѣ будетъ оно означать, которое въ разумѣ другихъ означаетъ. Ибо намъ сродно представлять себѣ, что одинакіе предметы производятъ одинакія дѣйствія надъ орудіями тѣла человѣческаго, а по тому и одинакія ощущенія въ душѣ.

Способъ объяснять сложныя понятія опредѣленіями есть мудрое учрежденіе Натуры.

6. Такимъ образомъ снабдены будучи простыми идеями и означающими ихъ названіями, весьма удобно можемъ узнавать значеніе словъ выражающихъ сложныя идеи: ибо принадлежащія къ симъ словамъ понятія могутъ доставляемы быть разуму посредствомъ опредѣленій. Сложныя понятія, какъ уже упомянуто, суть только совокупленія простыхъ идей. И такъ естьли будутъ показаны сіи простыя идеи и купно то, какимъ образомъ составлено изъ нихъ одно понятіе, то не будетъ уже ничего недоставать къ произведенію сего понятія въ разумѣ, и означавшее его выраженіе непремѣнно должно содѣлаться вразумительнымъ. При семъ не безполезно вникнуть нѣкоторымъ образомъ въ мудрое учрежденіе Натуры, доставившей намъ чрезъ то самый удобнѣйшій способъ къ сообщенію мыслей нашихъ другъ другу. Естьлибъ не могли мы сообщать такимъ образомъ сложныя идеи наши другъ другу посредствомъ опредѣленій, то во многихъ бы слу-

чаяхъ вообще не возможно было дѣлать ихъ всѣмъ вразумительными. Сіе весьма явно въ тѣхъ идеяхъ, которыя въ точномъ смыслѣ суть произведенія разума. Ибо онѣ существуютъ только въ разумѣ, а не имѣютъ въ самой Натурѣ предметовъ, которыхъ бы изображеніемъ служили; слѣдовательно, естьлибъ не могли мы дѣлать ихъ вразумительными другимъ посредствомъ опредѣленій, то надлежало бы имъ всегда оставаться сокрытыми въ душѣ нашей и ограничиваться недостаточнымъ познаніемъ одного только разума.

Оно весьма споспѣшествуетъ увеличенію познанія.

7. При способности сообщать другимъ сложныя наши идеи, мы имѣемъ еще ту важную выгоду, что симъ способомъ можемъ съ величайшею скоростію сообщать другимъ сіи понятія, составляющія самой многочисленнѣйшій классъ нашихъ идей, и встрѣчающіяся болѣе всѣхъ въ увеличеніи и умноженіи познанія нашего; а сіе паче всего споспѣшествуетъ удобству и распространенію наукъ. Ибо опредѣленіе скоро прочитано быть можетъ, и естьли мы понимаемъ выраженія онаго, то самая идея удобно входитъ въ разумъ. Напротивъ того въ разсужденіи простыхъ идей, при которыхъ надлежитъ видѣть самые предметы, ихъ производящіе, выраженія должны оставаться пустыми тонами, естьли мы не находимъ сихъ предметовъ, какъ то иногда случается. Однако въ наукахъ не часто встрѣчаются новыя простыя идеи, по чему и рѣдко причиняютъ онѣ много препятствій. Но въ разсужденіи сложныхъ понятій бываетъ совсѣмъ иначе. Всякой шагъ приводитъ насъ къ новымъ совокупленіямъ и представленіямъ вещей; по чему необходимо нужно бываетъ объяснять оныя другимъ, прежде нежели могутъ они узнавать наши открытія. А какъ опредѣленія весьма удобны къ такому объясненію, ибо не требуютъ никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ словъ, всегда готовыхъ: то мы съ малымъ трудомъ можемъ отвращать препятствія, происходящія отъ изобрѣтенныхъ нами выраженій, когда употребляемъ оныя для означенія новыхъ сложныхъ идей, возбуждаемыхъ въ нашемъ разумѣ настоящимъ

рядомъ

рядомъ мыслей. Такимъ образомъ доходимъ наконецъ до той тайны, о которой упомянуто было въ началѣ сея главы, а именно: какъ возможно бываетъ узнавать мысли другаго, когда онъ употребляетъ такія слова, съ которыми не совокупляли еще мы никакой идеи.

Составленіе и разбираніе сложныхъ понятій.

8. Не остается уже ничего болѣе сказать о названіяхъ простыхъ идей; но въ разсужденіи сложныхъ понятій нужно еще дальнѣйшее объясненіе. Они суть не иное что, какъ простыя идеи, совокупляемыя различнымъ образомъ, что уже неоднократно было упоминаемо. Но при семъ надлежитъ замѣтить, что разумъ, дѣлая такія совокупленія, не всегда привязанъ бываетъ къ непосредственному разсматриванію простыхъ понятій, изъ которыхъ оныя составляются. Ибо естьли разумъ собралъ уже довольно сложныхъ понятій, то онѣ могутъ служить частями другихъ еще сложнѣйшихъ, и происходящія отъ того новыя идеи можно назвать совокупленіями сложныхъ понятій. Напр. идея совокупляемая со словомъ *животное*, содержитъ въ себѣ много понятій, какъ то: жизнь, ощущеніе, произвольное движеніе, и пр. Равнымъ образомъ и слово *умной* означаетъ множество простыхъ идей. Естьлижъ мы совокупимъ сіи два понятія, и сдѣлаемъ изъ нихъ еще сложнѣйшее понятіе *умнаго животнаго*, то происшедшая такимъ образомъ идея въ самомъ дѣлѣ будетъ совокупленіе сложныхъ понятій. Однимъ словомъ, въ разсужденіи сего съ понятіями бываетъ то же самое, что и съ числами. Числа могутъ принимаемы быть не только за различныя совокупленія единицъ, которыя въ самомъ дѣлѣ суть начальныя ихъ части; но также можно иногда принимать ихъ за цѣлое, состоящее изъ другихъ меньшихъ чиселъ, которыя вкупѣ составляютъ всю сумму вообще. При разсматриваніи весьма большаго числа, для удобства разуму, принимаемъ его сперва за цѣлое, составленное изъ разныхъ меньшихъ чиселъ; а потомъ раздробляемъ сіи меньшія числа, и продолжаемъ сіе раздробленіе, пока доходимъ до единицъ, изъ которыхъ они составлены. Такимъ образомъ разбира-

емъ всю сумму, и не въ состояніи уже будучи продолжать наши изслѣдованія далѣе, должны бываемъ довольствоваться симъ понятіемъ, чрезъ то полученнымъ. То же самое бываетъ и въ изслѣдованіи сложныхъ идей. Ибо когда встрѣчается разуму нашему весьма сложное понятіе, и мы хотимъ дойти до первыхъ его основаній, то сначала дѣлимъ его на другія идеи, менѣе сложныя, а сіи также раздробляемъ одну послѣ другой, и продолжая такое изслѣдованіе, доходимъ наконецъ въ семъ разбираніи до первыхъ понятій, послѣ чего не возможно уже продолжать далѣе наше изслѣдованіе. По сей причинѣ я всегда называлъ простыя идеи основаніемъ познанія человѣческаго: ибо въ разбираніи нашихъ понятій онѣ бываютъ послѣднимъ предѣломъ, и разумъ всегда при нихъ останавливаться долженъ.

Названія простыхъ идей можно почитать коренными частями языка.

9. Изъ сказаннаго мною доселѣ, удобно усмотрѣть, что при опредѣленіи слова, означающаго весьма сложную идею, можно употреблять другія слова, означающія также сложныя идеи, но только нижшаго класса. Ибо какъ первая идея можетъ роздроблена быть на другія идеи, не столь сложныя, то опредѣленіе, показывающее сіи частныя идеи, должно состоять изъ названій, выражающихъ оныя. Естьлижъ идеи сего втораго класса также неизвѣстны, въ такомъ случаѣ надлежитъ и ихъ опредѣлять, или объяснять. Такимъ образомъ можно составить цѣлый рядъ опредѣленій, пока дойдемъ до названій простыхъ идей, которыхъ опредѣлять уже не возможно, и по тому раздробленіе должно прекратиться. Изъ сегожъ видимъ, что и названія простыхъ понятій, при которыхъ въ изслѣдованіи значенія словъ мы должны бываемъ останавливаться, могутъ почитаемы быть коренными частями языка, равно какъ простыя идеи суть матерія и основаніе познаніе. Доходя до сихъ названій, предполагаемъ, что идеи, выражаемыя оными, уже извѣстны; либо естьли онѣ еще неизвѣстны, то могутъ сообщены быть только опытомъ, а не опредѣленіями или объясненіями. При семъ достойно замѣчанія еще слѣдующее: понеже названія-

зва-

званія сихъ начальныхъ понятій нашихъ составляютъ первыя и главныя части рѣчи, на которыхъ весь языкъ человѣческой основывается, то и значеніе оныхъ менѣе всякихъ другихъ словъ сомнительно и неопредѣленно. Ибо каждое изъ нихъ означаетъ простое понятіе, которое не произвольно возбуждено въ душѣ, но есть дѣйствіе нѣкоторыхъ силъ въ вещахъ, способныхъ къ произведенію въ насъ такой идеи: слѣдовательно не должно опасаться въ нихъ ошибки.

Глава VI.

О опредѣленіяхъ и различныхъ родахъ оныхъ.

Разность опредѣленій происходитъ отъ разнаго употребленія словъ.

1. *Опредѣленія*, или *дефиниціи*, служатъ къ тому, чтобъ дѣлать вразумительнымъ значеніе словъ, выражающихъ сложныя идеи. Естьли бы мы всегда старались составлять идеи сіи въ разумѣ съ точностію, и также сообразовать съ ними опредѣленія наши, то могли бы избѣгать многаго замѣшательства и неясности, какія въ языкахъ находятся. Но по нещастію мы весьма непостоянны въ употребленіи именъ, и приписываемъ ихъ иногда той, иногдажъ другой вещи, что причиняетъ великую сомнительность въ ихъ значеніи, и принуждаетъ насъ давать опредѣленіямъ нашимъ различные виды по различному отношенію объясняемыхъ словъ. Для представленія сея матеріи со всею возможною ясностію, мы разсмотримъ сперва, какъ по большей части употребляются слова по общему обыкновенію въ языкѣ, а по томъ по различности сего употребленія постараемся истолковать различные роды опредѣленій, о которыхъ Логики въ сочиненіяхъ своихъ упоминаютъ.

Слова имѣютъ троякое отношеніе: къ собственнымъ упо-

2. Слова имѣютъ троякое отношеніе. Вопервыхъ они означаютъ идеи въ разумѣ того, кто ихъ употребляетъ; и сіе есть подлинное и собственное ихъ значеніе. Мы говоримъ для того, чтобъ насъ понимали, и

нашимъ идеямъ, къ идеямъ другихъ, и къ самому существу вещей.

употребляемъ для сообщенія мыслей нашихъ такія слова, которыя научились мы изъ обыкновенія совокуплять съ идеями представляющимися тогда нашему разуму. Но какъ мы предполагаемъ, что значеніе употребляемыхъ нами словъ извѣстно и тому, съ кѣмъ мы говоримъ: то во вторыхъ принимаемъ также слова наши за знаки идей, находящихся въ разумѣ другихъ. Сіе служитъ основаніемъ тому, что называется точностію въ языкѣ, и что состоитъ въ стараніи совокуплять слова свои съ такими понятіями, которымъ приписываютъ ихъ разумнѣйшіе люди въ той землѣ, гдѣ мы живемъ. Наконецъ въ третьихъ, слова употребляются въ отношеніи къ самымъ вещамъ. Ибо мы получаемъ многія идеи отъ разныхъ окружающихъ насъ предметовъ въ Натурѣ, и принимая оныя за изображенія въ самомъ дѣлѣ существующихъ вещей, часто занимаемъ отъ нихъ слова для означенія самыхъ тѣхъ предметовъ, которые сими идеями представляемы бываютъ. Напр. слово *солнце* не только означаетъ идею происходящую въ душѣ отъ сего тона, но также употребляется и для означенія самаго того свѣтящаго тѣла, которое находится въ средоточіи планетной системы. По сему троякому отношенію именъ, опредѣленія и способы къ объясненію оныхъ также должны быть различны.

Опредѣленія словъ показываютъ только совокупленіе словъ съ понятіями, и по тому зависятъ отъ произволенія.

3. И такъ вопервыхъ, естьли принимаемъ слова за знаки идей находящихся въ разумѣ употребляющаго оныя: то опредѣленіе есть не иное что, какъ показаніе, что надлежитъ означать слову для возбужденія въ разумѣ того, съ кѣмъ говорится, той же сложной идеи, которую говорящій совокупляетъ съ онымъ. Напр. когда мы говоримъ, что подъ словомъ *квадратъ* разумѣемъ фигуру, имѣющую четыре стороны, прямоугольно совокупленныя одна съ другою: то не есть ли сіе только показаніе, что мы въ рѣчи своей или письмѣ совокупляемъ со словомъ *квадратъ* поня-

тіе

тіе фигуры, имѣющей равныя стороны и прямые углы. Сей родъ опредѣленій обыкновенно называется у Логиковъ *опредѣленіями словъ* (definitiones nominales). А какъ то само по себѣ не непремѣнно нужно, чтобъ нѣкоторые тоны означали нѣкоторыя опредѣленныя идеи: слѣдовательно и опредѣленія словъ зависятъ отъ произволенія, ибо всякой имѣетъ свободу совокуплять со словами своими такія понятія, какія хочетъ. Но для удобства въ разговорѣ между людьми, говорящими однимъ языкомъ, потребно точное согласіе въ значеніи тоновъ, какое только быть можетъ; по чему и старались утвердительно согласиться въ ономъ. Однакожъ мы видимъ, что отъ времени до времени вкрадываются разныя отступленія отъ такого согласія, причиняющія великое неустройство въ разговорахъ и разсужденіяхъ, естьли мы не стараемся опредѣлять слова, дабы они имѣли постоянное и вѣрное значеніе, и всегда бы ясны были разуму. Геометрическія сочиненія служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что надлежащее употребленіе опредѣленій весьма важно для возрастенія познанія человѣческаго.

Опредѣленія словъ не всегда бываютъ подлинныя опредѣленія въ собственномъ смыслѣ сего названія;

4. И такъ предпріявъ объяснять какую либо часть учености, или иную важную матерію, прежде всего должны мы стараться опредѣлять точно понятія наши, и названія, которыми ихъ выражаемъ. И хотя опредѣленія словъ зависятъ отъ произволенія, однакожъ потребно соображать ихъ съ общимъ значеніемъ сколько возможно точнѣе, дабы другой удобнѣе и скорѣе могъ понимать наши мысли. Естьли спросятъ о правилахъ хорошаго опредѣленія, то я отвѣтствую: понеже опредѣленія словъ служатъ не къ иному чему, какъ только къ показанію совокупленія словъ съ идеями; слѣдовательно все, что приводитъ насъ въ состояніе произвести въ разумѣ другаго идею, принадлежащую къ какому либо слову, способствуетъ цѣли опредѣленія. Идеижъ, совокупляемыя со словами, бываютъ двоякаго рода: либо такія, о которыхъ мы имѣемъ причину ду-

 мать,

машь, что онѣ находятся уже въ разумѣ того, съ кѣмъ говоримъ, хотя онъ не знаетъ именъ, которыми онѣ означаются; либо такія, которыя будучи новы и нами самими изобрѣтены, не могутъ обѣяснены быть другому иначе, какъ только описаніемъ. Въ первомъ случаѣ довольно напомнить только объ нихъ нѣкоторымъ образомъ. Напр. сказывая, что *часы* суть машина служащая къ измѣренію частей дня, часами называемыхъ, мы не разбираемъ подробно идеи принадлежащей къ слову *часы*, но предполагаемъ, что тотъ, съ кѣмъ мы говоримъ, имѣетъ уже понятіе о сей машинѣ, и только даемъ ему знать, какъ оная называется. Въ такомъ смыслѣ даже и названія простыхъ идей могутъ быть опредѣляемы. Ибо сказывая, что *бѣлой* есть тотъ цвѣтъ, который видимъ мы въ снѣгѣ и въ молокѣ, что *жаръ* есть ощущеніе причиняемое приближеніемъ къ огню, достаточно означаемъ идеи, которыя мы совокупляемъ со словами *бѣлой* и *жаръ*: а въ семъ и состоитъ собственно цѣль опредѣленій словъ.

Но въ такомъ только случаѣ, когда сходствуютъ съ опредѣленіями вещей.

5. Но естьли идеи, совокупляемыя со словами, новы и самими нами изобрѣтены, то должны обѣясняемы быть описаніемъ. Ибо онѣ еще не извѣстны другому, по чему надлежитъ намъ произвести ихъ въ разумѣ его, прежде нежели онъ узнаетъ совокупленіе ихъ съ какими либо особенными названіями. Въ семъ случаѣ *опредѣленіе слова* весьма сходствуетъ съ тѣмъ, что у Логиковъ называется *опредѣленіемъ вещи* (definitio realis), которое въ самомъ дѣлѣ одно и составляетъ опредѣленіе въ подлинномъ и собственномъ смыслѣ сего названія, какъ-то еще яснѣе усмотрѣно будетъ въ послѣдствіи, когда мы дойдемъ до разсматриванія словъ относящихся къ предметамъ существующимъ въ самой Натурѣ. И такъ отложимъ разсматриванiе опредѣленій словъ въ разсужденіи сего дотолѣ, какъ приступимъ къ разсматриванію опредѣленій вещей. Между тѣмъ не безполезно замѣтить, что мы называемъ зависящими отъ произволенія только опредѣленія словъ, а не описанія идей. Ибо каждой идеѣ свой-

ственно особенное представленіе, которымъ она отъ всякой другой идеи отличается; изъ сегожъ удобно усмотрѣть, что описаніе должно быть таково, чтобъ имъ то самое представленіе было производимо. Но понеже совокупленіе идеи съ выражающимъ ея названіемъ совершенно зависитъ отъ произволенія: то и описаніе сея идеи, какъ опредѣленіе особеннаго ея названія, также можетъ почитаемо быть зависящимъ отъ произволенія. И такъ, хотя опредѣленія, принимаемы будучи за описанія понятій нашихъ, непремѣнны и постоянны; однако мы можемъ прилагать ихъ къ особеннымъ тонамъ по произвольному выбору (что собственно и разумѣется подъ названіемъ опредѣленія слова).

6. Однако мы принимаемъ слова не только за знаки собственныхъ нашихъ идей, но сверьхъ того при многихъ случаяхъ обыкновенно соображаемъ ихъ съ понятіями, находящимися въ разумѣ другихъ людей. И такъ относительно къ сему опредѣлять слово, значитъ изслѣдовать смыслъ его, или значеніе, по общему употребленію въ языкѣ. Въ семъ случаѣ опредѣленія явно не зависятъ уже отъ произволенія. Слова *искусство* и *дарованіе* могутъ кѣмъ либо понимаемы быть такъ, чтобъ представляли въ разумѣ его одинакую идею, и онъ можетъ по произволенію своему употреблять ихъ безъ различія, сказывая только о томъ напередъ. Но какъ то введено уже въ общее употребленіе въ языкѣ, чтобъ слово *дарованіе* означало природныя, а слово *искусство* пріобрѣтенныя способности: слѣдовательно всякой, кому надлежитъ опредѣлить собственное значеніе сихъ словъ, обязанъ наблюдать сіе различіе.

Опредѣленія словъ, соотвѣтствующія общему употребленію въ языкѣ, не зависятъ отъ произволенія.

7. Теперь приступаемъ къ третьему и послѣднему роду опредѣленій, а именно къ тому, въ которомъ слова разсматриваются по отношенію ихъ къ самымъ вещамъ. Ясно видимо, что мы не можемъ вымышлять и располагать сихъ опредѣленій по произволенію нашему, но привязаны будучи къ пред-

Опредѣленія вещей касаются до предметовъ, существующихъ въ самой Натурѣ.

метамъ въ самой Натуре существующимъ, должны стараться соображать оныя съ самыми вещами. Напр. при определеніи солнца, какъ того существа, которое занимаетъ средоточіе нашей системы и находящимся вокругъ его планетамъ сообщаетъ светъ и теплоту, не довольно одного описанія идеи, соответствующей сему слову въ нашемъ разуме; но намъ должно еще стараться, чтобъ идея сама въ себе имела подлинно сходство съ темъ предметомъ, который представлять ей надлежитъ. По сей причине все определенія сего рода, надлежащимъ образомъ сочиненныя, въ самомъ деле суть картины или изображенія, снятыя съ самой натуры и существованія вещей.

Основаніе разделенія определеній на определенія словъ и вещей.

8. Сіе приводитъ насъ къ основанію толь общаго разделенія определеній на определенія словъ и вещей Первыя зависятъ отъ произволенія, и не подвержены никакому спору или противоречію. А вторыя суть такія положенія, которыя требуютъ иногда доказательства и объясненія, и по тому оспориваемы быть могутъ. Удобно усмотреть причину сего. Определенія словъ служатъ только къ показанію, какія идеи совокупляемъ мы съ нашими словами. А понеже тоны сами по себе зависятъ отъ произволенія и могутъ означать разныя понятія: следовательно остается совершенно въ нашей воле совокуплять ихъ со всякими понятіями, съ какими хотимъ. Но въ определеніяхъ вещей слова служатъ къ означенію некоторыхъ особенныхъ существъ, находящихся въ самой Натуре, и по тому не могутъ быть знаками всякой произвольной идеи, но должны означать только идеи имеющія сходство съ разными предметами, къ которымъ слова сіи относятся. Естьли кто нибудь употребляетъ слово *кругъ* для выраженія той идеи, которую другіе означаютъ словомъ *тріугольникъ*, и определяетъ оное такимъ образомъ: въ семъ случае онъ отступаетъ отъ общаго употребленія въ языке; однако его определеніе не можетъ названо быть неправильнымъ. Онъ сказываетъ, что подъ словомъ *кругъ* разумеетъ фигуру имеющую три стороны; и можно ли спо-

спорить съ нимъ объ истинѣ сего, естьли онъ въ самомъ дѣлѣ всегда употребляетъ сіе слово въ такомъ смыслѣ?

9. Но когда слова употребляются для означенія особенныхъ предметовъ, которые существуютъ прежде, нежели опредѣляемы бываютъ: въ такомъ случаѣ не возможно быть опредѣленіямъ отъ произволенія зависящимъ. Ибо въ семъ случаѣ надлежитъ намъ не объяснять только, съ какими понятіями совокупляемъ мы слова наши; но какъ уже предполагается совокупленіе между именемъ и означаемою онымъ вещію, то дѣло наше состоитъ въ разобраніи той идеи, которая представляетъ самый предметъ. Напр. слово *золото* означаетъ металлъ цѣнимой дороже всѣхъ другихъ металловъ и самый употребительнѣйшій въ торговлѣ. Понеже сіе совокупленіе слова съ вещію уже утверждено, то мы не можемъ дѣлать произвольныхъ опредѣленій, но должны опредѣлять золото описаніемъ такихъ свойствъ, которыя въ самомъ дѣлѣ въ немъ находятся, и по которымъ, увидѣвъ его, удобнѣе узнать можно; напр. намъ должно сказать, что оно есть желтая, весьма тяжелая сущность, которую можно ковать и растоплять, и пр.

При предварительномъ совокупленіи словъ съ вещами не возможно быть опредѣленіямъ отъ произволенія зависящимъ.

10. Изъ сказаннаго мною доселѣ явно, что подлинными опредѣленіями вещей называются въ Логикѣ только опредѣленія касающіяся до сущностей и существъ имѣющихъ бытіе въ самой Натурѣ; ибо они служатъ къ описанію сихъ вещей по ихъ свойствамъ. По сей-то причинѣ, какъ я думаю, геометрическія опредѣленія почитаются только опредѣленіями словъ, а не вещей: ибо описываемыя въ нихъ идеи суть только произведенія разума, а не изображенія предметовъ, въ самомъ дѣлѣ внѣ насъ существующихъ. Въ Натурѣ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ такого круга, треугольника, квадрата, и пр., какой Геометры себѣ представляютъ. Слѣдовательно въ самомъ дѣлѣ было бы нелѣпо называть опредѣленія сихъ фигуръ опре-

Почему математическія опредѣленія причисляются только къ опредѣленіямъ словъ.

опредѣленіями вещей: ибо они служатъ не къ описанію существующихъ въ самой Натурѣ предметовъ, но только къ разбиранію понятій разума. Однако разсматривая сіе обстоятельнѣе, усмотримъ, что правила сихъ опредѣленій сходствуютъ съ тѣми правилами, которыя Логиками предписаны для опредѣленій вещей. Всѣ различныя роды фигуръ описываемы бываютъ по ихъ свойствамъ, изъ которыхъ одни находятся въ нѣкоторыхъ классахъ вообще, а другія принадлежатъ только опредѣляемому классу особливо. Общія свойства составляютъ то, что у Логиковъ называется *родомъ* (Genus); а особливыя то, что разумѣется подъ названіемъ *разности вида* (differentia ſpecifica). Логическоежъ опредѣленіе вещи состоитъ изъ рода и разности, какъ-то изъ слѣдующаго яснѣе усмотрѣно будетъ.

Въ какихъ случаяхъ сходствуютъ они съ логическими опредѣленіями вещей, и по тому не могутъ почитаемы быть зависящими отъ произволенія.

11. А какъ математическія опредѣленія, въ разсужденіи общаго расположенія ихъ, сходствуютъ съ опредѣленіями сущностей, и подвержены одинакимъ правиламъ: то я думаю, что не можно точно принимать ихъ только за опредѣленія словъ, которыя совершенно отъ произволенія нашего зависятъ. Ибо хотя мы можемъ употреблять въ разговорѣ, или въ письменномъ сочиненіи, имя одной фигуры вмѣсто имени другой, и означать тріугольникъ словомъ *квадратъ*, или квадратъ словомъ *тріугольникъ*; однакожъ идеи сіи сами по себѣ безъ сомнѣнія непремѣнны, и могутъ различаемы быть одна отъ другой по свойствамъ своимъ, такъ же, какъ и разнаго рода сущности. Напр. принимая слово *квадратъ* для означенія того рода фигуръ, которыхъ стороны основываются на четвертой части описаннаго около нихъ круга, усматриваемъ, что и въ семъ случаѣ не можно дѣлать произвольныхъ опредѣленій, равно какъ при именахъ сущностей. Ибо сіе не можетъ относимо быть ни къ какимъ инымъ фигурамъ, кромѣ имѣющихъ четыре равныя стороны и всѣ углы прямые: изъ чего явно слѣдуетъ, что истинное и собственное опредѣленіе квад-

раша есть то, которое представляетъ разуму помянутую идею, а не какую либо иную. Изъ сегожъ явно, что обыкновенное раздѣленіе дефиницій на опредѣленія словъ и вещей недостаточно къ сообщенію намъ яснаго понятія о томъ, что въ опредѣленіяхъ словъ зависитъ отъ произволенія, и что не зависитъ. И такъ не безполезно будетъ, естьли мы постараемся здѣсь объяснить нѣсколько сію матерію, и отвратить неудобопонятность, доселѣ въ ней находившуюся. Въ семъ намѣреніи предварительно сообщимъ слѣдующія замѣчанія.

Въ точномъ смыслѣ опредѣленія никогда не касаются до самыхъ вещей, но только до идей нашихъ.

12. И такъ вопервыхъ, что бы ни утверждали Логики въ разсужденіи опредѣленій вещей, но естьли преслѣдуемъ опредѣленія наши до самаго ихъ источника, то безъ сомнѣнія усмотримъ, что всѣ они касаются не до самыхъ вещей, но только до идей находящихся въ разумѣ нашемъ. Сіе, какъ я думаю, покажется для многихъ противорѣчіемъ, и можетъ быть спросятъ: не занято ли опредѣленіе золота отъ самаго сего металла, безъ всякаго отношенія къ разнымъ понятіямъ объ ономъ, которыя люди себѣ составляютъ? На сей вопросъ отвѣтствую, что составляя понятіе о золотѣ, въ самомъ дѣлѣ мы поставляемъ самую вещь главнымъ предметомъ, и совокупляемъ въ понятіи нашемъ такія свойства, которыя всѣхъ другихъ примѣтнѣе и удобнѣе къ отличенію его отъ иныхъ металловъ, имѣющихъ нѣкоторое съ нимъ сходство. Но какъ золото свѣдомо намъ только по сему понятію, то и опредѣляя оное для другихъ, мы стараемся только сообщить ихъ разуму то же самое понятіе. А къ сему нѣтъ инаго способа, кромѣ пересказыванія разныхъ свойствъ, изъ которыхъ сложная идея наша состоитъ. И такъ чьи наблюденія не простираются далѣе извѣстныхъ свойствъ золота, тотъ будетъ описывать оное по цвѣту его, тяжести, и можетъ быть еще по тому свойству, что его ковать и растоплять можно. Напротивъ того мастеръ золотыхъ дѣлъ, изслѣдовавшій обстоятельнѣе натуру сего металла, и открывшій разныя другія свойства онаго,

мо-

можетъ быть присовокупитъ ихъ къ своей сложной идеѣ, а по тому и въ опредѣленіе включитъ. И такъ въ его опредѣленіи прибавлено будетъ къ помянутому еще то, что золото выдерживаетъ огонь, распускается въ Царской водкѣ, и пр.

Раздѣленіе опредѣленій на опредѣленія словъ и вещей безполезно и не заслуживаетъ быть употребляемо.

13. И такъ понеже рѣшено уже, что опредѣленія касаются не до самыхъ вещей, но только до понятій въ разумѣ нашемъ: то слѣдуетъ замѣтить, что раздѣленіе ихъ на опредѣленія словъ и вещей совсѣмъ безполезно, и служитъ паче къ заведенію насъ въ ошибки, а не къ доставленію правильныхъ понятій о предлежащихъ намъ предметахъ. Ибо оно подаетъ поводъ думать, что многія опредѣленія выражаютъ самое существо вещей, хотя они въ самомъ дѣлѣ суть не иное что, какъ изображенія собственныхъ идей нашихъ. А понеже идеи сіи бываютъ иногда собираемы не съ надлежащимъ тщаніемъ съ тѣхъ предметовъ, которые имъ представлять должно: то опытъ показываетъ, что всякая ошибка въ идеѣ причиняетъ и въ опредѣленіи ошибку. Но сего бы не случалось, естьлибъ опредѣленія занимаемы были отъ самыхъ вещей. Ибо существо вещей непремѣнно и всегда одинаково; по чему опредѣленіе въ такомъ случаѣ служило бы къ поправленію идеи, и могло бы принимаемо быть за правило, по которому бы можно было судить, надлежащимъ ли образомъ идея составлена. Я не оспориваю того, что мы часто занимаемъ слова отъ идей нашихъ, для означенія предметовъ, которые идеями представляемы бываютъ: напр. говоря о солнцѣ, о землѣ, о человѣкѣ и другихъ животныхъ. Но при семъ надлежитъ примѣчать, что сіи предметы свѣдомы намъ только по находящимся въ разумѣ нашемъ понятіямъ, а по тому и опредѣляя оные для другаго, мы стараемся только объяснить ему сіи наши понятія. Изъ сего явно, что называемое у Логиковъ опредѣленіемъ вещи въ самомъ дѣлѣ есть не иное что, какъ разбираніе идеи, представляющей сію вещь въ разумѣ. Въ математическихъ же опредѣленіяхъ, да и во всякихъ дру-

гихъ, каковы бы они ни были, все намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ показать и сдѣлать вразумительными идеи, означаемыя употребленными словами. По чему видимъ мы безчисленные примѣры такихъ опредѣленій, которыя у Логиковъ называются опредѣленіями словъ, но сходствуютъ съ опредѣленіями вещей, и составлены бываютъ по одинакимъ правиламъ съ оными. Сіе доказываетъ, что такое неосновательное раздѣленіе совсѣмъ не заслуживаетъ быть употребляемо, и что вмѣсто онаго нужно утвердить точное и опредѣленное понятіе, которое выражало бы истинныя свойства опредѣленія и содержало бы оныя въ себѣ во всемъ ихъ пространствѣ.

14. Сіе и не покажется весьма труднымъ, когда вспомнимъ, что слова во всякомъ случаѣ суть знаки идей, и означаютъ самыя вещи по тому только, что представляютъ тѣ идеи, которыми вещи въ разумѣ бываютъ изображаемы. И такъ намѣреніе наше при опредѣленіи словъ не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ только сдѣлать ясными и вразумительными другимъ тѣ идеи, которымъ слова сіи знаками служатъ. Ибо такимъ образомъ другіе узнаютъ смыслъ нашихъ выраженій, и мы сами бываемъ въ состояніи сообщать наши мысли и понятія разуму того, съ кѣмъ говоримъ. Естьли слова относятся къ самымъ вещамъ, то мы опредѣляемъ понятія, которыми сіи вещи представляемы; естьлижъ они означаютъ понятія, составляемыя душею, то опредѣляемъ сіи понятія, и стараемся представить ихъ такъ же, какъ они въ собственномъ нашемъ разумѣ изображены. Но въ обоихъ случаяхъ собственно опредѣляемъ и разбираемъ только понятія наши, представленія собственнаго нашего разума, произшедшія ли отъ вещей внѣ насъ находящихся, или самимъ разумомъ составленныя.

Опредѣленія во всякомъ случаѣ суть описанія идей нашихъ.

15. И такъ наконецъ утвердили мы истинное и собственное понятіе опредѣленія, содержащее въ себѣ всѣ различные виды онаго, къ какой бы наукѣ оно ни принадлежало, и до какихъ бы предметовъ ни касалось. Ибо

Они не зависятъ отъ произволенія, но ограничиваются

изъ

представленіемъ опредѣленныхъ понятій.

изъ сказаннаго нами явно слѣдуетъ, что опредѣленіе есть не иное что, какъ разобраніе нѣкотораго понятія разума, относящагося къ какому либо слову или выраженію, употребленному для означенія онаго. Естьли мы хотимъ сообщить другому какое нибудь понятіе, то должны описать оное такъ, чтобъ самое сіе понятіе произведено было описаніемъ въ его разумѣ: изъ сегожъ явно, что опредѣленія въ самомъ дѣлѣ не зависятъ отъ произволенія, но ограничиваются представленіемъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ понятій, а именно тѣхъ, которыя говорящій или пишущій совокупляетъ съ употребляемыми имъ словами. Однако то неоспоримо, что значеніе словъ совершенно отъ произволенія зависитъ, и не есть дѣйствіе натуральнаго и непремѣннаго совокупленія между ими и тѣми идеями, которыя они представляютъ; а по тому можетъ быть многимъ удивительно покажется, для чего и опредѣленія не зависятъ также отъ произволенія. Для рѣшенія сея неудобопонятности, и для яснаго показанія того, что въ языкѣ отъ произволенія зависитъ, должны мы тщательно различать совершенно произвольное совокупленіе словъ и идей отъ разбиранія самыхъ идей.

Описанія идей ограничиваются представленіемъ самаго того образа, которымъ самыя идеи между собою различаются.

16. Совокупленіе словъ съ идеями безъ сомнѣнія произвольно; но разбираніе идей совсѣмъ инаково. Ибо каждая идея имѣетъ собственное свое и точное представленіе, которымъ отъ всякой иной идеи отличается: изъ чего явно, что для объясненія оной другимъ надлежитъ стараться сдѣлать такое описаніе, въ которомъ бы сіе особенное представленіе содержалось. Составивъ себѣ понятіе фигуры имѣющей четыре стороны и всѣ углы прямые, мы можемъ по своему произволенію означить сію идею всякимъ точомъ, и назвать ее либо *квадратомъ*, либо *тріугольникомъ*. Однакожъ которое изъ сихъ именъ ни выберемъ, но пока самая идея одинакова, то и описаніе, которымъ хотимъ сообщить ее другому, должно быть одинаково. Квадратомъ ли назовемъ ее,

или

или треугольникомъ, она во всякомъ случаѣ будетъ фигура имѣющая четыре равныя стороны и всѣ углы прямые. Изъ сего ясно видимъ, что въ употребленіи словъ зависитъ отъ произволенія, и что не зависитъ. Употребленіе нѣкоторыхъ тоновъ къ означенію нѣкоторыхъ опредѣленныхъ идей есть дѣйствіе свободнаго выбора и произвольнаго соглашенія между людьми. Разные народы употребляютъ и разные тоны для выраженія одинакихъ идей, отъ чего происходитъ разность языковъ на земномъ шарѣ. Но когда совокупленіе между идеями и словами утверждено, то разбираніе идеи, совокупляемой съ какимъ либо словомъ, въ чемъ собственно состоитъ опредѣленіе, есть уже совсѣмъ не произвольное дѣло. Ибо въ ономъ, какъ то уже упомянуто, обязаны мы представить то самое понятіе, которое съ употребляемымъ нами словомъ совокуплено либо общимъ употребленіемъ въ языкѣ, либо собственнымъ нашимъ выборомъ.

17. И такъ явно, что опредѣленія, принимаемы будучи за описанія идей находящихся въ разумѣ, непремѣнны и ограничены представленіемъ одинакихъ идей. Когда совокупленіе произвольнаго имени съ понятіемъ утверждено, и слово принято за знакъ какой либо опредѣленной идеи разума: то опредѣленіе не зависитъ уже отъ произволенія нашего, но мы должны стараться сообщить описаніе сходствующее съ сею идеею. По мнѣнію моему немалое замѣшательство въ разсужденіи сего происходило отъ того, что называли опредѣленіями многія толкованія словъ, въ которыхъ не разбираема была самая идея, но только показываемо было совокупленіе между словомъ и идеею. Напр. нѣкоторые называли то дефиниціею, когда скажешь, что часы суть машина служащая къ измѣренію времени. Но явно, что говорящій сіе предполагаетъ, что мы имѣемъ уже понятіе о сей машинѣ, и хочетъ только дать знать, что слово *часы* по общему употребленію въ языкѣ означаетъ сію идею. По такому правилу всѣ толкованія словъ въ лексиконахъ надлежало бы называть дефиниціями, и даже можно бы опредѣлять самыя назва-

Причины неудобопонятности, которой ученіе о опредѣленіяхъ доселѣ было подвержено.

названія простыхъ идей, какъ-то уже упомянуто. Присемъ надлежитъ еще замѣтить, что опредѣленія, называемыя у Логиковъ опредѣленіями словъ, въ самомъ дѣлѣ суть не иное что, какъ такія толкованія, служащія къ показанію совокупленія идей со словами. Слѣдовательно по справедливости почитаютъ ихъ зависящими отъ произволенія; ибо самыя совокупленія сіи произвольны.

Однѣ только сложныя идеи способны къ такому описанію, которое по справедливости дефиниціею назвать можно.

18. И такъ, касательно дефиницій въ собственномъ смыслѣ, вопервыхъ мы принимаемъ употребляемое нами выраженіе за знакъ внутренняго представленія, съ которымъ оно совокуплено либо обыкновеніемъ, либо произвольнымъ нашимъ выборомъ; и въ семъ случаѣ дефиниція дѣлается для разобранія и объясненія сея идеи: почему все искусство при томъ состоитъ въ сообщеніи вѣрнаго и истиннаго изображенія идеи нашей. Опредѣленіе называется совершеннымъ, когда оно таково, что посредствомъ его можно ясно произвести объясняемую онымъ идею въ разумѣ другаго, хотя бы она прежде была совсѣмъ ему неизвѣстна. Утвердившись въ семъ, изслѣдуемъ теперь, какія идеи способны къ такому разбиранію. Вопервыхъ явно, что всѣ простыя идеи такимъ образомъ разбираемы быть не могутъ. Мы уже видѣли, что онѣ зависятъ отъ одного опыта, такъ что не возможно произвести ихъ въ душѣ никакимъ описаніемъ, естьли предметы, отъ которыхъ онѣ происходятъ, намъ не представляются, или когда недостаетъ тѣхъ путей, которыми по устроенію Натуры душа ихъ получаетъ. Но естьли разумъ снабденъ уже сими начальными и первыми идеями, способными къ соединенію между собою весьма многоразличными образами: то означая простыя идеи, содержащіяся въ разныхъ совокупленіяхъ, и показывая, въ какомъ порядкѣ и какимъ образомъ онѣ между собою совокуплены, можно ясно представлять всѣ различныя ихъ совокупленія. --- А какъ сіи совокупленія простыхъ идей составляютъ то, что мы сложными понятіями называемъ: слѣдовательно

однѣ

однѣ только сложныя идеи способны къ такому описанію, которое называется дефиниціею, или опредѣленіемъ.

19. Теперь читатель можетъ быть ожидаетъ еще, что мы вступимъ въ обстоятельнѣйшее разсмотрѣніе свойствъ дефиниціи, опишемъ части ея, и предложимъ правила, по которымъ она сообразно цѣли своей сочинена быть должна. Для удовлетворенія по возможности сему ожиданію, надлежитъ намъ еще напомнить здѣсь, что цѣль дефиниціи требуетъ такого разобранія идеи, совокупленной съ какимъ либо выраженіемъ, посредствомъ котораго идея сія могла бы ясно сообщена быть разуму другаго. А понеже сложныя идеи, которыя однѣ только способны къ описанію заслуживающему названіе дефиниціи, или логическаго опредѣленія, суть не иное что, какъ различныя совокупленія простыхъ идей: то мы разумѣемъ и понимаемъ ихъ совершенно тогда, когда бываютъ намъ свѣдомы разныя простыя идеи, изъ которыхъ онѣ состоятъ, и когда можемъ совокуплять оныя однѣ съ другими такъ же, какъ онѣ въ опредѣляемыхъ понятіяхъ совокуплены.

Въ какомъ случаѣ можно сказать о сложной идеѣ, что она совершенно опредѣлена.

20. И такъ во всякой дефиниціи потребны два свойства: вопервыхъ ясное предложеніе начальныхъ идей, изъ которыхъ сложная идея произошла; во вторыхъ точное показаніе, въ какомъ порядкѣ и какимъ образомъ совокуплены онѣ въ одно понятіе. Естьли дефиниція имѣетъ сіи свойства, то ничего уже не недостаетъ къ ея совершенству; ибо всякой, кто ее читаетъ или слышитъ, и разумѣетъ слова, вдругъ можетъ усмотрѣть, какія идеи и какимъ образомъ надлежитъ ему совокупить, и посредствомъ того бываетъ въ состояніи составить въ разумѣ своемъ сложное понятіе, означаемое опредѣляемымъ словомъ.

Въ дефиниціи потребны два свойства: предложеніе частныхъ идей, и показаніе, какимъ образомъ онѣ совокуплены.

21. Теперь, я думаю, всякой удобно можетъ усмотрѣть способъ къ составленію правильныхъ и полныхъ опредѣленій. Вопер-

Способъ къ составленію правильныхъ

ныхъ и пол- ныхъ опре- дѣлeній. выхъ надлежитъ обстоятельно разсматривать опредѣляемую идею, изслѣдовать начальныя части ея, и замѣчать разныя простыя понятія, изъ которыхъ она составлена. Во вторыхъ должны мы разсуждать, какимъ особеннымъ образомъ сіи коренныя идеи совокуплены одна съ другою, для составленія себѣ того же самаго понятія, которое употребляемымъ нами словомъ означено. Такое описаніе, въ которомъ порядокъ и число начальныхъ понятій нашихъ ясно показаны, непремѣнно должно произвести въ разумѣ всякаго читающаго или слышащаго оное происходящую изъ нихъ сложную идею; и по тому оно соотвѣтствуетъ истинной и собственной цѣли опредѣленія.

Глава VII.

О составленіи и разбираніи идей, и о происходящихъ изъ того правилахъ опредѣленій.

Составленіе идей производится постепенно. 1. Предписанное въ предыдущей главѣ правило есть общее, ибо простирается на всѣ возможные случаи. Оно только одно можетъ служить къ рѣшенію какихъ либо сомнѣній, или затрудненій въ семъ дѣлѣ. Однакожъ не нужно употреблять его во всякомъ особенномъ случаѣ. Многія идеи наши весьма сложны, такъ что весьма бы трудно и скучно было исчислять всѣ тѣ простыя идеи, изъ которыхъ они состоятъ. По сей причинѣ Логики предписываютъ нѣкоторыя краткія правила, какъ надлежитъ дѣлать опредѣленія; и не безполезно будетъ сообщить здѣсь нѣкоторое свѣдѣніе объ оныхъ. Для лучшагожъ уразумѣнія послѣдующаго, потребно замѣтить, что въ составленіи идей находятся нѣкоторыя степени. Разумъ человѣческой весьма ограниченъ въ проницаніи своемъ и способностяхъ, и не можетъ обозрѣвать вдругъ большагo количества предметовъ. По чему принуждены мы итти въ семъ дѣлѣ постепенно, и такъ, чтобы первой шагъ доставлялъ послѣдующему нѣкоторое удобство. При составленіи сложныхъ понятій начинаемъ съ немногихъ идей, и съ такихъ, которыя безъ трудно-

сти

сти разбирать можемъ, и совокупляемъ ихъ въ одно понятіе. Когдажъ снабдены бываемъ достаточнымъ количествомъ оныхъ, и когда разумъ посредствомъ упражненія получаетъ въ нихъ навыкъ: то они служатъ частями другимъ еще сложнѣйшимъ идеямъ, и составляютъ родъ идей, который можно назвать вторымъ классомъ сложныхъ понятій. Удобно всякому усмотрѣть, что такое составленіе можно продолжать сколько мы хотимъ, восходя съ одной степени на другую и увеличивая число совокупленій.

Постепенное разбираніе разныхъ классовъ служитъ самымъ лучшимъ способомъ къ разсмотрѣнію сихъ идей.

2. И такъ прохожденіе по всѣмъ среднимъ степенямъ въ такомъ рядѣ идей служитъ самымъ кратчайшимъ способомъ къ узнанію самаго послѣдняго и вышшаго класса въ ономъ. Ибо естьлибъ кто захотѣлъ раздробить весьма сложную идею и вдругъ разобрать начальныя части ея, не разбирая разныхъ классовъ простыхъ понятій, составляющихъ различныя совокупленія: то многочисленность оныхъ привела бы воображеніе въ замѣшательство, и превзошла бы самую величайшую способность разума. Видя великое множество людей, стоящихъ безъ всякаго порядка, мы не можемъ точно знать ихъ числа. Но естьли сія толпа будетъ раздѣлена и такъ разставлена, чтобъ удобно было обозрѣть ее: то разсматривая по порядку одну часть за другою, весьма уже легко будетъ опредѣлить съ точностію число людей.

Опредѣленія должны сообразуемы быть съ идеями въ постепенномъ ходѣ.

3. Такое восхожденіе разума къ сложнымъ понятіямъ по многимъ среднимъ степенямъ весьма ясно показываетъ, какъ должны мы поступать съ опредѣленіями для сообщенія сихъ понятій разуму другихъ. Ибо какъ рядъ идей начинается простыми и легкими совокупленіями, и продолжается разными одинъ за другимъ послѣдующими классами, изъ которыхъ одинъ вышше другаго въ разсужденіи степени составленія: то явно, что и въ рядѣ опредѣленій, выражающихъ идеи сіи, такой же постепенный ходъ долженъ быть наблюдаемъ. И такъ сложныя идеи самаго нижшаго класса не могутъ описаны

саны бышь иначе, какЪ шолько предложенiемЪ простыхЪ идей, изЪ которыхЪ онЪ составлены, и показанiемЪ того, какимЪ образомЪ оныя совокуплены. Но вЪ описанiи втораго, или котораго нибудь послЪдующаго класса, произшедшаго изЪ сихЪ меньшихЪ совокуплений, составляющихЪ нижшие классы, не нужно предлагать особливо всЪ простыя понятiя, изЪ которыхЪ онЪ состоитЪ. Сiи вышшiе классы можно разбирать еще сЪ большею ясностiю и скоростiю, предлагая по порядку сложныя идеи нижшаго класса, отЪ соединенiя которыхЪ оные произошли, и которыя принимаемы бываютЪ уже за извЪстныя по предыдущимЪ опредЪленiямЪ.

Ходъ разума отЪ особенныхЪ идей кЪ общимЪ.

4. ВсЪ понятiя, получаемыя нами отЪ разныхЪ окружающихЪ насЪ предметовЪ, представляютЪ какiя либо нераздЪльныя вещи. При сравненiи сихЪ нераздЪльныхЪ вещей находимЪ между ими нЪкоторое сходство. Собирая сiи особенныя сходныя обстоятельства вЪ одно понятiе, составляемЪ понятiе *вида*. При семЪ надлежитЪ замЪтить, что сiя идея не столь сложна, какЪ та, которою мы представляемЪ себЪ нЪкоторые изЪ особенныхЪ предметовЪ, вЪ ней содержащихся. Ибо особенныя обстоятельства разныхЪ нераздЪльныхЪ вещей вЪ идею вида не включаются, и она составляема бываетЪ только изЪ свойствЪ общихЪ всЪмЪ онымЪ вещамЪ. Сравнивая разные виды, и наблюдая ихЪ сходство, составляемЪ идею *рода*, вЪ которой составленiе равнымЪ образомЪ бываетЪ еще менЪе, ибо мы оставляемЪ все то, что каждому виду особливо свойственно, а удерживаемЪ только тЪ особенныя свойства, которыми разные виды между собою сходствуютЪ. ИзЪ сего удобно усмотрЪть, какЪ разумЪ проходитЪ по различнымЪ классамЪ общихЪ понятiй, пока наконецЪ достигаетЪ самаго вышшаго рода, означаемаго словомЪ *вещь*, вЪ которомЪ разсматриваетЪ одну только идею бытiя.

ХодЪ разума вЪ составленiи идей по раз-

5. ИзЪ сего видимЪ, какЪ разумЪ разбираетЪ сложную идею. РазсматриваяжЪ рядЪ особенныхЪ различныхЪ идей наоборотЪ, и проходя отЪ послЪдняго и самаго вышшаго рода

по всѣмъ нижшимъ родамъ и видамъ до самыхъ нераздѣльныхъ вещей, можемъ ясно представить себѣ, какъ разумъ поступаетъ въ составлении своихъ идей. Ибо въ рядѣ разныхъ классовъ понятій нашихъ самый вышшій классъ по большей части состоитъ изъ немногихъ простыхъ идей, и такихъ, которыя разумъ удобно обнять и обозрѣть можетъ. Сіе первое общее понятіе, раздроблено будучи на разныя отдѣленія, въ немъ содержащіяся, имѣетъ въ каждомъ отдѣленіи нѣчто особенное, чѣмъ сіи отдѣленія одно отъ другаго различаются, такъ что нисходя въ разсматриваніи отъ рода къ виду, при всякомъ шагѣ присовокупляемъ новую идею, и чрезъ то умножаемъ степень составленія.

личнымъ классамъ понятій.

6. При такомъ разсматриваніи вещей явно, что видъ происходитъ отъ присовокупленія къ роду одной или нѣсколька новыхъ идей. Возмемъ въ примѣръ понятіе *четыреугольника*, означающее, какъ-то извѣстно, нѣкоторый родъ фигуръ. Естьли присовокупимъ къ оному понятія *равносторонняго* и *прямоугольнаго*, то произойдетъ отъ сего видъ фигуръ, называемыхъ *квадратами*. Сіи присовокупляемыя идеи называются *разностію вида*. (differentia ſpecifica) не только по тому, что она различаетъ видъ съ родомъ, но и по тому, что во всѣхъ разныхъ отдѣленіяхъ бываетъ различна, и посредствомъ ея можно различать виды одинъ отъ другаго. А какъ сіе есть то самое понятіе, которое въ совокупленіи съ общею идеею составляетъ понятіе вида: слѣдовательно родъ и разность надлежитъ принимать за подлинныя части вида. Преслѣдуя далѣе ходъ разума по нижшимъ видамъ, усмотримъ, что онъ поступаетъ всегда одинакимъ образомъ.

Идея вида происходитъ отъ присовокупленія разности къ роду.

7. Сіе служитъ намъ общимъ описаніемъ для всѣхъ идей, отъ самаго вышшаго рода до самаго нижшаго вида. Ибо нижшій видъ можно произвести изъ вышшаго вида такимъ же образомъ, какъ вышшій видъ производится изъ рода. При разсматриваніи ряда ихъ, нис-

Идея нераздѣльной вещи состоитъ изъ самаго нижшаго вида и

разности числа. ходя отъ помянутой общей идеи, всѣ они состоятъ изъ ближайшаго рода и разности вида, какъ-то Логики называютъ. Но когда мы доходимъ до самаго нижшаго вида, заключающаго въ себѣ только нераздѣльныя вещи, то присовокупляемая идея, различающая сіи нераздѣльныя вещи одну отъ другой, не называется уже разностію вида. Ибо въ семъ случаѣ она означаетъ разныя нераздѣльныя вещи, изъ которыхъ каждая имѣетъ особенное бытіе и слѣдовательно различается числомъ отъ всякой другой вещи тогожъ вида. По чему Логики называютъ присовокупляемую идею въ семъ случаѣ *разностію числа* (differentia numerica); и какъ идея вида составлена бываетъ изъ ближайшаго рода и разности вида, равнымъ образомъ и идея нераздѣльной вещи состоитъ изъ нижшаго вида и разности числа. Напр. кругъ есть видъ криволинейныхъ фигуръ, называемый самымъ нижшимъ видомъ, по тому, что онъ содержитъ въ себѣ только нераздѣльныя вещи. Круги различаются одинъ отъ другаго длиною и положеніемъ ихъ поперешниковъ. И такъ длина и положеніе поперешника въ кругѣ есть то, что Логики называютъ разностію числа; ибо когда оныя будутъ назначены, то можно описать самый кругъ, и чрезъ то произвести нераздѣльную вещь. — А какъ понятія въ составленіи своемъ постепенно слѣдуютъ одно за другимъ: то и въ опредѣленіяхъ оныхъ непремѣнно должно быть такоежъ послѣдованіе, дабы они одно другимъ были объясняемы.

Форма опредѣленій во всѣхъ разныхъ классахъ понятій.

8. Понеже первой классъ сложныхъ понятій, или идеи составляющія самые вышшіе роды въ разныхъ рядахъ понятій, проиходятъ отъ совокупленія нѣкотораго числа простыхъ понятій: то и слова, выражающія сіи роды, опредѣляемы бываютъ *пересказываніемъ совокупленныхъ между собою простыхъ идей.* А какъ виды, заключающіеся въ какомъ либо родѣ, или сложныя идеи втораго класса, составляемы бываютъ присовокупленіемъ разности вида къ помянутой общей идеѣ: то опредѣленіе названій видовъ состоитъ *въ списаніи идеи разности вида совокупляемыхъ съ названіемъ ро-*

рода. Ибо родъ опредѣленъ бываетъ напередъ; слѣдовательно выражающее оный названіе означаетъ извѣстную идею, и по тому можетъ употребляемо быть во всѣхъ слѣдующихъ опредѣленіяхъ, равно какъ названія простыхъ идей. Послѣ же сего, какъ я думаю, довольно уже ясно, что опредѣленія всѣхъ слѣдующихъ классовъ сложныхъ понятій состоятъ изъ *названія ближайшаго рода купно съ пересказыванісмъ идей составляющихъ разность вида*; а въ опредѣленіяхъ нераздѣльныхъ вещей *названіе самаго нижшаго вида бываетъ совокупленно съ названіями выражающими тѣ идеи, изъ которыхъ состоитъ разность числа.*

9. Сіе служитъ намъ истинною и точною формою опредѣленія во всѣхъ разныхъ классахъ понятій. Такой методъ опредѣленія обыкновенно называется логическимъ, и въ своемъ родѣ, какъ-то видимо, совершенъ, по тому, что сообщаетъ полное описаніе той идеи, которую опредѣляемое названіе означаетъ. Но прежде, нежели оставимъ сію матерію, надлежитъ замѣтить еще слѣдующее: Изъ самаго способа составленія опредѣленій можно усмотрѣть тотъ порядокъ, въ какомъ они одно за другимъ слѣдовать должны. Ибо какъ названіе рода для того только въ опредѣленіи употребляемо бываетъ, что оно напередъ уже опредѣлено: слѣдовательно надлежитъ намъ постепенно проходить по всѣмъ разнымъ классамъ понятій. И по тому Логики поставляютъ за правило, начинать съ самаго вышшаго рода, и продолжать рядъ опредѣленій по всѣмъ среднимъ родамъ и видамъ даже до нераздѣльныхъ вещей. Посредствомъ сего сображаются опредѣленія съ идеями, и слѣдуютъ одно за другимъ по одинакимъ съ ними степенямъ, такъ что чтеніе оныхъ должно произвести въ разумѣ другаго идеи сіи въ томъ же самомъ порядкѣ и тѣмъ же самымъ образомъ, какъ душа составляетъ ихъ, восходя отъ простыхъ ея понятій къ сложнымъ. А сіе есть подлинная и собственная цѣль опредѣленія, и самое вышшее совершенство въ семъ искусствѣ, сколько по натурѣ идей нашихъ употреблять оное возможно.

Логической методъ опредѣленія въ своемъ родѣ совершенъ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

О РАЗСУЖДЕНІЯХЪ.

Глава I.

Объ основаніяхъ разсужденій человѣческихъ.

I.

Разсужденія касаются до отношеній идей.

Когда разумъ снабденъ уже идеями, то слѣдующій шагъ его на пути къ познанію состоитъ въ сравненіи сихъ идей, дабы разсуждать о сходствѣ ихъ или разности. Естьли при семъ сложномъ разсматриваніи идей нашихъ отношеніе бываетъ таково, что непосредственно однимъ взоромъ разума открыто быть можетъ, то разсужденія происходящія отъ сего называются *созерцательными.* Напр. *цѣлое болѣе каждой своей части:* сіе положеніе есть созерцательное разсужденіе; ибо для увѣренія себя въ истинѣ онаго потребно только вникнуть въ идеи *цѣлаго* и *частей.*

Опытъ и свидѣтельства суть основаніе разсужденій нашихъ, касающихся до собывшихся вещей.

2. Но при семъ надлежитъ примѣчать, что такое познаніе касается только до понятій нашихъ и ихъ отношеній; по чему оно можетъ служить основаніемъ только въ такихъ заключеніяхъ, которыя имѣютъ предметомъ изслѣдованіе сихъ отношеній. Но многія разсужденія наши касаются до собывшихся вещей и подлиннаго ихъ существованія, чего однимъ разсматриваніемъ идей нашихъ узнать не можно. Я имѣю въ разумѣ своемъ идею круга; однако изъ сего не слѣдуетъ еще, что фигура представляемая сею идеею въ Натурѣ находится. Я могу представить себѣ понятіе центавра, или золотой горы;

но

но по сему не можно мнѣ думать, что такое животное или такая гора подлинно существуетъ. И такъ чтожъ служитъ основаніемъ разсужденіямъ нашимъ касательно до собывшихся вещей? *Опытъ* и *свидѣтельства*. Посредствомъ опыта познаемъ бытіе разныхъ предметовъ, окружающихъ насъ и дѣйствующихъ надъ нашими чувствами. Свидѣтельстважъ простираются не только на предметы находящіеся внѣ настоящаго круга наблюденія нашего, но и на такія дѣла и событія, которыя прошли и уже не существуютъ, а по тому безъ сего посредства и не могли бы дойти до нашего свѣдѣнія.

3. И такъ разсужденія человѣческія имѣютъ троякое основаніе, на которомъ вся система познанія нашего съ удобствомъ и успѣхомъ воздвигаема быть можетъ. Вопервыхъ *созерцательныя* разсужденія, касающіяся до самыхъ идей нашихъ и ихъ отношеній, служатъ основаніемъ заключеніямъ, *доказательствами* называемымъ. Ибо все выводимое изъ созерцательныхъ понятій посредствомъ яснаго и связнаго послѣдствія доказательствъ, называется *доказательнымъ*, и производитъ въ разумѣ совершенное увѣреніе. И по тому пріобрѣтенное симъ образомъ свѣдѣніе называемъ мы собственно *знаніемъ*; ибо оно при каждомъ шагѣ своемъ ведетъ за собою увѣреніе, и ни малаго сомнѣнія или неизвѣстности не оставляетъ. При семъ паче всего заслуживаетъ вниманіе наше то, что изъ доказательныхъ основаній выведенныя заключенія называются вѣчными, необходимыми и непремѣнными истинами; понеже истины сего класса выражаютъ отношенія идей нашихъ, а между одинакими идеями непремѣнно должны быть всегда одинакія отношенія. Естьли то положеніе истинно, что цѣлое болѣе всякой своей части, слѣдовательно оно должно быть и непремѣнно истинно; ибо отношеніе равенства совокуплено съ самыми идеями, и по тому всегда при сравненіи одинакихъ идей быть должно. Таковы суть истины Естественной Религіи, Нравоученія, Математики, и вообще всѣ выводимыя изъ одного только разсматриванія идей нашихъ.

Троякое основаніе разсужденій человѣческихъ, а именно: 1) Созерцательныя понятія, служащія основаніемъ доказательному познанію.

2) Опытъ, основаніе познанія силъ и свойствъ тѣлъ.

4. Второе основаніе разсужденій человѣческихъ есть *опытъ*, по которому заключаемъ о бытіи вещей окружающихъ насъ и непосредственно чувствамъ подверженыхъ. Видя солнце, или устремляя зрѣніе наше на какое нибудь зданіе, не только имѣемъ въ разумѣ нашемъ идеи сихъ предметовъ, но приписываемъ имъ и существованіе внѣ онаго въ самой Натурѣ. Съ помощію чувствъ разсуждаемъ также о свойствахъ тѣлъ, говоря, напр., что снѣгъ бѣлъ, огонь жжетъ, сталь тверда. Ибо внутреннее устроеніе и качество тѣлъ, производящее сіи ощущенія, совсѣмъ намъ неизвѣстно, и мы не способны къ усмотрѣнію связи между симъ устроеніемъ и ощущеніями нашими; по чему и должны мы основывать наши разсужденія на одномъ только наблюденіи, и приписывать тѣламъ свойства сообразныя тѣмъ ощущеніямъ, какія они въ насъ причиняютъ. Однакожъ опытъ не одну сію выгоду намъ доставляетъ; но сверьхъ того посредствомъ его получаемъ мы познаніе чувственныхъ свойствъ, находящихся вкупѣ въ предметахъ, и познаніе дѣйствій одного тѣла надъ другимъ. Напр. слоновая кость тверда и упруга. Мы знаемъ сіе по опыту, и только по одному опыту; ибо самая Натура какъ упругости, такъ и твердости, намъ совсѣмъ неизвѣстна: слѣдовательно по одному разсматриванію идей не можемъ опредѣлить, надлежитъ ли подъ однимъ изъ сихъ свойствъ непремѣнно разумѣть и другое, или не противны ли они одно другому. Но примѣтивъ, что оба сіи свойства находятся въ одномъ предметѣ, увѣрены бываемъ опытомъ, что они не противны другъ другу. Видя также, что камень твердъ, но не упругъ, а воздухъ упругъ, но не твердъ, по тому же самому основанію заключаемъ, что сіи свойства не совокуплены между собою непремѣннымъ союзомъ, но въ разныхъ предметахъ особливо находиться могутъ. Равнымъ образомъ и въ разсужденіи дѣйствій тѣлъ явно, что все наше познаніе, касающееся до оныхъ, происходитъ изъ наблюденія, хотя дѣйствующія совокупно причины иногда бываютъ намъ совсѣмъ непонятны.

5.

5. Сіе служитъ къ удобному объясненію того, что нѣкоторымъ писателямъ казалось весьма чуднымъ, а именно, что многія изъ самыхъ важнѣйшихъ изобрѣтеній въ общежитіи произошли по случаю, и сдѣланы не въ Философскихъ училищахъ, но по большей части такими людьми, которые въ царствѣ учености не пріобрѣли ни малой славы. Сѣяніе и сажденіе растеній, употребленіе магнитной иглы, и пр., суть не изобрѣтенія ученыхъ, но открытія неученыхъ людей, произшедшія отъ наблюденія и опытовъ. Также не удивительно, что изобрѣтенія сіи сдѣланы такими людьми, которые проводили жизнь свою въ практическихъ упражненіяхъ, и по тому болѣе другихъ имѣли случаевъ къ опытамъ доводящимъ до такихъ открытій.

Для чего многія полезныя изобрѣтенія произошли по случаю.

6. Изъ сказаннаго доселѣ явно, что опытъ есть основаніе натуральнаго познанія, равно какъ созерцательныя разсужденія служатъ основаніемъ доказательному познанію. И то первое занимается только чувственными предметами, или тѣлами; свойства же сихъ предметовъ, сколько намъ усматривать ихъ можно, узнаваемы бываютъ только посредствомъ продолжительнаго и труднаго ряда опытовъ: слѣдовательно для умноженія сея части познанія надлежитъ намъ употреблять опыты. И по тому видимъ мы, что Физика мало имѣла приращенія, пока опыты были пренебрегаемы; но употребленіе оныхъ обогатило нашъ вѣкъ многими драгоцѣнными открытіями; и въ разсужденіи основанія, на которомъ знаніе Натуры утверждается, нѣкоторые ученые весьма пристойно назвали оное *Экспериментальною Философіею*.

Знаніе Натуры по основанію своему пристойно называется Экспериментальною Философіею.

7. Но хотя опытъ можно назвать непосредственнымъ основаніемъ натуральнаго познанія; однакожъ дѣйствіе его въ разсужденіи нѣкоторыхъ людей весьма мало и ограничено. Тѣла, окружающія насъ, весьма многочисленны; многія изъ нихъ весьма удалены отъ нашего зрѣнія, а нѣкоторыя и совсѣмъ

Многое въ знаніи тѣлъ основывается на свидѣтельствахъ, хотя опытъ есть послѣд-

нее основаніе онаго.

внѣ круга его находятся. Жизнь наша кратка и толико стѣснена заботами, что одному человѣку мало времени остается на упражненіе въ изслѣдованіи таинствъ Натуры и въ потребныхъ къ тому опытахъ. И такъ нужно принимать многое по свидѣтельству другихъ, которое по сей причинѣ служитъ основаніемъ великой части знанія тѣлъ.

3) Свидѣтельства, основаніе историческаго познанія.

8. Находятся многія событія, о которыхъ не можно получить свѣдѣнія посредствомъ чувствъ; и въ семъ случаѣ свидѣтельства суть одно истинное основаніе разсужденій нашихъ. Таковы суть всѣ дѣла человѣческія, когда мы разсуждаемъ о нихъ какъ о прошедшихъ. Ибо прошедшія дѣла не имѣютъ уже бытія; почему и не можемъ мы иначе узнавать ни самыхъ сихъ дѣлъ, ни бывшихъ при нихъ обстоятельствъ, какъ только по пересказыванію такихъ людей, которые имѣли достаточный случай свѣдать истину. Слѣдовательно *свидѣтельства* по справедливости принимаемы бываютъ за третіе основаніе разсужденій человѣческихъ; и какъ мы изъ первыхъ двухъ основаній вывели *доказательное* и *натуральное* познаніе, равнымъ образомъ изъ сего можемъ вывесть познаніе *историческое*. Я означаю симъ именемъ не только свѣдѣніе о произшествіяхъ въ гражданскихъ обществахъ и государствахъ, но и о всѣхъ дѣлахъ, въ разсужденіи которыхъ свидѣтельства служатъ послѣднимъ основаніемъ увѣренію нашему.

Второе дѣйствіе разума обыкновенно простирается не на одни только созерцательныя разсужденія.

9. Прежде окончанія сея главы надлежитъ мнѣ замѣтить, что второе дѣйствіе разума хотя собственно касается только до созерцательныхъ понятій, однако Логики означаютъ словомъ *разсужденіе* всѣ тѣ дѣла разума, въ которыхъ мы сравниваемъ только двѣ идеи, не пріобщая къ нимъ непосредственно третіей. Ибо когда разумъ совокупляетъ или раздѣляетъ двѣ идеи, рѣшенія его въ семъ случаѣ принимаются за разсужденія, хотя бы они были слѣдствіе нѣсколька предварительныхъ заключеній. Логики часто приводятъ въ примѣръ разсужденій слѣдую-

дующія положенія: *Богъ сотворилъ міръ; мы должны дать отчетъ въ дѣлахъ нашихъ.* Однакожъ явно, что разсужденія сіи совсѣмъ не принадлежатъ къ роду называемыхъ созерцательными, и что намъ надлежитъ употребить силу заключенія прежде, нежели можемъ усмотрѣть связь ихъ съ сими понятіями.

Глава II.

О положеніяхъ утвердительныхъ и отрицательныхъ.

1. Когда сравненіе идей разсматриваемо бываетъ только какъ дѣло разума, сравнивающаго ихъ, и сообразно понятіямъ своимъ либо совокупляющаго, либо раздѣляющаго: то мы называемъ оное *разсужденіемъ.* **Опредѣленіе подлежащаго и сказуемаго въ положеніи.** Но разсужденія выражаемыя словами называются *положеніями.* И такъ положеніе есть рѣчь выражающая разсужденіе разума, въ которомъ утверждается сходство либо разность двухъ идей или болѣе. А какъ разсужденія наши содержатъ въ себѣ по крайней мѣрѣ двѣ идеи, изъ которыхъ одна другою утверждаема или отрицаема бываетъ: то и положеніе должно содержать въ себѣ слова принадлежащія къ симъ идеямъ. Та идея, о которой мы что либо утверждаемъ или отрицаемъ, также и слово выражающее идею сію, называется *подлежащимъ* въ положеніи (ſubjectum). Идея утверждаемая или отрицаемая, также и принадлежащее къ ней слово, называется *сказуемымъ* (praedicatum). Напр. *Богъ всемогущъ*: въ семъ положеніи слово *Богъ* есть подлежащее, ибо мы утверждаемъ объ Немъ, что Онъ всемогущъ; а слово *всемогущъ* есть сказуемое, ибо мы сказываемъ, что выражаемая онымъ идея принадлежитъ къ свойствамъ Божіимъ.

2. Но какъ въ положеніяхъ идеи бываютъ либо совокупляемы, либо раздѣляемы: слѣдовательно кромѣ именъ выражающихъ идеи **Связующая идея, или связь.** сіи, потребны еще нѣкоторыя слова для показанія сходства ихъ или разности. Слово совокупляющее двѣ идеи

въ

вѣ положеніи называется *связующею идеею*, или *связующимъ словомъ* (copula); естьлижѣ находится при немѣ знакѣ отрицанія, то мы усматриваемъ изѣ сего, что идеи не совокуплены между собою. Глаголъ *быть* обыкновенно служитѣ связующимъ словомъ. Напр. вѣ помянутомъ положеніи: *Богъ всемогущъ*, подразумѣваемое слово *есть* служитѣ связью, и показываетѣ совокупленіе идей *Бога* и *всемогущества*. Естьлижѣ мы намѣрены раздѣлить двѣ идеи, то кромѣ глагола *быть*, для выраженія разности ихѣ, надлежитѣ еще употребить отрицательную частицу. Напр. *человѣкъ не совершеннъ*, или: *человѣкъ не есть совершеннъ*: вѣ семъ положеніи понятіе совершенства отдѣляется отѣ идеи человѣка; по чему и приставлена кѣ связи отрицательная частица *не*, для показанія, что подлежащее со сказуемымъ не сходствуетѣ.

Положенія выражаемы бываютѣ иногда однимъ только словомъ.

3. Всякое положеніе необходимо должно состоять изѣ сихѣ трехѣ частей; но не всегда нужно выражать каждую изѣ нихѣ особливыми словами: ибо связующая идея часто вѣ сказуемомъ заключается. Напр. *онъ сидитъ*, значитѣ то же самое, что и *онъ есть сидящъ*. Иногдажѣ и одно слово можетѣ выражать цѣлое положеніе. Напр. мы говоримъ *хожу* вмѣсто того, чтобѣ сказать: *я есмь ходящъ*. Изѣ сего явно, что вѣ положеніи надлежитѣ смотрѣть не на число словѣ, но на идеи представляемыя оными, и на то, какимъ образомъ онѣ между собою совокуплены.

Утвердительныя и отрицательныя положенія.

4. Естьли разумъ двѣ идеи совокупляетѣ, то мы называемъ сіе *утвердительнымъ разсужденіемъ*; естьлижѣ онъ отдѣляетѣ ихѣ одну отѣ другой, сіе называется *отрицательнымъ* разсужденіемъ. А какѣ всѣ сравниваемыя идеи необходимо должны либо сходствовать между собою, либо не сходствовать: то явно, что всѣ разсужденія наши принадлежатѣ кѣ которому нибудь изѣ сихѣ двухѣ отдѣленій. Слѣдовательно и всѣ положенія, которыми разсужденія бываютѣ выражаемы, суть либо *утвердительныя*, либо *отрицательныя*. См. §. 2.

5. ИзЪ сего усматриваемЪ основаніе правила, обыкновенно предписываемаго всѣми Логиками, по которому во всѣхЪ отрицательныхЪ положеніяхЪ отрицаніе принадлежитЪ кЪ связи. Ибо связь сама по себѣ, поставлена будучи между подлежащимЪ и сказуемымЪ, совокупляетЪ ихЪ одно сЪ другимЪ: слѣдовательно для отрицанія какого либо положенія надлежитЪ только приставить отрицательную частицу, которая прервала бы сіе совокупленіе. ОднимЪ словомЪ, двѣ идеи вЪ положеніи отдѣляются одна отЪ другой вЪ такомЪ случаѣ, когда отрицательное выраженіе относится кЪ связи такЪ, что уничтожаетЪ содержащееся вЪ ней утвержденіе, и прерываетЪ то совокупленіе, которое безЪ отрицанія было бы подтверждено связью. Напр. *человѣкЪ не есть совершенЪ*: вЪ семЪ положеніи находящіяся понятія были бы совершенно совокуплены одно сЪ другимЪ связью, естьлибЪ не было вЪ немЪ отрицанія. Но какЪ сіе было бы противно намѣренію нашему, то мы приставляемЪ кЪ связи отрицательную частицу, для означенія, что понятія сіи совокуплены быть не могутЪ. И такЪ отрицаніе, уничтожая дѣйствіе связи, перемѣняетЪ смыслЪ положенія, и вмѣсто совокупленія двухЪ идей означаетЪ раздѣленіе оныхЪ. НапротивЪ того когда мы скажемЪ: *человѣкЪ не отступающій никогда отЪ благочестія, любимЪ БогомЪ*; вЪ семЪ случаѣ сказуемое (*любимЪ БогомЪ*) явно утверждаемо о подлежащемЪ (*человѣкЪ не отступающій отЪ благочестія*), и положеніе остается утвердительнымЪ, хотя и находится вЪ немЪ отрицаніе. Причина сего удобопонятна: отрицаніе не принадлежитЪ здѣсь кЪ связующей идеѣ, но составляетЪ часть подлежащаго, и купно сЪ другими словами служитЪ кЪ составленію той сложной идеи, о которой сказуемое (*любимЪ БогомЪ*) утверждаемо.

ВЪ какомЪ случаѣ отрицательное слово раздѣляетЪ идеи.

6. МожетЪ быть и послѣ сего покажется еще непонятнымЪ, какЪ можно назвать связь частію отрицательнаго положенія, когда предметЪ онаго есть раздѣленіе понятій. Но сіе затрудненіе удобно рѣшится, когда мы вспомнимЪ, что всякое разсужденіе соб-

КакЪ связь можетЪ быть частію отрицательнаго положенія.

ственно требуетъ утвержденія, и что сіе утвержденіе въ самомъ дѣлѣ одно составляетъ связь въ положеніи. Утвержденіяжъ бываютъ двоякаго рода, а именно: мы утверждаемъ либо сходство, либо разность между сравниваемыми идеями; по чему разсужденія наши и выражаемы двоякимъ образомъ. Въ случаѣ сходства довольно одной только связи; ибо она собственно есть признакъ, служащій къ показанію равенства или совокупленія идей. Но естьли понятія не сходны между собою, то намъ должно употреблять еще отрицательную частицу, которая даетъ знать, что содержащееся въ связи утвержденіе не совокупляетъ подлежащаго со сказуемымъ, но отдѣляетъ ихъ одно отъ другаго.

Глава III.

О положеніяхъ общихъ и частныхъ.

Раздѣленіе положеній на общія и частныя.

1. Положенія еще обыкновенно раздѣляемы бываютъ на *общія* и *частныя*; и сіе раздѣленіе весьма важно. Изъ сказаннаго въ первой части сего отдѣленія извѣстно, что всѣ идеи, входящія въ душу, суть нераздѣльныя понятія, и представляютъ нераздѣльные предметы. Но какъ мы посредствомъ отвлеченія можемъ дѣлать ихъ общими, такъ, чтобъ онѣ заключали въ себѣ цѣлой классъ вещей, иногдажъ и нѣсколько классовъ вкупѣ; слѣдовательно и слова, которыми идеи сіи выражаемы, также должны быть общія. И такъ естьли подлежащее въ положеніи есть общее выраженіе, то явно, что въ семъ случаѣ все утверждаемое о принадлежащемъ къ сему выраженію общемъ понятіи можетъ утверждаемо быть и о всѣхъ нераздѣльныхъ вещахъ, на которыя сіе понятіе простирается. И такъ говоря: *человѣки смертны*, мы разсматриваемъ смертность не какъ нѣчто ограниченное однимъ человѣкомъ, или нѣкоторымъ числомъ людей, но какъ нѣчто такое, что о всемъ родѣ человѣческомъ безъ исключенія утверждаемо быть можетъ. По сему положеніе бываетъ такъ же общимъ, какъ и та идея,

кото-

которая составляетъ его подлежащее. Оно получаетъ свойство сіе въ самомъ дѣлѣ совершенно отъ сея идеи, и бываетъ болѣе или менѣе общимъ, сообразно большему или меньшему количеству нераздѣльныхъ вещей, заключающихся въ сей идеѣ. Но еще надлежитъ замѣтить, что такія общія выраженія находятся въ положеніяхъ иногда въ полномъ своемъ пространствѣ, какъ-то въ приведенномъ выше сего примѣрѣ, иногдажъ съ нѣкоторымъ признакомъ ограниченія. Въ послѣднемъ случаѣ показывается, что сказуемое сходствуетъ не со всѣмъ общимъ понятіемъ, но только съ нѣкоторою частію онаго; напр. въ слѣдующемъ положеніи: *нѣкоторые человѣки мудры.* Ибо здѣсь не о всякомъ особенномъ человѣкѣ утверждаемо, что онъ мудръ, но только о нѣкоторыхъ немногихъ изъ рода человѣческаго.

Общія положенія суть тѣ, въ которыхъ подлежащее есть общее, безъ всякаго признака ограниченія.

2. Отъ сего различія общихъ понятій, составляющихъ подлежащее въ разсужденіяхъ, происходитъ раздѣленіе положеній на *общія* и *частныя. Общимъ* положеніемъ называется то, въ которомъ подлежащее есть общее выраженіе, принимаемое въ полномъ его пространствѣ, такъ что сказуемое должно относиться ко всѣмъ нераздѣльнымъ вещамъ, заключающимся въономъ, естьли сіе выраженіе означаетъ какой либо особенный видъ, и ко всѣмъ разнымъ видамъ съ принадлежащими къ нимъ нераздѣльными вещами, естьли оно означаетъ понятіе вышшаго класса. Слова *всѣ*, *всякой*, *никто*, и пр. суть собственные знаки общаго свойства, и какъ они почти всегда совокупляемы бываютъ съ общими истинами, то служатъ самыми удобнѣйшими примѣтами для распознанія оныхъ.

Частныя положенія суть тѣ, въ которыхъ къ общимъ подлежащимъ присовокупленъ щей

3. Въ частномъ положеніи подлежащее бываетъ хотя также общее выраженіе, но съ какимъ либо признакомъ ограниченія, показывающимъ, что сказуемое касается только до нѣкоторыхъ нераздѣльныхъ вещей, содержащихся въ какомъ либо видѣ, либо до одного или нѣсколька видовъ, принадлежащихъ къ какому либо роду, а не до всея об-

некоторый признакЪ ограниченія.

щей идеи. Напр. *нѣкоторые камни тяжелѣ желѣза; нѣкоторые люди весьма умны.* ВЪ последнемЪ положеніи подлежащее (*нѣкоторые люди*) означаетЪ только нѣкоторое число нераздѣльныхЪ вещей, содержащихся вЪ одномЪ видѣ. Но вЪ первомЪ положеніи подлежащее есть родЪ, простирающійся на великое множество разныхЪ классовЪ; и по тому оно можетЪ означать не только нѣкоторое число особенныхЪ камней, но и цѣлые разные виды камней, могущіе имѣть описанное свойство. ИзЪ сего видимЪ, что положеніе остается частнымЪ, хотя сказуемое вЪ немЪ относится кЪ цѣлому виду, естьли сей видЪ не особливо и отдѣленно разсматриваемЪ, и естьли не составляетЪ подлежащаго, о которомЪ мы что либо утверждаемЪ или отрицаемЪ. Ибо естьли подлежащее относится кЪ роду, содержащему вЪ себѣ еще другіе виды, до которыхЪ сказуемое не касается, и естьли мы утверждаемЪ или отрицаемЪ что либо о семЪ подлежащемЪ, но сказуемое касается только до нѣкоторой части общей идеи, а не до всея идеи: то явно, что изЪ сего должно произойти частное положеніе.

ВѣрныЙ и необманчивый признакЪ для распознанія общихЪ положеній сЪ частными.

4. Сіе служитЪ намЪ вѣрнымЪ и необманчивымЪ признакомЪ для распознаванія общихЪ положеній сЪ частными. Естьли сказуемое касается до всѣхЪ нераздѣльныхЪ вещей содержащихся вЪ понятіи подлежащаго, то положеніе есть общее; естьлижЪ оно касается только до нѣкоторыхЪ нераздѣльныхЪ вещей, или до нѣкоторыхЪ видовЪ общаго понятія, то положеніе частное. Употреблять сей признакЪ удобно и гораздо надежнѣе, нежели полагаться на обыкновенные знаки: *всѣ, всякой, нѣкоторые, немногіе,* и пр. Ибо сіи слова вЪ разныхЪ языкахЪ различны, и вЪ значеніи своемЪ часто бываютЪ перемѣнчивы; почему во многихЪ случаяхЪ легко могутЪ подавать поводЪ кЪ несправедливымЪ разсужденіямЪ. Напр. мы говоримЪ *всѣ солдаты, будучи собраны, составляютЪ квадратЪ, вЪ которомЪ каждая сторона состоитЪ изЪ ста человѣкЪ.* ВЪ семЪ случаѣ сказуемое явно не можетЪ утвержда-

ждаемо быть о разныхъ нераздѣльныхъ частяхъ подлежащаго, но только о всей идеѣ онаго вообще: слѣдовательно по предписанному выше сего правилу положеніе сіе не есть общее.

5. Остается описать еще родъ положеній, заслуживающій вниманіе наше тѣмъ паче, что у Логиковъ еще не рѣшено, къ которому изъ двухъ помянутыхъ классовъ причислить оный надлежитъ. Я говорю о *нераздѣльныхъ положеніяхъ*, или о такихъ, въ которыхъ подлежащее есть нераздѣльная вещь. Таковы суть слѣдующія положенія: *Исаакъ Нютонъ былъ изобрѣтатель исчисленія безконечнаго; сія книга содержитъ въ себѣ много полезныхъ истинъ.* Подлежащее въ такихъ положеніяхъ принимаемо бываетъ въ полномъ его пространствѣ, по чему иногда въ заключеніяхъ могутъ они служить вмѣсто общихъ положеній; и отъ сего происходитъ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, къ которому классу они собственно принадлежатъ. Но естьли разсудимъ, что сіи положенія въ самомъ дѣлѣ суть самый ограниченный родъ частныхъ положеній, и что никакое положеніе не можетъ собственно названо быть общимъ, въ которомъ подлежащее не есть общая идея: то не нужно будетъ останавливаться надъ изслѣдованіемъ, къ которому классу причислять ихъ должно.

Нераздѣльныя положенія принадлежатъ ко классу частныхъ положеній.

Глава IV.

О безусловныхъ и условныхъ положеніяхъ.

1. Всѣ предметы въ семъ мірѣ, которыми мы по большей части занимаемся, по натурѣ своей подвержены перемѣнѣ. Что можно утверждать объ нихъ въ одно время, того въ другое утверждать уже не можно, и немалая часть познанія нашего состоитъ въ различеніи сихъ перемѣнъ и въ изысканіи причинъ оныхъ. Но примѣчанія достойно то, что при всѣхъ перемѣнахъ въ Натурѣ нѣкоторыя вещи остаются постоянны и непремѣн-

Раздѣленіе свойствъ на существенныя и случайныя.

мѣнны, а въ другихъ вещахъ самыя перемѣны сіи происходятъ по единообразнымъ и постояннымъ законамъ, которыхъ свѣдѣніе можетъ достаточно показать намъ, какъ должны мы располагать разсужденія наши объ оныхъ. Того ради Философы при раздѣленіи предметовъ понятій на разные классы весьма тщательно замѣчали, что нѣкоторыя свойства существенно принадлежатъ къ общему понятію, и не могутъ отдѣлены быть отъ него безъ разрушенія его существа, другіяжъ только случайны, и при разныхъ обстоятельствахъ либо утверждаемы либо отрицаемы быть могутъ.

Отъ сего происходитъ немалая разность въ разсужденіяхъ нашихъ.

2. Отъ сего различія между свойствами вещей происходитъ примѣчанія достойное различіе и въ томъ, какимъ образомъ мы объ нихъ разсуждаемъ. Ибо въ первомъ случаѣ всѣ неразлучные съ предметами свойства, сколько ихъ принадлежитъ къ какому либо роду или виду, утверждаемы бываютъ о сей общей идеѣ безъ всякаго условія и безъ исключенія. Такимъ образомъ говоримъ мы: *золото весьма тяжело*; *камень твердъ*; *животныя имѣютъ силу движенія.* Но перемѣнчивыя или случайныя свойства основываются еще на какомъ либо иномъ обстоятельствѣ, не принадлежащемъ къ общей идеѣ; по чему для справедливаго разсужденія надлежитъ разсматривать и сіе обстоятельство. Напр. естьлибъ мы сказали, что *нѣкоторые камни удобно катиться могутъ*: то сіе положеніе, имѣя такой видъ общаго положенія, не могло бы съ пользою употребляемо быть въ заключеніяхъ. Способность катиться происходитъ отъ фигуры камня; а какъ фигура до безконечности различна быть можетъ, то разсужденіе наше тогда только будетъ употребительно и опредѣленно, когда мы включимъ въ него ту особенную фигуру, отъ которой такой образъ движенія происходитъ. И такъ присовокупимъ сіе обстоятельство, и выразимъ положеніе слѣдующимъ образомъ: *круглыя камни могутъ удобно катиться.* Теперь мы видимъ условіе, съ какимъ сказуемое утверждаемо, и по тому знаемъ, въ какихъ особенныхъ случаяхъ положеніе сіе употреблять можно.

3. Сіе разсматриваніе того, какимъ образомъ въ положеніяхъ сказуемое бываетъ утверждаемо о подлежащемъ, подаетъ поводъ къ раздѣленію оныхъ на *безусловныя* и *условныя*. *Безусловныя* положенія суть тѣ, въ которыхъ мы утверждаемъ о подлежащемъ нѣкоторыя свойства, неотдѣлимыя отъ идеи онаго, и по тому принадлежащія къ ней во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Напр. *Богъ безконечно премудръ*; *добродѣтель имѣетъ цѣлію высочайшее блаженство человѣческое*. Но естьли сказуемое совокуплено съ идеею подлежащаго не неразлучно, но только при нѣкоторомъ обстоятельствѣ, отличномъ отъ сея идеи: въ такомъ случаѣ положеніе есть *условное*. Названіе сіе происходитъ отъ самой прибавки, которая имѣетъ свойство условія, и какъ условіе выражена быть можетъ. Напр. *Естьли камень подверженъ бываетъ солнечнымъ лучамъ, то получаетъ нѣкоторую степень жара. Естьли рѣка течетъ по скатистому мѣсту, то быстрота ея увеличивается.*

По сей разности положенія раздѣляются на условныя и безусловныя.

4. Надлежащее вниманіе къ сему раздѣленію положеній всего важнѣе въ Философіи. Стараясь не утверждать никогда ничего такого, въ чемъ понятія не совокуплены неразлучно, а въ другихъ разсужденіяхъ тщательно замѣчая тѣ условія, съ какими сказуемое къ подлежащему относится, бываемъ менѣе подвержены ошибкамъ при отношеніи общихъ истинъ къ особеннымъ случаямъ въ жизни человѣческой. Точному наблюденію сего правила надлежитъ приписывать то, что Математики имѣли столько успѣха въ своихъ открытіяхъ, и что доказываемое ими о величинахъ вообще, ко всякимъ случаямъ удобно относимо быть можетъ.

Великая важность сего раздѣленія; ибо оно дѣлаетъ положенія опредѣленными,

5. Истинная причина сего есть слѣдующая: Мы познаемъ истину частныхъ положеній только тогда, когда можемъ усматривать связь ихъ съ общими; по чему дѣло наукъ состоитъ въ изобрѣтеніи общихъ истинъ, которыя можно бы было относить съ вѣрностію ко всякимъ случаямъ. Тщательноежъ назначеніе условій, съ ко-

И превращаетъ частныя положенія въ общія.

торыми какая либо идея касательно другой утверждаема или отрицаема быть можетъ, доставляетъ великую выгоду, состоящую въ томъ, что оно превращаетъ частныя положенія въ общія, по чему они могутъ съ вѣрностію принимаемы быть въ заключеніяхъ, и служить намъ къ расположенію по нимъ разсужденій нашихъ. Мы объяснимъ сіе извѣстнымъ примѣромъ. *Дѣйствіе воды бываетъ иногда весьма сильно*: сіе положеніе есть частное; и какъ условія, отъ которыхъ сила дѣйствія зависитъ, не назначены, то не извѣстно еще, къ какимъ случаямъ оно относимо быть можетъ. Но естьли присовокупимъ сіи условія, то положеніе будетъ таково: *дѣйствіе воды, текущей въ достаточномъ количествѣ по скатистому мѣсту, бываетъ весьма сильно.* Симъ образомъ выраженное разсужденіе есть общее; ибо сказуемое (*бываетъ весьма сильно*) съ помянутыми условіями можетъ приписано быть дѣйствію всякой воды. Равнымъ образомъ явно, что сіе положеніе въ такомъ видѣ удобно употребляемо быть можетъ, и намъ извѣстно, что въ самомъ дѣлѣ употребляютъ его въ такихъ случаяхъ, когда потребно сильное дѣйствіе воды, какъ-то при водяныхъ мѣльницахъ и многихъ иныхъ дѣлахъ искусства.

Глава V.

О простыхъ и сложныхъ положеніяхъ.

Раздѣленіе положеній на простыя и сложныя.

1. Доселѣ говорили мы о такихъ положеніяхъ, въ которыхъ только двѣ идеи сравниваемы одна съ другою. Сіи положенія вообще называются простыми; ибо они имѣютъ одно подлежащее и одно сказуемое, и по тому происходятъ отъ одного только разсужденія, никакому иному раздѣленію не подверженнаго. Но естьли разныя идеи вдругъ представляются мыслямъ нашимъ, и подаютъ намъ поводъ утверждать одно обстоятельство о разныхъ предметахъ, или объ одномъ предметѣ разныя обстоятельства: то положенія, которыми такія разсужденія бываютъ выражаемы, называются *сложными*; ибо

ибо они могутъ раздѣлены быть на столько же разныхъ положеній, сколько подлежащихъ или сказуемыхъ въ себѣ содержатъ. Напр. *Богъ премудръ и всемогущъ.* Въ семъ положеніи находятся два сказуемыя, *премудрость и всемогущество*, приписываемыя одному подлежащему; по чему и самое положеніе можетъ раздѣлено быть на два, въ которыхъ каждое сказуемое особливо утверждаемо будетъ. Равнымъ образомъ явно, что разсужденіе, состоящее изъ разныхъ подлежащихъ и разныхъ сказуемыхъ, можетъ раздѣлено быть на столько простыхъ положеній, сколько сравниваемыхъ идей въ немъ находится. Напр. *Богатства и почести могутъ произвести въ насъ высокомѣріе и умножить наши желанія.* Въ семъ разсужденіи находятся два подлежащія и два сказуемыя, и при томъ очевидно, что его можно раздѣлить на слѣдующія четыре особенныя положенія: *Богатство можетъ произвести въ насъ высокомѣріе; богатство можетъ умножить наши желанія; почести могутъ произвести въ насъ высокомѣріе; почести могутъ умножить наши желанія.*

Точное понятіе сложнаго положенія.

2. Логики раздѣляютъ сложныя положенія на многіе различные классы; но по мнѣнію моему, раздѣленіе сіе не сообразно собственному ихъ опредѣленію. Они называютъ условныя, представляющія причину, относительныя положенія, и пр., различными родами сложныхъ положеній, хотя въ самомъ дѣлѣ сіи положенія суть простыя. Возмемъ въ примѣръ условное положеніе: *естьли камень подверженъ бываетъ солнечнымъ лучамъ, то принимаетъ нѣкоторую степень теплоты.* Здѣсь одно только подлежащее и одно сказуемое; ибо сложное выраженіе: *камень, естьли онъ подверженъ бываетъ солнечнымъ лучамъ*, составляетъ собственное подлежащее сего положенія, и есть одна только опредѣленная идея. То же находимъ и въ положеніяхъ представляющихъ причину. Напр. *Ровоамъ былъ нещастенъ, для того, что послѣдовалъ злому совѣту.* Надлежитъ признаться, что по причинѣ сложнаго выраженія сіе положеніе кажется состоящимъ изъ двухъ; но разсмотрѣвъ его обстоятельнѣе, увидимъ,

 что

что въ немъ одно только подлежащее и одно сказуемое. Ровоамъ, послѣдовавшій злому совѣту, былъ отъ того нещастенъ. И такъ для составленія сложнаго положенія не довольно еще того, чтобъ подлежащее и сказуемое были сложныя понятія, которыя часто должны выражаемы быть цѣлыми рѣченіями; ибо въ семъ случаѣ сравненіе ограничивается только двумя идеями, и составляетъ только простое разсужденіе. Но естьли въ разсужденіи находятся разныя подлежащія и сказуемыя, и естьли утвержденіе или отрицаніе простирается на всѣ оныя въ равной степени: въ такомъ случаѣ положеніе въ самомъ дѣлѣ содержитъ къ себѣ столько же простыхъ положеній, сколько находится въ немъ разныхъ идей, сравниваемыхъ между собою. И такъ принявъ за правило сіе точнѣйшее и справедливѣйшее понятіе сложныхъ положеній, мы раздѣлимъ ихъ только на два рода, а именно на *совокупительныя* и *дѣлительныя* положенія.

Сложныя положенія суть либо совокупительныя,

3. *Совокупительное положеніе* (propositio copulativa) есть то, въ которомъ подлежащія и сказуемыя такъ совокуплены между собою, что каждое сказуемое о каждомъ подлежащемъ особливо утверждаемо или отрицаемо быть можетъ. Таковы суть слѣдующія положенія: *богатство и почести могутъ произвести въ насъ высокомѣріе и умножить наши желанія; ни Цари, ни подданные, не свободны отъ смерти.* Въ первомъ положеніи оба сказуемыя могутъ утверждаемы быть особливо о каждомъ подлежащемъ; по чему оно содержитъ въ себѣ четыре особенныя положенія. Второе служитъ примѣромъ отрицательныхъ положеній, въ которыхъ одно сказуемое отдѣляется отъ обоихъ подлежащихъ, а по тому и въ особенныхъ положеніяхъ касательно до оныхъ отрицаемо быть можетъ.

либо дѣлительныя.

4. Другой родъ сложныхъ положеній составляютъ положенія называемыя *дѣлительными* (propositiones disjunctivae), въ которыхъ мы сравниваемъ разныя сказуемыя съ однимъ подлежащимъ, и сказываемъ, что одно которое либо изъ нихъ непремѣнно

сходствуетъ съ симъ подлежащимъ, но именно онаго не назначаемъ. Напр. *Сей міръ либо произошелъ самъ собою, либо есть дѣло премудрой и всемогущей причины.* Одно изъ сихъ сказуемыхъ, какъ то явно, должно непремѣнно сходствовать съ подлежащимъ. Но сіе положеніе не начначаетъ онаго именно, и по тому принадлежитъ къ дѣлительнымъ положеніямъ. Таковы же суть и слѣдующія положенія: *Солнце либо обращается около земли, либо оно есть средоточіе, около котораго земля обращается; дружба либо происходитъ между равными людьми, либо дѣлаетъ людей равными.* Но естьли такія положенія предлагаемы бываютъ въ надлежащей формѣ, то по самому ихъ свойству начначеніе собственнаго сказуемаго непремѣнно должно уничтожить всѣ прочія сказуемыя; или по уничтоженіи всѣхъ прочихъ сказуемыхъ, одно оставшееся непремѣнно должно быть принято. И такъ естьли мы въ приведенномъ нами примѣрѣ согласимся, что міръ есть дѣло премудрой и всемогущей причины, то непремѣнно будемъ отрицать происхожденіе его самимъ собою; или отрицая такое происхожденіе, непремѣнно должны согласиться, что онъ произведенъ премудрою и всемогущею причиною.

Глава VI.

О раздѣленіи положеній на очевидныя и доказательныя.

Цѣль сея главы.

1. Мы скоро уже приступимъ къ третіей части Логики, трактующей о заключеніяхъ. Искусствожъ заключенія состоитъ въ томъ, чтобъ выводить такія положенія, которыхъ истина не явна непосредственно, изъ другихъ извѣстнѣйшихъ. По чему нужно намъ предварительно изслѣдовать нѣсколько разныя степени очевидности, или вѣрности, сопровождающей разсужденія наши, дабы мы въ состояніи были узнавать, въ какихъ случаяхъ надлежитъ употреблять заключенія, и какія положенія могутъ служить надежнымъ и необманчивымъ основаніемъ истинѣ другихъ.

Раздѣленіе положеній на очевидныя и доказательныя.

2. Когда какое либо положеніе представляется разсматриванію разума, и когда мы понимаемъ слова, которыми оно выражено: то при сравненіи идей мы либо непосредственно усматриваемъ утверждаемое въ ономъ сходство или разность, либо находимъ, что разумъ нашъ еще не можетъ того усмотрѣть. Въ первомъ случаѣ положеніе называется *очевиднымъ*, и не требуетъ никакого доказательства; ибо одно только вниманіе къ самымъ идеямъ производитъ уже полное увѣреніе и извѣстность, и не возможно сказать въ подтвержденіе онаго ничего инаго, что было бы еще вѣрнѣе извѣстно. Но когда связь или разность идей не можетъ толь легко усмотрѣна быть разумомъ, въ такомъ случаѣ надлежитъ брать прибѣжище къ заключеніямъ; и естьли мы можемъ утвердить предлагаемую истину порядочно ясными доказательствами, такъ, чтобъ каждой шагъ при томъ сопровождаемъ былъ вѣрностію: то бываемъ въ состояніи доказать утвердаемое нами, и самое положеніе называется въ семъ случаѣ *доказательнымъ*. Напр. естьли мы скажемъ: *одной вещи не возможно быть и не быть въ одно время*: то всякой, разумѣющій слова употребленныя въ семъ положеніи, усмотритъ истину онаго съ перваго взора, и никакимъ стараніемъ не можетъ увѣренъ быть въ противномъ сему. И такъ положеніе сіе есть *очевидное*, и не можетъ объясняемо быть заключеніями, по тому, что нѣтъ истины удобопонятнѣйшей, или извѣстнѣйшей, изъ которой бы можно было вывести его какъ слѣдствіе. Но когда скажемъ: *сей міръ имѣетъ начало*: то сіе положеніе хотя въ самомъ дѣлѣ толь же истинно, какъ и первое, однако не имѣетъ такой степени ясности. Весьма трудно представить себѣ, какъ міръ могъ произведенъ быть изъ ничего; и мы увѣряемся въ томъ совершенно не прежде, какъ познавъ уже ясно посредствомъ заключеній, сколь много нестаточнаго содержится въ противномъ оному мнѣніи. Слѣдовательно сіе положеніе принадлежитъ къ *доказательнымъ* положеніямъ; ибо истина его не ощущаема разумомъ непосредственно, но должна объяснена быть посред-

средствомъ другихъ извѣстнѣйшихъ и удобопонятнѣйшихъ положеній, изъ которыхъ сіе, какъ непремѣнное слѣдствіе, выводится.

Для чего второе дѣйствіе разума ограничивается только созерцательнымъ познаніемъ.

3. Изъ сказаннаго нами доселѣ явно, что заключеніе занимается только доказательными положеніями, и что созерцательныя и очевидныя понятія суть послѣднее основаніе всѣхъ нашихъ заключеній. Изъ сегожъ весьма ясно усматриваемъ причину, для чего при раздѣленіи дѣйствій разума, второе дѣйствіе ограничено однимъ только созерцательнымъ познаніемъ. Первой шагъ нашъ на пути къ познанію состоитъ въ снабденіи себя идеями. Получивъ идеи, начинаемъ сравнивать ихъ, дабы судить о сходствѣ ихъ или разности. Естьли изслѣдуемыя нами отношенія могутъ усмотрѣны быть непосредственно однимъ взоромъ разума, то разсужденія, которыми оныя выражаемы бываютъ, называются *очевидными*. Но естьли при сравненіи нашихъ идей не можемъ вдругъ усматривать ихъ отношеній, то принуждены бываемъ дѣлать изслѣдованіе, употребляя въ помощь *очевидныя* истины: что собственно и называется *заключеніемъ*.

Очевидныя истины суть первыя основанія заключеній.

4. И такъ, понеже доказательныя положенія принадлежатъ собственно къ третіему дѣйствію разума, то теперь оставивъ ихъ, обращусь я къ разсматриванію очевидныхъ истинъ. Онѣ, какъ уже сказано, содержатъ въ себѣ первыя основанія заключеній; и то не подвержено сомнѣнію, что употребляя въ изслѣдованіяхъ нашихъ только такія основанія, имѣющія свойство очевидной ясности, и поступая съ ними по тѣмъ правиламъ, которыя въ послѣдствіи предложены будутъ, не будемъ имѣть причины опасаться заблужденій въ пріобрѣтаемомъ чрезъ то познаніи. Въ примѣръ сему могу я привести математическія книги, которыя сочинены будучи по упомянутому предписанію, служатъ неопровергаемымъ доказательствомъ вѣрности и твердости познанія человѣческаго, утверждаемаго на такомъ надеж-

дежномъ основаніи. Ибо положенія геометрическія не только выдержали опыты времени, но и сопровождаемы неопровергаемою вѣрностію, заставляющею всякаго увѣряться въ нихъ, кто только надлежащимъ образомъ разберетъ доказательства, которыми они утверждаются. И такъ, понеже Математики имѣютъ надлежащій методъ къ достиженію истины, и понеже какъ выборъ, такъ и употребленіе основаній ихъ науки, суть самыя лучшія: то не безполезно будетъ предложить здѣсь принятое ими раздѣленіе очевидныхъ положеній, дабы могли мы итти по ихъ слѣдамъ, и нѣкоторымъ образомъ достичь такой же вѣрности и основательности въ доказательствахъ.

Опредѣленія весьма способствуютъ ясности и вѣрности познанія.

5. И такъ вопервыхъ надлежитъ замѣтить, что они весьма рачительно стараются опредѣлять понятія свои и утверждать значеніе словъ. Того ради начинаютъ они съ *опредѣленій*, въ которыхъ толь ясно показываютъ значеніе словъ своихъ, что оныя необходимо должны бываютъ производить въ разумѣ внимательнаго читателя тѣ же самыя понятія, которыя писатель съ оными совокуплялъ. По мнѣнію моему, сіе стараніе, утверждать все на такомъ надежномъ основаніи, есть главная причина ясности и неопровергаемой вѣрности математическихъ наукъ. Естьли взаимное отношеніе двухъ идей точно и вѣрно изъвѣдано, то другому не трудно усмотрѣть сіе отношеніе, когда онъ при изслѣдованіи онаго будетъ сравнивать тѣ же самыя идеи. Напр. квадратъ есть фигура, заключаемая четырью равными прямыми линіями, и имѣющая всѣ углы прямые. Въ семъ примѣрѣ качество угловъ составляетъ толикуюжъ часть идеи, какъ и равенство сторонъ. Многія свойства квадрата происходятъ отъ того только, что онъ есть прямоугольная фигура. И такъ, естьли бы кто либо составилъ себѣ несовершенное понятіе о квадратѣ, которое содержало бы въ себѣ только равенство сторонъ, не касаясь до угловъ, и естьлибъ онъ читалъ доказательство содержащее и сіе обстоятельство: то непремѣнно почелъ бы

сіе

сіе доказательство негоднымъ, какъ не вообще справедливое, и не относящееся къ такимъ случаямъ, въ которыхъ стороны фигуры составляютъ неравные углы. Ибо въ сей фигурѣ, которую онъ по своему понятію также называлъ бы квадратомъ, не находилъ бы онъ свойствъ приписываемыхъ ей въ положеніи. Но послѣ, исправивъ свое понятіе и дополнивъ идею, онъ увѣрился бы въ истинѣ и справедливости доказательства безъ затрудненія. Такимъ образомъ Математики доставляютъ положеніямъ своимъ вообще неопровергаемую увѣрительность.

Второй шагъ въ математическомъ познаніи состоитъ въ постановленіи нѣкоторыхъ основаній.

6. Объяснивъ симъ образомъ идеи, которыхъ отношеніе хотятъ изслѣдовать, они стараются утвердить нѣкоторыя очевидныя истины, могущія служить основаніемъ будущимъ ихъ заключеніямъ. При семъ поступаютъ они съ достойною примѣчанія осторожностію; ибо не принимаютъ никакихъ иныхъ основаній, кромѣ слѣдующихъ непосредственно изъ опредѣленій, и такихъ, которыя необходимо должны сдѣлать впечатлѣніе въ разумѣ, прилагающемъ къ понятіямъ своимъ нѣкоторое вниманіе. Напр. *кругъ* есть фигура, описываемая движеніемъ прямой линіи около утвержденной точки на равной поверхности. Утвержденная точка, около которой линія движется, и въ которой находится одинъ конецъ оной, называется *средоточіемъ* круга. Другой конецъ сея линіи, обращающійся дотолѣ, пока дойдетъ до той же точки, съ которой движеніе его началось, описываетъ кривую съ собою самой смыкающуюся линію, называемую *окружностію.* Всѣ прямыя линіи, проводимыя изъ средоточія къ окружности, называются *полупоперешниками.* Изъ сравненія сихъ опредѣленій Математики выводятъ слѣдующую очевидную истину: *всѣ полупоперешники круга равны между собою.* Я называю истину сію *очевидною*, по тому, что разумъ понять можетъ ее вдругъ, естьли только приложитъ вниманіе къ сравниваемымъ идеямъ. Ибо изъ самаго происхожденія круга уже явно, что окружность повсюду находит-

ся

ся въ такомъ разстояніи отъ средоточія, какую длину имѣетъ линія описывающая кругъ, и что разные полупоперешники въ самомъ дѣлѣ суть не иное что, какъ одна линія, принимающая въ сей фигурѣ разныя положенія.

Раздѣленіе положеній на разсудительныя и исполнительныя.

7. Теперь надлежитъ еще замѣтить слѣдующее: Во всякомъ положеніи мы либо утверждаемъ или отрицаемъ какое либо свойство идеи, составляющей подлежащее разсужденія нашего; либо сказываемъ, что нѣчто сдѣлано быть должно. Положенія перваго рода называются *теоретическими*, или *разсудительными*. Таково есть положеніе приведенное въ примѣръ въ предыдущемъ §: *полупоперешники круга равны между собою.* Положенія втораго рода называются *исполнительными*, или *практическими*; причинужъ сего названія толь удобно усмотрѣть, что я не имѣю нужды говорить здѣсь объ оной. Напр. *отъ одной точки къ другой можно провести прямую линію*: сіе положеніе есть исполнительное, ибо оно содержитъ въ себѣ нѣчто такое, что сдѣлать надлежитъ.

Посему основательныя положенія математическія раздѣляются на аксіомы и требованія.

8. Отъ сего происходитъ раздѣленіе основательныхъ положеній математическихъ на *основательныя положенія въ тѣсномъ смыслѣ* (Axiomata) и на *требованія* (Postulata). Подъ названіемъ аксіомы, или основательнаго положенія въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣется очевидное разсудительное положеніе (см. § 7), а требованіемъ называется очевидное исполнительное положеніе. Напр. *цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ вкупѣ взятымъ*: сіе положеніе есть аксіома. Напротивъ того слѣдующее: *всякою прямою линісю можно описать кругъ*, есть требованіе. При семъ надлежитъ намъ замѣтить, что въ *основательномъ положеніи* сходство или разность между подлежащимъ и сказуемымъ должны познаваемы быть разумомъ непосредственно. Равнымъ образомъ и въ *требованіи* не только возможность требуемаго, но и то, какимъ образомъ оное сдѣлать можно, съ перваго взора видимы

быть

быть должны. Ибо естьли сіе не явно само собою, то положеніе принадлежитъ къ доказательнымъ, и Геометры поступаютъ съ онымъ сообразно тому.

9. Сіе приводитъ меня къ слѣдующему замѣчанію: *Доказательныя* положенія, такъ же, какъ и очевидныя истины, раздѣляются на разсудительныя и исполнительныя. Доказательное разсудительное положеніе называется у Математиковъ *теоремою*. Таково есть 47 положеніе въ первой книгѣ Евклидовыхъ начальныхъ основаній, извѣстное подъ названіемъ *Пиѳагоровой теоремы*, по имени изобрѣтателя его, Пиѳагора: *во всякомъ прямоугольномъ тріугольникѣ квадратъ стороны находящейся противъ прямаго угла равенъ обоимъ квадратамъ замыкающихъ прямой уголъ сторонъ, вкупѣ взятымъ.* Напротивъ того доказательное исполнительное положеніе называется *задачею*; напр. когда Евклидъ учитъ: *на данной линіи описать квадратъ.* Доказательныя положенія раздѣляются на теоремы и задачи.

10. При сей матеріи не безполезно будетъ замѣтить, что кромѣ помянутыхъ четырехъ родовъ положеній, находится у Математиковъ еще пятой, извѣстный подъ названіемъ *прибавленій*, или *слѣдствій* (Corollaria). Они обыкновенно пріобщаемы бываютъ къ теоремамъ или задачамъ, и различаются отъ оныхъ только тѣмъ, что суть слѣдствія, выводимыя изъ доказанной истины толь удобно, что можно усмотрѣть связь ихъ съ тѣмъ положеніемъ, изъ котораго они выведены, какъ скоро предложены будутъ. Напр. Евклидъ доказавъ, что *во всякомъ прямолинейномъ тріугольникѣ всѣ три угла вкупѣ взятые равны двумъ прямымъ угламъ*, присовокупляетъ къ тому слѣдующее прибавленіе: *сумма всѣхъ трехъ угловъ одного тріугольника равна суммѣ всѣхъ трехъ угловъ всякаго другаго тріугольника.* Сіе съ перваго взора явно: ибо сіи углы во всякомъ случаѣ равны двумъ прямымъ угламъ; а двѣ вещи, равныя третіей, и между собою должны быть равны. Прибавленія суть слѣдствія, свободно выводимыя изъ теоремъ и задачъ.

Примѣчанія объясняютъ нѣкоторыя обстоятельства.

11. Касательно математическаго метода, доставляющаго собственно и паче всякаго инаго метода вѣрность въ познаніи, осталось еще упомянуть о *примѣчаніяхъ* (Scholia). Они присовокупляемы бываютъ безъ различія къ опредѣленіямъ, теоремамъ, задачамъ и прибавленіямъ, и суть то же, что примѣчанія на классическихъ писателей. Ибо въ нихъ сочинители объясняютъ то, что въ какихъ либо заключеніяхъ можетъ еще казаться труднымъ и неудобопонятнымъ; отвѣтствуютъ на возраженія; показываютъ употребленіе и пользу положеній; описываютъ происхожденіе и исторію разныхъ изобрѣтеній, касающихся до предлагаемой ими науки; короче сказать, помѣщаютъ въ нихъ всѣ особенныя обстоятельства, которыя заслуживаютъ быть свѣдомы, какъ предметы любопытства или пользы.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

О ЗАКЛЮЧЕНІЯХЪ.

Глава I.

О заключеніяхъ вообще и о частяхъ оныхъ.

1.

Мы видѣли уже, какъ разумъ обогащаетъ себя идеями, и какъ онъ составляетъ созерцательныя понятія. Теперь изслѣдуемъ, какъ можемъ мы находить такія отношенія, которыя весьма удалены отъ нашего разума, и по тому употребленіемъ только вышшихъ силъ его открываемы быть могутъ. При сравненіи понятій часто бываетъ не возможно найти сходство ихъ или разность съ перваго взора, особливожъ въ такихъ случаяхъ, когда они по качеству своему одно съ другимъ снесены быть не могутъ. Напр. сравнивая двѣ фигуры разнаго вида, дабы судить о равенствѣ ихъ или неравенствѣ, явно не въ состояніи бываемъ опредѣлить оное съ точностію посредствомъ одного только разсматриванія сихъ фигуръ; ибо по причинѣ различнаго ихъ вида не возможно приложить одну изъ нихъ къ другой такъ, чтобъ разныя части ихъ взаимно одна другую покрыли. Сіе заставляетъ насъ искать третіей идеи, способной къ потребному въ такомъ случаѣ сравненію. Естьли удастся намъ найти сію идею, то всѣ затрудненія прекратятся, и мы въ состояніи будемъ удобно усмотрѣть искомое отношеніе. Напр. всѣ прямолинейныя фигуры могутъ превращаемы быть въ квадраты; посредствомъ чего можно измѣрять

Дальнія отношенія находимы бываютъ помощію нѣкоторыхъ среднихъ идей.

заключаемое ими пространство, и опредѣлять сходство или разность ихъ въ разсужденіи величины.

Сей способъ къ достиженію истины называется заключеніемъ.

2. Естьли спросятъ, какъ можно посредствомъ третіей идеи находить взаимное отношеніе двухъ другихъ идей: то я отвѣтствую, что надлежитъ сравнивать ее съ каждою изъ сихъ двухъ идей. Ибо посредствомъ такого сравненія мы въ состояніи бываемъ усматривать, имѣютъ ли тѣ идеи, съ которыми сравниваемъ третію, между собою какое либо сходство, или не имѣютъ. Напр. сравнивъ каждую изъ двухъ прямолинейныхъ фигуръ съ такимъ квадратомъ, котораго содержаніе намъ уже извѣстно, и нашедши, что одна фигура совершенно равна оному, а другая квадратнымъ дюймомъ менѣе его, заключаемъ, что величина первой фигуры квадратнымъ дюймомъ болѣе величины другой.

Части, изъ которыхъ заключенія и силлогисмы состоятъ.

3. Изъ сказаннаго нами явно, что всякое заключеніе должно содержать въ себѣ три различныя разсужденія: два такія, въ которыхъ мы сравниваемъ подлежащія изслѣдованію идеи съ третіею идеею, и третіе то, въ которомъ по слѣдствію сего сравненія либо совокупляемъ оныя одну съ другою, либо раздѣляемъ. Во второй части Логики разсужденія наши, выраженныя словами, называются положеніями: равнымъ образомъ и въ сей третіей части заключенія, словами выражаемыя, называются *силлогисмами*, или *заключительными рѣчьми*. А какъ всякое заключеніе требуетъ трехъ различныхъ разсужденій, слѣдовательно и всякой силлогисмъ долженъ содержать въ себѣ три различныя положенія. Въ заключеніи, выраженномъ такимъ образомъ и представляющемся въ видѣ силлогисма, средняя идея, употребляемая къ открытію искомаго сходства или разности, называется *среднимъ словомъ* (terminus medius); а тѣ двѣ идеи, съ которыми сія третія сравнивается, называются *главными словами*.

Примѣръ.

4. Но сіе лучше можетъ объяснено быть примѣрами. И такъ напр. постараемся изслѣдовать: *должны*

жны ли человѣки дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ? Взаимное отношеніе между идеями *человѣкъ* и *должность дать отчетъ*, не можетъ усмотрѣно быть разумомъ непосредственно; чего ради прежде всего надлежитъ стараться найти третію идею, посредствомъ которой было бы возможно удобнѣе открыть оное. По не многому размышленію понимаемъ мы, что только та тварь можетъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, которая способна различать доброе отъ худаго, т. е. тварь имѣющая умъ. Но и сего еще не довольно. Ибо къ чему бы служило ей различеніе добрыхъ дѣлъ отъ худыхъ, естьлибъ она не имѣла свободы избирать, или естьлибъ не могла она одного избѣгать, а другое дѣлать? И такъ въ настоящемъ случаѣ обѣ сіи способности должны взяты быть вкупѣ. Но при семъ толь же удобно усматриваемъ и то, что тварь, имѣющая способность различать добрыя дѣла отъ худыхъ, и къ первымъ стремиться, а другихъ избѣгать, должна быть обязана дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ. И такъ нашли мы третію идею, съ которою должность дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ неразлучно совокуплена; а именно: *умъ и свободу*, принимаемыя въ семъ случаѣ за одну сложную идею. Теперь сравнимъ среднюю идею сію съ главными понятіями, содержащимися въ нашемъ примѣрѣ. Сдѣлавъ сіе, составимъ помощію средней идеи два различныя разсужденія, а именно: что *человѣкъ имѣетъ умъ и свободу*, и что *умъ и свобода обязываютъ насъ дать отчетъ въ дѣлахъ нашихъ*. Изъ сегожъ явно и необходимо слѣдуетъ третіе разсужденіе, а именно: *что человѣкъ долженъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ*. Естьли сіе заключеніе будетъ выражено словами и предложено въ надлежащей формѣ, то произойдетъ слѣдующій силлогисмъ.

Всякая тварь, имѣющая умъ и свободу, должна дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ.
Человѣкъ есть тварь имѣющая умъ и свободу.
Слѣдовательно человѣкъ долженъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ.

Предпосылки; заключаемое; главныя слова; среднее слово.

5. Оба первыя положенія называются *предпосылками* (praemissae), по тому, что предложены бываютъ прежде третіяго. Третіе называется *заключаемымъ*, или *положеніемъ заключительнымъ* (conclusio); ибо оно выводимо бываетъ, какъ слѣдствіе, изъ утверждаемаго въ предпосылкахъ. Изъ сихъ опредѣленій и приведеннаго выше сего примѣра явно, что подъ названіемъ предпосылокъ во всякомъ силлогисмѣ разумѣются тѣ два положенія, въ которыхъ мы сравниваемъ среднее слово съ каждымъ изъ главныхъ словъ; ибо они составляютъ предыдущія разсужденія, изъ которыхъ искомая нами истина посредствомъ заключенія выводится. *Заключаемоежъ* есть то положеніе, въ которомъ *главныя слова* по предъидущему сравненію бываютъ либо совокупляемы между собою, либо отдѣляемы одно отъ другаго.

Большее и меньшее главное слово; верхнее и нижнее положеніе.

6. Понеже заключаемое состоитъ изъ главныхъ словъ заключенія, то главное слово, служащее сказуемымъ въ заключительномъ положеніи, называется *большимъ главнымъ словомъ* (terminus major); а другое, составляющее въ семъ положеніи подлежащее, называется *меньшимъ главнымъ словомъ* (terminus minor). Отъ сего раздѣленія главныхъ словъ происходитъ также раздѣленіе и предпосылокъ, въ которыхъ сіи главныя слова бываютъ сравниваемы съ среднимъ словомъ. То положеніе, въ которомъ большее главное слово, или сказуемое заключаемаго, бываетъ сравниваемо съ среднимъ словомъ, называется *верхнимъ положеніемъ* (propositio major); а другое, въ которомъ то же среднее слово сравниваемо бываетъ съ подлежащимъ заключаемаго, или съ меньшимъ главнымъ словомъ, называется *нижнимъ положеніемъ* (propositio minor). Въ силлогисмѣ, имѣющемъ надлежащую форму, вопервыхъ должно предложено быть верхнее положеніе, по томъ нижнее, а наконецъ заключаемое, какъ то сдѣлано въ приведенномъ выше сего примѣрѣ.

Различіе между разсу-

7. И такъ я опредѣлилъ слова, которыя въ послѣдствіи сего отдѣленія употреблены

лены быть могутъ, и чрезъ сіе пріуготовилъ себѣ путь къ тому, о чемъ еще говорить предлежитъ. Теперь же не безполезно будетъ замѣтить, что хотя мы тщательно опредѣлили различіе между заключеніемъ и силлогисмомъ, или выраженнымъ словами заключеніемъ, однако въ общемъ употребленіи сіе различіе не столь строго наблюдаемо бываетъ; ибо употребляютъ безъ разбора слово *заключеніе* какъ для означенія разсужденій ума, послѣдующихъ одно за другимъ, такъ и положеній, которыми сіи разсужденія выражаемы бываютъ. Не должно удивляться сему; ибо идеи наши и принадлежащія къ нимъ слова навыкомъ и употребленіемъ такъ связаны между собою, что мысли наши какъ бы сами собою облекаются въ слова, едва только произойдутъ въ душѣ; по чему составляя еще только въ разумѣ заключенія, имѣемъ уже нѣкоторую нужду въ словахъ. Однако не взирая на сей тѣсный союзъ мыслимыхъ заключеній съ выговоренными (естьли могу употребить сіе выраженіе), я почелъ за нужное положить различіе между ими, дабы сообщить читателю справедливое понятіе о способѣ выведенія одной истины изъ другой. Естьли разумъ разсматриваетъ вещи внимательно, и совокупляетъ разсужденія свои по точной ясности, сопровождающей оныя: то намъ не должно опасаться ошибки въ заключеніяхъ нашихъ; ибо выводимыя въ такомъ случаѣ слѣдствія простираются не далѣе, какъ дотолѣ, пока ясность понятій нашихъ позволяетъ. Но въ употребленіи бываетъ совсѣмъ иное. Ибо мы весьма часто употребляемъ слова не смотря на идеи, представляемыя ими, и совокупляемъ такія выраженія, которыя, изслѣдованы будучи, никакого значенія не имѣютъ. По чему различіе между заключеніемъ и силлогисмомъ для насъ весьма важно. Также надлежитъ намъ стараться, чтобъ силлогисмы были во всякомъ случаѣ истинными и вѣрными изображеніями заключеній нашихъ. Однако не намѣренъ будучи отступать слишкомъ далеко отъ общаго употребленія въ языкѣ, или умножать безъ нужды раздѣленія, въ послѣдствіи

жденіями и положеніями; также между заключеніями и силлогисмами.

буду принимать положенія за представленія собственныхъ разсужденій разума, а силлогисмы за истинные изображенія заключеній, чѣмъ они и въ самомъ дѣлѣ всегда быть должны, и чѣмъ безъ сомнѣнія служатъ всякому правильно мыслящему и истины ищущему человѣку. Предположивъ сіе, не будемъ имѣть причины опасаться сбивчивости, употребляя слова *разсужденіе* и *положеніе* безъ различія, или принимая *заключеніе* какъ за связь разныхъ разсужденій, такъ и за связь положеній выражающихъ сіи разсужденія. Ибо какъ они суть точныя изображенія одни другихъ, то слѣдствіе во всякомъ случаѣ будетъ одинаково. Также и то не малая выгода, что мы симъ образомъ можемъ придержаться общаго употребленія въ языкѣ, не смѣшивая идей нашихъ и не дѣлая выраженій сомнительными. Сіе производитъ нѣкоторое равенство между нами и другими людьми; мы удобно разумѣемъ смыслъ выраженій другихъ, и можемъ легко сообщать ихъ разуму наши понятія и мнѣнія.

Въ простомъ заключеніи предпосылки должны быть созерцательныя истины.

8. И такъ, предположивъ сіе, можемъ опредѣлить заключеніе вообще слѣдующимъ образомъ: *заключеніе есть то дѣйствіе разума, которымъ онъ изъ предыдущихъ, извѣстныхъ уже и ясныхъ положеній, выводитъ новое еще неизвѣстное положеніе.* Въ простомъ заключеніи находятся только два такія предыдущія положенія; и они всякой разъ должны быть ясны для разума сами собою, такъ чтобъ мы могли увѣриться въ нихъ и усмотрѣть ихъ истину, какъ скоро они предложены будутъ. Въ приведенномъ выше сего примѣрѣ предпосылки должны быть очевидныя истины; въ противномъ же случаѣ заключаемое не могло бы выведено быть изъ одного заключенія. Напр. естьли бы въ верхнемъ положеніи (*всякая тварь, имѣющая умъ и свободу, должна дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ*) связь подлежащаго со сказуемымъ не могла усмотрѣна быть посредствомъ одного только вниманія къ самымъ идеямъ: то явно, что и сіе положеніе и выведенное изъ него заключаемое требовали бы доказательства.

ства. Въ такомъ случаѣ надлежало бы искать новаго средняго слова для открытія предполагаемой связи; а сіе подало бы поводъ къ другому силлогисму; и мы не прежде могли бы употреблять сіе положеніе въ иныхъ послѣдующихъ заключеніяхъ, какъ уже доказавъ его симъ вторымъ силлогисмомъ. Но естьли бы и при семъ второмъ опытѣ случилась такая предпосылка, которой истина не была бы явна съ перваго взора, то для объясненія и сея истины надлежало бы намъ принять въ помощь третій силлогисмъ. Ибо пока предпосылки подвержены еще сомнѣнію, дотолѣ и основанное на нихъ заключаемое за вѣрное принято быть не можетъ. Но когда наконецъ доходимъ симъ образомъ до такого силлогисма, въ которомъ предпосылки суть очевидныя истины: то разумъ получаетъ совершенное удовлетвореніе, и останавливается приономъ, видя, что разныя заключаемыя, по которымъ онъ проходилъ, утверждаются на неподвижномъ основаніи очевидной вѣрности, и преслѣдованы будучи до самаго ихъ источника, оканчиваются онымъ.

Самое вышшее совершенство силы заключенія показывается въ цѣломъ рядѣ силлогисмовъ.

9. И такъ мы видимъ, что предпосылки особеннаго заключенія должны быть очевидныя истины, когда хотимъ вывести изъ нихъ слѣдствіе. Естьлижъ онѣ не таковы, то требуютъ предварительно другихъ силлогисмовъ; и въ семъ случаѣ заключеніе бываетъ сложнымъ дѣйствіемъ, и содержитъ въ себѣ множество разныхъ одна за другою послѣдующихъ степеней. Сіе часто случается въ изслѣдованіи дальнихъ отношеній идей нашихъ, при которомъ надлежитъ намъ брать въ помощь многія среднія слова, и по тому заключаемое можетъ доказано быть только посредствомъ нѣсколька силлогисмовъ, послѣдующихъ въ связи одинъ за другимъ. Но хотя въ такомъ совокупленіи положеній, положенія составляющія предпосылки послѣдняго силлогисма иногда весьма удалены бываютъ отъ очевидной вѣрности; однакожъ проходя обратно по ряду заключеній, находимъ, что они суть заключаемыя предыдущихъ силлогисмовъ, кото-

рыхъ предпосылки постепенно паче и паче приближаются къ очевиднымъ истинамъ, и напослѣдокъ оканчиваются оными. Выведши симъ образомъ какое либо доказательство, употребляемъ оное въ оборотномъ порядкѣ, и замѣчаемъ, какъ разумъ, начиная съ созерцательныхъ понятій, совокупляетъ ихъ одно съ другимъ, дабы вывести изъ нихъ слѣдствіе; какъ онъ вноситъ сіе слѣдствіе въ другой силлогисмъ, и идетъ далѣе шагъ за шагомъ, употребляя въ семъ ходѣ каждое новое открытіе. Такимъ образомъ наконецъ ясно усматриваемъ, что дѣйствіе заключающей силы въ самой вышшей степени есть порядочная связь простыхъ заключеній, какъ-то уже довольно объяснено. Главное искусство въ разсужденіи онаго состоитъ въ такомъ совокупленіи силлогисмовъ, чтобъ положенія, принимаемыя за предпосылки, были явныя слѣдствія предыдущихъ заключеній. Ибо посредствомъ сего каждое заключаемое выведено будетъ изъ извѣстныхъ и доказанныхъ истинъ; а по тому и самое послѣднее заключаемое въ рядѣ заключеній, сколь бы оный продолжителенъ ни былъ, будетъ имѣть столько же вѣрности, какъ и первыя созерцательныя понятія, съ которыхъ вся цѣпь силлогисмовъ начинается.

Глава II.

О разныхъ родахъ заключеній, и вопервыхъ о томъ, которымъ роды и виды вещей опредѣляемы бываютъ.

Заключенія суть двоякія. 1. Въ предыдущей главѣ старались мы сообщить по возможности ясное понятіе о заключающей силѣ, и о томъ, какимъ образомъ она оказывается. Теперь изслѣдуемъ нѣсколько тѣ свѣдѣнія, которыя мы посредствомъ силы сея получать можемъ, и разсмотримъ, что поставляемъ себѣ главною цѣлію при употребленіи оной. Всѣ цѣли ума человѣческаго вообще могутъ состоять въ слѣдующихъ двухъ: 1) распредѣлять вещи по тѣмъ классамъ общихъ идей, къ которымъ онѣ принадлежатъ; и 2) въ слѣдствіе сего рас-

распредѣленія приписывать имъ различныя ихъ свойства.

Заключенія перваго класса касаются до родовъ и видовъ вещей.

2. И такъ первая главная цѣль ума человѣческаго состоитъ въ опредѣленіи родовъ и видовъ вещей. Въ первой части сего Отдѣленія видѣли мы, какъ разумъ составляетъ общія идеи; во второй же части изслѣдовали, какъ посредствомъ сихъ общихъ идей доходимъ до общихъ положеній. Въ сихъ общихъ положеніяхъ мы утверждаемъ какое либо свойство о какомъ либо родѣ или видѣ; изъ чего явно, что не можемъ относить сего свойства къ особеннымъ предметамъ, не опредѣливъ напередъ, содержатся ли они въ той общей идеѣ, которой сіе свойство приписывается. Напр. находятся нѣкоторыя свойства принадлежащія всѣмъ прямымъ числамъ, однакожъ не можно приписать оныхъ каждому особенному числу, не узнавъ прежде, принадлежитъ ли оно къ роду числъ, означаемому симъ общимъ названіемъ. По сему дѣйствіе заключающей силы начинается съ назначенія разныхъ раздѣленій и классовъ вещей въ лѣствицѣ идей нашихъ. А какъ всѣ сіи раздѣленія различаются особенными названіями: то посредствомъ сего научаемся употреблять слова, означающія общія понятія, относительно къ тѣмъ особеннымъ предметамъ, которые представляются непосредственному нашему разсматриванію.

Способы, которыми доходимъ мы до такихъ заключеній.

3. Для сего вывожденія слѣдствій, посредствомъ котораго распредѣляемъ разные предметы понятій по общимъ названіямъ, потребны два способа. Вопервыхъ надлежитъ разсматривать самую идею, означаемую общимъ названіемъ, и тщательно замѣчать особенные признаки, которыми она отъ другихъ отличается. Вовторыхъ должно сравнивать сію идею съ разсматриваемымъ предметомъ, и примѣчать, въ чемъ они между собою сходствуютъ, или въ чемъ состоитъ ихъ разность. Усмотрѣвъ, что идея съ особеннымъ предметомъ сходствуетъ, безъ усомнѣнія приписываемъ ему общее названіе. Но естьли не находимъ такого сходства, то заклю-

ключеніе необходимо должно быть инаково. Возмемъ въ примѣръ число *восемь*, и разсмотримъ, какъ мы постепенно доходимъ до того, что называемъ его прямымъ числомъ. Вопервыхъ напоминаемъ себѣ понятіе, означаемое выраженіемъ *прямое число*, а именно, что оно есть *такое число, которое можетъ раздѣлено быть на двѣ равныя части.* По томъ сравниваемъ идею сію съ числомъ *восемь*, и находя сходство ихъ, усматриваемъ, что заключеніе должно быть принято. Сіи различныя разсужденія будутъ выражены словами и предложены въ формѣ силлогисма слѣдующимъ образомъ:

Всякое число, которое можетъ раздѣлено быть на двѣ равныя части, есть прямое число.

Число восемь *есть такое число, которое на двѣ равныя части раздѣлено быть можетъ.*

Слѣдовательно число восемь *есть прямое число.*

Великая важность такого заключенія.

4. Хотя такія изслѣдованія, какъ-то кажется, касаются только до наименованія особенныхъ предметовъ общими названіями; однакожъ по сему не должно почитать ихъ маловажными и нестоящими вниманія. Нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ несогласій между людьми, и даже касающіяся до жизни, промысловъ и блаженства человѣческаго, принадлежатъ къ сему классу. Не то ли главное дѣло судилищъ нашихъ, чтобъ въ особенныхъ случаяхъ опредѣлять, чего законъ и справедливость требуютъ? Не весьма ли важно бываетъ во многихъ случаяхъ справедливое рѣшеніе: какъ назвать какое либо дѣло, умышленнымъ ли убійствомъ, или неумышленнымъ нещастнымъ случаемъ? И такъ мы видимъ, что часто самая жизнь и щастіе человѣческое зависитъ отъ сихъ рѣшеній. Причина сего явна. Естьли какія либо дѣла причислены къ общей идеѣ, то все утверждаемое о сей идеѣ и къ нимъ относится; такъ что опредѣленіемъ рода, къ которому дѣла принадлежатъ, опредѣляется купно и то, что они заслуживаютъ, одобреніе ли или опороченіе, честны ли они или поносны. Ибо какъ уже рѣшено, что умышленное убійство заслуживаетъ смертную казнь, то причисливъ какое либо дѣло ко клас-

су такого убійства, необходимо должно будетъ опредѣлить и надлежащую казнь за оное.

5. Объяснивъ достаточно правила, по которымъ распредѣляемъ особенные предметы по общимъ идеямъ, и показавъ сходство оныхъ съ употребленіемъ въ Математикѣ, долженъ я замѣтить еще только то, что истинный способъ къ содѣланію сея части познанія нашего и удобною и вѣрною, состоитъ въ томъ, чтобъ мы привыкали къ яснымъ и опредѣленнымъ идеямъ, и совокупляли бы оныя всегда съ надлежащими названіями. Ибо какъ все намѣреніе наше состоитъ въ томъ, чтобы употреблять надлежащимъ образомъ общія выраженія: то не будемъ имѣть причины опасаться ошибокъ въ заключеніяхъ нашихъ, естьли сіи слова означаютъ непремѣнныя идеи, которыя совершенно свѣдомы разуму и въ представляющихся случаяхъ удобно различаемы быть могутъ. Положимъ, что изслѣдуя какой либо предметъ, и обращая вниманіе съ одной его части на другую, мы узнали разныя обстоятельства, которыя въ ономъ замѣтить надлежало. Естьли между сими обстоятельствами находимъ обстоятельства составляющія какую либо общую идею, еще прежде понятую и утвержденную разумомъ, или означенную нѣкоторымъ особеннымъ названіемъ: то симъ примѣченнымъ сходствомъ необходимо опредѣлено будетъ, какого рода сей предметъ; а по тому и названіе сего рода къ нему приложено быть можетъ. Напр. четыре равныя стороны, прямоугольно между собою совокупленныя, составляютъ понятіе *квадрата*. Понеже сіе есть опредѣленное и непремѣнное понятіе, безъ котораго общее названіе употребляемо быть не можетъ: то мы не называемъ никакой фигуры *квадратомъ* прежде, нежели усмотримъ, что она имѣетъ разныя сіи свойства; нашедшижъ что фигура имѣетъ сіи свойства, необходимо приписываемъ ей названіе *квадрата*.

Опредѣленныя и непремѣнныя идеи, купно съ употребленіемъ одинакихъ словъ, служатъ къ содѣланію сея части познанія и удобною и вѣрною.

6. И такъ мы видимъ, сколь важно для увеличенія и вѣрности познанія человѣческаго

Посредствомъ сего

при-

метода вѣрность и доказательность, свойственныя Математикѣ, могутъ сообщены быть и другимъ частямъ познанія.

привыкать къ яснымъ и опредѣленнымъ идеямъ и къ надлежащему употребленію словъ. Пріобрѣтеніе сего навыка не столь легко, какъ можетъ быть многимъ кажется; ибо оно требуетъ и пространнаго разума, и великой способности владѣть вниманіемъ своимъ, для назначенія идеямъ точныхъ предѣловъ, естьли оныя весьма сложны и содержатъ въ себѣ множество особенныхъ обстоятельствъ. Даже и по назначеніи сихъ предѣловъ, нужны еще нѣкоторая скорость мыслей и обширность разума для приложенія вниманія ко всѣмъ разнымъ частямъ, такъ, чтобъ при сравненіи идей ни одна изъ нихъ не была пропущена. Однако сіи затрудненія не должны лишать насъ бодрости. Хотя они велики, но преодолѣны быть могутъ, и трудъ нашъ можетъ достаточно награжденъ быть выгодами щастливаго успѣха. Вѣрность и удобное употребленіе математическихъ наукъ должны быть приписаны точному наблюденію сего правила; и я почти увѣренъ, что прилагая ко всѣмъ идеямъ нашимъ такоежъ раченіе, какое Математики употребляютъ при числахъ и величинахъ, совокупляя оныя одни съ другими съ величайшею точностію, и различая сіи совокупленія особенными названіями, посредствомъ такого раченія вскорѣ были бы мы въ состояніи сообщать и другимъ частямъ познанія человѣческаго вѣрность и доказательность.

Глава III.

О заключеніяхъ касающихся до силъ и свойствъ вещей и до отношеній общихъ идей.

Раздѣленіе заключеній, касающихся до наукъ, или до общежитія.

1. Теперь приступаемъ мы ко второй главной цѣли заключеній человѣческихъ, а именно, чтобъ открывать разныя свойства вещей и приписывать имъ оныя. При семъ нужно будетъ положить различіе между заключеніями касающимися до наукъ, и касающимися до об-

общежитія. Въ наукахъ главной предметъ разума суть общія истины; ибо только посредствомъ ихъ распространяются предѣлы познанія человѣческаго. Отъ сего происходитъ раздѣленіе вещей на разные классы, называемые родами и видами. Ибо какъ сіи общія понятія принимаемы за представленія многихъ особенныхъ вещей, то все сказызаемое объ нихъ можетъ сказано быть и о всѣхъ нераздѣльныхъ вещахъ, къ нимъ принадлежащихъ. Напр. *убійство* есть общая идея, представляющая нѣкоторый родъ дѣлъ человѣческихъ. Умъ нашъ сказываетъ, что оно заслуживаетъ *казнь смертную*. Почему и всякому особенному дѣлу, принадлежащему къ понятію убійства, присвоиваемъ смертную казнь. Дѣлая сіе, мы прилагаемъ общую истину къ нѣкоторымъ представляющимся случаямъ, что собственно и составляетъ заключеніе въ общежитіи. Ибо люди въ обыкновенныхъ дѣлахъ своихъ и общественномъ обращеніи должны бываютъ заниматься по большей части особенными предметами. Друзья наши и родственники, ихъ нравъ и поведеніе, качество разныхъ окружающихъ насъ тѣлъ, и то, къ чему оныя нами употребляемы быть могутъ, суть главные предметы нашего вниманія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ заключенія наши касаются до особенныхъ вещей, и все слѣдствіе нашихъ заключеній состоитъ въ томъ, что мы прилагаемъ общія истины, содержащіяся въ наукахъ, къ обыкновеннымъ житейскимъ дѣламъ. Увидѣвъ змѣю, убѣгаемъ отъ нее. Когда намъ надобно бываетъ сильное дѣйствіе воды для приведенія въ движеніе какого либо тяжелаго тѣла, то мы стараемся подвести ее къ сему предмету такъ, чтобъ она упадала на него съ быстрымъ стремленіемъ. Все сіе дѣлаемъ мы по обыкновенному и удобному употребленію слѣдующихъ двухъ общихъ истинъ: *уязвленіе змѣи смертельно*; *вода упадая на какое нибудь тѣло съ быстрымъ стремленіемъ, можетъ силою привести оное въ движеніе*. Также когда мы разсматриваемъ какой либо характеръ, дабы опредѣлить, похвалу ли или опороченіе онъ заслуживаетъ: то и въ семъ случаѣ главное стараніе наше клонится къ точному опредѣленію отношенія добродѣтели и по-

ро-

рока. Причина сего явна. Вѣрное опредѣленіе во всѣхъ такихъ случаяхъ зависитъ отъ употребленія слѣдующихъ общихъ моральныхъ основательныхъ положеній: *добрыя дѣла заслуживаютъ похвалу; порочныя дѣла заслуживаютъ хулу.*

Постепенный ходъ нашъ въ заключеніяхъ нашехъ въ общежитіи.

2. Изъ сего явно, что заключеніе касающееся до общежитія есть не иное что, какъ приписываніе общихъ свойствъ разнымъ предметамъ, которыми мы непосредственно занимаемся, когда находимъ, что сіи предметы принадлежатъ къ тому особенному отдѣлу, или классу, который имѣетъ сіи свойства. Мы дѣлаемъ сіе обыкновенно слѣдующимъ порядкомъ: вопервыхъ относимъ подлежащій разсматриванію предметъ къ какой либо общей идеѣ, или классу вещей; по томъ разсматриваемъ вкупѣ разныя свойства сея общей идеи; наконецъ приписываемъ всѣ сіи свойства настоящему предмету. Напр. разсматривая характеръ Семпронія, и находя, что онъ принадлежитъ къ роду людей называемыхъ *добродѣтельными*; при томъ же разсуждая, что добродѣтельный человѣкъ заслуживаетъ почтеніе: непринужденно и удобно выводимъ изъ сего то слѣдствіе, что и Семпроній почтеніе заслуживаетъ. Для показанія потребной къ сему формы заключенія, составимъ изъ сихъ мыслей слѣдующій силлогисмъ:

Всякой добродѣтельный человѣкъ заслуживаетъ почтеніе.

Семпроній добродѣтельный человѣкъ.

Слѣдовательно Семпроній заслуживаетъ почтеніе.

Связь и отношеніе между двумя важными частями заключеній.

3. Изъ сего силлогисма явно, что прежде, нежели будемъ утверждать что нибудь о какомъ либо предметѣ, надлежитъ сравнить сей предметъ съ какою либо общею идеею. Мы утверждаемъ о Семпроніи, что онъ заслуживаетъ почтеніе, по тому только, что онъ добродѣтельный человѣкъ, или по тому, что онъ принадлежитъ къ сему общему понятію. Изъ сего видимъ нужную связь разныхъ частей заключеній и взаимное ихъ отношеніе. Опредѣленіе *родовъ* и *видовъ* вещей, какъ-

какъ-то уже выше сего сказано, есть упражненіе ума человѣческаго. Также видимъ теперь, что сіе упражненіе въ порядкѣ есть первое и предшествуетъ другому, состоящему въ приписываніи вещамъ силъ ихъ, свойствъ и отношеній. Но сдѣлавъ сей первой шагъ, и подведши особенные предметы подъ общія названія, непремѣнно должны мы, для удачнаго успѣха въ сей части познанія, узнавать разныя отношенія и свойства сихъ общихъ идей; ибо свойства приписываемыя предметамъ суть не иныя, какъ свойства общей идеи. Послѣ сего другое будетъ уже легко, и не требуетъ почти ни малаго напряженія мыслей, по тому, что состоитъ только въ употребленіи общей формы заключеній, представленной въ предыдущемъ силлогисмѣ. Мы достаточно уже показали, что надлежитъ намъ дѣлать при опредѣленіи родовъ и видовъ вещей, въ чемъ, какъ то уже упомянуто, состоитъ первой шагъ къ сему второму отдѣлу познанія человѣческаго. И такъ, для надлежащаго объясненія онаго, нужно еще сообщить только нѣкоторыя разсужденія, касающіяся до того, какимъ образомъ можемъ изслѣдовать общія отношенія идей нашихъ. Сіе есть самое вышшее употребленіе силъ разума нашего. Посредствомъ онаго доходимъ до открытія общихъ истинъ; и выводимыя симъ образомъ слѣдствія составляютъ особенный родъ заключеній, касающихся до наукъ, какъ-то уже выше сего сказано.

Отъ желающаго имѣть успѣхъ въ заключеніяхъ требуются двѣ вещи.

4. Для расположенія мыслей нашихъ по нѣкоторому порядку и методу, замѣтимъ сперва, что отношенія общихъ идей нашихъ двояки: нѣкоторыя открываются сами собою, какъ скоро идеи бываютъ сравнены; а другія, по большей отдаленности ихъ, требуютъ искусства и остроумія, чтобъ могли быть усмотрѣны. Отношенія перваго рода доставляютъ намъ созерцательныя и очевидныя истины. Отношенія втораго рода открываются посредствомъ заключеній и надлежащаго употребленія среднихъ идей. Мы говоримъ здѣсь о сихъ послѣднихъ, по тому, что самое нужное объ отношеніяхъ перваго рода сказано уже

во второй книгѣ сего Отдѣленія. При изслѣдованіи дальнѣйшихъ отношеній вещей мы всегда должны бываемъ принимать въ помощь нѣкоторыя среднія идеи; и чѣмъ точнѣе свѣдомы намъ сіи идеи, и чѣмъ искуснѣе умѣемъ употреблять ихъ, тѣмъ болѣе успѣха въ изслѣдованіяхъ получаемъ. Изъ сего явно, что для удачнаго успѣха въ заключеніяхъ паче всего потребны двѣ вещи: вопервыхъ, обильное знаніе тѣхъ среднихъ идей, посредствомъ которыхъ можно сравнивать вещи; вовторыхъ, искусство и способность къ удачному употребленію оныхъ во всякихъ особенныхъ случаяхъ.

1) Обильное знаніе среднихъ идей.

5. Вопервыхъ, говорю я, для удачнаго успѣха въ заключеніяхъ, надлежитъ намъ имѣть обильное знаніе тѣхъ среднихъ идей, посредствомъ которыхъ вещи сравниваемы быть могутъ. Ибо не всякое понятіе соотвѣтствуетъ намѣреніямъ изслѣдованій нашихъ, но только тѣ понятія, которыя ближе прочихъ къ разсматриваемымъ нами предметамъ, и которыя надлежитъ только сравнить съ сими предметами, чтобъ открыть ясныя и вѣрныя истины Слѣдовательно чѣмъ болѣе разныхъ понятій разматривать будемъ, тѣмъ вѣрнѣе найдемъ между ими такія, которыя могутъ способствовать къ открытію искомыхъ истинъ. И въ самомъ дѣлѣ опытъ подтверждаетъ то, что сила заключенія тѣмъ паче возрастаетъ, чѣмъ болѣе распространяется познаніе вещей, и чѣмъ болѣе увеличивается множество свѣдомыхъ намъ предметовъ. Ибо распространяя кругъ познанія нашего, доставляемъ разуму нѣкоторую способность и проницательность, по тому, что онъ привыкъ изслѣдовать и замѣчать идеи свои въ разныхъ видахъ, какъ одна идея другою болѣе объяснена быть можетъ.

2) Искусство въ удачномъ употребленіи среднихъ идей въ особенныхъ случаяхъ.

6. Вовторыхъ для удачнаго успѣха въ заключеніяхъ потребны искусство и природная способность къ удачному употребленію среднихъ идей во всякихъ особенныхъ случаяхъ. Я не хочу тратить времени на предписаніе правилъ въ разсужденіи сего; ибо я думаю, что сіи правила принесли бы весьма мало

поль-

пользы. Упражненіе и опытъ въ семъ случаѣ суть самые лучшіе учители; и хотя Логики хвалятся, что они книгами своими и правилами могутъ сообщать навыкъ въ вѣрномъ заключеніи; однакожъ опытъ показываетъ, что изученіе правилъ ихъ не весьма способствуетъ къ увеличенію силъ разума. Короче сказать, одно только упражненіе доставляетъ намъ искусство и навыкъ въ заключеніяхъ. Слѣдовательно надежное средство къ полученію сея способности состоитъ въ томъ, чтобъ часто заниматься тѣми науками, которымъ искусство заключенія въ самомъ большемъ совершенствѣ свойственно. По сей причинѣ Древніе, знавшіе весьма хорошо правила къ образованію разума служащія, всегда начинали оное съ Математики, какъ съ основанія Философскихъ наукъ. Въ Математикѣ разумъ постепенно привыкаетъ къ истинѣ, непримѣтно получаетъ нѣкоторую склонность къ ней, и научается принимать за вѣрныя только такія положенія, которыхъ ясность совершенное увѣреніе произвести можетъ. Платонъ называлъ математическія доказательства *очищеніемъ души*, по тому, что они служатъ удобнымъ средствомъ къ выведенію души изъ заблужденій, и къ возвращенію ей природнаго употребленія силъ ея, въ которомъ состоитъ дѣйствованіе мыслящей способности. Всякой довольно знающій Математику легко согласится со мною въ томъ, что ни въ какой иной наукѣ не можно найти столько примѣровъ удачнаго выбора среднихъ идей и искуснаго употребленія оныхъ къ открытію истины и къ распространенію познанія.

Глава IV.

О формахъ силлогисмовъ.

1. Доселѣ занимались мы только общимъ понятіемъ силлогисмовъ и частей ихъ. Но теперь надлежитъ намъ изслѣдовать сію матерію нѣсколько обстоятельнѣе, дабы узнать разные роды оныхъ, и объяснить правила заключенія, каждому (Фигуры силлогисмовъ.)

роду особенно свойственныя. Въ силлогисмахъ, приведенныхъ нами въ предыдущей главѣ, примѣчаемъ, что *среднее слово* составляетъ *подлежащее верхняго* и *сказуемое нижняго положенія*. Хотя сей порядокъ есть самой естественный и обычный, однакожъ не непремѣнный; ибо часто случается, что среднее слово въ обѣихъ предпосылкахъ составляетъ подлежащее или сказуемое; иногдажъ и совсѣмъ въ противномъ помянутому порядкѣ, бываетъ оно сказуемымъ въ *верхнемъ положеніи* и подлежащимъ въ *нижнемъ*. Отъ сего происходитъ раздѣленіе силлогисмовъ на разные роды, называемые у Логиковъ *фигурами*. Ибо *фигура*, по ихъ способу выраженія, есть не иное что, какъ порядокъ и мѣсто *средняго слова* въ силлогисмѣ. А какъ оно можетъ помѣщено быть четырью различными образами, то и происходитъ отъ сего только четыре фигуры. Естьли *среднее слово* бываетъ подлежащимъ *верхняго* и сказуемымъ *нижняго положенія*: сіе называется *первою фигурою*. Естьли оно въ обѣихъ предпосылкахъ есть сказуемое: то называется силлогисмомъ *второй фигуры*. Въ *третіей фигурѣ* среднее слово составляетъ подлежащее обѣихъ предпосылокъ. Наконецъ, естьли оно составляетъ сказуемое *верхняго* и подлежащее *нижняго положенія*: отъ того происходитъ силлогисмъ *четвертой* фигуры.

Виды (modi) силлогисмовъ.

2. Кромѣ сихъ четырехъ классовъ заключеній, находится еще дальнѣйшее раздѣленіе оныхъ въ каждой фигурѣ, происходящее отъ количества (quantitas) и *качества* (qualitas) положеній. Подъ названіемъ *количества* положеній разумѣется то, общія ли они суть, или частныя; а подъ названіемъ *качества*, утвердительныя ли, или отрицательныя. А какъ положенія, изъ которыхъ силлогисмы состоятъ, при всякомъ помѣщеніи средняго слова могутъ быть или общія или частныя, утвердительныя или отрицательныя: то вѣрное опредѣленіе ихъ и совокупленіе по правиламъ заключенія составляетъ называемое у Логиковъ *видами* (modi) силлогисмовъ. Во всякой фигурѣ находится опредѣленное число такихъ *видовъ*, въ которыхъ содержатся всѣ возможные *случаи*, показывающіе, какъ могутъ

сово-

совокупляемы быть различныя по количеству и качеству своему положенія, при всякомъ помѣщеніи средняго слова, дабы произошло изъ того правильное заключеніе. Но краткость сея книги не позволяетъ мнѣ сообщить обстоятельнаго описанія сихъ различныхъ раздѣленій.

3. Раздѣленіе силлогисмовъ по видамъ и фигурамъ касается особенно только до извѣстныхъ подъ названіемъ простыхъ силлогисмовъ, то есть ограничивающихся тремя положеніями, которыя всѣ суть простыя, и въ которыхъ главныя слова и среднее слово совокуплены по предписаннымъ выше сего правиламъ. Однако разумъ не привязывается неотлучно ни къ какой формѣ заключеній, но употребляетъ иногда болѣе, иногдажъ менѣе предпосылокъ, и часто принимаетъ въ помощь себѣ сложныя и условныя положенія; по чему не безполезно будетъ сообщить свѣдѣніе о различныхъ родахъ силлогисмовъ, происходящихъ изъ сего источника, и опредѣлить правила, которымъ разумъ въ употребленіи оныхъ слѣдуетъ. Основаніе другаго раздѣленія силлогисмовъ.

4. Силлогисмъ, въ которомъ верхнее положеніе есть условное, называется также *условнымъ* силлогисмомъ (ſyllogiſmus hypotheticus, ſ. conditionalis). Напр. Условные силлогисмы.

Ежели Богъ есть, то должно почитать Его.
Богъ есть.
Слѣдовательно почитать Его должно.

Въ семъ примѣрѣ верхнее положеніе, какъ то видимо, есть условное; по чему и самый силлогисмъ принадлежитъ къ роду силлогисмовъ, называемыхъ условными. При семъ надлежитъ замѣтить, что всѣ условныя положенія состоятъ изъ двухъ частей. Въ одной части выражается то условіе, съ которымъ сказуемое подлежащему приписываемо бываетъ, какъ-то въ семъ примѣрѣ: *ежели Богъ есть.* Вторая часть совокупляетъ или раздѣляетъ сказуемое съ подлежащимъ; напр. *то должно почитать Его.* Первая часть, или содержащая въ себѣ условіе, называется *предыдущимъ членомъ* (antecedens);

а вторая, вЪ которой сказуемое и подлежащее совокупляемы или раздѣляемы бываютЪ, называется *послѣдующимЪ членомЪ* (consequens).

Основаніе заключенія вЪ условныхЪ силлогисмахЪ.

5. Опредѣливъ сіе, надлежитЪ намЪ еще замѣтить, что во всѣхЪ такихЪ положеніяхЪ, предложенныхЪ вЪ надлежащей формѣ, отношеніе между предыдущимЪ и послѣдующимЪ членомЪ всегда должно быть совершенно вѣрное отношеніе; т. е. предыдущій членЪ долженЪ всегда содержать вЪ себѣ вѣрное и истинное условіе, сЪ которымЪ послѣдующему члену утверждаему быть надлежитЪ. Ибо вЪ противномЪ случаѣ самое положеніе было бы ложно, и по тому не могло бы употребляемо быть вЪ заключеніяхЪ. ИзЪ сего слѣдуетЪ, что принявЪ условное положеніе, и соглашаясь на предыдущій членЪ онаго, необходимо должны мы купно согласиться и на послѣдующій; а отвергая послѣдующій членЪ, равнымЪ образомЪ принуждены бываемЪ отвергать и предыдущій. Ибо какЪ предыдущій членЪ всегда выражаетЪ вѣрное условіе, непремѣнно заключающее вЪ себѣ истину послѣдующаго члена: то соглашаясь на предыдущій членЪ, принимаемЪ сіе условіе, по чему должны согласиться и на послѣдующій. РавнымЪ образомЪ, естьли послѣдующій членЪ надлежитЪ отвергнуть, то и предыдущій необходимо отверженЪ быть долженЪ: по тому, что соглашаясь на предыдущій членЪ, принуждены бываемЪ согласиться и на послѣдующій, какЪ то теперь доказано.

Два рода условныхЪ заключеній.

6. ИзЪ сказаннаго нами доселѣ явно, что вЪ *условныхЪ* силлогисмахЪ находятся два рода заключенія, ведущаго кЪ вѣрному и необходимому слѣдствію. Ибо какЪ верхнее положеніе всегда бываетЪ условное положеніе, состоящее изЪ предыдущаго и послѣдующаго члена: то соглашаясь вЪ нижнемЪ положеніи на предыдущій членЪ, должно вЪ заключаемомЪ согласиться на послѣдующій. Сіе называется заключеніемЪ постановленія послѣдующаго члена по постановленію предыдущаго, и составляетЪ родЪ условныхЪ заключеній, называемый вЪ училищахЪ *постановительтель-*

тельнымъ видомъ (modus ponens) по тому, что онымъ все условное положеніе, т. е. и предыдущій и послѣдующій членъ, бываетъ утверждаемо. Напр.

Естьли Богъ правосуденъ, то Онъ долженъ за добро награждать, а за зло наказывать.

Богъ правосуденъ.

Слѣдовательно Онъ долженъ за добро награждать, а за зло наказывать.

Въ семъ примѣрѣ видимъ мы, что предыдущій членъ, или первая часть условнаго положенія, утверждается въ нижнемъ положеніи, а послѣдующій членъ, или другая часть, въ заключаемомъ; по чему сей силлогисмъ служитъ примѣромъ заключеній *постановительнаго вида.* Но естьли послѣдующій членъ въ нижнемъ положеніи отвергается, то и предыдущій долженъ быть отвергаемъ въ заключаемомъ. Въ семъ случаѣ заключаемъ мы, какъ говорится, отрицаніе предыдущаго члена по отрицанію послѣдующаго; и происходящій отъ того особенный родъ силлогисмовъ называется у Логиковъ *отрицательнымъ видомъ* (modus tollens), ибо въ немъ и предыдущій и послѣдующій членъ отрицаемы, или отвергаемы бываютъ, какъ то изъ слѣдующаго примѣра усмотрѣть можно.

Естьлибъ Богъ не имѣлъ попеченія о блаженствѣ тварей своихъ, то Онъ былъ бы существо несовершенное.

Но какъ не возможно утверждать, что Богъ есть существо несовершенное:

Слѣдовательно не возможно утверждать и того, что Богъ не имѣетъ попеченія о тваряхъ своихъ.

Они содержатъ въ себѣ всѣ возможные вѣрные способы заключенія.

7. Сіи два рода содержатъ въ себѣ весь классъ условныхъ силлогисмовъ и всѣ возможные способы заключенія, служащіе къ выведенію вѣрнаго заключаемаго; по тому, что въ нихъ не можемъ мы заключать противнымъ образомъ, т. е. заключать отрицаніе послѣдующаго члена по отрицанію предыдущаго, или по постановленію послѣдующаго постановленіе предыдущаго. Ибо хотя въ предыдущемъ членѣ всегда выражается подлинное условіе, съ которымъ послѣдующій необходимо

принять должно; однако изъ сего не слѣдуетъ еще, чтобъ не могло быть никакого инаго условія; и послѣдующій членъ можетъ утверждаемъ быть по какому либо иному условію, изъ котораго онъ слѣдуетъ, хотя бы предыдущій членъ и былъ отрицаемъ. Напр. *Естьли камень нѣсколько времени подверженъ бываетъ лучамъ солнечнымъ, то получаетъ нѣкоторую степень теплоты*: сіе положеніе истинно, и соглашаясь въ немъ на предыдущій членъ, мы должны согласиться и на послѣдующій. Но какъ находятся еще иныя средства къ доставленію камню нѣкоторой теплоты, то не слѣдуетъ, что безъ помянутаго условія утверждаемое въ послѣдующемъ членѣ быть не можетъ. Или другими словами сказать, мы не можемъ заключать такъ: *камень не былъ подверженъ солнечнымъ лучамъ: слѣдовательно и теплоты не получилъ*; ибо находится еще много иныхъ средствъ къ сообщенію камню теплоты. Равнымъ образомъ по истинѣ послѣдующаго члена не можно заключать истины предыдущаго. Ибо какъ послѣдующій членъ можетъ слѣдовать изъ многихъ разныхъ условій, то соглашаясь на оный, мы не опредѣляемъ самаго того условія, которое въ предыдущемъ членѣ означено, но утверждаемъ только, что надлежитъ быть какому либо условію. Напр. въ приведенномъ выше сего положеніи: *естьли камень подверженъ бываетъ солнечнымъ лучамъ, то получаетъ нѣкоторую степень теплоты*: соглашаясь на послѣдующій членъ, т. е. что *камень получилъ нѣкоторую степень теплоты*, не бываемъ принуждены чрезъ то согласиться на предыдущій членъ, или заключить, что *камень былъ нѣсколько времени подверженъ солнечнымъ лучамъ*; ибо сія теплота можетъ происходить отъ многихъ иныхъ причинъ. И такъ оба сіи способа заключенія въ условныхъ силлогисмахъ употребляемы быть не могутъ. Правда, естьли предыдущій членъ содержитъ въ себѣ такое условіе, съ которымъ однимъ только послѣдующій утверждаемъ быть можетъ, въ такомъ случаѣ можно съ вѣрностію употреблять оные способы заключенія; ибо мы знаемъ, что безъ сего самаго условія не могъ бы утверждаемъ быть послѣдующій членъ, и по тому имѣемъ причину

чину заключать отрицаніе одного по отрицанію другаго; естьлижЪ последующій членЪ неоспоримЪ, то и условіе верно должно быть неоспоримо; изЪ чего явно, что соглашаясь на последующій членЪ, утверждаемЪ купно и предыдущій. Однако такіе случаи весьма редки, такЪ что не можно составить изЪ нихЪ общаго правила. Следовательно, кроме означенныхЪ выше сего двухЪ способовЪ, не находится инаго твердаго и общаго основанія заключеній.

8. ОтЪ условнаго положенія, составляющаго предпосылку, происходитЪ условный силлогисмЪ: равнымЪ образомЪ, естьли верхнее положеніе вЪ силлогисме разделительное, то и силлогисмЪ называется *разделительнымЪ* (disjunctivus). Напр. **КакимЪ образомЪ делаются заключенія вЪ разделительныхЪ силлогисмахЪ.**

МірЪ либо произошелЪ самЪ собою, либо сотворенЪ существомЪ имеющимЪ конецЪ, либо существомЪ безконечнымЪ.

Но какЪ онЪ не самЪ собою произошелЪ, и не сотворенЪ существомЪ имеющимЪ конецЪ:

Следовательно онЪ сотворенЪ существомЪ безконечнымЪ.

Разделительное положеніе есть то, вЪ которомЪ мы утверждаемЪ, что изЪ многихЪ сказуемыхЪ которое либо одно необходимо должно приписано быть подлежащему сЪ исключеніемЪ всехЪ прочихЪ, однакожЪ не определяемЪ сего сказуемаго. ИзЪ сего следуетЪ, что какЪ скоро одно собственное сказуемое будетЪ определено, все прочія необходимо должны быть отвержены; или когда все сказуемыя кроме одного будутЪ отвержены, сіе одно оставшееся необходимо должно быть принято. И такЪ, естьли вЪ разделительномЪ силлогисме верхнее положеніе содержитЪ вЪ себе разныя сказуемыя, а вЪ нижнемЪ одно изЪ нихЪ бываетЪ утверждено, то вЪ заключаемомЪ все прочія должны быть отрицаемы; или естьли вЪ нижнемЪ положеніи все сказуемыя кроме одного бываютЪ отрицаемы, то вЪ заключаемомЪ сіе одно должно быть утверждено. Напр. вЪ верхнемЪ положеніи приведеннаго выше сего разделительнаго силлогисма сказано, что

одно изъ трехъ сказуемыхъ, относящихся къ *міру*, должно приписано быть оному, т. е., что онъ либо *самъ собою произошелъ*, либо *сотворенъ существомъ имѣющимъ конецъ*, либо *сотворенъ существомъ безконечнымъ*. Въ нижнемъ положеніи два изъ сихъ сказуемыхъ, а именно, что *міръ произошелъ самъ собою*, или что *онъ сотворенъ существомъ имѣющимъ конецъ*, отрицаемы; по чему въ заключаемомъ третіе сказуемое необходимо утверждается, и мы говоримъ, что міръ долженъ быть твореніе безконечнаго существа. Естьлижъ мы дадимъ сему силлогисму иной оборотъ, и въ нижнемъ положеніи будемъ утверждать одно изъ трехъ сказуемыхъ, говоря, что міръ *есть дѣло существа безконечнаго*: то въ заключаемомъ должно будетъ отрицать два прочія сказуемыя, и сказать, что онъ *ни самъ собою не произошелъ*, *ни произведенъ существомъ имѣющимъ конецъ*. Симъ двоякимъ образомъ дѣлаются заключенія въ семъ родѣ силлогисмовъ. Вѣрность оныхъ явна съ перваго взора, и самое свойство раздѣлительнаго положенія показываетъ, что такихъ заключеній инымъ образомъ дѣлать не можно.

Энтимемы. 9. Находятся еще сокращенные силлогисмы, не имѣющіе одной которой либо предпосылки, ибо оная весьма удобно присовокуплена быть можетъ, и по тому кажущіеся несовершенными. Такіе силлогисмы называются *энтимемами*, и случаются весьма часто, особливожъ въ простомъ разговорѣ. Они имѣютъ нѣкоторую отмѣнную пріятность, по тому, что не предлагая слушателю всѣхъ частей доказательства, оставляютъ нѣчто упражненію и изобрѣтенію собственнаго его разума. Онъ получаетъ случай къ дѣйствованію, и какъ бы принимаетъ участіе въ открытіи предлагаемаго ему. По чему великое искусство хорошаго слога состоитъ въ такомъ составленіи мыслей, чтобъ онѣ доставляли воображенію читателя полное упражненіе, и непримѣтно вели бы его къ нашимъ разсужденіямъ и ко связи заключеній нашихъ. Симъ производимо бываетъ удовольствіе, подобное тому, какое сочинитель при сочиненіи чувствуетъ. Также энтимемы служатъ къ сокращенію предлагаемаго, и сообщаютъ доказательствамъ нѣкоторую си-

лу и живость, естьли слов , которыми онѣ выражены, способствуютъ естественной быстротѣ разума въ дѣйствіяхъ его, и естьли одно выраженіе представляетъ цѣлой рядъ мыслей.

10. Но также находится еще родъ заключеній, состоящихъ только изъ двухъ положеній и кажущихся совершенными, въ которыхъ мы принимаемъ заключаемое, не предполагая умалчиваемаго или выпущеннаго разсужденія, изъ котораго бы оное слѣдовало. Сіе случается при такихъ положеніяхъ, которыя совокуплены одно съ другимъ такъ, что не возможно согласиться на одно изъ нихъ, не согласившись купно и на другое. Ибо естьли то положеніе, на которомъ другое основывается, очевидно вѣрно: въ такомъ случаѣ мы дѣлаемъ не иное что, какъ только его утверждаемъ, а другое непосредственно изъ него выводимъ. Напр. соглашаясь на какое либо общее положеніе, мы принуждены согласиться и на всѣ частныя положенія, въ немъ содержащіяся; ибо самое сіе обстоятельство и составляетъ общее положеніе. И такъ естьли сіе общее положеніе есть очевидно вѣрное, то частныя положенія непремѣнно слѣдуютъ изъ онаго безъ посредства другихъ заключеній. Напр. соглашаясь, что *двѣ вещи равныя третіей и между собою равны*, надлежитъ купно согласиться и на то, что *два тріугольника, изъ которыхъ каждой равенъ такому квадрату, котораго стороны содержатъ въ себѣ по три дюйма, равны одинъ другому*.

Основаніе метода заключенія чрезъ непосредственное выведеніе слѣдствій.

11. Выводя одно положеніе изъ другаго по извѣстной и явной ихъ связи, во всякомъ случаѣ называемъ сіе заключеніемъ чрезъ *непосредственное выведеніе слѣдствій*. Такая очевидная съ перваго взора и сама собою разуму представляющаяся связь положеній случается при заключеніяхъ весьма часто. Логики опредѣлили съ нѣкоторою подробностію разныя условія, касающіяся до сея связи, и соглашаются на всѣ непосредственныя слѣдствія, какія изъ сихъ обстоя-

Всѣ такія заключенія могутъ превращаемы быть въ какую нибудь форму силлогисмовъ.

обстоятельствѣ выведены быть могутѣ. Однако примѣчанія достойно то, что такія заключенія можно принимать за подлинныя *энтимемы*, или *сокращенные силлогисмы*, которымѣ недостаетѣ *первой предпосылки*, состоящей изѣ условнаго положенія, хотя они и кажутся полными, по тому, что заключаемое изѣ одного предыдущаго положенія непремѣнно слѣдуетѣ. Послѣднее приведенное нами вѣ примѣрѣ заключеніе можетѣ выражено быть слѣдующимѣ образомѣ:

Естьли двѣ вещи, равныя третіей, равны между собою: то и сіи треугольники, изѣ которыхѣ каждый равенѣ такому квадрату, котораго стороны содержатѣ вѣ себѣ по три дюйма, равны одинѣ другому.

Двѣ вещи, равныя третіей, между собою равны.

Слѣдовательно и сіи треугольники, и пр., *равны одинѣ другому.*

Во всякомѣ непосредственномѣ выведеніи слѣдствій можно усмотрѣть вѣрность сего замѣчанія; и такія заключенія суть не иное что, какѣ сокращенные условные силлогисмы. Но они отличаются отѣ прочихѣ условныхѣ силлогисмовѣ тѣмѣ, что вѣ нихѣ основаніе заключаемаго, то есть связь его сѣ нижнимѣ положеніемѣ, само собою явно, и кажется непосредственно слѣдующимѣ изѣ правилѣ и основаній Логики. А понеже очевидную связь указывать не нужно, то верхнее положеніе, котораго цѣль собственно есть сіе указаніе, всякой разѣ вѣ такомѣ случаѣ выпускается, и даже кажется толь не нужнымѣ для приданія силлогисму силы, что обыкновенно и не почитаютѣ оное частію заключенія. Но вѣ разсужденіи представленнаго нами вѣ примѣрѣ непосредственнаго выведенія слѣдствій надлежитѣ согласиться, что оно могло бы превращено быть и вѣ простой силлогисмѣ, равно какѣ вѣ условный.

Цѣпное заключеніе, состоящее изѣ простыхѣ

12. Теперь слѣдуетѣ замѣтить здѣсь родѣ заключеній, извѣстныхѣ подѣ названіемѣ *цѣпныхѣ заключеній* (forites). Заключенія сего рода суть такія совокупленія разныхѣ положеній,

женій, въ которыхъ сказуемое одного положенія служитъ подлежащимъ другому, за нимъ послѣдующему; отъ чего наконецъ происходитъ заключаемое, въ которомъ подлежащее перваго положенія и сказуемое послѣдняго совокупляются. Напр. силлогисмовъ.

Богъ всемогущъ.

Всемогущее существо можетъ дѣлать все, что только возможно.

Кто можетъ дѣлать все, что только возможно, тотъ можетъ дѣлать все не содержащее въ себѣ противорѣчія.

Слѣдовательно Богъ можетъ дѣлать все не содержащее въ себѣ противорѣчія.

Такое совокупленіе положеній можно продолжать сколько надобно, не ослабляя тѣмъ ни мало основанія, на которомъ заключаемое утверждается; ибо цѣпное заключеніе можетъ раздроблено быть на столько простыхъ силлогисмовъ, сколько въ немъ среднихъ словъ находится. Сдѣлавъ же такое раздробленіе, и поставивъ заключаемыя по порядку, во всякомъ случаѣ можно усмотрѣть, что заключаемое послѣдняго въ семъ порядкѣ силлогисма составляетъ и заключаемое цѣпнаго заключенія. И такъ, понеже заключенія сего рода служатъ къ совокупленію разныхъ силлогисмовъ въ одинъ, то они должны имѣть одинакое основаніе съ тѣми заключеніями, изъ которыхъ состоятъ, и въ самомъ дѣлѣ суть не иное что, какъ сокращенный способъ доказательства посредствомъ силлогисмовъ. А какъ всѣ неусловныя положенія могутъ превращаемы быть въ условныя: то явно, что и приведенное выше сего цѣпное заключеніе можно превратить въ условное.

13. Теперь приступаю я къ роду заключеній, называемыхъ у Логиковъ *индукціею.* Для надлежащаго объясненія онаго нужно замѣтить, что общія идеи наши по большей части способны ко многимъ раздѣленіямъ. Идея самаго нижшаго вида можетъ раздѣлена быть на разныя нераздѣльныя вещи; идея рода на разные виды, въ ней содержащіеся, и т. д. Естьли сіе раздѣленіе вѣрно, такъ Основаніе заключенія посредствомъ индукціи.

что

что содержитъ въ себѣ раздѣленную идею по всей ея полнотѣ: то явно, что всѣ отдѣлы или части идеи вкупѣ должны составлять всю сію идею. Напр. разныя нераздѣльныя вещи какого либо вида вкупѣ составляютъ весь видъ, а всѣ разные виды, содержащіеся въ какомъ либо родѣ, составляютъ весь родъ. Изъ сегожъ явно, что все утверждаемое о разныхъ отдѣлахъ и классахъ какой либо идеи должно утверждаемо быть и о всей идеѣ, къ которой сіи отдѣлы принадлежатъ. Что можно сказать о всѣхъ нераздѣльныхъ вещахъ какого либо вида, то должно быть сказано и о всемъ видѣ, и что можетъ сказано быть о всѣхъ видахъ какого либо рода, то и о всемъ родѣ сказать можно: ибо всѣ нераздѣльныя вещи вкупѣ составляютъ тоже, что содержится въ видѣ, а всѣ виды вкупѣ тоже, что въ родѣ содержится.

Форма и качество заключенія посредствомъ индукціи.

14. Сей родъ заключенія, когда мы утверждаемъ или отрицаемъ то о всей идеѣ вообще, что прежде утверждали или отрицали о всѣхъ разныхъ ея частяхъ, называется заключеніемъ просредствомъ *индукціи*. Напр. полагая, что весь родъ животныхъ можетъ раздѣленъ быть на человѣковъ, четвероногихъ животныхъ, птицъ, рыбы, амфибіи, несѣкомыя и червей, заключаемъ по тому слѣдующимъ образомъ: *всѣ человѣки имѣютъ силу движенія; всѣ четвероногія животныя, всѣ птицы, рыбы, амфибіи, несѣкомыя и черви имѣютъ силу движенія: слѣдовательно всѣ животныя имѣютъ силу движенія.* Такое заключеніе есть индукція. Естьли раздѣленія вѣрны, такъ что содержатъ въ себѣ всю общую идею, и естьли исчисленіе частей полно, т. е. ежели содержитъ въ себѣ всѣ нижшіе классы или части: то индукція бываетъ полная, и способъ заключенія посредствомъ оной явно вѣренъ.

Основаніе метода заключенія посредствомъ дилеммъ.

15. Послѣдній родъ силлогисмовъ, о которомъ хочу я упомянуть въ сей главѣ, составляютъ силлогисмы называемые обыкновенно *дилеммами*. Дилемма есть такое заключеніе, посредствомъ котораго стараемся дока-

казать невозможность или несправедливость какого либо положенія. На сей конецъ принимаемъ мы условное положеніе, котораго предыдущій членъ составляетъ опровергаемое положеніе, а послѣдующій есть раздѣлительное положеніе, назначающее всѣ возможныя условія, съ которыми первое утверждаемо быть можетъ. Когдажъ въ послѣдствіи усмотрѣно будетъ, что всѣ сіи различныя условія должны быть отвергнуты, то явно, что и предыдущій членъ, или самое положеніе, также отвергнуть должно. И такъ, естьли изъ помянутаго положенія составлена будетъ *первая предпосылка* въ силлогисмѣ, а во *второй предпосылкѣ* всѣ различные случаи, содержащіеся въ послѣдующемъ членѣ онаго, будутъ отрицаемы: то изъ сего необходимо слѣдуетъ, что въ заключаемомъ должно отрицать и предыдущій членъ, составляющій самое то положеніе, которое опровергнуть надлежитъ. Сей особенный способъ заключенія называется у Логиковъ *дилеммою*; и изъ сообщеннаго здѣсь описанія можно вывести слѣдующее опредѣленіе: *Дилеммы суть условные силлогисмы, въ которыхъ послѣдующій членъ верхняго положенія есть раздѣлительное положеніе, совершенно опровергаемое или отрицаемое въ нижнемъ положеніи.* Напр.

> *Естьли Богъ сотворилъ міръ не совершеннымъ въ своемъ родѣ: то Онъ либо не хотѣлъ, либо не могъ сотворить его совершеннымъ.*
>
> *Но какъ то не возможно, чтобы Онъ либо не хотѣлъ, либо не могъ сего:*
>
> *Слѣдовательно Онъ сотворилъ міръ совершеннымъ въ своемъ родѣ*; или: *слѣдовательно не возможно и то, чтобъ Онъ сотворилъ міръ не совершеннымъ въ своемъ родѣ.*

Кто знаетъ свойства раздѣлительныхъ заключеній и умѣетъ употреблять ихъ, тому не нужно будетъ подробнѣйшее объясненіе сего способа заключенія.

Глава V.

О доказательствахъ.

О заключеніяхъ, состоящихъ изъ ряда силлогисмовъ.

1. Мы видѣли, что изъ всякаго вида заключеній происходитъ вѣрное и порядочное слѣдствіе. Но часто случается, что заключаемое одного силлогисма составляетъ предпосылку другаго; по чему иногда множество силлогисмовъ совокупляемо бываетъ въ одинъ рядъ, и предлагаемыя истины послѣдуютъ въ нихъ по порядку одна за другою. Въ такомъ рядѣ силлогисмовъ можно употреблять безъ усомнѣнія всякіе правильные способы заключенія. Изъ чего явно, что выводя какую либо истину изъ первыхъ ея основаній, особливожъ когда она немало отдалена отъ оныхъ, мы имѣемъ свободу совокуплять всѣ различные роды заключеній, выше сего описанные, смотря по тому, которые изъ нихъ способнѣе къ цѣли нашихъ изслѣдованій. Выводя какое либо положеніе изъ другихъ яснѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ положеній посредствомъ заключеній, говоримъ, что мы *доказываемъ* оное. И такъ доказательство вообще можетъ опредѣлено быть слѣдующимъ образомъ: *доказательство* какого либо *положенія* есть силлогисмъ, или рядъ силлогисмовъ, посредствомъ котораго сіе положеніе выводимо бываетъ изъ извѣстныхъ и ясныхъ истинъ. Естьлижъ въ силлогисмахъ, составляющихъ доказательство, всѣ предпосылки суть опредѣленія, очевидныя истины и доказанныя уже положенія: такое доказательство особенно называется *демонстраціею*; изъ чего явно, что демонстраціи основываются на опредѣленіяхъ и очевидныхъ положеніяхъ.

Всякіе силлогисмы могутъ превращаемы быть въ первую фигуру.

2. Но демонстраціи часто состоятъ изъ продолжительной цѣпи доказательствъ, въ которой всѣ способы заключенія бываютъ принимаемы, и въ которой основаніе вѣрности разныхъ частей ея необходимо должно быть различно по качеству формы употребленныхъ доказательствъ. По чему можетъ быть не непріятно будетъ, естьли мы постараемся утвер-

утвердить одинакое правило, изъ котораго бы можно было во всякомъ случаѣ вывести вѣрность демонстраціи, какъ изъ надежнаго и неподвижнаго основанія. На сей конецъ надлежитъ замѣтить, что всѣ возможныя заключенія, сложныя, многочастныя и несовершенныя, могутъ превращаемы быть въ простые силлогисмы одной которой либо изъ четырехъ фигуръ. Но и сего еще не довольно. Въ силлогисмахъ первой фигуры особенно могутъ быть всѣ возможныя заключаемыя; то есть, всякое положеніе, общее ли утвердительное, или общее отрицательное, частное утвердительное, или частное отрицательное (ибо всѣ различныя положенія содержатся въ сихъ четырехъ классахъ, какъ то уже во второй книгѣ сего Отдѣленія показано); всякое изъ сихъ положеній, говорю я, можно вывести посредствомъ силлогисма первой фигуры. По сей причинѣ силлогисмы всѣхъ другихъ фигуръ могутъ превращены быть въ силлогисмы первой фигуры, и можно почитать ихъ заключеніями утверждающимися на одинакомъ основаніи.

Основаніе заключеній первой фигуры.

3. Правила первой фигуры суть слѣдующія: *Среднее слово* составляетъ подлежащее *верхняго положенія* и сказуемое *нижняго. Верхнее положеніе* всегда должно быть общее, а *нижнее положеніе* утвердительное. Теперь разсмотримъ слѣдствія сихъ правилъ въ заключеніи. *Верхнее положеніе* есть общее положеніе, въ которомъ *среднее слово* служитъ подлежащимъ, а *сказуемое заключаемаго* сказуемымъ. Изъ сего явно, что въ верхнемъ положеніи *сказуемое заключаемаго* вообще всегда бываетъ утверждаемо или отрицаемо о *среднемъ словѣ. Нижнее положеніе* есть утвердительное положеніе, въ которомъ *подлежащее заключаемаго* служитъ подлежащимъ, а *среднее слово* сказуемымъ. И такъ въ немъ *среднее слово* утверждаемо бываетъ о подлежащемъ заключаемаго; то есть, мы сказываемъ въ ономъ, что *подлежащее заключаемаго* содержится въ *среднемъ словѣ*, или составляетъ часть онаго. Такимъ образомъ видимъ мы, что дѣлается въ предпосылкахъ первой фигуры. *Сказуемое заключаемаго* бываетъ утверждаемо или отрицаемо о какой либо идеѣ

вообще. О *подлежащемъ заключаемаго* сказывается, что оно составляетъ часть сея идеи. Изъ сегожъ естественно и непремѣнно слѣдуетъ, что *сказуемое заключаемаго* должно быть либо утверждаемо либо отрицаемо *о подлежащемъ*. Для объясненія сего примѣромъ употребимъ здѣсь силлогисмъ, приведенный уже въ первой главѣ сея книги.

Всякая тварь, имѣющая умъ и свободу, должна дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ.

Человѣкъ есть тварь имѣющая умъ и свободу.

Слѣдовательно человѣкъ долженъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ.

Въ первомъ положеніи сего силлогисма сказуемое заключаемаго, *дать отчетъ*, утверждается о всѣхъ тваряхъ имѣющихъ *умъ и свободу*. Во второмъ положеніи сказывается, что *человѣкъ*, подлежащее заключаемаго, составляетъ часть сего рода тварей. Изъ сегожъ необходимо и непремѣнно слѣдуетъ заключаемое, т. е. *что человѣкъ долженъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ*. Я говорю, что сіе слѣдуетъ необходимо и непремѣнно. Ибо естьли *умъ и свобода* необходимо обязываютъ какую либо тварь *дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ*; и естьли человѣкъ имѣетъ умъ и свободу: слѣдовательно онъ имѣетъ то, что необходимо обязываетъ его *дать отчетъ*. Естьлижъ *верхнее положеніе* есть отрицательное, или естьли сказуемое заключаемаго *о среднемъ словѣ* вообще отрицаемо бываетъ: то равнымъ образомъ явно, что *сказуемое заключаемаго* въ семъ случаѣ о подлежащемъ отрицаемо быть должно; ибо въ верхнемъ положеніи всегда сказывается то, что *подлежащее заключаемаго* составляетъ часть *средняго слова*. И такъ всѣ силлогисмы первой фигуры явно утверждаются на слѣдующемъ основаніи: *Что можно утверждать о какой либо идеѣ вообще, все то можетъ утверждаемо быть и о каждой нераздѣльной вещи, или о нѣкоторомъ числѣ нераздѣльныхъ вещей, содержащихся въ сей общей идеѣ.* Также: *что можетъ отрицаемо быть о какой либо идеѣ вообще, все то равнымъ образомъ можно отрицать и о каждой нераздѣльной вещи, или нѣкоторомъ числѣ нераздѣльныхъ вещей, принадлежащихъ къ оной.* Сіи два положенія называются у Логиковъ

ковъ Dictum de omni (*сказанное о всемъ*) и Dictum de nullo (*сказанное ни о чемъ*). Они въ самомъ дѣлѣ суть главныя основанія, по которымъ всѣ заключенія наши бываютъ располагаемы, и утверждаются либо непосредственно на нихъ, либо на выведенныхъ изъ нихъ положеніяхъ. Паче же всего они заслуживаютъ уваженіе тѣмъ, что суть очевидныя истины, и такія, которыхъ безъ явнаго противорѣчія самому себѣ отрицать не можно. Напр. естьлибъ мы сказали, что *никакой человѣкъ не совершеннъ*, но захотѣлибы утверждать, что *нѣкоторые люди совершенны*; или сказавъ, что *всѣ человѣки смертны*, стали бы утверждать, что *нѣкоторые люди не смертны*: сіе было бы то же самое, что сказать о какой либо вещи, что она есть и нѣтъ ея въ одно время.

Демонстраціи служатъ необманчивыми указателями пути къ истинѣ и вѣрности.

4. Теперь, какъ я думаю, имѣемъ уже право сказать о всѣхъ силлогисмахъ первой фигуры, что естьли *предпосылки* въ нихъ истинны, то и *заключаемое* необходимо должно быть истинно. Естьли истинно то, что *сказуемое заключаемаго*, утвердительнаго ли или отрицательнаго, свойственно какой либо идеѣ вообще; также естьли-и то истинно, что *подлежащее заключаемаго* составляетъ часть сея идеи, или содержится въ ней: то изъ сего необходимо слѣдуетъ, что *сказуемое заключаемаго* и *подлежащему* онаго свойственно. Утверждать противное сему было бы несогласно съ принятыми выше сего за основаніе положеніями, и не иное что, какъ утверждать явное противорѣчіе. Такимъ образомъ наконецъ дошли мы до того, что доказать старались; а именно, что всякое положеніе, которое можетъ доказано быть демонстраціею, необходимо должно быть истинно. Ибо всякую демонстрацію можно раздробить на рядъ силлогисмовъ, принадлежащихъ къ первой фигурѣ; а во всякомъ такомъ силлогисмѣ естьли предпосылки истинны, то и заключаемое необходимо должно быть истинно: изъ чего явно слѣдуетъ, что когда всѣ предпосылки истинны, то и всѣ заключаемыя также должны быть истинны; слѣдовательно и заключаемое послѣдняго силлогисма, со-

стоящее всегда изъ самаго того положенія, которое доказать надлежитъ. А что въ демонстраціи всѣ предпосылки истинны, то изъ самаго свойства и опредѣленія доказательствъ сего рода весьма удобно усмотрѣть можно. Демонстрація, какъ мы уже сказали, есть рядъ силлогисмовъ, въ которыхъ всѣ предпосылки суть либо опредѣленія и очевидныя истины, либо доказанныя уже положенія. Опредѣленія суть такія положенія, въ которыхъ мы совокупляемъ описаніе какой либо идеи съ названіемъ, означающимъ сію идею; по чему истина ихъ оспориваема быть не можетъ. Очевидныя положенія сами по себѣ ясны, и не оставляютъ въ разумѣ никакого сомнѣнія, или неизвѣстности. Доказанныя уже положенія суть не иное что, какъ слѣдствія, выведенныя посредствомъ одного или нѣсколька заключеній изъ опредѣленій либо очевидныхъ истинъ, т. е. изъ истинныхъ предпосылокъ: слѣдовательно и они необходимо должны быть истинны. И такъ демонстрація не только ведетъ къ вѣрности и истинѣ, но мы можемъ еще и ясно представить себѣ основаніе сея вѣрности. Ибо доказывая демонстраціею, мы дѣлаемъ не иное что, какъ совокупляемъ нѣсколько силлогисмовъ, утверждающихся на одинакомъ основаніи; изъ чего явно, что и вѣрность всея демонстраціи имѣетъ одинакое основаніе, и что всякое заключаемое въ ней утверждается на которомъ либо изъ двухъ положеній, принятыхъ нами за основаніе всѣхъ нашихъ доказательствъ. Оба же сіи основательныя положенія удобно могутъ превращены быть въ одно слѣдующее: *Всякое сказуемое, какъ утвердительное, такъ и отрицательное, свойственно будучи какой либо идеѣ вообще, необходимо должно быть свойственно и каждой нераздѣльной вещи, или каждому виду, содержащемуся въ сей идеѣ.* И такъ наконецъ, сообразно первому намѣренію нашему, подвели мы вѣрность демонстраціи подъ одно общее правило, которое само по себѣ ясно и въ самомъ дѣлѣ есть послѣднее основаніе всѣхъ заключеній.

Логическія правила содержатъ въ 5. Доказавъ, что демонстрація служитъ необманчивымъ указателемъ пути къ истинѣ, и имѣетъ толь надежное и неподвижное осно-

ваніе, можемъ теперь утверждать то, что по мнѣнію моему многимъ покажется противорѣчіемъ, а именно: что логическія правила содержатъ въ себѣ достаточный признакъ для различенія истины отъ лжи. Ибо всякое положеніе, которое можно доказать демонстраціею, необходимо должно быть истинно; по чему всякой могущій справедливо судить о какомъ либо положеніи, надлежащимъ ли образомъ оно доказано, въ состояніи различать истину отъ лжи. Демонстрація, какъ-то уже сказано, есть не иное что, какъ совокупленіе такихъ силлогисмовъ, которыхъ предпосылки суть опредѣленія, очевидныя истины, или прежде доказанныя положенія. И такъ, когда мы хотимъ судить о вѣрности демонстраціи, то надлежитъ намъ быть въ состояніи усматривать: правильны ли находящіяся въ ней опредѣленія, и сходно ли съ истиною описаны въ нихъ тѣ идеи, которыя ими представлены быть должны; положенія, принятыя безъ доказательства, какъ очевидныя истины, имѣютъ ли въ самомъ дѣлѣ требуемую отъ нихъ очевидную вѣрность; вѣрны ли силлогисмы въ разсужденіи формы, и расположены ли по правиламъ заключеній; надлежащимъ ли образомъ и порядочно ли совокуплены они одинъ съ другимъ, и не приняты ли въ нихъ за предпосылки доказательныя положенія, не бывшія заключаемыми въ предыдущихъ силлогисмахъ. Сообщать намъ достаточное свѣдѣніе обо всемъономъ, посредствомъ изъясненія разныхъ дѣйствій разума, есть предметъ Логики. Она показываетъ намъ свойство и цѣль опредѣленій, и предписываетъ правила, по которымъ оныя составляемы быть должны; разбираетъ разные роды положеній, и различаетъ очевидныя отъ доказательныхъ; назначаетъ разныя формы силлогисмовъ, и изъясняетъ правила заключенія, каждой формѣ свойственныя; наконецъ описываетъ то, какимъ образомъ надлежитъ совокуплять силлогисмы такъ, чтобъ они составляли рядъ заключеній и вели бы насъ къ постепенному открытію истины. И такъ логическія правила приводятъ насъ въ состояніе судить о какомъ ли-

Себѣ достаточный признакъ для различенія истины отъ лжи.

бо положеніи, надлежащимЪ ли образомЪ оно доказано; а по тому и содержатЪ вЪ себѣ надежный *признакЪ*, посредствомЪ котораго можемЪ различать истину отЪ лжи.

Они простираются на всѣ случаи, вЪ какихЪ только можно получить вѣрное познаніе истины.

6. Но можетЪ быть скажутЪ вЪ возраженіе на сіе, что демонстрація есть весьма рѣдкое и необыкновенное дѣло, и свойственна немногимЪ только наукамЪ; по чему упомянутый признакЪ не можетЪ приносить большой пользы. На сіе отвѣтствую, что можно имѣть демонстрацію во всѣхЪ тѣхЪ случаяхЪ, вЪ которыхЪ истина посредствомЪ одного только разсматриванія идей нашихЪ открыта быть можетЪ. ТотЪ признакЪ, по мнѣнію моему, достаточенЪ, который приводитЪ насЪ вЪ состояніе судить сЪ вѣрностію во всѣхЪ случаяхЪ, вЪ которыхЪ познаніе истины не превышаетЪ силЪ нашихЪ; ибо мы не говоримЪ здѣсь обЪ открытіяхЪ превосходящихЪ предѣлы разума человѣческаго. Естьли какое либо положеніе доказано демонстраціею, то мы увѣрены вЪ истинѣ его. НапротивЪ того естьли идеи наши таковы, что мы не усматриваемЪ связи ихЪ или разности сЪ перваго взора, и естьли онѣ по тому не содержатЪ вЪ себѣ собственныхЪ способовЪ кЪ открытію сходства ихЪ или различія: то мы увѣрены бываемЪ, что вЪ семЪ случаѣ не можно получить доказательнаго (демонстративнаго) знанія. Но естьли находимЪ нѣкоторое основаніе доказательства, не имѣющаго полной очевидности, какая свойственна демонстраціи: вЪ такомЪ случаѣ логическія правила показываютЪ намЪ подлинную степень сего доказательства, и то, чего недостаетЪ кЪ полнотѣ его; а посредствомЪ сего мы вЪ состояніи бываемЪ опредѣлять надлежащимЪ образомЪ мѣру вѣроятности, и соображать увѣреніе наше сЪ тѣми основаніями, на которыхЪ положенія утверждаются. ВЪ семЪ же состоитЪ все, кЪ достиженію чего есть вѣроятность, или чего мы можемЪ надѣяться при употребленіи толь несовершенныхЪ и ограниченныхЪ способностей, каковы суть наши. Ибо весьма бы безумно было ожидать признака, способнаго кЪ различенію истины отЪ лжи, вЪ

та-

шакихъ случаяхъ, въ которыхъ вѣрнаго познанія истины получить не можно.

7. И такъ мы обЪяснили уже все касающееся до основанія и очевидности демонстраціи. Но прежде, нежели окончимъ сію главу, не безполезно будетъ упомянуть еще о раздѣленіи демонстрацій на *прямыя* и *непрямыя*. *Прямая* демонстрація есть то, когда мы начавъ съ опредѣленій, очевидныхъ положеній, или извѣстныхъ и принятыхъ истинъ, составляемъ рядъ силлогисмовъ, совокупленныхъ между собою по порядку, и продолжаемъ сей рядъ разными одинъ за другимъ послѣдующими членами, пока наконецъ доходимъ до такого силлогисма, въ которомъ заключаемое состоитъ изъ самаго того положенія, которое доказать надлежало. Такія доказательства не оставляютъ никакого сомнѣнія или неизвѣстности: ибо въ нихъ всѣ предпосылки истинны; а по тому и всѣ заключаемыя необходимо должны быть истинны; слѣдовательно также и послѣднее заключаемое, или то самое положеніе, которое доказать надлежало. И такъ я не буду долѣе останавливаться при семъ родѣ доказательствъ, надѣясь, что въ предыдущей части сея главы достаточно уже обЪяснилъ оный, и показалъ, въ чемъ состоитъ его сила и вѣрность. Второй родъ демонстрацій есть *непрямое доказательство*, или demonſtratio apagogica, либо deductio ad abſurdum. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: принимается какое либо положеніе, совершенно противорѣчащее тому, которое доказать хотимъ, и посредствомъ такогожъ ряда заключеній, какъ въ прямомъ доказательствѣ, выводится изъ онаго какая либо нелѣпость, или явная ложь. По тому заключаемъ мы, что принятое положеніе ложно; изъ сегожъ непосредственно выводимъ слѣдствіе, что положеніе, которое доказать надлежитъ, должно быть истинно. Напр. Евклидъ въ третіей книгѣ своей, намѣренъ будучи доказать, что *круги, прикасающіеся одинъ къ другому, не одно средоточіе имѣютъ*, принимаетъ противное положеніе, т. е. что *такіе круги имѣютъ одно средоточіе*, и посредствомъ ряда заключеній доказываетъ, что *часть*

Раздѣленіе демонстрацій на прямыя и непрямыя.

равна цѣлому. А какъ сія нелѣпость, или невозможность, есть слѣдствіе принятаго положенія: то онъ заключаетъ, что сіе положеніе должно быть ложно, и *круги прикасающіеся одинъ къ другому не могутъ имѣть одного средоточія;* изъ сегожъ непосредственно выводитъ, что *они не одно средоточіе имѣютъ.*

Основаніе заключенія въ непрямыхъ доказательствахъ. 8. Нѣкоторые думаютъ, что демонстраціи сего рода не толь ясны и увѣрительны, и не имѣютъ такой степени вѣрности, какъ прямыя доказательства. Того ради я постараюсь сообщить здѣсь особенное объясненіе оныхъ, и показать, что онѣ такъже, какъ и прямыя доказательства, приводятъ къ истинѣ и вѣрности. На сей конецъ надлежитъ намъ замѣтить, что два положенія, изъ которыхъ въ одномъ что либо утверждаемо, а въ другомъ отрицаемо бываетъ, называются *противорѣчащими положеніями* (propoſitiones contradictoriae). Напр. *круги, прикасающіеся одинъ къ другому, имѣютъ одно средоточіе;* и *круги, прикасающіеся одинъ къ другому, имѣютъ не одно средоточіе:* сіи положенія суть *противорѣчащія,* ибо въ одномъ изъ нихъ утверждаемо совсѣмъ противное тому, что сказывается въ другомъ. Во всѣхъ такихъ противорѣчащихъ положеніяхъ одно непремѣнно бываетъ истинно, а другое ложно. Ибо естьли истинно, что круги прикасающіеся одинъ къ другому имѣютъ одно средоточіе, то необходимо должно быть ложно, что они имѣютъ не одно средоточіе. Естьлижъ то ложно, что они имѣютъ одно средоточіе: въ семъ случаѣ необходимо должно быть истинно то, что они имѣютъ не одно средоточіе. И такъ, понеже не возможно обоимъ положеніямъ быть истиннымъ или ложнымъ: слѣдовательно одно безъ сомнѣнія должно быть истинно, а другое ложно. Изъ сегожъ, какъ очевидно вѣрнаго, слѣдуетъ, что когда приняты будутъ два противорѣчащія положенія, и посредствомъ яснаго ряда заключеній можно будетъ доказать, что одно изъ нихъ ложно, то другое необходимо должно быть истинно. Ибо какъ одно непремѣнно истинно, а другое непремѣнно ложно: то узнавъ, которое изъ нихъ ложно, видимъ, что другое истинно.

Но

Но при семъ надлежитъ наблюдать, чтобъ вмѣсто противорѣчащихъ положеній не принять только противныхъ. *Противными* называются всѣ тѣ положенія, въ которыхъ объ одной вещи сказывается разное, и которыя всѣ могутъ быть ложны, но не могутъ всѣ быть истинны. Напр. *всѣ живописцы упрямы*, и *никто изъ живописцевъ не упрямъ*. Хотя бы я доказалъ, что первое изъ сихъ положеній (*всѣ живописцы упрямы*) ложно; однако изъ того еще не слѣдовало бы, что другое (*никто изъ живописцевъ не упрямъ*) должно быть истинно.

9. Въ семъ состоитъ собственное качество непрямой демонстраціи, какъ то изъ опредѣленія оной явно. Ибо мы принимаемъ въ ней положеніе совершенно противорѣчащее тому, что доказать надлежитъ, и показавъ посредствомъ ряда заключеній, что оно ложно, заключаемъ изъ сего, что противное оному, или то положеніе, которое доказать надлежитъ, истинно. И такъ, понеже сіе послѣднее заключеніе вѣрно и неоспоримо, то изслѣдуемъ теперь, какимъ образомъ увѣряемся мы въ томъ, что принятое положеніе ложно, дабы не осталось никакого возможнаго сомнѣнія въ разсужденіи силы и вѣрности доказательствъ сего рода. Мы увѣряемся въ томъ слѣдующимъ образомъ: Начавъ съ принятаго положенія, продолжаемъ рядъ заключеній помощію опредѣленій, очевидныхъ истинъ, или доказанныхъ уже положеній, равно какъ и въ прямыхъ доказательствахъ, пока наконецъ доходимъ до какой либо нелѣпости, или явной лжи. Такимъ образомъ Евклидъ, въ помянутомъ примѣрѣ, изъ принятаго положенія, что круги прикасающіеся одинъ къ другому имѣютъ одно средоточіе, выводитъ несттаточное положеніе, что *часть равна цѣлому*. Когдажъ правильнымъ и порядочнымъ способомъ заключенія доходимъ наконецъ до ложнаго заключаемаго: то явно, что не всѣ предпосылки были истинны. Ибо есть ли бы всѣ предпосылки были истинны, въ такомъ случаѣ и послѣднее заключаемое было бы истинно, какъ то выше сего доказано. Но кромѣ перваго принятаго по-

Непрямыя доказательства служатъ надежнымъ указателемъ пути къ вѣрности.

положенія, всѣ прочія предпосылки, въ заключеніяхъ употребленныя, суть явныя и извѣстныя истины, по тому, что состоятъ либо изъ опредѣленій и очевидныхъ положеній, либо изъ доказанныхъ уже истинъ. Одно только принятое положеніе остается подвержено сомнѣнію или неизвѣстности. И такъ, въ слѣдствіе доказаннаго, оно одно должно быть ложно. Симъ образомъ усматриваемъ, что въ непрямыхъ доказательствахъ, когда приняты будутъ два противорѣчащія положенія, и объ одномъ изъ нихъ доказано будетъ, что оно ложно, то другое положеніе, составляющее предметъ доказательства, необходимо должно быть истинно. Слѣдовательно и сіи доказательства, равно какъ прямыя, приводятъ къ ясному и убѣдительному познанію истины.

НА-

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

О МЕТОДѢ.

Глава I.

О Методѣ вообще, и раздѣленіи онаго на Аналитической и Синтетической.

1.

Разумъ занимается иногда составленіемъ извѣстныхъ истинъ.

Мы говорили о трехъ дѣйствіяхъ разума, которыхъ предметъ есть изслѣдованіе истины и распространеніе предѣловъ познанія человѣческаго. Но кромѣ того, надлежитъ еще намъ стараться составлять мысли наши такъ, чтобы можно было ясно усматривать взаимную связь ихъ и отношенія. Сіе называется у Логиковъ *методомъ*. При изслѣдованіи истины часто представляются разуму неожидаемыя открытія, отводящія насъ весьма далеко отъ того предмета, которымъ мы занимались. Также и самые изслѣдуемые нами предметы не всегда выбираемы бываютъ съ надлежащимъ наблюденіемъ порядка и взаимныхъ отношеній ихъ между собою. Случай, особенный родъ жизни, или какія либо частныя намѣренія, часто подаютъ поводъ къ изслѣдованіямъ, имѣющимъ весьма мало связи въ самой натурѣ вещей. И по тому человѣкъ привыкшій много мыслить, пересматривая познанія, пріобрѣтенныя въ продолженіе немалаго времени, рѣдко находитъ причину быть довольну тѣмъ порядкомъ и расположеніемъ, въ какомъ они вошли въ его разумъ. Они бываютъ разсѣяны, не распредѣлены по классамъ и не приведены въ правильную связь, такъ что разуму трудно усмотрѣть, какъ одна истина могла бы служить къ открытію другой. Онъ увѣряется въ необходимой надобности подводить пріобрѣтаемыя познанія подъ разные классы, и

все

все касающееся до одной матеріи составлять въ одинакую систему. Въ семъ-то состоитъ истинный и собственный предметъ *метода*; а именно, онъ назначаетъ раздѣленіе познанія человѣческаго, и какъ бы приводитъ въ порядокъ части каждаго отдѣла и совокупляетъ ихъ такъ, чтобъ онѣ казались происходящими одна изъ другой, и составляли бы правильно цѣлую науку, которая начинаясь съ первыхъ основаній, продолжалась бы порядочнымъ совокупленіемъ истинъ.

Основаніе аналитическаго и синтетическаго метода. 2. Хотя бы особенныя истины, подлежащія сравненію, были намъ извѣстны или не извѣстны: (ибо иногда стараемся изслѣдовать или открывать неизвѣстныя истины); однако взаимныя отношенія и связи вещей не всякой разъ вдругъ при сравненіи показываются. Того ради мы употребляемъ среднія идеи, которыя доставляютъ намъ предпосылки, ведущія къ искомому нами заключаемому. Естьлижъ самыя предпосылки не довольно ясны, то стараемся опредѣлить истину ихъ помощію другихъ посредствующихъ положеній, изслѣдуя вещи въ оборотномъ порядкѣ, пока наконецъ доходимъ до такого заключенія, въ которомъ предпосылки суть начальныя и очевидныя положенія. Послѣ сего бываемъ совершенно увѣрены въ истинѣ всѣхъ тѣхъ слѣдствій, по которымъ мы уже проходили; ибо видимъ, что они утверждаются на твердомъ и неподвижномъ основаніи созерцательныхъ понятій. А какъ сіе увѣреніе получаемъ доходя при изслѣдованіи вещей въ оборотномъ порядкѣ до первыхъ основаній, изъ которыхъ онѣ слѣдуютъ: то всякой разъ можемъ и возобновлять оное противнымъ способомъ, то есть начиная съ сихъ основаній, и продолжая рядъ мыслей дотолѣ, пока онѣ посредствомъ связной цѣпи доказательствъ приведутъ къ послѣднему слѣдствію.

Раздѣленіе метода на аналитической и синтетической. 3. Изъ сего явно, что мы приводимъ въ порядокъ и составляемъ мысли свои, какъ для того, чтобъ собственный нашъ разумъ всегда могъ ясно обозрѣвать сдѣланныя нами открытія, такъ и для сообщенія и объясненія

нія сихъ открытій другимъ: въ обоихъ случаяхъ, говорю я, дѣлаемъ то двоякимъ образомъ, зависящимъ отъ нашего выбора. А именно: мы можемъ предлагать истины, принадлежащія къ какой либо наукѣ, такъ, какъ онѣ при изслѣдованіи разуму представляются, продолжая рядъ доказательствъ въ оборотномъ порядкѣ, пока наконецъ доведемъ ихъ до начальныхъ основаній; или можемъ выбрать другой способъ, и начавъ съ сихъ основаній, выводить изъ нихъ въ порядочномъ послѣдствіи заключеній всѣ тѣ различныя положенія, которыя доказать надлежитъ. По сей разности въ расположеніи мыслей Логики раздѣляютъ методъ на два рода. Ибо они называютъ методомъ не иное что, какъ порядокъ и расположеніе мыслей, принадлежащихъ къ какой либо матеріи. Естьли истины предлагаемы и совокупляемы бываютъ такъ, какъ онѣ были открыты, или какъ бы открыты быть могли: сіе называется *аналитическимъ методомъ*, или *методомъ разбиранія*, по тому, что онъ обращается къ источникамъ вещей, и разбирая науку, доходитъ до первоначальныхъ ея основаній. Естьлижъ истины выводимы бываютъ изъ сихъ первоначальныхъ основаній и совокупляемы по взаимнымъ ихъ отношеніямъ такъ, что истины первыя по порядку служатъ доказательствомъ послѣдующимъ за ними: отъ сего происходитъ *синтетической методъ*, или *методъ составленія*; ибо мы собираемъ разныя разсѣянныя части науки, и составляемъ изъ нихъ цѣлое, или систему, такъ что разумъ приведенъ тѣмъ бываетъ въ состояніе разсматривать истину ясно, послѣдуя за нею по всѣмъ ея отдѣленіямъ и степенямъ.

Сіи методы называются также методомъ изобрѣтенія и методомъ науки.

4. Въ разсужденіи сихъ двухъ родовъ метода надлежитъ еще замѣтить, что первой называется также *методомъ изобрѣтенія*; ибо въ немъ наблюдается тотъ порядокъ, въ какомъ мысли наши послѣдуютъ одна за другою при изобрѣтеніи или открытіи истины. Другой часто называется *методомъ науки*, или *сообщенія*, по тому, что для предложенія мыслей нашихъ другимъ обыкновенно избираемъ синтетической

ме-

методЪ, и выводимЪ ихЪ изЪ первыхЪ основаній. Ибо надлежитЪ замѣтить, что хотя аналитической методЪ вЪ изысканіи истины доставляетЪ намЪ великое удовольствіе, приводя насЪ вЪ состояніе самого изобрѣтателя, и показывая особенное послѣдствіе и образЪ мыслей, какими достигЪ онЪ сихЪ открытій; но сей методЪ не столько способствуетЪ ясности и увѣренію, какЪ синтетической. Ибо при началѣ изслѣдованій нашихЪ мы не можемЪ еще усматривать, кЪ чему приведетЪ насЪ разбираніе, и по тому первыя наши изслѣдованія суть почти не иное что, какЪ хожденіе во тмѣ ощупью. Даже и тогда, какЪ свѣтЪ начнетЪ уже являться, мы принуждены бываемЪ снова пересматривать вещи и часто повторять сравненіе разныхЪ степеней изслѣдованія. НаконецЪ же разобравЪ все и дошедши до истиннаго основанія, на которомЪ открытія наши утверждаются, находимЪ, что все увѣреніе вЪ разсужденіи истины ихЪ зависитЪ по большей части отЪ той связи, какую примѣчаемЪ между ими и первыми основаніями, разсматривая ихЪ вЪ порядкѣ составленія. НапротивЪ того вЪ синтетическомЪ образѣ расположенія мыслей бываетЪ совсѣмЪ иное. Ибо вЪ немЪ начинаемЪ мы сЪ созерцательныхЪ истинЪ, и продолжаемЪ изслѣдованіе правильными заключеніями; по чему каждой шагЪ вЪ ономЪ сопровождается ясностію и вѣрностію, такЪ что переходя отЪ одной части познанія кЪ другой, всякой разЪ ясно усматриваемЪ основаніе увѣренія нашего. ИзЪ сего явно, что для сообщенія открытій нашихЪ другимЪ, должно избирать сей методЪ; ибо онЪ преимущественно способенЪ кЪ исправленію и просвѣщенію разума, и ведетЪ кЪ непосредственному ощущенію истины. По сей причинѣ называется онЪ *методомЪ науки*: не только для того, что мы употребленіемЪ его достигаемЪ знанія и увѣренія, но и для того, что всѣ части познанія человѣческаго, собственно *науками* называемыя, по сему методу вЪ самомЪ дѣлѣ предлагаемы бываютЪ и предлагаемы быть должны.

Глава

Глава II.

О методѣ изобрѣтенія.

1. Предпринимая изслѣдованіе неизвѣстныхъ истинъ, какъ то уже упомянуто, разумъ долженъ вопервыхъ собрать все знаніе касающееся до изслѣдуемаго предмета, и обозрѣвъ вещи вообще, начинать по томъ изслѣдовать ихъ порознь и одну часть послѣ другой. Въ семъ почастномъ изслѣдованіи число частей паче и паче умножается, и нужно разсматривать ихъ со всѣхъ сторонъ, сравнивать одну съ другою, и съ точностію изыскивать взаимныя свойства ихъ и отношенія. Изъ сего явно, что въ изобрѣтеніи паче всего потребны двѣ вещи: вопервыхъ, обширный и много объемлющій разумъ, способный ко вмѣщенію въ себѣ великаго множества особенныхъ обстоятельствъ, которыя при томъ часто намъ представляются; вовторыхъ, навычное вниманіе, которое не упускало бы ничего заслуживающаго примѣчаніе, и тщательно различало бы всѣ обстоятельства, могущія служить къ объясненію предмета, которымъ мы занимаемся. Сіи суть главныя и предуготовительныя свойства, безъ которыхъ не возможно надѣяться примѣтнаго успѣха въ распространеніи предѣловъ познанія человѣческаго. Но также и то надлежитъ почитать за немалую выгоду, что они состоятъ нѣкоторымъ образомъ въ нашей власти, и стараніемъ нашимъ могутъ быть исправлены и возвышены почти до невѣроятной степени. Опытъ показываетъ, что изученіе Математики особливо для сего полезно. Всякому извѣстно, что способности увеличиваются навыкомъ; а какъ въ Математикѣ потребно непрестанное напряженіе вниманія, то со временемъ привыкаемъ мы къ оному такъ, что можемъ соблюдать его непрерывно и одинаково при самыхъ трудныхъ и продолжительныхъ вычетахъ безъ утомленія разума. Но изученіе Математики производитъ еще гораздо большую выгоду, а именно: оно увеличиваетъ нѣкоторымъ образомъ мѣру разума чело-

Вниманіе и способность разума суть предуготовительныя свойства, потребныя къ изобрѣтенію.

человѣческаго, распространяетъ кругъ его способностей, и пріучаетъ его къ подробному и обстоятельному разсматриванію вещей. Ибо сначала часто бываетъ для насъ весьма трудно понять краткое и легкое доказательство и усмотрѣть связь разныхъ его частей; но упражняясь съ успѣхомъ въ сей наукѣ, видимъ постепенное распространеніе и какъ бы увеличеніе разума, и наконецъ въ состояніи бываемъ понимать продолжительный и многосложный рядъ заключеній съ весьма малымъ напряженіемъ мыслей. Но и сего еще не довольно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ можемъ мы однимъ взоромъ разума усматривать цѣлую систему истинъ, и вдругъ распространять размышленія наши на всѣ особенные члены, совокупленные и связанные въ оной.

Вторая потребность въ семъ искусствѣ состоитъ въ остроумномъ выборѣ среднихъ идей.

2. Послѣ сихъ двухъ предуготовительныхъ свойствъ потребенъ для открытія истины благоразумный выборъ среднихъ идей. Въ третіей книгѣ сего Отдѣленія видѣли мы, что разныя свойства и отношенія многихъ идей не могутъ открываемы быть непосредственнымъ сравненіемъ ихъ между собою. Въ такомъ случаѣ должно принимать въ помощь среднія идеи; и главное искусство при семъ состоитъ въ изысканіи такихъ среднихъ идей, которыя имѣли бы извѣстную и удобовидимую связь съ тѣми идеями, которыхъ отношенія мы изслѣдуемъ. Ибо сіе доставляетъ намъ извѣстныя и явныя истины, могущія служить предпосылками для открытія еще неизвѣстныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, все изобрѣтеніе состоитъ по большей части не въ иномъ чемъ, какъ въ надлежащемъ собираніи и расположеніи сихъ предварительныхъ истинъ. Ибо онѣ не только ведутъ насъ шагъ за шагомъ къ искомому нами открытію, но и толь необходимо нужны въ семъ случаѣ, что безъ нихъ такое изслѣдованіе было бы тщетно; понеже то ни малому сомнѣнію не подвержено, что неизвѣстныхъ положеній никакимъ инымъ образомъ открыть не возможно, какъ только помощію нѣкоторой связи ихъ съ извѣстными. Самой умъ нашъ, который есть не иное что,

какъ способность къ познанію и къ распространенію нашихъ открытій, служитъ только къ тому, чтобъ изъ извѣстныхъ основаній, или положеній, выводить неизвѣстныя истины. Хотяжъ сей удачный выборъ среднихъ идей, доставляющій намъ потребный рядъ предпосылокъ, ведущихъ отъ одного открытія къ другому, зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ природнаго остроумія и живости разума; однако опытъ доказываетъ, что неутомимое прилѣжаніе и размышленіе и въ разсужденіи онаго весьма полезны быть могутъ. Но вопервыхъ нужно для сего знаніе многихъ вещей и общее свѣдѣніе обо всемъ кругѣ искусствъ и наукъ. Знаніе многихъ вещей сообщаетъ разуму силу и проницательность, и распространяетъ способность разсужденія. Вовторыхъ надлежитъ съ отмѣннымъ вниманіемъ и точностію размышлять о предметѣ подлежащемъ изслѣдованію. Соединяя сіи два способа, можемъ, кажется, вѣрно надѣяться удачнаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Ибо посредствомъ сего представится выбору нашему великое множество вещей, въ которомъ вѣроятно можемъ найти нѣсколько такихъ среднихъ идей, которыя будутъ служить предпосылками, потребными во всякихъ доказательствахъ.

Порядочное расположеніе весьма полезно для соображенія предметовъ съ силами разума.

3. Также не мало способствуетъ къ достиженію сего намѣренія порядочное совокупленіе вещей и расположеніе по классамъ; ибо посредствомъ сего самые величайшіе предметы, къ которымъ бы иначе приступить было не возможно, приводимы бываютъ въ нѣкое равенство съ силами разума. Разсудимъ только, какъ легко можно понимать самыя величайшія суммы, и коль ясныя представленія оныхъ разумъ получаетъ, когда числа разсматриваемы бываютъ въ послѣдовательномъ рядѣ и по одинакому правилу составленія. Ибо разныя разстановки въ рядѣ числъ служатъ разуму степенями, по которымъ восходитъ онъ къ самымъ величайшимъ составленіямъ; и какъ онъ можетъ простирать разсматриваніе свое отъ одной разстановки къ другой съ великою удобностію и скоростію,

то бываетъ въ состоянiи, переходя всѣ части особенно, достигать наконецъ вѣрнаго представленiя всея суммы. То же самое бываетъ и во всѣхъ прочихъ сложныхъ понятiяхъ, особливожъ когда они весьма многообъемлющи и многочастны; ибо въ семъ случаѣ мы усматриваемъ необходимость наблюдать нѣкоторый порядокъ и постепенное расположенiе въ совокупленiи частей. Сiе объяснено уже подробно въ главѣ о составленiи и разбиранiи идей, въ которой мы изслѣдовали постепенный ходъ разума по всѣмъ различнымъ классамъ понятiй, и показали, что правильное перехожденiе по всѣмъ среднимъ степенямъ есть самый кратчайшiй путь къ достиженiю вѣрнаго знанiя въ сложныхъ понятiяхъ разума. Изъ сего удобно усмотрѣть, какiя выгоды должны произойти отъ того, естьли будемъ поступать такимъ же образомъ и въ разсужденiи разныхъ отношенiй и связей, отъ которыхъ изслѣдованiе зависитъ. Ибо какъ онѣ посредствомъ того становятся намъ вразумительны, то всѣ по порядку при случаѣ могутъ быть полезны и вспомоществовать намъ къ открытiю искомаго. Въ изобрѣтенiижъ паче всего нужно владѣть мыслями своими, такъ, чтобы при сравненiи вещей и при изысканiи того, что слѣдуетъ изъ взаимныхъ связей ихъ и отношенiй, все могущее служить къ объясненiю разсматриваемаго предмета было ясно для разума, и ничто существенное не могло бы укрыться отъ его взора. Ибо пропущенiе чего либо такого должно не только причинить остановку въ ходѣ разума, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ пресѣчь оный.

Оно приводитъ насъ въ состоянiе продолжать изслѣдованiе истины постепенно и съ удобностiю.

4. Другая выгода, происходящая отъ порядочнаго расположенiя, есть та, что оно освобождаетъ разумъ отъ всякаго безполезнаго труда, и приводитъ его въ состоянiе устремлять вниманiе свое особенно на одну часть, не подвергаясь замѣшательству, могущему произойти отъ разсматриванiя цѣлаго. Неизвѣстныя истины, какъ то уже замѣчено, открываемы бываютъ только посредствомъ отношенiй ихъ къ другимъ

гимъ извѣстнымъ истинамъ. Великое число сихъ отношеній необходимо приводило бы разумъ въ разсѣяніе, естьлибъ надлежало ему непрестанно напрягать свое вниманіе, и устремлять оное вдругъ на все множество сихъ особенныхъ обстоятельствъ. Но описанный выше сего способъ расположенія понятій нашихъ по классамъ отвращаетъ сіе неудобство. Ибо правильное раздѣленіе вещей, назначая каждой вещи особенно ея мѣсто, приводитъ насъ въ состояніе разсматривать особенно одну изъ нихъ, которую намъ надобно. И по тому разумъ, проходя по разнымъ отношеніямъ идей своихъ отъ одного къ другому, и замѣчая при каждомъ шагѣ слѣдствія оныхъ, можетъ всякой разъ располагать изслѣдованія свои по своей способности, и яснѣе усматриваетъ слѣдствія, происходящія изъ сравненія оныхъ, когда ограничивается только такимъ числомъ предметовъ, которое обнять, и которымъ съ удобностію заниматься можетъ. Симъ способомъ въ состояніи будучи удобно обозрѣвать каждый шагъ въ своемъ изслѣдованіи, проходитъ онъ вторично сіи разные отдѣлы, и располагая и совокупляя ихъ одинъ съ другимъ по надлежащему порядку и методу, наконецъ посредствомъ того въ состояніи бываетъ усматривать качество цѣлаго. Такимъ образомъ и при изслѣдованіи и открытіи истины, равно какъ при составленіи нашихъ идей, необходимо должны мы итти мало по малу и по ряду степеней, послѣдующихъ одна за другою. Сіи степени служатъ разуму такими мѣстами, на которыхъ останавливаясь, можетъ онъ обозрѣвать вокругъ себя, разсматривать выведенныя уже имъ слѣдствія, и разсуждать, какія вспомогательныя средства доставляютъ они ему къ выведенію другихъ слѣдствій, по которымъ надлежитъ еще проходить, пока достигнетъ конца изслѣдованія своего. По сей причинѣ часто случается, что весьма отдаленныя истины, которыхъ однимъ напряженіемъ духа достичь не можно, открываемы бываютъ мало по малу посредствомъ сего постепеннаго порядка, и открытіе ихъ стоитъ разуму гораздо менѣе труда, нежели сначала можно было ду-

 мать.

мать. Ибо хотя все дѣло вообще, будучи слишкомъ велико, не можетъ вдругъ усмотрѣно быть разумомъ, и въ разсужденіи того превышаетъ его способности; но разныя степени изслѣдованія часто бываютъ толь легки, что мы, переходя мало по малу отъ одной къ другой, и при томъ совершенно обозрѣвая каждую часть, можемъ продолжать изслѣдованія наши съ великою скоростію, и наконецъ достигаемъ той истины, для открытія которой все изслѣдованіе было предпринято.

Для чего разумъ, проходя по разнымъ степенямъ, не утомляется, или утомляется только мало.

5. Раздѣленіе числъ на классы, о которомъ мы уже говорили, представляетъ намъ весьма ясные опыты великихъ выгодъ, происходящихъ отъ искусственнаго метода раздѣлять также и понятія наши на классы. Понеже числа раздѣляются въ ономъ на разныя части, что дѣлаетъ ихъ болѣе соразмѣрными способности разума: то посредствомъ особеннаго разсматриванія сихъ частей, исчисленіе бываетъ весьма легко и просто. Особливаго вниманія достойно то, что при составленіи большихъ числъ хотя все исчисленіе бываетъ довольно велико, но разумъ проходитъ разныя степени, изъ какихъ оно состоитъ, съ невѣроятною скоростію и почти безъ всякаго утомленія. Ибо хотя въ продолжительномъ исчисленіи значеніе изображеній числъ паче и паче увеличивается и до того доходитъ, что они означаютъ *тысячи*, *миліоны*, *биліоны*, и т. д.; однакожъ они вымышлены толь удачно для выраженія разныхъ частей числъ, что при каждомъ шагѣ въ исчисленіи мы принимаемъ ихъ какъ бы простыя единицы, замѣняя недостающее тѣми мѣстами, какія даны бываютъ ихъ суммамъ въ главной суммѣ. Сей выгодный способъ изображенія числъ расположенъ такъ, что можно самыя большія числа изслѣдовать съ такоюжъ удобностію, какъ самыя простыя и извѣстныя. Ибо при различныхъ дѣйствіяхъ въ исчисленіи разумъ не бываетъ никогда принужденъ разсматривать много частей вдругъ, также и не задерживается разсматриваніемъ величины и составленія сихъ частей.

6.

6. И такъ надлежащее и порядочное расположеніе понятій можетъ дѣлать самые величайшіе предметы соразмѣрными силамъ разума нашего. Оно сокращаетъ трудъ разума, и приводитъ его въ состояніе продолжать изслѣдованія свои въ постепенномъ порядкѣ, безъ чего всѣ отдаленнѣйшія истины въ наукахъ оставались бы навсегда сокрыты отъ познанія нашего. А по сему, какъ я думаю, можно утверждать, что искусство приведенія понятій нашихъ въ порядокъ и раздѣленія ихъ на классы, есть самое важнѣйшее вспомогательное средство и орудіе къ изобрѣтенію. Того ради старался я объяснить сіе примѣрами числъ. Ибо въ числахъ не только представляется намъ совершенный образецъ самаго искусства, но также мы усматриваемъ въ нихъ весьма ясно, какія вспомогательныя средства доставляетъ оно къ удобному пониманію предметовъ и къ успѣшному изысканію истины. Хотя примѣры сіи весьма извѣстны, однакожъ не всякой старается примѣчать искусство и остроуміе, какое въ изобрѣтеніи оныхъ видѣть можно, или открывать основательныя правила изобрѣтенія, которыя изъ нихъ толь явно могутъ бы[ть] выведены. Я почитаю сіе подлинною причиною то[го], что находятся такіе люди, которые хотя кажут[ся] совершенно искусными въ изобрѣтеніи касательно нѣкоторыхъ особенныхъ частей учености, но выступивъ изъ обыкновенныхъ слѣдовъ своихъ, какъ бы вдругъ лишаются всего остроумія и всея способности. Изобрѣтеніе у такихъ людей есть только навыкъ, употребляемый механически, безъ всякаго знанія основаній и причинъ, на которыхъ разныя правила изобрѣтенія утверждаются; а по тому неизвѣстны имъ и тѣ общія замѣчанія, которыя во всѣхъ наукахъ съ равною пользою употреблять можно, дѣлая только нѣкоторыя перемѣны, сообразныя свойству того предмета, которымъ мы занимаемся. Въ самомъ дѣлѣ я не знаю вѣрнѣйшаго способа къ плодовитому и удобному изобрѣтенію, какъ внимательное примѣчаніе того,

Искусство расположенія понятій по классамъ служитъ самымъ лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ къ изобрѣтенію.

го, какимЪ образомЪ собственный нашЪ разумЪ употребляетЪ сію превосходную способность. Ибо мы часто бываемЪ вЪ состояніи изЪ особенныхЪ правилЪ, касающихся до какой либо части, выводить такія общія замѣчанія, которыя сами открываютЪ истинное основаніе и главныя положенія.

О другихЪ искусственныхЪ способахЪ, которые можно почитать посторончими средствами кЪ изобрѣтенію

7. Но кромѣ главныхЪ орудій науки, находится еще безчисленное множество другихЪ искусственныхЪ способовЪ, которые происходятЪ отЪ особеннаго качества того предмета, которымЪ мы занимаемся, и могутЪ почитаемы быть посторонними средствами кЪ изобрѣтенію. Многія доказательства задачь и теоремЪ вЪ Геометріи выводимы бываютЪ только изЪ начертанія и разсматриванія предлежащихЪ намЪ фигурЪ, и изЪ проведенія линій отЪ одной точки кЪ другой. РавнымЪ образомЪ вЪ Алгебрѣ кЪ удобному рѣшенію задачь не мало способствуетЪ то, что по условіямЪ предложенной задачи изобрѣтаемЪ нѣкоторыя уравненія и приличныя выраженія неизвѣстныхЪ количествЪ, сокращаемЪ мысли свои разными способами, сколько возможно уменьшаемЪ число особенныхЪ обстоятельствЪ, которыя вдругЪ разсматривать надлежитЪ, и наблюдаемЪ постепенный порядокЪ, обЪясненный выше сего примѣрами. Алгебраисты продолжаютЪ изслѣдованіе до частнаго уравненія одного какого либо неизвѣстнаго количества; но сіе неизвѣстное количество еще разными образами можетЪ связано быть сЪ другими извѣстными, по чему для открытія онаго потребно множество разныхЪ дѣйствій; а сіе часто заводитЪ вЪ трудные и продолжительные вычеты и причиняетЪ ирраціональныя количества. Для отвращенія сихЪ затрудненій и для сокращенія вычетовЪ, Алгебраисты вымыслили разные роды субституціи, доставляющіе великое облегченіе вЪ трудныхЪ задачахЪ. Однако сіи и подобные симЪ искусственные способы изобрѣтенія не могутЪ подробно описаны быть вЪ такомЪ краткомЪ сочиненіи, каково сіе. Довольно того, что мы сообщили читателю крат-

кое

кое понятіе о нихъ, и показали ему путь къ изслѣдованію оныхъ, естьли онъ когда либо самъ будетъ имѣть случай заниматься сими особенными частями познанія.

8. Но остается еще нѣчто заслуживающее особенное вниманіе, о чемъ надлежитъ намъ упомянуть прежде, нежели оставимъ сію матерію; а именно: великія выгоды, доставляемыя наукѣ удобнымъ выраженіемъ или означеніемъ мыслей. Сему только выраженію и способу означать разныя связи числъ фигурами, поставляемыми въ разныхъ мѣстахъ, должно приписывать то, что самыя труднѣйшія дѣйствія въ Ариѳметикѣ могутъ производимы быть съ толикою удобностію и скоростію. Также явно, что и открытія въ Алгебрѣ по большей части надлежитъ приписывать употребляемому въ ней символическому выраженію. Сверьхъ сего удобное означеніе приводитъ насъ въ состояніе употреблять зрѣніе и силу воображенія къ открытію истины. Ибо мысли происходятъ, и изчезаютъ, когда мы хотимъ ихъ разсматривать; по чему безъ особеннаго вспомогательнаго средства къ удержанію и соблюденію ихъ, когда онѣ происходятъ, часто было бы столько же трудно возобновлять изчезнувшія мысли, какъ и выводить ихъ одну изъ другой въ первой разъ. Но при изысканіи истины, обращая вниманіе свое отъ одной части изслѣдованія къ другой, часто имѣемъ случай повторять разсматриваніе сдѣланныхъ уже открытій. Такое обращеніе вниманія вдругъ въ разныя стороны непремѣнно приводило бы разумъ въ великое разсѣяніе, и было бы сопровождаемо безконечною трудностію, естьлибъ не можно было разсматривать предыдущихъ открытій иначе, какъ только представляя себѣ оныя вторично въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ они сперва выведены. Но искусство соблюдать мысли наши и опредѣлять удобнымъ и приличнымъ означеніемъ, совершенно отвращаетъ всѣ сіи затрудненія. Ибо когда мы старались изображать всякое открытіе надлежащими признаками, то въ случаѣ надобности возвратиться къ предыдущимъ открытіямъ,

О великихъ выгодахъ, происходящихъ отъ удобнаго выраженія и означенія мыслей.

 над-

надлежитъ только посмотрѣть на ту часть сего изображенія, въ которой они выражены. Посредствомъ сего они представятся разуму въ истинномъ и собственномъ ихъ видѣ. Такимъ образомъ всякой разъ можемъ скоро и удобно обозрѣвать, до чего дошли мы въ изслѣдованіи; и проходя разныя выведенныя уже слѣдствія, въ состояніи бываемъ еще яснѣе усматривать, какіе способы могутъ они доставить намъ къ открытію другихъ еще искомыхъ слѣдствій. Обозрѣваяжъ ясно всѣ открытія, при каждомъ шагѣ въ изслѣдованіи получаемыя, посредствомъ различнаго сравниванія и соображенія оныхъ одного съ другимъ доходимъ наконецъ до того, что можемъ усматривать качество цѣлаго, и въ состояніи бываемъ приводить разныя открытія наши въ одинакую и связную систему истинъ, въ чемъ состоитъ самая важнѣйшая цѣль всѣхъ изслѣдованій.

Глава III.

О методѣ науки.

Познаніе, происходящее изъ разсматриванія понятій нашихъ, необходимо и непремѣнно.

1. Для сообщенія вѣрнѣйшаго понятія о правилахъ, особенно свойственныхъ другому роду метода, называемому *методомъ науки*, и для утвержденія ихъ на основаніи ихъ собственномъ, прежде всего потребно опредѣлить значеніе слова *наука*, и показать, какимъ частямъ познанія человѣческаго сіе названіе съ большею приличностію приписано быть можетъ. Въ первой главѣ второй книги мы уже замѣтили, что находятся три различные пути къ познанію истины: вопервыхъ, разсматриваніе идей собственнаго нашего разума; вовторыхъ, сообщеніе отъ чувствъ; втретьихъ, свидѣтельство другихъ людей. Разсматривая идеи собственнаго нашего разума, сравниваемъ ихъ однѣ съ другими различнымъ образомъ, дабы судить о сходствѣ ихъ или разности. А какъ всѣ истины, открываемыя симъ образомъ, суть слѣдствія какихъ либо связей и отношеній, примѣчаемыхъ между самыми иде-

идеями; и какъ при сравненіи одинакихъ идей всегда и непремѣнно должны оставаться и одинакія отношенія между сими идеями: то явно, что познаніе, получаемое нами посредствомъ разсматриванія нашихъ понятій, по существу своему должно быть необходимо и непремѣнно. Сіи отношенія между идеями не только сами по себѣ существуютъ, но и разумъ нашъ примѣчаетъ ихъ и различаетъ; при ясномъ же ощущеніи связи или противорѣчія двухъ идей, мы необходимо должны бываемъ судить, сходствуютъ ли онѣ между собою, или нѣтъ: изъ чего неоспоримо слѣдуетъ, что такое познаніе сопровождаемо непремѣнною вѣрностію и убѣдительностію, такъ что не возможно не быть увѣреннымъ или имѣть какое либо сомнѣніе въ разсужденіи тѣхъ истинъ, которыя разумъ симъ образомъ открываетъ. Отношеніе равенства между цѣлымъ и всѣми его частями явно всякому имѣющему вѣрное понятіе о томъ, что называется *цѣлымъ* и *частію*. И такъ, у кого обѣ идеи сіи въ разумѣ находятся, тому не возможно сомнѣваться въ истинѣ сего положенія: *цѣлое равно всѣмъ частямъ его вкупѣ*. Ибо такое сомнѣніе было бы не иное что, какъ увѣрять себя о чемъ либо, что его нѣтъ, ощущая бытіе онаго ясно и необходимо. И такъ во всякомъ случаѣ, когда мы примѣчаемъ отношеніе между идеями нашими, непосредственно ли, сравнивая ихъ одну съ другою, или помощію среднихъ идей, представляющихъ оное разуму съ точностію, происходящее изъ того познаніе бываетъ вѣрно и необманчиво. Я говорю *необманчиво*, по тому, что мы не только ощущаемъ и принимаемъ истину положеній, такимъ образомъ разуму представляющихся, но и въ самихъ себѣ удовлетворительно чувствуемъ, что не можемъ обманываться въ семъ ощущеніи, ибо усматриваемъ ясно и основаніе, на которомъ увѣреніе наше утверждается. Но сія необманчивость не свойственна въ толикой степени познанію получаемому посредствомъ чувствъ, или основывающемуся на свидѣтельствѣ другихъ; хотя и сіи пути оба ведутъ къ увѣренію.

Названіе науки принадлежитъ только тому познанію, которое выводимо бываетъ изъ разсматриванія идей нашихъ.

2. И такъ вообще явно, что безусловная вѣрность, сопровождаемая необходимымъ убѣжденіемъ, безъ всякой возможности обмана, свойственна только разсматриванію идей нашихъ. Мы видимъ, что вещи, основывающіяся на опытѣ и свидѣтельствѣ, подвержены подозрѣнію и недовѣренности; но познаніе, касающееся до отношеній идей нашихъ, тому не подвержено. Ибо всѣ сіи различныя отношенія либо непосредственно примѣчаемы бываютъ разумомъ, либо открываемы помощію нѣкоторыхъ среднихъ идей; причемъ можно предполагать, что каждый шагъ къ достиженію сего открытія сопровождается непосредственною вѣрностію: слѣдовательно совсѣмъ не возможно увѣриться, что нѣтъ чего либо такого, чего бытіе мы совершенно и точно ощущали. Сіе только познаніе, которому такая вѣрность свойственна, можетъ названо быть *наукою* въ строгомъ и собственномъ смыслѣ. Ибо для *науки* потребно понимать и ясно познавать то, что мы видимъ и видѣть должны; по чему она касается только до такихъ вещей, которымъ свойственна безусловная вѣрность, и въ разсужденіи которыхъ предлагаемыя истины суть либо очевидныя положенія, либо выведены изъ такихъ положеній посредствомъ самаго точнаго доказательства. А понеже такой вѣрности ни въ чемъ найти не можно, какъ только при изслѣдованіи отношеній идей нашихъ: то явно, что наука собственно принадлежитъ только къ первой части познанія человѣческаго, происходящей, какъ уже сказано, изъ разсматриванія идей нашего разума.

Познаніе существованія вещей въ самомъ дѣлѣ не есть созерцательное.

3. Но я думаю, что при семъ сдѣлаютъ мнѣ слѣдующій вопросъ: „естьли *наука* и *демонстрація* свойственны только разсматриванію идей нашихъ, то какогожъ рода познаніе тѣлъ, силъ ихъ, свойствъ и взаимныхъ дѣйствій?„ На сіе отвѣтствую, что мы уже означили сіе познаніе названіемъ *натуральнаго*. Но дабы яснѣе усмотрѣть различіе между *сціентифиче-*

фическимъ и *натуральнымъ* познаніемъ, не безполезно будетъ присовокупить къ тому слѣдующія замѣчанія. Обращая зрѣніе на солнце, мы непосредственно заключаемъ, что находится внѣ насъ существо, сходствующее съ сею идеею нашего разума. Однакожъ должно замѣтить, что сіе заключеніе происходитъ не отъ необходимой и непремѣнной связи, усматриваемой между идеею разума и подлиннымъ существованіемъ находящагося внѣ насъ предмета. Всякому по опыту извѣстно, что въ насъ могутъ возбуждаемы быть идеи мнимымъ дѣйствіемъ предметовъ надъ чувствами нашими, хотя въ самомъ дѣлѣ такіе предметы не существуютъ. Примѣромъ сему могутъ служить сновидѣнія и бредъ въ горячкѣ. На чемъ же основывается помянутое заключеніе? Безспорно на слѣдующемъ; мы увѣрены бываемъ, что орудія наши дѣйствуютъ надлежащимъ образомъ, и знаемъ, что всякое дѣйствіе должно имѣть причину; а по сему весьма естественно принимаемъ за истину и то, что существуетъ предметъ, сходствующій съ идеею, въ разумѣ нашемъ произшедшею, и служащій причиною происхожденія оной. Но какъ заключеніе, посредствомъ котораго познаемъ сіе, не необходимо и не непремѣнно: то въ семъ случаѣ бываетъ не непосредственное познаніе, но только вѣроятное мнѣніе и умная догадка, основывающіяся на непосредственной истинѣ.

Безусловная вѣрность натуральнаго познанія ограничивается только тѣмъ, что мы непосредственно усматриваемъ.

4. Напротивъ того, когда частица золота распущена бываетъ въ царской водкѣ: въ семъ случаѣ мы хотя видимъ произведенное дѣйствіе и признаемъ его, но въ собственномъ и точномъ смыслѣ не можемъ сказать, что имѣемъ понятіе или познаніе о сей вещи. Ибо не зная внутренняго качества царской водки и золота, не можемъ изъ находящихся въ разумѣ нашемъ идей о сихъ вещахъ вывести причины, для чего одна изъ нихъ дѣйствуетъ надъ другою симъ особеннымъ образомъ. По сей причинѣ познаніе натуральныхъ явленій и дѣйствій съ вѣрностію простирается не далѣе настоящаго примѣра, или того, что мы непо-

посредственно усматриваемъ, и во всѣхъ касающихся до онаго изслѣдованіяхъ всегда надлежитъ употреблять опыты и извѣданіе; ибо въ семъ случаѣ не находится такихъ общихъ истинъ, на которыхъ бы можно было основывать сціентифическія заключенія. Усмотрѣвъ при одномъ опытѣ, что золото распускается въ царской водкѣ, не можемъ еще по тому необманчиво заключить, что и при другомъ опытѣ сіе также произойдетъ. Ибо не зная, отъ чего происходитъ помянутое дѣйствіе въ сихъ двухъ тѣлахъ, при новомъ предпріемлемомъ опытѣ не бываемъ совершенно увѣрены въ томъ, что предметы, которые мы совокупить хотимъ, имѣютъ то самое составленіе и расположеніе, отъ какого распущеніе происходитъ. Химисты по опыту знаютъ, что предметы, имѣющіе одинакое названіе и одинакой наружный видъ, не всегда бываютъ сходны въ силахъ своихъ и дѣйствіяхъ. Часто случается имъ тщетно искать въ частицѣ антимоніи тѣхъ свойствъ, которыя прежде въ другой частицѣ находили; и часто къ великой досадѣ обмануты тѣмъ бываютъ при опытахъ весьма дорого стоящихъ и подававшихъ великую надежду. Мы не увѣрены точно и совершенно даже и въ томъ, что тѣ же самые тѣла, надъ которыми дѣлали мы прежніе опыты, въ другихъ опытахъ представятъ намъ такіяжъ дѣйствія. Всякую минуту происходитъ въ Натурѣ множество перемѣнъ, ни мало не вѣдомыхъ, или не ощущаемыхъ нами. Перемѣна въ атмосферѣ, приближеніе или удаленіе солнца, уклоненіе его къ сѣверу или югу, не только перемѣняютъ наружный видъ вещей, но и въ самыхъ дѣлахъ человѣческихъ причиняютъ многія перемѣны, которыхъ мы не ощущаемъ при ихъ происхожденіи, да и никогда бы не свѣдали, естьлибъ не могли узнавать ихъ по производимымъ ими дѣйствіямъ и слѣдствіямъ. Также мы не въ состояніи съ вѣрностію опредѣлить, не происходятъ ли иногда такія перемѣны въ устроеніи и качествѣ многихъ тѣлъ, насъ окружающихъ. Слѣдовательно по одному опыту, удавшемуся въ одно время, не можемъ необманчиво заключать, что сей опытъ надъ тѣмижъ самыми тѣлами

и

и въ другое время будетъ удаченъ. Хотя сіе весьма вѣроятно, однако не имѣетъ совершенной вѣрности, по тому, что всегда остается возможность какой либо неизвѣстной намъ перемѣны въ оныхъ тѣлахъ.

Опытъ есть одно основаніе натуральнаго познанія.

5. Естьли бы свойство царской водки и золота было намъ свѣдомо съ такою точностію, чтобъ мы въ состояніи были судить, для чего золото въ сей водкѣ распускается, и чтобъ мы по находящимся въ разумѣ идеямъ сихъ тѣлъ ясно заключать могли, что тѣла такого качества, смѣшены будучи извѣстнымъ образомъ, необходимо должны произвести помянутое дѣйствіе; естьли бы мы имѣли такое свѣдѣніе: то познаніе наше было бы *сціентифическое*, и утверждалось бы на основаніи либо созерцательныхъ понятій, либо демонстраціи, сообразно тому, какъ бы мы получили оное, непосредственно ли, или помощію нѣкоторыхъ среднихъ идей. Ибо въ семъ случаѣ имѣя въ разумѣ двѣ главныя идеи, которыхъ отношенія намъ совершенно свѣдомы, могли бы мы о сходствующихъ съ сими идеями предметахъ съ вѣрностію сказать, что совокупленіе оныхъ произведетъ вышеупоминаемое дѣйствіе; по тому, что истинное въ идеяхъ, и въ самыхъ вещахъ необходимо должно быть истинно, когда есть вещи сходныя съ сими идеями. Естьли въ представленіи то истинно, что параллелограммъ болѣе вдвое тріугольника, имѣющаго основаніемъ одну съ нимъ линію, и находящагося между одними паралельными линіями: слѣдовательно сіе истинно будетъ и въ разсужденіи всякаго тріугольника и параллелограмма, существующаго въ самомъ дѣлѣ съ сими условіями. Равнымъ образомъ надлежитъ замѣтить, что перемѣны, которымъ тѣла всякой день бываютъ подвержены, не производили бы никакого замѣшательства или затрудненія въ натуральномъ познаніи, естьлибъ на помянутомъ основаніи утверждались. Ибо въ семъ случаѣ силы и свойства предметовъ, выводимы будучи изъ находящихся въ разумѣ идей оныхъ, были бы относимы къ существующимъ въ самомъ дѣлѣ вещамъ не иначе, какъ по совершенному сходству сихъ

ве-

вещей съ нашими идеями. И такъ, когда бы произошла въ какомъ либо тѣлѣ перемѣна, причиняющая въ ономъ разность съ тою главною идеею, изъ которой, казалось, слѣдовали прежнія его свойства: то намъ необходимо надлежало бы узнать, что и въ самыхъ свойствахъ произойдетъ подобная перемѣна, и что силы и дѣйствія сего тѣла касательно другихъ тѣлъ не будутъ уже совершенно одинаковы.

Какое познаніе тѣлъ можетъ названо быть наукою.

6. Но еще достойнѣе примѣчанія то, что въ такомъ случаѣ мы были бы въ состояніи опредѣлять взаимныя дѣйствія и вліяніе тѣлъ, не имѣя нужды въ посредствѣ опытовъ. Напр. естьлибъ мы совершенно знали внутреннее качество и составленіе животнаго тѣла, и тотъ ядъ, который входитъ въ него отъ змѣинаго ужаленія, и были бы въ состояніи ясно усматривать, какъ одно съ другимъ смѣшивается: то могли бы сціентифическимъ образомъ, безъ помощи опытовъ, заключать изъ сего, что змѣиное ужаленіе можетъ разрушить составъ тѣла человѣческаго, и произвести въ немъ такое брожденіе и воспаленіе, отъ котораго напослѣдокъ всѣ потребныя къ жизни дѣйствія прекратятся, и сей удивительный составъ превратится въ мертвую массу. Но какъ такія совершенныя и вѣрныя идеи предметовъ и взаимныхъ ихъ отношеній весьма превышаютъ нынѣшнія наши способности: то мы тщетно бы стали стараться о исправленіи натуральнаго познанія посредствомъ отвлеченныхъ заключеній, или сціентифическихъ доказательствъ. Опытъ есть одно истинное и собственное основаніе разсужденій нашихъ касательно онаго, и мы не можемъ никакими иными способами достигать открытія разныхъ свойствъ и силъ въ тѣлахъ. Коль долго надлежало бы изслѣдовать качество дурмана, разсматривать сквозь увеличительное стекло различное учрежденіе частей его, и раздроблять и разбирать его по всѣмъ химическимъ методамъ, прежде, нежели бы могли мы съ вѣрностію опредѣлить дѣйствія его надъ человѣческимъ тѣломъ! Но одинъ опытъ вдругъ показываетъ то, чего бы вся острота наша и изобрѣта-

тательность сами собою открыть не были въ состояніи. Сіе относится и ко всякой другой части Физики. Открытія электрической силы, силъ и свойствъ магнита, дѣйствіе огнестрѣльнаго пороху, и пр., получены нами не посредствомъ заключеній, или разсматриванія отвлеченныхъ идей нашихъ, но помощію опытовъ, дѣланныхъ надъ тѣлами. По сей причинѣ знаніе Натуры не имѣло успѣховъ, доколѣ владычествовала въ училищахъ Аристотелическая Философія, занимавшаяся по большей части метафизическими понятіями, сокровенными свойствами, симпатіями, и другими подобными сему ничего не значащими словами. Ибо тогда хотѣли доказывать отвлеченнымъ образомъ такія вещи, о которыхъ не имѣли совершенныхъ и вѣрныхъ идей, на какихъ бы можно было основывать заключенія сего рода. Но какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи обратились на путь опытовъ, которые въ самомъ дѣлѣ суть одно истинное основаніе Физики: то сдѣланы уже великія открытія, и впредь еще надлежитъ ожидать гораздо большихъ.

Различіе сціентифическаго познанія отъ натуральнаго.

7. И такъ наконецъ можемъ усматривать, въ чемъ собственно состоитъ различіе между сціентифическимъ и натуральнымъ познаніемъ. Въ сціентифическихъ матеріяхъ мы заключаемъ по идеямъ находящимся въ разумѣ нашемъ, и по взаимнымъ связямъ и отношеніямъ ихъ между собою. И какъ сіи отношенія необходимо должны быть усмотрѣны и приняты, естьли представляемы бываютъ ясно: то всѣ истины сего класса производятъ въ разумѣ совершенную извѣстность и сопровождаемы необходимымъ и непремѣннымъ увѣреніемъ. Но въ натуральномъ познаніи бываетъ совсѣмъ иначе. Созерцательныя разсужденія и внутреннія понятія въ немъ быть не могутъ. Мы примѣчаемъ силы и свойства окружающихъ насъ предметовъ не посредствомъ разсматриванія и сравненія идей, которыми они представляемы, но только посредствомъ опытовъ и впечатлѣній, дѣлаемыхъ ими въ чувствахъ. А какъ чувства въ нѣкоторыхъ случаяхъ обманываютъ, то мы не имѣемъ необман-

манчиваго увѣренія въ томъ, чтобы сего не происходило и въ другихъ случаяхъ. Сіе уменьшаетъ вѣрность такого познанія, и подаетъ поводъ къ подозрѣнію и недовѣренію. И что еще важнѣе, какъ мы не имѣемъ о тѣлахъ совершенныхъ и точныхъ понятій, которыя представляли бы намъ внутреннее качество оныхъ, или открывали бы основаніе, отъ котораго свойства ихъ зависятъ: то не можемъ составлять общихъ положеній, которыя могли бы употребляемы быть во всякомъ особенномъ случаѣ. Мы говоримъ: „огонь растопляетъ металлы.“ Хотя сіе выраженіе неопредѣленно, однако оно означаетъ только частную истину, и не можетъ съ совершенною вѣрностію сказано быть о всѣхъ разныхъ опытахъ, какіе дѣланы бывали. Причина сего та, что мы не знаемъ внутренняго качества и составленія огня и металловъ. И такъ мы не имѣемъ совершеннаго увѣренія о вещахъ, представляющихся намъ подъ симъ названіемъ, что качество ихъ и составленіе таково, каково потребно для удачнаго успѣха въ опытѣ. Сіе можетъ быть весьма вѣроятно; но по недостатку опредѣленной главной идеи, никогда не возможно получить въ семъ случаѣ яснаго и совершеннаго понятія.

Способъ заключенія въ натуральномъ познаніи.

8. Но какъ многія общія заключенія въ Физикѣ принимаемы бываютъ безъ всякаго сомнѣнія, и даже большая часть предпріятій и намѣреній въ жизни нашей утверждаются на семъ основаніи: то естественно сдѣлать вопросъ: какимъ образомъ доходимъ мы до сего увѣренія? Я отвѣтствую: не сціентифически и не по строгому доказательству, но по ожиданію подобныхъ случаевъ и многократнымъ опытамъ. Напр. мы распознаемъ огонь по такимъ свойствамъ, которыя посредствомъ чувствъ удобнѣе всего примѣчены быть могутъ, и изъ которыхъ главныя суть свѣтъ и жаръ. Изслѣдуя качество огня еще точнѣе, находимъ, что онъ имѣетъ силу растоплять металлы. Однако сіе новое свойство не имѣетъ необходимой связи съ прочими свойствами, по которымъ распознаемъ мы огонь отъ другихъ вещей: слѣдовательно не можемъ съ вѣрностію заключать, что

при

при свѣтѣ и жарѣ должна купно находиться и сила растоплять металлы. Но извѣдавъ сіе многими опытами, начинаемъ догадываться, что такая связь въ самомъ дѣлѣ находится, хотя зрѣніе по несовершенству своему усматривать ее не можетъ. Посредствомъ сего доходимъ до общаго заключенія, или по случившемуся заключаемъ о томъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ случится, и находя въ какомъ либо тѣлѣ всѣ извѣстныя свойства огня, ни мало не сомнѣваемся, что и помянутая сила оному свойственна. Сіе называется заключеніемъ *по ожиданію подобныхъ случаевъ*, или *по аналогіи*. Оно, какъ-то видимо, все основывается на индукціи и на опытахъ дѣлаемыхъ надъ особенными предметами. Чѣмъ точнѣе и вѣрнѣе идеи сихъ вещей, и чѣмъ многочисленнѣе опыты, на которыхъ заключенія наши основываются, тѣмъ вѣрнѣе будутъ выводимыя изъ нихъ заключенія. Такимъ образомъ по большей части доходимъ до истинъ натуральнаго познанія; напр. узнаемъ, что ужаленіе нѣкоторыхъ животныхъ смертоносно; что натертая магнитомъ игла обращается острымъ концемъ къ сѣверу; что тяжесть свойственна всѣмъ тѣламъ вообще. Сіи и безчисленныя другія истины, хотя не могутъ строго быть доказаны, однако по аналогіи, на которой онѣ основываются, принимаемы бываютъ безъ всякаго затрудненія, равно какъ и самыя извѣстныя созерцательныя разсужденія. Онѣ становятся даже вѣрными и общими правилами, по которымъ мы располагаемъ всѣ предпріятія и намѣренія въ жизни.

Какъ сціентифическое заключеніе въономъ употребляемо быть можетъ.

9. Особеннаго примѣчанія достойно еще то, что опредѣливъ общія свойства вещей, и принявъ оныя какъ *требованія* въ Философіи, можемъ утверждать на семъ основаніи строгія и математическія доказательства, и чрезъ то употреблять сціентифическое заключеніе въ натуральномъ познаніи. Такимъ образомъ Исаакъ Нютонъ опредѣливъ по множеству опытовъ законы тяжести и привлекательной силы, и принявъ то за основательное положеніе, что силы сіи дѣйству-

ствуютъ во всей системѣ Натуры по одинакимъ законамъ, вывелъ изъ онаго посредствомъ точной демонстраціи всю теорію движенія небесныхъ тѣлъ. Ибо когда принято будетъ сіе требованіе, что всѣ тѣла привлекаютъ одно другое, или имѣютъ относительную между собою тяжесть, и что оная дѣйствуетъ по качеству плотности тѣлъ, и по мѣрѣ разстоянія уменьшается: то опредѣленное Нютономъ въ разсужденіи движенія тѣлъ небесныхъ слѣдуетъ уже изъ одного разсматриванія идей нашихъ, то есть необходимо и сціентифически. Равнымъ образомъ въ Оптикѣ принявъ за основательное положеніе то, что свѣтъ разливается во всѣ стороны въ прямыхъ линіяхъ, и что лучи его отскакиваютъ назадъ и переломляются по нѣкоторымъ опредѣленнымъ и непремѣннымъ законамъ, какъ-то все опытами бываетъ подтверждаемо, на семъ основаніи можемъ математически утвердить всю теорію зрѣнія. То же бываетъ въ Механикѣ, Гидростатикѣ, Пневматикѣ, и другихъ наукахъ, въ которыхъ изъ требованій, по опыту опредѣленныхъ, можно вывести всю ихъ теорію точною демонстраціею. И я думаю, что по сей причинѣ многія части натуральнаго знанія названы науками: не по тому, чтобъ онѣ основывались на непосредственномъ познаніи, но по тому, что разныя свойственныя имъ основанія приняты по опыту, а выведенная изъ сихъ основаній теорія опредѣлена сціентифическимъ заключеніемъ.

Однакожъ опытъ всегда бываетъ послѣднимъ основаніемъ увѣренія нашего.

10. Естьлибъ могли мы усматривать необходимую связь между тяжестію и извѣстными существенными свойствами матеріи, такъ чтобъ оная была неотдѣлима отъ истинной идеи матеріи: то вся теорія движенія тѣлъ небесныхъ была бы въ точномъ и собственномъ смыслѣ сціентифическая. Ибо когда бы можно было по понятію тяжести демонстративно опредѣлить тѣ положенія, которымъ соображаются тѣла въ перемѣнахъ своихъ при нѣкоторыхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ: то въ состояніи будучи

дучи открывать обстоятельства, принадлежащія къ какой либо системѣ тѣлъ, и имѣя причину предполагать, что тяжесть имъ существенна, могли бы мы изъ одного только разсматриванія идей нашихъ выводить всѣ движенія и явленія, примѣчаемыя въ тѣлахъ. Сіе сдѣлалъ Нютонъ въ разсужденіи нашей планетной системы. Онъ опредѣлилъ обстоятельства тѣлъ, изъ которыхъ она состоитъ, въ разсужденіи положенія, разстоянія, величины, и пр. Изъ предположенія всего того слѣдовало, что разныя перемѣны ихъ и явленія также имъ существенны, когда существенно имъ приводимымъ быть въ движеніе тяжестію. Но какъ положеніе тяжести и привлекательной силы не можетъ причислено быть къ извѣстнымъ свойствамъ матеріи, то и сея теоріи не можно непосредственно вывести изъ понятія тѣла. Хотяжъ заключенія наши въ сей части Философіи въ самомъ дѣлѣ суть сціентифическія; но какъ основательное положеніе, на которомъ сіи заключенія утверждаются, выводимо изъ опыта, то и самая теорія необходимо утверждается на семъ же основаніи. Такимъ образомъ ученіе о движеніи тѣлъ небесныхъ въ собственномъ и точномъ смыслѣ принадлежитъ ко классу натуральнаго познанія, хотя и кажется, что оно опредѣлено математическими заключеніями. Ибо различіе между *наукою* и *натуральнымъ познаніемъ* собственно состоитъ въ томъ, что послѣднее основаніе перваго есть созерцательныя положенія, а втораго опытъ. А какъ сіе замѣчаніе касается и до всѣхъ другихъ частей Физики, въ которыхъ введено сціентифическое заключеніе: то явно, что онѣ суть науки не въ самомъ точномъ и собственномъ смыслѣ сего слова, но только въ пространнѣйшемъ значеніи, оному прилагаемомъ, которое во всѣхъ языкахъ довольно употребительно. И такъ сказанное нами выше сего о невозможности умножать натуральное познаніе посредствомъ сціентифическихъ заключеній, ни мало не противорѣчитъ здѣсь утверждаемому. Тамъ говорили мы о заключеніяхъ, имѣющихъ послѣднимъ основаніемъ созерцательныя положенія, и выводимыхъ изъ разсматриванія отвлеченныхъ

 идей,

идей, находящихся въ разумѣ; а не о такихъ заключеніяхъ, которыя проистекаютъ изъ требованій, принятыхъ по опыту. Ибо послѣднія, какъ то уже замѣчено, не суть точно и собственно сціентифическія, но только называются такъ въ разсужденіи способа заключенія, какимъ выводимы бываютъ изъ помянутыхъ требованій.

Способъ заключенія въ историческомъ познаніи.

11. Не имѣя совершенной и необманчивой вѣрности въ натуральномъ познаніи, еще менѣе можемъ ожидать оной въ историческомъ познаніи. Ибо въ семъ познаніи увѣреніе наше основывается на одномъ только свидѣтельствѣ другихъ, и по тому мы подвержены бываемъ возможности обманываться гораздо болѣе, нежели при опытѣ. Повѣствующій намъ какое либо происшествіе можетъ быть самъ обманулся въономъ. Но и кромѣ сего сомнѣнія, можно еще подозрѣвать его въ намѣреніи обмануть насъ ложнымъ повѣствованіемъ. И такъ явно, что въ семъ случаѣ не возможно быть ни созерцательнымъ положеніямъ, или внутреннему ощущенію истины, ни точному и совершенному доказательству, а по тому и наукѣ. Однакожъ находится способъ заключенія, доставляющій намъ совершенное удовлетвореніе въ разсужденіи сего, и заставляющій принимать за истину историческія произшествія и повѣствованія; напр. естьли мы видимъ, что Историкъ былъ человѣкъ любившій истину; естьли онъ въ состояніи былъ справедливо судить о повѣствуемомъ; естьли имѣлъ достаточный случай къ полученію свѣдѣнія объономъ; естьли книга изданная подъ его именемъ, въ самомъ дѣлѣ имъ писана; естьли она дошла до насъ безъ всякихъ поддѣлокъ; наконецъ естьли повѣствуемое само по себѣ вѣроятно, согласно съ иными произшествіями того времени, и другими современными писателями подтверждаемо. По симъ и подобнымъ сему обстоятельствамъ, основывающимся отчасти на Критикѣ, отчастижъ на вѣроятной догадкѣ, мы судимъ о прошедшемъ, и хотя не можемъ имѣть сціентифическаго доказательства, однакожъ во многихъ случаяхъ полу-

лу-

лучаемъ вѣрное познаніе. Ибо нелѣпо было бы требовать математическихъ доказательствъ касательно произшествій; по тому, что сего рода вѣрность онымъ совсѣмъ не свойственна. Равнымъ образомъ было бы нелѣпо сомнѣваться въ истинѣ произшествій, подтверждаемыхъ самыми лучшими доказательствами, къ какимъ они по свойству и качеству своему способны.

Въ вещахъ касающихся до подлинной науки совсѣмъ не возможно быть скептицисму.

12. Такимъ образомъ видимъ мы въ разныхъ классахъ познанія человѣческаго и основаніе нашихъ разсужденій, и способъ заключенія, особенно свойственный каждому изъ оныхъ. Въ *сціентифическомъ* познаніи, касающемся только до отвлеченныхъ идей разума и до взаимныхъ отношеній и связей ихъ, разсужденія наши основываются на созерцательныхъ положеніяхъ, и способъ заключенія есть *демонстративный*. Въ *натуральномъ* познаніи, котораго предметъ суть находящіяся внѣ насъ вещи, силы ихъ, свойства, и взаимныя дѣйствія, мы разсуждаемъ *по опыту*, и заключаемъ посредствомъ *индукціи* и *по аналогіи*. Наконецъ въ *историческомъ* познаніи, занимающемся паче всего произшествіями и прошедшими событіями, разсужденія наши основываются на *свидѣтельствѣ* другихъ; а *Критика* и *вѣроятная догадка* служатъ правиломъ заключенія. Теперь же, какъ я думаю, мы уже въ состояніи опровергнуть нелѣпый скептицисмъ, какого нѣкоторые изъ Древнихъ придержались, и по которому всѣ положенія почитаются одинаково невѣрными. Сіе мнѣніе произошло отъ упрямства нѣкоторыхъ Философовъ, которые примѣчая, что свѣдѣнія, доставляемыя чувствами и свидѣтельствами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обманчивы, заключали сіе и о всякихъ другихъ случаяхъ, и поставляли за правило во всемъ сомнѣваться. Но въ разсужденіи такого сомнѣнія надлежитъ замѣтить, что оно въ самомъ дѣлѣ можетъ простираться только на опыты и свидѣтельства; но сціентифическое познаніе совершенно и необходимо свободно отъ онаго. Когда понятія въ разумѣ нашемъ происходятъ, то не возможно сомнѣваться въ томъ, что они суть. Когда разумъ

нашъ ясно познаетъ отношенія нѣкоторыхъ идей, непосредственно ли въ *созерцательныхъ понятіяхъ*, или помощію нѣкоторыхъ среднихъ идей, что дѣлается посредствомъ *демонстраціи*: въ такомъ случаѣ тщетно бы стали мы стараться увѣрить себя, что того нѣтъ, чего бытіе мы совершенно и необходимо усматриваемъ. Мы не можемъ въ семъ случаѣ принудить себя не быть увѣренными. Истина силою преодолѣваетъ всякое сопротивленіе, и проницаетъ въ разумъ съ толикою ясностію, что происходитъ отъ того необходимая и необманчивая вѣрность.

Въ вещахъ, основывающихся на опытѣ и свидѣтельствахъ надлежитъ принимать его съ осторожностію.

13. Натуральное и историческое познаніе подвержено скептицисму, по тому, что въ ономъ, какъ то уже сказано, можно обманываться. Но въ разсужденіи сего надлежитъ замѣтить, что одна только возможность недостаточна къ основанію на ней философскаго мнѣнія. Возможно то, что Великобританія въ нынѣшнюю ночь будетъ поглощена моремъ; однакожъ я не думаю, чтобъ кому либо пришло на умъ ожидать сего въ самомъ дѣлѣ. Возможно всему роду человѣческому погибнуть въ слѣдующую минуту; однако сія возможность не заставляетъ насъ опасаться, что въ самомъ дѣлѣ то произойдетъ. Короче сказать, мы должны разсуждать о вещахъ по доказательствамъ, которыми онѣ подтверждаемы бываютъ, а не по одной только отвлеченной возможности; и когда онѣ имѣютъ всю ту вѣрность, къ какой онѣ способны, то сего довольно уже для увѣренія нашего, хотя мы и не можемъ показать, что въ противномъ содержится противорѣчіе. Будетъ ли разумный человѣкъ сомнѣваться въ томъ, что находится такая земля, какова Америка, хотя онъ и не можетъ совершенно доказать, что всѣмъ извѣстіямъ объ оной не возможно быть ложными? Точныя и строгія демонстраціи не принадлежатъ къ Исторіи или Физикѣ. Мы дѣлаемъ заключенія въ сихъ частяхъ познанія, занимая доказательства изъ опыта и свидѣтельствъ. Естьлижъ истина какого либо положенія симъ образомъ

достаточно подтверждена бываетъ, и представляется со всею вѣрностію, къ какой только она способна, и естьли мы имѣемъ столько причины вѣрить о какой либо вещи, что она въ самомъ дѣлѣ есть, сколько возможно имѣть для принятія бытія оной за истину: сіе не столько ли же увѣрительно, какъ и демонстрація? Но должно признаться, что въ семъ случаѣ не бываетъ внутренняго ощущенія; а по тому и увѣреніе не можетъ названо быть необходимымъ и непремѣннымъ. Всякой, кто захочетъ, можетъ сомнѣваться въ такихъ вещахъ, и когда рѣшится на сіе, то тщетно было бы оспоривать его упрямство. Однако не могу я не замѣтить, что такой человѣкъ, придержась своего правила, и почитая все то невѣрнымъ, что точно сціентифически доказано быть не можетъ, поступаетъ весьма безумно. Никто не можетъ математически доказать, что въ пищу его и питье не положено яду; но естьлибъ кто захотѣлъ наблюдать въ семъ осторожность, и не отвѣдывать ничего не дошедши прежде до такой степени вѣрности, тому надлежало бы со всею важностію и со всѣмъ благоразуміемъ умереть съ голоду, избѣгая опасности быть отравлену. Но самые ревностные защитники, при всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ и недовѣреніяхъ, за лучшее почитаютъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ поступать такъ, какъ бы совершенно вѣря чувствамъ своимъ и свидѣтельству другихъ. Они не осмѣлятся принять яду, или влезть въ затопленую печь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ увѣрены будучи, что отъ того послѣдуетъ смерть. Надлежитъ признаться, что они поступаютъ въ томъ благоразумно; но сіе служитъ весьма убѣдительнымъ доказательствомъ нелѣпости ихъ мнѣній. Ибо что можетъ быть смѣшнѣе, какъ придержаться такого образа мыслей, которому почти во всякомъ случаѣ дѣлами противорѣчить принуждены бываемъ? Не должно принимать мнѣній по упрямству или мечтанію; но имъ надлежитъ быть основаніемъ дѣлъ нашихъ и правилами поступокъ. Мнѣнія, не сообразныя сей главной цѣли, тщетны и безплодны; и упрямое защищеніе оныхъ, вопреки всѣмъ указаніямъ опыта, по справедливости заслуживаетъ на-

звано быть глупостію. И такъ мы не будемъ размножать здѣсь доказательствъ касательно толь извѣстной матеріи, показавъ сообразно намѣренію нашему, что въ сціентифическомъ познаніи совсѣмъ не возможно быть сомнѣнію и неизвѣстности, и что въ самыхъ историческихъ и до натуральныхъ произшествій касающихся истинахъ весьма нелѣпо придержаться скептицисма безъ всякаго различія.

Наука можетъ употребительна быть въ житейскихъ дѣлахъ.

14. Но здѣсь можно сдѣлать вопросъ: для чего оказываемо наукѣ такое уваженіе, когда она, по описанію нашему, кажется толико странною и отъ произволенія зависящею? Ибо мы видимъ, что она ограничивается только разсматриваніемъ нашихъ идей; и понеже имѣемъ свободу составлять и совокуплять идеи сіи по своему произволенію: то сіе пролагаетъ намъ путь къ строенію воздушныхъ замковъ собственнаго нашего изобрѣтенія, и къ вымышленію странныхъ системъ, какими люди, имѣющіе пылкое и живое воображеніе, любятъ заниматься. Напротивъ того она обѣщаетъ мало такого познанія, которое достойно вниманія мудраго человѣка и касается до главныхъ предметовъ жизни человѣческой. Какаяжъ намъ польза отъ одного только разсматриванія собственныхъ нашихъ идей, и отъ наблюденія разныхъ отношеній ихъ къ намъ и между собою? На сіе отвѣтствую, что познаніе, пріобрѣтаемое посредствомъ разсматриванія идей нашихъ, въ самомъ дѣлѣ не стоило бы уваженія въ жизни человѣческой, естьлибъ идеи совсѣмъ не касались самыхъ вещей. Но понеже все, что въ идеяхъ истинно, необходимо должно быть истинно и въ самыхъ вещахъ, какъ то уже упомянуто, естьли существуютъ вещи сходствующія съ сими идеями: то явно, что занимая идеи съ точностію отъ предметовъ существующихъ въ самой Натурѣ, и располагая оныя по обстоятельствамъ особенно до насъ касающимся, мы пролагаемъ себѣ путь къ открытіямъ весьма важнымъ для рода человѣческаго. Ибо въ семъ случаѣ разныя заключенія и выводимыя нами слѣдствія касаются до самыхъ предметовъ, равно какъ и до пред-

представляющихъ оные идеи; а по тому съ вѣрностію могутъ употребляемы быть относительно къ симъ предметамъ, когда они представляются разсматриванію нашему. Такимъ образомъ Математики, составивъ себѣ идею конуса, цилиндра, шара, присмы, и пр., сравниваютъ сіи фигуры различнымъ образомъ, изслѣдуютъ разныя ихъ свойства, и утверждаютъ правила, по которымъ можно опредѣлять относительную величину оныхъ. Но какъ часто попадаются намъ тѣла, сходствующія съ сими фигурами: то мы имѣемъ удобный случай къ употребленію математическаго познанія въ житейскихъ потребностяхъ; и опредѣляя съ большею точностію величину протяженія, каждому тѣлу свойственную, тѣмъ лучше можемъ судить, сколь оно способно къ нашимъ намѣреніямъ. То же бываетъ въ Политикѣ и Нравоученіи. Составляя себѣ понятія обществъ, связей, дѣлъ и обстоятельствъ, существующихъ въ родѣ человѣческомъ, относимъ всѣ наши заключенія и выводимыя нами слѣдствія къ самой жизни, и они служатъ намъ правилами, по которымъ можемъ мы поступать въ разныхъ обстоятельствахъ, какимъ жизнь наша подвержена. А по тому не довольно разсматривать только нѣкоторыя идеи, случайно намъ представляющіяся; но также должно стараться, чтобъ идеи сіи дѣйствительно относились къ вещамъ. Ибо хотя познаніе, выводимое изъ разсматриванія идей нашихъ всегда бываетъ вѣрно, однакожъ въ такомъ только случаѣ полезно и достойно вниманія, когда оно касается до идей, занятыхъ отъ предметовъ существующихъ въ самой Натурѣ, и имѣющихъ связь съ житейскими дѣлами.

Методъ науки начинается съ опредѣленія идей нашихъ,

15. И такъ я показалъ, что есть науки, назначилъ предѣлы ихъ, и обяснилъ великую пользу и важность ихъ въ житейскихъ дѣлахъ рода человѣческаго. Теперь остается предписать правила, свойственныя каждой изъ сихъ частей познанія, и сообщить наставленіе, какъ естественнѣе и удобнѣе можно доходить до извѣстности и увѣренія, неразлучно соединенныхъ съ наукою. Наука, какъ то уже сказано, ка-

 сает-

сается только до отвлеченныхъ идей разума нашего и взаимныхъ между ими отношеній. И такъ весь способъ къ пріобрѣтенію оной состоитъ въ такомъ расположеніи и управленіи мыслей нашихъ, чтобъ сіи разныя отношенія представились зрѣнію разума, и содѣлались бы необходимыми и непремѣнными предметами нашихъ понятій. Для сегожъ вопервыхъ стараться должно составлять и опредѣлять ясно тѣ идеи, которыя надлежитъ намъ изслѣдовать. Ибо отношенія, находящіяся между ими, не могутъ познаны быть иначе, какъ посредствомъ сравненія ихъ одной съ другою; а для сего сравненія необходимо потребно, чтобъ самыя идеи находились въ разумѣ, и были непосредственно нами разсматриваемы: изъ чего явно слѣдуетъ, что всякая наука должна начинаться съ опредѣленія идей. Идеи наши, какъ то уже въ первой книгѣ замѣчено, весьма естественно раздѣляются на *простыя* и *сложныя*. *Простыя* идеи возбуждаемы бываютъ дѣйствительными впечатлѣніями, производимыми въ разумѣ; и какъ онѣ существуютъ въ одинакомъ видѣ, безъ многоразличности или составленія, то не могутъ никогда быть смѣшены или приняты одна за другую. Напротивъ того *сложныя* понятія состоятъ изъ разныхъ простыхъ понятій, совокупленныхъ одно съ другимъ: по чему надлежитъ тщательно стараться узнавать число совокупленныхъ идей, и то, въ какомъ порядкѣ и какимъ образомъ онѣ составлены. Симъ только способомъ можно сохранить ясность и непремѣнность весьма сложныхъ понятій, такъ чтобъ они при всякомъ различномъ разсматриваніи представлялись намъ съ одинакими свойствами и отношеніями. И такъ съ сего начинается въ точномъ смыслѣ искусство познанія. Ибо хотя намъ довольно легко опредѣлять идеи, состоящія изъ немногихъ простыхъ понятій; но при многосложныхъ понятіяхъ часто потребно бываетъ великое искусство для показыванія ихъ съ такихъ сторонъ, чтобъ можно было избѣжать замѣшательства, весьма удобно происходящаго отъ разсматриванія вдругъ многихъ разныхъ предметовъ. По сей причинѣ понятія наши составлемы

мы бываютъ постепенно, какъ-то обстоятельно показано въ послѣдней главѣ первой книги. Ибо посредствомъ сего раздѣляются они на классы, и сіи классы происходятъ одинъ изъ другаго; по чему разумъ, разсматривая ихъ въ правильномъ послѣдствіи, восходитъ постепенно къ самымъ вышшимъ понятіямъ, и чрезъ нѣсколько времени можетъ ясно представлять себѣ всѣ части оныхъ съ невѣроятною удобностію и скоростію. И такъ, чтобъ узнать совершенно цѣну такого расположенія, надлежитъ внимательно разсматривать собственную связь, находящуюся между разными классами понятій нашихъ, учрежденныхъ по такому порядку. Каждый послѣдующій классъ состоитъ изъ сложныхъ идей, составляющихъ ближайшій къ нему рядъ. И какъ мы при переходѣ отъ одной степени къ другой, всякой разъ можемъ соображать число соединенныхъ понятій съ силою и способностію разума: то явно, что такимъ образомъ идеи, при каждой степени, бываютъ совершенно опредѣлены, и хотя бы онѣ весьма велики и многообъемлющи были, однакожъ удобно понимаемы быть могутъ. Сіе доказываетъ великая ясность понятій, часто примѣчаемая нами въ себѣ, даже и при самыхъ многосложнѣйщихъ идеяхъ. Ибо хотя число частей въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ почти невѣроятно велико, но какъ оное предварительно раздѣлено было на классы, и сіи классы въ разумѣ ясно опредѣлены были, то намъ удобно восходить по такому ряду степеней къ весьма многосложной идеѣ, и обозрѣвать ее однимъ взоромъ души во всемъ ея пространствѣ.

И сообщаетъ оныя другимъ посредствомъ дефиницій.

16. Но не довольно составлять только идеи въ разумѣ: надлежитъ еще искать способа къ содѣланію ихъ твердыми и непремѣнными, дабы въ такомъ случаѣ, когда мы отвращаемъ отъ нихъ свое вниманіе, и онѣ изчезаютъ, послѣ можно было ихъ возобновлять. Сіе дѣлается лучше всего посредствомъ словъ и описаній, служащихъ не только къ тому, чтобъ мы сами могли вторично обозрѣвать наши идеи, но и къ сообщенію ихъ другимъ. А понеже удобное и успѣшное сообщеніе

исти-

истины въ самомъ дѣлѣ есть одно изъ главныхъ намѣреній, съ какими придаемъ мы познанію видъ науки: то при изъясненіи открытій нашихъ всегда должно вопервыхъ стараться о томъ, чтобъ предлагать понятія, до которыхъ оныя касаются, въ правильномъ и точномъ рядѣ опредѣленій, или дефиницій. Ибо всѣ заключенія наши безъ сомнѣнія не будутъ имѣть никакого дѣйствія дотолѣ, пока мы не внушимъ идей нашихъ разуму того, съ кѣмъ дѣло имѣемъ, и не покажемъ связи ихъ съ присвоенными имъ тонами. Кто не понимаетъ истиннаго смысла нашихъ словъ, и чрезъ то получаетъ поводъ совокуплять ложныя идеи, тотъ не можетъ и усматривать связей и свойствъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но естьли мы употребляемъ выраженія, производящія въ разумѣ другихъ тѣ же самыя понятія, какія въ нашемъ разумѣ оными означаемы: то при ясномъ предложеніи сказуемыхъ отношеній, они необходимо должны поняты быть съ великою скоростію и удобностію, и ознаменовать всѣ наши заключенія знакомъ вѣрности.

Названія простыхъ идей составляютъ коренныя и первыя слова въ языкѣ.

17. И такъ мы видимъ, что *методъ науки* начинается съ опредѣленія идей нашихъ и сообщенія оныхъ другимъ посредствомъ дефиницій. При семъ надлежитъ сдѣлать весьма важное замѣчаніе, что во всѣхъ языкахъ должны быть нѣкоторыя коренныя и первыя имена, изъ которыхъ описанія происходятъ, и при которыхъ въ изслѣдованіи значенія тоновъ останавливаться должно. Ибо какъ всѣ опредѣленія наши состоятъ изъ словъ, то явно, что они никогда бы конца не имѣли, естьлибъ мы не приняли такихъ коренныхъ словъ, подъ которыя можно было бы подводить всѣ прочія, и которыми бы они напослѣдокъ необходимо оканчивались. Простымъ идеямъ свойственно то, что онѣ происходятъ не посредствомъ словъ, но производимы бываютъ въ разумѣ дѣйствіемъ самыхъ предметовъ. И такъ явно, что дошедши въ какомъ либо рядѣ опредѣленій до названій сихъ идей, мы не можемъ уже продолжать далѣе описаній нашихъ,

но

но принуждены бываемъ принять, что сіи понятія находятся уже въ разумѣ. Естьлижъ онъ ихъ не имѣетъ, то всѣ опредѣленія безполезны, и не возможно иначе получить сихъ понятій, какъ представивъ себѣ самые предметы, имѣющіе силу къ произведенію оныхъ. Изъ сего явно, что первыя части рѣчи, въ которыя весь языкъ приведенъ быть можетъ, суть не иное что, какъ имена простыхъ идей. Они, какъ мы видимъ, не подлежатъ никакому опредѣленію, или описанію. Мы узнаемъ ихъ значеніе, также и понятія означаемыя ими получаемъ только изъ опыта. Ибо примѣчая, что тѣ люди, въ сообществѣ съ которыми мы живемъ, употребляютъ нѣкоторые сложные тоны для изъявленія разныхъ впечатлѣній, производимыхъ въ нихъ предметами, совокупляемъ и мы сіи тоны съ тѣмижъ впечатлѣніями; и такимъ образомъ можемъ усматривать смыслъ ихъ словъ. Сей путь къ познанію есть общій въ разсужденіи всѣхъ простыхъ идей. Но многія сложныя идеи суть только произведенія разума, и нигдѣ кромѣ его не существуютъ; по чему и не находится внѣ насъ никакихъ предметовъ, которыми бы оныя производимы быть могли. И такъ, естьлибъ не можно было сообщать идеи сіи посредствомъ описаній, то мы не имѣли бы никакого способа ко внушенію ихъ разуму другихъ. Но всѣ сложныя понятія могутъ ясно представлены быть посредствомъ опредѣленій; ибо они суть не иное что, какъ разныя совокупленія простыхъ идей. Слѣдовательно, естьли сіи простыя идеи находятся уже въ разумѣ, и названія, которыми онѣ выражаемы бываютъ, извѣстны: то посредствомъ описанія порядка, числа и особенной связи совокупленныхъ понятій, не трудно произвести къ разумѣ другаго состоящую изъ оныхъ сложную идею.

При сціентифическомъ предложеніи какого либо дѣла предполагается знаніе оныхъ.

18. Понеже мы опредѣляемъ всѣ понятія разума посредствомъ простыхъ идей и ихъ названій: то явно слѣдуетъ, что при предложеніи какого либо дѣла сціентифическимъ образомъ, надлежитъ предполагать, что сіи начальныя основанія познанія и тому, съ кѣмъ дѣло имѣемъ, по опыту уже

из-

извѣстны. Сіе предположеніе справедливо. Ибо число простыхъ идей, до наукъ касающихся, весьма невелико, и онѣ употребляемы бываютъ весьма часто; по чему едва ли возможно, чтобъ онѣ были намъ не извѣстны, или чтобъ мы не наслышались названій ихъ въ разговорахъ. Паче же всего надлежитъ стараться употреблять сіи названія правильно и по точному и собственному значенію ихъ въ томъ языкѣ, на которомъ мы пишемъ. Рѣдко позволительно бываетъ перемѣнять значеніе словъ, а особливо выражающихъ простыя идеи. Но естьли когда либо такая вольность почтена будетъ за нужное: въ такомъ случаѣ надлежитъ намъ объяснить свои мысли, показать идеи подъ обыкновеннымъ ихъ названіемъ, и опредѣлить связь ихъ съ тѣмъ тономъ, который мы имъ присвоили. Иногда случается разсматривать новыя и необыкновенныя идеи, для выраженія которыхъ должно употреблять нами изобрѣтенныя слова. Въ семъ случаѣ, не въ состояніи будучи объяснить самыя идеи посредствомъ опредѣленій, показываемъ разные предметы, отъ которыхъ мы оныя получили; и хотя симъ способомъ понятія не бываютъ непосредственно производимы, однакожъ онѣ довольно соотвѣтствуетъ нашему намѣренію, приводя другихъ въ состояніе получить тѣ же самыя понятія.

Порядокъ и связь опредѣленій.

19. Когда сіе основаніе положено бываетъ, то сообщеніе сложныхъ понятій нашихъ, посредствомъ опредѣленій, становится и удобно и вѣрно. Ибо самыя идеи приведены бываютъ въ разныя отдѣленія, и сіи отдѣленія происходятъ одно изъ другаго; по чему съ нашей стороны не требуется уже ничего болѣе, какъ соображаясь тому, вести описанія наши также постепенно. И такъ, понеже первой классъ сложныхъ понятій составляемъ бываетъ непосредственно изъ простыхъ идей: то слова, употребляемыя при семъ классѣ, должны опредѣляемы быть названіями сихъ идей. А какъ второй и каждый изъ слѣдующихъ классовъ состоитъ изъ совокупленій, составляющихъ ближайшій къ нему классъ: то въ опредѣленіяхъ относящихся къ симъ разнымъ классамъ, надлежитъ по-

сте-

степенно употреблять такія выраженія, которыми разныя определенія правильно и по порядку означаемы бываютЪ. Легко усмотрѣть, что вЪ такомЪ рядѣ описаній ничто не можетЪ быть темно и невразумительно. Ибо онЪ начинается сЪ названій простыхЪ идей, которыхЪ значеніе принимаемо бываетЪ за извѣстное, и вЪ каждомЪ классѣ определеній употребляются только такія слова, которыя вЪ предыдущихЪ опдѣленіяхЪ уже опредѣлены; по чему переходя правильно отЪ одного изЪ нихЪ кЪ другому, мало по малу получаемЪ все нужное кЪ ясному понятію предлежащаго. Также немалая выгода при семЪ расположеніи состоитЪ вЪ томЪ, что разныя описанныя идеи производимы бываютЪ вЪ разумѣ вЪ томЪ же самомЪ порядкѣ и тѣмЪ же самымЪ образомЪ, какЪ душа ихЪ составляетЪ, восходя отЪ простыхЪ идей кЪ самымЪ многосложнѣйшимЪ. ИзЪ сего явно усматриваемЪ, какЪ вещи зависятЪ одна отЪ другой различнымЪ образомЪ; и понеже вЪ размышленіи наблюдаемЪ тотЪ же порядокЪ, который ведетЪ насЪ кЪ наукѣ и вѣрности, то непримѣтно дойдемЪ до того, что будемЪ заниматься дальнѣйшими изслѣдованіями, и дѣлая не иное что, какЪ только послѣдуя руководству и указанію, будемЪ думать, что мы старались вЪ самомЪ дѣлѣ выводить одну часть познанія изЪ другой.

О непосредственныхЪ и созерцательныхЪ отношеніяхЪ идей.

20. ТакимЪ образомЪ утвердивЪ, опредѣливЪ и объяснивЪ дефиниціями идеи наши, предпринимаемЪ по томЪ важное дѣло изслѣдованія разныхЪ свойствЪ ихЪ и отношеній. Для сего начинаемЪ сравнивать ихЪ между собою, и разсматриваемЪ со всѣхЪ различныхЪ сторонЪ, чрезЪ что только можемЪ надѣяться дойти до открытія находящагося между ими сходства или разности. Нѣкоторыя отношенія представляются при томЪ разуму вдругЪ и бываютЪ необходимыми предметами нашихЪ понятій, какЪ скоро сравнимЪ идеи; по чему сіи отношенія принимаемы бываютЪ непосредственно, и составляютЪ *первыя* и *созерцательныя разсужденія* наши, понеже сопровождаемы ясностію вЪ самой вышшей степени, и производятЪ вЪ разумѣ совершенное увѣреніе.

На-

Напротивъ того во многихъ случаяхъ связь или противорѣчіе идей, хотя весьма истинныя и основательныя, не могутъ непосредственно быть усматриваемы, но для открытія оныхъ потребно испытаніе и изслѣдованіе. Въ сихъ случаяхъ принимаемъ въ помощь себѣ среднія идеи. Естьли мы посредствомъ оныхъ въ состояніи бываемъ представить себѣ рядъ ясныхъ и извѣстныхъ истинъ, которыя составляя правильныя и одно за другимъ послѣдующія заключенія, приводятъ наконецъ къ заключаемому, выражающему искомое нами отношеніе: то происходящее изъ того доказательство называется *демонстраціею.* Увѣреніе, сопровождающее демонстрацію, толь же необходимо и непремѣнно, какъ происходящее изъ созерцательныхъ понятій: изъ чего явно слѣдуетъ, что въ обоихъ случаяхъ, какъ при непосредственномъ познаніи отношеній идей нашихъ, такъ и при открытіи оныхъ помощію среднихъ идей, достигаемъ науки или вѣрности. Но при семъ особенно надлежитъ замѣтить, что когда отдаленныя отношенія выводимы бываютъ изъ извѣстнѣйшихъ и самихъ по себѣ ясныхъ отношеній, то положенія, выражающія сіи послѣднія, предлежатъ вопервыхъ познанію нашему, и должны опредѣлены быть прежде, нежели можемъ приступить къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. И такъ въ методѣ науки послѣ опредѣленій слѣдуетъ стараться о томъ, чтобъ предложить ясно непосредственныя отношенія, которыя разумъ необходимо усмотрѣть и принять долженъ, какъ скоро идеи сравнены. Положенія, въ которыхъ сіи отношенія предлагаемы бываютъ, называются первыми основаніями, по тому, что они первыя встрѣчаются въ порядкѣ познанія нашего, и по тому, что они ясны сами собою, не требуя, чтобъ предварительно находились въ разумѣ такія истины, которыми бы ихъ объяснить или опредѣлить было можно. Не нужно показывать здѣсь обстоятельно, какую осторожность и тщательность надлежитъ наблюдать при опредѣленіи сихъ первыхъ и основательныхъ понятій. Ибо все зданіе познанія нашего утверждается на оныхъ; изъ чего явно, что ошибка въ разсужденіи ихъ должна ис-

про-

провергнуть и уничтожить всѣ послѣдующія заключенія. Но какъ мы объяснили уже качество сихъ положеній во второй книгѣ, разобрали понятія очевидной ясности, и показали разность между истинами сего класса и истинами доказательными: то не будемъ теперь продолжать сея матеріи, и читатель, требующій большаго наставленія касательно оной, пусть повторитъ то, что тамъ подробнѣе сказано.

О употребленіи очевидныхъ истинъ въ доказательствахъ такихъ истинъ, которыя нѣсколько отдаленнѣе и не столь ясны.

21. По такомъ означеніи первыхъ и непосредственныхъ отношеній идей слѣдующее упражненіе наше состоитъ въ изслѣдованіи отдаленнѣйшихъ отношеній. При семъ имѣемъ мы нужду въ среднихъ идеяхъ и въ искусномъ употребленіи непосредственныхъ истинъ. Хотя очевидныя положенія суть послѣднее основаніе заключеній нашихъ; однакожъ не должно думать, что искусство увеличивать познаніе наше состоитъ только въ собраніи большаго и обильнаго количества такихъ положеній, какъ они по случаю намъ представляются. Самыя общія основанія сами по себѣ мало приносятъ пользы при изслѣдованіи истины. Хотя они служатъ полезными средствами къ вѣрности, по тому, что содержатъ въ себѣ очевидную ясность заключеній нашихъ, которыми мы всегда увѣряемы бываемъ, есть-ли преслѣдуемъ ихъ даже до ихъ источника и находимъ, что они оканчиваются сими первыми положеніями; но предпринимая умножить и распространить какую либо науку, имѣемъ нужду еще въ иныхъ способахъ. Ибо въ семъ случаѣ все дѣло состоитъ въ изобрѣтеніи такихъ среднихъ идей, которыя сравнены будучи съ другими, которыхъ отношенія мы изслѣдуемъ, доставляли бы намъ рядъ извѣстныхъ ясныхъ истинъ, могущихъ служить средствомъ къ точному открытію искомыхъ отношеній. Евклидъ въ первой книгѣ начальныхъ основаній Геометріи доказываетъ, что *три внутренніе угла тріугольника вкупѣ равны двумъ прямымъ угламъ.* Доказательство, которымъ онъ утверждаетъ сіе положеніе, основывается на слѣдующей общей аксіомѣ: *вещи,*

равныя другой вещи, и между собою равны. Кто будетъ утверждать, что посредствомъ одного только разсмотрѣнія самой сея аксіомы можно дойти до онаго открытія? Естьлибъ сіе возможно было, то самой послѣдній ученикъ, начинающій упражняться въ Математикѣ, былъ бы столько же способенъ къ новымъ открытіямъ, какъ и человѣкъ достигшій великаго совершенства въ сей наукѣ; ибо общія основанія сея науки какъ тому, такъ и другому, равно извѣстны. Но въ самомъ дѣлѣ Евклидъ доказываетъ искомое положеніе слѣдующимъ образомъ: нашедши углы, которыя сравниваетъ и со всѣми углами тріугольника и съ двумя прямыми углами, и открывая въ обоихъ случаяхъ равенство, онъ показываетъ, что сіе положеніе послѣднимъ основаніемъ имѣетъ помянутую аксіому, хотя можетъ быть въ продолженіе всего изслѣдованія онъ и не думалъ объ оной.

Хотя заключеніе можетъ приведено быть въ общія истины; однакожъ непосредственно утверждается на частныхъ очевидныхъ положеніяхъ.

22. При семъ не безполезно будетъ замѣтить, что доходя въ доказательствахъ до какого либо частнаго очевиднаго положенія, хотя обыкновенно приводимъ и общее основательное положеніе, въ которомъ оное содержится; однако дѣлаемъ сіе не по необходимости, но только въ подтвержденіе частнаго положенія. Понеже всѣ созерцательныя истины, какъ общія, такъ и частныя, утверждаются на одинакомъ основаніи съ непосредственными понятіями: то принимаемы бываютъ необходимо сами по себѣ, и не требуютъ одни отъ другихъ взаимнаго объясненія. Такимъ образомъ нашедши, что и три угла въ тріугольникѣ, и два прямые угла, взяты будучи особенно, равны угламъ на прямой линіи находящимся, непосредственно познаемъ изъ того и равенство ихъ между собою, не употребляя въ помощь общаго основательнаго положенія, до котораго сія истина доведена быть можетъ. И въ самомъ дѣлѣ мы ссылаемся на сіе основательное положеніе не для вѣрности и доказательства, но для того только, чтобъ показать, что разсма-

сматриваемый нами примѣрѣ сходствуетъ съ принятымъ уже общимъ основательнымъ положеніемъ. То же бываетъ и во всѣхъ другихъ доказательствахъ, которыя равнымъ образомъ оканчиваясь частными очевидными истинами, сами по себѣ имѣютъ достаточную вѣрность, и не получаютъ большей силы отъ того, что наконецъ доводимы бываютъ до общихъ основательныхъ положеній. Я упоминаю о семъ здѣсь только въ опровержение общаго предразсужденія, подающаго многимъ поводъ думать, что частныя созерцательныя положенія заимствуютъ вѣрность свою отъ общихъ, по тому, что необходимо содержатся въ оныхъ. Но какъ и тѣ и другія имѣютъ одинакое основаніе вѣрности, и принимаемы бываютъ по непосредственнымъ понятіямъ: то очевидная ясность обоимъ равно свойственна, и они не могутъ объясняемы быть тѣмъ, чтобъ при однихъ ссылаться на другія.

Частныя очевидныя положенія называются такъ для отличія отъ общихъ основательныхъ положеній.

23. Но какъ въ методѣ науки обыкновенно принимаемы бываютъ общія основательныя положенія, которыя должны служить основаніемъ послѣдующимъ заключеніямъ: то можетъ быть нѣкоторымъ покажется сіе ненужною осторожностію; ибо демонстраціи могутъ и безъ нихъ быть тверды, и обыкновенно оканчиваются частными очевидными истинами, находящимися въ особенной связи съ подлежащимъ разсматриванію предметомъ. Мы хотимъ сообщить правильное понятіе о подлинномъ намѣреніи, съ какимъ помянутыя основательныя положенія принимаемы бываютъ, и начнемъ сіе съ замѣчанія, что подъ названіемъ частныхъ положеній, которыми демонстраціи оканчиваются, надлежитъ разумѣть не собственно частныя положенія въ точномъ смыслѣ сего слова, или противныя общимъ, но только ограниченныя истины въ сравненіи съ другими, которыя суть еще болѣе общія. Напр. *Круги, равные одному третіему кругу, и между собою равны:* сіе положеніе есть общее, по тому, что подлежащее принимаемо въ полномъ пространствѣ, и сказуемое отно-

но-

носится ко всѣмъ нераздѣльнымъ вещамъ, содержащимся въономъ. Однакожъ мы разсматриваемъ сіе положеніе, какъ частную истину; ибо она въ самомъ дѣлѣ весьма ограниченна въ сравненіи съ упомянутымъ выше сего общимъ основательнымъ положеніемъ, а именно. *вещи, равныя третіей, и между собою равны.* Сіе послѣднее простирается не только на всѣ различные роды фигуръ, но и на всякія другія вещи безъ исключенія, которыя только могутъ названы быть величинами.

Общія основательныя положенія служатъ вопервыхъ къ ограниченію основанія заключеній нашихъ.

24. И такъ явно, что въ наукахъ предварительное утвержденіе общихъ основательныхъ положеній имѣетъ двѣ великія и важныя цѣли. *Первая* цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ ограничить основаніе заключеній, и назначить ему предѣлы, совершенно соразмѣрные способности разума. Ибо какъ демонстраціи производимы бываютъ помощію среднихъ идей, которыя всегда должны имѣть особенную связь съ настоящею матеріею: то частныхъ очевидныхъ положеній, какими онѣ оканчиваются, бываетъ почти столь же много, сколько предметовъ, до которыхъ они касаются. И такъ при изслѣдованіи равенства разныхъ вещей, напр. угловъ, тріугольниковъ, круговъ, квадратовъ, и пр., очевидныя истины, на которыхъ доказательства утверждаются, относятся всегда къ симъ особеннымъ родамъ, и могутъ до безконечности размножаемы быть, равно, какъ и самые роды. Но примѣчанія достойно то, что всѣ сіи разныя истины, сколь бы многочисленны ни были, могутъ подведены быть подъ одно упомянутое уже общее основательное положеніе, а именно: что *вещи, равныя одной третіей вещи, и между собою равны.* Сіе замѣчаніе касается и до другихъ частей познанія человѣческаго; и хотя частныя истины, на которыхъ мы основываемъ заключенія наши, въ самомъ дѣлѣ суть безчисленны, однакожъ всѣ ихъ безъ исключенія можно привести въ весьма немногія общія основательныя положенія, и разумъ съ удобностію можетъ ихъ въ себѣ вмѣщать. И такъ, естьли мы, начиная съ сихъ общихъ истинъ, въ продолженіи науки

всегда

всегда тщательно будемъ стараться доводить домонстраціи наши до оныхъ: то заключенія наши необходимо получатъ отъ сего великую ясность; и какъ мы будемъ утверждать ихъ на основаніи, предварительно положенномъ, въ твердости и крѣпости котораго мы довольно увѣрены, то сіе сообщитъ имъ непреодолимую силу, способную къ произведенію совершенной вѣрности. Не возможно представить себѣ ничего лучшаго и пріятнѣйшаго, какъ видѣть познаніе, произрастающее такимъ образомъ изъ твердаго и глубокаго корня, поднимающееся вверьхъ, и распространяющееся въ безчисленномъ множествѣ вѣтвей наукъ, которыя хотя многоразлично переплетены между собою и простираются весьма далеко, однако въ соединеніи своемъ съ общимъ корнемъ имѣютъ надежную и твердую подпору, такъ что тонкіе софисмы и скептицисмъ, со всѣми своими подысками, не въ состояніи истребить ихъ, или связь ихъ разрушить.

25. *Вторая* цѣль общихъ основательныхъ положеній есть та, чтобъ мы съ меньшимъ трудомъ и съ меньшею опасностію ошибокъ могли увѣряться въ правильности заключеній нашихъ, на которыхъ наука основывается. Ибо преслѣдуя демонстраціи до самаго ихъ источника, всякой разъ находимъ, что онѣ оканчиваются частными созерцательными истинами, которыя по сему суть послѣднее основаніе всякой вѣрности. Слѣдовательно весьма нужно остерегаться, чтобъ не принимать подъ симъ названіемъ никакихъ положеній, не опредѣливъ ихъ сперва ясно въ разумѣ, и не получивши совершеннаго и яснаго понятія объ очевидной ясности, по которой они безъ доказательства принимаемы бываютъ. Но какъ число сихъ положеній велико, и какъ они по качеству предмета изслѣдованій нашихъ бываютъ различны: то въ заключеніяхъ нашихъ происходило бы великое замѣшательство и остановка, естьлибъ мы всякой разъ предпринимали изслѣдовать ихъ по правиламъ первыхъ основательныхъ положеній. Также не маловажно и то, что въ пылкости и поспѣшности доказательства,

Вовторыхъ служатъ они къ удобнѣйшему и менѣе ошибкамъ подверженному опредѣленію правильности заключеній.

ва, когда разумъ стремится отъ одного открытія къ другому, мы часто попадались бы въ искушеніе проходить оныя слишкомъ скоро и безъ надлежащаго вниманія, какого важность ихъ требуетъ, а чрезъ то подвергались бы многимъ ошибкамъ и погрѣшностямъ. Но предварительное утвержденіе общихъ истинъ въ самомъ дѣлѣ отвращаетъ всѣ сіи неудобства: ибо прилагая къ нимъ частныя положенія, усматриваемъ, что ясность оныхъ одинакова съ ясностію тѣхъ основательныхъ положеній, къ которымъ они относятся, по тому, что связь ихъ съ перваго взора видима и отъ познанія нашего скрыться не можетъ. Такимъ образомъ основанія заключеній опредѣляемы бываютъ безъ трудныхъ особенныхъ изслѣдованій, только посредствомъ отношенія ихъ къ общимъ основательнымъ положеніямъ, и мы усматриваемъ наконецъ, что демонстраціи наши основываются на общихъ положеніяхъ, предварительно утвержденныхъ.

Какимъ образомъ положенія совокупляемы бываютъ одни съ другими для составленія правильныхъ демонстрацій.

26. Мы объяснили пользу общихъ основательныхъ положеній, и показали, что они суть самыя важнѣйшія средства къ вѣрности. Также открыли мы, что для распространенія предѣловъ наукъ надлежитъ принимать въ помощь среднія идеи; ибо онѣ доставляютъ намъ разныя предварительныя истины, изъ которыхъ заключенія состоятъ. Теперь остается намъ изслѣдовать, какимъ образомъ истины сіи бываютъ учреждаемы и совокупляемы однѣ съ другими для составленія вѣрныхъ демонстрацій. Въ предыдущей книгѣ мы уже видѣли, что силлогисмы, располагаемы будучи по предписаннымъ нами правиламъ, ведутъ къ вѣрному и необманчивому слѣдствію. По чему, естьли ясныя и сомнѣнію не подверженныя истины расположены бываютъ по порядку силлогисмовъ такъ, что представляютъ намъ правильное заключаемое, то сіе заключаемое необходимо истинно и должно быть принято. А какъ во всякомъ правильномъ силлогисмѣ заключаемое необходимо должно быть истинно, естьли предпосылки истинны;

то изъ сего слѣдуетъ явно, что выведенное заключаемое, будучи уже извѣстною и сомнѣнію не подверженною истиною, можетъ принято быть за предпосылку слѣдующаго заключенія, и служить къ выведенію новаго заключаемаго. Такимъ образомъ силлогисмы могутъ порядочно слѣдовать одинъ за другимъ, и послѣдственно вести къ открытію истины; при чемъ надлежитъ только непрестанно наблюдать, чтобъ предпосылки всякой разъ были либо очевидныя положенія, либо доказанныя уже заключаемыя. Въ самомъ дѣлѣ все искусство составленія демонстрацій основывается на такомъ правильномъ и порядочномъ совокупленіи заключеній нашихъ. Ибо какъ всѣ употребляемыя предпосылки бываютъ явно истинны, то и всѣ заключаемыя также должны быть истинны; слѣдовательно и послѣднее въ рядѣ оныхъ; а по тому говорится о немъ, что оно *доказано демонстраціею.* Такой же порядокъ надлежитъ наблюдать въ совокупленіи самыхъ демонстрацій, а именно: прежде всѣхъ должно доказывать положенія служащія основательными положеніями другимъ заключеніямъ; ибо отъ вѣрности употребляемыхъ основательныхъ положеній зависитъ вѣрность выводимыхъ изъ нихъ истинъ. И понеже разныя части науки имѣютъ толь неразрывную связь между собою, что часто одна часть требуетъ предварительнаго знанія другой: слѣдовательно должно весьма тщательно стараться о расположеніи разныхъ частей по качеству сея связи, дабы тѣ части всегда были первыя по порядку, изъ которыхъ надлежитъ занимать требованія для доказательства.

27. Естьли мы совокупляемъ мысли свои такимъ образомъ, то съ перваго взора явно, что изслѣдованія наши, сколько бы далеко ни продолжались, всегда сопровождаемы будутъ *наукою* и *вѣрностію.* Но отличная доброта и превосходство сего метода состоятъ въ томъ, что мы видимъ въ немъ, какъ познаніе изъ первыхъ основаній своихъ происходитъ, и ясно примѣчаемъ, какъ сіи основанія связаны и сплетены между собою для утвержденія на нихъ зданія истинъ. *Опытъ* снабжаетъ

По чему сей методъ называется методомъ науки.

насъ простыми идеями и названіями оныхъ, которыя служатъ матеріалами для размышленія и сообщенія мыслей. *Опредѣленія* научаютъ насъ совокуплять мысли сіи такъ, чтобъ онѣ составляли сложныя понятія многоразличныхъ классовъ и степеней. *Общія основательныя положенія*, предварительно утверждаемыя въ наукахъ, доставляютъ разуму созерцательныя и первыя истины, выражающія непосредственныя отношенія идей нашихъ, и составляющія послѣднее основаніе вѣрности. *Демонстраціи* совокупляютъ извѣстныя и сомнѣнію не подверженныя истины такъ, чтобъ онѣ необходимо вели къ другимъ неизвѣстнымъ еще и отдаленнымъ истинамъ. Наконецъ, правильное расположеніе разныхъ частей науки, и демонстраціи въ каждой части, дѣлаютъ познаніе толь яснымъ для разума, что мы видимъ, какъ разныя части онаго одна изъ другой произрастаютъ, по чему и принимаемъ ихъ съ совершеннымъ увѣреніемъ. Такимъ образомъ отъ простыхъ идей мы проводимы бываемъ постепенно по всѣмъ изгибамъ и лабиринтамъ истины, пока наконецъ достигаемъ самыхъ вышшихъ и отдаленнѣйшихъ открытій ума человѣческаго. Сей описанный нами методъ доселѣ съ точностію наблюдаемъ былъ только Математиками; по чему нѣкоторые думаютъ, что онъ свойственъ только числамъ и величинамъ. Но изъ сказаннаго нами выше сего явно, что онъ равнымъ образомъ можетъ простираться на всѣ части познанія нашего, имѣющія предметомъ отвлеченныя идеи разума и находящіяся между ими отношенія. И какъ онъ повсюду, гдѣ употребляемъ бываетъ, необходимо производитъ *науку* и *вѣрность*, то мы назвали его *методомъ науки*, дабы тѣмъ лучше означить истинное качество его и пространство.

ОТДѢЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

О ФИЗИКѢ и НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРІИ.

О ФИЗИКѢ и НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРІИ.

Учитель.

Предыдущее отдѣленіе можетъ быть утомило нѣсколько вниманіе ваше, любезные мои ученики; ибо такія отвлеченныя изслѣдованія въ самомъ дѣлѣ для вашего возраста еще трудны. И такъ, для отдохновенія вамъ, буду теперь говорить съ вами о такихъ вещахъ, которыя гораздо легче и пріятнѣе. А именно, я хочу сообщить предуготовительное свѣдѣніе о нѣкоторыхъ частяхъ познанія Натуры, и надѣюсь чрезъ то сдѣлать вамъ удовольствіе; ибо я часто примѣчалъ въ васъ любопытство касательно тѣхъ вещей, которыя вокругъ себя видите, и о которыхъ всякой день слышите. Сія наука, которой начальныя основанія теперь вамъ предложить хочу, въ разсужденіи содержанія своего есть одна изъ самыхъ полезнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ. Ибо она состоитъ въ разсматриваніи дѣлъ Божіихъ, и способнѣе всякой другой науки человѣческой къ умноженію познанія нашего о премудрости, всемогуществѣ и благости Создателя, и къ возбужденію въ насъ удивленія симъ божественнымъ свойствамъ и почитанія оныхъ. Она есть самый лучшій способъ къ охраненію отъ суевѣрія, часто производящаго рабяческую боязливость. Она есть основаніе множества другихъ наукъ и искусствъ. Медицина, Химія, Экономія, торговля, и почти всѣ ремесла, или совсѣмъ быть безъ нея не могутъ, или по крайней мѣрѣ никогда не достигли бы надлежащаго совершенства. Но я не хочу вступать въ изслѣдованіе причинъ и въ подробныя раздѣленія сея науки; ибо сіе было бы противно моему намѣренію, и вмѣсто обѣщаннаго отдохновенія, я предложилъ бы вамъ трудное дѣло. Я постараюсь только сообщить вамъ легкое и пріятное начертаніе того, что достойно примѣчанія въ Натурѣ, и сокровищъ ея, которое могло бы возбудить ваше любопыт-

пыт-

пытство и подать пріятное наставленіе сердцу, не обременяя памяти многими именами, и разума слишкомъ трудными изслѣдованіями.

Кто откроетъ глаза, и хотя съ самымъ малѣйшимъ вниманіемъ обозритъ вокругъ себя, увидитъ множество различныхъ прекрасныхъ предметовъ, представляющихся ему и какъ бы требующихъ его вниманія. Лѣтомъ видны луга, испещренные безчисленнымъ множествомъ травъ и цвѣтковъ, доставляющіе скотамъ тучную пасству; поля, покрытыя разными плодами, въ пользу человѣку; рощи и лѣса, равнины и горы, съ отмѣнными собственными имъ красотами; пруды и озера, либо извивающіеся ручьи, сообщающіе прелестному зрѣлищу перемѣнные виды. Зимою, когда Натура какъ бы прерываетъ дѣйствованіе творящей силы своея, лѣса наги, воздухъ остръ и пронзителенъ, земля мерзла, воды окаменелы и тверды, такъ что могутъ держать на себѣ людей, скотъ и тяжелые возы; снѣгъ падаетъ на землю, и мы ощущаемъ все соединенное съ симъ холоднымъ и суровымъ временемъ года. Каждое изъ сихъ обстоятельствъ заслуживаетъ вниманіе наше и требуетъ изслѣдованія. Ночью тма простирается по землѣ и сокрываетъ ея красоты; но сіе лишеніе оныхъ, нѣсколько времени продолжающееся, замѣняемо бываетъ безчисленнымъ множествомъ блестящихъ звѣздъ, свѣтлѣющихъ надъ нами на великолѣпной тверди; когдажъ восходитъ луна, то нѣжные и кроткіе лучи ея освѣщаютъ тихое зрѣлище, и производятъ день, котораго свѣтъ только слабѣе солнечнаго. Однимъ словомъ, всякое время года, пріятная весна, теплое лѣто, богатая осень, холодная зима, каждый часъ дня или ночи, представляютъ намъ вещи заслуживающія уваженіе и вниманіе, такія вещи, которыхъ знаніе по справедливости можетъ названо быть ученостію, и которыхъ изслѣдованію всякое умомъ одаренное существо должно посвящать съ удовольствіемъ праздные свои часы. Но притомъ нуженъ нѣкоторый порядокъ, для указанія разуму удобнаго пути къ изслѣдованію. И такъ я буду проходить науку сію постепенно, и сперва сообщу вамъ поня-

тіе

тіе о самыхъ общихъ свойствахъ тѣлъ и самыхъ обыкновеннѣйшихъ явленіяхъ въ Натурѣ, какъ-то о свѣтѣ, огнѣ, воздухѣ, водѣ, вѣтрѣ, дождѣ, громѣ, и пр. По томъ сойдемъ мы во внутренность земли, и я дамъ вамъ свѣдѣніе о находящихся въ ней рудахъ, штуфахъ и камняхъ. Послѣ сего обозримъ поверьхность земли, и разсмотримъ многоразличныя растенія со всѣми ихъ красотами, то есть дерева, плоды, травы и цвѣтки. Отъ нихъ преслѣдуемъ Натуру далѣе, и спустимся къ самому нижшему классу живыхъ тварей; изберемъ себѣ предметомъ наблюденія нѣкоторыхъ изъ самыхъ достойнѣйшихъ примѣчанія животныхъ, обитающихъ въ моряхъ, озерахъ и рѣкахъ. По томъ обратимся къ землѣ, и будемъ разсматривать червей, птицъ и звѣрей. Наконецъ возвысимъ мысли наши, и заключимъ все изслѣдованіе нѣкоторыми особенными размышленіями о Натурѣ и силахъ человѣка. Но прежде, нежели приступлю къ самому дѣлу, надлежитъ еще сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе. Сіи матеріи, о которыхъ я съ вами говорить намѣренъ, обыкновенно предлагаемы бываютъ учеными въ двухъ особливыхъ наукахъ, а именно: въ *Физикѣ* и *Натуральной Исторіи*. Все то, что говорено будетъ въ двухъ первыхъ главахъ о самыхъ общихъ свойствахъ тѣлъ и обыкновенныхъ натуральныхъ явленіяхъ, найдете вы въ физическихъ учебныхъ книгахъ; а въ сочиненіяхъ до Натуральной Исторіи касающихся, только свѣдѣніе о металлахъ, камняхъ, растеніяхъ и животныхъ, которое сообщено будетъ въ прочихъ главахъ. Различіе между сими двумя науками собственно есть слѣдующее: Физика занимается только общими свойствами матеріальныхъ вещей и частными свойствами простыхъ тѣлъ, къ чему иногда присовокупляемо бываетъ обозрѣніе всея сисмемы міра. *Простыми* тѣлами называются состоящія только изъ однородныхъ частей, и по тому протиполагаемыя смѣшеннымъ тѣламъ, или состоящимъ изъ частей не одинакого рода. Сіи смѣшенныя тѣла называются *натуральными тѣлами*, когда еще искусство человѣческое не произвело въ нихъ примѣтной перемѣны. *Натуральная Исторія* есть наука за-

занимающаяся разсматриваніемъ натуральныхъ тѣлъ, раздѣляющая ихъ на классы, исчисляющая признаки ихъ и прочія свойства, и купно показывающая выгоды, доставляемыя ими жизни человѣческой. Три главные отдѣла натуральныхъ тѣлъ, по великому ихъ пространству, называются тремя *царствами Натуры*, а именно: *царство минераловъ*, *царство растеній* и *царство животныхъ*. *Минеральное* царство содержитъ въ себѣ всѣ роды камней, земель, металловъ, солей, и прочихъ вещей выкапываемыхъ изъ земли. Къ царству *растеній* принадлежатъ всякіе роды деревъ, кустовъ, и всего произрастающаго изъ земли, съ ихъ плодами. Царство *животныхъ* заключаетъ въ себѣ всѣхъ живыхъ тварей, находящихся на землѣ и подъ землею, въ воздухѣ и въ водѣ, отъ человѣка до самаго малѣйшаго червя. Каждое царство Натуры раздѣляется еще на разные классы; классы раздѣляются на чины, чины на роды, а роды на виды. Но я не могу вступить въ точное исчисленіе всѣхъ сихъ отдѣловъ; ибо мое намѣреніе состоитъ не въ томъ, чтобъ предложить вамъ систему Физики и Натуральной Исторіи, но только въ томъ, чтобъ показать вамъ выгоды и пріятность сихъ полезныхъ наукъ, и возбудить въ васъ охоту къ подробнѣйшему изученію оныхъ.

Глава I.

О общихъ свойствахъ тѣлъ.

Раздѣленіе свойствъ тѣлъ на общія и частныя.

Разсматривая съ нѣкоторымъ вниманіемъ свойства тѣлъ, изъ которыхъ видимый міръ составленъ, усматриваемъ между оными слѣдующее различіе. Нѣкоторыя свойства находятся во всякихъ тѣлахъ, и по тому справедливо называются *общими свойствами* тѣлъ; напротивъ того другія находятся только въ нѣкоторыхъ родахъ тѣлъ, по чему и называются *частными свойствами*. Къ общимъ свойствамъ тѣлъ принадлежатъ слѣдующія: *протяженіе*, *непроницаемость*, *косность*, *дѣлимость*,

мость, *поры*, *движимость* и *тяжесть*, которыя намъ теперь вкратцѣ описать предлежитъ. Частныя свойства суть: *жидкость*, *упругость*, *прозрачность*, и многія другія, которыхъ полное исчисленіе и описаніе было бы слишкомъ пространно и продолжительно; однакожъ я сообщу вамъ вкратцѣ самое нужнѣйшее понятіе объ оныхъ.

Всякое тѣло, какого бы качества оно ни было, занимаетъ нѣкоторое пространство въ длину, ширину и толстоту. Сіе свойство, не требующее подробнаго описанія, обыкновенно называется *протяженіемъ*. Захотѣвъ испытать, можно ли въ наполненномъ уже какимъ либо тѣломъ пространствѣ помѣстить еще другое тѣло, не сдвигая перваго съ его мѣста, найдешь, что сіе никакимъ образомъ не возможно. Сіе свойство, по которому никакое тѣло не можетъ помѣщено быть въ пространствѣ занятомъ уже другимъ тѣломъ, называется *непроницаемостію*. Хотя въ общежитіи нѣкоторыя тѣла называемы бываютъ проницаемыми, однако въ такихъ случаяхъ сіе слово принимается въ иномъ смыслѣ. Напр. говорятъ, что грецкая губка проницаема бываетъ водою; однако подъ симъ не разумѣютъ того, что водяныя частицы занимаютъ то же самое пространство, въ которомъ частицы губки находятся; но сіе выраженіе означаетъ только то, что водяныя частицы помѣщаются между частицами губки: что удобно произойти можетъ, ибо въ губкѣ находится великое множество пустыхъ промежутковъ, не наполненныхъ тою матеріею, изъ которой она состоитъ. Въ сосудъ, наполненный воздухомъ, можно положить другія тѣла, но по тому только, что воздухъ уступаетъ вложеннымъ тѣламъ. Ибо воздухъ и другія жидкія матеріи непроницаемы также, какъ и твердыя тѣла; въ чемъ скоро можно увѣриться весьма удобнымъ опытомъ. Напр. естьли пустой стаканъ, оборотивъ дномъ вверьхъ, опустишь перпендикулярно въ стеклянный водою наполненный сосудъ: то хотя и войдетъ въ него нѣсколько воды, по тому, что воздухъ весьма легко

О протяженіи, непроницаемости и косности.

ко сжимается; однакожЪ большая часть стакана останется не наполнена водою, сколь бы глубоко онЪ ни былЪ опущенЪ вЪ воду. ИзЪ сего явно, что вЪ пространствѣ наполненномЪ воздухомЪ не можно помѣстить никакого инаго тѣла, естьли воздухЪ выступить не можетЪ; слѣдовательно воздухЪ, равно какЪ и другія тѣла, имѣетЪ свойство, называемое вЪ Физикѣ непроницаемостію. Тѣла, будучи непроницаемы, противятся одно другому, когда одно стремится занять то же самое мѣсто, вЪ которомЪ другое находится. Такое сопротивленіе всякаго тѣла другому, принуждающему его перемѣнить свое мѣсто, называется вЪ Физикѣ *косностію* (inertia). Однако нѣкоторые ученые принимаютЪ сіе слово еще вЪ иномЪ значеніи, и разумѣютЪ подЪ онымЪ склонность тѣла кЪ пребыванію вЪ своемЪ состояніи.

О дѣлимости. Никто не усомнится вЪ той истинѣ, что большія тѣла составлены изЪ разныхЪ частей. Но толь же истинно и то, что самыя малѣйшія тѣла, которыя простыми глазами едва видѣть можно, напр. самыя мѣлкія пылинки, носящіяся вЪ комнатахЪ, равнымЪ образомЪ состоятЪ изЪ великаго множества частей: что всякому сомнѣвающемуся вЪ семЪ можно показать посредствомЪ хорошаго увеличительнаго стекла. Ибо смотрящему вЪ такое стекло самая малая песчинка кажется кучею камней, немножко плеснети землею, покрытою многими кустами, а капля заплеснѣвшаго уксусу водоемомЪ, наполненнымЪ маленькими змѣйками. И такЪ Физики имѣли основательную причину причислить кЪ общимЪ свойствамЪ тѣлЪ *дѣлимость*, или то свойство, по которому тѣла состоятЪ изЪ разныхЪ особливыхЪ частей. Физическія книги наполнены примѣрами, изЪ которыхЪ можно усмотрѣть, что большая часть тѣлЪ могутЪ дѣлимы быть до удивительной и почти невѣроятной мѣлкости. Частица золота, вЪ 1 гранЪ вѣсомЪ, будучи кована, можетЪ растянуться такЪ, что займетЪ мѣста на 50 квадратныхЪ дюймовЪ, и состоитЪ изЪ многихЪ миліоновЪ частей, самымЪ слабымЪ глазамЪ видныхЪ, но

и

и при томъ еще весьма сложныхъ. Однимъ граномъ кармину, распущеннымъ въ водѣ, можно выкрасить цѣлую стѣну въ 16 футовъ длины и 16 ф. вышины. На пространствѣ такой мѣры можетъ поставлено быть болѣе двухъ сотъ миліоновъ точекъ, равныхъ величиною скважинѣ сдѣланной остріемъ посредственной булавки. А какъ вся поверьхность стѣны, имѣющей такую длину и ширину, можетъ выкрашена быть однимъ граномъ кармину: то на каждую видимую точку оной надлежитъ достаться по крайней мѣрѣ одной частицѣ краски. Слѣдовательно одинъ гранъ кармину содержитъ въ себѣ болѣе двухъ сотъ миліоновъ такихъ частицъ, которыя простыми глазами видимы, и составлены еще изъ безчисленнаго множества меньшихъ частицъ, какъ то чрезъ увеличительное стекло усмотрѣть можно. Хотя изобрѣтены уже многія средства къ раздробленію натуральныхъ тѣлъ на весьма мѣлкія частицы; однако не дошли еще до того, чтобъ раздроблять ихъ на самыя простыя и нераздѣльныя части, называемыя *элементами*, *атомами* и *монадами*. По несовершенству чувствъ нашихъ, которымъ еще состоящее изъ многихъ миліоновъ особенныхъ частей кажется уже простымъ или одинакимъ, не возможно и надѣяться, чтобъ мы когда либо достигли точнаго познанія сихъ первоначальныхъ и совершенно простыхъ частей тѣлъ.

Какимъ образомъ части тѣлъ связаны одна съ другою.

Прежде нежели оставимъ разсматриваніе сего свойства тѣлъ, я скажу еще нѣчто о различныхъ родахъ связи между сими частями. Находятся тѣла, которыхъ части имѣютъ толь крѣпкую связь, что трудно отдѣлить одну отъ другой. Напротивъ того въ другихъ тѣлахъ связь частей толь слаба, что можно дѣлить ихъ самою малою силою, напр. движеніемъ пальца. Въ нѣкоторыхъ изъ сихъ, между самыми меньшими частицами, подверженными еще чувствамъ, находится связь толь же малая, какъ и между большими частями. Сіи послѣднія тѣла называются *жидкими*, а прочія *твердыми*. Въ твердыхъ тѣлахъ примѣчается также разность въ разсужденіи крѣпости, съ ка-

какою части ихъ между собою связаны. Нѣкоторыя твердыя тѣла называются по тому *жесткими*, а другія *мяхкими*. Но сіи выраженія по большей части означают относительныя понятія. А именно: *жесткимъ* называется тѣло имѣющее большую степень твердости въ сравненіи съ другимъ; которое въ разсужденіи онаго называется *мяхкимъ*. Напр. сосновое дерево въ сравненіи съ какимъ либо камнемъ, или металломъ, есть мяхкое тѣло; но сравнивая оное съ мокрою глиною, или со свѣжимъ мясомъ, должно назвать его жесткимъ тѣломъ. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ жесткихъ тѣлахъ части связаны между собою такъ, что удобно можно привести ихъ въ другое положеніе, и тѣмъ перемѣнить видъ тѣла, не разрушая связи частей. Напротивъ того во многихъ тѣлахъ такая перемѣна вида внѣшнимъ давленіемъ не можетъ произведена быть безъ разрушенія связи частей. Тѣла перваго рода, напр. золото, свинецъ и олово, называются *гибкими*; а другія *хрупкими*, какъ-то камни и соли. Между гибкими тѣлами находится еще слѣдующее различіе, весьма достойное замѣчанія. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ собственною своею силою получать обратно перемѣненный внѣшнимъ давленіемъ прежній ихъ видъ, какъ скоро сіе внѣшнее давленіе прекратится. Такія тѣла называются *эластическими*, или *упругими*. Сіе важное свойство, т. е. *упругость*, находится въ высокой степени не только во многихъ твердыхъ тѣлахъ, какъ-то въ стали, слоновой и рыбьей кости, но также и въ нѣкоторыхъ жидкихъ матеріяхъ, напр. въ воздухѣ.

О порахъ. Между всѣми извѣстными тѣлами нѣтъ ни одного такого, котораго части наполняли бы все пространство, занимаемое симъ тѣломъ; но между сими частями находится множество малыхъ промежутковъ, не содержащихъ въ себѣ той матеріи, изъ которой тѣло собственно состоитъ. Сіи промежутки называются *порами*. Однакожъ называя ихъ пустыми, я разумѣю подъ симъ только то, что они не наполнены тою матеріею, изъ которой тѣло состоитъ. Ибо совершенно пустыхъ промежутковъ, по крайней мѣрѣ чувствамъ

нѣсколько подверженныхъ, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ; но всѣ они обыкновенно содержатъ въ себѣ воздухъ, воду, или какую либо иную жидкую матерію. Но что всѣ тѣла имѣютъ поры, сіе общее ихъ свойство не трудно доказать опытомъ. Въ разныхъ родахъ тѣлъ, напр. въ грецкой губкѣ, въ кожѣ человѣческой и другихъ животныхъ, въ деревѣ и въ другихъ частяхъ растеній, можно видѣть сіи промежутки простыми глазами, или по крайней мѣрѣ чрезъ стекло. Въ разсужденіи другихъ тѣлъ можно увѣриться въ томъ посредствомъ удобныхъ опытовъ. Золото, самое плотнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ, имѣетъ великое множество пустыхъ промежутковъ; но они столь малы, что даже и чрезъ увеличительное стекло примѣчены быть не могутъ. Частица золота, положена будучи во ртуть, вбираетъ въ себя много ртутныхъ частей: что было бы не возможно, естьлибъ между частями составляющими золото не находилось пустыхъ промежутковъ. Такое различіе въ порахъ подало причину къ раздѣленію тѣлъ на *плотныя* и *рыхлыя*. *Плотными* тѣлами называются тѣ, которыя имѣютъ менѣе промежутковъ, или меньшія промежутки, и по тому содержатъ въ одинакомъ пространствѣ болѣе матеріальныхъ частицъ, нежели другія, сравниваемыя съ ними, и въ разсужденіи ихъ называемыя *рыхлыми* тѣлами. Напр. дубовое дерево есть плотное тѣло, сравниваемо будучи съ пробочнымъ деревомъ, которое въ разсужденіи онаго можно по справедливости назвать рыхлымъ, ибо оно имѣетъ гораздо болѣе промежутковъ и гораздо менѣе матеріальныхъ частицъ, нежели дубовое. Какимъ образомъ разныя степени плотности тѣлъ опредѣляемы бываютъ, о томъ самое нужнѣйшее сообщу, когда буду говорить о тяжести.

О движимости.

Теперь приступаю къ общему свойству тѣлъ, называемому *движимостію*, которое есть не иное что, какъ способность тѣла къ движенію, или къ перемѣнѣ мѣста. По принятому въ языкѣ обыкновенію, мѣсто бываетъ двоякое: *точное* или *истинное*, и *относительное* или *мнимое*. Подъ названіемъ *точнаго*

или *истиннаго* мѣста разумѣется часть пространства, какимъ либо тѣломъ въ самомъ дѣлѣ занимаемая; а *относительнымъ* или *мнимымъ* мѣстомъ называется только положенie какого либо тѣла въ отношенiи къ другимъ тѣламъ, съ которыми оно сравниваемо бываетъ. И такъ, когда тѣло перемѣняетъ истинное свое мѣсто, въ самомъ дѣлѣ имъ занимаемое, въ такомъ случаѣ приписывается ему *истинное* или *точное движенie*; естьлижъ оно перемѣняетъ только относительное или мнимое мѣсто, то и движенie его называется только *относительнымъ* или *мнимымъ*. Напр. движенie выстрѣленнаго пушечнаго ядра есть истинное движенie; ибо ядро перемѣняетъ истинное свое мѣсто. Напротивъ того движенie деревъ и домовъ, видимое нами, когда мы скоро плывемъ на кораблѣ или ѣдемъ, есть только мнимое движенie; по тому, что дерева остаются на своемъ мѣстѣ, а перемѣняютъ только положенie свое въ отношенiи къ нашимъ глазамъ. Такимъ же образомъ раздѣляется и *покой*, или противное движенiю, то есть такое состоянie тѣла, когда оно пребываетъ на своемъ мѣстѣ. *Точный* покой бываетъ въ такомъ случаѣ, когда не перемѣняется точное мѣсто; а *относительный*, когда относительное мѣсто безъ перемѣны остается. И такъ при относительномъ или мнимомъ движенiи то тѣло, которому движенie приписываютъ, въ самомъ дѣлѣ остается въ покоѣ, а движется собственно только то тѣло, къ которому оное относимо бываетъ, или нашъ глазъ. Напротивъ того при относительномъ или мнимомъ покоѣ оба сравниваемыя тѣла въ самомъ дѣлѣ могутъ быть въ движенiи, только бы оставались они въ одинакомъ положенiи между собою. Можно бы многое еще сказать о семъ важномъ свойствѣ тѣлъ, посредствомъ котораго происходятъ всѣ дѣйствiя ихъ одного надъ другимъ; но какъ я сообщилъ уже въ другомъ мѣстѣ (Ч. I. Отд. III. Механ.) самыя нужнѣйшiя понятiя, касающiяся до сего, а прочее было бы для васъ еще трудно, или по крайней мѣрѣ сухо: то приступлю къ послѣднему общему свойству тѣлъ, а именно, къ тяжести.

Слово *тяжесть* нынѣ принимаемо бы- О тяжести.
ваетъ либо въ тѣсномъ, либо въ пространномъ смыслѣ. Въ тѣсномъ смыслѣ оно означаетъ то свойство тѣлъ, посредствомъ котораго они, удалены будучи отъ поверьхности земли и ни чѣмъ не поддерживаемы, опускаются къ ней перпендикулярно. Другое значенiе онаго употребительно со временъ великаго Нютона, который первой примѣтилъ, что тяжесть есть общее свойство тѣлъ; и по сему значенiю вообще разумѣется подъ симъ словомъ та сила, которою всѣ части матерjи въ тѣлесномъ мiрѣ стремятся быть вкупѣ, или которою каждая частица матерiи привлекаетъ къ себѣ каждую другую частицу. По чему сила сiя называется еще *общею тяжестiю*, также *аттракцiею*, или *привлекательною силою*. И такъ тяжесть въ вышепомянутомъ смыслѣ сего слова есть не иное что, какъ привлекательная сила земли. Опредѣленное давленiе тяжелаго тѣла на то, что его поддерживаетъ, называется его *вѣсомъ*, который соразмѣренъ бываетъ не величинѣ тѣла, но количеству матерiальныхъ частицъ составляющихъ оное; ибо земля привлекаетъ къ себѣ не пустые промежутки, но матерiальныя части тѣла. И такъ, естьли положишь на руку два тѣла одинакой величины, но разнаго рода, напр. кубической дюймъ свинцу и кубической дюймъ дерева: то свинецъ, будучи плотнѣе, и по тому содержа въ себѣ болѣе матерiальныхъ частицъ, произведетъ давленiе сильнѣе, нежели кусокъ дерева равной съ нимъ величины. Такое тѣло, котораго опредѣленная часть вѣсомъ болѣе части другаго тѣла одинакой съ нею величины, называется *спецификально тяжелѣе*, или тѣломъ *тяжелѣйшаго рода*, нежели другое тѣло. И такъ когда говорится о *специфической тяжести* тѣлъ, называемой также *собственною тяжестiю*, въ такомъ случаѣ всегда предполагаемо бываетъ сравненiе двухъ тѣлъ одинакой величины. Напр. когда мы говоримъ, что специфическая тяжесть воды 1, а ртути 14: то разумѣемъ подъ симъ, что нѣкоторое количество, напр. кубической дюймъ ртути, вѣсомъ въ 14 разъ болѣе кубическаго дюйма воды. Понеже тѣло тѣмъ

 болѣе

болѣе имѣетъ вѣсу, чѣмъ оно плотнѣе: то опредѣленіемъ специфической тяжести тѣла купно опредѣляема бываетъ и мѣра его плотности; а тяжесть сію можно узнать посредствомъ взвѣшиванія двухъ частей одинакой величины. Напр. кубической футъ гебеноваго дерева вѣсомъ вдвое болѣе кубическаго фута сосноваго дерева; изъ чего явно, что гебеновое дерево содержитъ въ себѣ вдвое болѣе матеріальныхъ частицъ, и по тому вдвое плотнѣе сосноваго. Дѣйствіе земли надъ находящимися на ней тѣлами, въ самомъ дѣлѣ примѣчаемо и во всѣхъ другихъ извѣстныхъ тѣлахъ, имѣющихъ взаимную между собою тяжесть, или привлекаемыхъ одно другимъ; по чему новѣйшіе испытатели Натуры справедливо почитаютъ тяжесть, или привлекательную силу, общимъ свойствомъ тѣлъ. Посредствомъ сея силы частицы тѣлъ связываются одна съ другою; посредствомъ ея луна обращается около земли, а земля купно съ прочими планетами около солнца. Они весьма скоро удалились бы другъ отъ друга, естьлибъ премудрый Творецъ не устроилъ взаимной между ими тяжести. Но сія тяжесть или привлекательная сила тѣлъ бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе масса ихъ, или чѣмъ болѣе матеріальныхъ частицъ содержится въ тѣлахъ привлекающихъ другъ друга, и чѣмъ сіи тѣла ближе одно къ другому; а по тому самая большая величина ея бываетъ тогда, когда тѣла непосредственно касаются другъ друга. И такъ камень, сколь бы ни высоко брошенъ былъ вверьхъ, не стремится къ облакамъ, но упадаетъ на землю, по тому, что земля содержитъ въ себѣ гораздо болѣе матеріальныхъ частицъ, слѣдовательно и привлекаетъ къ себѣ камень гораздо сильнѣе, нежели облака его привлекаютъ. Солнце имѣетъ болѣе массы, нежели земля и планеты; по чему послѣднія привлекаемы солнцемъ гораздо сильнѣе, нежели солнце ими; отъ сегожъ происходитъ то, что земля купно съ другими планетами обращается около солнца, а не солнце около земли.

Глава II.

О нѣкоторыхъ обыкновеннѣйшихъ явленіяхъ въ Натурѣ.

Свѣтъ есть тонкая и текучая матерія, посредствомъ которой тѣла намъ видны. Что онъ есть не свойство только тѣлъ, но нѣчто матеріальное или тѣлесное, сіе явно изъ того, что мы можемъ собирать его, перемѣнять его направленіе, и проводить его изъ одного мѣста въ другое: что было бы не возможно, естьлибъ онъ былъ только простое свойство. Но въ чемъ собственно состоитъ его существо, на сей трудный вопросъ испытатели Натуры отвѣтствуютъ несогласно. Нѣкоторые почитаютъ свѣтъ истеченіемъ солнца и другихъ свѣтящихъ тѣлъ. Напротивъ того другіе думаютъ, что матерія свѣта, которую нѣкоторые писатели называютъ *эѳиромъ*, или *небеснымъ воздухомъ*, распространена по всему міру, а солнцемъ и другими свѣтящими тѣлами только приводима бываетъ въ движеніе, подобно какъ удареніе въ колоколъ приводитъ въ движеніе воздухъ. Свѣтъ разливается всегда въ прямыхъ линіяхъ, естьли не проходитъ чрезъ такое мѣсто, которое наполнено матеріями неодинакой плотности. Но естьли лучь свѣта косымъ угломъ переходитъ изъ плотнѣйшей матеріи въ тончайшую, или изъ тончайшей въ плотнѣйшую, то уклоняется отъ прежняго своего пути; и сіе уклоненіе отъ начальнаго направленія называется *рефракціею* или *переломленіемъ лучей*. Естьли лучь свѣта косымъ угломъ упадаетъ на гладкую непрозрачную поверьхность, напр. на поверьхность зеркала: то отскакиваетъ съ другой стороны назадъ такимъ же угломъ. Испытатели Натуры называютъ сіе отскакиваніе лучей *рефлексіею*. Также замѣчено, что лучь свѣта перемѣняетъ нѣсколько свое направленіе, проходя близко подлѣ какого либо тѣла; и сія перемѣна означается названіемъ *инфлексіи*, или *склоненія* лучей. Скорость, съ какою свѣтъ разливается, весьма достойна примѣчанія; ибо въ Натурѣ нѣтъ другаго примѣра толь великой скорости. По наблюденіямъ и исчисленіямъ новѣйшихъ Астрономовъ, онъ

О свѣтѣ и цвѣтахъ.

онъ совершаетъ теченіе свое отъ солнца до земли въ 8 минутъ. И такъ, естьлибъ свѣтъ былъ истеченіе солнца, то частицы его въ 8 минутъ протекали бы пространство содержащее въ себѣ отъ 19 до 20 миліоновъ миль, и слѣдовательно въ одну минуту $2\frac{1}{2}$ миліона миль. Упомянутыя свойства свѣта, особливожъ рефлексія и рефракція, доставляютъ жизни человѣческой весьма важныя выгоды. Рефлексія приводитъ насъ въ состояніе видѣть такія тѣла, которыя собственнаго свѣта не имѣютъ. Сіе свойство дѣлаетъ еще употребительными разныя зеркала, которыхъ польза довольно извѣстна. Посредствомъ прямыхъ зеркалъ мы видимъ предметы хотя на другомъ мѣстѣ, однако въ такой же величинѣ и въ такомъ же видѣ, въ какомъ они безъ зеркала являются. Зеркало имѣющее впалую шарообразную поверьхность отбрасываетъ паралельно падающіе на него лучи, такъ что они собираются въ одной точкѣ, или правильнѣе сказать, въ тѣсномъ мѣстѣ предъ зеркаломъ. Такія впалыя зеркала, представляющія предметы не въ натуральной ихъ величинѣ, называются еще *зажигательными зеркалами*; по тому, что можно употреблять ихъ для зажиганія, и производить посредствомъ ихъ великой жаръ, естьли они столь велики, что много солнечныхъ лучей собрать могутъ. Рефракція лучей доставляетъ намъ разныя зрительныя, увеличительныя, зажигательныя стекла, и другія полезныя орудія, которыхъ здѣсь съ точностію описать не можно. Сіе свойство есть также основаніе цвѣтовъ, въ какихъ тѣла намъ видимы бываютъ. Ибо когда лучь пропущенъ бываетъ въ темную комнату сквозь малое отверстіе на тріугольную стеклянную присму: то проходя чрезъ присму, раздѣляется на 7 примѣтныхъ лучей, различныхъ между собою не только въ разсужденіи рефракціи, но и цвѣтомъ. Самой нижній изъ сихъ седьми простыхъ, или несложныхъ лучей, менѣе всѣхъ прочихъ переломленію подверженный, бываетъ красный, второй надъ онымъ померанцоваго цвѣту, третій сѣрнаго цвѣту, четвертый зеленый, пятый синій, шестой пурпуровый, а седьмой или самой верьхній, который

рый подверженъ переломленію болѣе всѣхъ прочихъ, віолетовый. Естьли сіи седмь лучей соединены будутъ посредствомъ зажигательнаго стекла, то въ зажигательной точкѣ не является уже ни который изъ помянутыхъ цвѣтовъ, но только виденъ бываетъ бѣлый кружекъ. Одинъ который либо изъ несложныхъ цвѣтныхъ лучей, пропущенъ будучи еще чрезъ стеклянную присму, удерживаетъ прежній свой цвѣтъ и при семъ второмъ переломленіи. И такъ тѣло представляется намъ въ какомъ либо цвѣтѣ, когда отбрасываетъ одинъ или нѣсколько изъ несложныхъ лучей; напротивъ того бѣлымъ кажется, когда имѣетъ свойство отбрасывать всякіе лучи. Чернымъ называемъ мы то, въ чемъ собственно нѣтъ никакого цвѣту; ибо такія только тѣла кажутся черными, которыя не отбрасываютъ совсѣмъ никакихъ лучей или весьма только немногіе лучи отбрасываютъ.

Объ огнѣ.

Огонь есть тонкая текучая матерія, производящая въ насъ ощущеніе называемое теплотою. Не можно сдѣлать точнѣйшаго сей опредѣленія; ибо самое существо огня столь же еще мало извѣстно, какъ и существо свѣта; а по тому испытатели Натуры весьма несогласны во мнѣніяхъ своихъ объ ономъ. Нѣкоторые почитаютъ огонь особенною, различною отъ свѣта элементарною матеріею. Другіе напротивъ того утверждаютъ, что онъ есть не иное что, какъ эѳиръ, называемый только огнемъ, когда ощущаемъ бываетъ осязаніемъ, и получающій названіе свѣта, когда ощущаемъ бываетъ зрѣніемъ. Иныежъ совсѣмъ исключаютъ огонь изъ числа матеріальныхъ вещей, и почитаютъ его только свойствомъ тѣлъ, а именно скорымъ внутреннимъ движеніемъ и разрѣшеніемъ ихъ частей. Но хотя трудно изслѣдовать существо огня, однакожъ помощію опыта удобно узнавать дѣйствія его, между которыми безъ сомнѣнія самое достойнѣйшее примѣчанія есть разширеніе тѣлъ. Посредствомъ сего причиняемаго огнемъ разширенія, частицы всякихъ жидкихъ и твердыхъ тѣлъ могутъ быть отдѣляемы одна отъ другой, твердыя тѣла могутъ превращаемы быть въ жидкія, а жидкія въ тонкіе пары. То, что мы называемъ *пламе-*

немЪ, состоитЪ изЪ частей горящаго тѣла, распущенныхЪ быстрымЪ движеніемЪ огня до такой тонкости, что онѣ поднимаются вверьхЪ вЪ видѣ текучей матеріи и при томЪ свѣтятЪ. *ДымЪ* содержитЪ вЪ себѣ грубѣйшія частицы, которыя свѣтить не могутЪ. Расширеніе, причиняемое огнемЪ, вЪ жидкихЪ тѣлахЪ еще примѣтнѣе, нежели вЪ твердыхЪ. Ибо какЪ скоро поставленЪ будетЪ вЪ теплое мѣсто сосудЪ, кЪ которому прикрѣплена узкая стеклянная трубка, и наполненный по большей части водою, или какою нибудь иною жидкою матеріею: то жидкость поднимается вверьхЪ, а при уменьшеніи степени теплоты обратно внизЪ опускается. Сей опытЪ подалЪ случай кЪ изобрѣтенію *термометровЪ*, т. е. такихЪ орудій, помощію которыхЪ можно узнавать перемѣну теплоты воздуха. Ибо естьли ртуть или винной спиртЪ, которыми термометры наполняемы бываютЪ, поднимается вверьхЪ, то можно заключать по сему, что теплота увеличилась; естьлижЪ находящаяся вЪ трубкѣ жидкая матерія опускается внизЪ, сіе служитЪ знакомЪ уменьшенія теплоты.

О воздухѣ. ВоздухЪ есть жидкая матерія, которую мы непрестанно дыханіемЪ вЪ себя вбираемЪ, и безЪ которой жить не можемЪ. СкорымЪ движеніемЪ руки кЪ лицу можно во всякомЪ мѣстѣ увѣриться, что воздухЪ есть повсюду. ОнЪ окружаетЪ сей шарЪ, состоящій изЪ земли и воды, до нѣкоторой высоты, и называется его *атмосферою*; обращается вокругЪ вкупѣ сЪ нимЪ, и обще сЪ нимЪ совершаетЪ всѣ годовыя и дневныя движенія. Облака и поднимающіеся изЪ земли пары висятЪ и плаваютЪ вЪ сей атмосферѣ. ВоздухЪ есть тѣло могущее сжиматься и расширяться, т. е. онЪ можетЪ помѣщенЪ быть вЪ пространствѣ гораздо меньшемЪ занимаемаго имЪ обыкновенно, или также гораздо вЪ большемЪ: что можно доказать многими опытами. ОнЪ по своему качеству способенЪ проницать другія тѣла и проходить сквозь ихЪ; посредствомЪ чего оживляетЪ онЪ всю Натуру, и есть одна изЪ главныхЪ причинЪ растенія. ОнЪ есть дыханіе и жизнь животныхЪ, находящихся вЪ воздухѣ, на землѣ и вЪ водѣ. Скучно бы-

было бы описывать подробно всю пользу сея тонкой стихіи. И такъ мы упомянемъ только объ удивительной силѣ ея при дѣйствованіи многихъ машинъ, и о тѣхъ чудныхъ свойствахъ, что она приноситъ обонянію нашему запахъ, а слуху звукъ, и пропускаетъ сквозь себя свѣтъ, происходящій отъ тѣлъ небесныхъ. Также надлежитъ замѣтить великую и превосходную пользу ея, состоящую въ томъ; что она еще многоразличными иными образами споспѣшествуетъ жизни, здравію и удовольствію человѣческому.

Вода есть прозрачное, простое, жидкое существо, находящееся во всякой матеріи въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Во всей Натурѣ нѣтъ ни одного тѣла, которое не содержало бы въ себѣ воды. Исаакъ Нютонъ утверждаетъ, что всѣ птицы, звѣри, рыбы, несѣкомыя, дерева и травы, ростутъ изъ воды, водяныхъ влажностей и солей, и что посредствомъ гніенія паки въ водяное существо превращаются. Оленій рогъ, лежавшій 40 лѣтъ, хотя становится столь сухъ и твердъ, что при удареніи по немъ камнемъ отбрасываетъ искры, однакожъ будучи дестиллированъ, теряетъ осьмую часть своея массы или тяжести, которая переходитъ въ воду. Кости мертваго животнаго, сохшія 25 лѣтъ, обыкновенно теряютъ при дестиллированіи половину своея тяжести, превращающуюся въ воду. По огнѣ вода есть самая тончайшая и проницательнѣйшая матерія; она пробирается чрезъ такіе проходы, которые въ десять разъ менѣе тѣхъ, чрезъ какіе воздухъ проходить можетъ. Кожа или пузырь могутъ удерживать въ себѣ воздухъ; но вода сквозь ихъ проходитъ. Талесъ Милетской и другіе Философы почитали воду первоначальною матеріею всѣхъ вещей; а нѣкоторые думаютъ, что и Моисей былъ тогожъ мнѣнія; ибо онъ говоритъ, что прежде сотворенія *Духъ Божій носился поверьхъ воды.* Кромѣ красоты, сообщаемой землѣ водою посредствомъ морей, рѣкъ, озеръ и прудовъ, польза ея весьма велика и многоразлична. Вода есть самое здоровое и можетъ быть самое пріятное питье; врачебная сила ея во многихъ болѣзняхъ весьма велика; ку-

О водѣ.

купаніе въ ней способствуетъ здоровью и удовольствію. Короче сказать, употребленіе ея въ жизни человѣческой многоразлично; она полезна и споспѣшествуетъ всякому брожденію, и разрѣшенію многихъ тѣлъ, которыя потребно бываетъ распускать; дѣйствія ея при мѣльницахъ и другихъ машинахъ достойны удивленія.

О вѣтрѣ. *Вѣтръ* есть быстрое движеніе воздуха, стремящагося отъ одной части земли къ другой. Истинная причина онаго въ Натурѣ еще не извѣстна, хотя и находятся разныя догадки. Вѣтры раздѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) *Годовые вѣтры*, или вѣющіе цѣлой годъ въ одну сторону, между которыми самой достойнѣйшій примѣчанія есть вѣтръ вѣющій отъ востока къ западу на морѣ между тропиками, и называемый общимъ непремѣннымъ вѣтромъ. 2) *Повременные вѣтры*, или начинающіеся всегда въ нѣкоторое опредѣленное время. Таковы суть вѣтры вѣющіе ввечеру съ моря къ землѣ, а поутру отъ земли къ морю; также постоянные вѣтры вѣющіе лѣтомъ отъ сѣвера къ экватору, а зимою отъ южнаго полюса къ экватору. 3) *Перемѣнчивые вѣтры*, или вѣющіе иногда съ той, иногдажъ съ другой стороны, безъ постояннаго порядка въ разсужденіи времени и мѣста. Такіе вѣтры обыкновенно бываютъ по большей части въ странахъ лежащихъ подъ умѣренными поясами. Польза вѣтра велика и многоразлична. Онъ служитъ всему роду человѣческому. Мореплаваніе производится его помощію. Онъ опредѣленъ не только къ тому, чтобъ согрѣвать и прохлаждать насъ поперемѣнно, но и къ соблюденію чистоты и выгодности для здоровья въ нашихъ жилищахъ. Сію услугу дѣлаетъ онъ, унося съ собою невидимо все то, что могло бы заразить и испортить воздухъ, который вмѣсто того, чтобъ освѣжать и оживлять, задушалъ бы все и заражалъ, естьли бы всегда оставался въ тишинѣ и частыми вѣтрами не былъ приводимъ въ движеніе.

О облакахъ, дождѣ, градѣ и снѣгѣ. *Облака* суть не иное что, какъ пары, поднимающіеся изъ воды, или водяныхъ мѣстъ земли, и привлекаемые вверьхъ отчасти солнеч-

нечною теплотою, отчастижъ по нѣкоторымъ причинамъ, въ самой землѣ находящимся. Сіи пары, будучи легче воздуха, поднимаются до такой высоты, въ которой атмосфера имѣетъ одинакую съ ними специфическую тяжесть, и носятся въ оной. Чрезъ нѣсколько времени по томъ сіи водяныя частицы, бывшія сперва непримѣтны по причинѣ ихъ тонкости, въ верьхнихъ странахъ атмосферы отъ стужи сгущаются, и становятся толь темны, что отражаютъ отъ себя солнечный свѣтъ. Въ семъ состояніи называются они *облаками*. Когдажъ специфическая тяжесть ихъ такъ увеличивается, что они упадаютъ, сіе называется *дождемъ*. Облака составляются въ атмосферѣ въ весьма различномъ отдаленіи или разстояніи отъ земли. Когда они составляются въ низкихъ странахъ атмосферы, то упадающій изъ нихъ дождь бываетъ весьма мѣлокъ. Естьли облака составляются въ вышшихъ странахъ атмосферы, и естьли малые водяные шарики упадая сближаются между собою такъ, что могутъ привлекать одинъ другой, то сливаются вмѣстѣ и становятся большими каплями. Естьли сіи водяные шарики, опускаясь внизъ, попадаютъ въ такую холодную полосу атмосферы, что замерзаютъ: то сгущаясь, превращаются въ *снѣгъ* или *градъ*. Польза облаковъ многоразлична: 1) Они доставляютъ пріятную и прохладительную тѣнь, защищающую отъ солнечнаго жару; 2) изливаютъ плодотворную росу и дождь на всѣ растенія, и сообщаютъ имъ свѣжесть, зелень и красоту; 3) по мнѣнію многихъ, отъ облаковъ происходятъ ключи, источники и рѣки, служащія землѣ толикимъ украшеніемъ и способствующія къ произведенію толь многихъ полезныхъ дѣлъ.

Объ электрической силѣ.

Янтарь получаетъ отъ тренія такое свойство, что привлекаетъ къ себѣ и отражаетъ отъ себя всякія легкія вещи; напр. мѣлкія частицы листоваго золота, мѣлко изрѣзанную бумагу, и проч. А какъ янтарь на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ называется electrum: то и сіе явленіе, при которомъ еще обыкновенно примѣчаемъ бываетъ

ваетъ ясной свѣтъ, названо *электрическою силою.* Кромѣ янтаря, посредствомъ тренія также дѣлаются электрическими смола, сѣра, сургучь, стекло, шелкъ, и еще нѣкоторыя другія тѣла; по чему и приписываютъ симъ тѣламъ *собственную электрическую силу.* Большая часть прочихъ тѣлъ, напр. мѣдь, мясо, вода, могутъ электризованы быть не треніемъ, но только чрезъ совокупленіе съ такимъ тѣломъ, которое посредствомъ тренія сдѣлано уже электрическимъ; и электрическая сила примѣтна въ нихъ бываетъ тогда, когда они лежатъ на тѣлахъ имѣющихъ собственную электрическую силу. Сія *сообщаемая электрическая сила* еще болѣе увеличивается, естьли стеклянный сосудъ бываетъ наполненъ до половины водою, ртутью, или опилками, и заткнутъ пробкою, сквозь которую продѣта проволока, однимъ концемъ выставленная вверьхъ, а другимъ опущенная въ воду, или во ртуть, которою сосудъ наполненъ. Ибо естьли возмешь въ одну руку сей сосудъ, а другую поднесешь къ электризованной проволокѣ: то между проволокою и пальцемъ появляется весьма яркая искра, не только исчезающая съ примѣтнымъ звукомъ, но и производящая въ томъ пальцѣ, которымъ прикоснешься къ проволокѣ, такое ощущеніе, какъ бы онъ былъ уколотъ, иногдажъ и сильное потрясеніе во всемъ тѣлѣ. Можно увеличивать электрическую силу еще многими иными способами; но я не буду описывать здѣсь оныхъ, для избѣжанія излишества. Сильною электрическою искрою можно зажечь винной спиртъ, тлящуюся свѣтильну загашенной свѣчи, и даже громовое золото (aurum fulminans). Естьли электризовано какое нибудь острое метальное тѣло, особливожъ въ такомъ мѣстѣ, откуда воздухъ вытянутъ: то въ темной комнатѣ можно видѣть стремящіеся изъ острія сего тѣла свѣтлые разноцвѣтные лучи, которые распространяются въ разныя стороны и составляютъ свѣтлый шаръ. Сіи электрическіе лучи, взяты будучи на языкъ, производятъ кисловатый, вязкой вкусъ. Также всякое электрическое тѣло издаетъ отъ себя особенный весьма примѣтный запахъ, имѣющій ве-

ли-

ликое сходство съ запахомъ горящаго фосфора. Причину всѣхъ сихъ и другихъ явленій, которыхъ здѣсь подробно исчислить не можно, испытатели Натуры по большей части приписываютъ жидкой, тонкой, эластической и свойственной тѣламъ матеріи, которая въ электризованныхъ тѣлахъ находится въ весьма быстромъ движеніи, а въ неэлектризованныхъ недвижима, и состоитъ изъ такихъ частей, въ которыхъ свѣтъ различно переломляется. Однако нѣкоторые испытатели Натуры почитаютъ ее не за особенную матерію, но за одно съ эѳиромъ. Пока электрическая матерія распространена повсюду въ равной мѣрѣ, то не ощутительно, что она есть. Но естьли тѣло содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе электрической матеріи, нежели въ натуральномъ своемъ состояніи обыкновенно имѣетъ: то называется электризованнымъ, и въ первомъ случаѣ *положительно*, или *утвердительно*, а во второмъ *отрицательно*. И такъ электризованіемъ не можемъ мы ничего сдѣлать, какъ только вывести изъ равновѣсія распространенную повсюду электрическую матерію. *Положительная* электрическая сила состоитъ въ изобиліи, а *отрицательная* въ меньшемъ количествѣ электрической матеріи. Касательно пользы электрической силы, я упомяну только то, что нынѣ помощію оной разныя явленія въ Натурѣ объяснены гораздо лучше, нежели прежде, и что посредствомъ ея часто излечаемы бываютъ съ хорошимъ успѣхомъ многія весьма тяжкія болѣзни, напр. ломъ въ костяхъ, подагра, онѣмѣніе членовъ и глухота. Также кажется, что и растенія получаютъ отъ сея силы великую пользу; ибо изъ многихъ опытовъ можно усмотрѣть, что она весьма споспѣшествуетъ прозябенію сѣмянъ и росту.

О громѣ и молніи.

Громъ есть сильный и трескучій стукъ, который слышенъ бываетъ въ нижнихъ странахъ воздуха, и который прежде обыкновенно приписывали скорому возгорѣнію сѣрныхъ паровъ. Ибо Исаакъ Ньютонъ замѣчаетъ, что не только изъ воды, но также изъ сѣры, смолы, лѣтучихъ солей, и пр., поднимаются въ воздухъ пары, и смѣшавшись въ ономъ съ селитря-

трявыми кислыми влажностями, приходятъ въ брожденіе, иногдажъ загараются, и причиняютъ громъ, молнію, и другія огненныя явленія въ воздухѣ. Однако въ наше время примѣчено, что желѣзный прутъ на вольномъ воздухѣ, висящій на шелковыхъ шнурахъ, во время грозы привлекаетъ къ себѣ легкія тѣла, издаетъ отъ себя искры, и показываетъ вообще всѣ свойства электризованнаго тѣла; почему новѣйшіе Физики по большей части приписываютъ примѣчаемыя во время грозы явленія электрической силѣ. Они говорятъ, что въ атмосферѣ находится множество мѣлкихъ частицъ, которыя отъ тренія могутъ быть электрическими. И такъ, когда отъ усилившагося внутренняго движенія атмосферы множество такихъ частей сдѣлаются электрическими, въ семъ случаѣ происходятъ изъ нихъ электрическія облака. Естьли сіи электрическія облака сойдутся съ неэлектризованными тѣлами, то происходитъ сверкающій лучь и стукъ, чему подобное бываетъ при электризованіи. Сіе обЪясненіе происхожденія молніи и грому, предложенное мною толь кратко для избѣжанія излишества, весьма вѣроятно. Надлежитъ только жалѣть о томъ, что наше познаніе о существѣ и истинныхъ причинахъ электрическихъ явленій весьма еще несовершенно. Близость или отдаленность громовыхъ облаковъ можно вычислить по времени, проходящему между сверканіемъ молніи и стукомъ, или ударомъ. Естьли стукъ, или громъ, слышенъ бываетъ чрезъ 10 секундъ послѣ молніи, то облака отдалены отъ насъ на полмили. Естьли сіе время продолжается только 5 секундъ, то разстояніе облаковъ бываетъ около четверти мили. Дѣйствія молніи бываютъ иногда весьма удивительны: она растопляла шпагу, не повредивъ ноженъ; разбивала кости въ человѣкѣ, не тронувъ мяса, ниже кожи. Польза ея состоитъ въ томъ, что она очищаетъ воздухъ отъ вредныхъ паровъ, которые въ противномъ случаѣ могли бы произвести смертельную заразу.

О сѣверномъ сіяніи.

Сѣверное сіяніе въ нашихъ странахъ нынѣ видимо бываетъ гораздо чаще, нежели лѣтъ за 60 прежде, оно происходитъ отъ такимъ паровъ,

ровъ, которые только свѣтятся, не производя примѣтной теплоты. На сѣверѣ немного повыше горизонта показываются свѣтлыя облака или полосы, изъ которыхъ поднимаются лучи, изгибающіеся вмѣстѣ прямо надъ головою зрителя, и отчасти обратно къ горизонту склоняющіеся. Сѣверныя сіянія по большей части видимы бываютъ весною и осенью, особливожъ въ сіе послѣднее время чаще, нежели въ первое. Въ сѣверныхъ земляхъ случаются они гораздо чаще, нежели здѣсь, и тамъ нерѣдко все небо покрыто бываетъ свѣтящимися облаками огненнаго цвѣта. Весьма вѣроятно, что Древніе подъ названіемъ огненнаго неба разумѣли не иное что, какъ сѣверныя сіянія. Равнымъ образомъ и то, что они уподобляли бревну, прыгающей козѣ, или какому либо иному виду, было сіи же самыя явленія, которыя незнаніе и суевѣріе принимало за злыя предзнаменованія. Посредствомъ электрической силы можно производить нѣчто подобное сѣверному сіянію; по чему нѣкоторые испытатели Натуры почитаютъ оное электрическимъ явленіемъ въ верхнемъ воздухѣ, который менѣе наполненъ грубыми парами.

О летучихъ зміяхъ и блудящихъ огняхъ.

Бываютъ еще многія другія свѣтящіяся явленія, о которыхъ я хочу упомянуть, для того, что между простымъ народомъ почитаютъ ихъ за бѣсовскія дѣйствія, и разсказываютъ объ нихъ множество нелѣпостей. Таковы суть *лѣтучіе зміи* и *блудящіе огни*. Лѣтучій змій состоитъ въ длинномъ потокѣ горючихъ паровъ, которые загорѣвшись гдѣ нибудь, несутся по воздуху, и скоро сгараютъ. Воображеніе дѣлаетъ изъ нихъ змія, а бабья Философія почитаетъ ихъ за посланцевъ Сатаны или колдуновъ, приносящихъ людямъ деньги и другія сокровища. *Блудящіе огни* кажутся издали горящими свѣчами, и по суевѣрнымъ разсказамъ черни появляются для того, чтобъ сводить прохожихъ съ дороги. Но вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ они суть не иное что, какъ дѣйствія болотнаго воздуха, состоящаго изъ многихъ горючихъ частицъ. Ибо, какъ Г. Волта замѣтилъ, естьли сдѣлаешь палкою ямку въ болотѣ, и наберешь

въ стеклянный сосудъ воздуху, находящагося въ пузыряхъ, которые поднимаются изъ сея ямки, то усмотришь, что сей воздухъ весьма удобно загарается, какъ скоро поднесешь къ нему горящую свѣчу. По чему блудящіе огни являются по большей части въ лѣсныхъ мѣстахъ, на кладбищахъ и на такихъ мѣстахъ, гдѣ бывали сраженія; ибо въ сихъ мѣстахъ находится много болотнаго воздуху. Когдажъ случается прохожему, увидѣвъ издали блудящій огонь, сбиться съ дороги, сіе происходитъ вѣроятно отъ того, что онъ засматривается на сіе явленіе и забываетъ дорогу, или и безъ того не знаетъ ее такъ вѣрно, какъ думалъ.

О землетрясеніи.

Землетрясеніе есть самое величайшее и ужаснѣйшее явленіе въ Натурѣ. Оно есть сильное колебаніе или движеніе той части земли, гдѣ оно бываетъ, сопровождаемое страшнымъ стукомъ, подобнымъ грому; при чемъ нерѣдко вырывается изъ земли вода, огонь, дымъ, или вѣтръ, и пр. Причины, производящія испареніе воды и всѣ огненныя явленія въ воздухѣ, сіи самыя причины производятъ страшныя дѣйствія и подъ землею. Ибо въ землѣ повсюду находятся скважины, жилы и каналы, изъ которыхъ нѣкоторыя наполнены водою, другія парами и горючимъ воздухомъ, а во многихъ мѣстахъ также селитрою, сѣрою, смолою, купоросомъ, и иными горючими матеріями. Сіи матеріи загораются отъ попадающагося къ нимъ огня, или отъ ударенія о какія либо твердыя тѣла, либо отъ смѣшенія съ иными жидкими матеріями, или можетъ быть дѣйствіемъ электрической силы: отъ сегожъ происходитъ, что они занимаютъ бо́льшее пространство; и какъ прежнее мѣсто становится для нихъ тѣсно, то онѣ стремясь во всѣ стороны, производятъ потрясеніе въ находящихся подлѣ ихъ частяхъ. При томъ слышенъ бываетъ стукъ, подобный грому; что продолжается дотолѣ, пока онѣ найдутъ какое либо отверстіе, или сами сдѣлаютъ оное, чтобъ выбиться изъ-подъ земли. Можетъ быть вамъ никогда не случится увидѣть сего явленія, ибо оно въ нашихъ странахъ весьма необыкновенно; и для того я разскажу вамъ нѣкоторыя обстоятель-

ятельства весьма ужаснаго землетрясенія, бывшаго лѣтъ за семьдесятъ предъ симъ въ Ямайкѣ. Въ двѣ минуты оно разрушило и поглотило 9 десятыхъ частей города Портъ-Ройаля. Разверзающаяся земля поглощала людей, и выбрасывала нѣкоторыхъ изъ сихъ поглощенныхъ обратно на другихъ улицахъ. На всемъ островѣ всѣ домы были испровержены. Плантація, принадлежавшая одному тамошнему жителю, именемъ Гопкинсу, сдвинулась со своего мѣста на цѣлую четверть часа ѣзды. Вода била изъ ключей съ великимъ стремленіемъ; домы съ одной стороны улицъ поглощаемы были землею, а съ другой разваливались; песокъ на улицахъ мутился подобно морскимъ волнамъ, и поднималъ съ собою вверьхъ все, что на нихъ ни было; по томъ вдругъ упадалъ во рвы; разливалась вода; и такимъ образомъ все было разрушено. Корабли и шлюпки въ гавани были опрокинуты и потонули; одинъ фрегатъ сильнымъ подниманіемъ и опусканіемъ моря несенъ былъ по кровлямъ домовъ. Земля во многихъ мѣстахъ разсѣдалась; отверстія дѣлались весьма скоро и вдругъ смыкались; можно было видѣть отъ двухъ до трехъ сотъ такихъ разсѣлинъ; нѣкоторыя изъ оныхъ совсѣмъ поглощали людей; другія смыкаясь раздавливали попавшихся въ нихъ; изъ иныхъ видны еще были только головы человѣческія. Большія отверстія поглощали домы; а изъ нѣкоторыхъ била вверьхъ вода съ великимъ стремленіемъ и весьма высоко. Смрадъ повсюду распространялся; вдалекѣ слышенъ былъ стукъ и трескъ обваливающихся горъ, а подъ землею ревъ, подобный грому. Все небо нѣсколько времени покрыто было тусклымъ огненнымъ цвѣтомъ, наподобіе раскаленной печи.

Приливомъ и *отливомъ* называется попере- **О приливѣ и отливѣ.** мѣнное возвышеніе и опусканіе воды въ морѣ, бывающее почти всякой день два раза. Приливъ, или возвышеніе морской воды, продолжается нѣсколько болѣе 6 часовъ. Въ продолженіе сего времени морская вода поднимается мало по малу съ южной стороны къ сѣверу, вступаетъ въ устья рѣкъ, отъ чего рѣчная вода обращается къ своимъ источникамъ; по томъ приливъ

какъ бы останавливается минутъ на десять, до начала отлива, или пока вода потечетъ обратно съ сѣверной стороны къ югу. Отливъ продолжается также болѣе 6 часовъ, и какъ морская вода опускается, то рѣки получаютъ обыкновенное свое теченіе. Чрезъ 10 минутъ вторично начинается приливъ. Приливъ и отливъ вкупѣ продолжаются 12 часовъ 25 минутъ, и по тому каждой день послѣдуютъ 50 минутами позже, нежели въ предыдущій. 24 часа и 50 минутъ составляютъ лунныя сутки, т. е. луна всякой день проходитъ чрезъ меридіанъ 50 минутами позже; и когда она проходитъ чрезъ меридіанъ надъ горизонтомъ или подъ онымъ, тогда бываетъ приливъ; напротивъ того отливъ бываетъ, когда луна находится на горизонтѣ съ восточной или съ западной стороны, т. е. при восхожденіи или при захожденіи луны. При вступленіи луны въ первую и третію четверть, т. е. во время новолунія и полнолунія, приливъ бываетъ высокъ и быстръ, и называется *высокимъ приливомъ*; напротивъ того при вступленіи луны во вторую и четвертую четверть онъ бываетъ тише и менѣе, и называется *низкимъ приливомъ*. Всѣ сіи обстоятельства можно приписать привлекательной силѣ луны; при чемъ также и привлекательная сила солнца имѣетъ дѣйствіе. Однако для васъ еще рано вступать въ такія глубокомысленныя и трудныя изслѣдованія. И такъ на сей разъ будьте довольны такимъ только понятіемъ касательно сея матеріи, какое вамъ нужно, чтобъ не быть совсѣмъ незнающими въ оной, или для возбужденія любопытства вашего, дабы вы впредь могли искать дальнѣйшихъ познаній, естьли будете имѣть охоту къ тому. Теперь же, исполняя мое обѣщаніе и слѣдуя предпринятому порядку, поведу васъ во глубины земли, и покажу вамъ нѣкоторыя изъ самыхъ достойнѣйшихъ примѣчанія и полезнѣйшихъ вещей, тамъ находящихся.

Глава III.

О металлахъ и камняхъ.

Подлинными или *совершенными металлами* называются отмѣнно тяжелыя тѣла, которыя не только растоплять, но также ковать и лить можно. Все сiе вкупѣ свойственно только золоту, серебру, мѣди, желѣзу, олову и свинцу; по чему находится только 6 совершенныхъ металловъ. Первые два, то есть золото и серебро, имѣютъ еще то особенное свойство, что въ обыкновенномъ плавильномъ огнѣ остаются безъ всякой перемѣны, сколь бы долго въ немъ ни были; а прочiя огнемъ скоро разрушены быть могутъ. По сей причинѣ первые называются *драгоцѣнными*, а другiе *простыми* металлами. Кромѣ сихъ находятся еще иныя тѣла, имѣющiя немалое сходство съ металлами въ разсужденiи тяжести и вида, но различающiеся отъ оныхъ тѣмъ, что подъ молотомъ трескаются, а поставлены будучи въ плавильномъ горшкѣ на сильный огонь, разлѣтаются. Они называются *несовершенными металлами*, или *полуметаллами*, и суть: ртуть, цинкъ, висмутъ, антимонiя и кобалтъ. Какъ металлы, такъ и полуметаллы, находимы бываютъ въ землѣ либо *самородные*, либо *въ рудахъ. Самороднымъ* называется тотъ металлъ, который ни съ какими тѣлами не смѣшенъ; а подъ именемъ *руды* (minera) разумѣется такое смѣшенное тѣло, въ которомъ металлическая матерiя соединена съ иными минеральными тѣлами, такъ что металлъ не имѣетъ своего звуку, плавкости и гибкости. Арсеникъ, или мышьякъ, и сѣра суть главныя матерiи, посредствомъ которыхъ руда составляется. Въ разсужденiи происхожденiя и рожденiя металловъ, мнѣнiя какъ древнихъ, такъ и новыхъ Физиковъ, не согласны. Нѣкоторые говорятъ, что металлы, такъ же какъ растенiя, происходятъ отъ сѣмянъ. Другiе думаютъ, что они раждаемы бываютъ подземнымъ огнемъ. Иныежъ утверждаютъ, что металлы происходятъ изъ ртути, сѣры и соли; что они получаютъ матерiю и вѣсъ отъ ртути, а цвѣтъ и видъ отъ сѣры. Однако я не хочу за-

вести васъ въ изслѣдованіе сея весьма еще неясной и весьма трудной матеріи; но предложу вамъ только краткую натуральную исторію каждаго металла.

О золотѣ. *Золото* есть самой тяжелой и самой чистѣйшій металлъ, и такой, который болѣе всѣхъ другихъ металловъ растягиваться можетъ. Цвѣтъ его желтый блестящій, однакожъ съ нѣкоторою различностію по различности земель, въ которыхъ сей металлъ находится. Въ разсужденіи мяхкости, золото сходнѣе всѣхъ со свинцомъ, и когда оно чисто, то есть безъ всякаго примѣса, совсѣмъ не имѣетъ звука. По большей части выкапываютъ его изъ земли; но также находятъ иногда въ рѣчномъ пескѣ и илѣ золотую пыль, особливо въ Гвинеѣ. Золотыя штуфы лежатъ въ землѣ обыкновенно отъ 150 до 160 саженъ въ глубину, и выкапываемы бываютъ большими кусками, смѣшенными съ иными минеральными матеріями, какъ то: съ антимоніею, купоросомъ, сѣрою, мѣдью, или серебромъ, особливожъ съ послѣднимъ. Пріуготовленіе и отдѣленіе золота производимо бываетъ слѣдующимъ образомъ: сперва раздробляютъ золотую руду желѣзными молотами; по томъ толкутъ ее въ порошекъ на мѣльницахъ, и просѣваютъ чрезъ нѣсколько ситъ, чтобы сдѣлать сколько возможно мѣлче. Сей порошекъ ссыпаютъ въ корыта, и прибавивъ надлежащую мѣру воды и ртути, даютъ ему стоять два или три дни на солнцѣ и на воздухѣ; по томъ отмываютъ еще иловатую землю горячею водою, пока наконецъ не останется ничего кромѣ золота и нѣкотораго количества ртути, которую отдѣляютъ отъ него посредствомъ дестиллированія. Такимъ образомъ очищенное золото называется *дѣвичьимъ золотомъ*. По томъ плавятъ его въ плавильныхъ горшкахъ, а наконецъ сливаютъ въ слитки или прутья. Золотые рудники находятся во многихъ земляхъ; но въ Европѣ ихъ не много. Рудники въ Перу и Хили, въ Америкѣ, суть самые изобильнѣйшіе; но также находятся знатные рудники въ Китаѣ, на Африканскихъ берегахъ, и въ нѣкоторыхъ Европейскихъ земляхъ, какъ-то въ Венгріи, Трансилваніи и

Залц-

Залцбургѣ. Тяжесть золота содержится къ тяжести воды почти какъ 19 къ 1, а къ тяжести серебра почти какъ 2 къ 1. Золото считается марками и каратами. Марка содержитъ въ себѣ около полуфунта, и состоитъ изъ 24 каратовъ. Чистое золото безъ всякаго примѣса называется 24-каратнымъ. Но естьли марка содержитъ въ себѣ только 23 части золота, а 1 часть мѣди или серебра (ибо для дѣланія изъ него монетъ, или какихъ нибудь вещей, обыкновенно смѣшиваютъ его съ которымъ либо изъ сихъ двухъ металловъ): въ такомъ случаѣ называется оно 23-каратнымъ. Самое удивительное свойство золото есть тягучесть его. Одна унція золота можетъ растянута быть въ листахъ на 150 квадратныхъ футовъ, а въ проволокѣ даже до 1000 футовъ; но при всемъ томъ остается оно столь плотно, что и съ помощію увеличительнаго стекла не можно примѣтить на немъ ни малѣйшей трещины.

Серебро есть бѣлой блестящій металлъ, и по золотѣ способнѣе всякаго другаго къ растяженію. Чистое серебро въ одиннатцать разъ тяжелѣ дождевой воды. Находимо бываетъ какъ самородное, такъ и въ рудѣ. Во всѣхъ частяхъ міра находятся серебряные рудники, но находящіеся въ Перу и въ нѣкоторыхъ другихъ Американскихъ странахъ, особливожъ въ Потози, суть самые изобильнѣйшіе: они и нынѣ еще доставляютъ руду въ такомъ же множествѣ, какъ и сначала по открытіи ихъ, съ тою только разностію, что тогда серебряныя жилы находимы были почти на поверьхности славной Потозійской горы, а нынѣ работники, выкапывающіе руду, должны сходить отъ четырехъ до пяти сотъ ступеней внутрь земли. Серебряныя руды не всѣ одинакаго качества, цвѣта и доброты. *Стеклянная руда* (глас-эрцъ) имѣетъ черноватый цвѣтъ; ее можно рѣзать и ковать, естьли она безъ всякаго примѣса, и она можетъ растопляться даже на свѣчѣ; по чему къ обрабатыванію удобнѣе всякой другой. Она содержитъ въ себѣ всегда болѣе половины и обыкновенно $\frac{2}{3}$ серебра. *Роговая руда*, или *роговое серебро*, желтоватаго

О серебрѣ.

ватаго цвѣта, или похожаго на кофейной, и въ тонкихъ частицахъ подобна полупрозрачному рогу. Она рѣже всякой другой серебряной руды, и содержитъ около $\frac{2}{3}$ серебра. *Красная руда* называется такъ по красному ея цвѣту, который иногда подходитъ къ чернокофейному. Она также весьма изобильна; ибо изъ центнера ея выходитъ по большей части половина, иногдажъ и $\frac{2}{3}$ серебра. *Бѣлая руда* есть свѣтлосѣрая, мѣлкозернистая и блестящая руда; но количество содержащагося въ ней серебра бываетъ весьма неодинаково; ибо центнеръ сея руды содержитъ въ себѣ 8, 10, 20, а часто и болѣе 30 марокъ серебра. *Сѣрая руда* бываетъ бѣловатаго и черносѣраго цвѣта; но въ разсужденіи количества содержащагося въ ней серебра, не можетъ сравнена быть съ вышепомянутыми рудами; ибо центнеръ ея рѣдко содержитъ болѣе 14 или 26 лотовъ серебра. Отдѣляютъ серебро изъ руды различными способами; но описаніе оныхъ было бы для васъ слишкомъ продолжительно. Считая марками, содержащими въ себѣ по 16 лотовъ, для означенія примѣсу мѣди, называютъ серебро 12-лотнымъ, естьли въ маркѣ находится 12 лотовъ серебра и 4 лота мѣди; естьлижъ марка состоитъ изъ 10 лотовъ серебра и 6 лотовъ мѣди, то серебро называется 10-лотнымъ, и т. д.

Мѣдь есть желтокрасноватый, твердый и къ обработыванію довольно удобный металлъ, котораго собственная тяжесть содержится къ тяжести воды почти какъ $8\frac{1}{2}$ къ 1. Находятъ ее во многихъ Европейскихъ земляхъ, не только въ рудѣ, но и самородную. Руду обыкновенно выкапываютъ большими глыбами, которыя сперва разбиваютъ и перемываютъ, для отдѣленія грубыхъ и земляныхъ частей; по томъ плавятъ ее, и сливаютъ въ большіе слитки. Такъ пріуготовляется обыкновенная мѣдь. *Розовая мѣдь* переплавливается еще разъ или два; и при каждой плавкѣ прибавляютъ къ ней нѣкоторое количество олова, для приданія ей лучшаго вида. *Дѣвичьею мѣдью* называется чистая или самородная мѣдь, которая находима бываетъ въ рудникахъ, что случается рѣдко. Смѣсь нѣкотораго количества мѣ-

ди

ди и галмея, или мѣди и цинка, составляетъ *зеленую мѣдь*. Изъ нѣкотораго количества мѣди и олова составляется колокольная мѣдь; а изъ простой и зеленой мѣди, сплавленныхъ въ равномъ количествѣ, происходитъ бронза, изъ которой дѣлаются бюсты и статуи. Ржа мѣдная называется ярью.

О желѣзѣ.

Желѣзо есть твердой, черноватосиній, не удобно расплавливающійся металлъ, который менѣе всякаго другаго способенъ къ растяженію, и магнитомъ привлекается. Оно по большей части находимо бываетъ въ рудѣ, а самородное весьма рѣдко. Лежа на воздухѣ и въ водѣ оно ржавѣетъ, и ржа бываетъ на немъ краснокофейнаго цвѣту. Собственная его тяжесть содержится къ тяжести дождевой воды почти какъ $7\frac{1}{2}$ къ 1. Естьли часто его раскаливаютъ, куютъ, и по томъ даютъ ему простывать мало по малу: отъ того становится оно мяхко; но естьли раскаленное желѣзо опущено бываетъ въ холодную воду, то получаетъ болѣе твердости. Раскаливая и простужая его такимъ образомъ, дѣлаютъ *сталь*. Пріуготовленіе желѣза есть слѣдующее: сперва отжигаютъ желѣзную руду въ печахъ, похожихъ на обыкновенныя известныя печи. Сіи печи наполняются до верьху рудою и угольемъ; послѣ чего затопляются снизу, и огонь содержится дотолѣ, пока уголье совсѣмъ перегоритъ. Однако руда отъ сего еще не расплавливается, но только грубыя части ея сгараютъ, и послѣ того можно уже ее толочь. По томъ плавятъ ее въ плавильныхъ печахъ на сильномъ огнѣ, который держатъ цѣлые мѣсяцы день и ночь не погашая. Расплавленное желѣзо сливаютъ въ большіе куски, которые наконецъ въ кузницахъ или на наковальняхъ передѣлываютъ въ полосы для употребленія.

О свинцѣ.

Свинецъ есть весьма гибкой и мяхкой металлъ, темносѣраго цвѣта. Онъ расплавливается весьма легко, и собственная его тяжесть превосходитъ болѣе нежели въ 11 разъ тяжесть воды. Находятъ его во многихъ земляхъ, особливожъ въ Англіи, въ великомъ множествѣ. Выкопавъ руду изъ земли, разбиваютъ ее,

 пере-

перемывают въ текущей водѣ, и по томъ просѣваютъ. Послѣ сего плавятъ ее въ плавильной печи на сильномъ угольномъ огнѣ. Растопившійся свинецъ вытекаетъ изъ печи со стороны чрезъ трубу, а земля, камни и огарки остаются въ угольѣ и въ пеплѣ. По томъ работники берутъ его желѣзными ложками, и льютъ въ какія нибудь формы.

Объ оловѣ. *Олово* есть бѣловатый металлъ, и легче всякаго другаго металла. Оно не такъ твердо, какъ серебро, и не такъ мягко, какъ свинецъ; растопляется на легкомъ огнѣ; также можетъ обращено быть въ пепелъ. Рудники находящіеся въ Корнвалѣ и Девонширѣ доставляютъ большую часть олова, обработываемаго во всей Европѣ. Пріуготовленіе онаго описано въ Философическихъ Транзакціяхъ слѣдующимъ образомъ: выкопанную руду разбиваютъ большими желѣзными молотами; по томъ толкутъ ее толчеями почти такимижъ, какія бываютъ въ бумажныхъ мѣльницахъ. Протекающая сквозь нея вода отмываетъ земляныя частицы, а метальныя части остаются. Послѣ сего кладутъ ее на желѣзныя плиты, сушатъ въ печи, и мѣлютъ весьма мѣлко; по томъ еще перемываютъ, и высушиваютъ. Въ семъ состояніи олово называется чернымъ, изъ котораго дѣлается бѣлое олово посредствомъ плавки въ плавильной печи на сильномъ угольномъ огнѣ. Наконецъ даютъ ему простыть, и перековываютъ его въ плиты. Въ пріуготовленіи состава, изъ котораго дѣлаютъ оловянную посуду, кладется на центнеръ олова 6 фунтовъ зеленой мѣди и 15 фунтовъ свинцу.

О ртути. *Меркурій*, или по обыкновенному названію, *ртуть*, есть первой и примѣчанія достойнѣйшій полуметаллъ. Онъ есть тяжелое, бѣлое и жидкое тѣло, однакожъ не мочитъ рукъ, такъ какъ другія жидкія тѣла. Видомъ походитъ онъ на расплавленное серебро, и самъ по себѣ холоденъ, такъ что руки долго въ немъ держать не можно. Находятъ его по большей части въ Венгріи, Испаніи, Фріаулѣ и Перу. Отдѣляютъ его отъ руды слѣдующимъ образомъ: сперва разбиваютъ руду, наливаютъ на нее множество воды, и мѣшаютъ

дотолѣ,

дотолѣ, какъ вода почернѣетъ; сливъ сію почернѣвшую воду, наливаютъ свѣжей, и продолжаютъ сіе дотолѣ, какъ вода не будетъ уже чернѣть: послѣ чего остаются въ сосудѣ на днѣ ртуть и другія металлическія матеріи. Съ сими остатками смѣшиваютъ огарки желѣзной руды; кладутъ все то вмѣстѣ въ большія реторты, и дестиллируютъ. Посредствомъ сего дестиллированія ртуть отдѣляется отъ всѣхъ другихъ металлическихъ и каменистыхъ частицъ. Главныя свойства ртути суть слѣдующія: по золотѣ она есть самой тяжелый изъ всѣхъ металловъ, а именно въ 14 разъ тяжелѣ воды. Она жиже всѣхъ другихъ тѣлъ, т. е. части ея менѣе связаны между собою и легче могутъ отдѣляемы быть одна отъ другой, нежели части всякаго инаго тѣла. Она весьма лѣтуча, такъ что отъ легкаго жару можетъ превращаться въ паръ. Легко пристаетъ къ золоту и смѣшивается съ нимъ; съ серебромъ не столь удобно; трудно смѣшать ее съ мѣдью, а съ желѣзомъ совсѣмъ не возможно. Прежде думали, что ртуть при самой большей степени стужи замерзнуть не можетъ; однакожъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ опытами въ Петербургѣ доказано противное, и при жестокой стужѣ, увеличенной еще искусствомъ, ртуть превращена была въ твердое тѣло, такъ что можно было ковать ее, равно какъ совершенный металлъ.

О цинкѣ.

Цинкъ, или шпіаутеръ, есть бѣлосиневатый, въ отломѣ какъ бы волокнистый или листковатый полуметаллъ. Онъ имѣетъ звукъ, и отъ ковки трескается не столь легко, какъ другіе полуметаллы. Расплавленъ будучи на огнѣ, горитъ зеленоватымъ пламенемъ; когдажъ смѣшиваютъ съ нимъ мѣдь, то она становится желта и жестка. Получаютъ его по большей части изъ Остъ-Индіи; однакожъ и въ Германіи находятся руды, содержащія въ себѣ цинкъ. Изъ смѣшенія цинка съ мѣдью дѣлается зеленая мѣдь и принцметаллъ, который бываетъ различнаго цвѣту и болѣе или менѣе жесткъ, по мѣрѣ того, сколько цинка въ составъ кладется.

О висмутѣ. *Висмутъ* есть блѣдножелтый, слоистый и листковатый полуметаллъ; къ ковкѣ почти совсѣмъ не способенъ, но удобно растирается въ порошекъ. Онъ растопляется на легкомъ огнѣ, и весьма лѣтучъ. Находятъ его обыкновенно въ тѣхъ рудникахъ, гдѣ находятся кобалты, и онъ содержитъ въ себѣ такуюжъ синюю красильную землю, какъ и кобалты. Во всѣхъ висмутныхъ рудахъ находимо бываетъ серебро, въ центнерѣ по 15, по 20 лотовъ, и болѣе. Мѣдь и олово, смѣшены будучи съ висмутомъ, становятся отъ того звончѣе.

Объ антимоніи. *Антимонія*, или сурьма, есть отмѣнная полуметаллическая руда, составляющая черноватое, въ отломѣ нѣсколько блестящее и полосатое тѣло; а самый царикъ, regulus, въ ней, (такъ называютъ Минералоги самый металлъ въ рудѣ) есть бѣловатое, въ отломѣ нѣсколько блестящее тѣло, которое удобно растираемо быть можетъ, растопляется въ раскаленномъ горшкѣ, и растопляясь мало по малу разлѣтается. Находятъ ее въ большомъ количествѣ во Франціи, Венгріи и Саксоніи; также въ Швеціи и въ другихъ земляхъ, но не въ такомъ множествѣ. Она разрушаетъ въ огнѣ всѣ металлы, кромѣ золота; по чему употребляютъ ее для очищенія онаго. Кромѣ сего, она доставляетъ многоразличную пользу въ общежитіи, употребляема будучи мастерами золотыхъ дѣлъ и монетными, оловяннишниками, словолитщами, фейерверкщиками, и даже Медиками.

О кобалтѣ. Наконецъ дошли мы до послѣдняго полуметалла, называемаго *кобалтомъ*, котораго и самые минералогическіе писатели по большей части обстоятельно не описываютъ. На рудокопныхъ заводахъ все то называется кобалтомъ, чего ни къ какому извѣстному роду руды причислить не можно; а нѣкоторые даютъ сіе названіе также всякимъ хищнымъ рудамъ, или такимъ, которыя кажутся богатыми, но въ самомъ дѣлѣ скудны. Въ кобалтахъ надлежитъ замѣчать то, что они обыкновенно бываютъ бѣлосѣраго цвѣту, почти такогожъ, какъ хорошая сталь; впрочемъ довольно

тверды,

твердыя, ломки и въ отломѣ мелкозернисты. Изъ кобальта, сплавленнаго съ пескомъ и алкалическою солью, происходитъ синее стекло, изъ котораго дѣлается славная синяя краска или смалтъ. Искусство сіе сперва изобрѣтено въ Саксоніи; а по томъ уже въ Богеміи, Гессенѣ, и въ другихъ мѣстахъ Германіи, заведены фабрики, на которыхъ дѣлаютъ сію краску.

Въ заключеніе описанія металловъ упомянемъ еще о *платинѣ*, которая не весьма давно вывезена изъ Испанской Америки, и нѣкоторыми почитаема за новый металлъ, хотя другіе знающіе люди утверждаютъ противное тому. Платина есть бѣлое, зернистое, металлическое тѣло, тяжестію почти равное золоту, и еще тяжелѣе онаго, когда бываетъ очищено. Она весьма мало способна къ ковкѣ; одна не растопляется совершенно и на самомъ сильномъ огнѣ, но съ другими металлами и полуметаллами плавится весьма легко, и распускается въ царской водкѣ. Г. Маркграфъ почитаетъ ее смѣшеннымъ минераломъ, изъ котораго золото извлечено. **О платинѣ.**

Предложивъ краткое описаніе металловъ, сообщу вамъ еще свѣдѣніе о драгоцѣнныхъ и нѣкоторыхъ другихъ примѣчанія достойныхъ камняхъ.

Находится много родовъ драгоцѣнныхъ камней, между которыми *алмазъ* почитается самымъ драгоцѣннѣйшимъ. Доброта его состоитъ въ водѣ его, или цвѣтѣ, въ блескѣ и вѣсѣ; а пороки въ немъ суть трещины, жилки, красныя или черныя песочныя пятна, также и то, естьли онъ синеватъ или красноватъ. Алмазы находимы бываютъ только въ Ост-Индіи, иногда въ рудникахъ, иногдажъ въ рѣчномъ пескѣ. Они тверже всякаго другаго драгоцѣннаго камня, и могутъ рѣзаны и шлифованы быть только собственною своею матеріею. Обдѣлываютъ ихъ слѣдующимъ образомъ: сперва трутъ крѣпко одинъ алмазъ о другой, и оттираемая такимъ образомъ пыль служитъ къ шлифованію и полированію камня, что дѣлается посредствомъ машины, дѣйствующей однимъ колесомъ, которое сдѣлано бываетъ изъ мяхкаго желѣза **О драгоцѣнныхъ камняхъ.**

и

и намазано разведенною на оливковомъ маслѣ алмазною пылью. Та же пыль, истолченная весьма мѣлко и разведенная на водѣ и уксусѣ, употребляется къ пиленію или рѣзанію алмаза, производимому желѣзною или мѣдною проволокою, тонкою какъ волосъ. Находится еще много иныхъ драгоцѣнныхъ камней, и я сообщу свѣдѣніе только о названіяхъ и цвѣтахъ знатнѣйшихъ изъ оныхъ. *Рубинъ*, почитаемый самымъ драгоцѣннѣйшимъ по алмазѣ, краснаго цвѣту, подходящаго нѣсколько къ пурпуровому. *Виниса* походитъ на рубинъ и можетъ быть одного рода съ онымъ; но красный цвѣтъ въ немъ нѣсколько темнѣе. *Гіацинтъ* цвѣтомъ красножелтый, также и свѣтложелтый. *Аметистъ* свѣтло пурпуровый; *изумрудъ* зеленый; *бериллъ* синевато зеленый; *яхонтъ* синій; *топазъ*, или *хрисолитъ*, золотожелтый. Всѣ сіи камни прозрачны. Между полупрозрачными самый лучшій есть *сердоликъ*, цвѣту блѣднокраснаго, подходящаго иногда къ оранжевому. *Ониксъ* сѣроватъ. *Тиркизъ* цвѣту средняго между синимъ и зеленымъ. *Лазуревой камень* голубой съ золотыми искрами. Всѣ сіи камни, купно со многими другими, надлежало бы можетъ быть причислить къ роду *агата* и *яшмы*, между которыми разность состоитъ только въ томъ, что агатъ нѣсколько тверже, прозрачнѣе, и способенъ къ лучшей полиптурѣ; цвѣты же какъ того, такъ и другаго, не одинаковы.

О магнитѣ. Сей удивительный камень находится во многихъ земляхъ, какъ-то: въ Китаѣ, Бенгалахъ, Арабіи, Венгріи, Германіи и Англіи. Онъ есть тяжелый черносѣрый камень, похожій на обыкновенную желѣзную руду, но нѣсколько тверже и тяжелѣ оной. Находятъ его часто въ желѣзныхъ рудникахъ, и въ немъ самомъ содержится желѣзо. Онъ имѣетъ удивительныя свойства и силы. Онъ привлекаетъ къ себѣ желѣзо, которое пристаетъ къ нему весьма плотно. Такаяжъ сила сообщается и желѣзу, натертому магнитомъ. Во всякомъ магнитѣ находятся двѣ точки, называемыя *полюсами*, изъ которыхъ одна всегда обращена бываетъ къ сѣверу, а другая къ югу; и на какія бы мѣлкія части онъ раздробленъ ни былъ, каждая ча-

частица имѣетъ сіи полюсы. Сіе свойство весьма способствовало приведенію мореплаванія въ лучшее состояніе; ибо помощію иглы, натертой магнитомъ, корабельщикъ можетъ направлять ходъ корабля своего въ ту сторону, въ которую ему надобно, по тому, что такая игла, получая свойство магнита, всегда указываетъ сѣверъ.

О марморѣ.

Марморъ есть родъ известнаго камня, который по плотности своей способенъ къ политурѣ. Находится не только одноцвѣтный марморъ, который по большей части бываетъ черный, бѣлой, сѣрой, или зеленый, но также и пестрый съ разными полосами или пятнами. Еще находятся роды мармора, напр. Флорентинской и Гессенской, съ разными изображеніями, представляющими какъ-бы крѣпости, старинныя зданія, ландшафты и дерева. *Раковиннымъ марморомъ* называется такой родъ мармора, въ которомъ видны окаменелости и отпечатки раковинъ и улитокъ.

О алабастрѣ.

Алабастръ есть особенный камень, хотя многіе почитаютъ его только родомъ мармора. Марморъ, какъ то уже упомянуто, есть известной камень, а алабастръ родъ гипсоваго камня, по чему иногда дѣлаютъ изъ него гипсовую известь. Удобно можно распознать ихъ одинъ съ другимъ по тому, что марморъ въ крѣпкой водкѣ кипитъ, напротивъ того алабастръ не кипитъ. Находится не только бѣлой, но также черный, полосатый и пестрый алабастръ. Его можно полировать, и по тому дѣлаютъ изъ него статуи, сосуды, и другія вещи; однакожъ онъ никогда не имѣетъ такого хорошаго лоску, какъ марморъ. Алабастровая ломня въ Графствѣ Гоэнштейскомъ есть самая знатнѣйшая: тамъ находятся цѣлыя горы, состоящія изъ сего камня.

О дендритахъ.

Между глинистыми камнями находится родъ камней бѣловатаго, сѣраго, или желтоватаго цвѣту, называемыхъ *дендритами*, на которыхъ бываютъ изображенія, похожія на маленькія деревца или кусты. Нѣкоторые почитаютъ сіи изображенія игрою Натуры, другіе отпечатками растеній и моховъ,

ины-

иныежъ только проточеніемъ камня отъ воздуха. Сіе последнее мнѣніе вѣроятнѣе первыхъ; ибо при внимательномъ разсматриваніи камня, тѣ мѣста, гдѣ изображенія находятся, кажутся какъ бы проѣденными. Многіе дендриты способны къ шлифованію и полировкѣ, и можно дѣлать изъ нихъ табакерки и другія вещи,

О асбестѣ.

Асбестъ есть легкой волокнистый камень, не одинакаго цвѣту, ибо нѣкоторые роды его бываютъ зеленоватые, другіе бѣлосѣрые, иные черноватые, иные желтоватые. Онъ называется также *аміантомъ*, *каменнымъ*, или *горнымъ льномъ*, хотя нѣкоторые полагаютъ различіе между сими названіями. Находятъ его не только въ Индіи и Турціи, но также въ Италіи, Швеціи, Россіи, Сибири, и другихъ земляхъ. Онъ заслуживаетъ примѣчаніе по тому, что прежде дѣлали изъ него несгарающее полотно, несгарающую бумагу и свѣчи. Однако несгараемость сію не должно принимать въ самомъ строгомъ и точномъ смыслѣ сего слова, хотя то во многихъ описаніяхъ утверждаемо. Новѣйшими и тщательными опытами доказано, что такое полотно и такая бумага въ самомъ дѣлѣ раза два выдерживаютъ огонь, и будучи раскалены, очищаются отъ всякой приставшей къ нимъ нечистоты; но отъ частаго пережиганія, асбестъ, равно какъ и другіе камни, превращается въ известь и пепелъ.

О Болонскомъ камнѣ.

Около Болоны находятъ прозрачный волокнистый камень, величиною съ куриное яйцо, и покрытый бѣловатою или сѣрою скорлупою. По мѣсту, гдѣ его находятъ, называется онъ *Болонскимъ камнемъ* (Phoſphorus Bononienſis). Сей камень, истолченъ будучи въ порошекъ и пережигаемъ нѣсколько часовъ въ плавильномъ горшкѣ на сильномъ огнѣ, получаетъ отъ того такое свойство, что привлекаетъ къ себѣ свѣтъ, и въ темномъ мѣстѣ свѣтится. Хотя чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ теряетъ сію силу, однакожъ посредствомъ огня удобно можно снова сообщить ему оную. Прежде думали, что онъ одинъ только имѣетъ такое примѣчанія достойное свой-

ство; но нынѣ извѣстно, что сіе свойственно и нѣкоторымъ инымъ камнямъ.

Белемниты суть камни конической фигуры, сѣраго, черноватаго, или кофейнаго цвѣта, отчасти нѣсколько прозрачные. Въ толстомъ концѣ оныхъ находится ямка, либо пустая, либо наполненная какою нибудь земляною матеріею. Величина ихъ не одинакова: нѣкоторые бываютъ въ палецъ длиною и толщиною, а другіе въ руку. Не извѣстно, что суть сіи камни. Нѣкоторые почитаютъ ихъ членами какого либо окаменѣлаго морскаго животнаго, другіе рыбьими зубами, и пр. Суевѣріе прежнихъ столѣтій принимало ихъ за громовыя стрѣлы, чему и понынѣ еще между простымъ народомъ многіе вѣрятъ; и я упомянулъ о сихъ камняхъ для предостереженія васъ отъ такого ложнаго мнѣнія.

О белемнитахъ.

Янтарь (succinum, electrum) есть плотная, твердая земляная смола, бѣловатаго, желтаго, или похожаго на кофейный цвѣта, испускающая на горящихъ угольяхъ пріятный запахъ. Нѣкоторые роды ея прозрачны, а другіе непрозрачны. Въ первомъ родѣ находятъ иногда разныхъ несѣкомыхъ, травяныхъ вшей, мохъ, и другія вещи. Изъ Европейскихъ земель особливо Пруссія снабдена янтаремъ. Достаютъ его либо изъ воды у морскихъ береговъ, либо выкапываютъ изъ земли. Потертъ будучи немного, онъ привлекаетъ къ себѣ разныя легкія вещи: что подало случай къ открытію электрической силы, названной такъ по Греческому названію янтаря (electrum), какъ то выше сего было уже замѣчено.

О янтарѣ.

Мы заключимъ сію главу описаніемъ *турмалина*, весьма рѣдкаго камня, который недавно еще сталъ извѣстенъ. Онъ есть прозрачный камень кофейнаго цвѣта. Первой найденъ на островѣ Цейлонѣ, въ пескѣ на морскомъ берегѣ. Его причисляютъ къ драгоцѣннымъ камнямъ, и шлифуютъ такъ же, какъ сіи. Онъ имѣетъ то отличное свойство, что отъ тренія и отъ теплоты становится электрическимъ. Электрическая сила бываетъ въ немъ двоякая.

О турмалинѣ.

Производимая тренiемъ одинакова съ электрическою силою простаго стекла. Естьлижъ электрическая сила въ семъ камнѣ возбуждена бываетъ посредствомъ горячей воды, то онъ уподобляется магниту, и имѣетъ два полюса, изъ которыхъ одинъ привлекаетъ къ себѣ вещи, а другой отталкиваетъ отъ себя. Но въ семъ случаѣ надлежитъ ему всему нагрѣту быть въ равной степени; ибо когда одна сторона бываетъ теплѣе другой, то электрическая сила въ нихъ мѣняется.

Земля содержитъ въ себѣ еще много иныхъ весьма полезныхъ вещей; но естьлибъ я захотѣлъ разсказывать обо всемъ, что въ ней примѣчанiя достойно, сiе повѣствованiе для васъ было бы слишкомъ продолжительно. И такъ обратимся отъ внутренности земли къ поверьхности, и обозримъ царство растенiй.

Глава IV.

О царствѣ растенiй.

Какою прiятною зеленiю облекается поверьхность нашей земли! Какъ прелестны многоразличныя виды ея для чувствъ, и какъ прiятны воображенiю! Горы увѣнчаны лѣсами, а долины тучною травою украшены. На поляхъ волнуются золотые класы; луга покрыты слитою пестротою многоразличныхъ травъ и цвѣтковъ. Какъ прекрасны цвѣты ихъ! Какъ прiятенъ, силенъ, усладителенъ запахъ, ими издыхаемый! Коль дивны уму нашему образованiе и составъ ихъ частей! Коль полезны и спасительны врачебныя силы ихъ для жизни человѣческой! *Многоразличны дѣла Господни, и вся премудростiю сотворенны!* И такъ не прiятно ли вамъ будетъ, когда я предложу вамъ краткое начертанiе царства растенiй, и чрезъ то приведу васъ въ состоянiе разсуждать лучше о цвѣткахъ, травахъ, деревахъ, и другихъ растенiяхъ. Для наблюденiяжъ нѣкотораго порядка въ семъ наставленiи, расположу его слѣдующимъ образомъ.

1) Предложу краткое разсмотрѣнiе натуры растенiй вообще, и какимъ образомъ они ростутъ.

2)

2) Опишу, или по крайней мѣрѣ означу главныя части, различаемыя въ растенiяхъ.

3) Сообщу вамъ краткое наставленiе, какъ надлежитъ разбирать растенiя по выбранному методу.

4) Наконецъ заключу главу сiю историческимъ описанiемъ нѣкоторыхъ примѣчанiя достойныхъ растенiй.

Все ростущее изъ земли, дерево, кустъ, трава, или цвѣтокъ, называется *растенiемъ* (vegetabile), имѣетъ части и орудiя, служащiя къ росту и къ расплоoжденiю, но безъ ощущенiя; также имѣетъ въ себѣ нѣкоторое жизненное существо, называемое *растительною силою* (vegetatio), которая прiуготовляетъ землю, соли и воду, поднимающiяся вверьхъ чрезъ корни, и дѣлаетъ ихъ сходными съ существомъ растенiя. По сей причинѣ одно растенiе содержитъ въ жилахъ своихъ масляный, а другое молочный сокъ, хотя оба ростутъ на одинакой землѣ, и одинакимъ солнцемъ, одинакимъ воздухомъ и одинакою водою питаемы; одно имѣетъ желтый цвѣтъ, другое красный, третiе зеленый; одно испускаетъ прiятный, другое дурной запахъ; одно вкусомъ сладко, другое горько, иноежъ кисло; одно питательно, другое ядовито; одно слабительно, другое вязко. Испытатели Натуры почитаютъ воду главною пищею всякаго растенiя, что можетъ быть она и въ самомъ дѣлѣ есть; однакожъ кромѣ ея, для жизни и свѣжести всѣхъ растенiй необходимо нужны нѣкоторое смѣшенiе земли и воздуха, свѣтъ и теплота. Хотя нѣкоторымъ растенiямъ потребно болѣе земли, а другимъ болѣе воды; но естьлибъ могла быть совершенно чистая вода, не смѣшенная ни съ какою земляною матерiею, такая вода не давала бы никакому растенiю пищи, равно какъ и сухой песокъ. Боергавъ описываетъ *растенiе*, какъ тѣло, раждаемое землею, съ которою оно совокуплено, или связано частями, которыя называются корнями, и чрезъ которыя получаетъ оно матерiю питающую его и сообщающую ему ростъ; оно состоитъ изъ соковъ и сосудовъ, примѣтно различныхъ между собою. Порядокъ, въ какомъ Натура производитъ растенiя, есть слѣдующiй: Когда земля принимаетъ сѣмя въ недра свои, теплыя пары ея куп-

 но

но съ теплотою солнечною пріуготовляютъ его и дѣлаютъ способнымъ ко принятію живительной силы. Земля повсюду наполнена жилами и каналами, чрезъ которыя проходитъ роса и дождевая вода, наполненныя плодотворными солями, равно какъ питательный сокъ и кровь въ жилахъ и артеріяхъ у животныхъ. Сія влажность, нашедши въ землѣ свѣжее сѣмя, пробирается въ него сквозь маленькія отверстія внѣшней кожицы, подъ которою находится одинъ или два сѣмянные листочка, состоящіе изъ множества малыхъ сосудцевъ или пузырьковъ, съ трубкою. Пробравшись сквозь внѣшнюю кожицу сѣмяни, сія земная влажность соединяется съ находящимися въ немъ собственными его соками, и производитъ брожденіе. Сей бродившій сокъ проводится чрезъ помянутую трубку къ стволику маленькаго растенія, а чрезъ него къ ростку, совокупленному съ онымъ. По томъ слѣдуетъ выхожденіе и ростъ частей. Такимъ порядкомъ происходятъ растенія, по наблюденіямъ лучшихъ испытателей Натуры. Дальнѣйшее свѣдѣніе о сей матеріи сообщатъ вамъ авторы, писавшіе объ оной, какъ-то Малпиги, Боергавъ, Галезій, Миллеръ, Линней, Лудвигъ, и нѣкоторые другіе. А я теперь означу и опишу вкратцѣ главныя части, различаемыя въ растеніяхъ.

Въ растеніяхъ различаются двоякія части: *внутренния*, которыя иногда усматриваемы бываютъ только при тщательномъ разбираніи посредствомъ увеличительныхъ стеколъ, и *внѣшнія*, которыя болѣе, виднѣе и примѣтнѣе внутреннихъ. Во всѣхъ извѣстныхъ растеніяхъ находится *сердце* (medulla), покрытое *деревомъ* (lignum), *лубомъ* (liber), *корою* (cortex), а иногда еще одною или нѣсколькими тонкими кожицами, или пленками (epiderma). Сіи части необходимо нужны для растеній, и во время цвѣтенія оныхъ открываются толь примѣтно, что по большей части можно бываетъ усмотрѣть ихъ развитіе. Сердце превращается, естьли можно такъ сказать, въ *пестики*, *яичники* и *сѣмяна*, дерево въ *нити* и *шляпки*, лубъ во *внутреннюю*, а кора въ *наружную цвѣточную чашку*.

Внѣ-

Внѣшнія части, которыя съ перваго взора примѣтны, и о которыхъ мы здѣсь говорить будемъ, суть: *корни*, *стволы* съ вѣтвями, листками, и пр., и части принадлежащія къ цвѣткамъ и плодамъ, или сѣмянамъ.

Корни имѣютъ разныя названія по ихъ твердости, виду и сходству съ другими вещами. Они называются *волосатыми* у сѣнныхъ травъ, *вѣтвистыми* и *деревянистыми* у деревъ, *похожими на вертѣно* у петрушки, *ползучими* у земляники, *шишковатыми* у земляныхъ грушъ, *луковочными* у луку, чесноку, и пр.

Послѣ корня надлежитъ примѣчать между частями растенія *стволъ* съ листками, цвѣтками, плодами, и пр. Въ деревахъ называется онъ просто *стволомъ*, въ нѣжныхъ растеніяхъ и цвѣткахъ *стеблемъ*, въ грибахъ *корешкомъ*.

Въ разсужденіи продолженія, растенія суть либо *травы*, ростущія или порознь, напр. бѣлая буквица, или кусточками, какъ полынь, и продолжающіяся одинъ только годъ; либо *кустарники*, которыхъ корень держится болѣе одного года, напр. ива, ростущая по берегамъ; либо *дерева*, напр. дубъ. Сверьхъ сего находится въ растеніяхъ еще много различій, которыя замѣчать надлежитъ. Замѣчаютъ положеніе ихъ въ отношеніи къ землѣ, на которой они ростутъ: прямо ли они поднимаются вверьхъ, или разстилаются по землѣ, и пр. Замѣчаютъ внутренность ихъ, пуста ли она или нѣтъ; также видъ ихъ въ поперешномъ разрѣзѣ, въ которомъ они бываютъ либо круглыя, либо угловатыя, и пр. Находятся различія въ поверьхности растеній; ибо они бываютъ гладкія, мохнатыя, полосатыя, покрытыя пухомъ, волосками, иглами или шипами, и пр. нѣкоторыя растенія имѣютъ листки, другія не имѣютъ; иныя бываютъ чешуйчатыя, и пр.; нѣкоторыя имѣютъ вѣтви, другія безъ вѣтвей. Порядокъ, положеніе и разстояніе вѣтвей толь различны, что во многихъ случаяхъ удобно можно распознавать растенія по онымъ. Лучшее время для замѣчанія сего обстоятельства есть осень, когда деревья бываютъ наги.

На вѣтвяхъ, иногдажъ и на самомъ стволѣ, находятся листки, которыхъ фигура, величина, видъ,

цвѣтъ и сущность, положенiе въ отношенiи между ими самими и къ другимъ частямъ, и пр., толь многоразличны, что безъ удивленiя разсматриваемы и описаны быть не могутъ. Листки суть весьма важныя части растенiя; ибо растенiе, лишено будучи всѣхъ листковъ, можетъ погибнуть. Они суть нѣкоторымъ образомъ тоже, что легкое у животныхъ. Они служатъ орудiями движенiя такимъ тварямъ, которыя впрочемъ всею ихъ сущностiю не могутъ перемѣнять своего мѣста. Я сообщу вамъ главныя названiя листковъ, понеже свѣдѣнiе оныхъ весьма нужно, особливо для распознаванiя родовъ растенiй.

Листки либо имѣютъ стебельки, либо не имѣютъ. Они бываютъ либо *одинакiе*, либо *сложные*. Въ послѣднемъ случаѣ называемое листкомъ, въ самомъ дѣлѣ состоитъ изъ нѣсколька листковъ. Мы будемъ говорить объ одинакихъ листкахъ.

Изслѣдованiе ихъ сначала нѣсколько затруднительно, по причинѣ великаго множествоименъ, приписываемыхъ имъ Ботаниками; однако сiи имена нужны для удобнаго различенiя и распознаванiя листковъ. При томъ же многiя названiя ихъ такъ естественны, что всякой безъ дальняго знанiя приписалъ бы имъ оныя. Вообще легко замѣтить имена сiи, узнавъ основанiе ихъ раздѣленiя. Славный Докторъ Лудвигъ, въ наставленiяхъ о царствѣ растенiй, избралъ слѣдующее раздѣленiе. Вопервыхъ листки разсматриваемы бываютъ по ихъ положенiю, вовторыхъ по фигурѣ и виду, и наконецъ по сущности. Въ разсужденiи положенiя замѣчаютъ тѣ части растенiя, гдѣ листки находятся, у корня ли, на стеблѣ, или на вѣтвяхъ, или у цвѣтка, и пр. Также замѣчаютъ, какимъ образомъ связаны они съ сею частiю. Нѣкоторые листки имѣютъ стебельки, другiе не имѣютъ; нѣкоторые простираются впрямь (continuata folia), иные подобны ножнамъ (vaginantia), или обнимаютъ стебель (amplexicantia), и пр. Въ разсужденiи положенiя въ отношенiи однихъ къ другимъ, они находятся прямо одинъ противъ другаго, (oppoſita), либо перемѣняются (alternata), либо составляютъ кружекъ (verticillata), или пучекъ (faſciculata), и пр. Въ отно-

ношеніи къ той части, на которой они утверждены: стоятъ прямо, склоняются внизъ, бываютъ прижаты, оттопыриваются, и пр. Въ разсужденіи фигуры и вида, они бываютъ впалые (concava), выпуклые (convexa), плоскіе (plana), морщиноватые (rugoſa), кудрявые (criſpa). Въ разсужденіи поверьхности, круглые, овально-продолговатые, эллипсисомъ, усѣченные (truncata), простираются узкою прямою линіею, какъ-то у сѣнныхъ травъ, и иглы или спицы у елей. Окружность ихъ бываетъ угловатая, лопастистая (lobata), съ выемками, безъ выемокъ, и пр. Въ разсужденіи краевъ, бываютъ они зубчатые (dentata), подобные пилѣ (ſerrata), вырѣзчатые (crenulata), съ волосами похожими на рѣсницы (ciliata), кудрявые (criſpa); въ разсужденіи верхней и нижней стороны, волосатые, пушистые, съ колючками, съ тернами, мохнатые, гладкіе, пестрые, блестящіе, и пр. Бываютъ листки тупоконечные, остроконечные, какъ бы откушенные (praemorſa); на иныхъ находятся вилочки. Также замѣчается сходство ихъ съ другими вещами; напр. бываютъ листки подобныя сердцу, печени, стрѣлѣ, ланцету, мечу, и пр. По сущности ихъ называются они жиловатыми, нервистыми, сочными, сухими, и пр. При разсматриваніи одинакихъ листковъ, все сіе должно быть замѣчаемо для надлежащаго различенія оныхъ.

Кромѣ одинакихъ листковъ, находятся еще сложные, какъ то уже упомянуто. Между симижъ нѣкоторые бываютъ похожи на пальцы (digitata); иные состоятъ изъ 2, 3, или болѣе одинакихъ листковъ (binata, ternata), и пр. У многихъ листочки составляющіе цѣлой листокъ находятся одинъ противъ другаго, наподобіе мелкихъ перьевъ: такіе листки называются пернатыми (pinnata). Нѣкоторые составлены изъ особыхъ листковъ еще многоразличнѣйшимъ образомъ. Трилиственникъ, земляника, рябина, грецкіе орѣхи, петрушка, селлерея, и пр., имѣютъ такіе сложные листки.

Многіе листки, равно какъ и цвѣтки, держатся на стебелькахъ. Сіи стебельки у листковъ называются petioli, а у цвѣтковъ pedunculi.

Цвѣтки, сообщающіе самую лучшую красоту растеніямъ, расположены бываютъ различнымъ образомъ. Сіе называется *образомъ цвѣтенія* (modus florendi). У нѣкоторыхъ растеній цвѣтки расположены бываютъ наподобіе звѣзды, или рожекъ мутовки (flores verticillati); у другихъ стебельки оныхъ выходятъ изъ одного средоточія, а самые цвѣтки составляютъ вверьху какъ бы плоскую поверьхность, наподобіе подсолнечника (flores umbellati). Нѣкоторые цвѣтки ростутъ вмѣстѣ наподобіе колоса (flores ſpicati); другіе какъ бы составляютъ пучекъ (corymbus); иныежъ расположены наподобіе виноградной кисти (flores racemoſi).

Цвѣтки, разсматриваемы будучи особенно, состоятъ по большей части изъ слѣдующихъ частей, которыхъ различія весьма примѣтны. Нѣкоторыя части служатъ имъ ко прикрытію и украшенію, а другія суть существенныя. Къ первымъ принадлежатъ *самый цвѣтокъ* (corolla) и чашка (calix); а ко вторымъ *гвоздки* (ſtamina), *пестикъ* (piſtillum), и *сѣмяна* или *плоды*.

Не удивительно мнѣ, естьли предыдущее разбираніе частей растеній, было для васъ нѣсколько скучно и непріятно. Я знаю, что молодые люди любятъ проходить бѣгло такія матеріи и не прилагаютъ къ нимъ вниманія. Они любуются пестротою цвѣтковъ, наслаждаются пріятнымъ ихъ запахомъ и плодами растеній; но мало свѣдомы имъ великія тайны и премудрое устроеніе въ происхожденіи и размноженіи оныхъ. Я не могу обѣщать вамъ, что слѣдующія толкованія будутъ легче и не столь уже сухи; ибо я намѣренъ предложить сію часть Натуральной Исторіи нѣсколько подробнѣе прочихъ, для того, что предметы принадлежащіе къ царству растеній служатъ болѣе прочихъ къ удовлетворенію потребностямъ нашимъ и къ удовольствію. Но дабы не утомить слишкомъ вниманія вашего и не обременить памяти, въ заключеніи сея части, равно какъ и въ слѣдующихъ частяхъ Натуральной Исторіи, буду говорить только о легкихъ и пріятныхъ вещахъ.

Теперь вопервыхъ будемъ разсматривать цвѣточную чашку. Нѣкоторые цвѣтки, напр. лиліи, тюльпаны, и

пр., не имѣютъ оной; да она и не всѣмъ нужна. По различности вида ея, цвѣта и раздѣленія, называется она у разныхъ растеній разными именами. Она бываетъ иногда перепончатая, какъ-то у нарциссовъ; иногда составляетъ крышечку (calyptra), напр. у моховъ; иногдажъ имѣетъ видъ перепончатаго кольца (vulua), напр. у грибовъ. Чашки, собственно такъ называемыя, бываютъ иногда съ разрѣзами, которые обыкновенно считаются, и бываетъ ихъ по 4, по 5, и болѣе. У гвоздикъ сіи разрѣзы видны весьма явно. Многія чашки состоятъ изъ такихъ частей, которыя безъ поврежденія ихъ можно отдѣлять одну отъ другой. Сіи части называются чашечными листками (phylli). Онѣ бываютъ одинакія, двойныя, чешуйчатыя, расположенныя наподобіе черепичной кровли, колючія, и пр. Въ одинакихъ чашкахъ замѣчается число листковъ, по которому называются онѣ однолистными, двулистными, трилистными (calix monophyllus, diphyllus, triphyllus,) и т. д. Цвѣтомъ обыкновенно бываютъ различны съ самымъ цвѣткомъ. Въ разсужденіи вида иныя бываютъ единообразныя, какъ-то у гвоздикъ; а другія разнообразныя, какъ-то у гороху.

Самый цвѣтокъ (corolla) сообщаетъ большей части растеній лучшую ихъ красоту; живые цвѣты его блестятъ, и въ немъ находится множество пріятностей, превосходящихъ всякое искусственное великолѣпіе. Ботаники дѣлали различныя раздѣленія цвѣтковъ, изъ которыхъ Турнефортово и Ривиново суть самыя извѣстнѣйшія и употребительнѣйшія. Турнефортъ приписалъ цвѣткамъ наименованія по сходству ихъ съ другими вещами; ибо находятся между оными похожіе на колоколъ, на бабочку, крестообразные, подобные воронкѣ, и пр. Но Ривинъ сдѣлалъ лучшій выборъ, и наименовалъ цвѣтки по ихъ правильности или неправильности. Правильными называетъ онъ такіе цвѣтки, въ которыхъ концы частей и разрѣзовъ касаются окружности круга; а неправильными тѣ, въ которыхъ сего не бываетъ. Части цвѣтка, которыя можно безъ поврежденія отдѣлять одну отъ другой, называются цвѣточными ли-

стками (petala). Ихъ считаютъ, и сіе исчисленіе служитъ удобнымъ способомъ къ раздѣленію растеній на классы, изъ котораго важнѣйшее сообщить вамъ буду имѣть случай въ послѣдствіи. Въ цвѣткахъ, имѣющихъ разрѣзы, также надлежитъ замѣчать число оныхъ. Иногда находятся въ нихъ нѣкоторыя части, содержащія въ себѣ сладкой сокъ, который пчелы и другія несѣкомыя съ жадностію собираютъ. Такія части называются nectaria. Всего удивительнѣе въ цвѣткахъ натуральная ихъ способность раскрываться, когда то надобно, и сжиматься, когда настоитъ растенію какая нибудь опасность. Во многихъ цвѣткахъ примѣчено, что внутреннія и существенныя части ихъ предъ дождемъ или бурею закрываются, но при ясной погодѣ, оживлены будучи солнечными лучами, открываются. По чему, разсматривая ихъ съ замѣчаніемъ, часто можно узнавать часы дня и предстоящую погоду.

Находятся нѣкоторыя растенія, о которыхъ не можно еще сказать съ совершенною вѣрностію, имѣютъ ли оныя цвѣтки, или нѣтъ. Но существенныя части, какъ то нынѣ извѣстно, бываютъ у всякаго растенія, только съ нѣкоторымъ различіемъ. Я долженъ сперва исчислить вамъ существенныя части цвѣтка, а потомъ сообщить нѣкоторыя замѣчанія, служащія къ объясненію сея матеріи.

Къ существеннымъ частямъ цвѣтка принадлежатъ:
гвоздки, или *сосуды сѣмянной пыли* (stamina),
пестикъ (pistillum),
сѣмяна (semina).

Въ гвоздкахъ различаются:
нити, или *волоти* (filamenta),
шляпки, въ которыхъ сѣмянная пыль содержится (antheræ),
пыль, служащая къ опложденію (pollen).

Въ пестикѣ находится снизу
яишникъ, или *молодой плодъ* (ouarium, germen);
на немъ стоитъ *столбикъ* (stylus);
верхній конецъ онаго называется *струпикомъ* (stigma).

Сѣмя,

Сѣмя, разсматриваемо будучи подробнѣе, состоитъ
из *кожицы*, или *обвертки*,
из *зерна*, служащаго первою пищею молодому растѣнію, которому надлежитъ развиться,
из *ростка*, который есть самое молодое растѣніе.

Въ сѣмянныхъ сосудахъ важнѣе всего шляпки, или самая пыль. Разныя внѣшнія причины, напр. тихое движеніе воздуха, или маленькихъ несѣкомыхъ, ищущихъ себѣ пищи въ цвѣткахъ, и пр., сводятъ сіи нѣжныя и весьма мѣлкія тѣла съ верхнею частію струпика: отъ чего зависитъ опложденіе, или созрѣніе сѣмяни. Фигура нитей, число ихъ, расположеніе, и пр., при внимательномъ разсматриваніи какого либо растѣнія должны съ точностію быть замѣчаемы, чему причина показана будетъ въ послѣдствіи обстоятельнѣе.

Въ цвѣткахъ находится либо по одному, либо по нѣскольку пестиковъ, которые длиною, фигурою и числомъ бываютъ весьма различны. Верхняя часть пестика, или струпикъ, часто раздѣлена бываетъ на разныя части. Нижняя часть, то есть яишникъ, находится иногда въ самомъ цвѣткѣ, напр. въ гвоздикахъ, иногдажъ подъ чашкою, какъ-то у розъ.

Въ сѣмянахъ находятся также многія примѣчаніе заслуживающія различія въ разсужденіи числа, обвертки, вида и украшеній. Сѣмя бываетъ иногда голо или открыто, какъ-то у сѣнца или феникула; иногдажъ закрыто или заключено въ обверткѣ, напр. въ орѣхахъ, макѣ, и пр.

Нѣкоторыя сѣмяна покрыты твердою скорлупою, и называются орѣхами; иныежъ хлибкою оберткою, которая опадаетъ, какъ скоро сѣмя созрѣетъ. Иногда находятся они въ сосудахъ, которые обыкновенно раздѣлены бываютъ на гнѣзда, какъ-то въ макѣ; иногдажъ содержатся въ продолговатыхъ сосудахъ, называемыхъ стручками, напр. бобы; иные покрыты бываютъ шелухою, какъ-то рѣпное сѣмя. Въ мясистыхъ плодахъ, напр. въ грушахъ, яблокахъ, и пр., сосуды, въ которыхъ сѣмена содержатся, покрыты мясистымъ веществомъ. Въ вишняхъ, априкозахъ, сливахъ, и пр.,

они содержатся въ скорлупахъ, также мясомъ покрытыхъ. Въ земляникѣ, крыжевникѣ, смородинѣ, и пр., сѣмяна находятся въ самомъ мясѣ безъ особливыхъ сосудовъ. Нѣкоторыя сѣмяна содержатся между чешуями, составляющими шишку, какъ-то у елей и сосенъ. По украшеніямъ своимъ бываютъ они иногда перистыя (ſemina papроſa), какъ-то у соколиной травы; иногда крылатыя, какъ у яворовъ; иногда съ вѣнчиками, какъ-то у гвоздичнаго дерева. Можно бы означить здѣсь еще болѣе сихъ названій и раздѣленій, но я опасаюсь вамъ наскучить.

Всѣ части цвѣтка утверждаются на одномъ основаніи. Естьли на такомъ основаніи находится одинъ только цвѣтокъ, то онъ называется *одинакимъ*; естьлижъ на одномъ основаніи находится нѣсколько цвѣтковъ, то цвѣтокъ называется *сложнымъ*. Сложные цвѣтки бываютъ троякаго рода. Нѣкоторые состоятъ изъ однихъ только трубчатыхъ цвѣточковъ (flores tubuloſi), какъ-то у пижмы; другіе состоятъ изъ цвѣточковъ, отчасти похожихъ на языкъ, отчастижъ изъ трубчатыхъ, изъ которыхъ первые находятся по краямъ, а другіе въ срединѣ; напр. у подсолнечника. Къ третіему роду принадлежатъ цвѣтки состоящіе изъ однихъ только листочковъ похожихъ на языкъ (flores lingulati); напр. синваціи.

Я сказалъ уже, что не всѣ цвѣтки имѣютъ главныя части, выше сего описанныя. Нѣкоторыя не имѣютъ чашки (calix), а другія самаго цвѣтка (corolla). У нѣкоторыхъ находятся и гвоздки и пестики, у другихъ одни гвоздки, у иныхъ же только пестики. Бываютъ цвѣтки совсѣмъ безъ гвоздковъ и пестиковъ; у многихъ же сіи части понынѣ еще не примѣчены. Сіе различіе подаетъ поводъ ко многимъ наименованіямъ, и я упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ изъ оныхъ.

Цвѣтки, имѣющіе и гвоздки и пестики вмѣстѣ, называются *совершенными*, или *двуснастными цвѣтками* (flores perfecti, hermaphroditi); а которымъ недостаетъ либо гвоздковъ, либо пестиковъ, flores relativi. Между сими тѣ, которые имѣютъ только гвоздки, называются

ся *мужескими* (flores mares), состоящіе только изъ пестиковъ *женскими* цвѣтками (flores feminæ), а не имѣющіе ни которой изъ сихъ частей *безплодными* (flores neutri). Древніе имѣли нѣкоторыя сомнѣнія въ разсужденіи сихъ различій; но нынѣ оныя по большей части рѣшены. За вѣрное извѣстно, что упомянутыя части растеній суть существенныя. Также извѣстно, что безъ пыли шляпокъ струпикъ опложденъ быть не можетъ, и сѣмя не можетъ дойти до совершенства. Славный Линней примѣтилъ, что сабина въ Упсальскомъ саду съ мужескимъ растеніемъ приносила плоды; но въ Клиффортовомъ саду, гдѣ мужескаго растенія не было, оставалась безплодна. Въ Берлинѣ пальмовое дерево женскаго рода нѣсколько лѣтъ сряду цвѣло и приносило плоды; однако сіи плоды никогда не созрѣвали. Но какъ привезены были изъ Лейпцига цвѣтки пальмоваго дерева мужескаго роду, и приставлены къ женскимъ цвѣткамъ, то послѣ сего плоды не только были крупнѣе и полнѣе, но и совершенно созрѣвали. Двуснастныя растенія, лишены будучи гвоздковъ, равнымъ образомъ бываютъ безплодны. Напр. естьли у дынь обрѣзаны будутъ всѣ цвѣтки называемые пустоцвѣтомъ, то дыни не созрѣютъ, и не будетъ въ нихъ сѣмянъ годныхъ къ расплоденію. Цвѣтки по большей части суть двуснастные. У нѣкоторыхъ мужескіе и женскіе цвѣтки, какъ то уже упомянуто, бываютъ на одномъ растеніи вмѣстѣ, напр. у орѣшника; у иныхъ же порознь, какъ-то у пальмовыхъ деревъ, изъ которыхъ иныя имѣютъ только женскіе, а другія только мужескіе цвѣтки.

Между растеніями, равно какъ между животными, находятся выродки и необычайные виды, производимые разными внѣшними причинами, особливожъ искусствомъ садовниковъ. Къ онымъ принадлежатъ:

1) Различные цвѣты, производимые иногда въ разныхъ цвѣткахъ, напр. въ аврикулахъ, тюльпанахъ и гвоздикахъ.

2) Необычайная величина растеній. Напр. дикія растенія, выращаемыя въ садахъ, бываютъ или менѣе или болѣе.

3)

3) Перемѣна запаха. Напр. нѣкоторыя дикія растенія имѣютъ запахъ пріятнѣе и сильнѣе, нежели вырощенныя съ помощію искусства.

4) Волоски, пухъ, щетинки, и пр. Напр. нѣкоторыя растенія, пересажены будучи подъ иной климатъ, или теряютъ сіи части, или получаютъ оныя.

5) Вкусъ. Напр. нѣкоторыя растенія дикія бываютъ ароматичнѣе и вкуснѣе вырощенныхъ въ садахъ; напротивъ того въ другихъ вкусъ помощію искусства становится лучше. Примѣромъ сему могутъ служить вишни, сливы, яблоки, груши, и другіе плоды.

Выродки между растеніями состоятъ по большей части въ полныхъ цвѣткахъ и въ проросшихъ цвѣткахъ или листкахъ.

Полныхъ цвѣтковъ не должно принимать за одно со сложными. Сложные цвѣтки родятся натурально, и въ самомъ дѣлѣ состоятъ изъ нѣсколька одинакихъ цвѣточковъ, какъ то уже выше сего сказано. Напротивъ того полные цвѣтки, составляющіе иногда самое лучшее украшеніе въ садахъ, имѣютъ необычайный видъ. Натуральныя гвоздики, розы, малвы, ноготки, и пр., не имѣютъ столько цвѣточныхъ листочковъ, сколько оныхъ садовники искусствомъ вырощаютъ. Стремленіе къ протяженію и расширенію въ деревянистомъ веществѣ, сверьхъестественно умножено бываетъ пересаживаніемъ и изобильнымъ, иногдажъ и необычайнымъ, питаніемъ: что не можетъ произойти безъ урона другихъ частей, которымъ обнаруживаться или развиваться надлежитъ. Такое понятіе должно имѣть о цвѣткахъ, называемыхъ полными. Изъ нѣкоторыхъ цвѣтковъ, что также необыкновенно, выростаютъ либо другіе цвѣтки или листки, либо, что еще рѣже, цвѣтки съ листками. Сіи выростки бываютъ иногда у розъ, ранункуловъ, и пр., и такіе цвѣтки называются flores proliferi. Хотя сіи необычайные виды бываютъ иногда весьма пріятны зрѣнію, однако они не натуральны. Испытатели Натуры удивляются онымъ, равно какъ животнымъ съ двумя головами, или съ двумя туловищами.

Ино-

Иногда происходятъ растенія отъ совокупленія двухъ разныхъ родовъ. Не знающіе сего принимаютъ ихъ за особливые роды, вновь произшедшіе въ Натурѣ. Но они мало по малу паки перераждаются. Такія растенія надлежитъ замѣчать; но не должно почитать ихъ особливыми родами. Они называются plantæ hibridæ.

Къ познанію растеній принадлежатъ имена, приписываемыя имъ, и порядокъ ихъ, или расположеніе. Ученые мужи, прославившіеся познаніемъ Натуры, сообщили намъ правила и наставленія, касающіяся и до того и до другаго. Мы не коснемся здѣсь правилъ служащихъ къ выбору и употребленію именъ. Но о расположеніи растеній сообщу вамъ нѣкоторое свѣдѣніе.

Методъ расположенія растеній раздѣляется на *натуральный* и *искусственный*. Но для употребленія натуральнаго метода надлежало бы знать всѣ роды растеній, какіе только находятся въ мірѣ; по чему избираютъ лучше искусственные методы, стараясь сколько возможно болѣе сображать оные съ Натурою. Однако не всѣ Ботаники имѣли равный успѣхъ въ сихъ методахъ. Сообразно намѣренію нашему, я предложу вамъ въ примѣръ одинъ изъ самыхъ лучшихъ методовъ, принимаемый нынѣ весьма многими. Онъ изобрѣтенъ по большей части Г. Линнеемъ; и какъ полы растеній приняты въ немъ за основаніе, то онъ называется methodus sexualis. Для полученія понятія объ ономъ, нужно знать слѣдующее.

При расположеніи или описываніи растеній, или для пріискиванія ихъ въ готовыхъ уже книгахъ, они раздѣляются на

классы, *чины*, *роды*, *виды* и *отличія*.

Для сего раздѣленія потребны нѣкоторые признаки, или примѣты, по которымъ бы можно было узнавать къ какому классу, къ какому чину, и пр., растеніе принадлежитъ. Самые вѣрные и лучшіе признаки состоятъ въ фигурѣ, положеніи, пропорціи и числѣ частей способствующихъ къ произведенію плодовъ. Другіе признаки не столь вѣрны, какъ-то: листки, вѣтви, корни, величина частей, цвѣтъ ихъ, запахъ, вкусъ,

мѣ-

мѣсто и время, гдѣ и когда они ростутъ и цвѣтутъ, и пр.

Большей части растеній потребны для зрѣлости, совершенства и распложденія описанныя выше сего существенныя части, т. е. шляпки и струпикъ. Сверьхъ сихъ находятся еще другія части служащія къ произведенію плодовъ, какъ-то: чашка, самый цвѣтокъ, сѣмянные сосуды, яишники и нектаріи, и самыя сѣмяна или плоды. Всѣ сіи части, менѣе прочихъ подвержены будучи перемѣнамъ, имѣютъ великое преимущество предъ оными при расположеніи растеній.

Для подведенія растеній подъ классы, замѣчаютъ въ нихъ число, пропорцію, положеніе и связь мужескихъ частей, называемыхъ гвоздками или сосудами сѣмянной пыли. Нѣкоторыя растенія имѣютъ по одному, по два, по три, по четыре, и болѣе такихъ сосудовъ. У многихъ бываютъ они одинакой длины; у иныхъ же нѣкоторые длиннѣе, а другіе короче. У нѣкоторыхъ бываютъ они соединены и какъ бы сросшіеся въ одну трубку, около отверстія которой находятся пестики. Многія растенія имѣютъ шляпки на стебелькахъ; иныяжъ не имѣютъ оныхъ.

Въ классахъ содержатся чины, равно какъ въ вышшихъ родахъ нижшіе роды. Для распредѣленія растеній по чинамъ, замѣчаютъ пестики, число оныхъ, положеніе, пропорцію съ нитями, фигуру струпика и бывающія иногда отдѣленія въономъ. Находятся растенія съ однимъ пестикомъ, съ двумя и болѣе, съ двумя, тремя, и болѣе, отдѣленіями струпика.

Въ родахъ надлежитъ замѣчать всѣ помянутыя части, служащія къ произведенію плодовъ, какъ-то: чашку, самый цвѣтокъ, нити, струпики, нектаріи, яишники и сѣмяна; паче же всего фигуру, число, пропорцію и положеніе оныхъ. Опредѣливъ чинъ какого либо растенія, пріискиваютъ его въ родахъ, принадлежащихъ къ сему чину. Ибо всякой чинъ содержитъ въ себѣ нѣсколько родовъ.

Въ родахъ содержатся виды. Они узнаваемы и различаемы бываютъ по листкамъ, стеблямъ, корнямъ

и прочимъ частямъ, кромѣ служащихъ къ произведенію плодовъ. При томъ обыкновенно замѣчаются и натуральныя отличія.

Теперь предложу вамъ названія классовъ по Линнееву методу; по томъ опишу оныя, и покажу въ примѣрѣ, какъ надлежитъ разсматривать какое либо растеніе. Предварительножъ замѣчу еще только то, что многія наименованія заняты отъ распложенія животныхъ, по причинѣ нѣкотораго сходства онаго съ распложеніемъ растеній. Впрочемъ должно признаться, что въ нѣкоторыхъ названіяхъ есть нѣчто принужденное и неудобопонятное.

Классы растеній.

1. Одномужнія, съ одною шляпкою, monandria, monanthera.
2. Двумужнія, съ двумя шляпками, diandria, thianthera.
3. Троемужнія, съ тремя шляпками, triandria, trianthera.
4. Четверомужнія, съ четырью шляпками, tetrandria, tetranthera.
5. Пятимужнія, съ пятью шляпками, pentandria, pentanthera.
6. Шестимужнія, съ шестью шляпками, hexandria, hexanthera.
7. Седмимужнія, съ седмью шляпками, heptandria, polyanthera.
8. Осьмимужнія, съ осьмью шляпками, octandria.
9. Девятимужнія, съ девятью шляпками, enneandria.
10. Десятимужнія, съ десятью шляпками, decandria.
11. Двѣнатцатимужнія, съ двѣнатцатью шляпками, dodecandria.
12. Дватцатимужнія, съ дватцатью шляпками, icosandria.
13. Многомужнія, имѣющія болѣе дватцати шляпокъ, polyandria.
14. Двувластныя, съ четырью шляпками, didy amia.
15. Четыревластныя, съ шестью шляпками, tetradynamia.

16. Подлинные братья, monadelphia.
17. Двубратнія, diadelphia.
18. Многобратнія, polyadelphia.
19. Сродныя, ſyngeneſia.
20. Жено-мужнія, gynandria.
21. Однодомныя, monoecia.
22. Двудомныя, dioecia.
23. Многобрачныя, polygamia.
24. Скрытобрачныя, cryptogamia.

Для лучшаго уразумѣнія классовъ, присовокуплю нѣкоторыя примѣчанія.

Одномужнія содержатъ только одинъ сосудъ сѣмянной пыли, или гвоздокъ, въ двуснастномъ цвѣткѣ (flos hermaphroditus); напр. amomum.

Двумужнія содержатъ два гвоздка въ двуснастномъ цвѣткѣ; напр. жасминъ, розмаринъ, и пр.

Троемужнія имѣютъ три гвоздка, какъ-то большая часть сѣнныхъ травъ.

Четверомужнія съ четырью гвоздками, какъ-то: скабіозы, марена, волчцы.

Сей классъ надлежитъ различать съ 14 классомъ, который также имѣетъ четыре гвоздка, съ тою только разностію, что два изъ нихъ длиннѣе, а другіе два короче.

Пятимужнія съ пятью гвоздками, какъ-то: бѣлая буквица и незабудки.

Шестимужнія съ шестью гвоздками; напр. кофе и табакъ. Но надлежитъ различать ихъ съ 15 классомъ, имѣющимъ также шесть гвоздковъ, изъ которыхъ два менѣе четырехъ прочихъ.

Седмимужнія съ седмью гвоздками, какъ-то trientalis.

Осьмимужнія съ осьмью гвоздками, какъ-то ерникъ.

Девятимужнія съ девятью гвоздками, какъ-то лавровое дерево.

Десятимужнія съ десятью гвоздками; напр. рута, каменный переломъ, марьинъ цвѣтъ.

Двѣнатцатимужнія съ двѣнатцатью гвоздками, какъ-то молодило (ſempervivum).

Двадцати-

Двапцапимужнія имѣютъ около двапцапи гвоздковъ, утвержденныхъ на внутренней сторонѣ чашки; напр. шелковица, сливное дерево, роза.

Многомужнія имѣютъ отъ пяпнапцапи до тысячи гвоздковъ въ одномъ цвѣткѣ, въ которомъ находятся пестики; напр. каперсы, макъ, липа, ранункули.

Двувластныя съ четырью гвоздками, изъ которыхъ два длиннѣе и два короче; напр. брюнели.

Четыревластныя съ шестью гвоздками, изъ которыхъ два, одинъ противъ другаго стоящіе, менѣе четырехъ прочихъ; напр. рѣдька.

Подлинные братья имѣютъ нити сросшіяся въ одно тѣло; напр. журавлиный носъ, малвы.

Двубратнія съ нитями сросшимися въ два тѣла; какъ-то: горохъ, бобы.

Многобратнія съ нитями сросшимися въ три тѣла и болѣе; какъ-то: цитронное дерево и бѣльцы.

Сродныя, со шляпками сросшимися въ видѣ трубочки; напр. салатъ, цикорія, фіялка.

Женомужнія имѣютъ гвоздки приросшіе къ пестику; напр. кукушкины слезы (orchis).

Однодомныя имѣютъ мужескіе и женскіе цвѣтки особливо, но на одномъ растеніи; напр. амарантъ, буксъ, ольха, береза, дубъ, орѣшникъ.

Двудомныя содержатъ мужескіе цвѣтки на одномъ, а женскіе на другомъ растеніи; напр. ива, хмѣль, конопли.

Многобрачныя съ двуснастными, мужескими и женскими цвѣтками вмѣстѣ на одномъ растеніи; какъ-то: ясень, стѣнница.

Скрытобрачныя. Въ семъ классѣ цвѣтки либо скрыты въ плодахъ, либо по мѣлкости своей непримѣтны, либо совсѣмъ еще не извѣстны. Къ оному принадлежатъ папоротники, мохи, грибы.

Исчисленіе чиновъ было бы слишкомъ пространно. Кто хочетъ получить дальнѣйшее свѣдѣніе о сей матеріи, тому надлежитъ читать другія сочиненія, напр. Линнееву Систему Натуры, въ которой оная подробно описана. Признаки 24 классовъ растеній изображены на

приложенной при семъ шаблицѣ, гдѣ числа 1, 2, 3, и пр., означаютъ число классовъ. (См. таб. III.)

Наблюдая тщашельно предписанныя выше сего правила, скоро можно получить навыкъ въ разбираніи растеній по ихъ раздѣленіямъ. Однакожъ при томъ должно начинать съ самыхъ легкихъ растеній, и доходить мало по малу до тѣхъ, которыхъ разбираніе требуетъ большаго вниманія и затруднительнѣе. Для показаніяжъ, какъ сіе дѣлать надлежитъ, сообщу теперь примѣръ. Положимъ, что показываютъ вамъ бѣлую буквицу (primula veris. Вамъ должно прежде всего стараться узнать, къ которому классу сіе растеніе принадлежитъ. Въ цвѣткѣ его находится пять гвоздковъ; по чему принадлежитъ оно къ пятимужнимъ. Сей классъ содержитъ въ себѣ разные чины, о которыхъ я для избѣжанія излишества долженъ былъ умолчать, и которыхъ описаніе можно читать у Линнея, или у какого либо инаго Ботаника, слѣдующаго его раздѣленію. И такъ вовторыхъ надлежитъ узнать, къ которому чину помянутое растеніе принадлежитъ. Понеже чины распредѣляются преимущественно по пестикамъ и струпикамъ, то должно разсматривать со вниманіемъ сіи части. Въ семъ цвѣткѣ находится только одинъ пестикъ; по чему онъ принадлежитъ въ означенномъ классѣ къ тому чину, который называется *моногиніями*, или *одножсенными*, т. е. имѣющими только одинъ пестикъ. Сей найденный чинъ содержитъ въ себѣ многіе роды. И такъ спрашивается, къ которому роду упоминаемый цвѣтокъ принадлежитъ. На сей конецъ надлежитъ разсматривать

1. *Чашку*. У помянутаго растенія она однолистная, внизу трубчатая, пятіугольная, съ 5 острыми вырѣзками, стоящими прямо. Она прочнѣе самаго цвѣтка.
2. *Самый цвѣтокъ*, который также однолистный, кончится цилиндрическою трубочкою, край имѣетъ плоской, и состоитъ изъ пяти вырѣзокъ, простирающихся не очень глубоко.
3. *Сосуды сѣмянчой пыли*. Самыя нити коротки; числомъ ихъ пять; находятся въ трубочкѣ цвѣтка. Шляпки острыя и стоятъ прямо.

4.

4. *Пестикъ*, у котораго находится шарообразный яишникъ; столбикъ похожъ на нитку, одинакой вышины съ чашкою; струпикъ похожъ на шарикъ.

5. *Сосудъ*, въ которомъ *сѣмя* содержится, круглой, и когда сѣмя созрѣетъ, раскрывается вверьху десятью разрѣзами.

6. *Сѣмя*, почти круглое, и бываетъ въ немаломъ множествѣ.

Сей родъ содержитъ въ себѣ разные виды; и по тому надлежитъ еще продолжать изслѣдованіе, и означить видъ выбраннаго нами цвѣтка. Понеже виды большею частію различаются по качеству листковъ, то надлежитъ внимательно разсматривать оные. У сего растенія листки морщиноватые и зубчатые.

Въ одинакихъ растеніяхъ часто бываютъ нѣкоторыя отличія, которыя также замѣчать должно. Въ цвѣткахъ бѣлой буквицы находится слѣдующая разность: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свѣжій желтый цвѣтъ и пріятный запахъ; другіе ростутъ выше, бываютъ блѣдножелтаго цвѣта, и запаху не имѣютъ.

Сверьхъ сего можно замѣчать въ нихъ еще иныя обстоятельства, какъ-то:

1) Мѣсто. Они ростутъ по большей части на низкихъ и нѣсколько мокрыхъ лугахъ, также въ рощахъ, при кустарникахъ, и подъ оными.

2) Время. Цвѣтутъ рано весною, и по большей части около того времени, какъ ласточки показываются.

3) Запахъ и вкусъ листковъ и корней, и пр. Запахъ корня походитъ нѣсколько на анисовый.

4) Пользу въ Экономіи, Медицинѣ, и пр. Со цвѣточными листками настаивается вино, а прочіе листки употребляются въ салатъ, и пр.

И такъ, чтобъ не утомить васъ исчисленіемъ множества именъ и раздѣленій, сообщу теперь, какъ то я уже обѣщалъ, описаніе нѣкоторыхъ деревъ и другихъ растеній, болѣе историческое, нежели ботаническое.

О кедрѣ. *Кедръ* (Cedrus magna, s. Libani conifera), называемый также *кедромъ Ливанскимъ*, по тому, что находится по большей части на горѣ Ливанѣ, есть большое дерево, ростущее прямо, какъ сосна, и имѣющее видъ пирамиды. Оно почитается однимъ изъ самыхъ величайшихъ деревъ, и живетъ весьма долго; по чему иногда называютъ его *царемъ деревъ*. Оно имѣетъ почти такіяжъ иглы, какъ ель, только нѣсколько покороче, не столь острыя, и ростущія пучечками. Кедровые орѣхи (такъ называется плодъ сего дерева) бываютъ въ шишкахъ, равнымъ образомъ имѣющихъ великое сходство съ еловыми шишками. Самое дерево, по причинѣ крѣпости и прочности его, весьма годно къ употребленію, особливожъ на строеніе судовъ, въ столярной работѣ, и на дѣланіе музыкальныхъ инструментовъ. Сказываютъ объ немъ, что оно вредно животнымъ, но служитъ къ сохраненію мертвыхъ тѣлъ отъ гніенія, къ чему Египтяне его и употребляли. Въ жаркіе лѣтніе дни, или когда сдѣланъ бываетъ на деревѣ небольшой надрѣзъ, вытекаетъ изъ него каплями чистое, прозрачное, бѣлое горючее вещество, которое послѣ твердѣетъ, и называется *кедровою гумми*. Находится еще другое дерево сего имени, но величиною и другими свойствами весьма различное съ описаннымъ теперь, и по тому называемое *малымъ кедромъ*.

О гебеновомъ деревѣ. Между рѣдкими и дорогими родами дерева, которое фунтами продается, *гебеновое дерево* (ebenus, ebenum) отмѣнно заслуживаетъ примѣчаніе по многоразличному употребленію его у органистовъ, Механиковъ, столяровъ, токарей, и иныхъ художниковъ и ремесленниковъ; по чему я сообщу вамъ краткое описаніе онаго. Въ Европу привозятъ его изъ Африки и изъ Индіи. Оно бываетъ двоякаго рода: одно совсѣмъ черное, а другое съ полосами. Въ ощупи похоже на слоновую кость, и твердостію подобно камню; по чему и называется гебеновымъ деревомъ: ибо Еврейское слово *гебенъ* значитъ *камень*. На огнѣ испускаетъ весьма пріятный запахъ; и по сему свойству весьма удобно можно распознать поддѣланное гебеновое дерево съ натуральнымъ, положивъ нѣсколько онаго на горящее

щее уголье: ибо поддѣланное такого запаху совсѣмъ не имѣетъ. Кора сего дерева бываетъ зеленая; листки похожи на лавровые листки, а плоды на дубовые желуди.

Дубъ есть одно изъ самыхъ величайщихъ и полезнѣйшихъ растеній. Дерево его весьма крѣпко, и прочнѣе почти всякаго инаго строеваго дерева; ибо не только держится долго на воздухѣ, но что удивительно, и въ водѣ чѣмъ долѣе лежитъ, тѣмъ тверже становится и какъ бы каменѣетъ. По сей причинѣ употребленіе его весьма многоразлично, а именно: употребляютъ его на строеніе кораблей, мостовъ и домовъ, дѣлаютъ изъ него тиски, колеса, гробы, и многія иныя вещи. Кора употребляется на выдѣлку кожъ. По числу круговъ, примѣчаемыхъ въ поперешномъ перерѣзѣ пня, можно узнавать старость дуба, равно какъ и многихъ другихъ деревъ, съ нарочитою вѣрностію. Испытатели Натуры и другіе достовѣрные люди замѣчаютъ, что дубъ можетъ жить нѣсколько сотъ лѣтъ. Впрочемъ сіе дерево родится изъ мѣлкаго плода, называемаго желудемъ, и служащаго хорошимъ кормомъ для свиней. По Линнееву методу, оно принадлежитъ ко классу однодомныхъ. О дубѣ.

Ель мало уступаетъ дубу какъ въ разсужденіи величины, такъ и пользы. Она имѣетъ иглы, ростущія порознь наподобіе гребня, и легкое, бѣлое и весьма упругое дерево, покрытое гладкою корою пепельнаго цвѣта. Ростетъ весьма прямо; вышиною бываетъ иногда въ 150 футовъ, и болѣе. Плоды ея суть продолговатыя, вверьхъ стоящія шишки. Еловое дерево употребляется съ великою пользою не только при корабельномъ строеніи, но и при другихъ случаяхъ, по тому, что можетъ держать великую тяжесть, въ водѣ не гніетъ, и весьма гибко. Также по великой его гибкости и упругости, оно весьма удобно къ дѣланію изъ него музыкальныхъ инструментовъ. Пузыри, бывающіе на корѣ пня, содержатъ въ себѣ чистой терпентинъ, а изъ шишекъ вытекаетъ иногда жидкой бальсамъ, составляющій извѣстное терпентинное масло. О ели.

Сосна большое, толстое, прямое дерево, покрытое внизу сѣрою истрескавшеюся корою, О соснѣ.

а вверьху желтоватою. Самое дерево красновато-желтое и тяжелое. Сучья выходятъ изъ ствола рядами во всѣ стороны, и опадая сами собою по мѣрѣ того, какъ дерево ростетъ, остаются только около вершины. Триганныя иглы сидятъ въ гнѣздахъ своихъ по двѣ и по три вмѣстѣ. Плоды суть шишки, которыя величиною бываютъ съ голубиное яйцо, ко внѣшнему концу нѣсколько острѣе, и состоятъ изъ продолговатыхъ, триганныхъ тупоконечныхъ чешуй. Сіе дерево ростетъ также весьма высоко, и бываетъ иногда во 140 футовъ и болѣе. Употребляютъ его на корабельное и домовое строеніе, для чего выбираютъ самыя лучшія и крупныя дерева; отмѣнно смолистыя выбираютъ на сваи, подпоры, насосы, жолобы, и пр.; кривыя и низкія рубятъ на дрова и уголье; также дѣлаются изъ него разныя столярныя вещи. Изъ пней гонятъ смолу. Кора употребляется на выдѣлку кожъ. Сажа отъ сожженаго дерева входитъ въ составленіе водяныхъ и масляныхъ красокъ. Бѣлая и чистая сѣра, текущая изъ ствола, доставляетъ сосновое масло. Опадающія иглы подстилаются скотинѣ, и служатъ землѣ хорошимъ навозомъ.

О лиственницѣ. *Лиственица* имѣетъ толстую темнокрасную кору и твердое красножелтое дерево. Иглы ея свѣтлозеленыя, мяхкія и острыя; ростутъ вмѣстѣ по десяти, по двѣнатцати, и болѣе, пучечками, сидящими вокругъ сучковъ. Онѣ не остаются зимою на деревѣ, какъ у сосенъ и елей, но всякой годъ въ концѣ осени опадаютъ. Шишки, не каждой годъ опадающія, ростутъ на изогнутыхъ стебелькахъ, длиною не много болѣе дюйма. Дерево весьма прочно, какъ въ водѣ, такъ и въ землѣ и на воздухѣ. На перекладахъ, сдѣланныхъ изъ него, держится гораздо большая тяжесть, нежели на дубовыхъ перекладахъ одинакой величины. Сѣра сего дерева, ростущаго въ вышину отъ 80 до 100 футовъ, доставляетъ весьма хорошій терпентинъ.

О букѣ. *Букъ*, принадлежащій къ лѣснымъ деревамъ первой величины, имѣетъ яйцообразные блестяще-зеленые листки, съ небольшими зубчиками

ми по краямъ. Кора гладкая, цвѣтомъ у молодыхъ деревъ сѣрозеленая, а у старыхъ сѣрая или бѣловатая. Дерево, бѣлое или темноватое, весьма крѣпко и тяжело; по чему употребляется на разные домашніе приборы, также при строеніи мѣльницъ, ибо долго держится въ водѣ, естьли не подвержено бываетъ воздуху. Оно доставляетъ хорошія дрова и самое лучшее уголье. Зола онаго употребляется въ великомъ множествѣ на мыловарняхъ и стекляныхъ заводахъ. Въ плодахъ сего дерева содержится по четыре тріугольныя зерна, которыя сами собою вылупляются изъ скорлупы и называются буковыми орѣхами. Сіи орѣхи не только употребляются въ кормъ свиньямъ и другимъ животнымъ, но также дѣлаютъ изъ нихъ весьма полезное масло.

О винограде.

Виноградъ принадлежитъ къ растеніямъ или кустарникамъ имѣющимъ гибкой деревянистый стволъ, покрытый растрескавшеюся корою. У вѣтвей его находятся зацѣпки, которыми можно прикрѣплять его къ другимъ деревамъ, или къ кольямъ. Плоды его, называемыя виноградными ягодами, ростутъ кистями. Изъ соку сихъ ягодъ, какъ то всякому извѣстно, дѣлается вино, питье, дарованное намъ отъ Творца на подкрѣпленіе и сохраненіе силъ нашихъ, но людьми толь часто злоупотребляемое къ пагубѣ здоровья и ума. Виноградные цвѣтки, раскрывающіеся въ Іюнѣ, похожи на розу, мѣлки, желтоватаго цвѣта, имѣютъ пять шляпокъ и маленькой пестикъ, или точнѣе сказать, одинъ струпикъ безъ столбика; и по тому принадлежатъ ко классу пятимужнихъ. Въ ягодахъ обыкновенно находится пять зеренъ. Листки велики, широки, съ выемками, блестящи и нѣсколько мохнаты. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ Венгерскихъ виноградныхъ ягодахъ находили самородное золото; но сіе выдумка. Впрочемъ надлежитъ замѣтить, что въ теплыхъ земляхъ родится лучшее вино, а въ холодныхъ, напр. въ Норвегіи, Швеціи, Финландіи, и пр., совсѣмъ не разводятъ винограду, и что зрѣлость его и сладость паче всего зависитъ отъ солнечной теплоты. Сушеныя ягоды называются изюмомъ. Весною обрѣзываютъ ви-

 но-

ноградныя лозы; послѣ чего вытекаетъ изъ нихъ каплями чистая вода, называемая *виноградными слезами*, или *винною водою*. Прежде приписывали сей водѣ великую силу противъ нѣкоторыхъ болѣзней; однако нынѣ не столько уже ее уважаютъ. Сокъ, выжимаемый сперва изъ виноградныхъ кистей, называется *мостомъ*, и отъ броженія дѣлается изъ него вино. Описаніе, какъ дѣлаютъ вино, было бы здѣсь слишкомъ пространно. Самое лучшее мѣсто для винограда есть сухая земля на возвышеніи горы съ южной стороны. Находится много разныхъ сортовъ вина, называемыхъ обыкновенно по мѣстамъ, гдѣ оно ростетъ, и по добротѣ вкуса.

О кофе. *Кофейные бобы* суть плоды дерева, ростущаго въ великомъ множествѣ въ Щастливой Арабіи, также находящагося въ Турціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Леванта и въ Вест-Индіи. Кофейныя дерева ростутъ по большей части при подошвахъ холмовъ и горъ, на такихъ мѣстахъ, гдѣ бываетъ нѣсколько сыро и довольно тѣни. Самое дерево не очень толсто, гибко, и вкусомъ сладковато. Цвѣтки его похожи на воронку, однолистны, съ пятью выемками по краямъ; имѣютъ пять шляпокъ и одинъ пестикъ, по чему принадлежатъ ко классу пятимужнихъ. Плодъ походитъ на продолговато-круглую вишню, цвѣтомъ темнокрасный, и содержитъ зерно, состоящее изъ двухъ полушарообразныхъ половинокъ. Что обыкновенно называется кофейнымъ бобомъ, есть не иное что, какъ такая половинка зерна, и вообще названіе боба плоду сему не свойственно. Сіи половинчатые бобы какъ цвѣтомъ, такъ величиною и видомъ, бываютъ различны. Голландцы завели первыя кофейныя плантаціи въ Вест-Индіи, и привозимое оттуда кофе продается подъ именемъ Суринамскаго, Мартиникскаго, Англійскаго, и пр. Вообще нынѣ извѣстны въ торговлѣ три главные сорта кофе, а именно: Арабской, Ост-Индской и Вест-Индской. Изъ пережженыхъ и измолотыхъ бобовъ, какъ-то извѣстно, варится питье, употребляемое нынѣ толь многими. Обыкновеніе пить кофе введено въ Европѣ уже болѣе ста лѣтъ. Сказываютъ, что плоды сего дерева въ пер-

вой разъ привезены во Францію около 1650 года. Нѣкоторые говорятъ, что въ Англіи Д. Гервей первой началъ употреблять кофе; а другіе утверждаютъ, что Паска, слуга, родомъ изъ Грековъ, пріѣхавшій въ Англію съ Турецкимъ купцомъ Даніиломъ Эдуардсомъ въ 1652 году, первой ввелъ его тамъ въ употребленіе, и завелъ первой кофейный домъ въ Англіи.

О чаѣ.

Чайной кустарникъ ростетъ по большей части въ Китаѣ, Японіи и Сіамѣ. Находятся только два главные сорта чаю, изъ которыхъ одинъ называется *чернымъ*, а другой *зеленымъ* чаемъ. Первой различается отъ другаго не только тѣмъ, что листки его цвѣтомъ темнѣе, но и качествомъ цвѣтковъ, которые у чернаго чаю шестилистные, а у зеленаго девятилистные. Прочіе сорты, различаемые въ торговлѣ, не суть въ самомъ дѣлѣ разные роды растенія, но различаются только по разности земель, гдѣ они ростутъ, по старости и величинѣ листковъ, и по тому, какимъ образомъ ихъ собираютъ, сушатъ и пріуготовляютъ. Плодъ составляетъ стручекъ съ тремя отдѣлами, или гнѣздами, изъ которыхъ въ каждомъ находится круглое зерно. Листки у вѣтвей похожи нѣсколько на вишенные. Сіи листки собираемы бываютъ не въ одно время. Естьли зима не очень холодна, то собираютъ ихъ еще въ началѣ Февраля. Сортъ чаю, собираемаго въ сіе время, есть одинъ изъ самыхъ дорогихъ, и называется обыкновенно Ханскимъ чаемъ. По причинѣ дорогой цѣны, въ Европѣ могутъ пить его только самые богатые люди. Вторый и самый изобильнѣйшій сборъ чайныхъ листковъ бываетъ въ началѣ Апрѣля. Выбираютъ для сего ясные и теплые дни, и покрываютъ чайные кусты парусиною, дабы ощипанные листки не теряли силы отъ солнечнаго жару. Въ началѣ Мая собираютъ листки въ третій разъ, и сей чай по большей части привозятъ въ Европу. Въ концѣ сего мѣсяца бываетъ послѣдній сборъ, и по тому собираютъ все, что только собрать можно. Сей послѣдній сортъ чаю есть самой низкой. Пріуготовленіе чаю гораздо труднѣе собиранія, и надлежитъ удивляться тому, что обыкновенный чай стоитъ такъ

дешево. Продолжительно было бы описывать оное подробно; по чему я сообщу вамъ только самое нужное. Собранные листки относятъ въ сушильни, нарочно для того сдѣланныя. Въ такихъ сушильняхъ находится по 5, по 10, или болѣе печей, покрытыхъ сверьху желѣзною плитою. Сіи печи нагрѣваются горящимъ угольемъ такъ, чтобъ жаръ не вдругъ проходилъ къ чайнымъ листкамъ, насыпаемымъ на желѣзную плиту, отъ чего они свертываются такъ, какъ мы въ Европѣ ихъ получаемъ.

О какао. Мы говорили о двухъ растеніяхъ, доставляющихъ питье употребляемое въ толикомъ множествѣ; по чему кстати будетъ сообщить здѣсь краткое описаніе орѣховъ *какао*, изъ которыхъ дѣлается также весьма пріятное питье, называемое шоколатомъ. Сіи орѣхи, или бобы, ростутъ по большей части въ Новой Испаніи, Гватималѣ, и нѣкоторыхъ другихъ Американскихъ странахъ. Они суть продолговатыя, темнокрасныя ядра горьковатаго вкуса, похожіе на миндаль, но нѣсколько потолще онаго. Такихъ ядеръ по 20, по 30, по 40 и по 50 содержится въ большихъ морщиноватыхъ и толстыхъ стручкахъ, величиною съ посредственную дыню. Дерево, на которомъ они ростутъ, называется шоколатнымъ деревомъ, или какагусомъ (arbor cacaoifera). Величиною и листками довольно походитъ на вишенное дерево. Цвѣтки его красноватые. Плоды приноситъ оно два раза въ годъ, а именно въ Маѣ и Сентябрѣ. Изъ сихъ орѣховъ дѣлается шоколатъ слѣдующимъ образомъ: изжаривъ ядра, толкутъ ихъ мѣлко; прибавляютъ къ нимъ ванили, сахару, корицы и другихъ пряныхъ зелій; дѣлаютъ изъ того густое тѣсто, а изъ сего тѣста дощечки или какой нибудь другой фигуры куски, и засушиваютъ. Еще дѣлаютъ изъ сихъ орѣховъ масло, которое такъ же сладко, какъ миндальное, и весьма полезно въ разныхъ грудныхъ болѣзняхъ и другихъ припадкахъ.

О коричномъ деревѣ. *Коричное дерево* ростетъ въ Ост-Индіи, особливожъ на островѣ Цейлонѣ. Оно бываетъ различной величины, и пень его раздѣляется на

на сучья, стоящіе почти перпендикулярно. Листки имѣютъ много сходнаго съ листками цитронныхъ и померанцовыхъ деревъ. Цвѣтки однолистные, съ шестью правильными выемками. Въ нихъ находится обыкновенно по девяти гвоздковъ и по одному пестику; слѣдовательно по Линнееву методу принадлежатъ они къ девятимужнимъ и одноженнымъ. Плоды сего дерева похожи на маленькія оливки, и сверьху покрыты шляпками, или яснѣе сказать, имѣютъ много сходнаго съ дубовыми желудями, и созрѣвши бываютъ черноваты и блестящи. Самое дерево бѣловато и не очень твердо; не имѣетъ ни запаху, ни вкуса. Жители помянутаго острова употребляютъ его на дрова. Польза сего дерева состоитъ въ корѣ его. Но оно имѣетъ три коры: наружную, среднюю и внутреннюю. Наружную бросаютъ, по причинѣ нечистоты ея и дурнаго вкуса, а другую, извѣстную у насъ подъ названіемъ *корицы*, собираютъ и продаютъ. Сдираютъ кору съ дерева вдоль полосами. Прикрѣпивъ ее къ кольямъ, счищаютъ съ нея наружную нечистую кору; по томъ свертываютъ ее, и сушатъ мало по малу въ тѣнистомъ мѣстѣ. Собираніе коры бываетъ два раза въ году: въ первой разъ въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ, когда дерево цвѣтетъ, а во второй въ Августѣ и Сентябрѣ, когда всѣ плоды съ него опадутъ. У старыхъ деревъ кора не столь вкусна и пріятна, какъ у молодыхъ; по чему обыкновенно сдираютъ ее съ такихъ деревъ, которыя еще не старѣе пяти лѣтъ.

О табакѣ.

Табакъ (tabacum, herba Nicotiana) есть растеніе, вывезенное лѣтъ за 200 предъ симъ изъ Америки въ Португаллію, оттудажъ въ Испанію и въ другія Европейскія земли; а нынѣ ростетъ во многихъ Европейскихъ странахъ въ великомъ множествѣ. Внѣшняя цвѣточная чашка сего растенія однолистная, съ пятью вырѣзками. Самые цвѣтки похожи на воронку, по краямъ вверьху съ пятью вырѣзками и складками. Въ нихъ находится по одному пестику и по пяти шляпокъ. Плодъ есть продолговатый стручекъ, состоящій изъ двухъ гнѣздъ; онъ растрескивается, когда сѣмя созрѣетъ. Изъ одного зерна, посаженнаго въ землю, происхо-

исходитъ удивительное множество сѣмянъ. Находится нѣсколько разныхъ родовъ табаку, и великое множество отличій, происходящихъ отъ доброты земли, отъ климата и отъ искусства въ хожденіи за нимъ. Онъ ростетъ въ самыхъ сѣверныхъ странахъ, какъ-то въ Норвегіи, Швеціи, и пр. Употребленіе сего растенія нынѣ толь извѣстно и толь велико, что мало такихъ людей, которые не курили бы его, или не нюхали. Разводятъ его посредствомъ сѣмянъ. Сѣютъ ихъ на хорошей землѣ, и сначала нѣсколько дней сряду поливаютъ. Во время жаркой погоды прикрываютъ табакъ отъ сильнаго солнечнаго жару, втыкая деревья по мѣстамъ на полѣ, гдѣ онъ посѣянъ, или чѣмъ нибудь инымъ. Когда выростаетъ онъ до нѣкоторой вышины, то пересаживаютъ его на пріуготовленную землю, почти такъ же, какъ пересаживаютъ салатъ, и по томъ прилѣжно полютъ; нижніе листки обрываютъ, дабы они не прилегали къ землѣ и не гнили; когдажъ табакъ цвѣсти начнетъ, то срѣзываютъ съ него и верьхушки, такъ чтобъ оставалось не болѣе 12 или 15 листковъ, которые по томъ вбирая въ себя всю пищу, бываютъ отъ того гораздо крупнѣе и тучнѣе. Когда онъ созрѣетъ, то срѣзываютъ стебли, развѣшиваютъ ихъ попарно подъ кровлею, прикрывающею ихъ отъ солнечнаго зною и отъ мокроты, и сушатъ на воздухѣ дней отъ 15 до 20. Высушивъ листки, сколько надобно, обрываютъ ихъ со стеблей, связываютъ въ небольшие пучки, по томъ смачиваютъ морскою или рѣчною водою, и свиваютъ въ рули, которыя отправляютъ въ Европу, гдѣ уже изрѣзываютъ ихъ или мелютъ, и дѣлаютъ курительной или нюхательной табакъ.

О сахарномъ тростникѣ.

Сахарный тростникъ ростетъ во многихъ странахъ Вест-Индіи, также въ Ост-Индіи и на нѣкоторыхъ Африканскихъ островахъ. Видомъ онъ весьма похожъ на здѣшній простой тростникъ, и ростетъ по большей части отъ пяти до шести футовъ въ длину, и около полудюйма въ толщину. Стволъ, или трость, имѣетъ колѣна, разстояніемъ на полтора фута одно отъ другаго. Верьхъ ея состоитъ изъ множе-

жества длинныхъ зеленыхъ листковъ, посреди которыхъ бываютъ цвѣтки и сѣмя. Впрочемъ сіе растеніе принадлежитъ ко классу трехмужнихъ; ибо цвѣтки его имѣютъ три шляпки и два пестика. Оно созрѣваетъ обыкновенно въ десять мѣсяцовъ, и тогда наполнено бываетъ бѣлою сочною матеріею. Изъ сея матеріи выдавливается сокъ, изъ котораго дѣлаютъ сахаръ; однако надлежитъ выдавливать онаго не болѣе, какъ сколько надобно на одинъ день; въ противномъ же случаѣ остальное чрезъ ночь закисаетъ. Пріуготовленіе сахару есть слѣдующее: Срѣзавъ трости, относятъ ихъ въ пучкахъ на мѣльницы, состоящія изъ трехъ деревянныхъ катковъ, обитыхъ тонкою сталью, и приводимыя въ дѣйствіе вѣтромъ, водою, скотомъ, или невольниками. Сокъ изъ раздавливаемаго катками тростника стекаетъ чрезъ небольшую трубку въ мѣдный котелъ, въ которомъ варится слегка на разведенномъ подъ нимъ легкомъ огнѣ. Въ сей сокъ кладутъ множество пеплу и извести: отъ чего, купно съ дѣйствіемъ огня, масляныя его частицы отдѣляются отъ прочихъ, и всплываютъ вверьхъ густою пѣною, которую непрестанно снимаютъ половниками. По томъ варятъ его въ котлахъ и чистятъ во второй, третій, четвертый и пятой разъ, пока напослѣдокъ онъ сдѣлается такъ густъ, какъ сыропъ. Тогда переваривають его въ шестомъ котлѣ, подливая известной и квасцовой воды, чѣмъ совершенно отнимается вся остававшаяся еще въ немъ нечистота. Въ семъ послѣднемъ котлѣ едва остается треть того, что было въ первомъ; ибо прочее все выкипаетъ пѣною. Отъ такого многократнаго переваривания сахарный сокъ становится чище, гуще, и способенъ къ дѣланію изъ него всякихъ сортовъ сахару. Сахарный тростникъ столь нѣженъ, что разводить его въ здѣшнихъ теплицахъ весьма трудно. Еще надлежитъ замѣтить, что изъ такого молока, въ которое положено нѣсколько сахару, не можно сдѣлать масла.

О коноплахъ.

Конопли суть растеніе приносящее великую пользу въ художествахъ и рукодѣліяхъ; ибо изъ нихъ дѣлается пенька, употреб-

ляе-

ляемая на нитки, холсты и веревки. Они суть длинная трава, которую надлежитъ сѣять каждой годъ, по тому, что корни ихъ не держатся долѣе одного году. Стебель внутри пустой; листки кругловаты, съ зубчиками по краямъ; кора состоитъ изъ волоконъ, связанныхъ мяхкою матеріею, которая причиняетъ то, что они скоро гніютъ. Сіе растеніе принадлежитъ ко классу двудомныхъ: то есть мужескіе и женскіе цвѣтки его бываютъ на разныхъ стебляхъ. Мужескіе цвѣтки состоятъ изъ пяти шляпокъ, и имѣютъ одну только цвѣточную чашку, раздѣленную на пять частей, безъ самаго цвѣтка. Женскіе цвѣтки имѣютъ также одну только однолистную чашку съ двумя столбиками. Разведеніе коноплей и пріуготовленіе пеньки составляетъ знатную часть сельскаго хозяйства, ибо требуетъ многоразличной работы. Они сѣются въ Маѣ, а поспѣваютъ въ Августѣ; послѣ чего выдергиваютъ ихъ съ корнями и вяжутъ въ пуки, отрѣзывая верхушки для сѣмянъ. Потомъ кладутъ стебли дней на пять или на шесть въ воду, чтобъ они гнили. Вынявъ изъ воды, сушатъ ихъ и отбиваютъ плеву, или деревянистую часть, отъ коры. Наконецъ чешутъ пеньку, и прядутъ изъ нея нитки и ткутъ холсты, либо вьютъ веревки, смотря по ея добротѣ.

О льнѣ.

Хотя описанное предъ симъ растеніе достойно уваженія; но то, о которомъ намъ теперь говорить надлежитъ, а именно ленъ, заслуживаетъ такоежъ и еще большее уваженіе. Оно принадлежитъ къ пятимужнимъ растеніямъ, по тому, что имѣетъ пять шляпокъ и пять пестиковъ. Цвѣточная чашка и самый цвѣтокъ состоятъ изъ пяти листковъ. Та земля имѣетъ великую выгоду, гдѣ ленъ можетъ родиться въ большомъ количествѣ. Изъ него дѣлаются полотна, скатерти, разныя матеріи для платья и для занавѣсовъ, и пр.; по чему удобно разсудить, что онъ доставляетъ пропитаніе многимъ тысячамъ людей. Однако во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не разводятъ льну: чему причиною не всегда бываетъ земля и климатъ. Нѣкоторые ошибаются въ выборѣ сѣмянъ, другіе во времени

мени посѣва; инымъ предразсужденіе препятствуетъ сѣять ленъ, для того, что отцы и дѣды ихъ никогда сего не дѣлывали; иныежъ не отваживаются предпринимать того послѣ одного неудачнаго опыта. Паче всего при разведеніи льну надлежитъ наблюдать слѣдующее: вопервыхъ должно выбирать для посѣву самое зрѣлое сѣмя, и сѣять его не очень свѣжее и не очень рано. Земля должна быть не слишкомъ тучна и не слишкомъ холодна. Когда ленъ выростаетъ на четверть аршина отъ земли, то выпалываютъ изъ него всякую другую траву; а какъ скоро начнетъ онъ засыхать, выдергиваютъ его и мочатъ; по томъ мнутъ мялицами, чешутъ, и наконецъ прядутъ. Пряжу варятъ въ щелокѣ, по томъ полощутъ въ холодной водѣ, сушатъ на солнцѣ, свиваютъ въ клубки, либо въ мотки, и наконецъ ткутъ. Изъ льяной пряжи дѣлаются разныя полотна, покрывала, нитки, кружева, и пр.

О хлопчатой бумагѣ.

Хлопчатая бумага принадлежитъ къ такимъ иностраннымъ товарамъ, которые у насъ весьма извѣстны и употребляемы въ великомъ множествѣ; по чему краткое описаніе оной будетъ вамъ не непріятно. Она ростетъ въ Египтѣ, Сиріи, Кипрѣ, Индіи, Сициліи, и еще въ нѣкоторыхъ другихъ жаркихъ странахъ. Но находится два рода хлопчатой бумаги, изъ которыхъ одинъ ростетъ на кустѣ, а другой на деревѣ. Растеніе перваго рода называемое *травяною бумагою*, (Xylon, ſ. Goſſipium herbaceum) имѣетъ деревянистый стебель, выростающій въ вышину отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 футовъ, покрытый жесткою красноватою корою, и раздѣляющійся на нѣсколько короткихъ вѣтвей. Листки, сидящіе на длинныхъ стебелькахъ, мохнаты и волосисты, а видомъ весьма похожи на виноградные листки. Цвѣтки, похожіе на колокольчики, красивы и велики, цвѣту краснаго, смѣшеннаго съ пурпуровымъ. Плодъ величиною бываетъ съ орѣхъ, и какъ скоро созрѣетъ, растрескивается и раздѣляется на 3 или 4 гнѣзда, содержащія въ себѣ клочекъ бѣлаго пуху, который отъ теплоты расширяется такъ, что становится величиною съ посредственное яблоко. Въ семъ пухѣ находится нѣсколько

ко черносѣрыхъ, продолговатыхъ и пушистыхъ сѣмянъ, величиною съ маленькую горошину, изъ которыхъ въ каждомъ содержится маленькое масляное ядрышко, вкусное и сладкое, такъ какъ орѣхъ. Втораго рода бумага (Xylon arboreum) ростетъ на деревѣ, которое вышиною бываетъ отъ 14 до 15 футовъ. Листки сего дерева видомъ весьма похожи на первые липовые листки, съ глубокими вырѣзками, раздѣляются на три части, и не мохнаты. Цвѣтки и плоды такіежъ, какъ у перваго рода; однако нѣкоторые утверждаютъ, что сія бумага хуже травяной. Когда она поспѣваетъ, то собираютъ ее, очищаютъ отъ скорлупы и сѣмянъ, и по томъ употребляютъ въ дѣло. По Линнеевой системѣ сіе растеніе принадлежитъ къ 16 классу, т. е. къ однобратнимъ.

Глава V.

О рыбахъ, амфибіяхъ и кораллахъ.

Теперь обратимся къ водѣ, и будемъ разсматривать жителей сея жидкой стихіи. Коль дивно устроила ихъ рука всемогущей Премудрости и содѣлала способными къ обитанію въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ! Тѣла ихъ покрыты масляною клейкою матеріею, которая не только способствуетъ имъ безпрепятственно проплывать сквозь воду, но и не допускаетъ ее проницать въ кожу ихъ, дабы они отъ холода не умирали. Они имѣютъ плески, которыми могутъ держаться въ равновѣсіи и прямо, и которыя, купно съ хвостомъ, служатъ имъ какъ бы веслами для скораго плаванія. Также снабдены они пузыремъ, который сжимая, могутъ опускаться на дно, а раздувая, подниматься вверьхъ. Средоточіе тяжести находится у нихъ въ самой удобнѣйшей части тѣла, и фигура ихъ для плаванія весьма способна. Они имѣютъ особенныя орудія къ дыханію служащія, которыя называются жабрами. Отмѣнный составъ глазъ ихъ сообразенъ той стихіи, въ которой они живутъ. Рыбы раздѣляются обыкновенно на морскія, рѣчныя и прудовыя. Также раздѣляютъ ихъ на *большія*, или китоваго

рода,

рода, на *имѣющія хрящи* и на *имѣющія кости.* Рыбы китоваго рода имѣютъ легкое, и дышутъ такъ же, какъ четвероногія животныя; плодятся такъ же, и кормятъ дѣтей своимъ молокомъ. Имѣющія хрящи дышутъ чрезъ отверстія, находящіяся у нихъ по бокамъ. Прочія имѣютъ мѣлкія острыя кости, служащія къ подкрѣпленію ихъ мускуловъ, и родятся изъ икры. Теперь сообщу вамъ натуральную исторію нѣкоторыхъ примѣчанія достойныхъ рыбъ и другихъ водяныхъ животныхъ; а потомъ приступлю къ разсматриванію иныхъ тварей.

О китѣ.

Киты суть самые величайшие не только изъ водяныхъ животныхъ, но и вообще изъ всѣхъ живыхъ тварей, особливожъ тѣ, которые находятся въ сѣверныхъ моряхъ. Между оными бываютъ нѣкоторые въ 00 футовъ длиною; толстота ихъ соразмѣрна длинѣ. Голова составляетъ почти третію часть всего тѣла. На ней сверьху находится такъ называемый насосъ, или дыхательное отверстіе, съ двумя скважинами, чрезъ которыя китъ, играя или будучи раненъ, выбрасываетъ воду съ такою силою, что причиняетъ тѣмъ шумъ, подобный реву вѣтра или морскихъ волнъ во время бури, и слышимый въ дальнемъ разстояніи. Глаза китовы не много болѣе бычьихъ, и находятся по угламъ зѣва его, который шириною бываетъ локтей въ 12, и болѣе. Мясо грубо, жестко и тоще; жиръ лежитъ между кожею и мясомъ. Что называется рыбьею костью, или китовыми усами, бываетъ у него въ пасти. Во всякомъ китѣ находится такихъ костей по 500, каждая длиною въ 15 футовъ. Самки имѣютъ 2 сосца, и кормятъ ими дѣтей своихъ, которыхъ родятъ только по два. Мозгъ китовъ, очищенный перетапливаніемъ, называется *китовымъ сѣмянемъ* (ſperma ceti). Ловля китовъ есть весьма важный промыселъ; ибо всякой годъ употребляется для оной около 200 судовъ, принадлежащихъ по большей части Голландцамъ, которые лѣтъ за 150 предъ симъ присвоили себѣ знатнѣйшую часть сего промысла. Рыбаки собираютъ только жиръ, кость и мозгъ; а мясо убитаго животнаго оставляютъ на льду медвѣдямъ, которые онаго ищутъ. Ловятъ китовъ

 боль-

большими баграми, отъ 5 до 6 футовъ длины, съ острымъ треугольнымъ копейцемъ, сдѣланнымъ наподобіе стрѣлы. Рыбакъ бьетъ кита въ голову изъ всей силы симъ багромъ, къ которому прикрѣплена бываетъ веревка; и естьли удается пробить до мяса, то спускаютъ веревку. Китъ опускается быстро на дно. Но какъ онъ по томъ обратно поднимается вверьхъ, чтобъ почерпнуть свѣжаго воздуху, то даютъ ему еще рану, и продолжаютъ сіе дотолѣ, пока онъ отъ истеченія крови совсѣмъ ослабѣетъ; послѣ чего приближаются къ нему, и умерщвляютъ его, пробивая между ушей длиннымъ копьемъ, которое проходитъ до самаго сердца. Кромѣ описаннаго теперь Гренландскаго кита находится еще много другихъ большихъ рыбъ, называемыхъ также китами; но я не буду описывать ихъ, для избѣжанія излишества.

О Делфинѣ. *Делфинъ* есть морское животное, имѣющее гладкую блестящую кожу и высокую спину. Рыло его продолговато и округло; въ обѣихъ челюстяхъ находятся небольшіе острые зубы. Длиною бываетъ онъ отъ пяти до шести футовъ. На головѣ имѣетъ отверстіе, чрезъ которое пускаетъ воду. Спина его черная, а брюхо бѣлое; на спинѣ находится одно перо, и два на брюхѣ. Мясо его похоже на свиное, или говяжье. Делфины плодятся одинакимъ образомъ съ китами, такъ же, какъ четвероногія животныя; по чему славный Линней въ новомъ изданіи своея системы не причисляетъ сихъ родовъ морскихъ животныхъ къ рыбамъ, но полагаетъ ихъ въ одинъ классъ съ четвероногими животными. Мореплаватели почитаютъ делфиновъ предвѣщателями приближенія бури, и говорятъ, что буря обыкновенно наступаетъ съ той стороны, гдѣ делфины показываются. Желудку, печени и жиру сихъ животныхъ приписываютъ врачебную силу въ селезеночной болѣзни, въ лихорадкахъ, и другихъ болѣзняхъ.

О лѣтучихъ рыбахъ. *Лѣтучія рыбы* (pisces volantes), находящіяся въ водахъ между тропиками, заслуживаютъ примѣчаніе по сему отмѣнному свойству, отъ котораго онѣ названіе получили, такъ что не можно здѣсь умолчать объ нихъ. Величиною

нею онѣ бываютъ съ сельдя; также и видомъ немало похожи на сію рыбку. Орудія, служащія имъ къ лѣтанію, суть не иное что, какъ большія, широкія плески, на которыхъ могутъ они лѣтать весьма скоро, но только дотолѣ, пока сіи плески сухи; по чему лѣтаніе ихъ продолжается весьма не долго. Онѣ лѣтаютъ многочисленными стадами, по большей части для того, чтобъ избавиться отъ гонящихся за ними хищныхъ рыбъ. Увидѣвъ хищныхъ птицъ, между которыми также имѣютъ многихъ непріятелей, онѣ садятся на корабли, и крѣпко держатся за оные своими крыльями. Сказываютъ, что онѣ весьма вкусны.

О круглой рыбѣ.

Круглая рыба (orbis) по необычайной фигурѣ ея заслуживаетъ, чтобъ здѣсь объ ней упомянуто было. Но находятся два рода рыбъ, называемыхъ симъ именемъ. Они сходствуютъ въ томъ, что оба не очень велики, и почти совершенно круглые. Одинъ родъ имѣетъ коротенькой носъ, похожій на птичій, и тонкой хвостъ. Рыбы другаго рода безъ хвоста, и только имѣютъ два пера, по чему онѣ еще круглѣе первыхъ.

О саблѣ.

Рыба сабля принадлежитъ къ морскимъ рыбамъ, заслуживающимъ примѣчаніе по отмѣнному своему виду. Она великая непріятельница многихъ другихъ рыбъ, и дерется иногда съ самымъ китомъ. Вмѣсто чешуи имѣетъ она морщиноватую кожу, на спинѣ сѣрую, а на брюхѣ бѣлую. Она имѣетъ 7 перьевъ: два на спинѣ, по два на бокахъ, и одно у хвоста. Голова ея довольно широка и дурнаго виду. Подлѣ глазъ находятся два отверстія, чрезъ которыя она пускаетъ вверьхъ воду весьма высоко. Длиннымъ носомъ своимъ, похожимъ на саблю, съ двумя рядами зубовъ, она распарываетъ брюхо китамъ и другимъ рыбамъ. Но находятся три рода рыбъ, называемыхъ симъ именемъ. Нѣкоторыя имѣютъ одну только саблю безъ зубовъ, и называются по-Французски *épée de mer*; другія, имѣющія по обѣимъ сторонамъ сея сабли острыя спицы, называются *пилами*; иныяжъ вмѣсто сабли имѣютъ длинный рогъ, съ какимъ обыкновенно изображаемы

 бы-

бываютъ единороги, четвероногія животныя, которыхъ въ самой Натурѣ никто еще не находилъ. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ рыбаки умѣютъ выманивать сію рыбу изъ морской глубины нѣкоторыми словами и голосомъ; однако сіе весьма сомнительно.

О чернильницѣ.

Подъ названіемъ *чернильницы* разумѣются три рода водяныхъ животныхъ, принадлежащихъ ко классу червей. Животное перваго рода, называемое также *морскимъ паукомъ* (Sepia, Loligo major) находится въ разныхъ моряхъ. Оно бываетъ въ локоть длиною, и весьма безобразно. На спинѣ имѣетъ кость, съ руку величиною, которая удобно растирается и вкусомъ солоновата. Сія кость называется *бѣлою рыбьею костью*, и служитъ Медикамъ и мастерамъ золотыхъ дѣлъ къ разному употребленію. На головѣ у сего животнаго находятся какъ бы двѣ руки, служащія ему для плаванія, и которыми оно хватаетъ свою добычу. Кромѣ того имѣетъ оно еще шесть небольшихъ лапъ. На шеѣ находится у него пузырь, наполненный чернымъ сокомъ, похожимъ на чернила. Когда за нимъ гонятся, оно брызгаетъ изъ себя симъ сокомъ, чтобъ взмутить воду, и чрезъ то укрыться отъ погони. Оно весьма плодовито, но живетъ весьма не долго, и рѣдко болѣе двухъ лѣтъ. Разсказываютъ о сихъ животныхъ слѣдующее обстоятельство, показывающее, что любовь и вѣрность между сими тварями въ самцахъ гораздо сильнѣе, нежели въ самкахъ. Когда самка бываетъ въ опасности, самецъ поспѣшаетъ къ ней на помощь, и скорѣе дастъ поймать самого себя, нежели ее оставитъ. Напротивъ того самка при самой малѣйшей опасности немедленно оставляетъ своего самца, и старается только уйти. Сіе обстоятельство доставляетъ рыбакамъ удобное средство къ ловлѣ чернильницъ. Они опускаютъ самку на веревкѣ въ воду; самецъ приплываетъ къ ней, и не отстаетъ уже отъ нея, но его вытаскиваютъ вмѣстѣ съ нею. Другой родъ чернильницъ (Loligo minor) имѣетъ великое сходство съ первымъ, и въ тѣлѣ сего животнаго также находится черноватый сокъ. Третій родъ, называемый *чернильницею съ длинными ногами*, или *много-*

многоножникомъ (polypus, asinus marinus, octapodia) равнымъ образомъ имѣетъ немалое сходство съ первымъ, но гораздо болѣе и сильнѣе онаго, такъ что сіе животное можетъ одолѣть человѣка и стащить въ воду. На спинѣ имѣетъ оно длинную трубу, которая склоняется въ ту сторону, куда оно плыть хочетъ. Сіи животныя вообще весьма любятъ человѣческое мясо, и предпочитаютъ его раковинамъ, улиткамъ, травѣ и плодамъ, составляющимъ впрочемъ обыкновенную ихъ пищу. Они, такъ же какъ и выше описанныя, имѣютъ пузырь съ черноватымъ сокомъ, который выпускаютъ изъ себя стараясь уйти.

О гнюсѣ и морскомъ угрѣ.

Гнюсъ (torpedo) есть достойная примѣчанія рыба, находящаяся въ Средиземномъ морѣ и въ другихъ моряхъ. Тѣло ея кругловато и какъ бы надуто. Голова не отдѣлена отъ тѣла; ротъ небольшой, наполненъ зубами, и фигурою похожъ на полумѣсяцъ; надъ ртомъ находятся двѣ небольшія скважины, служащія можетъ быть ноздрями. Верхняя часть тѣла померанцоваго цвѣта, а нижняя бѣлая. Хвостъ тонкой и мясистый. Кожа вся блестящая и безъ чешуи. Дотронувшись до сея рыбы рукою или ногою, вдругъ почувствуешь во всемъ тѣлѣ онѣмѣніе, соединенное съ нѣкоторою отмѣнною болью и гораздо непріятнѣе того чувствованія, какое происходитъ отъ пересидѣнія ноги. Сіе дѣйствіе бываетъ гораздо сильнѣе, какъ скоро рыба поймана; но чрезъ нѣсколько часовъ, и когда уже много до нея дотрогивались, сила онаго примѣтно уменьшается. Также сказываютъ, что сіе свойство въ самкахъ гораздо сильнѣе, нежели въ самцахъ, и что удерживая въ себѣ дыханіе, можно совсѣмъ воспрепятствовать дѣйствію онаго. Впрочемъ оно служитъ симъ рыбамъ къ избавленію ихъ не только отъ рыбаковъ, но и отъ другихъ гоняющихся за ними рыбъ. Подобное сему свойство находится въ другой примѣчанія достойной рыбѣ, называемой *морскимъ угремъ* (conger). Естьли опустишь въ воду руку, или палку держимую въ рукѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сія рыба находится: то не дотрогиваясь еще до самой рыбы, почувствуешь во

всемъ тѣлѣ такой ударъ и потрясеніе, какъ при электрическомъ опытѣ, называемомъ Мушенбрековымъ, съ тою только разностію, что рыба не отбрасываетъ отъ себя искры. По сей причинѣ не можно найти никакихъ другихъ рыбъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ морской угорь. Но сія электрическая сила бываетъ въ немъ только въ живомъ; а какъ скоро онъ умретъ, то дотрогиваясь до него, не ощущаютъ уже никакого электрическаго дѣйствія.

О сельдяхъ. *Сельди* суть рыбы живущія вмѣстѣ, и плавающія обыкновенно большими стадами. Онѣ столь извѣстны, что не нужно ихъ описывать. Ловля сельдей составляетъ весьма важный промыслъ, который Голландцы почти совсѣмъ присвоили себѣ, и употребляютъ къ оному около 1000 судовъ. Она производится въ Сѣверномъ морѣ, и Голландцы начинаютъ ее съ 24 Іюня. Пріуготовленіе сельдей состоитъ въ соленіи и копченіи. Соленыя сельди пріуготовляемы бываютъ слѣдующимъ образомъ: вытащивъ ихъ изъ моря, тотчасъ распласываютъ, потрошатъ и моютъ въ свѣжей водѣ; по томъ бросаютъ въ чанъ съ росоломъ, сдѣланнымъ изъ морской соли разведенной на прѣсной водѣ, и оставляютъ въономъ часовъ на 12 или на 15. Вынявъ изъ сего чана, даютъ водѣ стечь съ нихъ, и по томъ укладываютъ ихъ въ боченки плотно. На дно боченка, также и сверьху, кладутъ соли, и задѣлываютъ оный такъ крѣпко, чтобъ росолъ не могъ изъ него вытекать, и чтобъ воздухъ не могъ въ него проходить; ибо и то и другое было бы вредно для рыбы. Такимъ образомъ пріуготовленныхъ сельдей развозятъ по всей Европѣ. Для копченія сперва пріуготовляютъ сельдей такъже, съ тою только разностію, что держатъ ихъ въ росолѣ вдвое долѣе; вынявъ изъ онаго развѣшиваютъ тысячь по 10 или по 12 рыбокъ за головки въ печи, нарочно для того сдѣланной, подъ которою разводятъ хворостомъ огонь, и коптятъ ихъ въ дыму около сутокъ, а по томъ укладываютъ въ боченки.

О сардеряхъ. *Сардели*, или *анчоусы*, имѣютъ великое сходство съ сельдями, только менѣе оныхъ. Онѣ находятся въ Средиземномъ морѣ, особливожъ въ

вели-

великомъ множествѣ около Сардиніи, по чему и сарделами (sarda, sardina) называются. Онѣ имѣютъ головку золотаго цвѣта, спинку зелено-синеватую, а брюшко бѣлое. Вытащивъ ихъ изъ моря, солятъ морскою солью, укладываютъ въ боченки, и такимъ образомъ разсылаютъ. Ихъ почитаютъ здоровою пищею, возбуждающею позывъ на ѣду, и служащею хорошимъ лѣкарствомъ отъ морской болѣзни.

О лососи.

Между рѣчными рыбами *лосось* заслуживаетъ примѣчаніе, хотя еще сомнительно, можно ли собственно назвать ее рѣчною рыбою; ибо лососи приходятъ въ рѣки въ Февралѣ или въ Мартѣ, живутъ тамъ до осени, мечутъ икру, и по томъ обратно уходятъ въ море. Знающіе сію рыбу сказываютъ, что морская вода способствуетъ ей рости, а отъ рѣчной воды она становится жирнѣе. Удивленія достойно проворство ея, съ какимъ переплываетъ она чрезъ загородки и другія препятствія, попадающіяся ей на пути, когда она идетъ изъ моря или въ море. Примѣчено, что она поднимается на крутые пороги въ нѣсколько саженъ вышины. Но естьли путь ея бываетъ пресѣченъ, такъ что она пройти не можетъ, то она томится, становится тоща, и чрезъ годъ или чрезъ два умираетъ. Впрочемъ сія рыба безъ сомнѣнія столько уже вамъ извѣстна, что описывать ее нѐ нужно.

О пискарѣ.

Я сообщу вамъ краткое свѣдѣніе о *пискарѣ*, для того, что сію рыбу можно употреблять вмѣсто барометра, хотя впрочемъ по причинѣ иловатаго и болотистаго вкуса она негодится въ пищу, и ни къ какому иному употребленію не служитъ. Пискари живутъ по большей части въ болотахъ и иловатыхъ прудахъ, и зарываются въ илъ такъ, что надобно ихъ оттуда выкапывать. Они похожи на змѣй, и могутъ жить мѣсяца два или три въ сосудѣ съ одною только водою безъ всякой другой пищи. Для узнаванія погоды держатъ ихъ въ стеклянномъ сосудѣ, наполненномъ чистою водою и пескомъ. Во время хорошей и постоянной погоды они бываютъ тихи и спокойны; но

 предъ

предъ ненастьемъ начинаютъ мутить воду сильнымъ движеніемъ.

О черепахѣ. *Черепаха* принадлежитъ къ амфибіямъ, или животнымъ обитающимъ и въ водѣ и на землѣ. Она покрыта разноцвѣтнымъ какъ бы марморнымъ черепомъ, изъ котораго дѣлаются табатерки, гребни, и пр. Находятся разные роды сего животнаго, изъ которыхъ иные обитаютъ въ морѣ, а иные въ рѣкахъ. Морскія черепахи гораздо болѣе рѣчныхъ; особливожъ между тропиками находятся нѣкоторые роды оныхъ имѣющіе отъ 8 до 9 футовъ длины, и столь сильные, что могутъ носить на спинѣ своей по 6 и по 8 человѣкъ. Сіи животныя, питающіяся всякими морскими растѣніями и водяными насѣкомыми, родятся изъ яицъ, которыя имѣютъ перепончатую скорлупу, и которыхъ одна черепаха кладетъ иногда по 100 въ песокъ на морскомъ берегу часа въ два. Сіи яица лежатъ въ пескѣ дней 25. Молодыя черепахи, вырождающіяся по томъ изъ нихъ отъ солнечной теплоты, бываютъ величиною съ молодую перепелку, и какъ скоро вылупятся изъ яицъ, уходятъ въ море. Морская черепаха обыкновенной величины доставляетъ около 200 фунтовъ мяса, которое рыбаки солятъ и заготовляютъ въ прокъ. Яица, которыхъ отъ одной черепахи бываетъ около 300, не портятся довольно долго. Мясо по большей части бѣлое, не имѣетъ ни мало рыбнаго вкуса, и похоже на телятину. Находятся нѣкоторые роды, напр. такъ называемыя зеленыя черепахи, которыхъ мясо такогожъ пріятнаго вкуса, какъ цыплячье.

О крокодилѣ. *Крокодилъ* также принадлежитъ къ животнымъ обитающимъ и въ водѣ и на землѣ. Крокодилы находятся по большей части въ Египетской рѣкѣ Нилѣ; но также находятъ ихъ въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ въ Индіи и Африкѣ. Видомъ они похожи на ящерицу; по чему новѣйшіе испытатели Натуры и причисляютъ ихъ къ роду ящерицъ. Верхняя часть тѣла ихъ темнаго или черноватаго цвѣту, а нижняя желтоватаго. Родятся изъ яицъ, которыя величиною бываютъ съ гусиныя. Въ продолженіе 50 дней, самка носитъ

ситъ ежедневно по одному яйцу; но прежде сего времени она дѣлаетъ яму въ пескѣ, фута въ два глубиною, на такомъ мѣстѣ, куда приливъ не доходитъ, и кладетъ въ оную свои яица. Дней въ 25, или 30, молодые крокодилы вырождаются, и какъ скоро вылупятся, убѣгаютъ въ воду. Изъ такого малаго яйца происходитъ сіе великое хищное животное, имѣющее отъ десяти до пятинатцати локтей длины, и ростущее во всю жизнь свою, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, продолжается около 60 лѣтъ. Прежде думали, что крокодилъ не имѣетъ языка: что и Геродотъ утверждаетъ; но Д. Пококъ увѣряетъ, что онъ имѣетъ на нижней челюсти мясистый членъ, наподобіе языка, служащій ему можетъ быть къ тому, чтобъ оборачивать пищу. По концамъ нижней челюсти находятся у него два длинные зуба, а въ верхней челюсти двѣ дыры, въ которыя сіи зубы входятъ. Растворяя и закрывая пасть, онъ двигаетъ не нижнюю, но только верхнюю челюсть. Геродотъ и Плиній повѣствуютъ, что крокодилы во всю зиму лежатъ въ пещерахъ и ничего не ѣдятъ. Но Д. Пококъ увѣряетъ, что онъ въ Январѣ видалъ ихъ ходящихъ въ великомъ множествѣ. Убиваютъ сихъ животныхъ обыкновенно прострѣливая имъ брюхо; ибо спина и бока ихъ покрыты чешуею столь твердою, что пуля почти совсѣмъ не можетъ пробить оной. Крокодилъ есть коварное животное. Сказываютъ, что онъ увидѣвъ человѣка одного, котораго поимать хочетъ, начинаетъ плакать и стонать, и поднимаетъ жалостный крикъ, похожій на вопль человѣка находящагося въ крайней опасности, и тѣмъ приманивъ его къ себѣ, вдругъ бросается на него, сбиваетъ его съ ногъ хвостомъ своимъ, и на томъ же мѣстѣ растерзываетъ. По сему-то притворныя слезы и печаль обыкновенно называются *крокодиловыми слезами*. Однако нѣкоторые новѣйшіе испытатели Натуры почитаютъ сіе выдумкою. — Въ Діалектикѣ находится родъ обманчивыхъ силлогисмовъ, весьма похожихъ на справедливыя и называемыхъ *крокодилами*. Сіе названіе оныхъ происходитъ отъ слѣдующаго приключенія, вымышленнаго стихотворцами.

цами. — Крокодилъ поималъ мальчика, шедшаго по берегу Нила. Мать сего мальчика просила его, чтобъ онъ отдалъ ей сына ея. Крокодилъ отвѣчалъ, что онъ отдастъ ей сына, естьли она скажетъ ему правду на вопросъ, который онъ ей предложитъ. Вопросъ былъ слѣдующій: *Отдамъ ли я тебѣ твоего сына?* Бѣдная женщина, подозрѣвая, что онъ обманетъ ее, отвѣчала въ горести: *не отдашь*, и по томъ требовала у него сына, по тому, что она сказала правду. Нѣтъ, сказалъ крокодилъ: ежели я отдамъ тебѣ сына, то ты сказала неправду; и такъ, чтобъ отвѣтъ твой былъ справедливъ, я не могу отдать его. —

О Нильской лошади и Египетской ласочкѣ.

Предложивъ вамъ краткое описаніе крокодила, пріобщу къ оному свѣдѣніе еще о двухъ Египетскихъ животныхъ, а именно о *Нильской лошади* и *Египетской ласочкѣ*, которыхъ многіе, хотя несправедливо, почитаютъ первыми врагами крокодилу. *Нильская лошадь* (Hippopotamus), названная такъ по головѣ ея, похожей на лошадиную, впрочемъ весьма походитъ на теленка; имѣетъ четыре ноги, похожія на гусиныя лапы, и толстую морщиноватую кожу. Она живетъ по большей части на землѣ, и питается обыкновенно травою. Въ воду уходитъ только для избѣжанія опасности. Употребительнѣе всего четыре зуба сего животнаго, которые находятся у него въ нижней челюсти и выставляются изъ зѣва наружу. Два изъ оныхъ кривые, толщиною съ бычій рогъ, а длиною въ полтора фута. По причинѣ хорошаго лоску и никогда не перемѣняющейся бѣлизны сихъ зубовъ, цѣнятъ ихъ дороже слоновой кости. Сіе животное немалой величины, и вѣсомъ бываетъ иногда въ три тысячи фунтовъ. Мясо его почитаютъ весьма пріятною пищею, а жиръ употребляется вмѣсто коровья масла. Впрочемъ надлежитъ еще замѣтить, что подъ названіемъ Бегемота, въ книгѣ Іова, нѣкоторые ученые разумѣютъ Нильскую лошадь. — *Египетская ласочка*, называемая также *ихневмономъ* и *Фараоновою мышью*, величиною съ кошку, имѣетъ шерсть съ бѣлыми, желтыми и сѣрыми полосами, свиное рыло, короткія уши,

черныя ноги и длинный хвостъ. Питается по большей части лягушками, змѣями, ящерицами и мышами; по чему можно употреблять сіе животное для ловленія мышей. Къ людямъ привыкаетъ оно весьма скоро. Разсказываютъ объ икневмонахъ, что они, находя крокодиловъ спящихъ, вползаютъ къ нимъ въ пасть, и изнутри прогрызаютъ имъ брюхо. Однакожъ нѣкоторые писатели сомнѣваются въ истинѣ сего, а утверждаютъ только то, что сіи животныя ищутъ въ пескѣ крокодиловыхъ яицъ и разбиваютъ оныя.

О саламандрѣ.

Саламандра, находящаяся не только въ Индіи, но также въ южныхъ Европейскихъ странахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ, видомъ почти во всемъ походитъ на ящерицу, только толще оной; кожу имѣетъ темнокофейнаго цвѣта и черноватую, съ желтыми блестящими пятнами. Древніе повѣствуютъ о саламандрѣ, что она живетъ въ огнѣ; однакожъ новѣйшими опытами доказано, что сіе повѣствованіе совсѣмъ неосновательно. Хотя саламандра по причинѣ холодной ея натуры, можетъ нѣсколько времени быть въ огнѣ безъ вреда, но долго жить въ немъ не можетъ. Положена будучи на горящее уголье, она выпускаетъ изъ рта и находящихся на тѣлѣ у нея бородавокъ клейкую жидкость, которою нѣсколько потушаетъ жаръ. Но естьли продержатъ ее долѣе въ огнѣ, то огонь пожираетъ сію жидкость, и когда оная истощится, саламандра сгараетъ, равно какъ и всякое другое животное.

О хамелеонѣ.

Хамелеонъ есть небольшое четвероногое животное, также похожее на ящерицу, и находящееся по большей части въ Аравіи, Египтѣ и Ост-Индіи. Длиною онъ не болѣе пядени. На головѣ, которая по мѣрѣ тѣла его довольно толста, имѣетъ хрящеватый гребень, тріугольный и вверьху острый. Въ семъ гребнѣ находятся два небольшія отверстія, служащія ему вмѣсто ноздрей. Глаза его весьма живы и огненны, и окружены золотожелтымъ кольцемъ. Вмѣсто зубовъ имѣетъ онъ одну кость съ острыми вырѣзками. Языкъ у него длинный и круглый, съ тріугольнымъ концемъ,

цемъ, и покрытъ вязкою жидкостію. Кожа его весьма толста, и сказываютъ, что цвѣтъ оной перемѣняется сообразно тому, сердитъ ли бываетъ хамелеонъ, или веселъ. Когда онъ веселъ, то кожа его бываетъ зелена, какъ изумрудъ, и видны на ней черноватыя полосы. Но когда онъ сердитъ, то кожа принимаетъ свинцовый цвѣтъ; когдажъ онъ боится, то кожа блѣднѣетъ и становится какъ бы обветшалою. Иногда всѣ сіи цвѣты и еще многіе иные бываютъ вмѣстѣ, и смѣшеніе ихъ составляетъ прекрасную игру. Также сказываютъ, что хамелеонъ принимаетъ цвѣты окружающихъ его предметовъ. Но все сіе, что разсказываютъ о перемѣнѣ цвѣта его, весьма несправедливо. По новѣйшимъ и лучшимъ наблюденіямъ извѣстно, что онъ хотя и перемѣняетъ иногда цвѣтъ свой, однако не въ такой степени, какъ прежде сказывали, и не по качеству находящихся близь его предметовъ; но сія перемѣна происходитъ только отъ усталости, или когда онъ разсердится. Также ложно и то, что онъ питается только воздухомъ. Пищу его составляютъ мухи и другія малыя насѣкомыя; и для того живетъ онъ по большей части на деревахъ. Хотя нынѣшніе испытатели Натуры причисляютъ хамелеона къ амфибіямъ; однакожъ по сему не должно думать, что онъ и въ водѣ жить можетъ. Онъ, равно какъ саламандра и нѣкоторыя другія животныя, полагается въ числѣ амфибій по тому только, что имѣетъ такоежъ сердце и такуюжъ холодную красную кровь, какъ животныя могущія обитать и въ водѣ и на землѣ. Впрочемъ по упомянутому свойству принимаютъ сего звѣрка за эмблему непостояннаго и перемѣнчиваго нрава; и по тому говорятъ о человѣкѣ, имѣющемъ такой нравъ, что онъ перемѣнчивѣе хамелеона.

Кромѣ рыбъ и амфибій, находится въ моряхъ и рѣкахъ еще великое множество какъ живыхъ, такъ и безжизненныхъ тварей. Но и изъ помянутыхъ двухъ родовъ я описалъ вамъ только немногихъ животныхъ; ибо полное описаніе всего воднаго царства было бы слишкомъ пространно. По сей же причинѣ не упоминалъ я о мор-

скихъ

скихъ растеніяхъ и другихъ примѣчанія достойныхъ вещахъ, находящихся въ водѣ, о которыхъ бы можно было сказать весьма много. Однако для удовлетворенія вашему любопытству, сообщу вамъ еще краткое описаніе одного изъ достойнѣйшихъ примѣчанія морскихъ растеній.

О кораллахъ.

Растеніе, о которомъ я теперь говорить хочу, суть *кораллы*, и вы безъ сомнѣнія часто уже слыхали или читывали объ нихъ. Они суть каменистыя растенія, находящіяся на камняхъ подъ водою, имѣютъ твердыя вѣтви, и видомъ походятъ на небольшія деревца. Примѣчательнѣе всего въ нихъ то, что они ростутъ не вверьхъ, какъ другія растенія, но внизъ, то есть концами ко дну морскому. Кораллы находятся во множествѣ въ Средиземномъ морѣ; но также находятъ ихъ и въ другихъ моряхъ и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ. Прежде думали, что они подъ водою бываютъ мягки, а твердѣютъ уже внѣ воды. Однакожъ нѣкоторые опровергаютъ сіе мнѣніе, ссылаясь на опыты, и утверждаютъ, что кораллы подъ водою такъ же тверды, какъ и внѣ оной, и что только въ верьхнихъ концахъ оныхъ находится молочная жидкость, называемая *коральными цвѣтками*, или *коральнымъ сѣмянемъ*. Новѣйшіе испытатели Натуры, по наблюденіямъ своимъ, съ великою вѣроятностію полагаютъ, что сіи, такъ называемые, *коральные цвѣтки* суть не иное что, какъ иловатыя животныя, которыя мало по малу дѣлаютъ кораллы, служащія имъ жилищемъ и сходствующія съ растеніями только наружнымъ видомъ. Кораллы обыкновенно раздѣляются по цвѣту на *красные*, *бѣлые* и *черные*: хотя нѣкоторые черныхъ не причисляютъ къ коралламъ, и по тому считаютъ только два рода оныхъ, а именно красные и бѣлые. Они употребляемы въ лѣкарствахъ, особливожъ красные. Ловля коралловъ продолжается съ начала Апрѣля до конца Іюня, и иногда отправляется на оную болѣе ста легкихъ судовъ. Ловятъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Сплачиваютъ накрестъ два куска дерева, и въ срединѣ прикрѣпляютъ къ нимъ большой кусокъ свинцу, чтобы дерево опускалось на дно.

По

По томъ обвиваютъ сіи перекладьі пенькою либо льномъ, оставляя концы онаго висящіе. Сіе дерево привязываютъ длинными канатами къ носу и къ кормѣ судна, и плаваютъ съ нимъ подлѣ камней. Пенька или ленъ, попадая на коральныя вѣтви, увивается около ихъ и утаскиваетъ ихъ съ собою. Вынявъ кораллы изъ воды, счищаютъ съ нихъ илъ и внѣшнюю шероховатую кору, и по томъ продаютъ на употребленіе въ лѣкарства, или на дѣланіе разныхъ вещей, какъ-то: набалдашниковъ къ тростямъ, шпажныхъ ефесовъ, черенковъ къ ножамъ, четокъ, и пр.

Глава VI.

О насѣкомыхъ и червяхъ.

Теперь будемъ разсматривать нѣкоторые роды насѣкомыхъ, живущихъ на землѣ и въ воздухѣ. Но вы можетъ быть думаете, что въ такихъ малыхъ и пренебрегаемыхъ тваряхъ не можно найти ничего заслуживающаго примѣчаніе. Въ опровержение такого мнѣнія, не безполезно будетъ сперва показать вамъ, что Провидѣніе особенно печется о сохраненіи сихъ малыхъ тварей, и что премудрость и благость Его открывается въ образованіи и составѣ ихъ тѣлъ, и въ красотѣ и пользѣ разныхъ членовъ ихъ, равно какъ и въ самыхъ большихъ животныхъ.

Разсматривая великую многоразличность великолѣпныхъ цвѣтовъ, которыми крылья, головы и тѣла ихъ украшены, кто не усмотритъ и не прославитъ благости Творца ихъ? Тѣла ихъ составлены удивительнымъ и весьма многоразличнымъ образомъ. Нѣкоторыя состоятъ изъ кольцообразныхъ членовъ, покрытыхъ одною кожицею, подъ которою они вытягиваться и сжиматься могутъ. У другихъ находятся особенные ободки, не связанные между собою, но передвигающіеся одинъ чрезъ другой. Иныя состоятъ только изъ двухъ или трехъ главныхъ частей, связанныхъ посредствомъ сѣтки или нѣ-

нѣсколькихъ нитей. Благость Создателя пеклась толико же о безопасности ихъ, какъ объ украшенiи, и снабдила ихъ оружiемъ для отвращенiя нападенiй и для защищенiя себя. Большая часть сихъ животныхъ снабдена зубами, пилами, жалами, или когтями, и все тѣло ихъ покрыто бываетъ чешуйчатымъ черепомъ. Другiя по большей части избавляются отъ опасности скорымъ бѣгомъ. Нѣкоторымъ служатъ къ тому крылья; другiя скоро удаляются отъ своего непрiятеля, спускаясь внизъ съ древесныхъ листковъ, гдѣ они живутъ, посредствомъ нити, за которую они держатся; иныя прыгаютъ столь далеко и быстро, что непрiятель ловить ихъ не можетъ. Коликаго удивленiя достойна безконечная премудрость, являющаяся въ устроенiи разныхъ членовъ ихъ и орудiй, служащихъ имъ къ сохраненiю себя и для удобства въ разныхъ дѣлахъ ихъ и образѣ жизни! Прядущiя несѣкомыя имѣютъ особенныя орудiя и члены для дѣланiя пряжи своей; ткущiя сѣтки и покрывала также снабдены потребными къ тому членами и матерiалами. Нѣкоторыя строятъ себѣ жилища въ деревѣ, и для того имѣютъ орудiя, которыми могутъ протачивать оное; другiя дѣлаютъ воскъ, и снабдены для того грабельками, ложками и лопатками. Нѣкоторыя имѣютъ у головы хоботокъ, пилу, или зубокъ, или на другомъ концѣ тѣла буравъ, который могутъ протягивать и оборачивать, какъ имъ надобно, и провертываютъ онымъ для дѣтей своихъ удобныя жилища въ плодахъ, листкахъ, или подъ древесною корою, иногдажъ и въ самомъ твердомъ деревѣ. Другiя, имѣющiя нѣжныя глаза, для обереженiя оныхъ снабдены рожками, которыми особливо ночью ощупываютъ свою дорогу, и посредствомъ живаго и нѣжнаго осязанiя узнаютъ, что можетъ имъ вредить, или гдѣ опасность имъ настоитъ. Короче сказать, малость тварей сихъ не только не дѣлаетъ ихъ презрительными, но еще паче надлежитъ удивляться въ оной искусному устроенiю ихъ состава. Великой Боиль говаривалъ касательно сего обстоятельства, что онъ не столько удивляется большимъ башеннымъ часамъ Натуры, какъ маленькимъ ея карманнымъ часамъ. А Г.

Бакеръ, въ преизрядной книгѣ своей объ увеличительныхъ стеклахъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Естьли будемъ разсматривать составъ сырнаго червя и составъ слона, то почти одинакая мысль въ насъ родится. Величина и сила сего приведетъ насъ въ удивленіе и ужасъ; но такъ же удивимся, разсматривая со вниманіемъ различныя мѣлкія части онаго. Ибо сырный червь имѣетъ болѣе членовъ, нежели слонъ; и каждый изъ сихъ членовъ имѣетъ свои кровяныя и пульсовыя жилы, нервы, мускулы и кости. Сей червь имѣетъ глаза, ротъ и хоботъ, которымъ достаетъ свою пищу (такъ же какъ слонъ); онъ имѣетъ желудокъ для сваренія пищи, и кишки, чрезъ которыя отводится то, что питать его не можетъ. Онъ имѣетъ сердце, управляющее обращеніемъ крови; мозгъ, снабдѣвающій всѣ нервы нервнымъ сокомъ, и дѣтородные члены, толикожъ совершенные, какъ и у самыхъ большихъ животныхъ. — Остановимся при семъ, и сколько способности наши позволятъ, разсмотримъ мѣлкость всѣхъ сихъ членовъ; и естьли она въ семъ червѣ удивленія достойна и превышаетъ понятіе наше: чтожъ скажемъ о множествѣ такихъ животныхъ, въ сравненіи съ которыми и сырный червь по величинѣ своей есть какъ бы слонъ?„

Ученики. Послѣ того, что вы намъ сказали о несѣкомыхъ, мы не имѣемъ уже такого низкаго мнѣнія объ нихъ, какое прежде имѣли, и теперь любопытны узнать ихъ лучше. Особливожъ желалибы мы знать, отъ чего они происходятъ, и правда ли то, что они родятся отъ гніенія.

Учитель. Никакое животное, ниже самый малѣйшій червячекъ, не можетъ родиться отъ гніенія. Ибо гніеніе есть не иное что, какъ разрѣшеніе частей, изъ которыхъ какое либо тѣло состоитъ. Напр. кусокъ мяса гніетъ, когда воздухъ съ теплотою, проходя въ него со всѣхъ сторонъ, уноситъ тонкія и лѣтучія частицы, а грубѣйшія и земляныя оставляетъ, и производимымъ въ нихъ движеніемъ отдѣляетъ одну отъ другой; отъ чего наконецъ гнилое тѣло превращается въ пыль и прахъ. И такъ возможно ли произойти отъ гніенія

живымъ тварямъ, имѣющимъ искусно устроенный составъ тѣла и удивленія достойный образъ? Хотя въ гниломъ масѣ и другихъ согнившихъ вещахъ находятъ червей разныхъ родовъ: что и подало поводъ къ сему ложному мнѣнію; однако сіи черви происходятъ не отъ гніенія и не изъ мяса, но вырождаются изъ яицъ, положенныхъ въ сіе мясо нѣкоторыми несѣкомыми. Въ истинѣ сего весьма легко можно увѣриться опытомъ. Естьли повѣсишь кусокъ свѣжаго мяса на вольномъ воздухѣ, а другой положишь въ новой сосудъ, и закроешь такъ, чтобъ маленькія мушки не могли туда залѣтѣть: то чрезъ нѣсколько времени хотя оба куска испортятся и загніютъ, но червей найдешь только въ первомъ, а въ другомъ ихъ не будетъ. Нѣкоторыя несѣкомыя обыкновенно кладутъ свои яица въ гнилое мясо и въ иныя такія вещи; и сіе дѣлаютъ для того, чтобъ молодые червячки, которые выродятся изъ яицъ, находили себѣ хорошую пищу, какъ скоро родятся. Вообще примѣчено въ сихъ маленькихъ тваряхъ, что онѣ кладутъ яица свои въ такія только мѣста, гдѣ есть годная пища для ихъ дѣтей. И такъ естьлибъ мы заключили, что сіи несѣкомыя происходятъ изъ гнилаго мяса: то сіе заключеніе было бы столь же неосновательно, какъ и то, что домъ произвелъ живущихъ въономъ людей. Слѣдовательно безъ всякаго сомнѣнія можно утверждать, что никакое несѣкомое не происходитъ иначе, какъ раждаемо будучи подобными ему животными. Но не всѣ несѣкомыя раждаютъ одинакимъ образомъ. Нѣкоторыя родятъ дѣтей живыхъ: то есть, молодыя несѣкомыя при самомъ рожденіи разрываютъ обвертку, въ которой они находились, и непосредственно появляются въ совершенномъ ихъ видѣ, или въ такомъ же, какой раждающіе ихъ имѣютъ. Напротивъ того другія носятъ яица, изъ которыхъ новыя животныя вырождаются чрезъ нѣсколько уже времени мало по малу помощію теплоты.

Ученики. Теперь мы еще болѣе усматриваемъ, что мы имѣли весьма ложное понятіе о несѣкомыхъ, и благодаримъ васъ за то, что вы стараетесь вывести насъ изъ заблужденія. Просимъ еще сказать намъ, правда ли

то, что червячки превращаются въ бабочекъ? или это такъ же ложно, какъ и то, что нѣкоторыя животныя отъ гніенія происходятъ?

Учитель. Нѣтъ, это совершенно справедливо; и какъ я вижу, что вы желаете имѣть болѣе свѣдѣнія о несѣкомыхъ, то разскажу вамъ о превращеніи сихъ животныхъ.

Нѣкоторыя несѣкомыя остаются во всю жизнь свою въ томъ видѣ, въ какомъ родятся. Напр. пауки не подвержены никакому пр вращенію, кромѣ того, что ростутъ и перемѣняютъ иногда кожу. Но въ прочихъ родахъ несѣкомыхъ по большей части бываютъ слѣдующія весьма достойныя примѣчанія перемѣны. Сіи несѣкомыя, выползши изъ яицъ, бываютъ сперва червячками. Они либо получаютъ пищу отъ старыхъ несѣкомыхъ, которыми рождены, либо выраждаются въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находится уже годная для нихъ пища. Питавшись нѣсколько времени, и отъ того примѣтно выросши, перестаютъ ѣсть, прядутъ или какъ нибудь иначе дѣлаютъ себѣ обвертку, и лежатъ въ ней нѣкоторое время. Въ семъ состояніи они называются *нимфами*, или *куколками*, которыя у разныхъ родовъ несѣкомыхъ бываютъ различны. Наконецъ прорываютъ они обвертку, и выходятъ изъ своея могилы совсѣмъ въ иномъ видѣ. Бывшій червячекъ становится крылатымъ животнымъ, у котораго голова украшена бываетъ перистымъ хохолкомъ, или чѣмъ либо инымъ. Въ семъ состояніи, которое есть состояніе совершенства несѣкомыхъ, они совокупляются между собою, кладутъ яица, а по томъ умираютъ.

Ученики. Удивительны превращенія несѣкомыхъ, о которыхъ вы намъ разсказали. Они подаютъ намъ поводъ къ нѣкоторымъ размышленіямъ. Можетъ быть переходъ человѣка въ будущую жизнь есть то же самое, что такія превращенія несѣкомыхъ.

Учитель. Весьма похвально въ ваши лѣта привыкать къ тому, чтобъ не только впечатлѣвать въ памяти такія знанія, но и размышлять объ нихъ. Переходъ человѣка въ будущую жизнь не есть то же самое,

что превращенія несѣкомыхъ. Ибо тѣло человѣческое, превратившееся въ пыль и прахъ, получитъ при семъ переходѣ прежній свой составъ. Напротивъ того при упомянутыхъ превращеніяхъ несѣкомыхъ, отпадаютъ только отъ сихъ животныхъ нѣкоторыя части, а другіе члены, которые прежде были не видны, развиваются, такъ что происходитъ изъ того иной видъ. Однако не можно оспорить, что находится нѣкоторое подобіе между сими произшествіями, и вы можете разсуждать объ оныхъ слѣдующимъ образомъ: Творецъ и въ самомъ нижшемъ родѣ живыхъ тварей устроилъ такъ, что они посредствомъ нѣкоторыхъ превращеній переходятъ изъ несовершеннаго состоянія въ совершеннѣйшее; а по сему не достовѣрно ли, что Онъ устроилъ то же и въ человѣкахъ, сотворенныхъ по собственному Его образу и подобію?

Сообщивъ вамъ краткое понятіе о общихъ свойствахъ и превращеніяхъ несѣкомыхъ, приступлю теперь къ описанію нѣкоторыхъ особенныхъ родовъ несѣкомыхъ и червей, изъ котораго вы усмотрите, что премудрость и всемогущество Творца являются и въ самыхъ малѣйшихъ тваряхъ.

О пчелахъ.

Пчелы столь извѣстны, что описывать ихъ не нужно. И такъ я раздѣлю на три отдѣленія все, что надлежитъ сказать о сихъ полезныхъ несѣкомыхъ, и буду говорить объ ихъ правленіи, домостроительствѣ и работѣ. Всѣ наблюдавшіе ихъ утверждаютъ, что онѣ имѣютъ какъ бы нѣкоторые законы и правленіе; и что во всякомъ ульѣ находится одна пчела отмѣнной величины, которую весь рой почитаетъ какъ бы царемъ своимъ, и повинуется ей съ великою вѣрностію. Испытатели Натуры думаютъ, что сія пчела, называемая обыкновенно *маткою*, есть самка и мать всего улья; что *трутни*, которые болѣе и цвѣтомъ темнѣе простыхъ пчелъ, и которыхъ находится въ ульѣ до 4 или до 500, суть самцы; а всѣ прочія рабочія пчелы ни самцы, ни самки. Испытатели, имѣвшіе у себя стеклянные ульи, въ состояніи были дѣлать наблюденія, весьма достойныя любопытства. Они ска-

зываютъ, что самка живетъ въ верхней части улья; что она рѣдко показывается другимъ, но иногда выходитъ важною и величавою поступью; и въ семъ случаѣ нѣсколько большихъ пчелъ провожаютъ ее, слѣдуя за нею съ почтенiемъ, или составляютъ кругъ около ея, машутъ своими крылышками, и кажется, весьма радуются тому, что ее видятъ; въ случаѣ какой нибудь опасности, стараются объ ней съ великою заботливостiю; а лишившись ее, оставляютъ всякую работу, для того, что не находятъ уже тогда никакой причины стараться о своемъ потомствѣ, и улѣтаютъ, либо томятся и умираютъ.

Что касается до ихъ домостроительства, то онѣ отправляютъ всякую работу въ ульѣ съ великимъ раченiемъ, и во всей маленькой области ихъ царствуетъ совершенное согласiе. Жилища у нихъ общiя; пища, запасъ, и всякая работа, также общiя; всѣ обще стараются о своемъ потомствѣ; всѣ принимаютъ участiе въ общей опасности, и общими силами защищаютъ другъ друга съ великою смѣлостiю и твердостiю. Онѣ не имѣютъ вредныхъ или своекорыстныхъ намѣренiй; не ищутъ выгодъ, противныхъ выгодамъ другихъ; но совершенно щастливы, занимаясь общими трудами, которыми прiобрѣтаютъ себѣ изобильный запасъ, составляющiй богатство всего роя и каждой пчелы. Пчела, будучи одна или далеко отъ своего улья, весьма терпѣливо сноситъ обиды; но когда бываетъ близь улья, гдѣ другiя пчелы могутъ подать ей помощь, не оставляетъ того безъ отмщенiя, кто попрепятствуетъ ея работѣ. Пчелы всѣ умѣренны и бережливы, хотя живутъ въ изобилiи; между собою весьма правдивы и дружны; но любятъ грабить своихъ сосѣдей, что часто подаетъ причину къ войнамъ между цѣлыми роями. Онѣ весьма опрятны, такъ что не терпятъ ничего непрiятнаго въ своихъ ульяхъ; и естьли попадетъ туда что нибудь такое, чего одна пчела вынести не можетъ, вытаскиваютъ оное соединенными силами; естьлижъ и всѣ не могутъ вытащить сея вещи, противной нѣжному ихъ обонянiю, то покрываютъ ее нѣко-

которою клейкостію, чтобъ не было отъ нея запаху. Лѣтомъ собираютъ онѣ достаточный запасъ на зиму; а по возвращеніи весны, когда молодыя пчелы сами бываютъ уже въ состояніи доставать себѣ пропитаніе, и когда число ихъ умножается, такъ что онѣ въ одномъ ульѣ помѣщаться не могутъ, старыя пчелы, управляющія въ ономъ, высылаютъ отъ себя колонію, или рой, который долженъ искать себѣ инаго жилища.

Работа пчелъ удивительнѣе всего прочаго въ ихъ исторіи. Начиная дѣлать соты, онѣ раздѣляются на четыре части. Однѣ лѣтаютъ по полямъ для собиранія матеріаловъ, состоящихъ по большей части въ самой тонкой пыли, которую онѣ собираютъ со цвѣтковъ, и смѣшивая съ нѣкоею клейкою матеріею, дѣлаютъ изъ нея воскъ. Другія обработываютъ сіи матеріалы, и дѣлаютъ изъ оныхъ какъ бы только вчернѣ шестіугольныя сотовыя гнѣзда съ самымъ точнымъ математическимъ размѣромъ. Третія пересматриваютъ и поправляютъ углы, вычищаютъ лишній воскъ изъ гнѣздъ, полируютъ и приводятъ въ совершенство сію работу. Четвертыя служатъ какъ бы подносчиками, и пособляютъ симъ работникамъ подавая имъ матеріалы. Онѣ столь прилѣжны и рачительны, что обыкновенно въ двѣ недѣли всѣ соты въ ульѣ бываютъ отдѣланы. Наблюдавшіе пчелъ собрали еще множество иныхъ замѣчаній, заслуживающихъ любопытство; но и сихъ уже довольно для возбужденія въ васъ охоты къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ впредь, естьли вы будете продолжать учиться Натуральной Исторіи.

О муравьяхъ.

Разсказавъ о уставахъ и обычаяхъ пчелъ, имѣющихъ единоначальственное правленіе, не непристойно будетъ сообщить вамъ теперь нѣкоторое свѣдѣніе о республикѣ *муравьевъ*, управляемыхъ хотя безъ царя, но по такимъ же удивленія достойнымъ и полезнымъ уставамъ. Соломонъ говоритъ: Иди ко мравію, о лѣниве, и поревнуй видѣвъ пути его, и буди онаго мудрѣйшій: онъ бо не сущу ему земледѣльцу, ниже нудящаго его имущій, ниже подъ владыкою сый, готовитъ въ жатву пищу, и многое въ лѣто тво-

ритъ уготованіе. — Внутренность муравьиной кучи подобна городу, раздѣленному вдоль на разныя улицы, изъ которыхъ каждая оканчивается магазиномъ. Нѣкоторые муравьи копаютъ землю, и подмазываютъ нѣкоею клейкою матеріею, чтобъ она не обваливалась; другіе приносятъ всякія мѣлкія щепочки, втаскиваютъ оныя по верьху улицъ своихъ, и употребляютъ вмѣсто подпоръ для поддержанія кровли; на сіи подпоры поперегъ кладутъ другой рядъ щепочекъ, покрываютъ его мякиною, травою и соломою, и дѣлаютъ двойную скатистую кровлю, для отведенія воды отъ своихъ магазиновъ, изъ которыхъ въ однихъ муравьи хранятъ свой запасъ, а въ другихъ кладутъ свои яица. Изъ сихъ яицъ происходятъ сперва червячки, которые чрезъ нѣсколько времени прядутъ себѣ гнѣзда, и становятся куколками, а по томъ уже муравьями. Старые муравьи любятъ дѣтей своихъ, находящихся въ состояніи куколки, такъ, что примѣтивъ какую нибудь опасность немедленно уносятъ ихъ съ собою, и скорѣе умрутъ, нежели ихъ оставятъ. Чтобы хлѣбныя зерна, которыми они лѣтомъ запасаются, не прорастали, откусываютъ они ростокъ прежде нежели поднимутъ зерно; а чтобъ запасъ ихъ не гнилъ отъ сырости въ землѣ, для сего прикрываютъ его сухою землею или пескомъ, и въ ясные дни часто выносятъ сушить. Лѣтомъ ѣдятъ они все, что только ѣсть можно. Въ сіе время можно видѣть ихъ, инаго несущаго какое нибудь зерно, другаго волокущаго мертвую муху, иногдажъ нѣсколько вмѣстѣ трудящихся надъ чѣмъ нибудь большимъ; ибо они съѣдаютъ то на мѣстѣ, чего унести не могутъ, а что могутъ поднять, утаскиваютъ съ собою. Однакожъ никогда не выходятъ они всѣ изъ кучи своей наудачу; но сперва посылаютъ шпіоновъ для развѣдыванія; и когда сіи возвратятся съ извѣстіемъ, нашедши гдѣ нибудь спѣлую грушу, сахарное печенье, или хлѣбныя зерна, тогда уже всѣ отправляются за добычею, оставляя только нѣкоторыхъ для обереженія жилищъ ихъ и для хожденія за дѣтьми. Въ семъ походѣ, также и возвращаясь, идутъ всѣ вмѣстѣ и въ нѣкоторомъ порядкѣ;

однако наблюдаютъ сей порядокъ не весьма строго, но иногда отстаютъ другъ отъ друга, естьли на дорогѣ попадается новая добыча.

О муравьиномъ львѣ.

Говоривъ о муравьяхъ, кстати сообщу вамъ краткое описаніе насѣкомаго, называемаго *муравьинымъ львомъ* (Formica Leo). Онъ величиною съ мокрицу. Тѣло его продолговато-круглое, съ острымъ концемъ. Цвѣтомъ по большей части бываетъ темносѣрый съ черными пятнышками. На головѣ у него, которая плоска и по мѣрѣ тѣла довольно широка, находятся два гладкіе кривые рожка, а подлѣ оныхъ два маленькіе глаза, которыми онъ видитъ весьма остро. Онъ имѣетъ шесть ногъ, изъ которыхъ двѣ находятся у шеи, а четыре у груди. Ползаетъ по большей части задомъ впередъ. Способъ, какимъ достаетъ онъ себѣ добычу, заслуживаетъ быть описанъ. Онъ дѣлаетъ сперва въ сухомъ пескѣ ямку конической фигуры, то есть сверьху шире, а ко дну уже. Окончавъ сію работу, самъ прячется на днѣ въ песокъ. Естьли муравей, комаръ, или какое нибудь иное насѣкомое, приближится ко краю сея ямки, то нѣсколько песчинокъ двигнутыхъ онымъ, скатывается внизъ; по чему муравьиный левъ узнаетъ, что есть для него добыча. Примѣтивъ то, онъ подается нѣсколько назадъ, и движеніемъ своимъ потрясаетъ всю ямку такъ, что маленькое насѣкомое должно бываетъ съ пескомъ свалиться на дно. Естьли сіе пойманное животное старается уйти, то онъ бросаетъ вверьхъ столько песку, что оно необходимо должно бываетъ обратно свалиться. Овладѣвъ имъ, муравьиный левъ высасываетъ изъ него сокъ, поднимаетъ мертвое тѣло своими рожками, и отбрасываетъ на нѣсколько дюймовъ отъ ямки, которую послѣ того поправляетъ, такъ чтобъ можно было поймать другую добычу. Но иногда надлежитъ ему дожидаться добычи весьма долго; и для того Провидѣніе одарило его такимъ свойствомъ, что онъ можетъ жить цѣлой мѣсяцъ безъ пищи. Чрезъ нѣсколько времени покрывается онъ клейкою пряжею, выпускаемою изъ себя, и катается по песку. Песокъ прилипаетъ ко клейкой матеріи, и составляетъ для не-

го какъ бы каменный гробъ. Въ сей оберткѣ бываетъ онъ нѣсколько недѣль, иногдажъ мѣсяца два, и долѣе; по томъ складываетъ съ себя кожу, лишается ногъ и рожекъ, прогрызаетъ обертку, и выходитъ оттуда въ видѣ крылатаго насѣкомаго.

О свѣтящихся червячкахъ.

Свѣтящіеся червячки, или *свѣтляки*, (Lampyris, Cicindela) достойны примѣчанія по сему свойству, отъ котораго названіе имѣютъ. Они суть небольшіе жучки, имѣющіе спинку темносѣрую, а нижнюю часть тѣла свѣтлозеленую, или голубоватую. На нижней части тѣла находится у нихъ маленькой пузырекъ съ нѣкоторымъ сокомъ. Когда они надуваютъ сей пузырекъ, то начинаютъ свѣтиться; а какъ скоро сжимаютъ его, то свѣтлость сія прекращается. У мертваго червячка на томъ мѣстѣ, которымъ онъ свѣтился, не видно ничего, кромѣ маленькаго бѣлаго пятна, не имѣющаго ни малаго блеску. Самки бываютъ безъ крылья, величиною болѣе самцовъ, и свѣтятся также гораздо болѣе. Нѣкоторые ученые думали, что изъ сихъ жучковъ можно дѣлать фосфоръ, или матерію свѣтящуюся ночью; однакожъ опытъ показалъ, что они во мнѣніи своемъ ошибались. — Кромѣ сихъ описанныхъ теперь животныхъ, находятся еще иныя насѣкомыя, имѣющія такоежъ свойство, а особливо въ Индіи. Между оными достойнѣйшія примѣчанія суть называемыя *свѣтоносами*. Сіи насѣкомыя, величиною бывающія съ самую большую здѣшнюю бабочку, имѣютъ у головы пузырь, который называется фонарикомъ, и въ темномъ мѣстѣ свѣтится такъ ясно, что можно при немъ читать и писать. Сказываютъ, что Индійцы прежде употребляли сихъ насѣкомыхъ вмѣсто свѣчь, какъ въ домахъ своихъ, такъ и въ путешествіяхъ, пряли при нихъ и дѣлали всякую другую работу по ночамъ.

О поденкѣ.

Поденка (Ephemerum) есть небольшое крылатое насѣкомое, названное такъ по тому, что живетъ не долѣе одного дня. Оно имѣетъ четыре крыла, два небольшіе рожка, шесть ногъ, и двѣ длинныя щетины у хвоста. Изъ яйца выходитъ оно ше-

стиногимъ червячкомъ; живетъ по томъ въ рѣчномъ илѣ; ростетъ весьма медленно, и длиною не бываетъ болѣе двухъ дюймовъ. Проживъ три года въ семъ состоянiи, оно превращается изъ плавающаго животнаго въ лѣтучее вышеописаннаго вида. Но жизнь сего лѣтучаго несѣкомаго продолжается не болѣе пяти часовъ, и по большей части отъ 6 до 11 часовъ вечера. Въ сiе время оно ничего не ѣстъ, но занимается только расплоржденiемъ своего рода. Краткость жизни его подаетъ поводъ къ разнымъ нравоучительнымъ мыслямъ. Она кажется намъ весьма краткою только по тому, что мы сравниваемъ ее съ человѣческою жизнiю. Но и самая должайшая жизнь человѣческая не гораздо ли еще короче въ сравненiи съ вѣчностiю? И такъ не смѣшно ли, гордиться долгою жизнiю и хвалиться сверщенными въ ней дѣлами, которыя въ сравненiи съ дѣлами существа совершеннѣйшаго можетъ быть за ничто почитать должно? Въ Англiйскомъ перiодическомъ изданiи, называемомъ *Художникъ*, находится слѣдующее остроумное изображенiе суетности и гордости человѣческой, происходящей отъ ложнаго мнѣнiя о долготѣ жизни. Надлежитъ только замѣтить при томъ, что сочинитель онаго представляетъ сiе несѣкомое живущимъ съ начала дня до начала ночи; но въ самомъ дѣлѣ оно столько не живетъ, какъ то изъ предыдущаго явно. Помянутый сочинитель, сообщивъ читателямъ краткое описанiе жизни сего несѣкомаго, говоритъ: „Представимъ одного изъ сихъ Ипанцевъ (*) мнящаго о себѣ, что онъ толь же старъ, какъ и самое время. Положимъ, что онъ началъ существовать при наступленiи дня, и по необычайной крѣпости сложенiя своего могъ носить бремя многотрудной жизни безчисленное множество секундъ въ продолженiе 10 или 12 часовъ. Въ толикое множество мгновенiй прiобрѣлъ онъ опытомъ и размышленiемъ великое познанiе обо всемъ, что онъ видѣлъ. Согра-

(*) Такъ называетъ онъ поденокъ, по рѣкѣ Ипанисъ въ Скиөiи, гдѣ находились онѣ въ великомъ множествѣ.

гражданъ своихъ, умершихъ около полудня, почитаетъ онъ щастливцами, избавившимися отъ великаго множества непріятностей, которымъ глубокая старость подвержена. Онъ можетъ разсказывать внукамъ своимъ удивительныя произшествія, не упоминаемыя въ лѣтописяхъ ихъ народа. Толпа юношей, состоящая изъ существъ, жившихъ уже цѣлый часъ, приближается съ почтеніемъ къ сему старцу, и слушаетъ поучительныя рѣчи его съ удивленіемъ. Все, что онъ имъ разсказываетъ, кажется имъ чудесно. Одинъ день почитаютъ они продолженіемъ всего времени; а наступленіе дня называютъ въ Хронологіи своей великою эпохою творенія. Представимъ себѣ, что сіе почтенное несѣкомое, сей Ипанской Несторъ, незадолго предъ смертію своею и предъ захожденіемъ солнца, созываетъ всѣхъ своихъ потомковъ, друзей и знакомыхъ, чтобъ умирая открыть имъ послѣднія свои мысли и дать послѣднее наставленіе. Они спѣшатъ къ нему, и собираются отвсюду. Умирающій мудрецъ говоритъ слѣдующее:

Любезные друзья и соотчичи!

Вижу я, что и самая должайшая жизнь имѣетъ предѣлъ. Конецъ моея жизни приближается; но я не ропщу на судьбу: ибо старость тяготила меня, и не было уже для меня ничего новаго подъ солнцемъ. Великія перемѣны и нещастія, разорявшія мое отечество, многія особенныя приключенія, которымъ всѣ мы подвержены, недостатки свойственныя нашему роду, непріятности, постигавшія меня въ собственномъ моемъ семействѣ, все, что видѣлъ я во время толь долгой жизни, все сіе твердо увѣрило меня въ той важной истинѣ, что не возможно найти надежнаго и постояннаго блаженства въ вещахъ состоящихъ не въ нашей власти. Многимъ опасностямъ жизнь наша подвержена. Цѣлое поколѣніе нашего рода погибло отъ суровости воздуха. Множество неосторожныхъ юношей нашихъ заносимо было въ воду нечаяннымъ порывомъ холоднаго вѣтра. Какое страшное наводненіе видалъ я происходящее отъ неожидаемаго проливнаго дождя! Самыя плотнѣйшія кро-

вли

вли наши не могутъ защитить насъ отъ граду. Мрачная туча, показываясь на небѣ, наноситъ трепетъ самому неустрашимому сердцу. Я жилъ еще въ первыя времена, и знавалъ несѣкомыхъ, которыя величиною, крѣпостію сложенія, и даже основательностію знанія, превосходили всѣхъ несѣкомыхъ нынѣшняго вѣка. Увѣряю васъ, и прошу не сомнѣваться въ истинѣ сихъ послѣднихъ словъ моихъ, что я видалъ нѣкогда посреди неба сіе самое солнце, которое теперь видите вы по ту сторону воды и не въ дальнемъ уже разстояніи отъ земли. Оно испускало тогда лучи свои на насъ прямо. Въ тѣ прошедшія времена земля была освѣщена гораздо болѣе; воздухъ былъ теплѣе; предки ваши жили умѣреннѣе и добродѣтельнѣе. Хотя чувства мои ослабѣли, но память моя еще не ослабѣла; и по тому я могу увѣрить васъ, что сіе великолѣпное свѣтило имѣетъ движеніе. Я видѣлъ, какъ оно восходило съ вершины оной горы; и моя жизнь началась въ то же самое время, какъ оно начало неизмѣримое свое теченіе. Долго текло оно съ великимъ жаромъ, о какомъ вы и понятія имѣть не можете, и съ такимъ сіяніемъ, которое для васъ безъ сомнѣнія было бы несносно. Нынѣ склонилось оно внизъ, и сила его примѣтно уменьшилась; изъ чего я предвижу, что вся Натура къ концу приближается, и минутъ чрезъ 100, или менѣе, весь міръ во тму погрузится. Ахъ! друзья мои, какъ тщетно льстился я надеждою, что въ семъ мірѣ вѣчно жить буду! Какъ безопасно полагался я на свои силы, на крѣпость крылья моего! Но я жилъ довольно для Натуры и чести. Я наслаждался удовольствіемъ, какимъ послѣ меня, въ сіе уже наступающее время тмы, никто наслаждаться не будетъ.,,

О шелковомъ червѣ.

Шелковый червь происходитъ изъ маленькаго яйца, которое не много болѣе горчичнаго зерна. Цвѣтомъ онъ блѣдносѣрый. Питается шелковичными, а по недостатку оныхъ и салатными листками. Будучи въ состояніи червя, онъ подверженъ бываетъ четыремъ болѣзнямъ, изъ которыхъ каждая продолжается по три дни. Въ сіе время онъ ничего не

ѣстъ;

ѣстѣ; но становится толще, короче и чище, и при каждой болѣзни перемѣняетъ кожу. Вскорѣ по томъ начинаетъ онъ прясть себѣ шелковый мѣшечикъ, или домикъ, величиною съ голубиное яйцо, и обвертывается въ оный. Въ семъ состояніи лежитъ онъ дней пятнатцать или двантцать, безъ пищи, безъ движенія и безъ всякихъ знаковъ жизни; но по томъ прогрызаетъ шелковый свой гробикъ съ одного конца, и выходитъ изъ него въ видѣ бабочки. Въ послѣднемъ семъ состояніи онъ кладетъ яица, и умираетъ. Яица его сберегаемы бываютъ мѣсяцовъ около десяти до начала Мая; тогда же шелковые черви вырождаются изъ нихъ сами собою. Содержатели шелковыхъ заводовъ не допускаютъ червей прогрызать свои обвертки, ибо сіе вредно для шелку; но незадолго предъ тѣмъ, какъ надлежитъ имъ выходить изъ состоянія куколки, свиваютъ съ нихъ шелкъ; либо замариваютъ жаромъ червей заключенныхъ въ обверткахъ, дабы можно было свить оный послѣ при удобномъ случаѣ. Обыкновенно свиваютъ съ одного такого домика, или кокона, около 900 локтей шелку, иногдажъ и болѣе; но волокна его такъ тонки, что вѣсомъ сіе количество бываетъ не болѣе $2\frac{1}{2}$ грановъ.

О паукахъ. Хотя мы по большей части имѣемъ отвращеніе отъ пауковъ, однако искусное устроеніе тѣла ихъ по справедливости заслуживаетъ, чтобъ мы употребили нѣсколько минутъ на разсматриваніе сихъ несѣкомыхъ. Находятся многіе роды пауковъ; но я не буду говорить о каждомъ изъ оныхъ особливо, а разкажу только о томъ, въ чемъ сіи разные роды между собою сходствуютъ. Всякой паукъ имѣетъ только двѣ главныя части, отдѣленныя одна отъ другой весьма тонкою сѣтью. Передняя часть, состоящая изъ головы и груди, покрыта жесткою, а задняя мяхкою кожицею, обросшею волосами. Пауки имѣютъ по большей части по осьми глазъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ головы, такъ что могутъ видѣть во всѣ стороны; однако у нѣкоторыхъ находится только по шести глазъ. Впереди у головы имѣютъ они двѣ ножки, или два рожка, съ когтями, похожими

на пилу, которые служатъ имъ вмѣсто рукъ; а между оными находятся двѣ щетинки съ отверстіями, изъ которыхъ вытекаетъ матерія, называемая пауковымъ ядомъ. Кромѣ того, они имѣютъ еще 8 ногъ, поболѣе, похожихъ на рачьи, съ составами и по концамъ съ тремя кривыми кохтями, которыми держатся они за свою пряжу и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ползаютъ; а для удобнаго ползанія по гладкой поверьхности, они снабдены еще круглыми ступенями, находящимися внизу у костей, и употребляютъ оныя когда имъ надобно ступать тише и вжимать кохти. Въ концѣ брюха имѣютъ они нѣсколько шишечекъ, которыя могутъ растворять и закрывать когда имъ надобно, и выпускаютъ изъ оныхъ клейкой сокъ, которымъ все тѣло ихъ наполнено. Когда паукъ открываетъ шишечку, то сей сокъ вытекаетъ, сгущается на воздухѣ, и составляетъ нитку, становящуюся длиннѣе, чѣмъ далѣе паукъ идетъ; когдажъ онъ, спустившись по такой ниткѣ внизъ, захочетъ обратно вверьхъ поднятсья, то зажимаетъ шишечку, и взлѣзаетъ хватаясь за нитку кохтями. Изъ множества сихъ нитей пауки составляютъ сѣти свои, служащія имъ къ тому, чтобъ ловить мухъ, комаровъ и другихъ мѣлкихъ несѣкомыхъ, изъ которыхъ они обыкновенно высасываютъ сокъ и кровь. Для сего паукъ дѣлаетъ сѣть свою такъ, что нити ея со всѣхъ концовъ сходятся къ срединѣ, гдѣ самъ онъ прячется; и естьли муха или комаръ, попавшись въ сѣть, потрясетъ нить, то онъ, почувствовавъ сіе движеніе въ своей засадѣ, выходитъ оттуда, схватить свою добычу. Пауки раждаютъ яицами, и хранятъ яица свои весьма рачительно въ выпряденныхъ для того мѣшечкахъ. Впрочемъ они не подвержены никакимъ перемѣнамъ, кромѣ того, что въ нѣкоторое время мѣняютъ кожу. Многіе люди боятся сихъ несѣкомыхъ по неосновательному мнѣнію, будто они имѣютъ въ себѣ ядъ. Здѣшніе пауки не ядовиты; но между иностранными находятся нѣкоторые, производящіе уязвленіемъ своимъ вредъ. Достойнѣйшій примѣчанія изъ оныхъ есть *тарантулъ*, о которомъ сообщу вамъ теперь краткое свѣдѣніе.

Госпо-

О тарантулѣ.

Господинъ Чамберсъ помѣстилъ въ Энциклопедіи своей полное и достаточное описаніе *тарантула*, такъ что мнѣ надлежитъ только списать оное. Тарантулы, говоритъ онъ, суть родъ пауковъ, и названы такъ по имени города Тарента въ Апуліи, гдѣ они по большей части находятся. Величиною бываютъ съ дубовый желудь; имѣютъ 8 ногъ и столько же глазъ; цвѣтомъ не одинаковы; покрыты волосами. Изъ рта у нихъ выставляются два рожка, или хоботка, нѣсколько искривленные и съ весьма острыми концами, чрезъ которые они выпускаютъ ядъ изъ себя. Сіи рожки, по примѣчанію Г. Жеофруа, бываютъ въ непрестанномъ движеніи, особливожъ когда несѣкомое ищетъ себѣ пищи: по чему онъ думаетъ, что они служатъ вмѣсто ноздрей. Тарантулы находятся еще въ разныхъ иныхъ мѣстахъ въ Италіи, также на островѣ Корсикѣ; но Апульскіе одни только опасны; и даже сіи, какъ сказываютъ, въ другомъ мѣстѣ становятся невредными. Говорятъ, что и въ самой Апуліи надлежитъ опасаться только тѣхъ, которые находятся въ долинахъ; ибо воздухъ тамъ жарчѣе, нежели на горахъ. Г. Жеофруа сказываетъ, какъ слышанное имъ отъ другихъ, что тарантулы ядовиты въ то время, когда совокупляются; а Бальиви утверждаетъ, что они бываютъ ядовиты только въ жаркое время лѣтомъ, особливожъ во время каникуловъ, когда они бѣсятся и бросаются на прохожихъ. *Уязвленіе* ихъ причиняетъ боль, которая сперва подобна боли, производимой ужаленіемъ пчелы, или укушеніемъ муравья. Чрезъ нѣсколько часовъ по томъ уязвленный чувствуетъ во всѣхъ членахъ ослабѣніе, и около раны показывается небольшой синій и желтый кружекъ, который послѣ превращается въ нарывъ, производящій жестокую боль. Послѣ сего больной чувствуетъ тоску, дыханіе становится тяжело, пульсъ слабѣетъ, чувства нѣмѣютъ: а наконецъ онъ совсѣмъ лишается чувствованія и движенія, и умираетъ, естьли не подадутъ ему помощи. Но сіи припадки бываютъ не всегда одинаковы; многое въ нихъ зависитъ отъ свойства тарантула и состоянія больнаго. Кромѣ

оныхъ,

оныхъ, болѣзнь сія имѣетъ еще такое дѣйствіе, что уязвленные получаютъ отвращеніе отъ чернаго и синяго цвѣту, а любятъ бѣлой, красный и зеленый. Помощь въ сихъ случаяхъ, изобрѣтенная Медиками, состоитъ въ перевязываніи раны, и въ лѣкарствахъ укрѣпляющихъ сердце и гонящихъ потъ. Но сей способъ лѣченія приноситъ мало пользы, и гораздо дѣйствительнѣе онаго бываетъ музыка. Какъ скоро больной лишится чувствованія и движенія, музыкантъ играетъ на какомъ нибудь инструментѣ, и естьли удастся ему заиграть что либо такое, въ чемъ тоны и мелодія согласны съ состояніемъ больнаго, то начинается въ больномъ нѣкоторое слабое движеніе. Сперва начинаютъ пальцы его двигаться по такту, потомъ руки, ноги, а мало по малу и все тѣло. Наконецъ онъ встаетъ, и начинаетъ плясать; при чемъ силы его и бодрость часъ отъ часу увеличиваются. Иногда уязвленный пляшетъ часовъ шесть не переставая. Послѣ того кладутъ его на постелю; но когда онъ отдохнетъ, заставляютъ его тою же музыкою плясать въ другой разъ. Сіе продолжается нѣсколько дней, но не болѣе шести или седьми. Потомъ больной приходитъ въ великую слабость, и бываетъ уже не въ состояніи плясать: что служитъ знакомъ выздоровленія; ибо когда ядъ въ немъ еще дѣйствуетъ, въ то время можно бы заставить его плясать непрестанно, пока бы онъ совсѣмъ лишившись силъ, умеръ. Почувствовавъ усталость, больной какъ бы пробуждается отъ глубокаго сна, и не помнитъ ничего приключившаго съ нимъ, ниже пляски своей. Иногда выздоравливаетъ онъ совершенно, оправившись послѣ перваго припадка. Но иногда остается въ немъ меланхолія и унылость; онъ убѣгаетъ людей, ищетъ воды, и естьли за нимъ не смотрятъ, бросается въ рѣку. Естьли онъ остается живъ, то припадокъ возвращается всякой годъ въ одно время; и въ такомъ случаѣ заставляютъ его плясать, такъ же какъ и прежде. Нѣкоторые бывали одержимы сею болѣзнію лѣтъ по 20 и по 30 сряду. Для лѣченія употребляются мелодіи имѣющія нѣчто отмѣнное, но вообще скорыя и веселыя.

Сіе извѣстіе предложено Господиномъ Жеофруа Королевской Академіи Наукъ, по возвращеніи его изъ Италіи въ 1702 году, и подтверждено письмами другаго путешественника. Бальиви, въ особливомъ трактатѣ о тарантулѣ, изданномъ въ 1696 году, сообщаетъ такіяжъ повѣсти. Но Сваммердамъ и нѣкоторые новѣйшие испытатели Натуры и Медики, по достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, утверждаютъ, что всѣ повѣсти о семъ способѣ лѣченія посредствомъ музыки суть басни, вымышленныя бродягами и обманщиками.

О жемчужныхъ раковинахъ.

Предпріявъ держаться краткости въ семъ Отдѣленіи, что для вашего возраста нужно, не могу предложить здѣсь описанія раковинъ; ибо оныхъ такъ много, что и самое краткое описаніе главныхъ родовъ составило бы немалую книгу. Однакожъ сообщу вамъ свѣдѣніе о тѣхъ раковинахъ, изъ которыхъ достаютъ жемчугъ. Сіи раковины называются *перламутомъ*, и изъ нихъ дѣлаются, какъ то извѣстно, разныя вещи. Подлинныя жемчужныя раковины мѣрою бываютъ болѣе 4 дюймовъ въ поперешникѣ. Онѣ слоисты и довольно толсты; цвѣтомъ темнозеленыя съ свѣтлою зеленью по мѣстамъ; внутри блестятъ, какъ опалъ, разными цвѣтами, сливающимися ко краю въ зеленый или красный цвѣтъ. *Жемчугъ* есть не иное что, какъ маленькіе камешки, происходящіе въ тѣлѣ червя живущаго въ раковинѣ, такъ же какъ и другіе камни въ тѣлахъ разныхъ животныхъ, либо составляющіеся въ раковинѣ изъ вязкой жидкости, выпускаемой изъ себя симъ животнымъ. Нѣкоторые почитаютъ жемчугъ яицами сихъ животныхъ, и по тому думаютъ, что онъ находится только у самокъ; но сіе мнѣніе неосновательно. Кромѣ помянутыхъ раковинъ, находятся еще разные роды устрицъ и морскихъ раковинъ, въ которыхъ также бываетъ иногда жемчугъ. Славный Линней изобрѣлъ искусственный способъ производить болѣе жемчугу въ раковинахъ.

О садовыхъ улиткахъ.

Улитки суть черви столь извѣстные, что описаніе оныхъ можетъ показаться излишнимъ. Но какъ не можно видѣть всѣхъ ихъ

свойствъ

свойствѣ при одномъ только бѣгломъ обозрѣніи простыми глазами: то я надѣюсь, что вамъ не непріятно будетъ услышать о садовыхъ улиткахъ нѣчто такое, чего прежде вы можетъ быть еще не знали. Величина ихъ и наружный видъ вамъ извѣстны. Касательно рожденія ихъ надлежитъ замѣтить, что онѣ выходятъ изъ яицъ въ совершенномъ своемъ видѣ и съ домиками своими, и послѣ не подвержены никакимъ перемѣнамъ, кромѣ того, что ростутъ. По мѣрѣ росту животнаго, домикъ его также увеличивается у отверстія; ибо тѣло улитки въ другомъ мѣстѣ нигдѣ растягиваться не можетъ. Матеріею для сего приращенія служитъ пѣна, или сокъ, который выходитъ изъ улиткина тѣла чрезъ поры, сгущается, и становится твердымъ тѣломъ. Рога улиткины въ самомъ дѣлѣ суть мясистыя части; и сказываютъ, что въ двухъ верхнихъ рогахъ по концамъ находятся глаза ея; однако сіе еще сомнительно. Всего примѣчательнѣе въ сихъ животныхъ то, что они гермафродиты, или что каждая улитка и самецъ и самка вмѣстѣ. При наступленіи холодной погоды улитки заползаютъ въ какую нибудь ущелину, и выпускаютъ изъ себя клейкую матерію, которая сгущаясь у отверстія ихъ домика, запираетъ оное. Въ семъ состояніи остаются онѣ до возвращенія весны; а по томъ отворяютъ домикъ свой, и выходятъ искать себѣ пищи.

Много еще удивительнаго находится въ сихъ малыхъ тваряхъ, что можетъ подавать вамъ поводъ къ размышленію и приносить удовольствіе, естьли вы будете имѣть охоту къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но я теперь сообщу вамъ только краткое описаніе достойныхъ примѣчанія водяныхъ животныхъ, не весьма еще давно открытыхъ, и называемыхъ *полипами*.

О полипахъ.

Занятое изъ Греческаго языка названіе *полипъ*, которое значитъ *многоножникъ*, прежде прилагаемо было только описаннымъ выше сего Чернильницамъ, по тому, что различныя рукамъ подобныя части сихъ животныхъ почитаемы были ногами ихъ. Но нынѣ полипами называютъ совсѣмъ инаго рода животныхъ, не имѣющихъ съ Чернильницами никакого

 сход-

сходства, кромѣ множества подобныхъ рукамъ частей. Сіи небольшія, но весьма достойныя примѣчанія животныя, извѣстныя съ 1744 года, находятся по мѣстамъ въ прѣсной водѣ на морской чечевицѣ и на другихъ водяныхъ растеніяхъ. Они имѣютъ похожее на кисель, прозрачное тѣло, состоящее изъ одинакой, внутри пустой трубочки, у которой на одномъ концѣ примѣтна похожая на колбу часть, называемая головою, по тому что въ ней находится ротъ полипа. Сія голова окружена длинными, подобными рукамъ частями, которыхъ число и величина у разныхъ родовъ сихъ животныхъ неодинаковы. Другимъ концемъ тѣла они обыкновенно соединены бываютъ съ морскою чечевицею, либо съ инымъ водянымъ растеніемъ. Извѣстно уже болѣе седьми родовъ полиповъ. Нѣкоторые изъ оныхъ цвѣтомъ желтые, какъ солома, либо зеленые, и имѣютъ по шести рукъ; а другіе иныхъ цвѣтовъ, и болѣе рукъ имѣютъ. У нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ многочисленныя руки похожи на пукъ перья, по чему сей родъ называется *перистыми полипами*. Впрочемъ примѣчательнѣе всего въ полипахъ то обстоятельство, что они размножаются не только одинаковымъ образомъ съ растеніями, а именно, по бокамъ тѣла ихъ выростаютъ какъ бы почки, которыя становятся молодыми полипами, и потомъ отдѣляются отъ старыхъ; но также могутъ размножаемы быть посредствомъ разрѣзыванія. На сколько бы частей полипъ разрѣзанъ ни былъ, каждая отрѣзанная часть превращается въ новаго совершеннаго полипа. Напр. естьли онъ разрѣзанъ бываетъ на двѣ части: то не болѣе, какъ дни въ 2 или 3, выростаетъ изъ головы хвостъ, а ко хвосту приростаетъ новая голова съ руками. Естьлижъ онъ разрѣзанъ бываетъ на три части: то не только къ головѣ приростаетъ новой хвостъ, а ко хвосту новая голова; но и у средины съ одного конца выростаетъ голова, а съ другаго хвостъ. Можно выворотить полипа безъ всякаго вреда, такъ какъ выворачивается чулокъ, чтобъ внутренняя его поверьхность была наружѣ: жизнь его и въ семъ состояніи продолжается, равно какъ въ прежнемъ.

Гла-

Глава VII.

О птицахъ.

Разсматривая натуру и составъ птицъ, еще паче увѣримся въ премудрости и благости Божiей, устроившей всѣ силы ихъ такъ, чтобъ онѣ служили къ опредѣленной пользѣ и цѣли. Всѣ члены ихъ устроены совершенно способными къ лѣтанiю. Мускулы, служащiе къ движенiю крыльевъ, болѣе и крѣпче прочихъ; ибо для онаго потребно много силы. Исподняя сторона крыльевъ впалая, а верхняя выпуклая, для того, чтобъ птицы удобнѣе могли подниматься вверьхъ, и чтобъ ударенiе по воздуху крыльями было сильнѣе, а по тому и воздухъ сильнѣе противился бы паденiю тѣла. Тѣло ихъ похоже нѣсколько на корабль. Голова подобна передней части корабля, и по большей части бываетъ невелика, дабы тѣмъ удобнѣе разсѣкала воздухъ и пролагала путь тѣлу. Хвостъ служитъ имъ къ управленiю полета, и къ тому, чтобъ онѣ могли оборачивать тѣло свое, подобно какъ корабль оборачивается посредствомъ руля: что весьма примѣтно въ ястребѣ, который небольшимъ поворотомъ хвоста склоняетъ тѣло свое, куда ему надобно. Кромѣ сего, хвостъ служитъ имъ еще къ поддержанiю всего тѣла, и способствуетъ содержать оное въ равновѣсiи: для того распускается онъ паралельно съ горизонтомъ, а не перпендикулярно противъ онаго, какъ у рыбъ. Чтобъ птицы не полетѣ удобнѣе могли держаться на воздухѣ: для сего тѣла ихъ невелики и широки, и даже ноги у нихъ тонѣе и легче, нежели у другихъ животныхъ. Также перья ихъ весьма способны къ сохраненiю небольшаго ихъ тѣла отъ холода. Жизнь ихъ продолжается нѣсколько лѣтъ; но перья современемъ необходимо должны ветшать и подвержены вреду: того ради устроено въ Натурѣ, чтобъ онѣ каждый годъ линяли, и чтобъ выростали на нихъ новыя перья. Для предохраненiя перьевъ ихъ отъ вреда, какому они могутъ подвержены быть отъ дождя, всѣ птицы имѣютъ желѣзу съ масляною жидкостiю, видомъ похожую на сосецъ, и находящуюся на самомъ концѣ тѣла. Въ

сей желѣзѣ находится нѣсколько маленькихъ отверстій. Птица, примѣтивъ, что перья у нея засохли, замарались, или разщелялись, либо предчувствуя, что скоро дождь будетъ, щиплетъ желѣзу свою носомъ, выжимаетъ изъ нея масляную жидкость, и по томъ поводя носомъ по перьямъ, вымазываетъ ихъ, укладываетъ, даетъ имъ лоскъ, и наполняетъ всѣ щели сею клейкою матеріею: послѣ чего вода стекаетъ съ птицы и не можетъ проходить до тѣла. Утки, гуси и всѣ плавающія птицы снабдены изобильно сею масляною матеріею.

Многоразличные виды и разныя положенія гнѣздъ, раченіе и попечительность, съ какими птицы берегутъ яица свои, рожденіе и воспитаніе птенцовъ ихъ, также заслуживаютъ вниманіе ваше и удивленіе. Вы найдете удивительную различность въ матеріалахъ, образѣ строенія и положеніи гнѣздъ; но также примѣтите и то обстоятельство, что всѣ птицы одного рода вьютъ гнѣзда свои совершенно одинакимъ образомъ. Нѣкоторыя вьютъ гнѣзда на вершинахъ деревъ, а другія подъ кровлями домовъ; иныя прячутъ ихъ въ кустарникахъ, или въ травѣ. Но при томъ всѣ наблюдаютъ, чтобъ гнѣзда были достаточно укрыты отъ дождя. Также дѣлаютъ оныя правильно, составляя наружную стѣну изъ грубыхъ вещей, какъ-то изъ терну, хворосту, толстой соломы, крупнаго моху, и пр. Подъ симъ первымъ безобразнымъ слоемъ дѣлаютъ еще нѣсколько слоевъ изъ иныхъ матеріаловъ, и сплачиваютъ оные такъ искусно, чтобъ вѣтръ или какое нибудь насѣкомое не могли туда пройти. Внутренность гнѣзда выкладываютъ и какъ бы обиваютъ чѣмъ нибудь мягкимъ, напр. пухомъ, шерстью, или шелкомъ, дабы самимъ имъ и птенцамъ было теплѣе и покойнѣе. Когда наступаетъ время сидѣть на яицахъ, сіи твари, любящія перемѣну мѣста, забываютъ натуральную свою склонность, садятся на яица, выдерживаютъ такое принужденіе нѣсколько недѣль, и лишаютъ себя удовольствія, которымъ могли бы въ толь пріятное время года наслаждаться; при чемъ надлежитъ удивляться какъ рачительности ихъ, такъ и нѣжности. Когдажъ птенцы вылупливаются изъ яицъ,

оне

онѣ обращаютъ все стараніе свое къ тому, чтобъ снабжать ихъ пищею и охранять отъ всякой опасности; и сія попечительность продолжается дотолѣ, какъ птенцы не будутъ уже имѣть нужды въ ихъ помощи.

Причина перелѣтанія нѣкоторыхъ родовъ птицъ, или для чего въ нѣкоторое время не видно ихъ въ здѣшнихъ странахъ, послужитъ вамъ также предметомъ изслѣдованія, могущаго принести удовольствіе. Куда улѣтаютъ ласточка, аистъ, кукушка, и нѣкоторыя другія птицы, или гдѣ онѣ скрываются; почему узнаютъ онѣ время, когда имъ улѣтать или возвращаться надлежитъ: все сіе подастъ вамъ поводъ къ достойнымъ любопытства и пріятнымъ изслѣдованіямъ.

Но мое наставленіе надлежитъ вамъ почитать только краткимъ руководствомъ и указаніемъ къ тому, какъ должно проходить и читать книгу Натуры, а не полнымъ описаніемъ всего, что вы въ ней найти можете. Нынѣ вы не имѣете еще ни времени, ни способностей къ большему познанію. Я предложу вамъ натуральную исторію нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ примѣчанія птицъ; а по томъ приступимъ къ разсматриванію четвероногихъ животныхъ.

Объ орлѣ.

Орелъ обыкновенно называется царемъ птицъ. Находится по большей части въ Арабскихъ степяхъ и въ дальнихъ странахъ Великой Татаріи. Онъ есть весьма сильная птица; чрезвычайно смѣлъ, прожорливъ, и глотаетъ добычу свою съ великою жадностію. Величиною отъ конца носа до конца хвоста бываетъ около 4 футовъ; а въ ширину съ распущенными крыльями отъ одного конца до другаго около 6 футовъ. Носъ у него весьма толстой, изогнутый наподобіе крюка, и острый; когти такіяжъ. Обыкновенную добычу его составляютъ зайцы, кролики, молодыя козлята, ягнята, и пр.; но будучи голоденъ, нападаетъ и на большихъ животныхъ. Онъ имѣетъ столь острое и проницательное зрѣніе, что можетъ видѣть на землѣ свою добычу, сколь бы высоко ни поднялся на воздухъ, и спускается къ ней съ удивительною быстротою. А какъ глаза служатъ ему съ такою пользою и весьма для него нужны: то Натура,

ра, для сбереженія ихъ, снабдила оныя вмѣсто двухъ четырью вѣками, или покрышками. Обоняніе его столь же сильно, какъ зрѣніе; ибо сказываютъ, что онъ посредствомъ сего чувства узнаетъ за нѣсколько миль, гдѣ есть падалище. Орлы вьютъ гнѣзда свои обыкновенно на высокихъ и неприступныхъ горахъ, либо на вершинахъ старыхъ голыхъ деревъ. Яицъ кладутъ вдругъ рѣдко болѣе двухъ или трехъ. Сидятъ на яицахъ около тритцати дней. Птенцовъ своихъ кормятъ кровью, высасываемою изъ пойманныхъ животныхъ, пока они придутъ въ состояніе питаться грубѣйшею пищею. Какъ скоро молодые орлы приходятъ въ силу, старые берутъ ихъ съ собою, и мало по малу пріучаютъ лѣтать; когдажъ они довольно къ тому привыкнутъ, то не даютъ уже имъ пищи, но отгоняютъ ихъ отъ себя. Сіи птицы весьма долговѣчны, и по мнѣнію нѣкоторыхъ, живутъ около 300 лѣтъ.

О струсѣ. *Струса* почитаютъ первою птицею по величинѣ; и въ самомъ дѣлѣ онъ превосходитъ всѣхъ птицъ по крайней мѣрѣ вышиною, ибо онъ равенъ вышиною человѣку сидящему на лошади. Находится по большей части въ Африкѣ, также и въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. Головою и носомъ походитъ на утку, а шеею и спиною на верблюда, имѣющаго такуюжъ длинную шею и высокую спину. Крылья его, по мѣрѣ тѣла, столь малы, что онъ не можетъ на нихъ подниматься съ земли; но они служатъ ему только какъ бы парусами или рулемъ, чтобъ разсѣкать воздухъ, или упираться противъ онаго, и способствуютъ бѣгать весьма скоро. Ноги его снабдены роговатою матеріею, способствующею ему твердо ступать, и долго бѣгать по горячему песку въ Арабскихъ степяхъ безъ всякаго вреда. Иногда ловятъ сихъ птицъ гончими собаками. Въ семъ случаѣ струсъ примѣтивъ, что собака его уже настигаетъ, вдругъ останавливается, опускаетъ одно крыло, закрываетъ онымъ все тѣло, даетъ собакѣ вырвать изъ него кукъ перьевъ, и по томъ пускается бѣжать, и уходитъ далеко, пока собака выбрасываетъ перья, попавшіяся ей въ ротъ. Сказываютъ,

что

что струсы не имѣютъ такой любви къ птенцамъ своимъ, какая во всѣхъ прочихъ птицахъ примѣтна, и что они кладутъ яица свои въ песокъ, и забываютъ объ оныхъ, а птенцы ихъ вырождаются отъ солнечной теплоты. Но другіе утверждаютъ противное сему, и сказываютъ, что сіи птицы сами высиживаютъ птенцовъ своихъ, и когда самка уходитъ искать пищи, самецъ сидитъ между тѣмъ на яицахъ вмѣсто ея. Яица величиною съ младенческую голову, и покрыты блестящею, гладкою и пестрою скорлупою. Что желудокъ у струсовъ можетъ варить желѣзо и камни, сіе выдумка. Хотя и справедливо то, что они глотаютъ иногда мѣлкіе кусочки желѣза и камешки, можетъ быть для очищенія желудка; однакожъ сіи вещи выходятъ изъ никъ не сварившись. Впрочемъ почитаютъ сихъ птицъ весьма глупыми; ибо въ случаѣ погони за ними, онѣ прячутъ голову за дерево или за кустарникъ, воображая себѣ, что и ловецъ не видитъ уже ихъ, когда онѣ его не видятъ.

О лебѣдѣ.

Лебѣдь есть одна изъ достойнѣйшихъ примѣчанія птицъ между имѣющими ноги способныя къ плаванію, и живущими какъ на землѣ, такъ и на водѣ. Она есть большая и весьма пригожая птица; цвѣтомъ бѣлая, какъ снѣгъ; и въ прудѣ или на рѣкѣ дѣлаетъ хорошій видъ. Шея у нея весьма длинна, и состоитъ изъ дватцати или тритцати составовъ, такъ что она можетъ ловить ею рыбу, какъ удою. Говорятъ, что лебѣдь, плавая, употребляетъ одну ногу вмѣсто весла, а другую вмѣсто руля. Сіи птицы вьютъ гнѣзда свои обыкновенно на рѣчномъ берегу въ кустарникѣ; и пока самка сидитъ на яицахъ, самецъ не допускаетъ никого къ своему гнѣзду, бросаясь на всѣхъ съ великою яростію и смѣлостію. Когда онѣ живутъ на землѣ, ѣдятъ траву или хлѣбъ; а на водѣ питаются рыбою. Сказываютъ, что сіи птицы живутъ около ста лѣтъ. Многіе думаютъ, что лебѣдь предъ смертію своею поетъ весьма пріятно; однако сіе мнѣніе ложно, и произошло, какъ то вѣроятно, отъ древней басни, повѣствующей, что душа Орфея, древняго

Греческаго стихотворца и музыканта, перешла въ сію птицу.

О пеликанѣ. Разсказываютъ много выдумокъ о *пеликанѣ*; и для того я сообщу вамъ краткое справедливое свѣдѣніе о сей птицѣ. Она находится по большей части въ Америкѣ и Азіи. Видомъ во всемъ, кромѣ носа, походитъ на гуся; но болѣе онаго. Носъ ея шириною около 2, а длиною отъ 16 до 17 дюймовъ. Нижняя часть онаго состоитъ изъ двухъ длинныхъ гибкихъ боковъ, связанныхъ отвислою желтоватою кожею. Сія кожа простирается до самаго горла, и составляетъ большой широкой зобъ, который обыкновенно наполненъ бываетъ пищею, и еще болѣе водою. Пеликанъ вьетъ гнѣзда свои по большей части въ лѣсахъ, и дѣлаетъ ихъ столь искусно, что они могутъ держать въ себѣ воду, которую онъ приноситъ въ зобѣ птенцамъ своимъ, отчасти для того, чтобъ поить ихъ, отчастижъ для того, чтобъ заблаговременно пріучать ихъ къ плаванію. Удивительно то, что тигры и другіе ничего не щадящіе дикіе звѣри, которые ищутъ сихъ гнѣздъ, чтобы пить изъ нихъ, выпиваютъ только воду, но молодыхъ пеликановъ оставляютъ безъ всякаго вреда. Впрочемъ сіи птицы весьма тяжелы, по чему не могутъ далеко лѣтать. Онѣ обыкновенно держатъ голову верьхъ, а конецъ носа кладутъ на грудь. Древніе повѣствуютъ, что змѣи умерщвляютъ пеликановыхъ птенцовъ, но сія птица въ такомъ случаѣ проклевываетъ себѣ грудь, брыжжетъ на птенцовъ своею кровью, и тѣмъ ихъ оживляетъ. Однакожъ какъ сія, такъ и многія другія повѣсти, суть басни, распространенныя по большей части стихотворцами и ораторами, употреблявшими оныя въ аллегоріяхъ и примѣрахъ.

Объ аистѣ. Я не буду описывать величины и вида аиста, для того, что у насъ находится много сихъ птицъ, и вы ихъ безъ сомнѣнія уже знаете. Аисты бываютъ двоякаго рода: *бѣлые* съ черными крыльями, и совсѣмъ *черные*. Послѣдніе живутъ въ лѣсахъ, а первые любятъ лучше жить въ городахъ и деревняхъ. Они вьютъ гнѣзда свои на кровляхъ, на трубахъ и на де-

деревахъ. Простолюдины почитаютъ то за добрый знакъ, естьли аистъ совьетъ гнѣздо на какомъ нибудь домѣ; естьлижъ аистъ оставитъ свое гнѣздо не въ обыкновенное время, либо унесетъ его съ собою: сіе принимаютъ за предзнаменованіе скораго нещастія тому дому. Сіи птицы питаются по большей части змѣями, лягушками, ящерицами, и другими гадинами, которыхъ ищутъ на лугахъ и въ болотахъ, и чрезъ то дѣлаютъ великую пользу. Птенцовъ своихъ кормятъ такимижъ гадинами; но сперва раздавливаютъ для нихъ сію пищу, пока они еще слабы. Извѣстно, что аисты на осень улѣтаютъ, а весною возвращаются; однако не можно еще за вѣрное сказать, куда они улѣтаютъ. Прежде вообще думали, что они зимою живутъ въ теплыхъ странахъ; но по новѣйшимъ наблюденіямъ сіе мнѣніе становится сомнительно. Ибо иногда зимою находили цѣлые стада аистовъ, которые казались мертвыми, но принесены будучи въ тепло, скоро оживали. И по тому вѣроятно, что они не оставляютъ сѣверныхъ странъ, но проводятъ зиму такъ же, какъ ласточки.

О колибри.

Изъ описанныхъ выше сего птицъ нѣкоторыя заслуживали примѣчаніе отмѣнною величиною; но теперь я сообщу вамъ свѣдѣніе о птичкѣ отличающейся чрезвычайною своею малостію. Сія птичка называется *колибри*, и въ Америкѣ находится нѣсколько родовъ ея. Нѣкоторые изъ оныхъ не болѣе здѣшней большой мухи, по чему и называются *мушками*. Красота сихъ птичекъ столь же достойна примѣчанія, какъ и малость. Онѣ имѣютъ по большей части зеленую и какъ золото блестящую головку; шейка, спинка и верхняя сторона крылышекъ испещрены радужными цвѣтами; нижняя сторона крылышекъ и брюшко золотожелтыя, лопатки зеленыя, носикъ и ножки черныя и блестящія. Глаза также черные, и блестятъ какъ бриліанты. Носикъ не толще иглы; и сіи птички высасываютъ имъ росу и сокъ изъ цвѣтковъ, въ чемъ состоитъ ихъ пища. Самцы нѣкоторыхъ родовъ имѣютъ на головкахъ хохолки зеленаго и золотожелтаго цвѣта. Гнѣзда свои вьютъ по большей части между вѣтвями и цвѣтками по-

померанцовыхъ деревъ, и дѣлаютъ оныя изъ волоконъ одного растенія, которыя бываютъ не толще волоса, а внутри укладываютъ хлопчатою бумагою. Яица сихъ птичекъ не болѣе горошины. Находится много отличий между разными родами колибри; но я не буду упоминать объ нихъ, какъ для избѣжанія излишества, такъ и для того, что оныя не важны.

О соловьѣ. *Соловей* превосходитъ всѣхъ другихъ пѣвчихъ птицъ пріятностію и многоразличностію въ тонахъ своего пѣнія. Примѣчательно то, что онъ тогда начинаетъ, или по крайней мѣрѣ продолжаетъ еще пѣть, когда всѣ прочія птицы уже перестаютъ, какъ бы зная, что его пѣніе достойно особеннаго вниманія. Рѣдко можно увидѣть сего вечерняго пѣвца на волѣ. Видъ его не соотвѣтствуетъ пріятности пѣнія; цвѣтомъ онъ сѣрой, а величиною съ большаго воробья. Сіи птички поютъ и выводятъ дѣтей своихъ отъ конца Апрѣля до начала Іюня; а по прошествіи сего времени не видно и не слышно уже ихъ до другаго года; по чему многіе почитаютъ ихъ перелѣтающими птицами. Отмѣнное образованіе и нѣжный составъ горла у пѣвчихъ птицъ, способныя къ произведенію самыхъ тонкихъ перемѣнъ голоса, заслуживаютъ вниманіе.

ласточкѣ. *Ласточка* есть одна изъ извѣстнѣйшихъ перелѣтающихъ птицъ, по тому, что живетъ только въ городахъ и деревняхъ, дѣлая себѣ гнѣзда подъ кровлями домовъ. Составленіе сихъ гнѣздъ, матеріалы, и то, какимъ образомъ ласточка употребляетъ оныя, заслуживаютъ удивленіе. Она не употребляетъ на гнѣздо свое ни хворосту, ни сѣна, какъ другія птицы; но набираетъ себѣ воды на грудь и на крылья, и смачивая сею водою пыль, дѣлаетъ изъ нея носикомъ своимъ глину, или такую матерію, изъ которой послѣ строитъ себѣ крѣпкое и покойное жилище, съ удивительною правильностію и размѣромъ, такъ что и человѣческое искусство не можетъ ей въ томъ подражать. Испытатели Натуры не согласны во мнѣніяхъ своихъ касательно перелѣтанія сихъ птицъ, или того, что по окончаніи лѣта ихъ уже не видно. Нѣкоторые думаютъ,

что

что ласточки въ концѣ Сентября всѣ улѣтаютъ въ такія земли, гдѣ климатъ теплѣе; но другіе утверждаютъ что онѣ скрываются въ каменныхъ ущелинахъ, или подъ водою, гдѣ иногда находятъ ихъ въ великомъ множествѣ, наподобіе роя пчелъ, сцѣпившихся за ноги другъ съ другомъ. Сіе послѣднее мнѣніе вѣроятно и по тому еще, что въ началѣ весны обыкновенно находятъ ласточекъ лѣтающихъ недалеко отъ каменныхъ горъ, или близь воды; онѣ бываютъ тогда весьма томны, и какъ бы оправляютъ крылья свои, пробудившись отъ зимняго сна.

О лѣтучей мыши.

Лѣтучая мышь, или *нетопырь*, имѣетъ нѣчто общее и съ птицами и съ четвероногими животными. Головою, тѣломъ и шерстью, которою она покрыта, походитъ на мышь; дѣтей раждаетъ такъ же, какъ четвероногія животныя, то есть въ совершенномъ ихъ видѣ, и кормитъ ихъ своими сосцами. Съ птицами общее имѣетъ она только то, что можетъ лѣтать. Крылья ея состоятъ не изъ перьевъ, но изъ кожи, наподобіе лапъ у водяныхъ птицъ. На концахъ сихъ крыльевъ находится по два крючка, или когтя, которыми уцѣпляясь за что нибудь, лѣтучая мышь виситъ въ то время, когда ѣстъ, спитъ, или отдыхаетъ. Сіи твари весьма рѣдко показываются днемъ, но лѣтаютъ только по вечерамъ. Сказываютъ, что онѣ всю зиму спятъ въ ущелинахъ старыхъ домовъ или каменныхъ стѣнъ. Сіе животное служитъ весьма пристойнымъ подобіемъ человѣку имѣющему обманчивый или двойной характеръ. Лѣтучая мышь не причисляется ни къ птицамъ, ни къ четвероногимъ животнымъ: подобно сему и такой человѣкъ бываетъ презрѣнъ и удаленъ отъ всякаго добраго сообщества.

Глава VIII.

О четвероногихъ животныхъ.

Теперь дошли мы до тѣхъ животныхъ тварей, которыя какъ устроеніемъ тѣла, такъ и душевными силами, кажутся ближайшими всѣхъ прочихъ къ человѣку.

По

По сей причинѣ предоставилъ я доселѣ, говорить объ инстинктѣ, или о томъ внутреннемъ побужденiи, которымъ всѣ животныя, кромѣ человѣка, управляемы. Разсужденіе о семъ внутреннемъ побужденiи и разности онаго съ умомъ человѣческимъ, послужитъ для васъ и полезнымъ и пріятнымъ наставленіемъ. Творецъ всѣхъ существъ одарилъ душу человѣческую коренною силою ума, указывающею человѣку путь и управляющею имъ во многоразличныхъ случаяхъ въ жизни его. Равнымъ образомъ и во всѣхъ нижшихъ тварей вложилъ Онъ коренную силу, которая хотя не столь благородна и многообъемлюща, какъ умъ, но въ указаніяхъ своихъ единообразнѣе и надежнѣе онаго. Сія коренная сила называется инстинктомъ. Въ каждомъ особенномъ родѣ животныхъ оказывается она различнымъ образомъ; но во всякомъ животномъ сообразна натурѣ и обстоятельствамъ его рода. Она, какъ говоритъ Г. Ре, научаетъ всѣхъ тварей обороняться и дѣлать вредъ своимъ непріятелямъ; она даетъ имъ знать, въ чемъ состоитъ природное ихъ оружіе, и какъ надлежитъ имъ употреблять оное. 1) Теленокъ держитъ голову свою такъ, какъ бы онъ хотѣлъ бодать рогами, еще прежде, нежели рога у него выростаютъ. Кабанъ умѣетъ употреблять клыки свои, собака зубы, лошадь свое копыто, пѣтухъ бодцы, а пчела жало свое. Для чегожъ бы животному, не имѣющему роговъ на головѣ, или бодцевъ у ногъ, не показывать виду, что оно хочетъ бодать или ногами драться, естьлибъ нѣкое внутреннее расположеніе не вело каждаго рода животныхъ къ употребленію собственнаго ихъ природнаго оружія? 2) Курицы, куропатки, и другія птицы, узнаютъ хищныхъ птицъ, какъ скоро ихъ увидятъ, и особеннымъ тономъ голоса даютъ птенцамъ своимъ знакъ, чтобъ они прятались. 3) Всѣ животныя знаютъ пищу свою, какъ скоро родятся. Напр. животныя питающіяся молокомъ принимаются за сосцы; напротивъ того другія, которымъ опредѣлено питаться иною пищею, никогда сосцовъ не ищутъ. 4) Сама Натура влечетъ къ водѣ и заставляетъ плавать птицъ или другихъ животныхъ, имѣющихъ природную спо-

способность къ плаванію. Мы видимъ сіе въ молодыхъ утятахъ, высиженныхъ курицею, которые приближившись къ рѣкѣ или пруду, оставляютъ ее, и уходятъ на воду, хотя прежде никогда не видали, какъ плаваютъ, и хотя курица кличетъ ихъ и всякимъ образомъ старается удержать отъ того. 5) Птицы одного рода всѣ дѣлаютъ гнѣзда свои изъ одинакихъ матеріаловъ, въ одинакомъ порядкѣ и совершенно одинакой фигуры, такъ что увидѣвъ только гнѣздо, можно знать, какой птицѣ оно принадлежитъ. Онѣ дѣлаютъ сіе въ разныхъ земляхъ, находящихся въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой, и не видавъ никогда прежде сдѣланнаго гнѣзда. Кромѣ того, искусное составленіе сихъ гнѣздъ, удобство и покойное расположеніе оныхъ; что птицы кладутъ въ нихъ свои яица, высиживаютъ птенцовъ, и послѣ воспитываютъ сихъ птенцовъ: все сіе служитъ сильнымъ доказательствомъ того, что ими управляетъ мудрость, превышающая собственное ихъ знаніе, и какъ бы принуждаетъ ихъ достигать такихъ цѣлей, которыхъ онѣ, сколько мы понимать то можемъ, сами собою не ищутъ, но ведомы къ онымъ. *Онѣ дѣйствуютъ не по искусству*, говоритъ Аристотель, *не изслѣдуютъ, и не разсуждаютъ о томъ, что имъ дѣлать надлежитъ.* А по тому, какъ Д. Гудвортъ замѣчаетъ, мудрость, по которой онѣ дѣйствуютъ, не состоитъ въ ихъ власти; но онѣ зависятъ отъ инстинкта и впечатлѣній дѣлаемыхъ въ нихъ онымъ. Наконецъ, что можетъ быть удивительнѣе перелѣтанія нѣкоторыхъ родовъ птицъ изъ жаркихъ странъ въ холодныя, или изъ холодныхъ въ жаркія, сообразно свойству ихъ и разности временъ года? Что побуждаетъ ихъ перемѣнять свое жилище? Кто указываетъ имъ путь, куда летѣть? Что заставляетъ ихъ перелѣтать чрезъ море, которому конца не видятъ? и что приводитъ ихъ въ состояніе, преодолѣвать въ семъ случаѣ голодъ, и не бояться утонуть? Такія и еще многія другія удивительныя обстоятельства находимъ мы въ животныхъ, не имѣющихъ ума. Но что они дѣйствуютъ по инстинкту, а не по уму: сіе очевидно, по тому, что въ дѣлахъ ихъ не бываетъ ника-

какой перемѣны, и всякое животное по природѣ, безъ указанія или не учась, дѣлаетъ то, что ему дѣлать надлежитъ, всегда одинакимъ образомъ. Напротивъ того умъ, безъ всякаго предписанія, часто дѣлалъ бы многія перемѣны въ томъ, что инстинктъ одинакимъ образомъ производитъ. Умъ человѣческой есть дѣятельная и плодовитая сила; онъ знаетъ цѣли свои, и непрестанно старается распространять оныя; разсуждаетъ, имѣетъ хотѣніе, свободно избираетъ, дѣйствуетъ, и естьли можно употребить сіе выраженіе, производитъ всякой день новыя творенія. Естьлибъ паукъ имѣлъ всѣ способности ткача, то кромѣ паутины своей дѣлалъ бы что нибудь иное; естьлибъ ласточка имѣла такіяжъ способности, какъ каменьщикъ, то дѣлала бы гнѣздо свое изъ другихъ матеріаловъ, а не изъ одной грязи. Короче сказать, естьлибъ животныя могли мыслить, то не ограничивались бы въ дѣлахъ своихъ однимъ непремѣннымъ способомъ; въ душахъ ихъ происходили бы новыя представленія, и при перемѣнѣ свойственнаго каждому роду образа жизни не были бы они совершенно глупы и несвѣдущи.

Сихъ разсужденій на сей разъ довольно для сообщенія вамъ нѣкотораго понятія о разности ума съ инстинктомъ. Приступимъ теперь къ натуральной исторіи нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ примѣчанія четвероногихъ животныхъ. Я не знаю лучшаго или полезнѣйшаго животнаго, съ котораго бы начать надлежало, какъ лошадь, или конь.

О конѣ. Естьли бы названіе царя животныхъ обычаемъ не было присвоено льву: то, по моему мнѣнію, гораздо бы справедливѣе было приписать оное *коню*. Левъ пожираетъ другихъ животныхъ, и только ужасъ наводитъ. Напротивъ того конь не дѣлаетъ никакого вреда другимъ тварямъ; всѣ свойства его таковы, что заставляютъ любить его, и нѣтъ въ немъ ничего отвратительнаго. Видъ его столь красивъ, и онъ имѣетъ во всемъ нѣчто столь величавое, что привлекаетъ вниманіе наше и производитъ въ насъ удивленіе. Но мы найдемъ еще болѣе причинъ любить его, когда раз-

разсудимъ о многоразличной пользѣ, получаемой отъ него человѣкомъ. Употребляемъ будучи къ обработыванію полей нашихъ, къ перевозу хлѣба съ полей, или вещей нашихъ и самихъ насъ съ одного мѣста на другое, онъ повинуется безъ сопротивленія, хотя труды сіи для него тягостны. Когда употребляемъ его въ забавахъ нашихъ, и заставляемъ скакать за собаками по кустарникамъ, по горамъ и долинамъ, или показывать быстроту свою въ ристаніи: какая ревность его оживляетъ! Онъ бьетъ копытомъ въ землю и ржетъ, вызывая соперника своего, и скорѣе умретъ, нежели выпередить себя допуститъ. Коль полезны сила, бодрость и скорость его воинамъ нашимъ въ сраженіяхъ! Неустрашимо мчится онъ всрѣтеніе смерти; шумъ и вопль воинской ему пріятны.

О собакѣ.

Естьли конь величавостію и полезными свойствами заслуживаетъ первое мѣсто между четвероногими животными: то второе по справедливости принадлежитъ *собакѣ* за ея вѣрность и понятливость. Едва ли есть въ какомъ либо другомъ родѣ животныхъ столько различности, какъ въ родѣ собакъ, по виду, величинѣ, цвѣту и свойствамъ. Нѣкоторыя отличаются силою и смѣлостію, другія быстротою и острымъ зрѣніемъ; иныя имѣютъ отмѣнное обоняніе; иныяжъ снабдены многими другими свойствами, которыми приносятъ пользу пастухамъ, деревенскимъ жителямъ, и вообще всякому, у кого есть домъ. Но вѣрность и понятливость кажутся общими всему роду сихъ животныхъ, и находится много примѣровъ сихъ свойствъ. Плутархъ повѣствуетъ, что въ Римѣ, при Императорѣ Веспазіанѣ, самъ онъ видѣлъ въ публичномъ театральномъ представленіи собаку, наученную притворяться, будто она умираетъ отъ яду: съѣвши кусокъ хлѣба, которымъ надлежало ей быть отравленой, она начинала шататься, по томъ падала, казалась совсѣмъ околѣвшею, лежала не дѣлая ни малѣйшаго движенія, и многіе таскали ее по театру какъ мертвую; но когда по роли ея надобно ей было оживать, сперва открывала она глаза, поднимала голову, потягивалась, и наконецъ вставала. Также раз-

сказываютъ, что въ Римѣ на одной площади собиралось множество людей смотрѣть слѣпую собаку, которая многому была обучена, и между прочимъ дѣлала слѣдующее: Нѣкоторые изъ зрителей отдавали ея хозяину золотыя, серебряныя и мѣдныя деньги, перстни, нарукавники, и другія вещи, которыя онъ склавши вмѣстѣ зарывалъ въ землю, а по томъ приказывалъ собакѣ искать ихъ; онажъ, немедленно нашедши, приносила всякому принадлежавшую ему вещь. Находятся примѣры чрезвычайной понятливости сихъ животныхъ и нѣкоторыхъ удивленія достойныхъ душевныхъ силъ, которыми люди могли бы весьма много пользоваться, естьлибъ замѣчали оныя. Также почти всякой день случается множество примѣровъ любви и вѣрности собакъ къ своему хозяину, рачительности и бодрости ихъ въ обереженіи какъ его самого, такъ и дому его и принадлежащихъ ему вещей.

О слонѣ. *Слонъ* превосходитъ величиною всѣхъ прочихъ животныхъ обитающихъ на землѣ; и естьли можно вѣрить всему, что о немъ разсказываютъ, то и разумомъ по крайней мѣрѣ не уступаетъ никакому иному звѣрю. Сіи звѣри живутъ только въ жаркихъ странахъ; въ Ост-Индіи и въ нѣкоторыхъ Африканскихъ земляхъ находится ихъ великое множество. Вышиною обыкновенно бываютъ отъ 11 до 12 футовъ, а многіе еще выше; составомъ тѣла весьма неуклюжи, и весьма толсты. Цвѣтомъ обыкновенно сѣрые или черные; но также находятся бѣлые, которыхъ цѣнятъ весьма дорого. Кожа на бокахъ и на спинѣ такъ тверда, что трудно проколоть ее шпагою или копьемъ. Глаза небольшіе, похожи на свиные, и весьма красны. Слоны имѣютъ въ роту по четыре зуба на каждой сторонѣ, которыми жуютъ пищу, и два клыка, выставляющіеся изъ пасти, такой величины, что бываютъ иногда вѣсомъ болѣе центнера. Сіи клыки выпадаютъ у нихъ чрезъ каждыя десять лѣтъ: что доставляетъ немалую пользу жителямъ тѣхъ странъ; ибо они собирая оные, мѣняютъ на многіе Европейскіе товары подъ названіемъ слоновой кости. Но всего достойнѣе примѣчанія у слона хоботъ его, который есть большая,

вну-

внутри пустая, морщиноватая труба, висящая съ верхней части носа до земли, и нѣкоторымъ образомъ похожая на кишку Индѣйскаго пѣтуха (естьли можно сравнивать большія вещи съ малыми). Сей членъ помѣщенъ и устроенъ столь выгодно, и употребляется симъ неповоротливымъ животнымъ съ такою скоростію и съ такимъ удобствомъ, что служитъ дивнымъ доказательствомъ попеченія премудраго Творца о тваряхъ своихъ. Еще примѣчательно въ слонахъ, что сосцы у самокъ находятся на груди, для того, что онѣ должны самѣ сосать изъ нихъ молоко, а дѣтямъ своимъ давать оное чрезъ хоботъ. Думаютъ, что слоны живутъ около ста лѣтъ. Они питаются травою, или кореньями, которыя клыками своими вырываютъ изъ земли, либо древесными плодами и вѣтвями, которыя достаютъ хоботомъ. Укрощены будучи и привыкши къ людямъ, бываютъ они весьма понятливы. Надлежитъ удивляться, читая, къ чему древніе Индійцы и нѣкоторые другіе народы употребляли слоновъ. Выводили ихъ по нѣскольку тысячь на сраженія, со всякимъ оружіемъ, и пріучали искусно драться хоботами. Также употребляли ихъ къ вырыванію деревъ, къ опрокидыванію домовъ, стѣнъ, или чего либо инаго, препятствовавшаго войску пройти. Иногда ставили на спины имъ большія деревянныя башни, въ которыхъ могли сидѣть отъ 15 до 20 человѣкъ и съ великою выгодою метать оттуда копья и стрѣлы въ непріятеля. Но часто случалось, что сіи звѣри причиняли столько же вреда тому войску, къ которому они принадлежали, какъ и непріятельскому; по чему и вышло уже давно изъ обыкновенія употреблять ихъ на войнѣ. Ловятъ и укрощаютъ слоновъ многими хитростями. Напр. нѣкоторые, какъ сказываютъ, употребляютъ къ тому слѣдующій способъ: Дѣлаютъ большую яму, бросаютъ въ нея такія вещи, которыя слонъ любитъ, и запахомъ оныхъ заманиваютъ его въ сію яму, откуда онъ выйти не можетъ. По томъ приходитъ человѣкъ съ плетью или съ веревками, и бьетъ слона весьма больно. Но приходитъ другой, который какъ бы сердится на него за то, дерется съ нимъ, и прогоняетъ

няетъ его, а слона гладитъ и ласкаетъ, и по томъ уходитъ. Какъ скоро сей уйдетъ, первой возвращается и бьетъ слона безъ пощады. Заступникъ его приходитъ обратно, и попрежнему прогоняетъ того. Сіе повторяемо бываетъ нѣсколько разъ, пока наконецъ слонъ начинаетъ узнавать своего благодѣтеля и оказывать ему нѣкоторые знаки благодарности, которую тотъ старается умножить, принося ему корму или воды, когда онъ проголодается или пить захочетъ; при чемъ отъ времени до времени поступаетъ съ нимъ ласковѣе; и такимъ образомъ пріучивъ его къ себѣ, наконецъ выкапываетъ удобный выходъ изъ ямы, и уводитъ слона съ собою.

О львѣ.

Хотя я не приписываю *льву* первенства между звѣрьми, которое другіе обыкновенно ему присвоиваютъ; однако не почитаю его недостойнымъ нашего вниманія. И такъ я сообщу вамъ нѣкоторое свѣдѣніе о семъ звѣрѣ, называемомъ царемъ прочихъ звѣрей. Цвѣтомъ бываетъ онъ по большей части сѣрожелтый; имѣетъ толстую широкую голову, большое плоское лицо, широкой зѣвъ, и яркіе глаза. Около шеи виситъ у него длинная косматая грива; но самка не имѣетъ оной. Лядвеи его толсты и крѣпки, а брюхо тонкое. Хвостъ длинной и толстой, и по движенію онаго можно узнать, сердитъ ли левъ, или веселъ; ибо въ первомъ случаѣ онъ бьетъ хвостомъ по землѣ, а въ другомъ себя по спинѣ. Лапы его похожи на кошечьи. У переднихъ лапъ имѣетъ онъ по пяти когтей, а у заднихъ по четыре, и вжимаетъ оные, когда ходитъ. Впрочемъ онъ есть одинъ изъ сильнѣйшихъ и лютѣйшихъ звѣрей. Однакожъ приписываютъ ему нѣкоторое великодушіе; ибо, какъ сказываютъ, онъ рѣдко нападаетъ на слабыхъ и беззащитныхъ животныхъ, также щадитъ людей, а особливо женщинъ, естьли не очень голоденъ, или не раздраженъ какою нибудь обидою. Кромѣ того, разсказываютъ еще о львѣ, что онъ безпрестанно бываетъ въ лихорадкѣ; что алмазъ распускается въ его крови; что сердце его доставляетъ благосклонность знатныхъ людей тому, кто носитъ оное на шеѣ; что зубъ львиной, при-

вѣ-

вѣшенъ будучи на шею младенцу, у котораго зубы еще не вырѣзались, предохраняетъ отъ всякой зубной боли, и пр.; однако сіе совсѣмъ неосновательно.

Тигры, находящіеся въ Азіи и Африкѣ, суть также хищные звѣри. Величиною равняются со львомъ; видомъ похожи на кошекъ; шерсть имѣютъ сѣрожелтую, съ черными пятнами или полосами по всему тѣлу. Надлежитъ различать ихъ съ барсами, которые имѣютъ кожу съ такимижъ пятнами, но менѣе тигровъ. Сіи звѣри столь же лукавы и коварны, какъ и люты. Сказываютъ, что они ложатся растянувшись и удерживаютъ въ себѣ дыханіе, притворяясь мертвыми, для того, чтобъ симъ обманомъ удобнѣе ловить другихъ звѣрей. **О тигрѣ.**

Велблюдъ есть одно изъ самыхъ большихъ и высокихъ животныхъ имѣющихъ раздвоенныя копыта. Онъ имѣетъ длинную тонкую шею, маленькую голову, спину съ однимъ или съ двумя горбами, шишковатыя ноги, и тонкой хвостъ. Хотя видъ его не красивъ, однакожъ онъ есть весьма полезное животное, а особливо въ продолжительныхъ путешествіяхъ; ибо можетъ носить на себѣ вьюки вѣсомъ въ 10 центнеровъ и болѣе, въ состояніи долго пробыть безъ питья, и довольствуется самымъ худымъ кормомъ, какъ-то волчцами, крапивою, или иною такоюжъ травою. Велблюдъ не скоро устаетъ подъ тяжелымъ своимъ вьюкомъ, особливожъ естьли слышитъ иногда въ дорогѣ музыку; и для того Арабы и Персіяне, отправляясь съ велблюдами въ дальній путь по степямъ, обыкновенно берутъ съ собою бубны и колокольчики. Сказываютъ, что велблюды весьма мстительны и долго не забываютъ обиды. Также сказываютъ, что они стыдливы, и когда наступаетъ время сходиться, скрываются въ удаленныя мѣста. Самки носятъ дѣтей отъ 10 до 12 мѣсяцовъ, и раждаютъ рѣдко болѣе одного вдругъ. Молодымъ велблюдамъ подвязываютъ ноги подъ брюхо, и кладутъ на спину коверъ, у котораго къ концамъ привѣшены тяжелые камни, для того, чтобъ велблюдъ не могъ встать, но лежалъ бы на подвязанныхъ ногахъ. **О велблюдѣ.**

Такимъ образомъ пріучаютъ ихъ современемъ падать на колѣни, когда надобно навьючивать ихъ, или снимать съ нихъ вьюкъ. Шерсть, называемая верблюжьею, изъ которой дѣлаютъ хорошія матеріи и шляпы, собирается не съ верблюдовъ, но съ Ангольскихъ козъ, извѣстныхъ подъ названіемъ верблюжьихъ козъ.

О обезьянахъ. *Обезьяны* заслуживаютъ примѣчаніе по тому, что видомъ болѣе всякаго инаго животнаго походятъ на человѣка. Находятся многіе роды оныхъ, различные между собою видомъ, величиною и цвѣтомъ; и нѣкоторые изъ сихъ родовъ называются особливыми именами. Хотя онѣ четвероногія животныя, однако ходятъ по большей части только на заднихъ ногахъ, а переднія употребляютъ вмѣсто рукъ. Онѣ весьма переимчивы и склонны подражать людямъ; по чему жители тѣхъ странъ, гдѣ ихъ отечество, пріучаютъ ихъ къ разнымъ работамъ. Сказываютъ, что весьма удобно ловить обезьянъ слѣдующимъ образомъ: Человѣкъ разувшись приходитъ въ такое мѣсто, гдѣ бы обезьяна могла его видѣть, и надѣваетъ тамъ свои башмаки или сапоги, а по томъ уходитъ въ сторону и прячется, оставивъ на томъ мѣстѣ пару маленькихъ башмаковъ, которые обезьяна могла бы надѣть на свои ноги, и которые внутри вымазаны бываютъ смолою, либо какою нибудь иною клейкою матеріею. Какъ скоро человѣкъ уйдетъ, обезьяна прибѣгаетъ, и по склонности своей къ подражанію надѣваетъ оставленные башмаки или сапоги; а какъ она не можетъ въ нихъ бѣжать скоро, то легко бываетъ поймать ее. Также весьма удобно ловить сихъ животныхъ посредствомъ крѣпкихъ напитковъ. Приносятъ нѣсколько сосудовъ съ такими напитками туда, гдѣ есть обезьяны, и выпивши изъ оныхъ по немногу, уходятъ. Какъ скоро люди уйдутъ, обезьяны приходятъ, напиваются допьяна, и засыпаютъ; послѣ чего берутъ ихъ спящихъ. Животное, извѣстное подъ названіемъ *Оранг-Утанга*, или *лѣснаго человѣка*, есть безхвостая обезьяна, не имѣющая въ рту подъ щеками мѣшечковъ, какіе у прочихъ обезьянъ по большей части бываютъ, и видомъ похожая на человѣка болѣе всякой другой обезья-

ны.

ны. Находится въ Ост-Индіи, и весьма удобно привыкаетъ къ людямъ.

О суркѣ.

Хотя *сурокъ* (Glis montanus) ни величиною своею, ни видомъ, не заслуживаетъ отмѣннаго вниманія; однако можно разсказать о немъ много достойнаго примѣчанія; по чему краткое извѣстіе о семъ звѣркѣ будетъ вамъ не непріятно. Величиною онъ съ кролика, а видомъ походитъ на крысу; по чему и причисляютъ его къ роду большихъ полевыхъ мышей. Онъ имѣетъ два большіе глаза, и въ обѣихъ челюстяхъ по два длинные желтые зуба. Тѣло его покрыто долговатою шерстью, сѣрожелтоватаго или пепельнаго цвѣта. Лапы коротки, толсты, и похожи на медвѣжьи; у лапъ находятся толстые когти, которыми сурокъ глубоко роетъ землю. Сіи звѣрки часто ходятъ на заднихъ только лапахъ, держа передними свой кормъ, такъ же какъ бѣлка; по чему удобно пріучать ихъ къ плясанію. Они живутъ по большей части въ норахъ, которыя укладываютъ травою, сѣномъ и соломою. Въ одной норѣ живутъ обыкновенно 5, 7, 9, 11, или болѣе сурковъ вмѣстѣ. Они дѣлаютъ въ ней два отверстія, изъ которыхъ въ одно входятъ и выходятъ, а въ другое выносятъ нечистоту изъ норы. Разсказываютъ, что они лѣтомъ возятъ въ норы свои сѣно и солому весьма забавнымъ способомъ; а именно: одинъ сурокъ ложится на спину, поднимаетъ ноги вверьхъ, и составляетъ изъ себя какъ бы телегу; прочіе накладываютъ на сію живую телегу столько сѣна или соломы, сколько можно, и тащатъ ее за хвостъ къ норѣ своей, гдѣ складываютъ возъ. Однако справедливо ли сіе, за вѣрное сказать не можно. Сурки не выходятъ никогда всѣ изъ норы, но оставляютъ въ ней одного для охраненія. Сей сторожъ, увидѣвъ человѣка или какого нибудь звѣря, даетъ прочимъ знакъ громкимъ голосомъ, по которому они сбѣгаются всѣ въ свою нору, и закрываютъ оную за собою. Въ началѣ осени задѣлываютъ они оба отверстія въ норахъ, чтобъ снѣгъ и холодъ не могли туда проходить; а по томъ ложатся всѣ, составляя кругъ, и всю зиму спятъ. Сонъ ихъ состоитъ въ совершенной безчувственно-

ности, продолжающейся во все то время, пока бываетъ холодно; и въ семъ состояніи можно унести ихъ или убить, не примѣтивъ никакого знака чувствованія. Во время бури или дождливой погоды они не выходятъ изъ норъ, хотя бы сія погода была продолжительна; и вообще сіи звѣрки предчувствуютъ всякую перемѣну погоды; по чему служатъ вмѣсто барометровъ жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находятся. Естьли не видно сурковъ скачущихъ и играющихъ на горахъ: сіе служитъ знакомъ, что на другой день будетъ дождь. Естьлижъ они въ вечеру бываютъ веселы, то деревенскіе жители заключаютъ, что на другой день будетъ хорошая погода.

О бобрѣ. *Бобры* бываютъ длиною около четырехъ футовъ, и отъ двенатцати до пятнатцати дюймовъ въ ширину. Шерсть на нихъ въ сѣверныхъ странахъ черноватая, а гдѣ теплѣе, бурая. Сіи звѣри имѣютъ двоякую шерсть, одну длиннѣе и жесче, а другую весьма мяхкую, изъ которой дѣлаются разныя матеріи, шляпы и чулки. Бобры отличаются отъ всѣхъ другихъ четвероногихъ животныхъ большимъ широкимъ хвостомъ, покрытымъ чешуею, похожею на рыбью. Какъ у самцовъ, такъ и у самокъ находятся подъ брюхомъ два мѣшечка съ жидкою матеріею, называемою въ Медицинѣ *бобровою струею*, изъ которой Химики дѣлаютъ бобровую тинктуру и бобровыя капли, служащія весьма полезнымъ лѣкарствомъ въ нервныхъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ. Бобры находятся въ великомъ множествѣ у Гудсонова залива, въ Новой Англіи и въ Россіи; Россійскіе доставляютъ самую лучшую струю. Примѣчательнѣе всего въ сихъ звѣряхъ великое искусство ихъ въ строеніи своихъ жилищъ, которыя можно назвать мѣстечками или городами, по тому, что они живутъ вмѣстѣ большими обществами. Выбравъ удобное мѣсто на берегу рѣки, сперва стараются они достать дерева, которое могло бы служить для поддержанія кровли въ подземныхъ ихъ жилищахъ. Для сего ищутъ они деревъ толщиною съ человѣческую ногу, и сваливаютъ оныя, подгрызая зубами. По томъ обламываютъ сучья, и дѣлаютъ изъ нихъ колья длиною въ футъ, въ два

или

или три фута, какъ имъ надобно. Расположивъ сіи колья, какъ подпоры и перекладьт, переплетаютъ ихъ мѣлкими вѣтвями, и обмазываютъ глиною. Такимъ образомъ составляютъ они плотину, защищающую ихъ отъ наводненій. Кромѣ того, на случай наводненія строятъ себѣ верьхнее жилье, и переходятъ въ онос, когда вода поднимается; когдажъ вода сбываетъ, уходятъ обратно внизъ.

О Лапландскомъ оленѣ.

Лапландской олень (Rangifer) во всемъ походитъ на здѣшняго, только тѣломъ нѣсколько толще и на ногахъ ниже; также и рога имѣетъ нѣсколько отмѣнные. Онъ есть одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ животныхъ. Къ людямъ привыкаетъ онъ весьма скоро, и обыкновенно употребляется для ѣзды въ саняхъ, которыя возитъ съ великою скоростію. Молоко его, кожа, жилы, рога, шерсть и мясо также употребительны. Содержаніе сихъ животныхъ не стоитъ большихъ издержекъ; ибо лѣтомъ древесные листки и вѣтви составляютъ обыкновенную ихъ пищу, а зимою питаются они нѣкоторымъ мохомъ, вырываемымъ изъ-подъ снѣгу. Жители Лапландіи содержатъ ихъ въ великомъ множествѣ, и богатство въ сей землѣ опредѣляется по тому, сколько у кого оленей.

О ежѣ.

Ежъ есть небольшой звѣрокъ, величиною почти съ кролика, заслуживающій примѣчаніе по щетинистой кожѣ. Естьли человѣкъ или какой нибудь звѣрь хочетъ его схватить, то онъ вжимаетъ голову и ноги, свертывается клубомъ, и уставляетъ щетины свои, такъ что не можно схватить его не уколовшись. Но облитъ будучи водою, опускаетъ щетины; послѣ чего можно взять его удобно и безъ вреда. Сказываютъ, что лисица знаетъ сіе, и когда хочетъ поймать его, то сперва пускаетъ на него свою мочу, чтобъ онъ опустилъ щетины. Ежи дѣлаютъ въ норахъ своихъ два отверстія, одно на югъ, а другое на сѣверъ. Когда вѣтръ дуетъ съ югу, то они затыкаютъ южное отверстіе, а при сѣверномъ вѣтрѣ другое.

О колючей свиньѣ.

Колючая свинья имѣетъ много сходнаго съ ежемъ, но гораздо болѣе онаго, и бываетъ иногда длиною въ два фута. Также и щетины ихъ не равной величины; ибо у ежа бываютъ онѣ длиною не болѣе полутора дюйма, а у колючихъ свиней отъ двухъ до десяти дюймовъ и болѣе. Сіи щетины походятъ на трубочки, или на стволы перьевъ; до половины черныя, или темнаго цвѣту, а другая половина бѣлая; въ срединѣ толсты; въ концѣ плоски и остры. Колючая свинья употребляетъ ихъ для собиранія себѣ пищи и для обороны отъ своихъ непріятелей. Она валяется по упавшимъ съ дерева яблокамъ, грушамъ, или инымъ плодамъ, и уноситъ съ собою въ нору, что зацѣпитъ щетинами. Сказываютъ, что и ежи собираютъ себѣ пищу такимъ же образомъ. Колючія свиньи, въ случаѣ погони за ними, уставляютъ свои щетины, и колютъ ими своего непріятеля такъ глубоко, что нѣсколько оныхъ остается у него въ тѣлѣ. Сіи животныя, такъ же какъ и ежи, всю зиму спятъ.

О куницѣ.

Куницы бываютъ двоякаго рода. Однѣ живутъ въ дуплахъ; величиною поменѣе кошки; шерсть имѣютъ мяхкую, тонкую и густую, хорошаго темнокаштановаго цвѣту, по чему мѣхи ихъ дорогой цѣны; горло у нихъ желтоватое. Питаются медомъ, мышами и птицами. Медъ достаютъ себѣ изъ гнѣздъ земляныхъ пчелъ; а птицъ ловятъ ночью на деревахъ, по которымъ могутъ прыгать и лазать, какъ бѣлки. Также любятъ онѣ птичьи яица, и высасываютъ оныя, не разбивая скорлупы, но прогрызая на ней небольшую дырочку. Другаго рода куницы нѣсколько поменѣе первыхъ; шерсть имѣютъ темнокофейнаго цвѣту, а горло бѣлое; живутъ по большей части въ ущелинахъ каменныхъ горъ, въ старыхъ каменныхъ стѣнахъ, подъ кровлями въ пустыхъ конюшняхъ и иныхъ строеніяхъ. Питаются молодыми голубями, цыплятами, и другими птицами. Залѣзши въ голубятню или въ курятникъ, сперва передавливаютъ всѣхъ голубей или курицъ, а потомъ уже таскаютъ ихъ въ свои норы. Въ случаѣ нуж-

ды, когда не могутъ достать мяса, довольствуются яицами. Мѣхи изъ шкурокъ ихъ также хороши.

О ласкѣ.

Ласка видомъ весьма похожа на куницу, но гораздо менѣе оной, и цвѣту инаго. Она имѣетъ спинку блѣднокрасноватую, а брюшко бѣлое. Въ нѣкоторыхъ странахъ находятся также бѣлыя ласки. Сіи звѣрки, испускающіе отъ себя непріятную вонь, живутъ въ каменныхъ ущелинахъ, въ старыхъ хлѣвахъ и на сѣнницахъ. Они любятъ лазать по голубятнямъ и курятникамъ, гдѣ производятъ почти такоежъ опустошеніе, какъ и куницы; ибо передавливаютъ всѣхъ птицъ, которыхъ поимать могутъ, и высасываютъ яица. Между разными родами иностранныхъ ласокъ особенно заслуживаютъ примѣчаніе тѣ, которыя могутъ употребляемы быть къ ловлѣ кроликовъ, и по тому называются *кроликовыми ласками*. Сіи звѣрки, вывезенные сперва изъ Африки, нынѣ во множествѣ находятся въ Испаніи, Англіи, и другихъ Европейскихъ земляхъ. Они нѣсколько болѣе здѣшней ласки; шерсть имѣютъ желтоватую, а иногда черноватую, или бѣловатую; привыкаютъ къ людямъ, и могутъ употребляемы быть какъ гончія собаки, но только для ловли кроликовъ, которыхъ хватаютъ за шею, чтобъ высосать изъ нихъ кровь.

О горностаѣ.

Горностай во всемъ походитъ на ласку, только нѣсколько поболѣе оной. Онъ имѣетъ шерсть всю бѣлую и хвостъ съ чернымъ кончикомъ, которымъ отличается отъ бѣлой ласки. Сей звѣрокъ находится только въ холодныхъ странахъ, а особливо въ Сибири и Лапландіи. Питается по большей части птицами, яицами, мышами и рыбою. Горностаевые мѣхи принадлежатъ къ самымъ дорогимъ, и употребляются на подкладку царскихъ и княжескихъ мантій; почему горностай въ нѣкоторыхъ земляхъ называется *Царскою ласочкою*.

О соболѣ.

Соболь называется также *Сибирскою куницею*, по тому, что видомъ походитъ на сего звѣрка, и немного только поменѣе онаго. Находится во множествѣ въ Сибири. Шерсть его черная, или темнобурая, мягка, какъ шелкъ, и лоснится. Со-

больи мѣхи весьма дорогой цѣны; и для того ловятъ сихъ звѣркокъ особливыми западнями и сѣтьми, либо убиваютъ деревянными отрубками и тупыми стрѣлами, чтобъ не повредить шкурки.

О хорькѣ. *Хорïокъ* нѣсколько поменѣе куницы; видомъ походитъ на нея, но не имѣетъ когтей. Лапы его похожи на кошечьи. Шерсть двойная: одна покороче, желтоватая; а другая подлиннѣе, черная. Живетъ онъ по большей части подъ корнями большихъ деревъ, также на поляхъ и при ручьяхъ, гдѣ ловитъ мышей и рыбу. Онъ весьма опасенъ для голубей, курицъ, и другихъ птицъ, у которыхъ откусываетъ только головы и высасываетъ кровь, а мяса не ѣстъ. Моча сихъ звѣрковъ воняетъ весьма дурно; по чему нѣкоторые называютъ ихъ *вонючими звѣрками.* Шкурки ихъ употребляются въ мѣхахъ.

Объ овцѣ. Въ заключенïе сея главы упомяну о самомъ извѣстнѣйшемъ, безвредномъ, и самомъ полезнѣйшемъ животномъ. Вы легко можете догадаться, что я говорю объ *овцѣ*; ибо какое иное животное можетъ сравнено быть съ нею въ которомъ либо изъ помянутыхъ свойствъ? Какую пользу доставляетъ шерсть ея, которую люди всякой годъ остригаютъ для своего употребленiя! Сколько тысячь бѣдныхъ людей получаютъ пропитанïе отъ перебиванiя, чесанiя и пряденiя сея шерсти! Но еще гораздо большее множество занимается тѣмъ, чтобъ ткать изъ оной сукна, разныя другiя матерiи и чулки. Сiи товары чрезъ купцовъ отправляемы бываютъ во всѣ части мiра, и промѣниваемы на самыя драгоцѣннѣйшiя и великолѣпнѣйшiя произведенiя земли. Сколь многоразлично употребленïе овечьей кожи! Она доставляетъ пергаментъ для писанiя, либо выдѣлывается на одежду, либо дѣлаютъ изъ нея иныя полезныя вещи. Кромѣ того еще и мясо сего толь полезнаго животнаго служитъ намъ въ пищу.

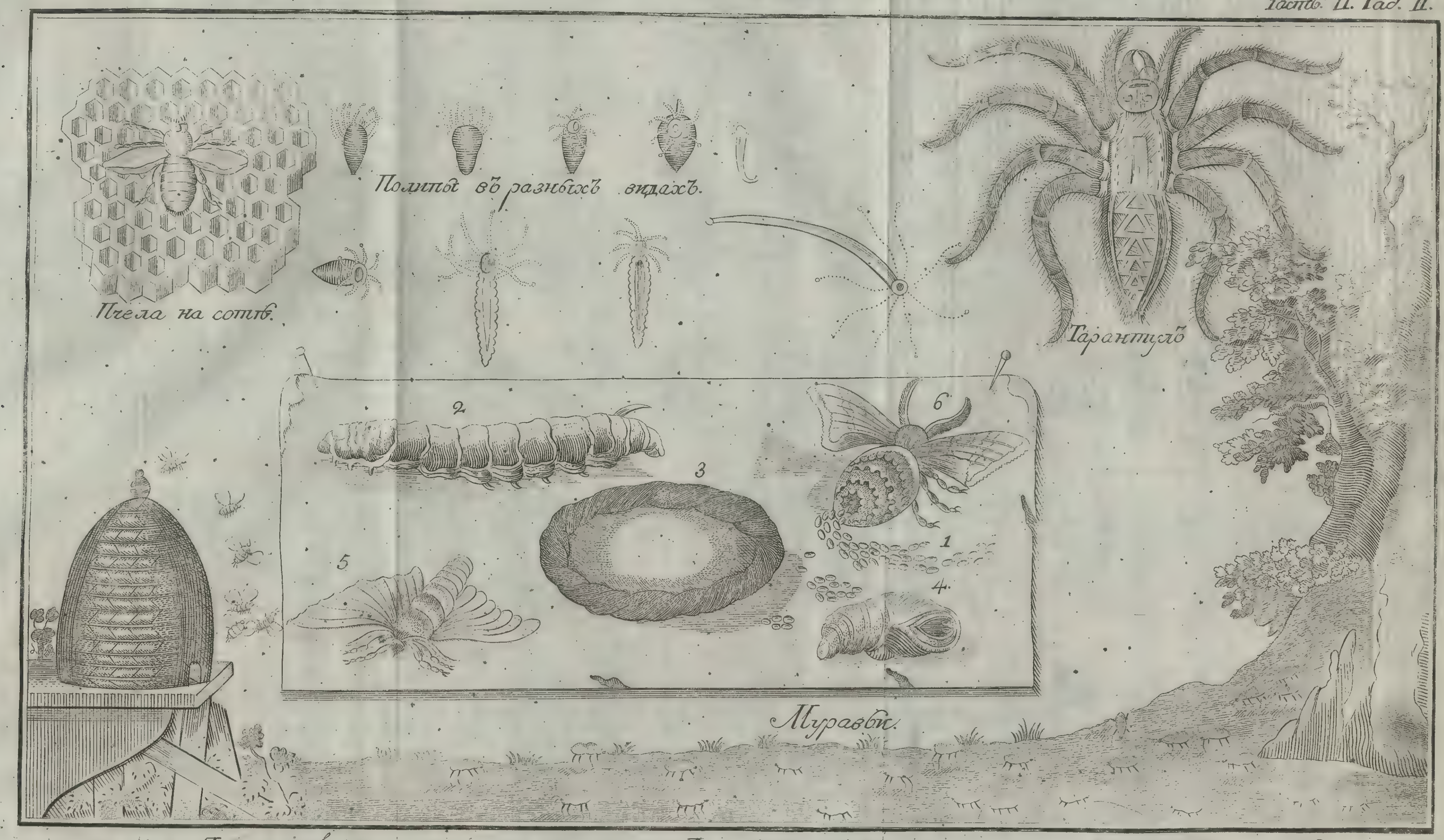
И такъ я предложилъ вамъ со всею возможною для меня краткостію и ясностію начертаніе нѣкоторыхъ изъ достойнѣйшихъ примѣчанія предметовъ, которые представятся разсматриванію вашему въ семъ видимомъ мірѣ. Теперь, по обѣщанію и расположенію моему, надлежало бы мнѣ заключить оное нѣкоторыми замѣчаніями о человѣкѣ, какъ послѣдней и благороднѣйшей твари Божіей. Но сіи замѣчанія были бы слишкомъ пространны и обременили бы разумъ вашъ слишкомъ многими понятіями. Мнѣ надлежало бы вопервыхъ разсматривать видъ и составъ тѣла его, купно съ удобствомъ и способностію разныхъ частей онаго къ произведенію опредѣленныхъ имъ дѣлъ; напр. какъ голова и мозгъ служатъ къ составленію плановъ, руки къ произведенію оныхъ въ дѣйство, и пр. При томъ имѣлъ бы я случай говорить о чувствахъ: объ удивительномъ устроеніи глаза и свойствахъ зрѣнія, объ устроеніи уха, также о звукѣ и слухѣ, о носѣ и обоняніи, о языкѣ и небѣ съ чувствомъ вкуса, о нѣжномъ чувствѣ осязанія, распространенномъ по всему тѣлу. Сіе привело бы меня къ разсужденію о душѣ и разныхъ ея силахъ, какъ-то ощущеніи, размышленіи, сужденіи, или способности рѣшиться. Надлежало бы говорить о великой пользѣ и выгодахъ рѣчи, или языка, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ сообщать другимъ свои мысли, и взаимно узнавать мысли другихъ: что весьма способствуетъ какъ пользѣ духа каждаго человѣка, такъ и увеличенію общаго познанія. При томъ упомянулъ бы я объ удивительныхъ силахъ воображенія и изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ могъ онъ изобрѣсть и довести до великаго совершенства самыя глубокомысленныя науки и весьма важныя искусства, и въ состояніи измѣрять и исчислять разстоянія, величину, движеніе и затмѣнія великихъ и безчисленныхъ тѣлъ небесныхъ. Онъ не только способенъ понимать все сіе, но посредствомъ важнаго и полезнаго изобрѣтенія буквъ и письма, можетъ непрестанно распространять свои понятія и передавать оныя потомству, дабы всякое новое поколѣніе человѣческое

могло

могло имѣть новые успѣхи въ познаніи. Толь велика и многообъемлюща наука о человѣкѣ! И такъ я предоставляю вамъ пріобрѣтать познаніе самихъ себя современемъ, когда вы будете имѣть болѣе опытовъ. Вы щастливы будете, естьли достигнете нѣкотораго совершенства въ ономъ прежде вступленія въ совершенныя мужескія лѣта.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Виноградная лоза
Виноградная кисть
Чайное дерево
Женскаго рода конопли
Мужескаго рода
Табакъ
Сахарной
тростникъ
Кофейное дерево
Дубъ



1. Яица шелковаго червя. 2. Червь. 3. Домикъ шелковаго червя. 4. Древесной червь.
5. Самецъ въ состоянiи бабочки. 6. Самка.

1: Тигръ. 2. Бобръ. 3. Колючая свинья 4. Пеликанъ 5. Аистъ.

6. Слонъ. 7. Велблюдъ. 8. Крокодилъ. 9. Страусъ. 10. Орелъ. 11. Обезьяна безъ хвоста. 12. Левъ самецъ. 13. Iôжъ. 14. Черепаха. 15. Куница. 16. Хорiонъ.